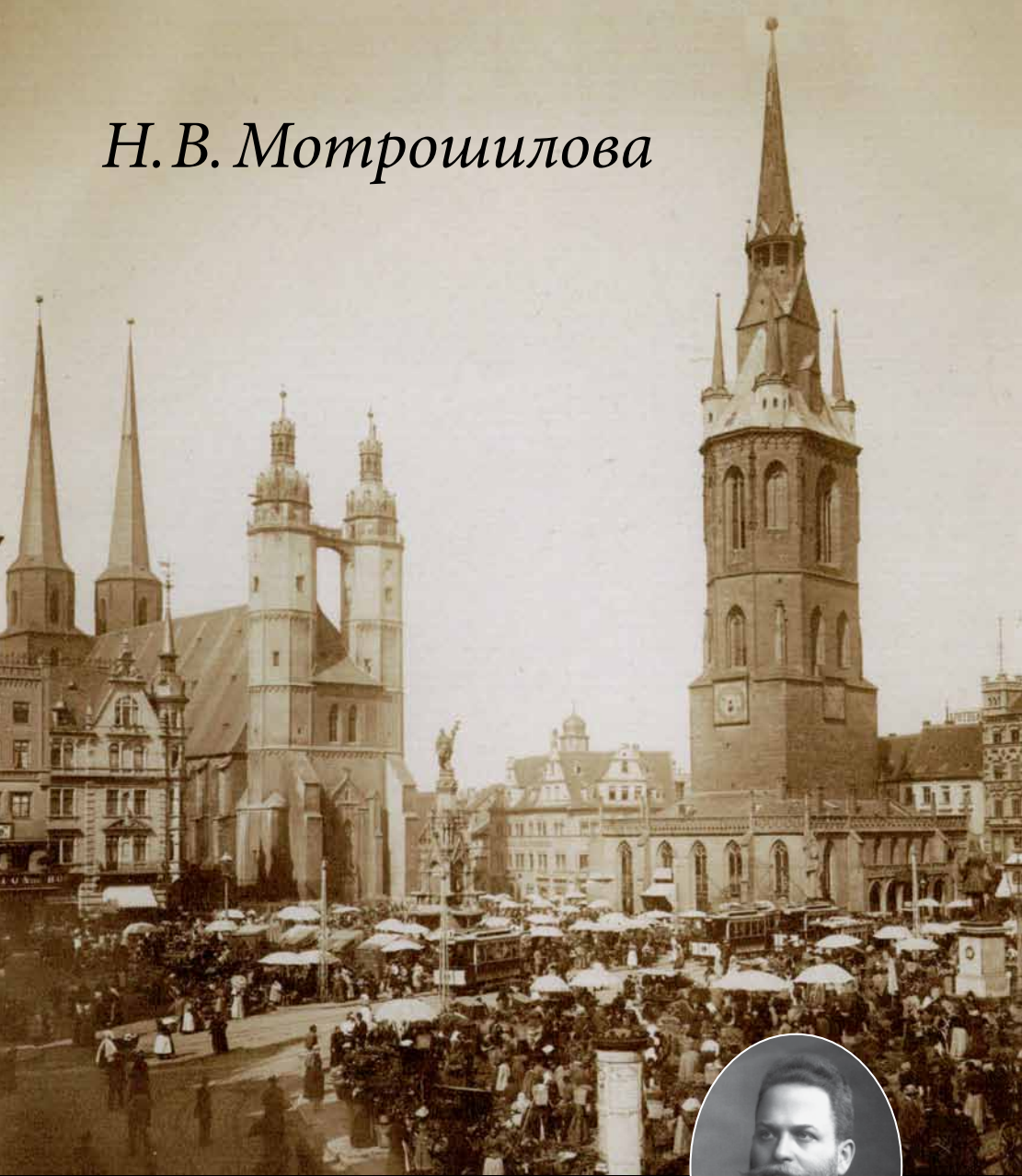

Н. В. Мотрошилова

Ранняя философия
ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

Галле, 1887–1901

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

Н.В.МОТРОШИЛОВА

Ранняя философия
ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

Галле, 1887–1901

Мотрошилова Н.В.

Ранняя философия Эдмунда Гуссерля (Галле, 1887–1901).

Исследование ранней философии Эдмунда Гуссерля направлено на ликвидацию сплошного «белого пятна» в освоении наследия этого мыслителя в России. Оно включает изучение социально-исторической ситуации в Германии последних десятилетий XIX века, т. е. конкретной среды, в которой Э. Гуссерль шел нелегким путем от математики к философии. Прослеживаются главные линии его духовного, философского развития и его деятельности в университете Галле-Виттенберг, а также взаимодействия в научном и философском сообществе.

В центре книги — до сих пор единственное в феноменологической литературе целостное текстологическое исследование “Философии арифметики”, первой значительной книги Э. Гуссерля (на русский язык она не переводилась). Особое внимание уделено первым “прорывам” будущих феноменологических идей Гуссерля.

Впервые в отечественной литературе вводятся в научный оборот гуссерлевские манускрипты, подготовленные для так и не опубликованного II тома “Философии арифметики” и напечатанные в “Гуссерлиане” только во второй половине XX века.

Взятая и рассмотренная в своей целостности, проблематика книги позволяет связать начальные этапы развития идей Гуссерля с пока не полностью ясными, но уже проступившими очертаниями его будущей феноменологии, с ее потенциальными возможностями, реализованными Гуссерлем и его последователями и приведшими к превращению феноменологии в одно из самых мощных философских течений XX века.

Сложный материал книги превращен автором в прозрачное, понятное и увлекательное повествование, что, несомненно, расширит круг ее читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

О чем эта книга и кому она адресована	13
Предисловие.....	16
Введение.....	20
Источники	27

ЧАСТЬ I.

Гуссерль в Галле.....	31
-----------------------	----

Глава 1. Город и университет:

страницы истории и конец XIX века	33
---	----

§ 1. Традиции духа и культуры в городе Галле	43
--	----

§ 2. Университет Галле—Виттенберг	46
---	----

Глава 2. Научно-педагогическая деятельность

Э. Гуссерля в Галле	56
---------------------------	----

Пролог: вначале был Франц Brentano	56
--	----

§ 1. Нострификация, габилизация Гуссерля в Галле	63
--	----

§ 2. Преподавательская деятельность Гуссерля в Галле.	
---	--

Трудный путь к признанию	68
--------------------------------	----

§ 3. Хождение по мукам.....	76
-----------------------------	----

§ 4. Оценки деятельности Гуссерля в Галле.....	81
--	----

§ 5. Главный итог пребывания в Галле: феноменология — «неожиданный и незванный гость» (Гуссерль).....	85
--	----

ЧАСТЬ II.

Философы старшего поколения

в Университете Галле-Виттенберг.....	89
--------------------------------------	----

Глава 1. Рудольф Гайм.....	91
----------------------------	----

Глава 2. Гуссерль и неокантианцы Университета Галле.

Бенно Эрдманн.....	99
--------------------	----

Вклад Бенно Эрдманна в историю кантоведения	106
---	-----

Глава 3. Г. Файхингер и ранний Гуссерль: опыт не вполне обычного сопоставления	111
---	------------

ЧАСТЬ III.

Идеи и авторы, в наибольшей степени повлиявшие на раннего Гуссерля.....	129
--	------------

Глава 1. Франц Brentano и ранний Э. Гуссерль.

Постановка проблемы, трудности в её решении	131
--	------------

§ 1. Идея «эмпирической психологии» у Brentano и ее отражение в Философии арифметики	135
§ 2. Проблема «психических феноменов» и тема интенциональности у Brentano: находки и трудности	138

Глава 2. Карл Штумпф и Эдмунд Гуссерль .....

§ 1. К. Штумпф о пространственных представлениях	153
§ 2. Подход Штумпфа к кантовской теории субъективных форм чувственности	156
§ 3. Исследование представлений как акта сознания	159
§ 4. «Самостоятельные» и «несамостоятельные» представления.....	163
§ 5. Значение книги К. Штумпфа «Психология звука» для ранней философии Гуссерля.....	165

Глава 3. Главные идеи Б. Больцано: предложения

и представления «сами по себе»	181
---	------------

§ 1. «Предложения (положения) сами по себе» (Sätze an sich)	185
§ 2. «Представления сами по себе» у Б. Больцано.....	188

Глава 4. Г. Кантор и Э. Гуссерль: взаимодействие идей .....

§ 1. Жизнь Г. Кантора и его труды	193
§ 2. Философская ориентированность математических исследований Г. Кантора.....	205

ЧАСТЬ IV.

Текстологический анализ идей

«Философии арифметики»	217
-------------------------------------	------------

Общий замысел Гуссерля (Предисловие)	219
--	-----

Введение к Философии арифметики: понятийная структура	226
--	-----

1. Понятие числа между понятиями натурального числа и множественности (I глава «Философии арифметики»)	234
2. Время, пространство, синтез и понятие числа (II глава «Философии арифметики»).....	244
Время и число: краткая полемика с Кантом	253
Размежевания Гуссерля с Ф.А. Ланге	255
Представления пространства и представления времени	256
Проблема синтеза	262
Поиски различий и тождества — играют ли они решающую роль в формировании понятия числа?	269
3. Отношения, «физические» и «психические» феномены (III глава «Философии арифметики»).....	282
Резюме к III главе	299
4. «Нечто», «Одно», «Многое» (IV глава «Философии арифметики»).....	308
«Нечто» (Etwas) и «Одно» (Eins)	312
5. V и VI главы «Философии арифметики»	319
6. Тема «эквивалентности» и значения кардинального числа (VII глава «Философии арифметики»). Начало полемики с Г. Фреге	325
7. Вторжение Гуссерля в историко-философские, логические и историко-математические дискуссии (VIII глава Философии арифметики)	339
8. «Смысл высказываний о числах» (IX глава Философии арифметики).....	349
9. «Числовые операции и числовые понятия» (X глава «Философии арифметики»).....	354
10. Понятие «символических представлений» в учении раннего Гуссерля (XI глава Философии арифметики).....	360
11. Символические представления о числах (XII глава “Философии арифметики”).....	372
12. Числовые системы	378
13. «Логические источники арифметики» (XIII глава «Философии арифметики»).....	382

Часть V.

После «Философии арифметики». Отклики 387

§ 1. Рецензия Фреге
на «Философию арифметики» Гуссерля 389

§ 2. Творческая работа Гуссерля после публикации
I тома «Философии арифметики»
(факты и свидетельства) 396
    Продолжение исследований по философии математики.....396
    Исследования по психологии 397

§ 3. Материалы ко II тому «Философии арифметики» –
общие определения и принципы
(XXI том «Гуссерлианы») 399

§ 4. Отдельные факты деятельности (после 1887 года)
Гуссерля в Галле (согласно: Karl Schuhmann. Husserl-Chronik.
Denk – und Lebensweg Edmund Husserls. –
Husserliana. Dokumente. Bd. I Den Haag.
Martinus Nijhoff. 1977).....405

§ 5. Case study: лекции Э. Гуссерля
по истории философии (1887–1888) 410

§ 6. Наиболее важные работы и идеи раннего Гуссерля
(по публикациям и манускриптам в XXI
и XXII томах «Гуссерлианы») 416

    6.1. Ранний интерес Э. Гуссерля к семиотике 416

    6.2. Работы Гуссерля по логике середины
    и конца 90-х годов XIX века 419

    6.3. О манускрипте Э. Гуссерля.
    «Интенциональные предметы»(текст 1894 года) 439

К истории текста 439

*Послесловие к манускрипту Э. Гуссерля
        об интенциональных предметах* 465

*Зрелая теория интенциональности Гуссерля
        и ранние разработки Гуссерля* 472

ЗАКЛЮЧЕНИЕ I

Амбивалентность авторских самооценок и долгий негативизм исследователей в отношении

«Философии арифметики» 477

ЗАКЛЮЧЕНИЕ II

К вопросу о соотношении логического, философского и психологического подходов в «Философии арифметики»	486
---	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ III

Раннее учение Гуссерля, его связь с философией	508
---	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ IV

Ранний Гуссерль: открытие-предчувствие «необъяснимо чуждого» феноменологического мира (гипотеза)	516
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение к I части. Case Study: Spirituskreis	525
---	-----

Приложения ко II части	538
------------------------------	-----

1. Экскурс в историю математики второй половины XIX века в её соотношении с ранней философией Гуссерля	538
--	-----

<i>Предуведомление</i>	538
------------------------------	-----

<i>Влияние идей К. Гаусса</i>	540
-------------------------------------	-----

<i>К. Вейерштрасс и теория чисел</i>	542
--	-----

<i>Тема «анализа». Вейерштрасс, и Гуссерль</i>	544
--	-----

<i>Вклад Р. Дедекинда в теорию чисел.</i>	
---	--

<i>Дедекинд и Гуссерль</i>	550
----------------------------------	-----

2. Экскурсы в историю философии и психологии конца XIX и XX века.	553
--	-----

<i>1. Вильгельм Вундт (1832–1920)</i>	553
---	-----

<i>2. Рудольф Герман Лотце (1817–1881)</i>	562
--	-----

<i>Г. Лотце о Платоне и «платонизме»</i>	574
--	-----

<i>Заключение</i>	577
-------------------------	-----

3. Экскурсы. Наиболее важные современные исследования философии математики раннего Гуссерля	578
---	-----

<i>Рoger Шмит (Roger Schmit)</i>	578
--	-----

<i>Теодор де Бур о «Философии арифметики» Гуссерля</i>	584
--	-----

Приложения к V части	
----------------------	--

К анализу идей интенциональности раннего Гуссерля	587
---	-----

1. Дитер Мюнх об исследовании интенциональных предметов у раннего Гуссерля	587
<i>Специфика осмысления интенциональности</i> <i>у раннего Гуссерля .....</i>	<i>595</i>
2. Два противоположных движения (две тенденции) в истории философии: к образу субъекта познания как субъекта «чистого мышления» или к учету многих других способностей и функций человека как субъекта.....	602
<i>Ранний Гуссерль и начавшийся пересмотр модели</i> <i>«чистого», только мыслящего, «разумного» субъекта .....</i>	<i>604</i>
3. Case study: О современном расширении диапазона феноменологических исследований проблем интенциональности — по книге «(Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за её пределами»	608

О ЧЕМ ЭТА КНИГА И КОМУ ОНА АДРЕСОВАНА

ЭТА КНИГА — О ТОМ, КАК:

- молодой математик Эдмунд Гуссерль, защитивший математическую диссертацию у выдающегося ученого К. Вейерштрасса, под влиянием лекций Ф. Brentano заинтересовался философией;
- он в 1887 году отправился в Университет Галле для защиты габилитационной диссертации (у Brentановского ученика профессора К. Штумпфа) и защитил её;
- он в течение 13 лет жил в Галле и преподавал в Университете Галле-Виттенберг, прокладывая свой путь от математики к философии;
- философские, научные идеи и течения второй половины XIX века запечатлелись в деятельности самых известных ученых того времени, его университетских коллег (Р. Гайм; Б. Эрмманн, Г. Файхингер, К. Штумпф, Г. Кантор и многие другие), оказав то или иное влияние на творческое становление раннего Гуссерля;
- Гуссерль писал свою первую большую книгу «Философия арифметики», в 1891 году опубликовав её I том, где откликнулся на многие труднейшие философско-математические, логические и психологические проблемы своего времени;
- в «Философии арифметики» отразились и достижения, и слабости тогдашних наиболее важных для раннего Гуссерля дисциплин (математика, философия математики, логика, психология), их размежевания и попытки нового синтеза;
- «Философия арифметики», вместе с тем, уже стала предчувствием-провозвестием ряда поворотов к феноменологической философии и к её идеям;
- в процессе подготовки «Философии арифметики», опубликования её I тома Гуссерль создал многочисленные ценные манускрипты для так и не опубликованного II тома сочинения, которые в наиболее полном виде увидели свет в «Гуссерлиане» лишь к концу XX века;
- в последнее десятилетие XIX столетия Гуссерль проделал огромную работу по освоению также и современной ему литературы по (философской) логике, результатом которой стали «Логические исследования», признанные одним из важнейших сочинений начала XX века;

- в истории феноменологии творчество раннего Гуссерля вплоть до завершающих десятилетий XX века оставалось, а в философии России до сих пор остается, *terra incognita*.

ЭТА КНИГА АДРЕСОВАНА ТЕМ, КТО:

- интересуется становлением личностных устремлений философов-новаторов и стремится осмыслить их связь с историческими тенденциями эпохи, специфическими особенностями исторических ситуаций, с идейными констелляциями тех дисциплин, в рамках которых протекает их работа;
- стремится расширить свои знания в той области, в которой речь идёт о синтезе математических и философских подходов к проблемам числа, числовых понятий и соответствующих процессов в сознании;
- занимается исследованием феноменологии, но до сих пор имеет, мягко говоря, слабое представление о ранних годах творчества Гуссерля, совпавших с его пребыванием в Галле;
- заинтересован в преодолении неграмотности относительно I тома «Философии арифметики» и подготовленных Гуссерлем материалов ко II тому этого труда, появившихся только ко второй половине XX века и, как правило, ещё не освоенных многими специалистами-феноменологами;
- хочет получить ориентацию относительно лучшей западной литературы, посвященной ранней философии Гуссерля;
- интересуется зарождением новых философских направлений и их трудным вхождением в научный и философский мир;
- не являясь философом, хочет составить более полное представление об истории, процессах размежевания и синтеза различных дисциплин, в особенности философии, психологии и логики;
- следит за материалами, освещающими сложный спор Гуссерля и Фреге, в толковании которого накопились трудности, противоречия, предрассудки;
- интересуется приключением новых идей, их прорывом в духовный мир и последующей трансформацией.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаю свою признательность научным фондам:

- Немецкому фонду им. А. фон Гумбольдта, лауреатом которого имею честь быть;
- DFG – Немецкому исследовательскому обществу – за их поддержку, позволившую в 2000 годах начать и завершить в Германии, в городе Галле (Halle), исследование ранней феноменологии Гуссерля, родившейся именно в этом городе.

- Благодарю Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) за предоставление сначала исследовательского, а теперь и издательского гранта по этой серии моих историко-философских, а именно историко-феноменологических разработок.
- Так получается, что — вместе с книгой об «Идеях I» 2003 года, а также вместе с осуществленными в XXI веке разработками, посвященными позднему Гуссерлю (о его «Кризисе европейских наук...», о темах «жизненного мира») — данная первая и запланированная вторая книги о раннем Гуссерле должны как бы замкнуть мои многолетние исследования, посвященные истории феноменологического движения, одного из самых серьезных и перспективных в современном мире.
- Благодарю Издательство «Прогресс-традиция» и лично главу его Б.В. Орешина, зам. директора Е.Д. Горжевскую за оперативную, высокопрофессиональную работу по изданию моей книги.
- За многолетнюю техническую помощь по подготовке рукописей — в том числе этого произведения к печати — благодарю И.А. Лаврентьеву.
- За компьютерный набор также и этого произведения благодарю Т.В. Прохорову, а за его коррекцию — сотрудницу сектора Е.С. Марчукову.
- И последнее по порядку, но не по значению. Книгу 2003 года я посвятила светлой памяти моего мужа Ю.А. Замошкина. Это произведение (в двух книгах) тоже неотделимо от нашего с ним жизненного союза, от всех корней и событий, роль которых, в частности, в моей феноменологической работе, всегда была поистине центральной.

И снова — за постоянную, прочную и добрую жизненную поддержку, особенно важную на склоне моих лет, от всего сердца благодарю моего сына Андрея Юревича, его жену Ирину Цапенко и внука Максима Юревича.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа, предлагаемая вниманию читателей, создана после того, как был пройден долгий путь исследования феноменологии, который по существу длится всю мою творческую жизнь. Еще в 1956 году, в студенческие годы, я стала заниматься «Логическими исследованиями» Эдмунда Гуссерля и написала дипломную работу, посвященную 2 тому этого выдающегося сочинения (тогда ещё не переведенному на русский язык). Моим научным руководителем был профессор МГУ Валентин Фердинандович Асмус, один из лучших историков философии советского времени. Как теперь понимаю, сам выбор темы, для этого времени более чем необычный, оказался для меня счастливым: я нашла для своих исследований то философское направление, которым с увлечением занимаюсь до сегодняшнего дня. И которое, что много важнее, набирало теоретические потенции, содержательность, обретало все большее число последователей и исследователей как в XX, так и в XXI веке. Первая книга, мною опубликованная, называлась «Принципы и противоречия феноменологической философии» (Москва, 1967). Конечно, в дальнейшем работа велась мною не только над исследованием феноменологии: были написаны и опубликованы книги и многочисленные статьи, посвященные философии XVII века, учениям Канта, Гегеля, Ницше, Хайдеггера. Также исследовался процесс развития русской философии конца XIX — начала XX века, особенно в контексте ее взаимодействия с философией Запада. Эти исследования помогали, когда снова довелось возвращаться к феноменологии Гуссерля, что стало для меня своего рода творческой потребностью¹.

В 2003 году была опубликована моя большая книга «“Идеи I” Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию», в которой под-

---

¹ Перечень моих работ, посвященных феноменологии, читатель найдет в общем библиографическом разделе в конце книги.

робно исследовалось выдающееся произведение основателя феноменологии «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913 г.). Он сам трактовал его как введение в феноменологическую философию, какой она сложилась уже после «Логических исследований». В книге 2003 года был подведен итог многолетней работы над феноменологией, хотя ни в чем буквально не воспроизводились прежние публикации. Эта книга была написана на новом витке развития, в период, когда внешние условия уже не влияли на свободу творчества в России, когда мне предоставилась возможность еще основательнее поработать над феноменологической литературой в архивах Гуссерля (прежде всего в Кёльне). Правда, и раньше повезло заполучить беспрецедентные для России возможности доступа к сочинениям Гуссерля (Husserliana), к серии «Phaenomenologica» — благодаря поистине счастливой для меня ранней встрече с легендарным директором архива Гуссерле в Лувене Людвигом Ван Бреда, который распорядился о присылке мне в Москву этих изданий (распоряжение, увы, перестало действовать сразу после его смерти...). Другое обстоятельство, позволившее постоянно держать руку на пульсе феноменологической работы во всем мире — личные знакомства и контакты с выдающимися феноменологическими авторами XX века. Кроме Л. Ван Бреда это были: Ст. Штрассер, Д. Фёллесдал, Х. Дрейфус, Д. Смит и Р. Макинтайр, Г. Кюнг, П. Янссен, В. фон Херрманн, Х. Отт, Т. Рокмор, А.-Т. Тыменецкая и другие. Особого упоминания заслуживает Архив Гуссерля в Кельне, где я неоднократно работала во время пребывания в этом городе. Сотрудникам архива — важнейшему специалисту в области феноменологии Д. Ломару и Х. Пейкеру — особая благодарность. (Ссылки на исследования вышеперечисленных авторов читатель найдет в книге об «Идеях I» и в данной работе).

В процессе моей многолетней работы в философии помимо «Идей I» в центре внимания постоянно находились «Логические исследования» и другие произведения Гуссерля. Был проделан и представлен читателям подробный и, надеюсь, достоверный текстологический анализ второго тома этого замечательного гуссерлевского труда, осуществленный ещё до того, как само произведение было переведено на русский язык. (Часть моих публикаций на эту тему переведена на английский язык. См. *Analecta Husserliana*, v. XXVII).

Ретроспективное обращение к «Логическим исследованиям» есть и в упомянутой книге, посвященной «Идеям I».

Для книги 2003 года был написан краткий раздел о становлении идей Э. Гуссерля, о его вхождении в философию, в частности, о его пребывании в Галле. Между тем тема эта все больше овладевала мною, все время гнездилась в сознании. Окончательным толчком к её освоению в виде исследовательского проекта стало участие в посвященной Хр. Вольфу конференции, которая состоялась в Галле. Первое пребывание в Галле произвело на меня сильное впечатление. Можно было почувствовать атмосферу этого замечательного, кстати, неплохо сохранившегося университетского города, что для меня лично всегда было очень важно. (Так, когда я заканчивала свою книгу «Путь Гегеля к “Науке логики”», то посещения Штутгарта, Йены, Бамберга или Гельдейберга — по приглашению Hegelvereinigung — были дополнительными источниками вдохновения.) Очень захотелось именно здесь, в Галле, поработать над темой «Гуссерль в Галле», про которую было известно: она чрезвычайно важна, а исследована мало. Поделилась своими идеями и планами с Ю. Штольценбергом, тогда профессором философии в Галле. И встретила его понимание. Когда работала именно в Галле, то постоянно опиралась на поддержку проф. Ю. Штольценберга, рассказывала о своих идеях, получала ценные советы и ориентации. Пользуясь случаем, выражаю ему благодарность за помощь и за саму возможность побывать в Галле, поработать здесь. (Слово «здесь» употреблено потому, что пишу эти строки именно в Галле, за письменным столом в квартире, которая на три месяца стала мне «домом», моим «zu Hause» (как говорят немцы.) Из окна вдалеке вижу шпили города Галле. Здесь меня окружали и многочисленные книги, статьи, фотографии, которые помогли погрузиться в атмосферу эпохи конца XIX века. Хотелось именно на земле Галле, бывая в её прославленном Университете, передать хотя бы отчасти приметы места и времени — конца XIX века. К эпохе конца XIX века, признаться, испытываю особую привязанность, что видно в других моих работах, например, посвященных Ф. Ницше и Вл. Соловьеву — авторам, о которых Э. Гуссерль тогда или не писал или ничего не знал, но которые, как и он, в то же время параллельно работали над выработкой новых философских парадигм, оказавшихся столь новаторскими

и влиятельными, что во многом предвосхитили и определили развитие философской мысли уже в XX веке.

По инициативе Ю. Штольценберга была подана заявка в DFG (Немецкое исследовательское общество), которое в 2005–2006 гг. сделало возможным мое трехмесячное пребывание в Галле. Выражаю благодарность DFG, без поддержки которого, пожалуй, не было бы этой книги или, во всяком случае, она писалась бы не в Галле, т. е. не там, где именно и рождалась ранняя гуссерлевская философия. Вторую возможность поработать в Галле предоставил мне в 2007 году фонд имени Александра фон Гумбольдта, лауреатом премии которого имею честь быть и благодарность которому за неизменную поддержку снова хотела бы выразить. А читатель, надеюсь, увидит и поймет, сколь многое в предлагаемой теперь работе определялось благотворным, иницилирующим влиянием места и времени, т. е. той «топографической точки», где все происходило (Галле, университет Галле), и аурой той исторической эпохи в развитии немецкой мысли, в частности, связанной с Университетом Галле-Вюртемберг. А реконструировать последнюю лучше всего было, конечно же, в самом этом городе.

Самая горячая признательность — тем людям, которые в Галле оказали мне неоценимую помощь, дав ориентацию в литературе, отвечая на мои конкретные вопросы, давая вполне конструктивные советы. Моя особая благодарность — проф. Регине Мейер, чья личная помощь и чьи работы (что легко заметит читатель по соответствующим ссылкам) тщательно использованы в Приложении к данной книге, в серии «Case studies» (оно является исследованием конкретных исторических дел, обстоятельств, относящихся к деятельности научного сообщества Галле конца XIX века). С соавтором Р. Мейер, г-ном Гюнтером Шенком, встретиться не удалось, но моя благодарность за широко использованные здесь обстоятельные исторические исследования этих двух авторов («Der Spirituskreis», «Beförderer der Logik»), разумеется, относится и к нему.

Я также выражаю благодарность господам Катарине Фай (K. Vey) и Кристине Кантхак (Kanthak), которые в Галле оказывали мне разнообразную техническую помощь, и г-ну О. Рудольфу, к которому я обращалась за различными советами, относящимися к компьютерным наброскам работы.

ВВЕДЕНИЕ

«Гуссерль в Галле» — эта увлекательная тема, уже ставшая предметом отдельных, пусть не слишком многочисленных, но, как правило, тщательных исследований немецких философов и историков (на них буду постоянно опираться в предлагаемой работе), еще ждет *целостного систематического* изучения и прочтения. Ее значимость вполне ясна и в целом (но только в целом) уже очерчена в специальной литературе.

Именно в Галле будущий выдающийся философ XX века, математик по образованию Эдмунд Гуссерль, искавший свой путь в науке, окончательно определил для себя, что посвятит свою жизнь философии. Такое жизненно важное решение созрело не сразу. Защитив в Венском университете в 1883 году, в двадцатичетырехлетнем возрасте, выполненную под руководством и влиянием видного математика Карла Вейерштрасса первую — математическую — диссертацию на тему «Очерки по теории исчисления вероятностей» (*Beiträge zur Theorie der Variationsrechnung*) и став «доктором философии» (что просто означало первую — докторскую, а в нашем понимании кандидатскую — ученую степень), Гуссерль, уже под влиянием видного австрийского философа и психолога Франца Brentano, стал двигаться от математики к философии. Промежуточной станцией на этом пути была, что естественно, философия математики, правда, понятая и взятая молодым ученым в весьма широком значении (это, как будет показано в дальнейшем, соответствовало духу времени и особенно духу математики, развивавшейся в Германии).

Внимание начинающего исследователя привлекли центральные для математики, в частности и в особенности для арифметики, проблемы осмысления понятия числа и, в более широком смысле, осуществления «исчислений» (*Kalkül, Rechnung*). Теме числа и была посвящена

вторая, габилитационная диссертация Э. Гуссерля (*Über den Begriff der Zahl*), которая к 1887 году уже была готова и защищать которую он отправился в Университет Галле — по совету того же Brentano и с его письмом-рекомендацией, адресованным бывшему его ученику, а тогда профессору-ординариусу этого университета Карлу Штумпфу.

После сдачи необходимых экзаменов и защиты диссертации Гуссерль стал приват-доцентом в Университете Галле — Виттенберг. Как складывалась его педагогическая деятельность в Галле, через какие жизненные и профессиональные трудности пришлось пройти за тринадцать лет жизни в этом городе — особый вопрос, который будет подробно освещен в данной книге (с опорой на превосходные конкретные исследования современных немецких историков, пока совершенно неизвестные в России).

С первых шагов своей педагогической деятельности Гуссерль читал лекции и вел своего рода практические занятия (*“Philosophische Übungen”*), посвященные *самым широким философским проблемам* (введение в философию, в теорию познания; история философии нового времени; философия Канта; основные проблемы этики; проблемы логики; свобода воли и доказательства бытия Бога и т. д.). Независимо от того, был ли это только собственный выбор вчерашнего математика или его — скорее — обусловили внешние обстоятельства, ясно одно: Гуссерль в Галле прочно вступил в профессиональный мир философии; и он должен был там освоиться, найти в нем свое место. Чтобы понять, что это означало в тогдашних условиях, в дальнейшем нам нужно будет подробно выяснить, какие конкретные типы философствования сосуществовали и боролись на философской сцене конца XIX века вообще, на почве немецкой философии, в частности, и в философском сообществе Галле, в особенности, к каким из них Гуссерль стоял ближе, а с какими боролся и полемизировал.

Главное же, необходимо вполне *конкретно и тщательно* разобраться в том, какие возможности и перспективы *новаторского* философского исследования открыл для себя Гуссерль, сначала ошупью, а потом все увереннее двигаясь по дороге *не полностью нового для тогдашних философии, логики, психологии междисциплинарного синтеза и исследования, но все же оригинального и в основе своей именно философского (а не психологического)*, в конце концов приведшего к блестя-

шему результату — эпохальному двухтомному труду “Логические исследования”. И хотя в развитии самого Гуссерля это не был конечный пункт, пусть преобразования своего сложного и глубокого учения он осуществлял всю жизнь, — именно в Галле им было сделано, в первых очертаниях, выдающееся философское открытие XX века. Им стала, как известно, *философская феноменология нового типа*, уже тогда, к началу века, так или иначе объединившая оригинальную теорию и тончайшую по своим процедурам, неизвестную прошлому философскую же методологию.

Считаю, что до сих пор не даны убедительные и развернутые ответы на целую группу чрезвычайно важных и интересных вопросов. И вот они: какие внешние влияния, события и процессы в научной и философской жизни, дискуссии в ближайшем и дальнем сообществе ученых, наконец, какие личностные переживания должны были сплестись в единый и прочный узел, чтобы состоялось упомянутое философское открытие Гуссерля? Какие философские идеи, которые, так сказать, носились в воздухе тогдашней философии и науки, были подхвачены, переработаны Гуссерлем и тем самым способствовали его новаторскому прорыву («Durchbruch», прорыв — это слово самого философа, отнесенное к «Логическим исследованиям»)? И какие тенденции, установки философии, науки, культуры должен был преодолеть молодой ученый, чтобы проложить дорогу вызревавшим в его уме новым идеям? Какие личностные качества он должен был развить в себе, чтобы справиться со многими житейскими, профессиональными и другими трудностями, обусловленными скудным заработком, проблемами и заботами растущей семьи, непроченным положением в университетской иерархии? Какие друзья и коллеги в наибольшей степени сглаживали «горечь» (слова самого Гуссерля) трудностей, медленного процесса признания его таланта? Признания не со стороны наиболее значительных умов университетского круга Галле, ибо они достаточно быстро распознали в Гуссерле настоящего ученого и стремились упрочить его положение. А со стороны принимавших практические решения чиновников сферы образования. На эти и другие вопросы в литературе вообще-то существуют ответы, но в этой книге хотелось исследовать тему и более конкретно, и в более целостной, систематической форме. И, пожалуй, главное, что подтолкнуло к углублению в избранную тему: существует настоятельная необходимость преодолеть досадный

разрыв между *чисто историческим*, фактологическим подходом к философским явлениям и процессам (при этом никак нельзя отрицать значительные заслуги историков, особенно тех, которые добыли множество архивных документов по интересующей нас здесь теме — они здесь широко использованы) и подходом *внутрифилософским*.

Это, в частности, означает, что надо *привести в связь исторические факты*, обстоятельства весьма различного характера и научный, *философский труд* самого Гуссерля, что пока далеко не всегда удавалось исследователям. Здесь к теме «Гуссерль в Галле» применена специальная методология исследования философии в социально-философском, духовно-нравственном, внутринаучном контекстах, которая была разработана и использована в целом ряде моих историко-философских исследований 60–90-х годов XX века, как и в публикациях последнего времени. Она будет подробнее охарактеризована и применена, в частности, в первых частях книги, при анализе общественно-исторического контекста и ситуации в Галле в конце XIX века.

В своих историко-философских работах я всегда придавала и придаю особое значение *личностному миру философа*, процессу формирования этого мира под влиянием и общеисторических трансформаций, и всего того, что происходит в его стране, особенно в ближайшем к нему сообществе. Ценности, установки личности и сообщества, их необходимая переоценка, историческое чутье философа и его способность предвидеть, предчувствовать динамику истории — вот те важнейшие проблемы, которые исследованы в данной книге применительно к историческому отрезку, совпавшему с деятельностью Гуссерля в Галле. И считаю это тем более важным, что именно там и тогда удивительным образом интерферировали процессы поистине коренных, судьбоносных преобразований в обществе, науке, философии и в личностном движении самого Гуссерля.

Приехавший в Галле, по понятиям того времени, молодым человеком (ему было 27 лет), Гуссерль встал перед многими вызовами как объективного, так и субъективно-личностного свойства. Он хотел и должен был стать ученым. А из всех данных и документов ясно, что сие означало именно для него: он всегда ставил перед собой новаторские и невероятно трудные исследовательские задачи; он не знал покоя, пока не добивался заметного успеха — что, впрочем, снова стано-

вилось для него всего лишь вызовом: добиться в философии еще большей ясности, основательности, глубины.

В историко-философской работе меня всегда привлекала также тема молодости, ранних этапов творчества философа. Представляется, что историки философии в погоне за изображением уже достигнутых тем или иным выдающимся мыслителем блестящих результатов нередко упускают из виду удивительный по своей таинственности и значимости *процесс становления философского ума и философских идей*, который, кстати, может особенно интересовать и даже интриговать молодых людей, намечающих для себя перспективу вхождения в мир культуры, науки, философии.

Итак, тесное, органическое *переплетение* процесса грандиозных исторических трансформаций, выпавших на эпоху *fin de siècle*, конца XIX и начала XX века и нашедших многочисленные выражения в науке, культуре вообще, философии, в частности, и протекавшего в Галле (процесса, во многом связанного именно с местными культурными, научными условиями, событиями, с жизнью университета Галле) напряженного поиска Гуссерлем оригинального, нового пути в философии, завершившегося «Логическими исследованиями», — таковой была стержневая линия первой части исследования, результаты которого предложены здесь благосклонному, надеюсь, вниманию читателей.

В последующих частях книги осуществлена конкретная исследовательская работа, цель которой — детально охарактеризовать то *поле* научных тем, принципов, подходов, решений, на котором Гуссерль оказался именно в Галле, причем в круге непосредственных творческих влияний, исходивших от близких ему направлений и идей, и которое, вместе с тем, было *репрезентативным* для науки и философии его времени. Следует добавить, что методология такого исследования тоже разработана в весьма малой степени. По большей части используются непосредственные ссылки в работах исследуемого философа (в данном случае Гуссерля) на работы других ученых, в том числе наиболее близких по духу и идеям. Этот простейший прием по-своему продуктивен, и не воспользоваться им было бы неверно. Однако здесь есть существенная теоретико-методологическая трудность. Ведь *реальные* влияния, *действительная* зависимость того или иного ученого от *контекста и поля идей* своих предшественников и современников, —

в особенности от выработки новых парадигм в других *узлах* исследований, из-за своей актуальной новизны до поры до времени остающихся неизвестными, — всегда *шире, глубже, основательнее*, чем можно ухватить через прямые цитаты, ссылки и упоминания.

Идейно-творческая атмосфера, которая складывается в тот или иной период, в том или ином научном сообществе — это вообще весьма тонкая, однако совсем не некая призрачная *материя* для исследователя. Охарактеризовать ее, разобраться в сплетении ее нитей, не ограничиваясь тем, что *субъективно* ухватили и зафиксировали сами участники процесса, а проникая в то, что сплелось, работало объективно и складывалось в некоторую целостность, — вот одна из задач, которая ставилась в этой книге применительно к теме «Гуссерль в Галле». Особенно важно было сосредоточиться на вопросе о том, где возникали и как интерферировали в тот во многих отношениях переломный период волны новаторства, *усилия по поиску новых парадигм*, предпринимаемые и при непосредственных взаимовлияниях, и параллельно — причем осуществляемых на почве не одной, а многих научных дисциплин, теоретических полей. (Тема «Г. Кантор — Э. Гуссерль», до сих пор очень мало и поверхностно исследованная, кажется мне в этом отношении особенно показательной и красноречивой.)

И еще одно уточнение: когда речь идет об *интерференции* духовных волн, это вовсе не означает, что воздействующие друг на друга влияния принимаются позитивно, без возражений. В становлении и деятельности выдающихся творческих личностей, к каким, несомненно, уже со времени своей молодости принадлежал Э. Гуссерль, по существу всегда имеет место *диалог* — пусть по форме он подчас (хотя и не всегда) бывает вежливой и почтительной ссылкой на сделанное предшественниками, учителями, коллегами, но по сути и содержанию это, как правило, *острый, серьезный, содержательный спор* вокруг проблем, обладающих живой актуальностью, а одновременно непреходящей значимостью для науки и культуры. И эту сторону дела мы рассмотрим конкретно и тщательно, анализируя творческий мир молодого Гуссерля.

В последующих частях книги будут подробно проанализированы сочинения раннего Гуссерля. В центре анализа стоит «Философия арифметики» — своеобразное *резюме* более ранних разработок Гуссерля. По отношению к нему исследовательская претензия автора этих

строк состоит в том, чтобы по-новому взглянуть на научные достижения раннего Гуссерля, повысить в глазах исследователей и читателей *самостоятельную теоретическую ценность* этого как будто бы весьма специального по теме, но — с моей точки зрения — значительного *философского* произведения, притом своеобразно *синтезирующего* именно в рамках философии (в данном случае философии математики) подходы различных дисциплин, прежде всего математики, психологии и логики. А они *в то время*, чего никак нельзя забывать, еще были *принципиально философскими по своему характеру*.

«Логические исследования» в предлагаемой книге не будут анализироваться специально, а предстанут как перспектива; ее, с одной стороны, следует иметь в виду, с другой стороны, не превращать в некую цель, движение к которой как бы телеологически предопределено. Ведь Гуссерль на протяжении долгого времени, понятное дело, не знал и не мог знать, во что именно выльются его настойчивые, напряженные и порой даже мучительные поиски. То обстоятельство, что «Логические исследования» не будут в данной книге предметом самостоятельного и обстоятельного анализа, объясняется по крайней мере двумя причинами. Во-первых, это выдающееся произведение (и поистине необозримую литературу о нем) невозможно и нецелесообразно анализировать в книге, посвященной другим сюжетам. Во-вторых, в моих прежних исследованиях по феноменологии был дан обстоятельный, в том числе текстологический анализ «Логических исследований» (особенно II тома).

Предлагаемая работа, таким образом, нацелена на то, чтобы заполнить пробелы в философском исследовании становления и развития мысли раннего Гуссерля. Хорошо известно, сколь огромен сегодня массив работ по феноменологии и как обширна их география: исследователи всех континентов внесли свой вклад в наращивание феноменологических или посвященных феноменологии публикаций. Но это, к сожалению, лишь в небольшой мере относится к интересующей нас теме — к развитию идей и личности Гуссерля, которое осуществлялось именно в Галле.

ИСТОЧНИКИ

Работы, специально посвященные интересующей нас тематике, долгое время можно было пересчитать на пальцах одной руки. Из таких исследований, специально посвященных теме «Гуссерль в Галле» (и постоянно используемых мною), хочу особо выделить (здесь — для обобщенного предварительного обзора) ряд работ.

Это вышедшая в 1994 году, к 300-летию юбилею Университета Галле, небольшая, но очень ценная книга «Гуссерль в Галле» (Husserl in Halle. Hans-Martin Gerlach, Hans Rainer Sepp, Hrsg. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1994). Я ссылаюсь на нее в своей книге 2003 года, посвященной «Идеям I». И в данной книге упомянутая публикация служит одним из источников, на которые я постоянно опиралась, обязательно обращая внимание на коррективы, предлагаемые в более поздних, особенно архивных исследованиях.

Уже упоминались в «Предисловии» имена историков из Галле Гюнтера Шенка и Регины Майер, их исследования, посвященные не только (и не столько) Гуссерлю, но и другим авторам. Их особая ценность — опора на источники из Архива Университета Галле, которые в книгах Г. Шенка и Р. Майер воспроизводятся полностью или цитируются. В случае Гуссерля (после ознакомления с их исследованиями) возникло предположение, что вряд ли удастся обнаружить в архивах что-то новое. Это предположение подтвердилось после моей работы в том же архиве, что констатирую с оттенком грусти, ибо самой обнаружить в архиве что-то, что до сих пор не было известно, разумеется, было бы соблазнительно. Увы, такового материала не оказалось (да ведь и официальные документы, касающиеся Гуссерля, весьма немногочисленны). Подтверждая точность воспроизведения касающихся Гуссерля исторических фактов — в основном, в работе «Beförderer der Logik», буду цитировать в соответствующих случаях это сочинение. Сказанное относится и к другой работе названных авторов — «Spirituskreis...», которая освещает весьма конкретные эпизоды жизни университетского круга Галле и помогает живо почувствовать духовную атмосферу,

понять характер размежевания в университетской и, шире, интеллектуальной среде Германии конца XIX века (хотя названная книга охватывает более обширный исторический период). Материал о Spirituskreis читатель найдет в разделе «Приложения».

Далее скажу об исследованиях, которые оставляют в стороне специальный вопрос «Гуссерль в Галле», но так или иначе посвящены проблематике становления феноменологии и обращены к ранним работам, написанным в Галле, — а к ним, не будем этого забывать, принадлежат и знаменитые «Логические исследования». Но если данному произведению Гуссерля, как известно, посвящен очень большой массив литературы, то это целые десятилетия не относилось к осмыслению довольно длительного *пути*, приведшего к первому крупному, уже феноменологическому труду Гуссерля.

Вернер Иллеман, еще в 1932 году опубликовавший одну из первых важных для нашей темы книгу «Дофеноменологическая философия Гуссерля» и отмечавший уже достаточно прочное положение разросшегося феноменологического направления в философском мире его времени, сетовал, однако, на то, что при заметном количестве работ о феноменологии почти отсутствуют исследования, посвященные раннему Гуссерлю и что не выполняется существенная задача исследования *возникновения* феноменологии¹. С известными оговорками и уточнениями можно сказать это и применительно к длительному периоду истории вплоть до последних десятилетий XX века.

Бросался в глаза контраст между лавинообразным возрастанием — с середины XX века — литературы о Гуссерле, о феноменологии в целом и отсутствием должного внимания к становлению феноменологии в философском развитии ее основателя, совпавшему с его пребыванием в Галле. В. Иллеман в начале 30-х годов писал, что первые работы Гуссерля «О понятии числа» (1887) и «Философия арифметики» (1891) остаются неизвестными. И действительно, долгое время о произведениях раннего Гуссерля знали лишь совсем немногие философы. Правда, за более чем столетнюю историю феноменологического движения накопились книги и статьи, пусть тоже немногие, где о первом этапе философского развития Гуссерля так или иначе идет речь.

---

¹ См.: Werner Illemaan. Husserls vorphänomenologische Forschung. Leipzig 1932.

Если иметь в виду книги, специально посвященные работам Гуссерля до «Логических исследований», то надо указать на работу молодого (в момент её публикации) философа Х. Пойкера «От психологии к феноменологии. Путь Гуссерля к феноменологии “Логических исследований”» (*Henning Peucker: Von der Psychologie zur Phänomenologie. Husserls Weg in die Phänomenologie der «Logischen Untersuchungen»*. Hamburg, 2002). Часть этой работы посвящена именно первым произведениям Гуссерля. Книга Пойкера систематична, основательна, глубока. Она также представляет собой своеобразное обобщение исследовательской деятельности феноменологов над наследием раннего Гуссерля¹.

Книга Х. Пойкера оправданно начинается с упоминания о том споре, который давно уже ведется в феноменологической литературе — о преемственности (*Kontinuität*) в длительном, более чем полувековом процессе развития мысли Гуссерля, начиная от первых работ до произведений самых последних лет жизни. Многие ученики Гуссерля, а одновременно и исследователи его философии (Э. Финк, О. Беккер, Л. Ландгребе) отстаивали ту идею, которую горячо поддерживает и Пойкер и которую так выразил Л. Ландгребе: «Творчество Гуссерля развивалось в полной преемственности, так что его в конце концов сложившаяся форма (не вполне зримая в опубликованных сочинениях) должна быть рассмотрена как последовательное развитие того основного мотива, который проявляет свое действие уже в самых ранних сочинениях»².

Я тоже придерживаюсь мнения о существовании преемственности в развитии гуссерлевской философии. И в данной книге буду постоянно прочерчивать линии, ведущие от самых ранних, дофеноменологических сочинений Гуссерля к его более поздним, уже собственно феноменологическим разработкам — как и напоминать о ретроспективных оценках основателем феноменологии своих более ранних произведений и идей (с уточнением, что здесь много непредвиденных сложностей). При этом идею о преемственности исследовательских ориентаций Гуссерля считаю совершенно необходимым дополнить,

¹ Впоследствии я буду не раз обращаться к этому ценному исследованию, ссылаться на него, а одновременно выскажу свои принципиальные возражения против некоторых идей, отстаиваемых в названной книге и воплотившихся в её заголовке — «От психологии к феноменологии», ибо полагаю, что было бы досадным упрощением маркировать раннюю концепцию Гуссерля лишь термином «психология».

² *Ludwig Landgrebe: Phänomenologie und Methaphysik. Hamburg 1949. S. 57.*

уточнить, имея в виду справедливость суждений тех феноменологических авторов, которые обращают внимание и на определенные разрывы, перерывы преемственности (*Diskontinuität*) в развитии Гуссерля, на существование разнородных, даже относительно самостоятельных периодов, этапов, форм его развития. Это тем более относится к периоду, который, пусть и с некоторой долей телеологии, именуют «дофеноменологическим» и который, однако, завершается формированием первого варианта феноменологии. Недаром же его сравнивают с докритическим периодом в философском движении Канта. Ибо прорыв и переход были такими резкими, значительными, крутыми, что в пору было в духе гегелевской диалектики подумать о перерыве постепенности, о скачке, о возникновении философии совершенно нового теоретического качества. И когда феноменология уже оформилась, отдельные ее этапы — при существовании общей преемственности — все же означали возникновение новых понятий, структур, типов феноменологической мысли. Достаточно напомнить о периоде перехода от «Логических исследований» к «Идеям...».

Немаловажно и то, как сам Гуссерль переживал и оценивал эти крутые повороты в своем идейном развитии, а отчасти и в своей судьбе философа-исследователя. Наиболее ценные результаты и прорывы обретались благодаря чрезвычайному напряжению всех творческих сил, такой их концентрации, что верно говорить об *актах настоящей драмы духа*, которые разворачивались в глубинах души и мысли (хотя находили и некоторые внешние проявления и иногда фиксировались Гуссерлем в письмах к родным, друзьям и коллегам). Методологически и теоретически говоря, предпочитаю здесь иметь в виду и анализировать как теоретическую, так и личностную *антиномию преемственности и неожиданных прорывов к новому* — антиномии глубоко творческую, переживаемую в высшей степени напряженно и драматично.

В следующих главах будет представлена (кратко, но и детально) история прибытия и пребывания Гуссерля в Галле, растянувшаяся на достаточно длительный — тринадцатилетний — период.

Но сначала — о городе Галле и его университете, причем в том единстве *места и времени* жизни философа Гуссерля и его собственной судьбы, которое предстоит реконструировать.

ЧАСТЬ I.

Гуссерль в Галле

ГЛАВА 1. ГОРОД И УНИВЕРСИТЕТ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И КОНЕЦ XIX ВЕКА

Жизненный путь привёл двадцативосьмилетнего Гуссерля в Галле, что после габилитации уже было связано с намерением поселиться в этом городе и начать работать в Университете Галле—Виттенберг. В Галле Гуссерль задержался надолго: здесь прошли его молодые, а потом и более зрелые годы. Но обо всем этом — позже.

Теперь же предлагаю читателям совершить воображаемое путешествие: попробуем вообразить (разумеется, используя сегодня имеющиеся в нашем распоряжении довольно обширные и добротные материалы), в каком состоянии к 1887 году был этот некогда прославленный город, в XVIII столетии оправданно считавшийся одним из центров немецкого Просвещения. Каким увидел его Гуссерль, как город менялся в конце XIX века, как обживался в нем молодой ученый, чей жизненный путь начинался в тогдашней Австро-Венгрии, но в годы студенчества пролегал не только через австрийские, но и немецкие университетские города?

Это поможет понять *реальную историческую среду жизни* раннего Гуссерля и исторические же корни, на которых выросла феноменология. Замечу: обычно в историко-философских работах, посвященных крупным или великим философам (а таким мыслителем-новатором в итоге всей своей деятельности стал для XX века Эдмунд Гуссерль), о среде жизни если и говорят, то на ходу, второпях, не придавая этому как бы постороннему для философии фону сколько-нибудь существенного значения. В случае данного исследования дело обстоит иначе. И в других моих книгах и статьях, посвященных философам Запада и России разных эпох и направлений, социально-исторические корни их жизнедеятельности рассматриваются не как внешние и нейтральные, но как влияющие на целый ряд направлений философской работы — конечно, не

прямо, а опосредованно, больше всего через формирование особых типов личности, мотиваций, ценностей и т. д. (методология такого исследования и способы её применения обосновываются в ряде моих работ).

Далее будет применен особый прием повествования на тему «Гуссерль в городе Галле»: предложу вообразить маршруты молодого ученого, а через них — исторические вехи развития города (особо — места жизнедеятельности Гуссерля), чтобы через этот материал представить, какие ориентации, ценности могли сложиться во внутреннем мире формирующегося философа как личности, сложиться внутренне и спонтанно, но все же и под влиянием города Галле, его среды, истории, духовной атмосферы и т. д.

Можно ли сегодня представить себе, как выглядел в 1887–1901 годах город Галле — чтобы с наибольшей точностью вообразить улицы, по которым каждый день проходил Гуссерль, дома, которыми он любовался, Университет, в который он направлялся и в котором он работал? Как все это выглядело в то время? Вполне возможно. И дело не только в том, что обычно от истории городов остаются гравюры, рисунки, а с определенного времени и фотографии, в XIX веке, правда, ещё довольно редкие. В случае Галле 80–90-х годов XIX века было дополнительное счастливое обстоятельство: в то время в Галле жил талантливый фотограф Фриц Мёллер (Möller, 1860–1923), тогда прославившийся своими прекрасными работами. Он-то и запечатлел город и его жителей в многочисленных фотографиях, в том числе (по технике тогдашнего времени) на стеклянных негативах. Часть их долгое время пребывала в неизвестности; а в 50-х годах XX века в одном из предназначенных к сносу домов их обнаружили — в удивительной сохранности, несмотря на войну и все турбулентности эпохи. В 1999 году была опубликована замечательная книга «Галле на рубеже веков. Фотографии Фрица Мёллера». Важно, что речь в книге идет о рубеже XIX и XX веков, предоставлены визуальные свидетельства, относящиеся как раз ко времени пребывания Гуссерля в Галле.

Качество (черно-белых, конечно) фотографий — даже в сравнении с изощренной фотографической техникой наших дней — просто-таки поражает. Неслучайно Ф. Мёллер получил золотую медаль в Париже за свою изумительную серию так называемых «мимических фотографий», которые представляли собой не строгие парадные фотопортреты (тако-

вые он тоже делал), а веселые изображения гримасничающих или застигнутых врасплох людей; среди них и прекрасная серия автопортретов, показывающих, что фотограф не был лишен артистического дара.

Благодаря снимкам Мёллера мы располагаем материалом, позволяющим с большой достоверностью проиллюстрировать рассказы об обычных путях Гуссерля — скажем, из дома в Университет, а также «увидеть» то, что на этом своем пути действительно мог видеть тогда новый житель этого города. Причем увидеть не только парадную красоту зданий, и сохранявшихся веками, и совсем еще новых, построенных *в эпоху промышленно-экономического бума, которая ведь пришла именно на это время*. Мёллер фотографировал, в чем можно убедиться, город в его повседневной неприкрашенной жизни. Но ведь Галле именно тогда стал красивым, оживленным, динамично развивающимся городом. Впрочем, Мёллер запечатлел не только город: он сфотографировал — среди других университетских педагогов — и самого Гуссерля! Это было сделано в серии изготовленных в 1894 году для Университета Галле — Виттенберга (к 200-летию его юбилею) портретов преподавателей университета. На большом плакате под названием «Философский факультет» среди 34 фотопортретов есть и портрет Эдмунда Гуссерля — в центре предпоследнего нижнего ряда. Портрет этот вряд ли узнаваемый: здесь запечатлен молодой Гуссерль — с окладистой бородой, хорошо ухоженной; это привлекательный тридцатипятилетний человек; лицо удлинённое, выразительные глаза; высокий лоб; приятный строгий костюм. (На этом же фотографическом плакате есть и портреты ряда ученых, ставших *героями* моей книги.)

Но прежде чем мы *попадём* в историческую ситуацию конца XIX века, имеет смысл совершить короткий экскурс в предысторию города и его Университета, с которой (можно не сомневаться) так или иначе знакомился и Эдмунд Гуссерль. Отправившись в Галле и поселившись в нем, Гуссерль наверняка знал, что это город с очень давними корнями. Как пишут в исторических книгах, город прошел многовековую путь от укрепленного замка времен Каролингов к соляному городу на рубеже Средневековья, а затем к промышленному, университетскому центру нового времени¹. Первые сохранившиеся упоминания

¹ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 1. Halle im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Halle, 2006. S. 15 (далее при цитировании: Ibidem, с указанием страниц).

нения в хрониках относятся к 806 году. То место, на котором впоследствии вырос город, называлось «Halla» — название, собственно, относилось к упомянутому замку, который в последующие два с половиной века пришел в полный упадок. Во времена короля Отто III (XI век) было разработано «торговое право», которое предоставляло права и привилегии торговым, рыночным поселениям. Соответственно ему, как предполагают историки, торговое поселение — «*de merkato Halla*», впервые возникшее на месте будущего города Галле, как бы заявило о своем существовании. С XII века начинается постепенное выстраивание в этой местности поначалу небольшого, а в последующие столетия растущего поселения.

С чего начиналось их строительство в средневековой Германии? Конечно же, с церковных и административных зданий, как правило, воздвигаемых в самом сердце города, на Площади рынка (Marktplatz), что повелось ещё с греческих полисов — это была старейшая традиция Европы, традиция создания агоры. Так было и в Галле.

В исторических документах упоминается, что с XIV по XVIII век возводились, достраивались, перестраивались те строения, которые как-то удержали свой общий облик еще и в то время, о котором у нас идет речь. Поэтому Гуссерль, проходя через Площадь рынка (Marktplatz), обязательно видел на восточной стороне площади близко друг от друга построенные или просто примыкающие друг к другу здания ратуши, «Капеллы в честь Святого креста» и так называемое «*Waagegebäude*», которое было своеобразной городской палатой мер и весов: тут ведали всем, что касалось веса, размера, объемов товаров, которые долгое время продавались совсем рядом, на самой рыночной площади или вблизи её. (Отметим: вообще-то такие социально-исторические предпосылки, залегающие в глубинах ещё более ранней истории, способствовали постепенному выделению «счётно-измерительной» деятельности — и её *объективной* увязанности с последующей математической и философской проблемой числа.) В доме мер и весов, кстати, помещались и университетские аудитории, о чем ещё будет идти речь. Этому старинному ансамблю, возникшему к 60-м годам XV века, во время Второй мировой войны был нанесен сильный урон, так что сегодня мы можем увидеть его только на предвоенных фотографиях. А Гуссерль видел его, конечно, после вековых достроек и перестроек,

но в достаточно хорошей сохранности. Столь же сохранными были к концу XIX века ещё более старинные постройки на Площади рынка.

Сказанное относилось прежде всего к так называемой Красной башне (Der Rote Turm), которая и по сию пору служит своего рода символом и опознавательным знаком города Галле. (Правда, в тот момент, когда пишутся эти строки, т.е. в конце 2007 года, она завернута в пластик, потому что находится в процессе реставрации.) Гуссерль видел её, как показывают (черно-белые) фотографии Ф. Мёллера, в довольно хорошем состоянии. В некотором отдалении слева от Красной башни расположилось внушительное здание Marktkirche, т.е. церкви на площади рынка.

История Красной башни примечательна и интересна. Её строили в XV — начале XVI века (1418—1506), сначала в знак траура по жертвам голода; потом она, действительно, стала главным символом города Галле. В практическом отношении её применение на протяжении истории оставалось неясным: здание толковали то как колокольню, то как сторожевую башню, то как башню с главными городскими часами (Geschichte der Stadt Halle, Bd. 1, S. 236).

Какими бы ни были споры о предназначении этого грандиозного, впечатляющего сооружения, в основном пункте есть согласие: «Можно уверенно говорить, — пишет современный исследователь Долгнер (D. Dolgner), — что Красная башня — с её высотой, далеко превосходящей все вокруг, с её хорошо дифференцированным, отвечающим высоким эстетическим претензиям, впечатляющим обликом и благодаря тому, что со всех примыкавших улиц её можно было видеть и по ней ориентироваться, — была всем чем угодно, но только не скромной колокольней» (Ibidem. S. 236). Вот её и воспринимали также и как символ власти, единства городской общины, всегда претендовавшей на автономию. Динамически воспаряющую вертикальность башни трактовали как обращенность к Богу. «...Так башня стала вместе и сакральным зданием, и знаком городского, гражданского представительства» (Ibidem. S. 237). Подобным образом, видимо, и понимали её двойную функцию те, кто создавал и осуществлял грандиозный для Средневековья проект. Согласно документам, хранящимся в городском архиве Галле, сразу после окончания строительства башни возвестили о том, что это сделано «во славу всемогущего Бога, непорочной девы

Марии, всех небесных обитателей, как и во имя украшения высоко-славного города Галле, для всей его общины и даже всего региона» (Ibidem. S. 237).

Конечно, Площадь рынка в конце XIX века не выглядела такой, какой она была при строительстве её главных, ещё и сегодня так или иначе сохранных достопримечательностей. Но не было никаких сомнений в давнем историческом происхождении, красоте, архитектурной значительности, сакральном и гражданском смысле сооружений этой площади. Основное, пожалуй, состояло в том, что коренной житель Галле, или приезжий, выходя на эту «святую» площадь, одновременно был свидетелем неприглаженной, пестрой, бурной повседневной жизни города. В этом нетрудно убедиться, взглянув на упомянутые снимки Ф. Мёллера.

Вступая на Площадь рынка, Гуссерль, как и всякий другой житель Галле этого времени, не мог не погружаться в атмосферу бойкой торговли — причем очень простой, повседневной. Товары (а они были самые разные — от продовольствия, утвари до крупных предметов, инструментов и т. д.) выкладывались на лотках и помостах. Люди из окрестных деревень, городские ремесленники, торговцы, мелкие и крупные, продавали плоды своего труда — они прямо, лицо в лицо общались с покупателями, своими согражданами.

Но эта же площадь к вечеру преображалась. Торговцы увозили или уносили непроданные товары. Граждане гуляли по главной площади и примыкавшим улицам, встречались, общались друг с другом, заходили в уютные Кнеipe — немецкие пивные. Кто побогаче, встречались в ресторанах, ресторанчиках, клубах, в театрах, на концертах, в частных домах.

Раз уж мы в нашем воображаемом путешествии, “вместе с Гуссерлем”, по городу Галле 80–90-х годов XIX века задержались на центральной Площади рынка, вспомним ещё об одном важном обстоятельстве. В соответствии с тысячелетними традициями европейских полисов и она была для жителей Галле своего рода агорой, где концентрировалась гражданская жизнь и где незримо хранились передаваемые из поколения в поколение ценности свободы, гражданственности, прав человека, которые завоевывались, утрачивались и снова отвоёвывались в многовековой борьбе. Здания на восточной стороне

Площади рынка, о которых мы уже упоминали — Ратуша, Капелла Святого креста, Waagegebäude, которые так или иначе восходили еще к Средневековью (XIV век) — как раз и символизировали собой ценности свободы, гражданственности, управления и самоуправления города Галле, значение которых неизмеримо возросло и наполнилось новым содержанием именно в описываемую эпоху. Историки подробно и доказательно реконструировали строительно-архитектурную историю Ратуши, Капеллы и примыкающих зданий, доказав, сколь тесно с этой историей были связаны самые различные направления вековой хозяйственной, торговой, ремесленной, но также и политической, гражданской деятельности города Галле¹.

Эта история во многих отношениях важна и показательна. Она демонстрирует, что ещё с XIII века в городской Совет, заседавший в Ратуше, наряду с двумя бургомистрами входили граждане, которые производили нужные городу продукты: как продукты питания, так и все необходимое для повседневной жизни. Поэтому на Площади рынка предоставлялись места для торговли жизненно необходимыми тогда товарами: на северной стороне торговали предметами из меди, в то время широко применявшимися в обиходе; там же продавали зерно и овес. В западном крыле площади находился небольшой рыбный рынок. Конечно, мелкие торговцы (*insitores*) — в отличие от крупных (*mercatores*) — не были собственниками тех «торговых точек», которые находились на площади. Сначала владельцем считался архиепископ, глава города, которому торговцы за использование площадей должны были платить ренту. Он мог сдавать их — при условии выплаты ренты — монастырям, церквям, рыцарям. «Но начиная со второй половины XIII века в возрастающей степени уже семьи бюргеров получали в свое распоряжение собираемые с торговцев выплаты» (*Ibidem*. S. 234).

В XIX веке — вместе с ускоренными процессами индустриализации, урбанизации — менялась социальная структура города; возникали новые социальные группы, они предъявляли свои гражданские права. Впрочем, эти преобразования осуществлялись и раньше, почему относительно однородный по своим процессам исторический период с конца XVIII века до Первой мировой войны называли «дол-

---

¹ *Dieter Dolgener*. Rathaus und Markt—Orte städtischer Öffentlichkeit / Geschichte der Stadt Halle. Bd. 1. Halle 2006. S. 227—238.

гим столетием»¹. Подобные преобразования, кстати, осуществлялись почти в пятидесяти немецких городах, причем по их объему и динамике город Галле стоял в середине списка. И вот в этих-то сложных процессах в городе начинала разворачиваться гражданская жизнь. То, что немцы называли «Bürgertum», гражданственность, гражданская жизнь (от слова «Bürger», которое означало: гражданин, житель города), всегда имело место в немецких компактных поселениях. Но теперь, когда население стремительно увеличивалось, само оно требовало, чтобы город был более благоустроенным, зеленым, красивым. Между тем традиции повседневного городского быта были скорее скверными. В конце XVIII века Галле был совсем маленьким городком с 15000 жителей. Современники свидетельствовали, сколь он запущен. «Дома почти все глинобитные, внутри и снаружи они выглядят очень плохо; совсем немногие из них или из кирпича, или из скальной породы, заимствованной на развалинах замка Гибихенштайн. Улицы кривые, с ухабами, вымощены самой плохой брусчаткой... Ко всему тому улицы очень узкие, грязные, особенно после дождливой погоды. Все это — наряду с отоплением углем и всяческими отбросами, которые жители позволяют себе безнаказанно выбрасывать на улицу, да еще и выбрасывается содержимое ночных горшков — подчас создает невыносимое зловоние»². Если относящееся к концу XVIII века описание достоверно (в чем вряд ли приходится сомневаться), то отсюда можно заключить, какой прогресс городской жизни произошел всего за одно столетие. Сказанное, впрочем, относится не только к Галле, а ко многим европейским, в частности, немецким городам. XIX век знаменовал настоящий переворот в городском благоустройстве, затронувший повседневную жизнь достаточно широких (конечно, не всех) слоев городского населения. Но это не могло произойти само собой. Изменение были результатом очень существенных сдвигов в сознании и деятельности многих граждан немецких городов. Должны были слиться воедино несколько процессов деятельности и сознания.

Нужно было, чтобы в сознании и поведении высших слоев общества — королевского двора, дворян, церковных чинов — начали про-

---

¹ Ute Trevert, Heinz—Gerhard Haupt(Hg). Der Mensch des 19. Jahrhunderts. Frankfurt a/M., 1999. S. 9.

² Die Geschichte der Stadt Halle. Bd. 1. S. 406.

бивать себе дорогу ценности *гражданской ответственности, солидарности, сострадания к бедным, обездоленным гражданам*. Такие примеры имелись, и только краткость повествования не позволяет нам остановиться на них подробно.

И всё же город трудно было назвать «цивилизованным», если воспользоваться современной терминологией. Но он постепенно и неуклонно цивилизовался. В 20- годах XIX века бургомистр Меллин даже создал *Verschönerungskommission*, т. е. комиссию по украшению города. Правда, в целях «украшения» и расширения, улиц увы, подчас сносили старинные крепостные ворота и башни... Появилось немало новых скверов с просторными аллеями (*Promenade*), красивыми деревьями и высаживаемыми цветами. Это давало, кстати, новые возможности общения и высоко оценивалось жителями¹. И вот в 1892 году возникла и реализовалась идея соединения так называемых Старого и Нового Променада в одну линию улиц, как бы окольцовывающих старый город и позволявших, как того решительно требовал в своем письме один из жителей, «нашим согражданам совершать чудеснейшие, удобнейшие круговые прогулки через город»².

Несомненно, такие прогулки совершал и Гуссерль со своей семьей. Было ли это во время прогулок или по дороге в Университет, но Гуссерль должен был проходить через лучшие улицы Галле, примыкавшие к Площади рынка или находившиеся недалеко от нее. Это были, например, Большая Ульрихштрассе, Малая Ульрихштрассе, Вайзенхаусринг, Барфусштрассе, Бергштрассе, улица «Кляйнер Берлин» — «Маленький Берлин» (и многие другие), на которых именно в годы пребывания Гуссерля в Галле были построены красивейшие, подчас ещё и сегодня сохранившиеся дома.

Таковы, например, очаровательные дома на *Große Ulrichstraße* (сейчас дом 33/34), где ныне помещается *Dresdner Bank* (уже *Jugendstil*, построен в 1897/98 годах); на ней же — угловой дом (сейчас № 52, построен в 1890 году) или дом на *Waisenhausring* (построен в 1893 году); дом на улице *Kleiner Berlin* (1880/90 годы постройки); *Bergstraße 1* (построен в 1890/91 годах). Заметьте: дома эти воздвигались как бы на глазах Гуссерля и его семьи. (И вспомните простой факт: красивые

¹ *Geschichte der Stadt Halle*. Bd. 2. S. 29.

² *Geschichte der Stadt Halle*. Bd. 2. S. 30.

новые дома на улицах наших городов и на пути обычных движений по ним — влияют на нашу повседневную жизнь.) Угловые, сравнительно невысокие дома вообще красиво и уютно обыгрывают свое положение на стыке трех улиц: они подобны маленьким кораблям на реках городских улиц; угловые контуры их позволяли пристроить интересные башни, эркеры, обрамить их колоннами и орнаментами. Такие архитектурные приемы, кстати, подсказывали очень старые дома: на углу Kleine Ulrichstraße находится прелестный дом в стиле Fachwerk, построенный в 1591 году, как бы связующий две лучами сходящиеся улицы. Словом, всего и не перечислишь...

...Придирчивый читатель может спросить: а какое отношение все это имело к формированию личности и идей Гуссерля? Ответу: в том числе и достаточно прямое. Что каждый из мыслящих абстрактно философов может проверить на самом себе. От того, живем ли мы, работаем, отдыхаем в цивилизованных, человеческих условиях — или, напротив, в окружающей нас «мерзости запустения», наши умонастроения, ценности, наконец, жизненные планы существенно зависят, причем подчас довольно прямо и непосредственно. Пожалуй, не менее, если не более такие факторы влияют (опосредованно, через комплекс причин и факторов) на духовные ценности, на положение учреждений и людей духа, работающих в науке, культуре, сферах образования, на их статус и оценку, признание со стороны сограждан. Что касается описываемых объективных социально-исторических тенденций, то решающее значение имеет следующее: *процессы цивилизования, динамичного развития городов, особенно университетских городов в XIX веке (и не только в Германии) заключали в себе и имели своим следствием мощный запрос на научные знания, на усовершенствование сфер образования.*

Надо вспомнить нечто из собственного опыта каждого из нас: ведь всякий город, всякое поселение на что-то настраивает своих жителей. Конечно, их ориентации и умонастроения всегда индивидуальны. Но ведь не случайно говорят о специфическом менталитете, психологии берлинцев или парижан, петербуржцев или москвичей. Не берусь судить о том, что типично сегодня для жителей Галле, Hallenser (одно слово на русском образовывать нецелесообразно, ибо это будет сливаться с уже занятыми словами «галлы», «галльский», которые исто-

рия связала совсем с другими народами и событиями). А над тем, к чему морально, психологически, эстетически, творчески подталкивал своих граждан город Галле в последние десятилетия XIX и самом начале XX века, можно и нужно поразмыслить.

И вот о чем следует сказать перво-наперво: это был *трудовой город*. Жизненное благополучие всегда давалось здесь упорным трудом — исторически на соляных копиях, а к интересующему нас времени на разнообразных относительно небольших предприятиях. Это не был «модный» город из тех, которые облюбовывала феодальная знать, а потом избирал крупный капитал. Здесь гнездились среднее и мелкое по размерам производство; многие жители были ремесленниками или обслуживали других своих земляков. Возник также особый слой предпринимателей, озабоченных не только и даже не столько получением прибыли, сколько нуждами производства, благополучием работников и общими нуждами города.

§ 1. Традиции духа и культуры в городе Галле

Университетский люд, несомненно, тоже принадлежал к трудовым слоям. И благодаря завидным традициям Германии (впрочем, таковые в тот век ещё сохранялись и в России) труд профессоров, преподавателей был, что мы ещё покажем, весьма престижным и хорошо оплачивался. Чтобы отвечать высоким критериям, предъявляемым к университетской профессуре, надо было трудиться смолоду и всю жизнь: ведь в университетские профессора вообще, в профессиру Университета Галле, в частности, «призывали» (*berufen*, то есть приглашали с намерением принять в свои ряды) людей с именами, достаточно известными в Германии, а также и за её пределами. И даже наиболее, казалось, веселые, бесшабашные молодые люди из университетского народа — студенты — тоже должны были ежедневно трудиться. А в случаях, когда они приходили в Университет из самых простых семей, это означало необходимость особо упорным трудом, прилежанием пролагать себе путь, преодолевая нужду, иногда элементарный голод. Но они продолжали учиться. Во имя чего? Ответ опять-таки можно было найти именно в истории Галле. Ибо это был

город с традиционно высокими ценностями не только труда как такового, но и интеллектуального, духовного труда, труда в сфере науки, культуры, образования. Почтение к такому труду, понимание его внутренней привлекательности и престижности было, таким образом, издавна присуще менталитету и психологии обитателей Галле. Конечно, люди, принадлежащие к разным слоям, понимали и выражали эти ценности и установки по-разному. Но в том, что они были общераспространенными, сомневаться не приходится. Сказанное, разумеется, не означает, что путь в науку каждого, кто в неё устремлялся, был простым и безоблачным. Однако важно, что сама эта устремленность к интеллектуальным, духовным жизненным занятиям, труд в этих областях в Галле традиционно оценивали высоко, то есть правильно и дальновидно.

Надо особо сказать о том, что в Галле престижной считалась и такая деятельность, которая осуществлялась в рамках религии, теологии, внутрицерковной активности. Но важно, что в конце XIX века это не был клерикальный город с претензиями на власть церковной верхушки (времена, когда в Галле располагалась резиденция епископов, были далеко позади). Гуссерля, перешедшего в протестантство, видимо, вполне устраивало то, что это был «умеренно протестантский» город. Он некогда одним из первых пережил реформацию — из-за близости к Виттенбергу, где начиналась деятельность Мартина Лютера. (Во времена Христиана Вольфа, как известно, боролись различные течения в протестантстве.) Это одна сторона дела. Другая сторона: человеку науки, не желавшему, подобно Гуссерлю, участвовать во внутрицерковных, религиозно-теологических размежеваниях, было вполне сподручно жить в городе, где протестантство исповедовалось спокойно и добровольно. А внутри университета традиционное почтение к теологам никак не мешало ученым трудиться в сугубо светских областях знания и науки.

Поскольку Гуссерль происходил из еврейской семьи, его касалась та часть духовно-нравственной атмосферы города, которая была связана с отношением горожан к евреям, к еврейской общине. И тут дело обстояло относительно благополучно. Канули в далекое прошлое времена, когда рано зародившаяся в городе, старейшая в Германии еврейская община (конец XII века) была изгнана из Галле магдебургским

епископом. В истории подобные изгнания не раз повторялись¹. Но к концу XIX века и в этом вопросе в Германии вообще, в Галле в частности, выработались цивилизованные подходы. Евреи — ремесленники, торговцы, предприниматели, профессора, студенты — вполне нормально, без особых опасений, жили и работали в Галле. Пройдет несколько десятилетий, и Германия, увы, прервет эти здоровые традиции цивилизованного бытия и заболеет варварской болезнью государственного антисемитизма, приведшего, как известно, к холокосту, одному из самых страшных преступлений XX века. И хотя приобретший общеевропейскую известность Эдмунд Гуссерль и члены его семьи сохраняют жизнь, но направленные против евреев преследования затронут и их. А вот в конце XIX века ничто, казалось, не предвещало такого печального итога...

Имея в виду особенности менталитета и психологии, в конце XIX века характерных не только для жителей города Галле, очень важно именно в исследуемом нами контексте отметить, что в те десятилетия над размеренным бытием предшествующих веков *возобладал динамичный дух перемен, преобразований, новаторства, состязательности*. Он овладел трудовой жизнью людей в самых различных областях. Одни стремились строить — причем сравнительно с прежними временами быстро, красиво, заботясь о комфорте и удобствах не в традиционном, а в новом понимании. Другие создавали новые производства — и как раз на основе тогдашних продвинутых знаний (машиностроение, химическое производство).

Третьи стремились к новому в архитектурном деле, в искусстве, литературе. Четвертые хотели управлять городом, его хозяйством, его гражданской жизнью по-новому, с опорой на быстро возникающие и расширяющиеся знания об экономике, политике, гражданском обществе. А вот пятые (к ним принадлежал и Гуссерль) наперегонки создавали новые концепции, теории в науке.

Полагаю, не будет ни преувеличением, ни социологизацией утверждать, что эти тенденции в общей духовно-нравственной атмосфере города *вполне отвечали духу свободы, новаторства, творческого беспокойства, устремленности к теоретической глубине и разрешению*

---

¹ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 1. S. 201 и f.f.

самых трудных вопросов науки, который с молодости овладел Эдмундом Гуссерлем и который до самой смерти оставался господствующей чертой его личности. Представляется оправданным описанные особенности духовно-психологической атмосферы Галле отнести и к другим городам Германии (да и остальных частей Европы) того же времени. И это будет совершенно верно: *таков в известном смысле был общий дух времени*. К Галле все сказанное относится в той мере, в какой этот город в своем бытии и развитии действительно воплощал дух эпохи и, в частности, весьма интересного её периода — двух последних десятилетий XIX века, *fin de siècle*, а также рубежа XIX и XX веков.

§ 2. Университет Галле—Виттенберг

Вполне понятно, что дух времени ближе всего, конкретнее, повседнежнее, влияет на отдельных ученых через институты, в которых они трудятся. В Германии (с самых давних времен) это были университеты.

В ранней своей истории Университет Галле располагал зданием на Площади рынка, о котором мы уже говорили — *Waagegebäude* рядом с Ратушей. В нем вплоть до 1832 года размещалось всё, что относилось к Университету: библиотека, аудитории, зал, помещения университетского ректората и сената. Это здание было частично разрушено во время Второй мировой войны, а в 1947 году снесено. Значит, мы не можем видеть строение, которое более двухсот лет было символом и воплощением истории Университета Галле. А вот Гуссерль видел его, чуть ли не ежедневно проходя по рыночной площади. Направлялся же он к разросшемуся именно в XIX веке университетскому комплексу, находившемуся на Университетской площади, совсем недалеко от Площади рынка.

Во второй половине XIX века Университет Галле—Виттенберг не имел единой и однозначной пространственной локализации. Конечно, он ассоциировался с так называемым «*Löwengebäude*», или зданием со львами, главным административным центром университета. Но здания университетских институтов и клиник были разбросаны по всему городу — правда, они располагались на улицах, расположенных не так

далеко от центра. Некоторые из них были построены ещё в первой половине XIX века, другие возникли как раз во время экономического, культурного подъема второй половины, особенно последних десятилетий XIX столетия. Тогда были построены: Институт ботаники (1842–1844 гг., в последующие годы он достраивался); Институт химии (1862–1863 гг., в 1891–1893 гг.; институт стремительно достраивался, что отражало растущую потребность общества в химических знаниях); Институт физики (1887–1890); Археологический музей (1889–1891); Институт физиологии; Институт анатомии. Были также возведены различные клиники: психиатрическая и невропатологическая, гинекологическая, так называемая «Медицинская клиника» и другие принадлежащие Университету клиники и лечебные учреждения. В эти же годы построено здание Библиотеки университета (1878–1880).

Итак, вывод: Университет Галле — как обширный, охватывающий многие институты совокупный учебно-исследовательский комплекс, — складывался именно в 80–90-х годах, то есть *на глазах Гуссерля*. Вновь выстраиваемые здания были большими, добротными, с индивидуальным архитектурным лицом. В архитектурном отношении существовала ориентация и на классицистские, или ренессансные традиции — разумеется, в том преломлении, которые они получили во второй половине XIX века, и на новые тогда мировые архитектурные веяния. «Архитектор Людвиг фон Тидеманн впервые в Германии заимствовал для проекта Университетской библиотеки в Галле конструктивные системы великих образцов Парижа и Лондона. Созданные Мартином Гропиусом наброски для здания Университетской библиотеки в Грейфсвальде послужили ему в качестве отправного пункта в подготовленном им в 1876 году проекте, который основывался на французской системе, сберегающей пространство и расходы на строительство»¹. Новаторским был функциональный проект интерьера Библиотеки. Фон Тидеманн одним из первых отказался от показной и дорогостоящей роскоши университетских зданий во имя целесообразной конструкции, которая, однако, не должна была упускать из виду художественно-эстетические цели. Итак, университетские здания Галле тоже стали полигоном для прорыва новых идей в архитек-

---

¹ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 2. С. 153–154.

туре. «Вместе со вскоре после этого построенными, по проекту Мартина Гропиуса и Хейно Шмидена, зданиями Библиотек в Грейфсвальде (1880–1882) и Киле (1881–1883), Галле пролагает пути для нового, открытого для рациональной аргументации направления...» (Ibidem. S. 154). Кстати, на пользу бурному развитию строительства Университета пошло и то, что в Галле у него не было конкуренции со стороны помпезных административно-управленческих зданий. «Правительство земли находилось в Магдебурге, правительство округа — в Мерзебурге, Верховный суд округа — в Наумбурге»¹. В Галле вследствие этого не требовалось возводить официальные здания, и университетское строительство приобрело особое, чуть ли не главное значение для города (Ibidem).

В быстром строительстве и последующих достройках университетского комплекса таились, однако, серьёзные проблемы и затруднения. Ведь никто не мог предвидеть всего этого бума заранее и рационально спланировать происходящие процессы. Вскоре появились новые потребности — электрификация, газификация старых зданий. И опять достройки, перестройки, преобразования... Поэтому можно представить, какие поводы для критики такой неизбежно эклектический результат мог дать и сегодня дает строгому, взыскательному профессиональному взгляду архитекторов и знатоков, ценителей архитектурного дела. Да и университету как целому приходилось преодолевать территориальную разобщенность его различных институтов, и без того подверженных дифференциации научного знания, возрастающей (здесь и пространственной) отчужденности друг от друга его различных областей. Университетские власти, однако, стремились удержать комплекс зданий хоть в каких-то границах. «Три главных пространства сложились в ходе времени: группа зданий на Университетской площади, размещение клиник и институтов на территории “Neue Residenz”, помещения которой частично были в распоряжении Университета уже с 1735 года, и участки на нынешней Магдебургской улице, где находились медицинские учебные учреждения»².

Серьёзные неудобства состояли в том, что в последние десятилетия XIX века университетскому люду приходилось работать в услови-

¹ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 2. S. 155.

² Ebenda.

ях постоянныхстроек, ремонтов, переездов. Но профессора, студенты, обслуживающий персонал, скорее всего, понимали: их университет разрастается, обустроивается; и раз государство вкладывает столь значительные средства, значит, общество понимает возрастающую ценность знания и образования.

Ещё в первой половине XIX века предпринимались попытки увязать в единое целое и комплекс главных университетских зданий, и прилегающие улицы, которые предполагалось (ориентируясь на Лейпциг) превратить в озелененные «променады», примыкающие к «*Alte Promenade*», к старым пешеходно-прогулочным магистралям (ныне — *Universitätsring*, Университетское кольцо). Проект не удался. Но, как правильно отмечают историки, в этой части города «университетские здания всё-таки задавали свой масштаб»¹.

К этому комплексу зданий как раз и направлялся Гуссерль, пока он жил и работал в Галле. Расскажем попутно и о том, в какие дни и даже часы он, как правило, ходил по этим улицам, и так в течение тринадцати лет — на работу, т. е. на лекции и другие занятия. Так, в летнем семестре 1888 года по средам и пятницам (с 16 до 15 часов) он читал курс «Основные проблемы психологии»; в зимнем семестре 1888/89 годов ходил в Университет по вторникам, четвергам и пятницам (с 15 до 16 часов) читать обзорный курс «Энциклопедия философии»; в летнем семестре 1889 года по понедельникам, вторникам, четвергам, пятницам (с 16 до 17 часов) читал курс логики, а по пятницам (с 18 до 19 часов) вел семинар «Философские упражнения»; в зимнем семестре 1889/90 годов по понедельникам, вторникам, четвергам (с 12 до 13 часов) Гуссерлем был читан курс этики². И так год за годом, тринадцать лет подряд, почти каждый будний день приват-доцент Гуссерль ходил работать со студентами.

А сейчас продолжим рассказ об Университете Галле—Виттенберг в «гуссерлевское время». Известно, что в Университет Галле—Виттенберг в 80-х годах XIX века не было, собственно, одной и единой дороги. Все зависело от того, куда именно, в здание какого факультета — соответственно в какую лабораторию, клинику, библиотеку — направлялся преподаватель или студент. На одной из гравюр 1882 года

¹ *Geschichte der Stadt Halle*. Bd. 2. S. 155.

² *Husserl—Chronik*, Bd. 1. S. 22, 23, 24 и ff.

комплекс университетских зданий представал как своего рода городок в городе, как маленькое «царство» науки и образования. (Автором гравюры был упомянутый архитектор Людвиг фон Тидеманн, который, как отмечалось, в то время как раз и проектировал новый комплекс, сообразуясь с лучшими образцами подобных сооружений в Париже и Лондоне.) В сопоставлении с тем, что при основании Университета Галле в 1694 году по существу не было университетских зданий и помещений, прогресс был огромным. Но особенно объемными и в историческом масштабе (масштабе веков) стремительными процессы постройки зданий университетских институтов, клиник, библиотек стали именно в XIX веке, уже в его первые десятилетия. В целом же тот темп роста университетских домов и помещений, который имел место между 1860 и 1910 годами, был беспрецедентным, что, конечно, прежде всего связано с тогдашними растущими потребностями страны в квалифицированных естествоиспытателях, научно-технических специалистах, врачах, но также и в экономистах, юристах. А она была пробуждена ускоренным экономическим, а шире — социальным развитием, в частности, индустриализацией Германии после 1871 года.

Правда, с университетскими постройками в Галле спокойно сосуществовали окружающие дома и целые улицы: это не был (и не мог быть) обособленный кампус. Само решение строить университетские здания посреди города таило в себе и серьёзные преимущества, и немалые недостатки. Преимущества были очевидны: университетские здания помещались в городе, жившем своей жизнью; студенты и педагоги не были оторваны от этой жизни и постоянно в неё погружались, что мы видели, проследив путь Гуссерля из дома на работу. Но были, конечно, и немалые недостатки. Ведь надо было добираться до университета, что тогда, фактически при отсутствии городского транспорта, составляло проблему для тех, кто не жил поблизости или пребывал (как некоторые профессора) в почтенном возрасте. До появления первых трамваев существовал лишь конный транспорт. Да и трамваи, появившись в самом конце XIX века, были скорее редкостью, нежели явлением сколько-нибудь обычным. Впрочем, практичные немцы видели свои преимущества в необходимости двигаться, гулять по улицам города (немецкое слово «laufen», буквально «бегать», означало в данном случае достаточно динамичную пешую прогулку).

Существенным недостатком беспорядочного, обусловленного многими обстоятельствами случайного способа достраивания университетских зданий была их децентрализация¹. В плане градостроительном возникала, конечно, проблема архитектурного разнobia, хотя архитекторы Галле, как правило, стремились деликатно возводить новые университетские постройки, сообразуясь с особенностями прежде построенных домов и улиц.

Вообще говоря, динамическое развитие города как раз в то время, когда по нему (тринадцать лет подряд!) ходил Гуссерль, обусловило относительно единый архитектурный стиль целого ряда улиц, застроенных новыми домами именно в то время. (Я лично люблю этот стиль, и потому считаю определенным везением, что мне во время двух пребываний в Галле довелось жить на подобной улице — Reichardtstraße, где располагается гостевой дом университетского Института этнографии. У философского факультета и института, к слову, своего гостевого дома тогда не было и не предвиделось.) Дома, построенные в конце XIX — начале XX века, привлекают тем, что это совсем не помпезные здания предшествующих веков, а именно (до сих пор удобные, человечные) жилища простых людей среднего класса, без ненужных украшений, но с декором, стилевыми особенностями, придающими каждому зданию индивидуальное лицо и в то же время соединяющими дома в одну улицу со своим порядком, настроением.

Всегда испытывая дефицит свободной городской земли, немцы очень часто пристраивали дома стена к стене, почему целые кварталы и улицы образуют как бы единый комплекс, в котором отдельные дома, однако, имеют свое лицо, свой стиль. Некоторые же улицы, возникшие в XIX — начале XX века и сохранившиеся до сего времени (война, к счастью, в некоторой мере пощадила Галле), застроены красивыми, тоже не помпезными виллами или вполне достойными доходными домами, которые строились для быстро растущего населения. Гуссерль жил в одном из таких домов, а в гости к великому математику Г. Кантору ходил в одну из таких vill, построенных именно для её хозяина. Улицы и в центре города, и в некотором отдалении от него в то время были, в основном, новыми, красивыми и уютными;

---

¹ Geschichte der Stadt Halle, II, 155.

немногие сохранившиеся дома прежних веков были подобны самым драгоценным камням в достойном архитектурном ожерелье. Полагаю, читатели согласятся со мною, присмотревшись к фотографиям некоторых таких домов и целых улиц, которые строились в конце 80-х и в 90-х годах XX века.

Это был, как мне представляется, удобный для повседневной жизни, более простой, более демократичный, чем прежде и, однако, эстетически привлекательный, в отдельных образцах элегантный, далекий от унифицированности архитектурный, градостроительный стиль, тесно связанный со стилем самой тогдашней жизни. Кстати, построенные во второй половине XIX века университетские здания, имевшие, как и все официальные учреждения, свои архитектурные, стилевые особенности, не выпадали из единого облика города. В результате всех построек и достроек в зданиях университетского комплекса совместился и так называемый *Zopfstil*, в котором, например, была построена «старая библиотека» (1778–1779), т. е. классицистский строгий стиль, подражающий античным образцам, а также особый, так называемый *Segment – und Rundbogenstil*, «инспирированный берлинской школой» и характерный для зданий, построенных по проекту упомянутого Людвига фон Тидеманна¹. На строгий взгляд профессионального архитектора здесь, возможно, царила самим сопряжением разных эпох обусловленная эклектика. Вспомним, однако, что к концу XIX века всё это(пока) должно было выглядеть достаточно однородным и в определенной мере совместимым. Главное, что постепенно возобладали «стилевые варианты целевого строительства»² – зданий для жизни, труда, учебы растущей массы обычных людей и что вокруг города было достаточно строительных материалов для реализации таких проектов. Ценным было то, что Л. фон Тидеманну город поручил возведение в тех же районах не одних только университетских зданий. «Рядом с библиотечными, институтскими зданиями, зданиями клиник он представил план строительства тогдашнего Райхсбанка на Кёнигштрассе (1880). В целом же созданное им богатство вариантов воплотилось в многочисленных зданиях школ, казарм, больниц и т. д.,

---

¹ Geschichte der Stadt Halle. Bd. II. S. 157.

² Ebenda.

зданий органов управления и жилых домов»¹. Так именно в 80–90-х годах при новом строительстве возникал относительно единый, целостный облик центральных частей города Галле.

Местами строения XIX века неплохо сохранились и сегодня, потому что Вторая мировая война, как упоминалось, пощадила город Галле: разрушения в нем, в сравнении с другими немецкими городами, не были особенно значительными. Правда, социалистическое хозяйствование (а Галле до объединения Германии был частью ГДР) нанесло прекрасному городу немалый урон. В сущности, каждый второй и третий дом из трех еще недавно требовал обновления. Происходило это медленно. Но уже и сегодня видно, что XIX век представлен в городе особенно хорошо и цельно (почему в нем любят снимать исторические кинофильмы, действие которых происходит в конце XIX столетия).

Но вернемся, следуя за Гуссерлем, в университетские кварталы. Итак, путь вел через центральные улицы города в университетские здания. Это могло вызвать у молодого ученого мысли о значении Университета Галле–Виртемберг как для города, так и для всей Германии. Некоторые историки подчеркивают, что «во второй половине XIX века Университет потерял свое господствующее место в жизни города»². Когда говорят о некогда «господствующем месте» и его «утрате», то имеют в виду, конечно, громкую общегерманскую и общеевропейскую славу его во времена Христиана Вольфа, когда Галле стал, по существу, главным центром немецкого Просвещения и когда важнее Университета в городе, возможно, ничего не было. Но ведь каждый образованный человек знает также и неприглядную историю: Христиан Вольф, в первой половине XVIII века, возможно, самый знаменитый в мире немецкий философ, из-за влияния пиетистов был изгнан из Галле под тем вздорным предлогом, что его учение представляло опасность для прусского государства и его армии. Вместе с изгнанием Вольфа утратила былое влияние его школа, важнейшая в науке и философии немецкого Просвещения. А когда Христиан Вольф триумфально возвратился в Галле, оказалось, что время было потеряно и что вместе с падением влияния и престижа немецкого Просвещения по-

¹ Ebenda. S. 158.

² Halle, alte Musenstadt... Streifzüge durch die Geschichte einer Universität. Halle, 1994, 14.

меркла слава Университета. Вольф, после изгнания на некоторое время поселившийся в Марбурге, принес славу и этому городу — опять-таки славу общеевропейскую, потому что к нему, прекрасному педагогу, ехали учиться из разных стран Европы. Как известно, с группой студиязов приехал в Марбург и учился у Вольфа впоследствии ставший великим русский ученый Михаил Ломоносов.

Если и когда Гуссерль по улице проходил мимо дома Вольфа, то душа его, скорее всего, не трепетала, как наверняка случилось бы, если бы он был знатоком и поклонником просветительской мысли. Но ведь Гуссерль, не подробно знавший историю философии, вообще был равнодушен, тогда и позже, к учениям философов типа Вольфа, пусть и устремлявшихся на путь просветительского рационализма, но весьма далеких от того идеала «строгой научности», который уже на рубеже XIX и XX столетий захватил и философию. (Кстати, дом, в котором некогда жил знаменитый просветитель, — сегодня реставрированный, дом-музей Вольфа и один из культурных центров нынешнего Галле, — во время жизни Гуссерля в этом городе имел, судя по фотографии, неприглядный вид.)

И все же суждение о том, что Университет Галле—Виттенберг вместе с индустриализацией вовсе утратил-де своё принципиальное значение для города, нужно, как я думаю, брать *cum grano salis*, как говорят, «со щепоткой соли», то есть с поправками. ...Упоминание о «соли» в данном случае имеет больший, чем обычно, почти прямой смысл. Ведь город, как говорилось, исторически сложился, долгое время существовал и рос благодаря такому важному в те столетия полезному ископаемому, как соль. Соляные копи вокруг города долгое время были основой повседневного труда, благосостояния города.

Основание в XVII веке университета было некоторое время пусть очень важным, но всего лишь дополнением к экономическим составляющим. Впрочем, и университетская жизнь вносила свой вклад в экономическое благосостояние города: немалое число горожан кормилось благодаря тому, что они сдавали студентам жилье, кормили, лечили, обшивали их... Даже последнее было, как оказывалось, прибыльным делом — особенно по мере возникновения студенческих корпораций, союзов, предполагавших, что студентам будут шить, а они будут носить достаточно модные костюмы, головные уборы,

другие аксессуары. Все эти обычаи, к слову, сохранились и в конце XIX века.

Итак, было бы преувеличением говорить об упадке университета на рубеже XIX и XX веков. Пусть университет Галле–Виттенберг не был тогда в числе *самых главных и самых прославленных* университетов Германии и Европы, он всё-таки имел неплохое реноме — потому именно, что его уже закончили, в нем преподавали и учились те, чьи имена тогда уже значились и ещё будут значиться на страницах духовной, культурной истории страны. Это касалось (хотя в разной мере) различных научных областей. Сейчас мы не будем говорить об этом подробнее, приводя факты и имена, потому что обстоятельный разговор о научном (особенно философском) сообществе Университета Галле, о месте, роли Гуссерля, коммуникации с коллегами разных специальностей — в том числе такими, как упомянутый великий математик Георг Кантор — у нас впереди.

Приступаю к специальному анализу своей темы — как сказано, волнующей, интригующей, очень мало разработанной.

ГЛАВА 2. НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Э. ГУССЕРЛЯ В ГАЛЛЕ

Пролог: вначале был Франц Brentano

У каждого события в человеческой жизни, тем более события значительного, всегда есть первоисток, а конкретнее, обстоятельства и другие люди, которые этому событию особенно активно способствовали. Приезд Э. Гуссерля в Галле, его габилизация и последующее преподавание в Университете имеет своим главным событийным первоисток более раннюю его встречу с уже известным тогда австрийским философом и психологом Францем Brentano (Brentano)¹. Эти обстоятельства в общем и целом освещены в литературе; существуют также и исследования, в которых рассмотрены теоретические проблемы, касающиеся влияния брентановской концепции на становление феноменологии Гуссерля, а также различий между обоими учениями.

В переписке Гуссерля и Brentano, в воспоминаниях Гуссерля имеются прямые свидетельства того, что встреча с Brentano стала поистине поворотным пунктом и в выборе Гуссерлем творческого, а значит, и жизненного пути — в данном случае в выборе между математикой и философией, в обретении специфической проблематики, угла зре-

---

¹ Хочу предупредить читателей о том, как в этой книге будет располагаться материал, отнесенный к той или иной стадии жизни и творческого развития Гуссерля, а также к тем или иным мыслителям, ученым, влияние которых он испытывал, работы и идеи которых учитывал. Сначала будет дана — в кратком рассмотрении — целостная картина того или иного этапа, тех или иных личностных, жизненных, теоретических отношений, с ним связанных. Затем эта суммарная картина будет как бы разукрупняться, её звенья попадут под микроскоп более конкретного анализа в связи с отдельными эпизодами теоретического, идейного развития, с теми или иными книгами, текстами Гуссерля. Так и предлагаемая преамбула-пролог на тему «Brentano—Гуссерль» будет иметь разные продолжения, так что первая общая картина будет неоднократно и под разными углами зрения конкретизироваться.

ния, важных для последующего реформирования логики и для попыток соединить новую логическую теорию знания с теориями познания и сознания. В моих более ранних работах по феноменологии эти темы также отчасти разрабатывались.

Напомню сначала о тех особых обстоятельствах жизни и творчества Гуссерля, которые восходили к влиянию Brentano и — под этим влиянием — вообще привели молодого ученого в Галле. «Как известно, Brentano дал молодому Гуссерлю совет: по поводу габилизации обратиться к тогдашнему ординарному профессору философии Университета в Галле, Карлу Штумпфу (Carl Stumpf). Штумпф — близкий друг Brentano — с 1884 по 1889 годы был ординарным профессором объединенного Университета Галле-Виттенберг (Friedrichs-Universität). Штумпф познакомился со своим будущим учителем Brentano в 1866 году на открытом обсуждении габилизационной работы Brentano в Вюрцбургском университете. Отточенная острота аргументов, с которой Brentano защищал свои тезисы, продемонстрировала Штумпфу, тогдашнему юному студенту, такое превосходство Brentano над его оппонентами, что Штумпф сразу же решил посещать брентановские лекции»¹.

В судьбе молодого Штумпфа, который сначала хотел специализироваться в юриспруденции, Brentano принадлежала особая роль: он переориентировал способного молодого человека на занятия психологией, тесно связанной с естествознанием. «В особенности обрадовало нас то, что Brentano считал: философии не нужны иные методы, кроме тех, которые используются в естественных науках; и на этом он основывал свою уверенность в возрождении философии. Это было новое, несравненно более глубокое и серьезное понимание философии» — писал Штумпф². Brentano посоветовал Штумпфу отправиться в Геттинген к известному тогда философу, психологу естественно-научной ориентации Г. Лотце, у которого Штумпф позже защитил свою первую диссертацию. А теперь Brentano отправлял к своему прежнему ученику, К. Штумпфу, который уже стал ординариусом в Галле, молодого человека, в коем Brentano распознал — как потом выясни-

---

¹ *Hans-Martin Gerlach*. Es ist Seligkeit 13 Jahre lang Privatdozent und Tit. Prof zu sein / Husserl in Halle. Fr. a/M. S. 17.

² *Carl Stumpf*. Erinnerungen an Franz Brentano, in: *Oskar Kraus*. Franz Brentano: Zur Kenntnis seines Lebens und seiner Lehre. München 1919. S. 88.

лось, безошибочно, — талант, причем именно талант одновременно философский, философско-математический, психологический, логический. Несмотря на молодость, Гуссерль уже успел побродить по научным тропам в поисках своего пути: он знакомился с астрономией (Лейпциг, 1876—1878), потом основательно изучал математику (Берлин, 1878—1881) у видного математика Карла Вейерштрасса (Carl Weierstraß) — и только из-за болезни последнего не стал его постоянным ассистентом, хотя и защитил под его руководством первую (математическую) диссертацию по теории исчисления вероятностей.

Довольно рано, еще в период учебы, Гуссерля привлекла к себе философия. Встреча с Brentano, его блестящие лекции положили конец колебаниям молодого ученого в выборе между математикой и философией¹. Но хотя жизненный выбор в пользу философского пути Гуссерль, по его собственному признанию, сделал под влиянием Brentano, трудный путь в философию и тем более к самостоятельной работе в ней был еще впереди. Для нас очень важно, что на этой развилке дорог открылся путь в Галле — и опять-таки благодаря Brentano. Летом 1886 года Гуссерль отправился на отдых вместе с семьей Brentano (в местечко Ст. Гильген на Wolfgangsee). Можно смело предполагать, что учитель (Meister²) и ученик подробно обсуждали философские и жизненные вопросы, в том числе те, которые касались дальнейшего научного развития Гуссерля. Не приходится гадать, к чему привели эти беседы. Аргументы, личностное обаяние Brentano были поистине неотразимыми — и математик Гуссерль выбрал философию. Существенно, что *с самого начала это была философия в слове с психологией, ориентированная на науку и принципы научности*. А первые самостоятельные шаги были сделаны Гуссерлем, что вполне понятно, на почве специализированной философии математики. Как потом выяснилось, выбор именно философии был для Гуссерля совершенно правильным и весьма перспективным. Возможно, Гуссерль с его теоретическими, аналитическими способностями (которые высоко оценивал его упомянутый учитель в математике, видный ученый К. Вейерштрасс) преуспел бы

---

¹ См.: E. Husserl. Erinnerungen an Franz Brentano, in: Oskar Kraus. Franz Brentano / Hua XXV. S. 304 ff.

² Мастером (Meister) Франца Brentano называл Гуссерль; впоследствии, в Гёттингене, его самого будут так именовать его молодые последователи.

и в математических науках. Но точно известно: вступив, и не без колебаний, на философскую дорогу, Гуссерль стал одним из самых значительных философских первооткрывателей XX века.

Еще на лекциях Brentano, как потом вспоминал Гуссерль, произошло нечто весьма значительное для судьбы молодого человека. Правда, вначале Гуссерль пошел на эти лекции скорее из любопытства: он хотел услышать профессора философии, о котором говорила “вся Вена”. Слушал его скорее с недоверием — как математик может слушать философа. Но Brentano, блестящий лектор, положил конец колебаниям. «Скоро я сдался, — писал позднее Гуссерль, — скоро я был полностью пленен уникальной ясностью и диалектической остротой его рассуждений, так сказать, каталептической силой его анализа проблем и его теорий. Сначала из лекций Brentano я почерпнул убеждение, которое дало мне мужество избрать философию профессией своей жизни, а именно, что и философия является полем серьезной работы, что и она может, а значит, и должна быть рассмотрена (трактована) в духе строгой науки»¹. Отметим, что выбор в пользу философии Гуссерль оценивает как акт «мужества»!

18 октября 1886 года Ф. Brentano пишет письмо К. Штумпфу, рекомендуя молодого человека — математика, но «ревностного слушателя философии» — для философской габилитации в Галле. В этой части моей работы я положу начало своему исследованию философских аспектов темы «Brentano — молодой Гуссерль», но сейчас лишь предварю его краткими замечаниями, ибо в общем ракурсе предприняемого здесь анализа, его тематики и драматургии в этом месте работы может быть выполнен относительно небольшой пролог. (Далее в книге будут неоднократные специальные обращения к этой теме.) Ибо, во-первых, сравнительный анализ учений Brentano и Гуссерля как таковых предполагает ознакомление с обоими учениями. А во-вторых, не хотелось бы с самого начала упустить возможность преодолеть одно распространенное в литературе искажение: в ней упомянутый сравнительный анализ нередко осуществляется без учета вполне самостоятельного характера философии Гуссерля и той критической позиции, которую будущий основатель феноменологии весьма по-

---

¹ Hua XXV. S. 305.

чительно по отношению к Brentano, но твердо зафиксировал в следующих словах: «Вначале его восторженный ученик, я никогда не переставал чтить его как учителя, но мне не дано было остаться приверженцем его школы»¹. Эту оценку нам придется вспомнить и впоследствии, когда мы будем и конкретно, и в целом оценивать работы молодого Гуссерля. Поэтому здесь предложу вернуться в ту точку жизненного пути Гуссерля, когда он еще был «восторженным учеником» Brentano и когда различия, размежевания (впрочем, неизбежные и довольно скоро проявившиеся) еще не встали в повестку дня, — и задаться вопросом: что именно в философии и личности Brentano могло не только привлечь внимание молодого математика, но даже вызвать в его душе «восторг, воодушевление» (*Begeisterung*)?

Для (как сказано, лишь краткого) начального ответа на этот вопрос надо, с одной стороны, дать общую характеристику учения Brentano, как оно сложилось к середине 80-х годов XIX века, а с другой стороны, очертить — на основе известных, хотя и очень скудных сведений — первые идеи, творческие замыслы, устремления молодого Гуссерля (ему ко времени встречи с Brentano в 1883 году было 24 года) в их теоретических пересечениях с теми идеями и направлениями философии Brentano, которые ко времени становления Гуссерля как философа уже сложились.

С 1866 по 1872 год Brentano — приват-доцент в Университете Вюрцбурга. Уже тогда начинается воздействие Brentano на его многочисленных учеников, чьи имена вписаны в историю философии и психологии. Ибо «Brentano был харизматическим педагогом»². В Вюрцбурге у него учились Карл Штумпф, Антон Марти, теолог Герман Шелл. Когда Brentano (с 1874 года) преподавал в Венском университете, то его учениками были Алексис Мейнонг, Христиан фон Эренфельс, Франц Хиллебрандт, Эдмунд Гуссерль, Казимир Твардовский, Томас Масарик, будущий президент Чешской республики, и Зигмунд Фрейд. Всё это имена, хорошо известные в истории науки и культуры XIX–XX веков.

Незадолго до начала профессуры Brentano в Вене, а именно в мае 1874 года, вышел из печати I том его книги «Психология с эмпирической точки зрения» (*Psychologie vom empirischen Standpunkt*). И именно эта эмпирическая точка зрения на психологию, по-видимому, выступала на

¹ Hua XXV. S. 313.

² *Gerhard Benetka. Denkstile der Psychologie. Das 19. Jahrhundert. Wien, 2002. S. 192.*

первый план в тех лекциях Brentano, которые Гуссерль — вспомним, еще не выбравший философию в качестве главного дела своей жизни — слушал в Вене. Именно и главным образом на эту работу и на лекции, им прослушанные, он ссыался в своих ранних произведениях «Философия арифметики» и «Логические исследования» (далее сокращенно ФА и ЛИ), когда речь заходила о Brentano. Поэтому нам так важны принципиальные идеи, замыслы, методологические разработки, запечатленные в этом брентановском сочинении, которое, впрочем, так и осталось одним из классических произведений XIX века, весьма влиятельным, часто цитируемым и используемым, вряд ли превзойденным самим Brentano на его дальнейшем, тоже достаточно плодотворном жизненном пути. Нельзя также забывать о факте, ранее отмеченном: Гуссерль, хотя и вдохновленный действительно харизматической *личностью* Brentano, испытавший его глубокое влияние, скорее всего, уже с самого начала занял умеренно-критическую позицию по отношению к *концепции и идеям* своего учителя. Мы и будем здесь исследовать эти концепции и идеи, постоянно задаваясь вопросом: как к ним относился Гуссерль, еще будучи студентом, а потом, уже отправившись — с защищенной первой диссертацией, с благословения и с рекомендацией Brentano — для габилизации в Галле?

Вот главный замысел «Психологии...», выраженный уже в Предисловии: «Мы должны здесь обрести в нашем рассмотрении то, чего математика, физика, химия и физиология, какая раньше, какая позже, уже достигли — создать то ядро всеобщепризнанных истин, к которым впоследствии, благодаря взаимодействию многих усилий, со всех сторон будут прирастать новые кристаллы. На месте *психологий* надо пытаться поставить [одну] *психологию*»¹. При этом Brentano рассматривал научное обоснование и структурирование психологии как предпосылку для коренного обновления, реформирования философии. Судя по отзывам Гуссерля, этот замысел Brentano был первым, что понравилось вчерашнему математику. Возможно, он боялся найти в философских, психологических сочинениях, лекциях расплывчатость понятий и методов. И его весьма обрадовало то, что Brentano призывал обрести в психологии и философии *кристаллы истин, точных и общезначимых*.

---

¹ Franz Brentano. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Leipzig 1874. S. VI.

Этот призыв и эти интенции Brentano не только нашли отклик в душе Гуссерля, что подтверждается в его известных воспоминаниях об учителе, но и оказали решающее влияние на жизненно важный поворот молодого ученого от математики к философии, где он тоже, и всю жизнь, будет искать «точность», «строгость» и «общезначимость».

Второе, что запало в душу Гуссерля и что, однако, проявило свое действие позже — в период создания ЛИ, было Brentanовское *понятие феномена*, вернее, зафиксированное в названной книге различение *физических и психических феноменов*. Правда, Гуссерль станет более широко актуализировать это Brentanовское понятие позже; при этом он иначе, чем учитель, истолкует и использует сей основополагающий и перспективный для будущей феноменологии термин. В ФА это различие тоже используется — хотя лишь в контексте проблемы «отношений» (Relationen) и довольно бегло, — о чем речь конкретно пойдет в разделе, посвященном данной работе Гуссерля. Больше чем это понятийное различие, его в ФА заинтересует Brentanовское разделение «собственных» и «несобственных» (или символических) представлений, в связи с которыми Гуссерль с благодарностью вспомнит именно прослушанные им университетские лекции Brentano (см. ФА, S. 193). А вообще-то присутствие психологии и философии Brentano в ранней работе Гуссерля — и мы это увидим при подробном анализе ФА — относительно небольшое и не идет ни в какое сравнение с вниманием, уделяемым учениям психологов Гельмгольца, Гербарта и даже Штумпфа. Думаю, это не случайно. Позиции Brentano и Гуссерля начали расходиться раньше, чем об этом решился открыто сказать почтительный, благодарный, но самостоятельно мыслящий ученик.

К вопросу о том, был или не был Гуссерль в дофеноменологический период всего лишь последователем Brentano — я тоже не раз обращусь в дальнейшем. И буду решительно оспаривать тезис, согласно которому Гуссерль в самых ранних работах, например, в «Философии арифметики», предлагает исключительно «психологическую интерпретацию», которая в свою очередь объясняется — де, тем, что он идет по следам Brentano, целиком или преимущественно опирается на его наследие (Н. Peuker, 2002. S. 11, 24).

Еще одна категория, а именно «интенциональность» — старое, еще средневековое понятие, актуализированное у Brentano — тоже сослу-

жит свою службу Гуссерлю, начиная с «Логических исследований». Она станет стимулом к формированию и преобразованию, уже в контексте возникшей феноменологии, учения об интенциональности, проблемная широта и теоретическая глубина которого не идет ни в какое сравнение с исходными брентановскими разработками. В интересующий нас период понятие «интенциональности» в работах Гуссерля, насколько мне известно, уже привлечет внимание Гуссерля — но глубоко он разработает его в ЛИ. Но тогда он не пойдет по пути Brentano, а предложит собственное истолкование этого понятия, которое станет центральным уже в первоначальной версии феноменологии, но особенно в развитом феноменологическом учении.

Сейчас достаточно, думаю, сказано для краткого исторического пролога — «вначале был Франц Brentano»... Что этому «прологу», однако, суждено было довольно скоро, уже в ранний период творчества и мучительных поисков Гуссерлем собственного пути, стать преддверием своего рода «теоретической драмы» — нам предстоит исследовать и доказать в дальнейшем.

§ 1. Нострификация, габилизация Гуссерля в Галле

Гуссерль привез в Галле и предъявил для габилизации работу «О понятии числа», которая осенью 1887 года была опубликована (но в книготорговлю она почему-то не попала).

Но прежде чем могла состояться габилизация, Гуссерлю следовало пройти «нострификацию», т. е. сдать в Университете Галле экзамены. Тогда деканом философского факультета был Иоганн Эдуард Эрдманн (1805–1892). Его имя было, несомненно, известно Гуссерлю, ибо И. Эрдманн, в частности, издал вышедшее в 1840 году новое собрание сочинений Лейбница. Оно быстро стало весьма популярным для всех, кто работал в философии или к ней приобщался. Этим изданием Гуссерль пользовался, когда писал ФА. С 1839 года И.Э. Эрдманн — профессор Университета в Галле, в 1887 году — восьмидесятидвухлетний человек (но тогда хорошо и четко выполнявший свою работу). В письме к своему факультетскому коллеге К. Штумпфу декан так обосновыв-

вал эту необходимость: «Г-н доктор Гуссерль, который хочет габилизироваться по философии, должен, — поскольку доктором он стал в Австрии, — пройти нострификацию, т. е. сдать полный экзамен *rigorosum*, который только aus Courtoi (по соображениям вежливости, деликатности — *Н.М.*) будет назван по-другому. Главный предмет — философия»¹. Штумпф же, по просьбе своего учителя Brentano ходатайствовавший за Гуссерля, выдвинул предложение, чтобы Гуссерль все-таки не подвергался строгим экзаменам в полном объеме (*rigorosum*), ибо считал: требованиям подобных экзаменов в значительной мере удовлетворяет сама представленная диссертация. Обосновывая свое предложение, Штумпф в ответе на письмо Эрдманна подчеркивает, что «Гуссерль в своей работе предпринимает попытку выявить психологические корни понятия числа. Одновременно он характеризует существенные моменты содержания гуссерлевской работы» (*Ibidem*. S. 176). «Я считаю результаты в основе своей правильными и доказанными. В этой добросовестности [автора] работы я усматриваю гарантию для успешного продолжения его исследований», — резюмирует Штумпф. У него есть критические замечания, касающиеся формы габиляционного сочинения Гуссерля. Однако ответ на главный вопрос Штумпфу ясен: сначала нострификация, а потом габилизация; но нострификация не должна быть тождественна экзаменам *rigorosum*. Это предложение теперь полностью поддерживает и И. Эрдманн. 20 июня он сообщает о нем и коллегам по факультету, которые также выражают свое согласие (*Beförderer der Logik*, S. 176–177). (То обстоятельство, что психолог К. Штумпф не просто подчеркивает, но даже делает главными, если не единственными психологические составляющие будущей работы Гуссерля, не должно нас удивлять. Ведь иначе было бы неясно, почему психолог К. Штумпф хлопочет за молодого человека, которого хочет сделать, выражаясь современным языком, своим диссертантом.)

И с содержательной, а не только с формальной стороны аргументация Штумпфа была вполне понятна почтенному декану и профес-

---

¹ *Habilitationsakte von E. Husserl*, ИАН, Rep. 21 III, Nr. 139. Здесь и далее цитирую документы по книге, изданной ранее упоминавшимися историками из Галле Г. Шенком и Р. Майер, которые наиболее точно, подробно и основательно изучили материалы из Архива Университета Галле (см. *Beförderer der Logik*. B. 2.1. S. 174.) Вместе с тем я держу в руках копии архивных документов, так что могу подтвердить подлинность публикации.

сору Иоганну Эдуарду Эрдманну (1805—1892 гг.). «Он считался последним гегельянцем и был своего рода посредником между различными направлениями, которые сформировались после смерти Гегеля»¹. Действительно, известность И.Э. Эрдманну — кроме уже упомянутого издания сочинений Лейбница — принесла влиятельная книга «Немецкая философия после смерти Гегеля» («Die deutsche Philosophie seit Hegels Tode»). Но дело было не только в этом. Одной из специализаций И. Эрдманна (не путать с Бенно Эрдманном, о котором речь впереди) была как раз психология, рассмотренная с широкой философской точки зрения в его работах «Очерк психологии» (*Grundrisse der Psychologie*, 1840) и «Психологических письмах» (*Psychologische Briefe*, 1851). Его интересовали также проблемы логики, которые, конечно, интерпретировались в духе немецкого идеализма. Интерес к разработке этой проблематики, который И. Эрдманн обнаружил еще в относительно молодом возрасте, не угас и на закате его жизни — ко времени, когда Гуссерль приехал в Галле². Поэтому можно заранее и смело предполагать, что поиски молодого ученого в направлении *психологического и логического обоснования математических понятий* почтенный философ старшего поколения, от которого теперь в известной степени зависела реабилитация Гуссерля, будет только приветствовать³. Так что благосклонность Эрдманна была, в сущности, гарантирована. Итак, предложения факультета сформулированы.

Гуссерль с готовностью идет навстречу предложениям коллег пройти нострификацию. Пожелание кратко сформулировать содержание реабилитационной работы в нескольких тезисах Гуссерль, как передает Штумпф, тоже находит «вполне естественным». «Согласно Эрдманну, Гуссерль с “большой готовностью” отозвался на то, чтобы 28-ого июня, во вторник, им были сданы экзамены и несколькими днями позднее состоялся диспут по его напечатанным тезисам и чтобы потом он про-

¹ Der Spirituskreis (1890—1958). Bd. 1: 1890—1945, von Günter Mühlpfordt und Günter Schenk in Verbindung mit Regina Meyer und Heiz Schuare. Hallescher Verlag 2001. S. 153. (Далее при цитировании: Der Spirituskreis, с указанием страниц.)

² В будущей книге Гуссерля «Философия арифметики» есть ссылки на сочинения И. Эрдманна, о чем речь пойдет при подробном текстологическом анализе этого написанного именно в Галле сочинения Гуссерля.

³ Там же.

чел пробную лекцию — и уже тогда, получив лицензию, смог бы отправиться на каникулы»¹.

Как видим, философский факультет все-таки должен был предъявить Гуссерлю некоторые формальные требования из-за того, что докторская степень была получена в другой стране (хотя и связанной с Германией тесными научными узами). Однако эти требования были логичными, вполне здравыми и вряд ли строгими. Этому способствовали авторитет хлопотавшего за Гуссерля Карла Штумпфа и благосклонность самого декана И. Эрдманна.

Сдача экзаменов не была для Гуссерля особенно трудным, но, несомненно, была ответственным делом. Надо было заявить о себе перед лицом университетских коллег. И еще одно следует принять во внимание: его экзаменовали ученые, хорошо известные в Германии и за ее пределами, — по математике экзаменатором был сам Георг Кантор, математик мирового класса, впоследствии создатель теории множеств; по физике экзамен принимал Герман Кноблаух, тоже известный в своей области ученый; экзамен по философии был сдан тому же Карлу Штумпфу.

На экзаменаторов Гуссерль произвел весьма благоприятное впечатление. Особенно важен краткий отзыв Георга Кантора: «Согласно Кантору, Гуссерль в течение получасового обсуждения обнаружил здравую способность суждения (*“ein gutes Urteil”*) и доказал, что изучение им математики было основательным и довольно широким». Итак, Кантор отметил молодого коллегу — с этого дня, видимо, началось их общение, а потом и дружба (о чем пойдет речь в специальном разделе). Физик Кноблаух — в отношении своего предмета — дал подобную же оценку. Штумпф также засвидетельствовал: знания экзаменуемого — основательные (*tüchtige Kenntnisse*)².

1 июля 1887 года состоялось обсуждение (*Disputation*) по тезисам, которые были — по предложению факультета — в напечатанном виде представлены Гуссерлем и отражали основное содержание габилюационной работы. Оппонентами на защите были: д-р Герман Винер (*Hermann Wiener*, 1857–1939, который незадолго до этого, в 1885 году сам проходил габилютацию в Галле, впоследствии — в 1894–1927 годах —

¹ *Der Spirituskreis...* S. 177.

² *Beförderer der Logik*. Bd. 2.1. Halle. 2002. S. 177.

он был профессором математики в Дармштадте); студент-математик Герман Шварц (Hermann Schwarz, 1864–1951); дополнительный, по нашему, неофициальный оппонент был д-р Эрдманн (по предположению Г.-М. Герлаха, это был Hugo Erdmann, который на философском факультете университета Галле с 1884 по 1901 год преподавал химию).

Согласно протоколу от 28 июля 1887 года, Гуссерль – в результате обсуждения – был объявлен доктором наук университета Галле (zum Dr. Halensis proclamiert worden)¹. Одновременно была также фактически подтверждена (что в данном особом случае немаловажно) и ранее полученная первая ученая степень. В Германии присуждение второй научной степени (в результате габилизации) в принципе позволяло претендовать на должность профессора. Но это только в принципе... Труднейший путь к положению профессора (и соответствующей оплате) на целые десятилетия растянулся для талантливого ученого-новатора Гуссерля, впоследствии вошедшего в когорту самых выдающихся, быть может, великих философов XX века.

6 июля 1887 года Гуссерль прочитал в университете Галле, как и было обусловлено, пробную лекцию на тему «Следует ли основывать психологию на достоверных наблюдениях или на эксперименте (в психофизическом смысле)». И это тоже подтверждено соответствующим протоколом.

Итак, есть все основания заключить, что первые шаги вчерашнего математика в сторону философии, во всяком случае в смысле формального утверждения в ней, оказались нетрудными и вполне успешными. Коллеги встретили молодого ученого дружелюбно. Перспективы могли казаться обнадеживающими.

Всего через месяц после пробной лекции Гуссерль уже был в Вене. Туда он приехал прежде всего для того, чтобы жениться на Мальвине Штайншнайдер (1860–1950), с которой был помолвлен с 1878 года. Осенью 1887 года молодые супруги переселились в Галле. Началась семейная жизнь – очень трудная из-за материального положения семьи, но по-своему счастливая; Мальвина Гуссерль стала своему мужу опорой, помощницей, другом. Семья росла: в Галле 2 июня 1892 года родилась старшая дочь Элизабет (в семье ее ласково называли «Элли»); 22 декабря 1893 года родился сын Эрхард (впоследствии он стал юри-

¹ Ebenda. S. 177.

стом, профессором права), а 10 сентября 1895 года — сын Вольфганг (в 1916 году ему суждено было погибнуть в битве под Верденом).

Перейдем к начавшейся вскоре преподавательской деятельности молодого доцента.

§ 2. Преподавательская деятельность Гуссерля в Галле.

Трудный путь к признанию

Приезд в Галле, габилизация были для Гуссерля лишь формальными шагами на пути к преподаванию в Университете. Достаточно прочесть «Перечень фактически проведенных занятий в 1887–1901 гг. (Verzeichniss der tatsächlich gehaltenen Veranstaltungen in den Jahren 1887 bis 1901)»¹, чтобы убедиться: Гуссерль читал лекции и вел своего рода «практические занятия» (*Philosophische Übungen*) по коренным и самым общим проблемам философии. Чаще всего — по нижеследующим темам (упоминаю лишь фактически прочитанные лекции):

- *Элементы философии* — летний семестр 1888 г.; *Введение в философию* (Einleitung in die Philosophie) — летний семестр 1892 г., летний семестр 1893 г., летний семестр 1894 г., зимний семестр 1895–96 гг., зимний семестр 1896–97 гг., зимний семестр 1897 г.
- *Введение в теорию познания и метафизику* (Einleitung in die Erkenntnistheorie und Metaphysik) — зимний семестр 1887–88 гг.; введение в теорию познания — зимний семестр 1898–99 гг.
- *История философии: история философии нового времени* (Geschichte der neueren Philosophie) — летний семестр 1899 г., летний семестр 1900 г., зимний семестр 1901 г.
- *Избранные проблемы философии и математики* (Ausgewählte Fragen aus der Philosophie und Mathematik) — зимний семестр 1889–90 гг., зимний семестр 1890–91 гг.

¹ Beförderer der Logik. Georg Cantor. Heinrich Behmann. Edmund Husserl. Hrg. Günter Schenk und Regina Meyer. Halle 2002. S. 210–214. Издатели книги Г. Шенк и Р. Мейер взяли этот перечень из хранящихся в Архиве университета Галле документов. Sieh: Acta d. Königl. Vereinigten Friedrich–Universität Halle–Wittenberg. Die nach dem Lectations–Cataloge angekündigten aufgrund wirklich zu Stande gekommenen Vorlesungen vom Sommersemester 1887 bis Sommersemester 1896. (ИАН, Rep. 4, № 1330).

- *Основные проблемы этики* (Grundprobleme der Ethik) — летний семестр 1891 г., летний семестр 1893 года, Ethik — летний семестр 1895 г.
- *Этика и философия права* (Ethik und Rechtsphilosophie) — зимний семестр 1889–90 гг., летний семестр 1894 г., летний семестр 1897 г.
- *О свободе воли* (Über die Freiheit des Willens) — зимний семестр 1892–93 гг., зимний семестр 1893–94 гг., зимний семестр 1894–95 гг., зимний семестр 1895–96 гг., летний семестр 1897 г., летний семестр 1898 г., летний семестр 1899 г., зимний семестр 1900 г., летний семестр 1901 г.
- *Логика* (Logik) — летний семестр 1889 г., летний семестр 1890 г.; О новых исследованиях по проблемам дедуктивной логики (Über die neuen Forschungen zur deduktiven Logik) — летний семестр 1895 г.
- *Философия Канта. Философские упражнения в связи с «Критикой чистого разума»* (Kants Philosophie; Philosophische Übungen im Anschluß an Kants «Kritik der reinen Vernunft») — зимний семестр 1900–01 гг.
- *Психология* — зимний семестр 1891–92 гг.
- *Доказательства бытия Бога* (Die Beweise für das Dasein Gottes) — зимний семестр 1892–93 гг.
- *Теизм и современная наука* (Der Theismus und die moderne Wissenschaft) — зимний семестр 1893–94 гг.

Вопрос о том, насколько тематика лекций определялась выбором самого Гуссерля, вовсе не прост. Конечно, совсем уж против своей воли он вряд ли согласился бы вести все эти занятия. Однако надо иметь в виду, что существовали принятые в немецких университетах того времени правила и инструкции, согласно которым на философских факультетах следовало вести занятия прежде всего по коренным проблемам философии, что соответствовало тогдашним принципам обучения этой (и всякой другой) специальности. Так или иначе, Гуссерлю пришлось снова и снова вникать во все подобные проблемы, что для него — математика, чье предшествующее философское и историко-философское образование не было систематическим, — оказалось весьма полезным, но и нелегким делом. Чтобы новаторски и самостоятельно двигаться вперед в философии, Гуссерлю следовало подвести под

свои занятия нормальную профессиональную базу. Гуссерль читал также и лекции по специальным проблемам философии математики и логики. Иными словами, темы и проблемы первых будущих работ Гуссерля по философии математики и логики также присутствовали в его преподавательской деятельности в университете Галле, в котором — не забудем этого — трудились известные в этих областях коллеги.

Обращают на себя внимание следующие конкретные обстоятельства, связанные с тематикой лекций и важные для нашего последующего анализа, притом по-своему неожиданные, подчас парадоксальные.

1. Усиленно занимающийся в начале интересующего нас периода проблемами математики, Гуссерль все же редко (лишь два раза) выносит эту тематику в свои лекции. Это можно объяснить тем, что у студентов-философов она, скорее всего, не пользовалась спросом. А ведь неоплачиваемый государством приват-доцент Гуссерль непосредственно зависел от того, записывались ли на его лекции, читаемые главным образом «частным», самым «приватным» образом (как сказано в перечне, *privatum* или *privatissime*), заинтересованные студенты и слушатели.

Что же касается студентов-математиков, которых вполне могли заинтересовать философские вопросы, в немецкой математике всегда привлекавшие внимание, то как раз во время пребывания Гуссерля в Галле количество математиков среди общего числа студентов существенно сократилось. Так, если в 70-х — начале 80-х гг. XIX века студенты-математики составляли от 50 до 90 человек (из общего числа примерно от 800 до 1500 студентов), то в период 1887—1900 гг. их число колебалось в среднем между цифрами 30—13 человек — при среднем общем числе студентов 1500—1600 человек¹. Это обстоятельство, конечно, не было случайным, а отражало тенденции профессионального выбора в Германии конца XIX века (а возможно, не только в ней). Как бы то ни было, Гуссерлю в его преподавании приходилось считаться с объективными фактами. Но были и привходящие обстоятельства, связанные с размежеваниями в профессорской среде университета — между представителями точных, естественных наук и тех дисциплин, которые в Германии именовались «науками о духе». (Об

---

¹ См.: *Beförderer der Logik*. Bd. 2.1. S. 45—46.

этом будет подробнее рассказано в дальнейшем. И тогда станет ясно, почему под удар вдруг попала предложенная начинающим преподавателем профильная для него в то время проблема числа.)

Но дело, думаю, не только в тех или иных приводящих обстоятельствах. Ибо Гуссерль чем дальше, тем больше погружается в философию как таковую — и поиск им новых парадигм происходит не только, даже не столько на философско-математической, сколько на общеполитической почве, правда, тесно связанной с реформой логики (последняя же в конце XIX века была как никогда тесно объединена с математикой).

2. Вместе с тем занятия со студентами по логике тоже были весьма немногочисленными. И это тем более удивительно (а потому требует специального объяснения), что в 90-х годах Гуссерль, как известно, усиленно занимается (о чем подробнее — позже) тщательным и широким по охвату изучением новейшей немецкой литературы по логике, а к концу века включается в настоящую *реформу логики* — уже с позиций собственной феноменологии в ее первом варианте.

3. Аналогичным образом обстоит дело с проблемами психологии, которая в те годы читалась именно на философском факультете. Гуссерль два раза объявляет лекции по психологии, но читает их только однажды (зимний семестр 1891–92 гг.). Относительно объявленных на зимний семестр 1894–95 гг. лекций по психологии Гуссерль делает пометку: «От курса “Психология” я отказался еще до начала семестра»¹. Между тем в это время, как и вообще в Галле, он достаточно глубоко и основательно вникает в проблематику психологии, а *несколькими годами позже* (это NB) — в споры вокруг психологизма, что находит свое резюмирующее завершение в I томе «Логических исследований».

4. Интересен еще один специальный момент: к концу своего пребывания в Галле Гуссерль все больше занимается философией Канта — и соответственно, включает эту тематику в свои учебные курсы. Правда, объявленные на зимний семестр 1899–1900 гг. курсы “Кант и послекантовская философия” (Kant und die nachkantische Philosophie) и «Философские упражнения в связи с “Прологоменами” Канта» (Philosophische Übungen im Anschluß an Kants *Prolegomena*) почему-то не состоялись. Однако уже то, что Гуссерль объявил эти темы, весьма знаменательно.

¹ Beförderer der Logik. Bd. 2.1. S. 212.

Еще раз подтверждается общая закономерность, на которую указывали исследователи феноменологии (которую, в частности, и я раскрывала в ряде своих работ): с самого начала новаторской деятельности Гуссерля в философии и на всех её этапах любой значительный шаг вперед основателя феноменологии был неизменно связан с все более глубоким и самостоятельным переосмыслением философии Канта.

5. Представляется весьма важным также и то обстоятельство, что наряду с общефилософскими, метафизическими, теоретико-познавательными, логическими темами Гуссерль в Галле уделяет внимание также проблемам этики, философии права, в частности, проблематике свободы воли — посвященные им лекции регулярно читались в 90-х годах. Тематика свободы воли была весьма распространенной и даже излюбленной в практике преподавания на философских факультетах немецких (кстати, также и российских) университетов конца XIX века. Вместе с тем из самых различных материалов с очевидностью следует: молодой Гуссерль интересовался этическими проблемами этого рода внутренне, искренне и глубоко; с таким интересом была связана и его озабоченность религиозно-теологической проблематикой¹, хоть и редко, но все-таки включаемой им в специальные лекционные курсы. (Несомненно, она также присутствовала в циклах лекций, посвященных метафизике.)

А теперь — подробнее о том, как Гуссерль совмещал преподавательскую деятельность и исследование, какие работы он написал и опубликовал в Галле. Нижеследующий материал, (кстати, нигде и никогда не фигурировавший на русском языке) и в основном взятый из материалов неопубликованных рукописей Гуссерля (хранятся в архиве Лувена), предполагаю, может заинтересовать скорее специалистов-гуссерлеведов, вникающих в тонкие детали, нежели широких читателей.

* * *

В 1891 году — от начала года и до апреля-мая — Гуссерль был занят исследовательской работой над завершением текста «Философии арифметики». В начале года появилась авторская аннотация к этой книге (*Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie*, 1891, S. 360–361).

---

¹ См. по этому вопросу: Eberhard Avé — Lallemand, *Edmund Husserl zu Metaphysik und Religion* / Husserl in Halle. S. 85–108.

В феврале в письме к К. Штумпфу Гуссерль сообщает: около 200 страниц **ФА** готовы к печати, а следующие 150–200 страниц он намеревается закончить через 9 недель¹.

В марте и апреле выходят из печати две небольшие математические и одновременно логические работы Гуссерля², а вторая — это рецензия на книгу Э. Шрёдера, «Лекции по алгебре логики»³.

А в апреле 1891 Гуссерль пишет Предисловие к **ФА**. Наконец, *в апреле-мае 1891 года I том ФА выходит из печати — и именно в Галле*. Работа содержит посвящение: «Моему учителю Францу Brentano с глубоко искренней благодарностью».

После публикации **ФА** обычная жизнь продолжается — лекции, семинары, хлопоты перед министерством о стипендии и т. д. В исследовательском плане — попытки собрать из соответствующих рукописей и заметок (а их постепенно накапливается немало) заявленный в Предисловии к I тому и в авторской аннотации II том **ФА**.

Вместе с тем некоторые авторы, с которыми Гуссерль делился своими воспоминаниями, утверждают: после выхода в свет **ФА** её автор пережил четырех-пятилетний период депрессии⁴; и это же был «инкубационный период» по отношению к «Логическим исследованиям».

Впоследствии мы вернемся к этому периоду. Сейчас же нас интересует «инкубационный период» **ФА** и теоретический контекст, в каком появилось это произведение.

Важно ещё одно сделанное Гуссерлем *post factum* разъяснение: «К началу 90-х годов, когда я пытался выбраться из невыносимых трудных для меня теоретико-познавательных вопросов о смысле и значимости (*Geltungsart*) математического познания, об отношении логического исчисления (*Logikkalküls*) к остальной аналитической математике и, с другой стороны, к логике, — тогда Больцано, Лотце и Юм оказали мне большую помощь»⁵.

И другое основанное на воспоминаниях Гуссерля пояснение, касающееся именно освоения в тот период работ Лотце: «Решающий импульс

¹ K. Schuhmann, op. cit. S. 29.

² “Der Folgerungskalkül und die Inhaltslogik (Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie, 1891. S. 168–189).

³ Напечатана в Göttingische gelehrte Anzeiger, 1891. S. 243–278.

⁴ Boyce Gibson, op. cit. S. 66; Husserl-Chronik. S. 29.

⁵ Рукопись F III₁–116 в. — цитир. по: K. Schuhmann, Husserl-Chronik. S. 26.

“платонизма” (“он исходил от Лотце”) достиг и Гуссерля. Гуссерль делает теорию познания Лотце предметом самостоятельного изучения. Тогдашнюю рукописную запись с критикой Лотце (=Ms KI₅₉) Гуссерль намеревался поместить в *Прологоменах* в качестве Приложения». Правда, как отмечается на той же странице в *Husserl-Chronik* (S. 26), «платонизм» Гуссерль сначала как бы брал на пробу, говоря, что требуются многие годы для выработки решения по релевантному кругу вопросов. Но вернемся от воспоминаний к конкретному ходу исторических событий.

В начале 1890 года Гуссерль снова читает лекции по избранным проблемам теории математики — и снова в центре внимания оказываются исследования Римана-Гельмгольца, т. е. проблемы неевклидовой геометрии. В летний семестр читаются лекции по логике.

Что касается исследовательской работы и чтения сочинений других авторов, то это проблемы числа, конституции алгоритмов и проработка книг, статей по истории и теории математики (Konrad Zindler, Hermann Hankel, Walter Brix, d'Alembert), и снова же работы Лейбница. На протяжении целого года делаются выписки: из истории математики — о древних греках; из современной (тогда) математики — по проблемам расширения области чисел и т. п.

Возникает серия важных (опубликованных только в XII томе «Гуссерлианы») рукописей-заметок по проблемам философии математики вообще, философии арифметики, в частности.

В 1888–1889 годах, уже занявшись написанием текста ФА, Гуссерль продолжает, естественно, читать лекции и вести занятия в Университете. В летнем семестре 1888 года по понедельникам и пятницам с 16 до 17 часов он читает лекции на тему «Основные проблемы психологии» и ведет семинар «Философские упражнения»¹. В то же время, как видно из манускрипта «Об узости (Enge) сознания», он снова обращается к темам и идеям Brentano. В зимнем семестре 1888/89 годов им читается (по вторникам и пятницам, с 15 до 16 часов) курс «Энциклопедия философии».

В 1889 году Гуссерль занимается проблемой «представлений множественности» (Vielheitsvorstellung) и отрабатывает соответствующую тему для будущей ФА. В январе 1889 года делаются записи, заметки, касающиеся чисел, конституции алгоритмов и исчисления операций.

---

¹ Здесь и далее см.: K. Schuhmann, *Husserl-Chronik*. Den Haag, 1977. S. 23 ff.

В летнем семестре Гуссерль читает лекции по логике (по понедельникам, вторникам, четвергам с 18 до 19 часов), а в зимнем семестре объявляет лекции по этике; читается курс по избранным проблемам философии математики. Карлу Штумпфу Гуссерль сообщает: «По курсу “Философия математики” у меня 8 слушателей... По их желанию я читаю главным образом о проблемах пространства и даю подробную критику теорий Римана-Гельмгольца. По этике я не захотел читать лекции для двух слушателей и отказался от курса» (Ebenda, S. 24).

В зимнем семестре 1889 года Гуссерль снова читает курс лекций «Избранные проблемы философии математики», посвящая их спорным вопросам, касающимся фундаментальных проблем геометрии. В ноябре-декабре им сделаны заметки по отдельным математическим проблемам (переход от дискретного двойного ряда к континууму; о замкнутом континууме, например, о круге — Kugel и др. — Манускрипты под индексами KI_{27/144,146} и KI_{28/81}).

В некоторых феноменологических работах есть такие формулировки: «“Логические исследования” потребовали у Гуссерля 10 лет для своего написания» (В. Гибсон 1)¹.

Это не следует понимать буквально: Гуссерль не писал в начале 90-х годов ЛИ, но идеи, ведущие к этому произведению, уже стали зарождаться.

Что касается историко-философского контекста, то важны следующие указания К. Шумана, основанные на рукописях Гуссерля, о начале 90-х годов: im Ausgang, в истоке тех исследований, которые к началу 90-х годов были по преимуществу теоретико-познавательными, Гуссерль интенсивно занимался Локком, Беркли, но прежде всего, вновь и вновь Юмом, с другой стороны, и Лейбницем; он хотел обратиться к философии Канта, но в основном, однако, читал, презентовал критику в адрес Канта². (В одной из гуссерлевских рукописей — AI_{4/54} — есть извлечения из работ критиков Канта.) Одно интересное воспоминание Гуссерля: «В молодые годы я часто с широко открытыми глазами читал Лейбница в издании Эрдманна (имеется в виду И. Эрдманн, как отмечалось раньше, в годы пребывания Гуссерля в Галле его коллега по

¹ Boyce Gibson. From Husserl to Heidegger: Excerpts from a 1928 Freiburg Dairy / The Journal of the British Society for Phenomenology, 1971(II/I). S. 64.

² K. Schuhmann, op. cit. S. 26.

Университету. — *Н.М.*); и Лейбниц, несомненно, оказал на меня сильное влияние, пусть мои установки тогда были иными. Я был также восприимчив и к некоторым важным рассуждениям Лотце, как и Ламберта и Больцано, и способен к решающим для меня поворотам»¹.

§ 3. Хождения по мукам...

Работа, как мы видим, велась повседневная и огромная, и она обнимала как преподавание, так и исследование. Что же касается институционального статуса и формального признания, то здесь начались “хождения по мукам” молодого талантливого ученого. Не только в Галле он останется без государственной должности и оплаты (как приват-доцент он должен был добывать средства к существованию частными занятиями, редко получая оплату от государства), но и позже, в Гёттингене, Гуссерль не сразу получит почетную должность “ординариуса”, т. е. “полного”, хорошо оплачиваемого профессора, которой он — по единодушному мнению многих авторитетных специалистов — был вполне достоин уже и в 90-х годах.

Эпопея прошений и ходатайств длится все время преподавания в Галле. В 1891 году Гуссерль подает прошение о присуждении ему министерской стипендии приват-доцента. Прошение поддержано Университетом, но Министерство отклоняет его². Только 1 апреля 1893 года Гуссерль получает такую стипендию (1200 талеров), но всего лишь на год; ее приходится до 1898 года продлевать, каждый год подавая соответствующие прошения. На помощь постоянно приходят коллеги, в том числе с других факультетов. Так, юристы, у которых не нашлось столь же достойного кандидата, в 1893 году предоставляют свою “квоту” Гуссерлю, мотивируя решение тем, что коллега-философ “ревностно и успешно” ведет преподавание философии и на их факультете. «В своем письме от 9.02.1895 года на имя ректора фон Лисцта тогдаш-

---

¹ Ebenda.

² Документально подтвержденные сведения обо всех этих перипетиях взяты мною из книги: “*Beförder der Logik. Georg Cantor. Henrich Behmann. Edmund Husserl*”. Hrg. von Günter Schenk und Regina Mayer. Halle, 2002. S. 179 u.f.

ний декан (юридического факультета. — *Н.М.*) Штаммлер, ходатайствуя об оплате для Гуссерля, добавляет что он “опубликовал в “*Philosophischen Monatsheften*, Bd. 30 (1894) получившую высокое признание коллег работу “Философские исследования по элементарной логике” и что, в частности, на нашем факультете он читал получившие одобрение лекции на тему “Этика и философия права”»¹.

Когда в университете Галле в очередной раз освобождалось место профессора, коллеги неизменно выдвигали кандидатуру Гуссерля, хлопотали за него. Но безуспешно. Сначала, в августе 1892 года, куратору в Министерстве от философского факультета подавалось прошение о предоставлении Гуссерлю места экстраординарного профессора. В обосновании говорилось о его сочинениях (к этому времени уже вышла «Философия арифметики») и многосторонней преподавательской деятельности, о заслугах в деле разработки философско-математических и логических проблем. Министерство в своих ответах ссылалось на отсутствие соответствующего места. В 1894 году из Министерства милостиво сообщили, что Гуссерль с 1 августа может носить звание («предикат») профессора; никаких материальных последствий этот «предикат» не имел... В прошении (без даты), подписанном Р. Гаймом, А. Рилем, Г. Файхингером, авторитетными коллегами, профессорами-ординариусами, содержалась просьба о назначении Гуссерля экстраординарным профессором или «по меньшей мере» о выделении ему персональной оплаты. Судя по всему, это прошение уже относилось к концу 90-х годов, потому что в ходатайстве имела ссылка на завершение Гуссерлем 1 тома «Логических исследований» (указывалось также, что только из книготорговых соображений первая книга будет опубликована после завершения 2 тома). «Как сказано в этом письме, автор сочинения обсуждает в нем важнейшие и труднейшие вопросы теоретической философии, выступая против односторонне психологической трактовки логических проблем и с особой остротой указывая на возможность и необходимость чистой логики, независимой от психологии». В прошении также содержится очень высокая оценка коллегами педагогической деятельности Гуссерля: сказано, что он является педагогом, чьи лекции отличаются «чрезвычайной добросовестностью и ясностью,

---

¹ Ebenda.

а также содержательностью» и что их сопровождает постоянный успех у слушателей. Вот почему, пишут коллеги, они видят свой долг в том, чтобы помочь Гуссерлю: столь ценные научные усилия не должны сковываться, парализоваться материальными заботами — а ведь для приват-доцента здесь, в самом деле, вопрос самого существования (Existenzfrage). Обращается внимание и на то, что «Гуссерлю уже предлагали место ординариуса другие факультеты»¹. На основании прошения декан философского факультета К. фон Фрич (Fritsch) пишет письмо куратору Министерства с настоятельной просьбой найти для Гуссерля государственное место экстраординарного профессора.

Многолетние просьбы, прошения, ходатайства только к 1901 году дают свой результат: берлинское Министерство «учреждает для Гуссерля государственное место экстраординарного профессора» — но не в Галле, а в Гёттингене, на тамошнем философском факультете. Правда, в новом Университете, куда Гуссерль переезжает в 1901 году — уже став автором быстро набиравших известность «Логических исследований», — его враждебно встречает университетское сообщество.

Кроме уже названных коллег о научной судьбе Гуссерля беспокоились и пытались ее исправить другие профессора университета Галле. Так, выдающийся немецкий математик Георг Кантор предпринимал усилия, чтобы обеспечить Гуссерлю место ординариуса в Университете Фрейбурга в Брейсгау. Гуссерль станет профессором этого Университета, но в 1916 году, уже после пятнадцатилетнего пребывания в Гёттингене. «Под сильным впечатлением от “Логических исследований” Ф. Альтхофф (1908—1939) (профессор гражданского права, который потом был также и министерским чиновником и занимался в Пруссии реформой высшего образования. — *Н.М.*) настойчиво ходатайствовал перед Министерством культуры Пруссии о профессуре для Гуссерля»².

Итак, можно сделать общий вывод (убедительно подтверждаемый многочисленными документами): авторитетные коллеги, а также управляющие структуры Университета Галле (в лице деканов, ректоров) приложили максимум усилий к тому, чтобы обеспечить приват-доценту Гуссерлю государством оплачиваемые должности экстраординарного и ординарного профессора. Это было продиктовано не толь-

¹ Ebenda. S. 180.

² Ebenda. S. 182.

ко элементарной заботой о человеке, который на свои средства и скудные прибавки от государства должен был содержать растущую семью. Главное все-таки состояло в том, что одаренность, работоспособность, новаторство Гуссерля как исследователя, педагога были достаточно явными, и их честно и справедливо признали, высоко оценили коллеги, в основном, более старшие по возрасту и тогда более известные в науке и философии. Они предъявили Министерству довольно аргументов и доказательств в пользу своих ходатайств и прошений: это были ссылки на опубликованные работы Гуссерля (о них у нас впоследствии пойдет речь), а в конце века — и на подготавливаемые «Логические исследования», которые уже в начале XX века станут своего рода сенсацией в мире философии, а затем (согласно более поздним оценкам выдающихся мыслителей, например, Рассела, Дильтея или Хайдеггера) прочно войдут в перечни наиболее значимых философских произведений XX столетия.

Для Гуссерля признание коллег, пришедшее раньше официально признанного прочного статуса, было существенной жизненной поддержкой. О чем он ясно скажет позже. «Меня поддерживало доверие служивших образцами, высокопочитаемых старших коллег...»¹.

Однако то, что хорошо чувствовали, понимали и четко выражали университетские коллеги уже в Галле, было неведомо и чуждо министерским чиновникам, принимавшим жизненно важные (в данном случае для Гуссерля и его семьи) решения.

В 1905 году философский факультет Галле снова вернется к вопросу об «ординарном» профессорстве для Гуссерля, который с 1901 года уже работал в Гёттингене. А. Риль (раньше, напомним, неоднократно ходатайствовавший за Гуссерля) переехал в Берлин. На его место искали замену, и сразу вспомнили о Гуссерле. Гуссерль вряд ли стал бы возвращаться в Галле; в конце концов на месте Рили в Галле стал трудиться достаточно известный тогда философ Юлиус Эббинхаус (1850—1909). Важно, однако, что факультет в своих рекомендациях снова высоко оценил исследовательские и педагогические заслуги Гуссерля, назвав его чрезвычайно основательным, оригинальным философом и ученым, мыслителем в высшей степени острого ума, педагогом, лек-

---

¹ Цит. по: *H.M. Gerlach*. Der Philosoph Edmund Husserl in Halle (1887—1901) // 300 Jahre in Halle. Halle, 1992. S. 481.

тором, добившимся большого успеха¹. Все это было верно, а в 1905 году и достаточно очевидно. Тем не менее в Гёттингене Гуссерля тоже ждало испытание, правда, прямо противоположного свойства: здесь ему противодействовали коллеги (надо сказать, не столь известные и значительные, как его сторонники в Галле); Министерство же, напротив, было (наконец) на стороне Гуссерля. «Невзирая на волю факультета» в 1906 году оно создало для Гуссерля «персональное» место ординарного профессора по философии. Но это уже особая история, о которой я ранее писала; к исторически-временным этапам, центральным для данной работы, она прямо не относится.

Одно надо подчеркнуть в заключение этого повествования в I части книги: чиновничий мир разных времен и народов, на протяжении последних веков управляющий наукой, в большом долгу перед учёными — и, как это ни парадоксально, особенно перед выдающимися учёными с громкими именами, чей путь к официальному признанию куда как часто оказывался и оказывается чрезвычайно трудным даже в тех случаях, когда их объективно, своевременно, справедливо признает и высоко оценивает само научное сообщество. Тема «Гуссерль в Галле» убедительно подтверждает это общее суждение. История молодого Гуссерля может быть показательным уроком для чиновников от науки. Если в конце XIX века, когда праздновали 200-летие Университета в Галле и коллеги снова и снова безуспешно хлопотали перед Министерством о получении официальной, государством оплачиваемой профессорской должности для приват-доцента Гуссерля, то через 100 лет, в 1994 году, когда торжественно отмечали 300-летие Alma Mater Halensis, Министр науки и образования земли Саксония-Ангальт написал: «Еврейско-немецкий философ Эдмунд Гуссерль, который в качестве приват-доцента преподавал в Alma Mater, в Университете Галле, [затем] вплоть до 30-х годов 20 века оказывал международное воздействие благодаря развитию своей школы. Он далеко предвосхитил свое время, его влияние, осуществляемое со стороны наук о духе, переступало через [государственные] границы, распространяясь на различные континенты»². Итак, можно сказать, что справедливость все-таки восторжествовала. (Есть, правда, один грустный момент, свя-

---

¹ Siehe: *Beförder der Logik*, 2.1. S. 182.

² *Husserl in Halle*. S. 6.

занный уже с началом XXI века. Во время пребывания в Университете Галле я с удивлением, если не сказать резче, обнаруживала: имя Гуссерля и тот факт, что он провел в этом университете 13 лет, вряд ли что-то говорят даже нынешним университетским профессорам других специальностей. А ведь это почти то же, как если бы философы не знали имен и заслуг выдающихся физиков.)

В 1901 году Гуссерль, скорее всего, покидал Галле с двойственным чувством. Годы, проведенные в городе и его Университете, оказались (прежде всего в материальном отношении и в отношении официальной карьеры) в высшей степени трудными. Но признание коллег, дружба со значительными, интереснейшими людьми — это согревало, давало силы и стимулы для дальнейшего творческого труда. Главное же, поскольку в этом городе с относительно скромной тогда (в сравнении с другими немецкими городами) философской славой он сделал, как сказано, выдающееся открытие, пролагающее новые, неизведанные пути в развитии философии и в научном движении его самого — постольку по большому объективному историческому счету и с точки зрения жизненного предназначения ученого, философа баланс был весьма и весьма положительным. А в свете дальнейшей перспективы феноменологической философии и просто грандиозным. Но об этом сам Гуссерль пока еще не знал...

§ 4. Оценки деятельности Гуссерля в Галле

Говоря об эпохе и, конкретнее, о том времени, когда Гуссерль (с растущей семьей) поселился и работал в Галле, мы отметили динамичный характер развития Германии этого времени, повышение статуса науки и образования и другие факторы, которые, взятые в целом и объективно, могли способствовать и *действительно способствовали* (о чем подробнее — дальше) плодотворной работе молодого ученого. Но в том-то и дело, что объективные предпосылки всегда непрямо, неоднозначно преломляются через умонастроения, личностный строй, мироощущение личности. К тому же даже и несомненно высокие результаты труда ученого достигаются через трудности, сомнения, даже страдания личности. И ещё они объединяются с теми перипетиями судьбы исследователей,

особенно молодых, которые обуславливаются житейскими фактами и трудностями. Ровно это случилось в судьбе раннего Гуссерля в годы его пребывания в Галле. Что отразилось в некоторых его собственных — достаточно мрачных — оценках этого периода жизни и творчества.

Гуссерль, казалось бы, должен был, живя и работая в Галле, испытывать подъем — и не столько потому, что сознательно приспособлялся к динамическому ритму окружающей социальной жизни, сколько в силу погруженности в науку, в творческий поиск, относящиеся к коренным чертам научного познания. Но из-за стечения разных обстоятельств он испытывал не только творческий подъем, но и вынужден был преодолевать немалые трудности на своем пути, что порой повергало молодого ученого и мыслителя в духовные состояния, граничившие с депрессией.

Сам Гуссерль (по свидетельству Д. Кэрнса, одного из биографов основателя феноменологии) так говорил о своей молодости, и именно о годах, проведенных в Галле: «И мне в юности было трудно; я страдал от долгих приступов депрессии, вплоть до полной утраты всякого доверия к самому себе; я пытался также советоваться с невропатологом. По большей части дело было в моих философских затруднениях, относительно которых я лишь много позднее узнал, что *это были затруднения тогдашней философии*, неясность и лишь кажущуюся научность которой я поначалу должен был относить к самому себе. *Меня поддерживало доверие служивших образцом и достойных уважения людей, старших коллег* (я тогда уже был приват-доцентом)... В философской работе я решил не выдвигать каких бы то ни было великих целей и считать себя счастливым уже тогда, когда я мог там или здесь создать для себя хотя бы маленькую полоску твердой почвы в болотах бессодержательной неясности. И так я жил, двигаясь от одного отчаяния к другому, от одного нового подъема к другому. И наконец за эти трудные 14 лет моего приват-доцентства в Галле все же забрезжило начало — “Логические исследования”, которые дали мне остановку и надежду. Этой работой я сам себя вылечил”¹. Приведенная целостная гуссерлевская самооценка времени в Галле (Hallenser Jahre) дана, впрочем, много позже этого времени, в 1930 году. Совсем не верить Гуссерлю, его воспоминаниям нет оснований. Но и то надо принять в расчет, что в конце жизни любого человека

¹ Из рукописей Гуссерля (RI Cairns, 21.III.30). Цит. по: Husserl—Chronik. Denk — und Lebensweg Edmund Husserls. Den Haag, 1977. S. 22. (курсив мой. — *Н.М.*).

у него нередко образуется некоторая абберрация по отношению к собственным молодым годам. Они то излишне романтизируются («как молодцы мы были, как искренне любили, как верили в себя», поется в одной популярной российской песне), либо сугубо драматизируются.

Что Гуссерль в Галле порой страдал от тяжелых состояний, граничащих с депрессией, скорее всего подтверждается фактами. Действительно, у него долго не было уверенности в том, что избрав, в конце концов, философский путь, он вышел именно на *свою* дорогу. Некоторое время она, в самом деле, казалась ему чужой, пугающей — чем-то вроде болота, в котором тебе грозит гибель, если не найдешь устойчивой, твердой полоски земли. Справедливо и то наблюдение, что начинающему философу (не только философу, конечно) непросто разобраться, какие его затруднения (*Versagen*) проистекают из собственных трудностей роста, а какие связаны с тупиками современной ему науки и философии. Однако есть ещё одно принципиально важное обстоятельство, лучше объясняющее внутреннее состояние молодого ученого, чем его собственные воспоминания. Если бы он, как сам то определяет, не задавался «великими целями», а избирал совсем скромные задачи и удовлетворялся рутинной работой в избранной философской области (какой удовлетворяются многие люди), то его, скорее всего, не преследовали бы такие мучения, терзания духа. Ибо все дело состояло, по моему мнению, именно в том, что *он* — видимо, не вполне признаваясь в этом самому себе — *уже в Галле ставил перед собой как раз «великие задачи»*. И Гуссерль стал хоть немного излечиваться после того, как создание «Логических исследований» придало ему искомую уверенность: в философии сделано нечто значительное.

Личностные качества Гуссерля, о которых идет речь, объясняют многие моменты, стороны его жизни в Галле: постоянный упорный труд, поиски нового, и столь же постоянное беспокойство, даже приступы неуверенности и отчаяния, а потом новые подъемы духа. Однако у тех, кто знает рисунок всей жизни и поведения Гуссерля, есть основания скорректировать его самооценки и сделанные постфактум описания жизни в Галле.

Во-первых, эти оценки раннего труда, сделанные в разное время, могут не просто различаться, но противоречить друг другу. (И это будет подробнее раскрыто в нашей книге.)

Во-вторых, Гуссерля на протяжении всей жизни и мучил, и вдохновлял *дух высочайшей требовательности к себе и непрерывного поиска нового*, почему закончив ту или иную значительную работу, подводя черту под тем или иным периодом жизни, он был склонен если не совсем перечеркивать, то серьезно обесценивать недавно сделанное. Лишь через много лет приходили более спокойные и более взвешенные оценки. Так было, в сущности, всегда. После выхода в свет «Философии арифметики» Гуссерль снова переживает депрессию, которая, по его рассказам, длилась три или четыре года (Husserl—Chronik, I, S. 29). Затем следует инкубационный период, и в результате — вроде бы «целительные», по его собственной оценке, «Логические исследования». Однако очень быстро начинается если не отход от идей и позиций, выраженных в этом — на деле — выдающемся произведении XX века, то во всяком случае новый поиск, новый «инкубационный период»... Закончен он был выходом в свет I тома «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913 год), которые повергли в недоумение его уже многочисленных тогда учеников и последователей неожиданностью обновленной концепции. А на пути к этому — тоже выдающемуся — произведению снова периоды упадка духа... Впоследствии, в 20-х—30-х годах, новые сомнения, но и отчаянные усилия и поиски, заканчивающиеся — опять-таки выдающейся — работой «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология».

В-третьих, обычная повседневная жизнь ещё и потому не совпадает с последующими о ней воспоминаниями, что она богаче, многограннее, многокрасочнее любых воспоминаний. Ведь Гуссерль приехал в Галле относительно молодым человеком. Он привез в город жену Мальвину, урожденную Штайншнайдер, и она стала ему прекрасной женой, преданным другом, матерью его детей, которые, как уже говорилось, один за другим рождались в Галле. А значит, не только труд, но и молодость, любовь, семья, дети должны были тоже наполнять жизнь Гуссерля, который, по отзывам знавших его людей, высоко ставил семейные ценности.

Наконец, в-четвертых, в Галле сложился круг друзей, чьи имена нередко — на первом месте стоит имя старшего коллеги и друга Георга Кантора — вписаны в историю немецкой науки и культуры, что называется, золотыми буквами.

Значит, есть все основания в чем-то довериться Гуссерлю, впоследствии набросавшему драматическую картину жизни в Галле, но и взять это описание, что называется, *cum grano salis*. Убеждена, что в этой жизни Гуссерля и его молодой семьи было место всему: и радостям, удовольствиям молодости, любви, семейной жизни, и содержательной, яркой дружбе и общению с выдающимися людьми, и порывам творчества, тоже приносящим счастье и удовлетворение. Но было, разумеется, место и тому, о чем искренне и исповедально писал сам Гуссерль — отчаянию, неуверенности в себе, сомнениям, неудовлетворенности сделанным. На умонастроения очень серьёзно влияло и необеспеченное материальное положение растущей семьи. Ведь несмотря на несомненные для коллег заслуги приват-доцента Гуссерля и их ходатайства перед министерством о профессорстве для него, он все тринадцать лет так и оставался в своей скромной и в принципе неоплачиваемой должности, лишь изредка получая государственную помощь несопоставимую с профессорским окладом. Чтобы жить, по-мужски содержать семью и творчески, плодотворно работать, ученому требовалось немалое мужество. Вот почему так важно свидетельство Мальвины Гуссерль о том, что все годы в Галле Гуссерль, проходя мимо одного из зданий *Frankeschen Stiftung (Waisenhaus)*, не упускал возможность снова и снова прочитывать выбитое на его фронте библейское изречение «Кто привержен Богу, обретает новую силу», — эти слова он сделал «своим жизненным девизом»¹.

§ 5. Главный итог пребывания в Галле: феноменология — «неожиданный и незванный гость» (Гуссерль)

Эти слова: феноменология — «неожиданный и незванный гость» («*ein unerwarteter und nicht verlangter Gast*») были произнесены Гуссерлем 12 июля 1922 года, когда он читал в Лондоне доклад и ретроспективно обратился к истории своего продвижения к феноменологической философии. А ведь приход этого гостя (собственно, и в русском, и в немецком варианте слова «феноменология», гостыи) состоялся

¹ Husserl—Chronik. Bd. I. S. 22.

именно в Галле, к концу XIX века и совпал с оформлением «Логических исследований», второй том которых имел ясный в этом отношении подзаголовок «Исследования *по феноменологии* и теории познания» (Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis).

Кстати, делая в 1994 году в Галле доклад на тему «Edmund Husserl zu Metaphysik und Religion» (Э. Гуссерль о метафизике и религии), известный немецкий исследователь феноменологии Эберхард Аве-Лаллеман (Мюнхен) вполне уместно напомнил: «В скобках я хотел бы обратить внимание на только что открытый впечатляющий факт: уже полтора столетия назад как раз здесь, в Галле, впервые был употреблен термин “феноменология”, а именно в 1736 году это сделал Фридрих Кристоф Отингер (Oetinger), впоследствии известный швабский ученый, метафизик и теолог»¹.

Вопрос о том, откуда пришел именно к Гуссерлю сам термин «феноменология», остается открытым. Вряд ли, конечно, он был заимствован им у Отингера. И ведь после Гегеля философу, начинавшему свое развитие в XIX веке, не приходилось искать термин «феноменология» в произведениях прежних столетий. Но суть вопроса, я думаю, не в этом. Скорее надо понять, почему Гуссерль, чья внешняя отстраненность, если не враждебность по отношению к философии Гегеля — исторический факт, в нужное ему время все же воспользовался тем же термином для обозначения учения, существенно отличного и во всяком случае резко отличаемого им самим от гегелевской феноменологии. В контексте нашего исследования, тем более на предварительном его этапе не могу освещать эту тему подробно. Она будет вплетена в самое конкретное текстологическое исследование ранних произведений Гуссерля. Что нас станет особенно интересовать, так это движение Гуссерля к *собственной феноменологии*, которое происходило именно в Галле. Из оценок Гуссерля ясно, что оно было драматичным и даже для него самого непредсказуемым. Иначе откуда же явился бы этот образ: новая, именно гуссерлевская феноменология пришла вдруг, подобно гостю (гостье), которого (которую) не ждали, не приглашали — и раньше как бы совсем не знали. Пусть новая феноменология сначала пришла неожиданно и без

---

¹ Об истории и развитии понятия «феноменология» см. прекрасную книгу: *Niels W. Bokhove. Phänomenologie — Ursprung und Entwicklung des Terminus im 18 Jahrhundert*, Utrecht 1991. S. 138 ff.

приглашения. Но ведь потом она стала «своей» и «главной» в круге идей, концепций, методов, разрабатываемых Гуссерлем всю последующую жизнь; более того, она разрослась в широчайшее философское движение, одно из самых важных и влиятельных в XX и XXI веках.

Драматическую ситуацию первых явлений феноменологии Гуссерля в данной книге хотелось бы реконструировать в максимальной близости к историческому оригиналу и к конкретной духовной сцене Галле, на которой история идей, причудливо и неожиданно переплетаясь с историей творческой жизни Гуссерля, эту драму и разыграла.

Но ведь феноменология в более или менее определенном виде «явилась», что называется, под занавес тринадцатилетнего пребывания Гуссерля в Галле. И поэтому её место — ближе к эпилогу книги. А *предвестия и предпосылки* будут заботливо очерчиваться по ходу всего предпринятого здесь анализа, в тех пунктах творческого движения Гуссерля, где они, хотя бы смутно и предварительно, но уже просвечивают...

* * *

После того как были суммарно и предварительно представлены главные обстоятельства, факты, оценки, относящиеся к тринадцатилетнему периоду жизнедеятельности молодого Гуссерля в Галле, в моей книге наступает черед исследования большого комплекса исторических *предпосылок идейного, духовного, историко-научного* характера, на которые и объективно, и субъективно, сознательно с самых первых своих шагов в философии опирался будущий создатель новой феноменологии. Поскольку, как уже было отмечено (и будет последовательно доказываться на протяжении всего нашего исследования), Гуссерль осуществлял специфическое синтезирование знаний из нескольких дисциплин (математики, философии, логики, психологии), эти исторические предпосылки соответственно относились к обширным комплексам наук. Вот почему для освоения, в рамках нашего анализа, этих комплексов (и отчасти еще раньше осуществленных междисциплинарных синтезов идей, а главное, прямое или косвенного отношения к ним уже и в ранних самостоятельных работах Гуссерля), потребовалось охватить огромный материал по истории соответствующих наук. И все же главная особенность нашей работы: это будет материал, всег-

да так или иначе связанный с историей философии. Дело не столько в личном интересе автора. Ведь вчерашний математик Эдмунд Гуссерль, как отмечалось, в конце концов выбрал своим жизненным делом философию. Но здесь по крайней мере в двух отношениях в комплексах синтеза фигурировала не чистая философия и ее история. Во-первых, для Гуссерля она изначально выступала преимущественно как философия *математики*. Во-вторых, возникает вопрос: каковы были разделы других дисциплин, к которым имел отношение исследовательский труд раннего Гуссерля (логика, психология) — а именно и вполне конкретно — какие понятия, проблемы, дискуссии непосредственно повлияли на первые философские опыты Гуссерля?

Хочу предупредить читателей, что ответы на этот и множество других вопросов, касающихся теоретического, в том числе философского и конкретно-научного контекстов развития раннего гуссерлианства, будут даваться в разных местах данной книги, в разных формах и на разнообразных уровнях анализа. Затем самые близкие, непосредственно сплетенные с гуссерлевскими текстами аспекты будут максимально конкретно, текстологически разбираться в ходе исследования ранних произведений философа (как правило, не переведенных на русский язык и в самой малой степени, скорее стремившейся к нулю, чем к единице, попавших в орбиту обстоятельных отечественных исследований...). Другие, более отдаленные от первых текстов Гуссерля, но несомненно повлиявшие на его становление произведения, области знания (например, из истории родной ему математики) будут рассматриваться в специальных *Приложениях*. В Приложениях же помещены экскурсы, в которых анализируются конкретные историко-философские исследования, касающиеся авторов XIX века, ссылки на произведения которых чаще всего встречаются в ранних работах Гуссерля, но которые мало известны в сегодняшней российской мысли, хотя подчас были неплохо знакомы отечественным философам конца XIX века и рубежа этого и XX столетий...

Но сначала, во II части будут рассмотрены философские, (шире) духовные достижения, с которыми Гуссерль не мог не познакомиться (разумеется, с разной степенью своей творческой причастности и компетентности) во время службы в Университете Галле и личного знакомства с крупнейшими фигурами из различных так или иначе близких к философии областей знания.

ЧАСТЬ II.

Философы старшего поколения в Университете Галле-Виттенберг

*Факсимиле части рукописного
документа о сдаче вступительного
экзамена в университете Галле-
Виттемберг.*

*Подписи экзаменаторов
Георга Кантора и Карла Штумпфа.*

ГЛАВА 1. РУДОЛЬФ ГАЙМ

Когда Гуссерль попал на философский факультет Университета Галле, он не мог обойти вниманием внушительную фигуру патриарха философии профессора Рудольфа Гайма (Неум, 1821—1901), которого по справедливости называют «Нестором философии Галле» (*Spirituskreis*, S. 47). Действительно, его жизненная судьба была тесно связана с Университетом Галле и вообще с этим городом. Он изучал теологию, философию и классическую филологию в Галле и Берлине, в 1843 году в Галле же получил степень доктора философии. Некоторое время преподавал в гимназии Берлина, затем стал свободным публицистом. В 1845—1848 годах снова оказался в Галле. Во время революции 1848 года Гайм был членом Немецкого национального собрания; в 1849/50 годах он снова свободный писатель в Грюнберге и Галле. В 50-х годах начинается преподавание Гайма в университете Галле: с 1850 года он — приват-доцент философии, с 1860 года экстраординариус, а с 1868 года — ординариус философии и истории литературы. В разное время Гайм занимался журналистикой: так, в 1850 году он был редактором газеты «*Konstitutionelle Zeitung*» («Конституционная газета»); в 1858—1864 годах основал издание «*Preußische Jahrbücher*» и был его Herausgeber (в нашей терминологии — главным редактором). В 1866/67 годах Гайм избирался в Прусский парламент.

Как можно заметить, Гайм стал ординариусом довольно поздно — в 1868 году ему было 47 лет. Причинами исследователи считают его умеренный политический либерализм (*Spirituskreis*. S. 153), постоянное вмешательство в политику. Сам Гайм называл себя правым национал-либералом (*Ibidem*). Известность в ученом мире — и не только среди философов — Гайму принесли его книги «Гегель и его время» (*Hegel und seine Zeit*, 1857) и «Романтическая школа» (1870). Он об-

ладал замечательным талантом ясно, ярко и в то же время содержательно воспроизводить философские идеи в контексте эпохи и в процессе их внутреннего развития. И всякому, кто хочет ознакомиться с философией Гегеля, можно и сегодня рекомендовать прочитать названное сочинение Гайма. К слову, оно всегда было популярным в нашей стране, а в 1891 году было переведено на русский язык.

В 80–90-х годах XIX века Р. Гайм и И.Э. Эрдманн уже были, так сказать, осколками уходящей в прошлое философской школы – самой влиятельной в Германии первой половины века, хранившей традиции немецкой классической мысли. В начале развития Гайма как мыслителя наибольшее воздействие на него оказывала не философия Канта, а философия Гегеля. А ведь к концу столетия, как известно, философская мысль решительно поворачивала «назад к Канту!». Это имело место и в Университете Галле. Ко времени прибытия Гуссерля в этот Университет позиции гегельянства были здесь окончательно утрачены. Кстати, и раньше в Галле они не были особенно сильными, и их справедливо связывали скорее с авторитетом самого Гайма. Исследователи констатируют: к тому периоду, когда в Галле нахлынули кантианцы (их духовным лидером был энергичный Бенно Эрдманн), университет «правда, располагал в лице “последних гегельянцев” И. Эрдманна и Р. Гайма представительной линией связи с классическим идеализмом раннего XIX столетия. Но уже немало лет оба ученых были обязаны оказываемым им уважением скорее своему личному авторитету и своей теперь уже исторической славе, нежели непосредственному влиянию их философии на отдельные науки» (Spirituskreis, 227).

Причины сложившейся ситуации были и общего, и местного характера. Казалось бы, не так много времени прошло с тех пор, когда споры вокруг философии Гегеля доминировали в немецкой мысли. Но разочарование в гегельянстве было весьма сильным, что можно в первую очередь отнести к влиянию социально-исторических изменений, затребовавших иной тип философского мировоззрения и вызвавших к жизни волны позитивизма, который был особенно враждебен идеалистическим концепциям гегелевского типа.

Неправильно было бы забывать и о том известном факте, что после смерти Гегеля его дело оказалось в руках соперничавших представителей его школы, которые отнюдь не были слабыми в интеллектуаль-

ном отношении фигурами, но, конечно, по глубине философского анализа, новаторству никак не могли сравниться с учителем, родоначальником школы. Главное же, они растаскивали философию Гегеля в противоположные стороны в угоду своим леворадикальным или, напротив, правоконсервативным социально-политическим позициям. Недаром же и Гайм в искреннем письме своему сыну (11 июня 1880 г.) писал, что в студенческие годы «с энтузиазмом читал Фейербаха и Руге, позволив себе увлечься их радикальными взглядами». И — признается Гайм — это увлечение пришло раньше, нежели он оказался в состоянии «контролировать эти взгляды с помощью Гегеля, Канта и т. д.»: ведь произведения самих этих классиков, «как солидную пищу», он во время увлечения левым гегельянством еще не освоил¹. В таком же положении оказалось немало молодых людей, прошедших через подобные увлечения, но — в отличие от Р. Гайма — так и не возвратившихся к первоисточку, т. е. к самому Гегелю. Итак, к концу XIX века мало кто в философии Германии надеялся, что раздастся клич: «Назад к Гегелю!» (Правда, новое движение в этом направлении было не за горами.) В других странах в это время, кстати, к великому немецкому философу относились благосклоннее, чем на родине. Впоследствии влияние философии Гегеля так или иначе сохранялось, то возрастая, то уменьшаясь. Но для нас важно, что именно в конце XIX и начале XX века и как раз в Германии кривая этого влияния резко поползла вниз.

Обрисовать специально эту ситуацию в данной работе не представляется возможным, тем более что она достаточно подробно освещена в специальной литературе. Здесь для нас существен вот какой объективный результат: *поколение Гуссерля выросло, не только не испытывая еще недавно мощного воздействия философии Гегеля, но все более отчуждаясь от нее*. И впоследствии Гуссерль редко и в основном неодобрительно отзывался о гегелевской философии.

Правда, в высшей степени сложная тема «Гуссерль—Гегель» никак не укладывается в рамки такой оценки: на деле связь двух феноменологий, гегелевской и гуссерлевской, более прочна, чем это представляется на первый взгляд и чем это рисовалось самому Гуссерлю (здесь

---

¹ Siehe: *Rosenberg, Hans* (Hrsg.). *Ausgewählter Briefwechsel. Ludolf Haym*. Stuttgart / Berlin/Leipzig. 1930.

мы не можем вдаваться в эту специальную тему сколько-нибудь основательно).

Трудно сказать, повлияло ли и как повлияло на Гуссерля то обстоятельство, что среди его коллег в Галле был такой известный исследователь Гегеля и, несомненно, яркий философ, как Рудольф Гайм. Полагаю, на молодого ученого, вчерашнего математика больше воздействовала атмосфера того противодействия, которое оказывали линии Р. Гайма — И. Эрдманна как сконцентрировавшиеся в Галле неокантианцы, так и представители других, прежде всего позитивистско-реалистических философских направлений. К 80-м годам оба названных патриарха университетской философии не имели во всех общих делах факультета сколько-нибудь заметного влияния и веса. А главное, представляемые ими теоретические линии воспринимались как рудименты навсегда утраченного философского времени. Поэтому *антигегельянские интенции системы философского образования, еще в Австрии усвоенные Гуссерлем, в Галле могли лишь закрепиться*. Наличие монументальной фигуры Гайма здесь мало что могло изменить. Правда, впечатляли преданность этого философского патриарха идеям и ценностям гуманитарной культуры, его острый и глубокий ум, интеллигентность, доброжелательность, такт, яркое перо, — все, чего никак нельзя было не заметить и что, вероятно, все-таки оказывало влияние на коллег Гайма. Полагаю, что молодому Гуссерлю, как и другим его коллегам, не были чужды тревоги Гайма по поводу прагматизации всего уклада жизни, обесценивания культуры, выхолащивания смысла все более суетливой и лицемерной политики. Этот философ, проживший свою долгую жизнь в XIX веке, с тревогой и прозорливостью всматривался в будущее своей страны. Вот отрывки из его писем: «Даст Бог, мы после всей этой великой политики когда-нибудь еще обретем хоть немного философии, морали и поэзии. Выборы, ландтаг, рейхстаг приносят мало радости»¹, — пишет Гайм в письме от 22 марта 1877 года. (Как это, кстати, перекликается с горькими ощущениями философов других стран и эпох — когда, как в наше время, приходится желать восстановления влияния «философии, морали и поэзии»!) Или по существу та же тема в письме от 26 февраля

---

¹ Rosenberg, Hans (Hrsg): op. cit. Nr. 250. S. 303.

1890 года: «И что выйдет из нашего прекрасного Немецкого Рейха? Как будет называться история последних десятилетий нашего столетия? Не приведет ли нас со всей необходимостью наш демагогический избирательный закон к гибели (*ins Verderben?*)»¹.

Вникая в материалы, характеризующие Гайма как личность и как философа, обрисовывающие его жизненный путь², и пытаясь представить, как Гуссерль мог относиться к этому патриарху философского факультета (остававшемуся его профессором как раз до того года, когда Гуссерль покинул Галле), сначала можно подумать, что ориентации, устремления, пути двух коллег, старого и молодого, совершенно противоположны. Действительно, жизнь и труд Гайма были связаны с его бурным социально-политическим (либеральным) темпераментом, с попытками примкнуть к реформаторским кругам везде, где они появлялись — в политике, в сфере образования, в религиозной практике. Гуссерль же, и не только в молодости, но и во время своего успешного профессорства в Геттингене и Фрайбурге, стоял в стороне от политической деятельности, не занимался непосредственно даже политикой в сфере образования и науки. И еще одно: Гайм был религиозным мыслителем; с молодости он живо интересовался проблемами политики государства в сфере религии. Гуссерль же, незадолго до приезда в Галле (26.04.1886 г.) перешедший в протестантство и оставшийся преданным этой вере до конца своей жизни, не проявлял, однако, ни особого практического, ни теоретического религиозного рвения — в том смысле, что проблемы теологии, философии религии не были в центре его работы. Правда, немало серьезных исследователей феноменологии, опираясь главным образом не на опубликованные работы, а на рукописи, придали теме «Отношение Гуссерля к религии» особое значение. И, например, такой вдумчивый исследователь, как Эберхард Аве-Лаллеман (в статье, помещенной в книге «Гуссерль в Галле»), показал, что проблематика метафизики в философии Гуссерля то и дело восходила к темам религии и что с периодом пребы-

---

¹ Ibidem. S. 349.

² К числу этих материалов принадлежит прекрасная книга воспоминаний самого Гайма, вышедшая после его смерти — «Из моей жизни. Воспоминания» (*Aus meinem Leben. Erinnerungen*. Berlin 1902.) К огромному сожалению, последние десятилетия жизни Гайма не получили в ней отражения.

вания в Галле это связано тесным образом¹. Мы не будем специально вникать в этот частный, пусть и важный вопрос, ограничившись констатацией факта: ни в ранних, ни в последующих *работах* Гуссерль не был ни религиозным мыслителем, ни тем более исследователем теологии. Правда, упоминания о *Gottesfrage*, о вопросе, касающемся бога, нередко встречались в гуссерлевской феноменологии (Ibidem. S. 97) и разрабатывались в феноменологической литературе². Что касается личной религиозности, то приходится констатировать: выбор Гуссерля между теологией и философией был сделан уже в молодости, притом раз и навсегда. И он был весьма серьезным. Как пишет Аве-Лаллеман: «Хедвиг Конрад-Марциус (ученица Гуссерля. — *Н.М.*) ...часто рассказывала об одном разговоре с Гуссерлем во время ее визита к нему во Фрайбург. Гуссерль указал на “Новый Завет” на своем столе и сказал: он всегда лежит здесь; но поставленный перед выбором — углубиться в него или продолжать мой труд, я выбрал бы последнее, ибо я знаю, что в противоположном случае утратил бы свою миссию... Последствия этого шли еще дальше: он высоко ценил церковь, но со всей очевидностью не участвовал в ее жизни» (Ibidem. S. 104). Кстати сказать, религиозно ориентированные ученики и последователи Гуссерля потом нередко озадачивали его вопросами об отношении к вере и религии — и почти всегда получали сходные ответы. Он, де, не религиозный философ. Но исходит из того, что феноменология, не ставя перед собой конкретные религиозные цели, все же в конечном счете прокладывает «путь к богу» (Ibidem. S. 106). Что касается церкви, то ее деятельность часто представлялась Гуссерлю «слишком политической, посюсторонней»³.

Все это, считаю, важно не только само по себе, но и для сопоставления двух личностных типов — Гайма и Гуссерля. Гайм в молодости был вовлечен в деятельность студенческих либеральных союзов, которая нацеливалась также и на церковные реформы. Но присмотримся к делу пристальнее. Именно в ту пору, когда Гайм сдавал экзамены в университете Галле и предпринимал первые попытки габилизации,

---

¹ *Eberhard Ave-Lallemant*: Edmund Husserls zu Metaphysik und Religion / Husserl in Halle. S. 87.

² St. Strasser, 1959; W. Laycock, 1988; Young-Han Kim, 1985.

³ E. Ave-Lallemant, op. cit. S. 107.

закончившейся неудачей (1843—1845 гг.), он присоединился к кружкам и союзам («Протестантские друзья», «Друзья света» — «Lichtfreunde»), которые «под влиянием философии разума и просвещения выступили против духовного и клерикального попечительства со стороны государства и церкви»¹. Итак, Гайм был на деле вовлечен не во внутренние «реформы» церкви, а именно в проблематику дальнейшего освобождения и всей жизни обычного человека, и прежде всего сфер образования, культуры, от излишнего попечительства со стороны церкви и религии. Он выступал против закостенелости, догматизма теологических и религиозно-философских учений. Кружки, к деятельности которых подключился молодой Гайм, прекратили существование из-за внутренних споров. К тому же идеи церковной либерализации переросли в *политический* либерализм (Ebenda. S. 6). На его почве Гайм потом пытался работать в качестве журналиста.

В то время в Германии — не в первый, и не в последний раз в ее истории — речь шла об объединении страны (собственно, в это время под эгидой Пруссии). В философию Гайм пришел уже после того, как попробовал свои силы на поприще политики; впрочем, там он не добился особого успеха... Но и став достаточно популярным профессором в Галле, Гайм, как сказано, вплоть до 1880 года участвовал в политической деятельности и борьбе. Когда Гуссерль прибыл в Галле, Гайму было 66 лет. За плечами почтенного профессора было несколько работ, о которых уже говорилось. Ко времени знакомства этих двух философов было совершенно очевидно, что книги Гайма «Гегель и его время», «Романтическая школа» (1870) принадлежали к числу наиболее известных, даже популярных и заметно повлиявших на немецкую культуру философских произведений.

Вряд ли возможно, чтобы Гуссерль в молодости совсем не заглядывал в них — хотя бы в учебных целях. Правда, от его непосредственных интересов и философия Гегеля, и романтика отстояли достаточно далеко. Да и тип личности беспокойного Гайма, долго метавшегося между политикой и философией, вряд ли был близок молодому ученому, твердо избравшему научный тракт и колебавшемуся только в отыскании своего конкретного пути на столбовой дорожке науки.

---

¹ Rudolf Haym, 1821—1901. Kurzbiographie und bibliographische Übersicht. Halle (Saale) 1992. S. 5.

Однако есть по крайней мере одна и принципиально важная линия, где у двух столь разных личностей, к тому же представителей разных поколений, могли совпадать ценности и устремления. Это были все тот же дух и все те же ценности науки, научности, свободного исследования, высокой культуры, благородного призвания человека, ценности разума и разумности, которые были одинаково дороги и Гайму, чей жизненный путь закончился в первый год нового века, и Гуссерлю, только вступавшему на дорогу самостоятельной творческой жизни. В то время уже началось наступление на этот поистине классический сплав ценностей со стороны позитивизма в самом широком, не узкофилософском смысле этого слова. *И несмотря на все личностные и философско-теоретические различия, Р. Гайм, Г. Кантор, философы-кантианцы, Гуссерль реально принадлежали к одному духовно-интеллектуальному лагерю, хотя не всегда отчетливо осознавали и признавали это.*

Гуссерлю, в отличие от Гайма, довелось жить в то время, когда последствия утраты европейским человечеством коренных, объединяющих его ценностей и смыслов обернулись двумя мировыми войнами, нацизмом, тоталитаризмом. Последняя работа Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» — это горькое осознание глубины и неотвратимости многообразных исторических потрясений, в том числе и в духовно-нравственной сфере. И не утративший актуальности призыв к «героизму разума», возрождению Европы, всего человечества из огня разрушений и сомнений. «Ибо только дух бессмертен», — слова Гуссерля из этой книги, под которыми вполне мог бы подписаться его коллега по университету Галле Рудольф Гайм. Подобные слова, кстати, могут быть отнесены и к самой сердцевине философии Гегеля.

ГЛАВА 2. ГУССЕРЛЬ И НЕОКАНТИАНЦЫ УНИВЕРСИТЕТА ГАЛЛЕ. БЕННО ЭРДМАНН

На философском факультете Университета Галле, в особенности на одной из кафедр, в 80-х годах XIX века ведущие позиции принадлежали кантианцам. Сначала среди них наиболее значительными фигурами были Б. Эрдманн и Г. Файхингер. Затем присоединился А. Риль.

Бенно Эрдманн (1851–1921) был профессором сначала в Киле, Бреслау, а с 1890 года стал ординариусом в Галле, заняв кафедру вместо уехавшего К. Штумпфа. С 1892 по 1894 годы Б. Эрдманн состоял в сенате философского факультета. С 1898 года он — ординарный профессор в Бонне. В начале 90-х годов Б. Эрдманн уже был достаточно известным философом. А впоследствии (1911 год) его заслуги были оценены весьма высоко: он стал действительным членом Прусской и Баварской Академий наук. Б. Эрдманн — один из приехавших из Бреслау (другим бреславцем был основатель Spirituskreis Эдуард Майер), против засилья которых в официальной политике философского факультета горячо протестовал Георг Кантор. Г. Кантор также восставал против того, чтобы на эту политику оказывали влияние мнения, сформировавшиеся в неофициальном кружке (Spirituskreis). (См. особый раздел о СК в *Приложении*). 8 декабря 1892 года в собственноручном язвительном дополнении к протоколу факультетского заседания он прямо написал: «в нашем университетском кругу обнаружился некий кружок, на котором по вечерам делают доклады представители наук о духе (по-немецки: geisteswissenschaftlicher Vortragsabend)» — и это-де «импортированная копия образца, появившегося еще в Бреслау»¹.

---

¹ Spirituskreis... S. 123. Авторы этого исследования добавляют, что подобные размежевания профессоров не были редкостью на философских факультетах других университетов.

Б. Эрмманн (наряду с гуманитариями Майером, Пишелем, Конрадом и Диттенбергером — о них см. в Приложении о “*Spirituskreis*”) принадлежал к кругу более молодых ординариусов Университета Галле, которые в университетской и факультетской политике сформировали своеобразный единый фронт против своих более старших коллег, что проявлялось в постановке и решении самых разных организационных вопросов.

Гуссерль, по всей видимости, стоял в стороне от этих внутриуниверситетских размежеваний. Во-первых, он принадлежал к еще более молодому, чем Б. Эрмманн, поколению университетских преподавателей. Его положение, как мы знаем, было неупроченным, так что ввязываться в размежевания более старших коллег не имело смысла, тем более что этого не предполагали и тогдашний статут университетов, и повседневная практика университетской жизни. Во-вторых, в таких жизненно важных и для Гуссерля процедурах, как добывание стипендий, прошений о должностях экстраординарных и ординарных профессоров, накопилось немало проблем, касавшихся более старших коллег. И Гуссерлю всякий раз нужно было ждать своей очереди. (Впрочем, мы уже знаем, что о нем факультет отнюдь не забывал и всегда пытался использовать в его пользу открывающиеся возможности.) В-третьих, при изучении строя жизни Гуссерля ясно, что он всегда более или менее сторонился борьбы университетских группировок. И когда он стал университетским профессором, в такие перипетии вникал лишь тогда, когда нужно было оказать протекцию какому-либо способному молодому ученому. В-четвертых, — и это главное — в Галле все его время и все его усилия были посвящены освоению философии, логики, психологии и разработке самостоятельных философских позиций. А вот на этом пути встреча с точкой зрения, представленной Б. Эрмманном, и вообще с неокантианским направлением, просто не могла не произойти. Тогдашний (первый), но никак не последний гуссерлевский «поворот к Канту» в немалой степени зависел также и от отношения молодого ученого к идеям неокантианцев, включая и его тогдашних университетских коллег.

Теперь подробнее о Б. Эрмманне как философе и человеке и при возможности особенно о линии «Эрмманн—Гуссерль», поскольку она касалась все более занимавшего Гуссерля отношения к Канту, а также

других проблем, в осмыслении и решении которых пересекались исследования обоих философов.

Бенно Эрдманн (1851–1921), изучавший философию, математику, естествознание в Берлине и Гейдельберге, защитил в Берлине кандидатскую диссертацию и к 1876–1878 годам уже прошел путь от приват-доцента до ординарного профессора, и «через Бреслау (1884) добрался до Галле»¹. В Галле вышел 1 том его важной (в том числе и для Гуссерля) книги «Логика» (*Logik*, Bd. 1, Halle 1892). В этом городе сложились воззрения Эрдманна по проблемам психологии, истории философии (особенно XVII и XVIII столетий), педагогики. Он стал видным представителем неокантианства. Оттенки его философских позиций, его отношения к Канту и будут нас здесь интересовать в первую очередь — и потому именно, что Гуссерль, несомненно, вникал в эти оттенки в период своего *философского* становления в Галле, тем более что Б. Эрдманн принимал активное и чаще всего позитивное участие в судьбе приват-доцента Гуссерля.

Но не следует упускать из виду, что в Галле Эрдманн был не только авторитетным *философом*. Он принадлежал к числу тех, кто весьма энергично занимался внутриуниверситетской политикой и вместе с рядом других единомышленников, специалистов в *Geisteswissenschaften*, в науках о духе, прилагал большие усилия для *демократизации* университетского дела. Авторы книги «*Spirituskreis...*» пишут: «Развернутая или поддержанная Эрдманном инициатива обновления отношений на факультете была нацелена на достижение равного положения всех ординариусов, и она была постольку неразрывно связана с борьбой философских направлений (поддержанной его единомышленниками), поскольку *относительная демократизация*, к которой он стремился, создавала более благоприятные условия в споре против представителей позитивизма и, естественно, в борьбе против той политики реформ 1890 года, которая велась с благословения Вильгельма II и в соответствии с требованиями усиливающегося (*aufkommenden*) немецкого империализма» (S. 201 ff).

В философской деятельности Б. Эрдманна (и здесь она была тоже тесно связана с влиянием неофициального сообщества — *Spirituskreis...*)

¹ *Spirituskreis...* S. 200.

прослеживается настойчивое стремление *защитить позиции философии, вообще наук о духе, от нового напора позитивизма, натурализма, материализма, а также от все более настойчивых устремлений соответствующих кругов и инстанций в сторону политики «реального», «прагматического» образования*, которые находили многочисленные проявления не только в Германии, но и в других странах Европы. В принципе и Гуссерль, и его учитель, покровитель, друг Г. Кантор могли с сочувствием отнестись к этой борьбе. Как будет специально показано, выдающийся математик Г. Кантор всегда воздавал должное философии, а также философски ориентированным математическим исследованиям. Он вовсе не чужд был интересам гуманитарного образования и наук о духе в целом. А уж что касается Гуссерля, то и основания более поздней его философии, и идеи, складывавшиеся в Галле, обнаруживают несовместимость с плоским натурализмом, позитивизмом, с попытками просто подчинить философию, психологию натуралистическим методам и устремлениям. В «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии» Гуссерль ретроспективно свяжет усиление подобных умонастроений с общим кризисом Европы, европейского духа и тем самым всей человеческой цивилизации.

О том, каковы были ценностные установки великого ученого Г. Кантора, будет подробно рассказано в посвященном ему разделе. Но здесь речь идет скорее не о ценностях, а о такой тонкой жизненной материи, как личностные отношения и размежевания. А отношения между Кантором, его друзьями и кругом Б. Эрдманна сложились неблагоприятно.

В частности, Б. Эрдманн и его единомышленники запальчиво и несправедливо усматривали в Г. Канторе противника их социальной, образовательной программы. Под такое подозрение отчасти подпадал, наверное, и друживший с Кантором Э. Гуссерль. Как отмечают историки, «в размежевании между неокантианством и позитивизмом, по видимости ориентированным на естествознание, кульминацией стало объявление Кантором в зимнем семестре 1891/90 гг. занятий по теме “О понятии числа” — как *философских* лекций; это надо рассматривать в связи с появившимся в 1891 году сочинением приват-доцента по философии Э. Гуссерля, вышедшего из школы Ф. Brentano, под за-

главием “Философия арифметики” и с его лекциями на тему “Избранные вопросы философии математики” — или с посвященными тем же темам сочинениями и лекциями Б. Эрдманна. Следует добавить, что Гуссерль, как и Кантор, позднее ни разу не читал в Галле лекции на названные темы, что позволило историкам оправданно предположить: «речь идет о полемических мероприятиях (Veraustaltungen), вызванных актуальными поводами» (Ibidem. S. 205).

Справедливости ради надо учесть: в разных делах, так или иначе касавшихся Б. Эрдманна, его единомышленников по Spirituskreis, сам Г. Кантор вел себя весьма запальчиво, язвительно обличая прежде всего бреславцев уже за их попытки в приватном кругу регулярно заслушивать научные доклады. Итак, поведение с обеих сторон было не вполне рациональным, хотя оно вызывалось к жизни достаточно весомыми соображениями. В случае Б. Эрдманна и его единомышленников это была понятная борьба философов, ученых-гуманитариев против проявлений упадка культуры нации, угроз со стороны чисто прагматических реформ образования, подрывающих корни богатейших духовных традиций Германии и всей Европы, акцентирование преимущественной полезности естественно-научного, технического и т. д. образования. А ведь и сегодня мы во всех европейских странах сталкиваемся с подобными угрозами и проблемами. (Нечто подобное, увы, происходит сейчас в «новой» России.) Итак, история повторяется — и, к сожалению, из нее так и не извлекаются уроки...

Теперь мы кратко осветим деятельность Б. Эрдманна в Spirituskreis (далее кратко SK). (Читатель должен иметь в виду, что в упомянутом *Приложении* он сможет в общем и целом познакомиться с целями и работой этого весьма интересного неофициального сообщества ученых-гуманитариев Галле.) Б. Эрдманн регулярно (т. е. каждый год) выступал с докладами на вечерних собраниях SK. И это были доклады, которые, с одной стороны, подчинялись общему тематическому плану кружка, с другой стороны, были продиктованы интересами и устремлениями самого ученого. 9 января 1891 года Б. Эрдманн выступал с докладом на тему «Условия развития философии XVII века», что отвечало его многолетнему интересу к XVII и XVIII столетиям и их роли в развитии европейской философии. 19 ноября 1892 года им был зачитан доклад «К теории восприятия (апперцепции)» — Zur Theo-

rie der Wahrnehmung (Apperzeption). Весьма интересен по своей теме доклад, сделанный 6 января 1894 года — Zum Wissen vom Unbewußten (К вопросу о знании о бессознательном). Доклад от 9 июня 1895 года назывался «Метафизика как наука» («Die Metaphysik als Wissenschaft»); 9 мая 1896 года был доклад Б. Эрдманна «Über Worte der Vorstellungen», что можно перевести так: «О словах [отнесенных] к представлениям»; 8 мая 1897 года он прочитал доклад на весьма важную тему «Догматический реализм Канта» (Kants dogmatischer Realismus); 6 ноября 1897 года — «[Нечто] метафизическое по поводу психологии» (Metaphysisches zur Psychologie). В последующие годы Эрдманна, как известно, уже не было в Галле.

Анализируя тематику докладов этого ученого, можно с уверенностью утверждать: *все избранные им темы тесно соприкасались с проблематикой, над которой в тот же период усиленно трудился Гуссерль*. На данном примере (как впрочем, и на других примерах) можно видеть, что заседания SK, которыми был так недоволен Г. Кантор, посвящались таким (в данном случае — философским) вопросам, которые живо интересовали научное сообщество и, в частности, тех его представителей, которые, несмотря на молодость, напряженно и новаторски работали на переднем крае своих дисциплин. Следовательно, для междисциплинарного сообщества, объединявшего не только философов, но и историков, юристов, экономистов, филологов, теологов, то была бы великолепная и завидная возможность ознакомиться с новейшими разработками коллег из других научных областей, поставить и обсудить наболевшие теоретические и методологические вопросы. Но и недовольство Кантора не было беспочвенным: сколь не помешало бы всему этому, если бы присутствовали и делали доклады естествоиспытатели, математики, коими славился университет Галле и кои, что потом будет показано в этой книге на примере Г. Кантора, в Германии всегда были равнодушны к философско-метафизическим и гуманитарным проблемам! Но — не случилось...

И еще одно: SK был кружком, объединившим *более молодых*, но все-таки ординариусов, хоть и боровшихся за «равенство возможностей» с *более старыми*, совсем уж маститыми профессорами, но все же сознательно не приглашавших на свои закрытые собрания *более молодых* талантливых коллег. На элитарных встречах SK не было места таким

ученым, как Гуссерль: он еще не пробился в университетскую элиту. Не отсюда ли возникнет настойчивое стремление Гуссерля — когда он станет признанным учителем, «Мастером», что произойдет уже в Гёттингене, — окружить себя молодыми людьми, студентами и преподавателями, открыть для них свой дом и свое сердце, создать *вместе с ними* неофициальное сообщество единомышленников-феноменологов?

Впрочем, было бы совершенно неправильно говорить о том, что сам Б. Эрдманн демонстрировал превосходство над более молодыми коллегами и учениками. Приведу развернутую и выразительную характеристику, которую дал весьма противоречивой личности своего коллеги умный, доброжелательный, объективный Р. Гайм. В 1893 году Гайм так писал в Берлин Г. Шмоллеру о Б. Эрдманне: «Он производит на меня впечатление своей силой и гордым здоровьем (напомню: Б. Эрдманну в это время 42 года. — *Н.М.*). Его работоспособность чрезвычайно эффективна, а его память и острота его интеллекта постоянно оказывают ему добрую службу. При этом он с равной основательностью осуществил и детальное историко-философское исследование в области философии нового времени, и — будучи хорошо образованным в математике и в психологических вещах — внес достойный самой высокой оценки вклад в историю познания и психологию, а в самое недавнее время серьезно разработал логические проблемы, соединив всестороннюю ученость с остротой суждений [...] Поскольку он владеет знаниями во всех вышеназванных дисциплинах, а к тому же и в модной науке педагогике [...], то в процессе преподавания способен оказывать самое широкое и плодотворное воздействие; и он делает все это иначе, чем скромный Штумпф. В процессе учебных упражнений (Übungen), к которым он относится с необыкновенной прилежностью, он воспитывает в молодых людях способность к строгой методической работе. [...] От его докладов всегда исходит импонирующая определенность, проистекающая из его сущности человека, не ведающего сомнений в самом себе. Ибо он совершенно категорический человек, который, собственно, не позволяет вести с собой диалог и который, напротив, высказывает свое мнение тем, кто задает вопросы и ведет с ним разговор, с известной жесткостью. В нем со всей очевидностью проявляется склонность к доминированию... Также и в деловых вопросах, в факультетских проблемах он проявляет

сильную склонность придать значение своей особе (*sich geltend zu machen*), подавать заявки, выступать за новшества, брать все в свои руки, причем и во второстепенных вопросах отстаивать свои права. От неудобных личностей он пытается дистанцироваться [...] Я знаю, что здесь и другие старшие коллеги испытывают по отношению к нему те же чувства, что и я; но я также знаю, что выходцы из Бреслау никак не хотели бы потерять его и что более молодые здесь — а именно и те люди с других факультетов, которые непосредственно имеют с ним дело, — ценят его не только как ученого, но и как товарища. В его тщательности — когда при современном состоянии философии с такой легкостью отказываются от продуцирования оригинальных идей — не приходится сомневаться¹. Сказанное создает противоречивую картину. Но одно несомненно: Б. Эрдманн был высокопрофессиональным, эффективным ученым и в высшей степени активным деятелем университетского сообщества Галле. Вспомним это, когда установим, что Э. Гуссерль в ФА, а потом и в ЛИ ссылается на ряд работ Б. Эрдманна, включая его философские, логические и психологические исследования.

В содержательном философском плане главным в деятельности Б. Эрдманна были его работы, посвященные философии И. Канта.

Вклад Бенно Эрдманна в историю кантоведения

За несколько лет до приезда Гуссерля в Галле вышла из печати книга, благодаря которой Б. Эрдманн навсегда вписал своё имя в историю кантоведения. Эта книга называется «Размышления Канта над критической философией. На основе рукописных заметок Канта изданы Бенно Эрдманном» (*Reflexionen Kants zur kritischen Philosophie. Ans Kants handschriftlichen Anzeichnungen herausgegeben von Benno Erdmann. Leipzig 1882/1884*). Значимость этой публикации лучше всего передают слова выдающегося современного кантоведа Норберта Хинске, который в 1992 году осуществил переиздание данного труда:

¹ *Hans Rosenber*g (Hrsg.). *Ausgewählter Briefwechsel Rudolf Hayms*. Stuttgart/Berlin/Leipzig 1930. Brief — Nr. 305. S. 355 f. Цитир. по: Spirituskreis... S. 140—141

«Издание Бенно Эрдманном “Размышлений (Reflexionen) Канта над критической философией” причисляется к публикациям, которые в области кантоведения имеют историческое значение. Файхингер в 1887 г. называет её “важнейшей публикацией подобного рода за последние годы”»¹. Влияние, ею оказанное, видно уже и внешним образом — в терминологии. Со времени Эрдманна и благодаря ему обсуждение «Размышлений» («Рефлексий»), соответственно «Размышлений из наследия» Канта, становятся в кантоведении чем-то само собой разумеющимся. Вместе с этим изданием на самом деле пробуждается живой интерес к кантовскому наследию, который глубочайшим образом изменил наш образ Канта»². Б. Эрдманн выпустил два тома рукописного наследия Канта, снабдив их введениями и комментариями; первый том относится к темам кантовской антропологии; второй том содержит кантовские размышления и заметки, касающиеся «Критики чистого разума». Б. Эрдманн справедливо говорил в Предисловии к своей публикации об огромном объеме работы (S. V–VI). Видимо из-за этого задуманная и объявленная в Предисловии работа над текстами Канта по эстетике, этике, философии религии, которые были вынесены Эрдманном за рамки антропологии, — эта работа не была выполнена.

Согласно оценке Н. Хинске, исследования, которые осуществлялись на последующих стадиях кантоведения, в трех отношении продвинули вперед, усовершенствовали анализ рукописного наследия Канта. Во-первых, Б. Эрдманн сделал из него извлечения, выписки; в издании Прусской Академии тексты из наследия впоследствии были опубликованы полностью. Во-вторых, считается, что в целом ряде случаев издание Академии более удовлетворительно оформляет тексты. В-третьих, продвинулась работа над научным датированием тех или иных кантовских заметок. Если Эрдманн в своих попытках определить время возникновения заметок руководствовался чисто содержательными соображениями и критериями, то Адикес счел эти попытки неудачными (N. Hinske, op. cit. S. 9), предложив иной метод

¹ Hans Vaihinger. Rezension des zweiten Bandes der *Reflexionen*. In: Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie 11(1887). S. 205.

² Norbert Hinske. Einleitung zur Neuausgabe. In: Reflexionen Kants zur kritischen Philosophie. Neudruck der Ausgabe. Leipzig 1882/1884. Stuttgart–Bad Cannstatt. 1992. S. 7.

(Stellungsindizen), который, по мнению Адикеса, является объективным — в отличие от субъективного метода Б. Эрдманна.

Однако специалисты (в частности, упомянутый Н. Хинске) находят в публикации Эрдманна и ряд преимуществ по сравнению с последующими изданиями.

Одно из них: упорядочивание наследия, касающегося проблем метафизики. Адикес в XVII и XVIII томах Академического издания разбил его на части и тем затруднил использование кантовских текстов. Б. Эрдманн, который руководствовался чисто содержательными соображениями, собрал тексты в одном месте, что делает их «обозримыми» для читателей. «Как раз это обстоятельство, — пишет Н. Хинске, — вообще впервые придает многим постановкам вопроса у Канта всю ту весомость, которой они и должны обладать. Не в последнюю очередь автобиографически акцентированные рефлексии Канта о его собственном пути к критицизму (“подлинный свет, — пишет Кант, — я увидел в 1769 году”), которые Эрдманн под заголовком «Нечто к истории развития [Канта]» опубликовал в самом начале II тома (II 3–5), впервые обрели свою преобразующую силу (Sprengkraft) именно благодаря такому расположению» (N. Hinske, op. cit, S. 11).

Далее: специалистами высоко оценены комментарии самого Б. Эрдманна к кантовским заметкам, особенно комментарии ко II тому, т. е. к кантовской рефлексии по поводу «Критики чистого разума». Это были текстологические комментарии (например, сравнение с похожими идеями Канта в других произведениях); далее, имели место ссылки на кантоведческую литературу, знакомство Эрдманна с которой Н. Хинске находит «удивительным» (S. 11), приводя в подтверждение мнение современника Эрдманна и тоже кантоведа Х. Файхингера, подчеркнувшего в своей рецензии «полноту учености» (Fülle von Gelertsamkeit) Б. Эрдманна. Остановлюсь на данном пункте специально.

В обсуждаемой теме мы находим одно из подтверждений того, что кантианцы, кантоведы университета Галле Б. Эрдманн и Х. Файхингер — *и как раз к тому времени, когда там появился Гуссерль* — зарекомендовали себя как ведущие специалисты в области *конкретного кантоведения* (как я его называю), т. е. в издании и подробнейшем специальном комментировании сочинений Канта. И что бы ни гово-

рили и ни думали те исследователи Канта, которые видели и видят свою главную цель в создании *собственных концепций* на основе кантовской философии, *упомянутое конкретное исследование для многих поколений читателей остается непреходящим источником, основой*, благодаря которым тексты сочинений Канта постоянно публикуются, уточняются, комментируются. В этом специальном деле оба интересующих нас кантианца из Галле действительно входят в когорту классиков, работы которых сохраняют значение до настоящего времени. Остается вопрос, в какой мере их работу использовал Гуссерль. К нему мы обратимся позже. Вернемся к разбираемой публикации Б. Эрдманна.

Вопреки тому, что в кантоведении тексты издания Прусской Академии ставятся выше, чем публикации Б. Эрдманна, Н. Хинске считает (и убедительно доказывает это на конкретных примерах): в очень многих случаях как раз Б. Эрдманн гораздо лучше, адекватнее, наконец, понятнее презентует рукописи Канта.

Отвлекаясь от первого тома эрдманновского издания, посвященного специальной проблеме антропологии Канта (вернее, заметок и рефлексий великого философа по поводу собственной антропологической концепции), остановлюсь на материалах второго тома, касающихся критической работы Канта над своей «Критикой чистого разума». А здесь специалисты справедливо выдвигают на передний план проблему антиномий, как её понимает, интерпретирует, развивает Бенно Эрдманн. В своем объемистом *Введении* ко второму тому *Б. Эрдманн интерпретирует тему антиномий как ключевой момент для понимания истории становления и развития философии Канта*. Тем самым, разъясняет Н. Хинске, Б. Эрдманн в своем *Введении* повел речь о той теме, которая стояла в центре внимания тогдашнего, со времени Куно Фишера развивавшегося кантоведения. Эта тема: фазы развития кантовской мысли (N. Hinske, op. cit., S. 17). (Не случайно, что Хинске именно в данном месте своего рассуждения опять сослался на Г. Файхингера и на 1 том его Комментария к «Критике чистого разума»).

Позиция Б. Эрдманна в вопросе об антиномиях, если говорить суммарно и коротко, состоит в следующем. На пути Канта к критицизму 1769 год был поворотным (результатом и стала диссертация 1770 года). А содержательно поворот оформился, согласно Бенно

Эрдманну, как раз в идее антиномий и благодаря ей. «Поскольку решение, принятое [Кантом] в этом вопросе и было решением, касающимся диспозиции критики чистого разума, — писал Б. Эрдманн, — а благодаря этому было принято решение о подлинном (letzen) смысле её руководящих идей, — постольку я хочу подробно обосновать мою позицию (Annahme), как это сделано в моем *Введении* к “Прологонемам” (Bd. II, S. XXIV)»¹.

Оценка Н. Хинске: на две трети посвятив свое Введение ко II тому оправданию своих исходных тезисов, Б. Эрдманн существенно, глубоко изменил понимание философии Канта и проложил путь для «метафизической интерпретации Канта последующими поколениями» (N. Hinske, op. cit. S. 18). Рукописное наследие Канта, относящееся к проблемам метафизики, в самом деле привлекло особое внимание последующих поколений, что вполне оправданно связывать, как это делает Н. Хинске, также и с очень серьёзным, глубоким — не прекращающимся и сегодня — воздействием идей, позиций, публикаций Б. Эрдманна в области «конкретного кантоведения». И здесь нам снова интересна ссылка Хинске на следующую оценку — и оценку очень высокую — вклада Б. Эрдманна со стороны коллеги из Галле Х. Файхингера: «Эта позиция может быть оценена как один из самых прочных результатов нового кантоведения»².

Теперь особо поразмыслим об идеях и позициях другого неокантианца из Галле — Ганса Файхингера.

---

¹ Benno Erdmann. Einleitung. In: Immanuel Kant's Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können, Leipzig, 1878. S. LXXXV–LXXXVII.

² Hans Vaihinger. Rezension... S. 218.

ГЛАВА 3. Г. ФАЙХИНГЕР И РАННИЙ ГУССЕРЛЬ: опыт не вполне обычного сопоставления

Ганс Файхингер (он родился вблизи Тюбингена в 1852 году) в молодости испытывал различные философские и литературные влияния: он то увлекался Новым Заветом, то переходил к «пантеизму с его воодушевлением природой», то восторгался книгой Гердера «Идеи истории человечества», то погружался в восторженное же изучение диалогов Платона, то становился поклонником философской поэзии Шиллера. Все это, как рассказал сам Файхингер, происходило ещё в школьные годы¹.

Поступив в 1870 году в Тюбингенский теологический институт, — тот самый «Тюбингенский штифт», в котором в конце XVIII века учились Гегель, Шеллинг, Гёльдерлин, — Файхингер обнаружил, что порядки в нем теперь были вполне либеральными: молодым воспитанникам, утверждал он позже, предоставлялась полная свобода. За работу на тему «Новые теории сознания» воспитанник института Файхингер получил свою первую научную премию, позволившую ему предпринять путешествие в Швейцарию и Италию. Философию в институте тогда преподавал интересный и значительный философ, логик Хр. Зигварт (на которого ссылался, с которым впоследствии полемизировал молодой Гуссерль). Студент Файхингер испытывал противоречивые чувства: он отдавал должное тому, что Зигварт реформировал логику; но в собственно философских вопросах, признавался Файхингер, Зигварт нагонял на него страх (S. 179).

В студенческие годы Файхингер увлекался античной философией. Но ни с чем не сравнимое впечатление, по собственным словам философа, произвела на него — в те же студенческие годы — философия

---

¹ Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. Leipzig, Bd. 2. 1921. S. 175, 176 и ff. Далее ссылки на страницы этого издания — в моем тексте.

Канта. «Во всех отношениях он действовал на меня освобождающе, ничем меня не связывая» (S. 180). Особенно впечатляющим казалось Файхингеру кантовское учение об антиномиях. А идея о примате практического разума, писал философ, отвечала самой «внутренней сущности» его собственной личности. Впечатление от систем Гегеля, Фихте, Шеллинга было не таким сильным, хотя в Тюбингене их, понятное дело, требовалось изучать весьма основательно.

Файхингер пережил также сильное увлечение учением, в частности, пессимистическими идеями Шопенгауэра, истолковав их как средство переносить тяготы жизни, не утрачивая её этического смысла (S. 180, 181). (Здесь было и личное признание: Файхингер, с детства страдавший тяжелой формой близорукости, а вместе с тем наделенный активным жизненным темпераментом, остро переживал это несоответствие и преодолевал его, что вполне можно понять, не на пути оптимизма, а принимая в расчет иррациональные, темные стороны бытия и в то же время не давая им одержать над собой победу.)

Философия немецкого идеализма, как она развивалась после Канта, тем разочаровывала Файхингера, что была слишком рационалистической и не признавала, не истолковывала значимости иррационального, что она возводила на пьедестал логическое, не признавая и не объясняя алогичное. А потому коррекция к немецкому идеализму, к философии Канта, предложенная Шопенгауэром, была горячо принята молодым Файхингером. (Хотела бы заметить, что в России в тот же период наблюдалось сходное по направленности воодушевление философией Шопенгауэра.)

Все эти студенческие увлечения Файхингера не мешали изучению классических языков, археологии и германской филологии.

В 1874 году Файхингер защитил в Тюбингене свою первую диссертацию по уже известной нам теме отмеченного премией сочинения — «Новые теории сознания». Во время пребывания в Лейпцигском университете, куда Файхингер отправился вскоре после защиты, на него особое влияние произвела (вышедшая еще в 1866 году) знаменитая и вызвавшая громадный интерес книга Фридриха Альберта Ланге «История материализма». Её обычно считают «часом рождения» неокантианских направлений в последних десятилетиях XIX века. Нам нельзя забыть о том, что и Гуссерль в «Философии арифметики» про-

явит внимание к этой работе Ланге, которую он будет цитировать уже по третьему изданию 1877 года. (Эта связка: Ланге—Гуссерль будет — в силу её конкретной связи с текстом **ФА** — анализироваться в разделе о данной гуссерлевской работе.) Присмотримся к тому, как книга Ланге воздействовала на одного из тех, кого к этим направлениям причисляют, на молодого Ганса Файхингера. То обстоятельство, что Файхингер, как и Гуссерль, пользовался более поздними ее изданиями, весьма важно. Файхингер отмечал: первое издание работы Ланге страдало недостатками, которые особенно бросались в глаза привыкшим к научной аккуратности немецким философам. Последующие издания, заметно исправленные и дополненные, как раз и стали вехой, событием в творческой жизни Файхингера. Он сам писал об этом не в сухой, абстрактной, а в личностной, исповедальной манере: «Теперь я наконец нашел человека, которого понапрасну искал четыре года пребывания в Тюбингене: я нашел руководителя (Führer, фюрера — тогда это немецкое слово ещё не было одиозным. — *Н.М.*), мастера, “Идеального учителя”. Здесь царил тот дух, который и раньше вел меня вперед, оставаясь то смутным, то более ясным; но теперь он выступил с полной ясностью и одновременно под формой красоты: с одной стороны, высочайшее внимание к фактам, точное знание естественных наук и одновременно владение всей историей культуры; с другой стороны — кантовский критицизм, однако, смягченный и расширенный Шопенгауэром — а прежде всего высокий этический взлет; в отношении же религиозных догм, с одной стороны, острейший радикализм в теории, с другой стороны, великодушная толерантность на практике» (S. 188—189).

Для истории философии и культуры такие свидетельства современников чрезвычайно интересны. Обилие произведений науки и культуры, которые на протяжении десятилетий и столетий как бы встают в один ряд, конкурируя друг с другом, затмевает тот факт, что отдельные сочинения (о которых впоследствии забывают или судят с поверхностной снисходительностью) в исторический момент их появления могли играть роль поистине поворотных событий в истории духа, в истории философии. Названная книга Ф.А. Ланге и была таким событием. Кстати, именно так она была воспринята философами далекой России, и не только ими: книгу Ланге сначала в оригинале, а по-

том в переводе читали также и естествоиспытатели, литераторы, врачи, словом широкая интеллектуальная публика нашей страны, интересовавшаяся философией.

Вернемся к Файхингеру. Наряду с работой Ланге он осваивал всё самое интересное, что имелось в то время в философии, психологии, особенно немецкой. Отметим такой любопытный факт. Файхингер фиксирует, как значительное для него обстоятельство, прибытие в Лейпциг осенью 1875 года Вильгельма Вундта (1832–1930), уже известного в то время психолога и философа. Напомню, что в 1876 году лекции Вундта в Лейпциге слушал и Э. Гуссерль. Имя этого философа ещё встретится нам: Гуссерль нередко ссылается на его работы в «Философии арифметики». Для нашего конкретного — здесь: историко-философского — исследования необходимо зафиксировать, как причудливо порою пересекаются «линии судеб» в творческом развитии мыслителей, принадлежащих к различным направлениям, но в «пространстве философии» так или иначе встречающихся с одними и теми же идеями, интеллектуальными веяниями.

Файхингер выразил свое отношение к некоторым из этих идей и веяний в своей первой книге «Гартман, Дюринг и Ланге. К истории философии в XIX веке. Критическое эссе» (Hartmann, Dühring und Lange. Zur Geschichte der Philosophie im 19. Jahrhundert. Ein kritischer Essay).

А в 1876 году он написал объемистое габилитационное сочинение, общий заголовок которого — примечательно для будущей гуссерлевской философии — гласил: «Логические исследования. I часть»! Правда, подзаголовок был таким, какой, казалось бы, (и такое всё еще кажется сциентистским читателям Гуссерля, особенно логикам) никогда не мог появиться в более поздней одноименной гуссерлевской работе: «Учение о научных фикциях». Не забудем, вместе с тем, что в жестком логицистском пространстве I тома уже гуссерлевских «Логических исследований» все законы естествознания — в противовес истинам логики и математики — тоже названы «идеализирующими фикциями»! Сам Файхингер отмечал, что по смыслу и содержанию его диссертация уже включала в себя идеи того учения, которое позже, в 1911 году, было предложено им в качестве целостной «философии Als-Ob», «философии как если бы», тогда и принесшей Файхингеру шумную, даже несколько скандальную известность.

В 1877 году в Страсбурге он защитил «Логические исследования» как свою вторую диссертацию. Файхингер, правда, намеревался дальше работать над первым наброском рукописи. У него также был план осуществить исследование английской философии. Но тут ему пришлось, из-за смерти отца, на несколько лет отвлечься от научной работы и заняться делами семьи.

В Галле экстраординарный профессор Ганс Файхингер появился в 1884 году (т. е. за три года до Гуссерля). Но ещё до приезда в Галле Файхингер усиленно занимался «Критикой чистого разума» Канта, первый том комментария к которой он подготовил к осуществленному в 1881 году в Штутгарте юбилейному изданию этого великого произведения кенигсбергского мыслителя. Второй том вышел только в 1892 году (как отмечал сам Файхингер, усиленная лекционная деятельность в Университете Галле и слабое здоровье затянули выполнение начатого проекта).

Уже в качестве ординарного профессора Университета Галле Файхингер в 1896 году учредил журнал «Кантовские исследования», или «штудии» (Kantstudien) — важнейшее кантоведческое издание, существующее до сего времени. Позднее им будут основаны Фонд Канта и Немецкое кантовское общество. Это были важные, исторически дальновидные инициативы.

А как протекала собственная творческая деятельность философа? Согласно описаниям самого Файхингера, он постоянно — ещё начиная с габилюитационного сочинения, во время создания Комментария к «Критике чистого разума», при подготовке и чтении лекций — по крупицам формировал, дополнял, видоизменял свою «философию Als-Ob», «как если бы». «...Ещё между 1877 и 1879 годами, — пишет Файхингер, — я отметил в сочинениях Канта важнейшие “как если бы” места (“Als-Ob-Stellen”))» (S. 194). А потом таких Als-Ob — ссылок, признается философ, накопилось на сотни страниц. К уже накопленному богатству годами добавлялись новые материалы, например, в том же духе использовались учения Ф. Ланге и Ф. Ницше. Наконец, в 1911 году работа над «Философией Als-Ob» была закончена.

Нас более всего интересует тот период в философском развитии Файхингера, во время которого он и Гуссерль трудились, как коллеги, в Университете Галле. Между обоими философами — довольно из-

вестным профессором-неокантианцем и пока скромным приват-доцентом Гуссерлем — не было, кажется, особо тесных, тем более дружеских отношений. В «Философии арифметики» Гуссерль на Файхингера не ссыался — столь далека была непосредственная тема его работы от сочинений этого философа. Однако было нечто формально общее, объединявшее старшего и младшего коллег — это, во-первых, интерес к Канту, который вчерашний математик Гуссерль проявил начиная со своих первых работ, а во-вторых, знакомство и Гуссерля, о чем мы уже говорили, с упомянутой ранее работой Ланге. Однако ведь интерес к одним и тем же философам, проблемам, произведениям не обязательно предполагает единство, родство взглядов и подходов. Чтобы осмыслить сходство или различие подходов Гуссерля и других неокантианцев, его коллег — Б. Эрдманна, Г. Файхингера, А. Рилия, — надо при осуществлении углубленного исследования ранних гуссерлевских работ не забыть и об этом специальном аспекте темы.

А сейчас обратим внимание на ту же проблему, которая нами уже была поставлена применительно к Б. Эрдманну. Подобно последнему, Г. Файхингер (несмотря на слабое здоровье, на постоянно ухудшавшееся зрение) весьма активно участвовал в университетской и внутрифакультетской жизни. Главные линии размежевания будут более подробно рассмотрены как раз на примере Файхингера. О ней он рассказывает в своей «Автобиографии».

СПОРЫ ВОКРУГ «ПОЗИТИВИЗМА» И ИДЕИ ФАЙХИНГЕРА

Когда Файхингер начал разрабатывать свою философскую систему, то он дал ей название «позитивистский идеализм», или «идеалистический позитивизм» (Ibidem. S. 195). В этой связи Файхингер упомянул трехтомное сочинение Эрнеста Лааса «Идеализм и позитивизм» (Ernst Laas. «Idealismus und Positivismus», 1884–1886). И напомнил, что как раз в то время Мах, Авенариус, Шуппе активно разрабатывали позитивистское учение, правда, не акцентируя слово «позитивизм» в программных постулатах и обозначениях. А главные направления тогдашней немецкой философии, согласно Файхингеру, все еще оставались верными традиционным идеалистическим ориентациям. С этой констатацией в целом можно согласиться. «Мне казалось, — пишет Файхингер, — что между этими обеими односторонностями необходимо

опосредование, тем более что в других странах такие попытки уже с успехом предпринимались. И мне думалось, что настало, наконец, время предоставить слово синтезу идеализма и позитивизма. Успех этого дела показал, что нужное слово было сказано в нужное время» (S. 195—196). Мы присутствуем, тем самым, в начале той истории создания, восприятия, рецепции второго позитивизма, при описании которого редко учитываются оттенки, подобные борьбе Файхингера за протягивание связующих нитей между философией прошлого и новыми позитивистскими веяниями.

Претензии системы, задуманной Файхингером, вообще были весьма широки. Он хотел показать, как философия синтезирует, объединяет подход к природе и подход к сознанию, этим «двум полушариям действительности (beide Hemisphären der Wirklichkeit)» (S. 198), ибо она объясняет проблемы происхождения мира и целей бытия, преодолевая расхождения естественных наук и наук о духе. Беда была, однако, в том, что задуманный философский синтез на этот раз осуществлялся, в основном, в творческой лаборатории Файхингера, оставаясь неизвестным читающей публике. Возможно, Файхингер проговаривал эти идеи на лекциях. Но коллеги-то лекций не слушали... (А когда в 1911 году результаты «синтеза» были опубликованы, оказалось, что они не оправдали ожиданий читателей и не соответствовали завышенным претензиям автора.)

Необходимо подчеркнуть, что весьма своеобразный файхингеровский синтез позитивизма и идеализма, базировавшийся на (необычном) истолковании Канта, по существу перечеркивал гегелевско-фихтевскую идеалистическую линию, о чем четко и откровенно сказал сам Файхингер: «Все более сильный — с течением времени — поворот идеалистической философии, в том числе и неокантианской, к Фихте и Гегелю представляется мне все более сомнительным. Я постоянно придерживался того мнения, что это идеалистическое направление, частью чуждое действительности, а частью ей враждебное, заключает в себе тем большую опасность для всей немецкой сферы образования (Bildung), что оно соблазняет молодежь к недооценке зарубежной философии, а вместе с нею и всей культуры соседних народов, к недооценке всех их достижений, их духовной и нравственной силы» (S. 195—196).

Этот достаточно необычный подход Файхингера к философии Гегеля и Фихте заслуживает того, чтобы над ним задуматься. Приведен-

ные строки опубликованы в книге 1921 года. Не объясняется ли оценка Файхингера тем, как в конце XIX и особенно в начале XX века интерпретировались, воспринимались молодежью учения великих классиков немецкой мысли? Потому что вывести «философскую ксенофобию» — при внимательном и объективном анализе — из самых их учений довольно трудно. (Возможно и то, что погруженный в кантовскую философию Файхингер во всем том, что касается учений Гегеля, Фихте, Шеллинга, так и остался на уровне студенческих знаний, почерпнутых в Тюбингенском институте.)

Как бы ни обстояло дело в конце пути, ко времени преподавания Файхингера в Галле слово «позитивизм» («идеалистический позитивизм» применительно к собственному учению) им было четко произнесено. Оно оказалось роковым для Файхингера — именно потому, что группа профессоров Университета Галле, возглавляемая антиковедом Эдуардом Мейером (1855—1930), который в 1889 году прибыл в Галле из Бреслау, объявила войну не на жизнь, а на смерть как раз позитивизму. «Уже до 1885 года в Лейпцигском академическо-философском объединении Майер страстно атаковал позитивизм (и там скрестил клинки со своим теперешним коллегой по факультету Г. Файхингером)»¹.

Возникает вопрос — и он совсем не простой: что было такого в концепции Файхингера, что позволило ему присоединить к характеристике своего учения, продолжавшего традиции кантовской философии, ещё и слово «позитивизм»? Файхингер пояснял, что от позиции Ланге расходятся два пути. По одному пошла школа Г. Когена, или марбургское неокантианство. «А можно было соединить неокантианство Ланге с эмпиризмом и позитивизмом. Это произошло благодаря моей философии *Als-Ob*, которая ведет к основательному проникновению в *Als-Ob*-учение самого Канта» (Ibidem. S. 189).

Поскольку эти самохарактеристики взяты из работы Файхингера 1921 года, можно не сомневаться в том, что понятия «позитивизм», «эмпиризм» были выбраны им и защищались не в некоей молодой запальчивости, а, так сказать, на всю оставшуюся жизнь. Поэтому более поздние поистине чеканные формулы, скорее всего, могут пояснить и более ранние идеи Файхингера, которые зарождались еще во время

---

¹ Spirituskreis, I. S. 54.

его профессорства в Галле. Приведу некоторые тезисы этого рода, которые Файхингер называет «убеждениями» своей философии *Als-Ob*:

«1. В теории познания философский анализ ведет в конечном счете к содержаниям ощущений, а в психологии — к ощущениям, чувствам, стремлениям, соответственно, к действиям. К другому понятию действительности ведет естественно-научный анализ — он приводит к понятиям массы, мельчайших частиц и их движений. Рассудку по самой его природе недоступно привести эти две сферы действительности в рациональное отношение, которое, однако, в созерцании и переживании образует гармоническое единство.

2. Устремления (*Streben*), которые, вероятно, наличествуют уже в элементарных физических процессах, суммируются в органических существах в побуждения (*Trieben*), которые уже у высших животных, а наиболее полно у вышедших из животного царства людей развиваются до уровня воли и действия, в свою очередь вызывающих движения, а через посредство возбуждений порождают ощущения.

3. Представления, суждения, умозаключения, следовательно, мышление — все это служит средством для воли к жизни и к господству (*zum Herrschen*). Мышление, таким образом, первоначально является лишь средством в борьбе за существование, а постольку — лишь биологической функцией» (H. Vaihinger, *Op.cit.* S. 200).

Задержимся на этих тезисах. Они не составляют *всю* философию *Als-Ob*, но являются её исходными постулатами. Что подобные тезисы Файхингер, будучи в 80-х — 90-х годах XIX века профессором в Галле, выдвигал в столь же резкой, задиристой форме, зная о характере этого человека, можно не сомневаться. И нетрудно представить себе, как могли реагировать на них профессора философии и других гуманитарных наук, воспитанные в традициях немецкого идеализма. Скорее всего «эмпиризм» и «позитивизм», акцентируемый Файхингером резко, четко, даже нарочито, представлялся им вульгаризацией, натурализацией, особенно неуместной в случае толкования человеческой мысли, её высочайших результатов, но непригодной и для философского осмысления воли, чувств, побуждений именно человеческого существа.

Впрочем, в этом случае не нужно строить догадки о реакции коллег, настроенных антипозитивистски. Постоянным противником Файхин-

гера на философском факультете университета Галле был уже упомянутый историк-антиковед Эдуард Майер. «В первой половине 70-х гг. Майер развязал — в Лейпцигском академико-философском объединении, основанном Авенариусом, — ожесточенные дебаты с позитивистами, в их числе и с Файхингером» (*Spirituskreis...* S. 229). В то время сам Майер был в Лейпциге приват-доцентом и трудился над вышедшим в 1884 году первым томом своей «Истории древности», в которой нашли воплощение не только чисто «исторические нарративы», выражаясь современным языком, но и философско-исторические аспекты его взглядов и идей. Специалисты справедливо отмечают, что в конкретной исторической работе самому Майеру отнюдь не был чужд стиль определенного «исторического позитивизма» (*Ibidem*): он тяготел к «нарративному историческому описанию» (в духе школы Ранке), высоко ценил фактографию. Вместе с тем, идеалистические основания философии истории сохраняли для него непреходящее значение. Иногда говорят даже о «господстве субъективизма и волюнтаризма» в его сочинениях и методологии (*Ibidem*). Действительно, в центре философско-исторической конструкции Майера — индивидуальное с его неповторимыми, но достойными исторической реконструкции особенностями: «Объект истории — это везде исследование и изображение отдельного процесса, то есть того, что мы наилучшим образом можем суммировать под эгидой понятия индивидуального»¹. Необходимо понять, что «исторический позитивизм» мало совместим с позитивизмом натуралистического толка. И ясно, почему. Ведь в истории, в её описании всегда (возможно, лишь за исключением самых первых этапов) имеют дело уже не с «натуральным», а с историческим субъектом и с событиями не чисто природного, а социально-исторического характера.

Впрочем, и в исторических дисциплинах не за горами был всплеск своего рода «исторического натурализма» — он пришелся на начало XX века. Майер впоследствии даст бой и этим проявлениям натурализма, позитивизма (и «расизма») в его собственной науке². А ещё позже, в 1922 году, он вступит в спор с самим Освальдом Шпенглером (с которым он состоял в переписке до самой смерти). «Майер крити-

¹ *Eduard Meyer. Zur Theorie und Methodik der Geschichte, Halle 1902. S. 29.*

² См.: *Spirituskreis...* S. 239.

ковал у Шпенглера прежде всего те обобщения, — не согласующиеся с результатами исследований древней истории, классической археологии, истории религии, — которые Шпенглер метафизически подводил под понятия “души культуры”» (Kulturseele), народных характеров... «В противовес им и в противоречии с ними (это уже цитата из письма Майера Шпенглеру. — *Н.М.*) образование специфических политических форм со всеми им присущими задачами и устремлениями создает бесконечное многообразие исторического развития. Так обстоит дело и с современностью. С огромной силой за всеми поверхностными побуждениями поднимается чудовищный облик бездушного, чисто механического капитализма, который стремится подчинить себе все области и подавляет всякое самостоятельное, свободное движение и любую индивидуальность...» (Spirituskreis... S. 253—254). Далее следуют горькие рассуждения о политике, в которых напоминание о путче Каппа соседствует с предсказанием ещё более страшных событий. Но всё это произойдет много позже (хотя Майер как историк справедливо акцентировал взаимосвязь вчерашних, сегодняшних, завтрашних событий).

Вернемся, однако, в интересующий нас период. Оппозиция «Майер—Файхингер» в вопросе о позитивизме — это отнюдь не частный эпизод из истории немецкой мысли. В нем, как в капле воды, отражаются идейно-теоретические, а также и практико-политические веяния времени. В споре, скажем условно, «позитивизма» и «идеализма» должен был разобраться каждый мыслитель, который искал собственный путь в философии, в других науках гуманитарного профиля, да и в науках вообще. Это отнюдь не означало, что ему нужно было непременно примкнуть к позиции той или иной стороны. Более того, вполне оправданно предположить, что, например, в случае Гуссерля некоторые конкретные оппозиции должны были остаться в стороне и что его внимание привлекли лишь те проявления этого общего спора, которые всего более затрагивали предмет исследования молодого ученого, вчерашнего математика, вступившего на стезю философии. А таких проявлений было немало. Особенно выпукло они выступили позже, в исследовательском пространстве I тома «Логических исследований», где имеет место резкое размежевание автора с различными формами натурализма, позитивизма и где среди крити-

куемых философских героев оказываются отцы «второго позитивизма» Мах и Авенариус. Не следует забывать и о гуссерлевской критике натурализма, физиологизма в психологии. Однако до этого результата — I тома гуссерлевских «Логических исследований» — ещё надо было дожить. Что касается «Философии арифметики», то в этой работе есть всего одна ссылка на Маха — да и то в связи с работой Христиана Эренфельса (Ch. Ehrenfels «Über Gestaltqualitäten»). Гуссерль в одном из примечаний (ФА. S. 210–211), в последний момент включенных в работу, упоминает и об исследовании Эренфельса, и о том, что последнее было вдохновлено знаменитой книгой Эрнста Маха «Beiträge zur Analyse der Empfindungen» (Jena, 1886). И вот очень краткая «реплика» Гуссерля, которая дорогого стоит: «Поскольку я читал данную работу этого интеллектуального физика сразу после её появления, вполне возможно, что реминисценции от этого чтения оказали влияние на процесс формирования моих мыслей» (Ibiden. S. 211). Вот и верьте после этого «методу ссылок»: *всего одно*, притом в последний момент вписанное упоминание имени Маха, но какое! Ведь это *четкое признание того, что и сочинения таких крупных естествоиспытателей и философов-позитивистов, как Мах, оказали свое влияние на процесс рождения идей раннего Гуссерля*. А не сделай этого автор «Философии арифметики», исследователи, возможно, так бы и пребывали в иллюзии, будто позитивистские концепции вовсе «нерелевантны» размышлениям и поискам молодого Гуссерля.

Гуссерль вряд ли мог совсем уж оставаться в стороне от споров почтенных коллег-профессоров, в данном случае от размежевания Майера—Файхингера по вопросу о позитивизме. Ведь спор всё время выплескивался, переливался в практические дела, которые так или иначе затрагивали на факультете всех и каждого. Так, в 1894 году Майер пытался сорвать предоставление Файхингеру должности ординариуса, но, оставшись в меньшинстве, потерпел поражение (Spirituskreis, S. 230). Гуссерль наверняка — с вполне понятным интересом, и коллегиальным, и личным — следил за этими перипетиями. Несомненно, они живо обсуждались в круге Георга Кантора, как известно, враждовавшим с «бреславцами», прежде всего с Майером. Но Гуссерль, чье пребывание в приват-доцентах затянулось, скорее всего, с бóльшим пониманием относился к ожидавшим должности, нежели к тем, кто

пытался приостановить научную карьеру коллеги. Что поделаешь, дела житейские...

Еще в 1884, а особенно к 1888 году философские идеи Файхингера заметно эволюционировали к тому, что коллеги воспринимали как «пессимизм, эволюционизм, позитивизм». Это имело свои явные социальные предпосылки. Сам Файхингер в этом отношении особо выделял 1888 год. «Давно уже скрыто наличествующее и ширившееся гражданское беспокойство (*Unbehagen*) в это время видело свою задачу в переориентации, в поиске и утверждении новых, достойных употребления (*brauchbarer*) идеалов...» (*Spirituskreis*. S. 193). С социально-политической точки зрения речь могла идти, с одной стороны, о целом ряде социально-исторических процессов, например, о международном конгрессе социалистов, состоявшемся 14–20 июля 1889 года в Париже, о формировании II Интернационала, а с другой стороны, об антисоциалистических мерах Вильгельма II и его окружения, выразившихся, в частности, в стремлении сделать «школьное образование — на всех его ступенях — пригодным для того, чтобы противостоять распространению социалистических и коммунистических идей» — (*Ibidem*). Вникать во все эти процессы разрастания социалистического движения (выборы в Рейхстаг от 20.02.1890 г. с удвоением, до 20 %, голосов, поданных за социал-демократических кандидатов, отставка Бисмарка и т. д.) здесь невозможно, да и лишено, в контексте нашей темы, особой необходимости.

С содержательной стороны спор в принципе вполне мог занимать Гуссерля, пусть он и не относился прямо и непосредственно к предметам его исследований в 80-х — начале 90-х годов XIX века. Ведь молодой ученый искал свой путь в философии, и ему было совсем небезразличны дебаты вокруг того, какой философия должна была стать на переднем крае её развития, на рубеже заканчивавшегося XIX века и на близкой заре того нового столетия, в которое он рассчитывал вступить — и действительно вступил — самостоятельным, новаторски мыслящим философом. Из того, что нам известно и об этом пути, и о его первых результатах, вырисовывается непростая, противоречивая, я бы сказала, антиномичная картина, имеющая отношение к спору вокруг позитивизма. Вот что располагается на одной стороне антиномии: Гуссерль вышел из горнила точных наук, он про-

должал заниматься философией *математики*. Логика, в которую он все более погружается, тоже воспринимается им как точная, строгая дисциплина. Не приходится сомневаться в том, что будущий идеал «философии как строгой науки», которому Гуссерль останется верным на протяжении всего своего творческого пути¹, фактически уже стал для Гуссерля руководством к действию, хотя пока ещё мало выражался в общих и «торжественных» словах. И поэтому ориентирование философии на науку и научность, заявленное позитивизмом, вряд ли было для Гуссерля чуждым лозунгом. Нельзя забывать, что учитель Гуссерля Brentano работал в психологии под броским лозунгом: психология должна ничем не отличаться от естественных наук. Но в пределах этих и подобных ориентаций в философии конца XIX века было немало самых различных оттенков, так что пространство выбора для тех, кто, подобно Гуссерлю, хотел разрабатывать научную и даже строгую философию, оставалось достаточно широким. Можно в общей форме утверждать, что Гуссерль — и уже в первых своих работах — не пошел по позитивистскому, тем более натуралистическому пути.

Потому что была и другая сторона его творческой антиномии: Гуссерль всё-таки ориентировался на математику, логику, а психология, тем более физиология, не будем этого забывать, все же была вторичным объектом занятий. И именно поэтому, как представляется, *будущий основатель феноменологии никак не мог одобрить натуралистические подходы разного рода*, выражались ли они в попытках биологизации мыслительно-волевых процессов или в чем-либо ином. Еще яснее этот взгляд станет со смотровой площадки «Логических исследований».

Но если в конце XIX века Гуссерль ещё мог воспринимать всё более мощную волну позитивизма, натурализма в науках и философии, прагматизма и практицизма в повседневных делах как скоропреходящую моду, то ко времени написания «Кризиса европейских наук и трансцендентальной феноменологии» опыт поистине страшных исторических событий привел его к хорошо обоснованному и, главное, глубоко пережитому выводу о причастности этих по видимости внутритеоретических болезней времени к всестороннему кризису европейского человечества. Вопреки тому достаточно распространенному

---

¹ Подробнее об этом: *Мотрошилова Н.В.* «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003. С. 590 и далее.

в литературе мнению, что и сам Гуссерль в молодости, во время увлечения психологизмом, отдал дань этим модным поветриям, я в этой книге попытаюсь показать: *Гуссерль не увлекался ни собственно психологизмом, ни тем более психофизическим натурализмом, а лишь руководствовался идеей дать (также и) психологический генезис математических понятий, что далеко не одно и то же.*

Поэтому при всей верности и молодого Гуссерля тезисам о научности философии (а отклонения от него не просматриваются и в раннем творчестве) он вряд ли мог солидаризироваться с ранее приведенными «убеждениями» Файхингера, если последний, что вполне правдоподобно, выражал их в такой же заостренной форме. Однако же и у Файхингера, о чем был предупрежден читатель, натуралистически звучащие тезисы испытывали впоследствии, в процессе построения целостной теории, довольно заметную трансформацию.

Файхингер сформулировал закон «перевеса средств над целью» и в его духе так рассматривал проблемы мышления: хотя оно в «составе» явлений природы должно было служить ей одним из подчиненных средств, с течением времени мышление всё более отчуждалось от своих практических целей и в конце концов превращалось в самостоятельную теоретическую мысль. А в результате стала блуждать в потемках и философия, потому что она возводила на пьедестал и объявляла первичным, самостоятельным то, что лишь «по видимости» (*anscheiend*) независимо, первично — так называемый теоретический разум.

И вот — внимание! — делается поворот к «философии Als-Ob»: «Многие мыслительные процессы и образования при таком освещении предстают как сознательно ложные допущения, которые либо противоречат действительности, либо являются самопротиворечивыми, но которые намеренно строятся так, чтобы благодаря подобным искусственным отклонениям преодолеть трудности мышления и такими обходными путями (*Schleichwegen*) достигнуть целей мышления. Такие искусственные мыслительные образования называются научными фикциями, которые благодаря их Als-Ob-свойствам характеризуются как продукты сознательного воображения» (Op. cit. S. 201).

И таким способом образуется, согласно Файхингеру, целый мир Als-Ob, мир «ирреального», мир ценностей, приобретающий не меньшее, а в этике и эстетике большее значение, нежели «мир — в обычном

смысле слова — действительного или реального» (Op. cit. S 202). А в форме религиозного мира он резко противостоит «миру становления, данному в нашем представлении» (Ibidem).

Тема двух «миров», так своеобразно, даже причудливо прочерченная Файхингером в его философии Als-Ob, — все что угодно, только не посторонняя для философии Гуссерля, в том числе и раннего. А уже от «Логических исследований» с их концентрированием на мире «чистых сущностей», на Wesensschau, усмотрении сущностей, к более поздним и самым поздним произведениям тянется прочная преемственная нить постоянного, ступенчатого осмысления этой центральной для феноменологии темы¹. Трудности, подобные тем, на которые наталкивается и с которыми пытается справиться Файхингер, являются и для Гуссерля предметом все более глубоких, поистине мучительных раздумий. Можно даже исходить из предположения, что мысль Гуссерля сделает своеобразный скачок от I ко II тому «Логических исследований» именно вследствие поворота от принятия онтологизированного, в чем-то ещё не полностью оторвавшегося от платонизма, от математизированного, в духе Больцано, представления о мире «истин в себе» — к трансценденталистской позиции, с точки зрения которой «локализация» чистых сущностей в особом сознании, усмотрении в качестве его неотъемлемого коррелята как бы снимает традиционную и вместе с тем весьма актуальную для конца XIX века тему «двух миров», как якобы самостоятельно существующих.

Что касается сопоставления с файхингеровским подходом, то, с одной стороны, причисление многих «истин», утверждений и т. д. к миру Als-Ob, *по существу* получит поддержку раннего Гуссерля, который (ещё раз напомним) назовет даже законы естествознания — предмет наибольшей гордости естественных наук — «идеализирующими фикциями». С другой же стороны, Гуссерль категорически отличит от последних настоящие, подлинные, «чистые» истины (математики и логики), хотя признаётся, что таковых весьма немного.

Но всё это пока что разговор о «высоких» мыслительных образованиях. В отношении же обычной, повседневной жизни Файхингер придерживается взгляда, весьма напоминающего (упрощенную) по-

---

¹ См.: Мотрошилова Н.В., 2003. С. 552–553.

зицию Маха, Авенариуса и восходящего ещё к Беркли: «То, что мы обычно называем действительным, состоит из содержаний наших ощущений, которые навязываются нам с большей или меньшей неодолимостью (Unwiderstehlichkeit) и в качестве данностей обыкновенно не могут быть отклонены нами» (S. 202). В мире ощущений, по Файхингеру, полностью господствуют закономерности сосуществования и последовательности, изучение которых и является делом, содержанием наук. «Многих удовлетворяет фикция, в соответствии с которой мир рассматривается так, как если бы (als-ob) его создал и его по крайней мере направляет некий совершенный высший дух». Файхингер завершает изложение принципов своей философии таким тезисом: «Бессмысленно спрашивать о смысле мира — это выражено в словах Шиллера: “Знайте, высший смысл вносит в жизнь величие, но не в ней он ищет это величие” (Wisset, ein erhabener Sinn legt das Große in das Leben, und er sucht es nicht darin — “Huldigung der Künste”, 1805, — а это и есть позитивистский идеализм» (Ibidem).

Такой, в общих чертах, была «философия Als-Ob» Ганса Файхингера — философия интересная, оригинальная, из которой мы взяли для обобщенного рассмотрения её специфический историко-философский аспект, а именно чисто кантоведческую линию, запечатленную в обширном специальном комментарии к «Критике чистого разума» Канта. Но конкретный его анализ выходит за рамки моей книги. Для этого имеются веские причины.

Во-первых, в *этой* работе я никак не могу вдаваться в такого рода историко-философские подробности (хотя, говоря в личностном плане, я ими постоянно занималась, и особенно в последнее время — благодаря работе над 2 томом немецко-русского издания Сочинений Канта, содержащим первую кантовскую «Критику»).

Во-вторых, гуссерлевский интерес к Канту (о котором в разных связях в моей книге еще пойдет речь) не был, что ещё предстоит доказать, весьма конкретным и пока (а впрочем, и впоследствии) оказывался достаточно далеким от той специальной, скрупулезной текстологической кантоведческой работы, которую вели неокантианцы различных направлений, включая Файхингера.

В-третьих, само неокантианство, если разбирать его теоретические заявки, разработки, находилось — как и гуссерлевская философия

фия — в процессе становления. Ряду центральных произведений самых влиятельных неокантианцев ещё предстояло выйти в свет и оказать свое влияние. Поэтому история темы «Гуссерль и неокантианцы», в 80–90-х годах XIX века, связанная с именами коллег Б. Эрдманна и Г. Файхингера, — только предыстория. После выхода в свет «Логических исследований» она включит в себя центральные и для неокантианцев, и для Гуссерля темы, а вместе с тем и главные имена представителей неокантианского направления. Тогда Гуссерль на равных будет сотрудничать и дискутировать с корифеями неокантианства.

А ведь пока — в Галле, — он, в сущности, неизвестный ученый, который трудится над своими первыми сочинениями...

ЧАСТЬ III.

Идеи и авторы,
в наибольшей степени
повлиявшие
на раннего Гуссерля

Stumpf.

*Обоснование Карлом Штумпфом того,
что диссертация Гуссерля позволяет
сделать нострификацию не слишком
строгой.*

ГЛАВА 1. ФРАНЦ БРЕНТАНО И РАННИЙ Э. ГУССЕРЛЬ.

Постановка проблемы, трудности в её решении

Эта тема многогранна. В книге, посвященной раннему Гуссерлю, обойти её совершенно невозможно — в силу фактически подтвержденного и обсуждаемого в литературе влияния Brentano на становление Гуссерля как мыслителя. Мы уже разбирали историю того, как Гуссерль, испытавший в студенческие годы поистине решающее воздействие идей, лекций, произведений Brentano при выборе философского пути, непосредственно посланный Францем Brentano к его ученику Карлу Штумпфу в университет Галле для защиты габилитационной работы, начал свой путь в философии собственно при поддержке и с благословения Brentano. Но после защиты «тот же», но уже «не тот» Гуссерль значительно отдалился от брентановских подходов и решений. Этот факт он, конечно, не афишировал — из-за естественной благодарности знаменитому учителю, а также в силу первоначальной зависимости от Карла Штумпфа, представителя школы Brentano, с которым у него к тому же завязались теплые дружеские отношения. Но наступившего теоретического отчуждения он и не скрывал (ни в то время, ни позже, когда писал теплые воспоминания о своем учителе). Внимательные (увы, немногочисленные) читатели ФА знают, что ссылки на произведения Brentano в этой работе, во-первых, довольно редки (и не идут ни в какое сравнение, скажем, с многочисленными отсылками к работам Г. Фреге, даже Ф. Ланге, Х. Зигварта и других авторов); во-вторых, даже и они, как правило, содержат вежливые, но решительные критические характеристики. Это потребует особого внимания при нашем обращении к подобным отсылкам при конкретном анализе ФА.

Сейчас приведу лишь отдельные примеры. В сноске на стр. 67–68 ФА Гуссерль говорит о том, что брентановское различие «физических» и «психических» феноменов является фундаментальным, необходимым для всей его работы. А уже в сноске на стр. 70 автор ФА пишет: «В последующем рассмотрении я буду избегать употреблять выражение «физический феномен», которое Brentano ставит в соответствие «психическому феномену», ибо затруднительно обозначать подобие, или *Steigerung* как физические феномены. И сам *Brentano* при употреблении этого обозначения имел в виду только абсолютные первичные содержания, а именно индивидуальные феномены, а не абстрактные моменты созерцания. Вследствие этого из прежнего изложения видно, что признак интенционального внутреннего существования, который у *Brentano* функционирует в качестве первого и всепроникающего признака, определяющего отделение психических феноменов от физических, также и при классификации отношений ведет к существенному различению» (ФА 70). Вот вам и фундаментальные понятия, которыми предпочитают не пользоваться! Если всё это читать внимательно, подмечая все оттенки и детали, не удивитесь тому, что уже и своё упоминание о таком делении Гуссерль впоследствии определит как ошибку и как следование школьному шаблону. Сходным (хотя не тождественным) образом обстоит дело с другой принципиальной отсылкой к идеям Brentano уже во II части ФА. Здесь Гуссерль поблагодарит Brentano за действительно важное для хода гуссерлевских мыслей различие «собственных» и «несобственных», т. е. символических представлений, за то, что Brentano, как никто другой, показал «огромное (*eminente*) значение несобственных представлений для всей нашей психической жизни» (ФА 193). А сразу после этого Гуссерль напишет: «Дефиниция, которая будет [мною] дана, не идентична той, которую дал Brentano» (*Ibidem*). И предварительно объясняет, что заставляет его акцентировать *иные моменты*, чем это сделано у Brentano.

Поэтому первое, что хочу подчеркнуть (сначала предварительно) в теме «ранний Гуссерль — Brentano»: *влияние концепции Brentano даже и на раннего Гуссерля в литературе сильно преувеличено*. (О ЛИ, буквально пронизанных полемикой с Brentano, и говорить нечего.) Мнение о решающем влиянии Brentano основывается скорее не на

тщательном анализе гуссерлевских текстов, а на заранее принятых предпосылках, о которых уже приходилось говорить: считают, что это влияние было-де огромным; а поскольку Brentano был инициатором тенденции, выраженной заглавием его труда — «Психология с эмпирической точки зрения», то определяющее воздействие этого философа на Гуссерля обернулось тем, что он подпал-де под решающее влияние психологистического эмпиризма, от которого затем должен был с трудом избавляться. Но разве это не так? — может спросить осведомленный читатель. Нет, не так... Гуссерль не случайно впоследствии отмел всю линию анализа ФА, где хотя бы в малой степени принималось восходящее к Brentano разделение на «психические» и «физические» феномены как принципиальную ошибку¹. Он также написал, что пронизывающие часть его первой книги понятия «коллекции» (Kollektion), «коллигирования» представлений отвечало этому «школьному шаблону»². Да, самокритика Гуссерля по отношению к ранним позициям впоследствии имела место. Но оценка фактов, обстоятельств этого рода требует внимания к фактам противоположного характера, обязывает к самому тщательному, скрупулезному анализу и текста ФА, и последующей гуссерлевской самокритики.

В частности, и для этого тоже нужно основательнее и внимательнее вникнуть в затронутую проблематику, хотя здесь приходится обойтись очень кратким суммированием достигнутых исследовательских результатов. Итак, «zu den Sachen selbst» — к фактам, основаниям, существу проблемы «Brentano—Гуссерль».

Не стану повторять то, что в моей работе о Гуссерле 2003 года «“Идеи I...”» и в этой книге уже рассказано об истории знакомства будущего основателя феноменологии с Brentano, его идеями, его школой, о глубоком впечатлении от личности выдающего австрийского философа и его воздействии на выбор Гуссерлем именно философского пути. Но ещё раз обращаю внимание на то, что при всех позитивных,

---

¹ Имеется в виду «Набросок “Предисловия” к “Логическим исследованиям”», т. е. к вышедшему в 1913 году второму изданию ЛИ, в котором были соответствующие исправления. Об этом более подробно идет речь в моей книге «“Идеи I” Э. Гуссерля как введение в феноменологию» (М., 2003) и в литературе, частично упоминаемой в этом разделе.

² Husserl E. «Entwurf einer “Vorrede” zu den “Logischen Untersuchungen» (1913). Hrsg. v. E.Fink / Tijdschrift voor Filosofie 1 (1939). S. 127.

сначала восторженных оценках личности и философии Brentano, которые он впоследствии высказывал в своих благодарных, почтительных, но и критических «Воспоминаниях о Франце Brentano», Гуссерль не стал представителем, последователем его школы, ибо рано выбрал свой собственный путь в философии. И Гуссерль также упоминает: этим объяснялось «известное отдаление, если не личностное отчуждение» от учителя, что делало трудным и их последующее общение¹.

ФА, что мы увидим из подробного анализа, находится как бы на перепутье: с одной стороны, Гуссерль по разным причинам ещё демонстрирует лояльность по отношению к Brentano и его школе; более того, он посвящает первую книгу своему учителю; с другой стороны, он и здесь, в раннем сочинении, не жертвует своими мнениями, подходами, во многих аспектах уже не совпадающими с тем, что было выражено в работах Brentano. Это, впрочем, относилось не только к Brentano. Но и, например, к Фреге — автору, к идеям которого автор ФА обращается значительно чаще, чем к Brentановским. Да и вообще ФА, будучи книгой начинающего философа, буквально пронизана критicismом. И почтительная благодарность Гуссерля своему философскому учителю отнюдь не снимает критицизма в его адрес.

Пишу все это совсем не для того, чтобы полностью отказаться от тезиса о значительном влиянии идей Brentano на ФА. Отрицать это влияние — причем и в тех частях книги, где Гуссерль прямо не ссылается на идеи, произведения своего учителя — было бы совершенно нелепо. Поэтому в дальнейшем намереваюсь, напротив, более конкретно и основательно, чем это подчас делается в литературе, прочесть линии действительной теоретической связи учения Brentano и ФА. (Хочу снова подчеркнуть: речь у нас идет и о раннем Гуссерле, и об относительно раннем Brentano — до ЛИ, где полемика с Brentano будет концентрироваться вокруг уже развитой и Гуссерлем теории интенциональности, и тем более до того, как теория Brentano в 10-х годах XX века сама испытала значительные понятийные изменения.) Здесь также нужно предварительно определиться вот в чем: речь пойдет именно о тех идущих от Brentano, Штумпфа, Мейнонга линиях преемственности некоторых центральных и философских, и психологи-

¹ In: *Kraus O. Franz Brentano. Zur Kenntnis seines Leben und seiner Lehre.* München, 1919. S. 164–165.

ческих идей, которые помогли Гуссерлю написать серьёзную работу по философии арифметики, а затем продвинуться к новаторскому открытию феноменологии. Я также — о чем уже бегло упоминалось и к чему буду постоянно возвращаться при анализе конкретного материала — принципиально несогласна с упрощенным, по моему мнению, тезисом, в соответствии с которым следование идеям Brentano, пусть и критически перерабатываемым, означало для Гуссерля скатывание к психологизму как главной «болезни» конца XIX века.

От Brentano, как я думаю, Гуссерль — подобно другим философам его времени — получил немало живых, плодотворных и перспективных творческих импульсов. Подтверждение чего мы находим в гуссерлевской рецепции, но и в глубоком преобразовании брентановской идеи интенциональности, первые отсылки к которой находим уже в ФА.

Трудность в понимании важнейшей для нас связки «ранние Brentano—Гуссерль» состоит ещё и в том, что в феноменологической литературе она обычно осмысливается на материале «Логических исследований», а потом выливается в обсуждение упомянутой гуссерлевской самокритики в адрес уже этого произведения. У нас же речь пойдет о более раннем периоде становления идей будущего создателя феноменологии, когда никто ещё, включая автора ФА, не знал, естественно, о будущем пути и его результатах. А здесь приходится иначе, нежели это принято в соответствующей литературе, оценить и значение ряда принципиально важных идей Brentano, и отношение к ним раннего Гуссерля. (Вместе с тем, буду активно опираться на те, увы, очень немногие исследования последних десятилетий, где предметно сопоставляются более ранний Brentano, периода I тома «Психологии с эмпирической точки зрения», и ранний Гуссерль периода ФА.)

§ 1. Идея «эмпирической психологии» у Brentano и ее отражение в Философии арифметики

Brentano был ангажированным борцом за расширение прав и значения психологии и её частных дисциплин, подразделений. Он отстаивал мысль о том, что к психологии уже обращаются и ещё будут обра-

щаться логика, этика, эстетика, а также такие практические области, как политика и сфера образования. Замечу: *никакого «психологизма» нет и не было в этой здоровой и вполне оправдавшейся, исторически перспективной идее*. Из ранних работ Гуссерля видно, однако, что эта борьба сама по себе вряд ли его сильно интересовала: он предоставлял профессиональным психологам заниматься ею, а сам скорее хотел воспользоваться конкретными наработками психологов, относящимися к философии математики и к проблеме представлений, нежели разбираться с теми идеями и спорами, которые касались места психологии в системе научного и практического знания. (В период разгоревшихся дебатов с психологизмом интерес Гуссерля повернется и в эту сторону, но лишь поскольку будут затронуты проблемы статуса, значения логики.)

Брентано справедливо полагал, что для реализации высоких претензий психологии в ней самой требовалось провести далекоидущие реформы. Уже I том «Психологии с эмпирической точки зрения» был своего рода идейным знаменем и программой таких реформ. Выдающийся психолог и философ понял: сила и особые функции психологии должны состоять в осуществлении самых разных специальных, конкретных, приближенных к реальной психической жизни индивида — и также в этом смысле эмпирических — исследований. Другой смысл эмпирического поворота для Брентано заключался в том, чтобы психологию, до сих пор постоянно взаимодействовавшую с философией, сблизить также и с естествознанием, с исследованием того, что он назвал сферой «физических феноменов». Будущее показало, что стратегический путь развития психологии в последние десятилетия XIX и в XX веке был определен у Брентано в принципе верно и удивительно прозорливо. В силу сказанного надо признать, что вместе с целым рядом других психологов он стоял у истоков *исторически неизбежного превращения психологии в разветвленную самостоятельную область знания*, постепенно отпочковывающегося от философии, под эгидой которой психология ещё развивалась в XIX веке. Вместе с тем, *Брентано отчасти был и философом, во всяком случае психологом, весьма хорошо философски образованным, в том числе и в истории философии, постоянно сохранявшим, обновлявшим в своих размышлениях также и философские аспекты*. Эта квалификация по существу принята в брентановедческой литературе, включая лучшие российские исследования.

От усилий Brentano протянулась нить к одной из ранних ветвей эмпирической и даже именно экспериментальной психологии того времени. «Ученики Brentano были пионерами экспериментальной психологии, — пишет исследователь конца XX века Д. Мюнх. — Алексис Мейнонг основал первый Институт экспериментальной психологии в Австрии, Казимир Твардовский — в Польше; Карл Штумпф был — наряду с Вундтом — одним из первых экспериментальных психологов в Германии. После своего перемещения в Вену (1874 г.) и сам Brentano подал заявку на создание там Института экспериментальной психологии, но прошение было отклонено. Гештальтпсихология тоже выросла из брентановского круга. “Отец” гештальтпсихологии Хр. фон Эренфельс был учеником Brentano и Мейнонга...»¹.

Свою амбициозную задачу Brentano видел, стало быть, в том, чтобы вообще способствовать закреплению и существенному расширению плацдарма, позиций, функций психологии как науки, чтобы придать ей не меньший вес, чем тот, который имеют математика, физика, химия, физиология.

В связи со всем сказанным наследие Brentano, крупной фигуры всего гуманитарного знания XIX, а потом и XX века, в значительной степени принадлежит истории психологии. И именно профессиональным психологам, в частности, историкам психологии всего сподручнее судить о том вкладе, который он внес в развитие этой науки, как и о том, от чего в наследии Brentano психологии в дальнейшем пришлось отказываться.

Несколько иначе выглядит решение вопроса о влиянии Brentano на тех мыслителей, которые (сложными, опосредованными путями) выходили, подобно Гуссерлю, на *магистральный путь философии*.

На таких мыслителей, что естественно, всего больше повлияли *философские по происхождению и значению*, хотя и тесно связанные с психологией идеи Brentano. Из их числа — снова же имея в виду Гуссерля — мы для дальнейшего анализа прежде всего выделим: 1) брентановскую конструкцию психических феноменов; 2) тесно с нею связанную идею интенциональности; 3) концепцию представлений как фундаментальных актов сознания.

---

¹ *Münch D.* Intention und Zeichen. Untersuchungen zu Franz Brentano und zu Edmund Husserls Frühwerk. Fr.a.M., 1993. S. 84.

§ 2. Проблема «психических феноменов» и тема интенциональности у Brentano: находки и трудности

Кардинальным было стремление Brentano осмыслить специфику психической жизни человека, и ему, в частности, должны были служить понятие и концепция психических феноменов. Они, в свою очередь, опирались на *понимание сознания как специфического единства*. «Когда мы воспринимаем цвет, звук, тепло, запах, то ничто не мешает нам относить каждое из них к какой-либо особой вещи. Напротив, если иметь в виду многообразие соответствующих актов ощущений — видение, слышание, ощущения теплоты и запаха и одновременно с ними воления, чувства и обдумывание, а вместе с ними внутреннее восприятие, которое и дает нам знания о них, — то мы принуждены брать все это в качестве единой вещи... Ибо все здесь нами затронутое есть не что иное, как так называемое единство сознания, один из самых богатых последствиями и все ещё оспариваемых фактов психологии. Единство сознания, поскольку его надо с очевидностью познать из внутренне воспринимаемого, состоит в том, что все психические феномены, которые одновременно находятся в нас, — сколь бы различны они ни были, а это видение и слышание, процессы представления, суждения, умозаключения, любви и ненависти, вожеления и отвращения и т. д., — в случае, когда они внутренне воспринимаются как соотносящиеся друг с другом, вместе взятые, относятся к единой реальности, составляя в качестве частных феноменов один психический феномен, отдельные части которого принадлежат одному реальному единству»¹. Терминология, которую применяет Brentano именно в разбираемой работе, далека от четкости и однозначности. Так, он разъясняет, что слово «сознание» (*Bewußtsein*) для него равнозначно психическому феномену, или психическому акту (*Ibidem*. S. 132–133).

И всё-таки различие имеется: во-первых, имеется в виду: сознание как совокупное единство (притом реальное, по Brentano), включающее многие акты, их отношения; во-вторых, «психические феномены» — обозначение некоторых «единиц» этого совокупного единства, для него и именно для него специфических и характерных.

¹ *Brentano Fr. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Bd. I, 1874. S. 214.*

Признано в литературе (и по существу отмечено в первом из приведенных ранее критических замечаний Гуссерля в *ФА*), что при различении психических и физических феноменов самым неудачным оказался термин «*физический феномен*». Правда, проблема, которую благодаря этому различению хотел рассмотреть и решить Brentano, является вполне реальной и достаточно трудной. В жизнедеятельности человеческого сознания есть неоднородные акты, процессы, структуры. Одни всего ближе стоят к пассивной восприимчивости органов чувств, порождаются и порою даже детерминируются ими, а другие возникают как переплетение многих влияний и взаимодействий, причем не только и не столько физического характера. Из I тома «Психологии...» Brentano видно, что именно такое различие его заботит, потому что представляется ему принципиальным.

А имел в виду Brentano действительные различия двух классов процессов сознания (в ЛИ Гуссерль скажет: переживаний, *Erlebnisse*, сознания). В одном случае это ощущения, реакции на непосредственные внешние воздействия и их последствия — вплоть до того, что какой-нибудь внешний, «физический» предмет причиняет нам боль, или наоборот, вызывает удовольствие. Такого рода проявления — не забудем: они всё-таки причислены к *феноменам сознания* — Brentano называет «физическими феноменами». В другом случае мы можем, не испытывая внешних воздействий, «порождать» в сознании «внутреннее существование» (*Inexistenz*) каких-либо «предметов» и «предметностей», чисто интенционально, мысленно (ментально) полагая их. В этом случае «предметы» тоже феноменальны, т. е. они «являются» сознанию, проявляются в нем. Такие феномены Brentano называет психическими. В связи с этим различием Brentano и в I томе «Психологии...», и в последующих томах и произведениях (разумеется, они не могли быть известными Гуссерлю в период написания *ФА*) ввел множество более конкретных деталей, разъяснений. По всему видно, что в *ФА* Гуссерля совсем не заботят все детали такого рода. Кстати, уже позднее, во II томе ЛИ, Гуссерль будет более подробно обсуждать соответствующие тексты Brentano, ибо они окажутся содержательно релевантными его оформляющейся феноменологии, в частности, новому, оригинальному рассмотрению в ней проблемы интенциональности. И тогда он уже более подробно, детально зафиксирует свою рано воз-

никшую неудовлетворенность брентановским осмыслением той сферы, которые были отнесены у Brentano к «физическим феноменам».

Смею предположить: неудовлетворительность наименования («*физические феномены*» — если они «феномены» сознания, то уже поэтому тоже «*психические*»), а также спорное определение их характера — эти моменты были уже отчасти ясны Гуссерлю, когда он писал ФА. Но для его работы они не были особенно существенными, ибо сфера феноменов, которые он (на стр. 70 ФА) назвал «абсолютно первичными содержаниями», не была для него хорошо определенным непосредственным полем работы. Ведь он обращался не просто к «психическим феноменам», но к одному из *верхних* этажей в их классификации и различении — к сферам абстрактных мыслительных образований, подобных числу и числовым понятиям, а также к соответствующим, *весьма особым* представлениям. И если *внутренняя* острая полемика Гуссерля с учением Brentano о феноменах уже назревала (такова моя гипотеза), то разворачивать её в ФА автору не имело никакого резона, причем по целому ряду личных и теоретических причин. О личных (благодарности, лояльности) уже говорилось. Главная научно-теоретическая причина была проста: молодой Гуссерль не занимался исследованием этой специальной проблематики, и его тогдашние исследования по сути не требовали этого. Сказанное заставляет нас уже здесь в самой общей форме отозваться на решение проблемы феномена у Brentano и Гуссерля.

Тема «феноменов» у Brentano, а потом и у Гуссерля, — сложная, многогранная; её немало обсуждали в литературе. Здесь опять-таки надо помнить и учитывать: в ФА понятие «феномен» хотя и встречается, но не имеет там ни центрального, ни строгого значения. Ибо час феноменологии, а стало быть, и прояснения ее фундаментального понятия феномена для Гуссерля ещё не пробил. При дальнейшем конкретном разборе ФА я не упущу возможности показать, *где именно и в каком смысле в данной книге все же всплывает это — в дальнейшем, начиная с ЛИ, профилирующее — понятие*. Забегая вперед, скажу, что не только понятие феномена, но и разделение на физические и психические феномены для ранней книги не имеет, по моему мнению, того *фундаментального* значения для всего анализа, какое ему как будто приписывает сам Гуссерль в сноске на стр. 67–68 ФА — впрочем, чтобы через две

страницы сказать, что он формулирует проблему иначе, чем Brentano, и по существу дезавуировать понятие «физического» феномена!

И всё-таки пусть не развернутое понятие феномена, не содержание упомянутого различения феноменов у Brentano, то во всяком случае *выделение им сферы психических феноменов имело определенное опорное значение и для раннего Гуссерля — прежде всего, а может, и главным образом в качестве побудительного мотива, толчка для размышлений*. Ибо задумав то специфическое исследование в сфере философии математики, которое восходило именно к совокупности представлений как психических актов, переживаний, Гуссерль мог по крайней мере опереться на *бrentановское выделение, вычленение психических феноменов как особой сферы описания, анализа*. Правда, как отмечалось, многие специфические детали соотнесения двух видов феноменов, соответственно, наук, их изучающих, которые имеются в работах Brentano, не особенно занимали раннего Гуссерля. *Ему было вполне достаточно того, что поле исследовательской работы оказалось хотя бы приблизительно очерченным*. И в этом смысле он, в самом деле, был благодарен Brentano, осуществившему здесь важную рекогносцировку — конечно, с опорой на многих предшественников, начиная уже с Аристотеля.

Вот почему имеет смысл внимательнее присмотреться к тому историко-философскому, философскому, психологическому контексту, в котором возникает, существует бrentановское понятие «психического феномена», но здесь лишь кратко разобрать оттенки его содержания.

В своем подробном рассуждении о психических феноменах (II том «Психологии...») Brentano прежде всего соотносится с близкими по проблематике философскими традициями — например, с декартовским разделением *res extensae* и *res cogitans* или с разделением внешних и внутренних восприятий во всей нововременной традиции (правда, он сам возводит данное различение ещё к Аристотелю). Из этих подходов Brentano вычленяет те характеристики, которые он так или иначе готов если не принять полностью, то во всяком случае учесть. В *психических феноменах*, поисками сущностных определений которых он и занят, действительно есть исходная связь с представлениями, которые нечто «являют». Но связь эта совершенно особая, разъясняет Brentano. «Психические феномены (согласно Brentano) всегда внутренне

воспринимаются, тогда как физические феномены — а их не следует путать с физическими вещами, которые вызывают в нас эти феномены — даны через внешнее восприятие (§ 6). Например, если мы воспринимаем что-либо красное, то это происходит на основе *внешнего восприятия чего-то красного*. Но мы также *осознаем*, что мы в этом случае уже *восприняли* нечто красное. Это осознание или процесс принятия во внимание (*Gewahrwerden*) восприятия красного (соответственно: какого угодно психического акта) происходит уже не благодаря внешнему восприятию, которое в нашем случае предоставляет (что-то) красное в наше распоряжение»¹, — так описывает суть рассуждения Франца Brentano Д. Мюнх. Когда мы как бы замечаем сам акт восприятия, удерживаем его, поворачиваем к нему внимание (это и есть смысл слова *Gewahrwerden*), то первый акт — внешнее восприятие, как бы отыгравшее свою роль, уже отставлено в сторону. Так и «физический» предмет — нечто красное, нами воспринятое («первичный объект») — остается в стороне. Во внимание принят «вторичный объект», а именно *восприятие* красного.

Для Brentano (как, впрочем, и для Гуссерля, и не только для раннего) очень важен тот факт, что перейти к таким «объектам» сознания, а не внешнего мира относительно несложно. Ибо психические феномены рождаются как бы сами собой, и они вполне доступны внутреннему восприятию; при этом, согласно Brentano, их возможно «узреть» четко, однозначно, с очевидностью (*evident*) — что тоже отличает их от физических феноменов, где очевидности трудно добиться (здесь Brentano разделяет критическое отношение представителей классического рационализма и отношение Канта к чувственному опыту).

Другое различие и противопоставление: физические феномены Brentano считает «действительными», а психические — существующими только феноменально или экзистенциально (§ 7 I тома «Психологии с эмпирической точки зрения»).

Главное определение психического феномена у Brentano выражено, как известно, словами «*intentionale Inexistenz (eines Gegenstandes)*»; перевести и понять их непросто. Имеется в виду особое, а именно *интенциональное внутреннее существование (Inexistenz) предмета вну-*

¹ *Münch D.* Op. cit., S. 38–39.

три психического феномена. Brentano дает следующее, ставшее классическим определение интенциональности: «*Всякий психический феномен характеризуется тем, что средневековые схоласты называли интенциональным (также и ментальным) внутренним существованием предмета и что мы, не избегая полностью двусмысленных выражений, назвали бы отношением к содержанию, направленностью на объект (под которым здесь не следует понимать какую-либо реальность), или имманентной предметностью. Всякий психический феномен содержит в себе нечто как объект, хотя и не каждый — тем же самым образом. В представлении нечто представляется, в суждении нечто принимается или отвергается, в любви — что-то любят, в ненависти — ненавидят, в вождении — воделеют*» («Психология...». Bd. I, 124 f.).

Д. Мюнх (op. cit., S. 41) справедливо отмечает, что определение понятия «*intentionale Inexistenz*» у Brentano остается во многом неясным, а подчас и сбивающим с толку. В самом деле, проблема столь же старая, сколь и трудная. Ещё начиная со Средневековья поднимались вопросы, которые до сих пор беспокоят философов, психологов, представителей других гуманитарных дисциплин, например, тех, которые изучают язык. В сущности, каждая крупная эпоха в развитии культуры вообще, философии, в частности, предлагает свои ответы на эти сложнейшие вопрошания, которые чаще всего приводили и приводят к тому, что... возникают новые, ещё более трудные вопросы и проблемы. Если говорить сначала коротко и обобщенно, то целый ряд вопросов и проблем вращался вокруг поиска, определения *специфических особенностей сознания как неповторимого «мира», творящего собственные «предметы» и их совокупности («предметности»)*, а также вокруг процедур, процессов и структур, благодаря которым осваивается и «внешний» мир, и сам «внутренний мир» человеческого сознания, познания, духа.

Долгое время считалось, что решать проблемы сознания чрезвычайно трудно именно потому, что оно «внутри» человека и глубоко скрыто от наблюдения и познания. Это во многом верно. Однако со временем стало ясно, что при особом повороте внимания, при использовании рефлексии (издавна одобренного философией, да и всей культурой инструмента изучения мира сознания с его побуждениями,

мотивами, интересами) во «внутреннем» положении сознания, его специфических «предметов» и структур даже есть особые преимущества. Ибо поскольку сознание всегда, так сказать, при мне, точнее во мне, я вполне могу (в любой сколько-нибудь благоприятный момент) обращаться к его изучению, могу проверять и корректировать свое исследование. Собственно, один из решающих мотивов более поздней гуссерлевской феноменологии состоит именно в глубоком осознании и попытках максимального использования этой возможности и перспективы — прямой повседневной, всечасной доступности мне моего сознания и прямого же, (как будто) ничем не опосредуемого исследовательского наблюдения за сознанием, способного приводить, однако, ко всеобщим результатам. И Гуссерль был отнюдь не первым, кто ухватился за эти возможности. По сути дела все философы, психологи, которых Гуссерль потом пометит как своих предшественников на трансценденталистском пути — Декарт, Локк, Юм, Кант (и другие), уже в широком масштабе вели свою многотрудную работу над «внутренним» осмыслением сознания. Кстати, не только средневековые авторы (с их учением об интенциональности), но и древние мыслители были причастны к исследовательской деятельности того же рода. И вовсе не случайно Brentano вышел на этот путь, отправляясь от изучения наследия Аристотеля как великого философа и первого психолога (конечно, в особом смысле этого слова). При учете многовековой длины упомянутого пути психология XIX века находилась в уже довольно высокой его точке. Это заставляет точнее определить проблемные вехи, темы, сюжеты, которые были специфическими для философской психологии Brentano.

По моему мнению, особенность позиции, а одновременно и заслуги Brentano в исследовании сознания можно кратко определить следующим образом.

На пути к экспериментальной, эмпирической психологии, который стремился проложить Brentano, настоятельно требовалось *вычленить из необозримой совокупности, именуемой сознанием, некоторые «единицы»*, его специфическим образом характеризующие и в то же время доступные наблюдению, описанию, изучению, даже какому-то количественному (в случае экспериментов) определению. В некоторых ракурсах эта задача ставилась и решалась давно — ещё со времени

Аристотеля. Поэтому позволю себе (очень кратко) отклониться в сторону темы «Аристотель—Бrentано».

В своих первых работах, которые молодой Brentano выполнил под руководством Ф.А. Тренделенбурга, при исследовании учения о бытии Аристотеля (докторская диссертация 1862 года) и аристотелевской психологии (габилитационная диссертация 1869 года — на публикацию её ссылается Гуссерль в ФА, 85), Brentano, с одной стороны, собрал то ценное, что, с его точки зрения, принес с собой «субстанциалистский», построенный на основе онтологически трактуемой «проблемы тела-души» (Leib-Seele-Problem) подход к изучению широко понимаемой «душевной жизни». Например, это было расчленение «форм души» (вегетативная, сенситивная, интеллективная «душа») и открывшаяся возможность специально изучать каждое из измерений духовной жизни человека. Уже началось аристотелевское исследование (скажем, в IX книге «Метафизики», 10, 1051в 3—5, 24) именно «интеллективной» формы души — с различением процессов и структур «схватывания», «называния», «знания», а также «незнания», «иллюзии» и т. д., «имеющих отношение к тем актам души, которые питают заблуждение» (D. Münch, *op. cit.*, S. 50).

Исследователи философии и психологии Brentano справедливо говорят об «аристотелевском происхождении бrentановской психологии» (D. Münch, *op. cit.*, S. 50). «В письме от 17.3.1905 года, адресованном его ученику Антону Марти, Brentano вновь подчеркивает согласованность своего учения о внутреннем интенциональном существовании с учением Аристотеля о восприятии...» (Ibidem). Верным мне кажется и замечание Д. Мюнха о том, что в учении Аристотеля Brentano специально выделяет, подчеркивает и усиливает (возможно, преувеличивает по отношению к историческому Аристотелю, добавлю я) тот момент, который получает у Brentano особое определение: «аппрегенсивные возможности (возможности понимания), как способности (Vermögen) психических феноменов». При этом последние он отыскивает даже в аристотелевских характеристиках «сенситивной» души, не говоря уже об «интеллективной». Опора на представления — характерная черта бrentановской (и не только бrentановской) психологии — тоже *в конечном счете* может быть возведена к Аристотелю (D. Münch, *op. cit.*, S. 52). Итак, есть немало других

аристотелевских элементов в учении Brentano. Но связь, определенная согласованность учения Brentano с его более ранними занятиями Аристотелем — лишь одна сторона дела (хотя и очень важная, потому что содержательная опора на историю философии, её традиции — все это было и остается залогом появления масштабных, влиятельных новых концепций).

Другая сторона дела — это отход Brentano от субстанционалистских основ учения о душе, создание новой концепции сознания — уже на стадии I тома «Психологии с эмпирической точки зрения». (Только его, заметим, мог принять в расчет Гуссерль, когда писал ФА.) Не вдаваясь в сложные споры специалистов по этому вопросу, в том числе в исследование эволюции взглядов Brentano, отметим лишь отдельные важные моменты, характеризующие причины и суть отхода от аристотелевского «субстанциализма души». Правда, и здесь имели место колебания: Brentano то говорил, что «души нет, по крайней мере для нас, психологов» («Психология...», т. I. S. 16), то снова давал такие определения: «Психология — наука о жизни души человека» — в лекциях «Дескриптивная психология», 1982. S. 1; психология — «учение о душе» — там же. S. 156 (См. D. Münch. S. 58). Но новое понимание пролагало себе дорогу. Brentano все чаще забывал об устаревшем, с его же точки зрения, субстанциалистском понятии души и связывал судьбу психологии именно с понятием психического феномена.

Специалисты считают, что на уточнение позиции Brentano повлияли два обстоятельства. Первое из них — интерес тогдашней психологии в целом к маргинальным (по отношению к нормальному взрослому человеку) темам: к психике детей, слепорожденных, душевнобольных, людей особых творческих дарований или, наоборот, преступных наклонностей, а также к зачаткам сознания у животных¹. У раннего Brentano нет однозначного отношения к этим исследованиям и их значению для психологии. И всё-таки побеждает та точка зрения, согласно которой, для *центральных, типичных* исследований дескриптивной психологии характерно внимание не к этим маргинальным темам, а к «нормальным и достаточно развитым, следовательно, по природе специфически присущим человеческим индивидам» (Deskriptive Psychologie, 1982. S. 37).

¹ Имеются в виду, например, лекции В. Вундта «О душе человека и душе животных» (1863—1864 гг.).

Это не означает призыва к пренебрежению такими исследованиями, а подразумевает только то, что психология в исходных и центральных методах своей работы отвлекается (т. е. отдает на откуп соответствующим специалистам — у Brentano уже в «Психологии...» есть термин «психология животных») темы генетического характера (онто- и филогенетические) и всё, связанное с отклонениями от некоторых (конечно, условных и подвижных) норм.

Речь идет об установке, которой имплицитно или эксплицитно издавна руководствовались и сегодня руководствуются исследователи сознания — философы-гносеологи, логики, психологи. Теперь можно сказать: также Гуссерль и феноменологи гуссерлевского направления. Ибо та же ориентация на «нормальное» сознание имеет место и в феноменологии, ранней и поздней, и в ещё дофеноменологических исследованиях Гуссерля. В ФА её автор, не особенно вдаваясь в эту проблематику, фактически имеет дело с сознанием «нормальным», с сознанием не ребенка, а (относительно) зрелого человека. Историко-генетические аспекты иногда всплывают, но именно маргинально, в ссылках (они тоже интересны, о чем при конкретном рассмотрении ФА будет идти речь). Подобная же установка сохранится в феноменологии — раннего, среднего и позднего периода, с той существенной оговоркой, что впоследствии появится внутреннее уточнение, различие между «статической» и «генетической» феноменологией, причем характер и специфика «генезиса» в каждом случае будет специально, эксплицитно определяться.

Нечто подобное имеет место в ФА. Характеристика «нормального», «зрелого» сознания, которую дает и Brentano, в общем и целом выдерживается в этом исследовании по философии математики. Такое именно сознание молчаливо предполагается как предмет и при анализе сути математических понятий и оперирования ими. Другое дело, что в данном случае обращение Гуссерля к психологическому материалу означает специальную для философии вообще, философии математики, в частности, теории числа, в особенности, *генетическую работу*, нацеленную на выявление истоков, генезиса (Ursprung) математических понятий — на пути изучения представлений, деятельности по их соединению. И вот для всех этих целей уточнения, за которые взялся Brentano, имели серьёзное значение и, полагаю, были приняты во внима-

ние ранним Гуссерлем. Конечно, многое в определении специфики психических феноменов еще не удалось Brentano, что было замечено и, как будет показано, отчасти прямо оговорено Гуссерлем в ФА.

Вторым обстоятельством, повлиявшим на уточнение и видоизменение «аристотелевской» поначалу позиции Brentano, стало испытанное им и запечатлевшееся уже в «Психологии...» влияние Декарта. Как отмечает Д. Мюнх, воздействие идей и методов Декарта на формирование позиции «Психологии...» вряд ли можно оспаривать; в основе этого произведения «с очевидностью лежит свойственное эпохе модерна (Нового времени. — Н.М.) понятие сознания, в существенной степени сформированное также и Декартом» (D. Münch, *op. cit.* S. 59). При определении картезианских мотивов брентановской концепции чаще всего упоминаются: 1) классификация психических феноменов с выделением представлений, суждений и эмоциональных проявлений (*Gemütsbewegungen*); 2) понимание суждений как утверждения (содержания) соответствующих представлений; 3) апелляция к понятию непосредственной «очевидности», ясности, отчетливости суждений, т. е. к особому «усмотрению», неотделимому от истины.

Эти линии, связующие учение Brentano с концепциями и понятиями Декарта, можно считать так или иначе фактически присутствующими также и в ФА — ещё задолго до того, как Гуссерль целенаправленно, последовательно проделает свой собственный «картезианский поворот» на трансценденталистском пути. И все же в ФА нет прямого следа специальной работы автора над текстами Декарта — сопоставимой, например, с тем вниманием, которое уделяется Лейбницу, Локку или Канту. Формирование собственного понимания Гуссерлем идей и традиции Декарта — далеко впереди. Во всяком случае, такого зрелого самостоятельного толкования мы не обнаруживаем ещё и в ЛИ. Но опосредованно — через Brentano и других авторов — Декарт уже присутствует в поле зрения тогдашних философии и психологии.

Снова вернемся к проблеме «психического феномена».

Оба терминологических аспекта — и существительное «*феномен*», и прилагательное «*психический*» — имеют свое значение. Но оно существенно различно для Brentano периода «Психологии...», и для Гуссерля периода ФА. Парадоксально, но факт: именно для Brentano рассуждения и о феномене, и об особой феноменологии имеют весь-

ма важное значение, тогда как для будущего основателя новой феноменологии в ФА их осмысление принципиального характера — дело будущего, хотя и не очень далекого. Обратимся сначала к Brentano.

В чем ещё концепция ФА не могла не восходить к работам Brentano (впрочем, конечно, и к *очень многим другим психологическим произведениям*), так это в концепции представлений (*Vorstellungen*).

Акты представления (das Vorstellen) входили в психологию Brentano — наряду с двумя другими классами психических актов, с актами суждения и проявлениями чувств, например, интереса или любви — *в качестве главных объектов изучения и исследования*. «Об акте представления (*von einem Vortellen*) мы говорим там и тогда, где нам всегда нечто является (*erscheint*). Если мы видим нечто, мы представляем себе какой-то цвет, если нечто слышим — представляем себе звук, если о чем-то фантазируем, представляем образ фантазии»¹. С точки зрения Brentano, совершенно невозможно, чтобы «деятельность души» (*Seelentätigkeit*) относилась бы к чему-то, что исходно не было бы представляемо.

Акт представления (das Vorstellen, «представление», если взять в качестве точного эквивалента, отличаемого от самого представления — Vorstellung — как результата и формы) в понимании Brentano является абсолютно неизбежным, и в этом смысле фундаментальным, для всего, что происходит в сознании. Если имеет место суждение, то основой является представление о том, что подвергается суждению. Когда имеется вожеление, то вожеленным может быть лишь то, что представляемо, а стало быть, что так или иначе «явлено» (erscheint) (Bd. I. S. 104, Bd. II. S. 38).

---

¹ *Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Bd. II. S. 34* (далее цитируется в моем тексте только с указанием тома и страницы).

ГЛАВА 2. КАРЛ ШТУМПФ И ЭДМУНД ГУССЕРЛЬ

Еще до переезда в Галле Гуссерль — опять-таки по совету Brentano — отправился в этот город, чтобы послушать лекции Карла Штумпфа по психологии. И снова это был хороший, дельный совет. Поскольку Гуссерля все больше волновали проблемы специфического пересечения психологии и философии, психологии и логики, а также (еще раньше им проанализированная) проблематика психологии в ее применении к математике, то молодому ученому, конечно же, надлежало глубже вникнуть в основные линии развития психологии, которые к концу XIX века уже отличались значительным разнообразием. Среди этих линий та, которую представлял К. Штумпф, могла, как думал Brentano, особо заинтересовать Гуссерля. Brentano не ошибся. Это доказывает результат: опора автора «Философии арифметики» на исследования Штумпфа, в особенности на его наиболее известную и ценную двухтомную работу «Психология звука» (Carl Stumpf, *Tonpsychologie*. Leipzig. Bd. 1. 1883. Bd. 2. 1890).

У читателей, мало знакомых с историей психологии, могут возникнуть по крайней мере два вопроса-сомнения. Во-первых, тот факт, что Гуссерль так или иначе опирается на работу Штумпфа, может найти простое житейское объяснение: раз Brentano послал к прежнему ученику Штумпфу своего нового протеже Гуссерля, то диссертанту, как говорится, сам бог велел учитывать исследования, книги того, от кого теперь зависела габилизация. Отчасти, я думаю, так и было. Но только отчасти. А главными были содержательные причины. Ибо Гуссерль вообще был, полагаю, человеком содержания. Во-вторых, может возникнуть сомнение: в чем Гуссерлю могла бы пригодиться работа, которая, казалось бы, была посвящена сугубо специальной теме — психологии *звука*, что на первый взгляд достаточно далеко отстоит от математики, от философии числа.

Чтобы рассеять эти сомнения и вообще чтобы подробнее расшифровать взаимосвязь и взаимодействие двух учений — уже состоявшейся концепции Штумпфа и только формирующихся философско-математических и философско-психологических идей Гуссерля, нам нужно осмыслить (тоже, к сожалению, лишь в сжатой форме) специфику теорий и решений, предложенных Штумпфом к 1886—1887 годам. Тогда станет яснее, были ли ссылки Гуссерля на работы его нового покровителя только данью обстоятельствам или обоих ученых объединяло хотя бы некоторое именно содержательное единство теоретических позиций. Мы сможем обоснованно поразмышлять, опираясь на известные факты и материалы, а также просто пофантазировать вот на какую тему: о чем могли беседовать, спорить, встречаясь в Университете или дома, принадлежащие к двум разным поколениям ученые, которых судьба свела в Галле, в университете этого города. И не просто свела, а сделала, несмотря на разницу в возрасте (относительно, впрочем, небольшую — в 11 лет), близкими друзьями — конечно, в немецком, а не русском смысле понимаемой дружбы, ибо у немцев дружба чаще всего подразумевает бо́льшую личностную дистанцию, чем у нас в России. Однако в случае Гуссерля и Штумпфа было даже нечто большее, чем вежливая дружба коллег: как отмечала жена Гуссерля Мальвина, ее будущий муж сразу же по приезде в Галле «был принят Штумпфом с сердечным доверием; его рассматривали почти как члена семьи. Штумпф приступил к продвижению габилизации без всякого промедления и все время следил за тем, чтобы двигаться прямо к цели»¹. То, что между ним и прибывшим в Галле молодым коллегой сразу возникли теплые отношения, подтверждает и сам Штумпф. Он пишет в своих «Воспоминаниях о Франце Brentano» о том, что осенью 1886 года, по рекомендации Brentano, в Галле прибыл — с целью габилизации — Гуссерль, и что он стал его слушателем и другом. В литературе правильно отмечается: Гуссерлю в тот начальный период настоятельно требовалось не просто углубить свои познания в области психологии, но и вообще в очень короткий срок приобрести более систематическое психологическое образование, для чего весьма хорошо подходили учебные лекции и труды столь известного, признанного психолога-философа, как К. Штумпф.

¹ См.: *K. Schumann*, Malvine Husserls «Skizze eines Lebensbildes von E. Husserl» / *Husserl Studies*, 5, 1988, S. 113.

Впрочем, и самому Штумпфу в 1887 году было 39 лет — немного для человека, достигшего серьезных научных результатов. «Карл Штумпф, — отмечает Х. Пойкер, — был самым старшим учеником Brentano, сделавшим на академическом поприще самую быструю карьеру. В 25 лет он уже был профессором в Вюрцбурге, впоследствии приглашался в университеты Праги, Галле и Мюнхена, а в конце концов и в Берлинский университет, где он благодаря своей преподавательской деятельности оказался среди самых влиятельных психологов феноменологической психологии в широком смысле этого слова»¹. Из школы Штумпфа, уместно напоминает Пойкер, вышла — уже в Берлине — целая генерация немецких психологов (это так называемая Берлинская школа): Вольфганг Кёлер, Курт Коффка, Курт Левин, будущие основатели гештальтпсихологии. Все это, действительно, говорит о несомненном таланте Штумпфа как ученого и особенно педагога. Через эту школу в Галле прошел и Эдмунд Гуссерль. Уже во время зимнего семестра 1886—1887 гг. (еще до переезда в Галле) Гуссерль слушает лекции Штумпфа под общим названием «Психология».

Целостный анализ жизни и творчества К. Штумпфа не входит в мои задачи. Далее будут рассмотрены лишь те идеи и произведения Штумпфа, которые, полагаю, оказали особое воздействие на поиски и исследования молодого Гуссерля. При этом стану опираться не только на сами эти работы, но и на собственные высказывания, отсылки Гуссерля к исследованиям Штумпфа, а также на литературу вопроса². Но также и на то, что подсказывает мне творческое воображение, позволяющее не оставить в тени многие не всегда запечатленные в произведениях интеллектуальные связи, параллели, пересечения, противостояния, характерные для живого контекста взаимодействий творцов философской мысли уже далеко отстоящего от нас исторического времени.

---

¹ H. Peucker, op. cit. S. 42.

² См.: Hollenstein (1972); Spiegelberg (1982), Herzog (1992) Schumann (1996), Peucker (2002).

§ 1. К. Штумпф о пространственных представлениях

Книга Штумпфа «О психологическом происхождении представления пространства» (*Über den psychologischen Ursprung der Raumvorstellung*), которая вышла в Лейпциге в 1873 году¹ и которую автор, в то время приват-доцент в Гёттингене, посвятил своему знаменитому учителю Лотце, во многих отношениях показательна для состояния философской психологии в 70-х годах XIX века. Для последующей работы Гуссерля она станет одной из предпосылок и отправных точек. Гуссерль сошлется на нее в «Философии арифметики»². Вот почему мы должны хотя бы кратко обратиться к названной работе Штумпфа. В главной своей части эта книга посвящена анализу конкретных и тонких вопросов так называемых представлений пространства, или пространственных представлений (*Raumvorstellungen*): первая глава — представлению о плоскостях, вторая — о глубине (как своеобразных измерениях пространства). Мы вспомним об этом, когда будем разбирать гуссерлевскую «Философию арифметики», где нас тоже будут интересовать идеи более общего философского и психологического характера, подобные тем, которые Штумпф выдвигает, защищает в своей работе и с которыми связаны глубокие изменения в психологических, прежде всего философско-психологических подходах к сознанию, несомненно повлиявшие на раннего Гуссерля и на возникновение его феноменологии.

В контексте моей книги невозможно, да и не нужно анализировать эту раннюю работу Карла Штумпфа во всей полноте и многочисленных деталях. Но не могу удержаться от того, чтобы выразить свое восхищение глубиной, многоаспектностью анализа, междисциплинарным охватом материала, так характерным для той дисциплины, которую в то время именовали психологией. Полагаю, что многие современные читатели, в том числе психологи по профессии, даже не ассоциируют такое многоаспектное богатство исследовательских замыслов именно с психологией. Попытаюсь кратко разъяснить, что имею в виду.

---

¹ См.: *Carl Stumpf. Über den psychologischen Ursprung der Raumvorstellungen*, Leipzig 1873. S. 2–3. Далее страницы по этому изданию указываются в тексте моей книги.

² *Edmund Husserl. Philosophie der Arithmetik / Edmund Husserl, Gesammelte Schriften*, Hrsg von Elisabeth Ströker. Bd. 1. Hamburg, 1992. S. 19.

Итак, общая цель работы Штумпфа — исследование «психологического происхождения» представлений пространства, или о пространстве (*Raumvorstellungen*). Охват тех концепций и идей, которые при этом разбирает Штумпф, широк и многогранен: это и философские концепции — прежде всего, конечно, кантовская теория форм чувственности, но также теория «локальных знаков» Лотце, учения психологов и физиологов (теория Гербарта; теория ассоциаций Бена (*Bain*), Е. Вебера; учение Гельмгольца о представлениях глубины (*Tiefenvorstellungen*); теории зрительных восприятий и многое, многое другое.

Через попытки этого междисциплинарного синтеза пробивается, однако, стержневая идея о необходимости найти *специфический психологический угол зрения*, подход к проблематике представлений, в частности и особенности, представлений пространства (или о пространстве).

Гуссерль затронет эту тему в «Философии арифметики», хотя на фоне анализа числа она останется боковой, второстепенной. Но вот что, думаю, было чрезвычайно важным, даже центральным для молодого автора, вчерашнего математика (почему он внимательно вглядывался в сугубо специальные, казалось бы, работы своего нового наставника) — это *срез анализа*, касающийся *психологического генезиса устоявшихся понятий науки и философии*.

Понятие пространства принадлежало именно к таким понятиям. К нему имели отношение математика (прежде всего геометрия) и физика. Оно также издавна было одним из всеобщих понятий, или категорий, философии. Каждая дисциплина рассматривала и рассматривает проблему пространства как бы сквозь призму своего подхода, причем эти преломляющие призмы, как правило, появились так давно, что в науках более поздних эпох часто уже забывали об их происхождении и заботились лишь о том, чтобы, так сказать, отшлифовать, усовершенствовать эти призмы и научиться через них видеть «саму действительность». При этом науки, особенно естественные, претендуют на то, что они исследуют пространство, как оно «есть» в действительности. В философии настоящий переворот был осуществлен Кантом, который как раз и показал, что (при существовании таких различных преломляющих научных призм) у человека как особого существа, наделенного чувственностью и рассудком, есть главная, но

двуединная всеобщая формальная призма, как бы независимо от всякого отдельного опыта организующая его чувственность. Эта призма — двуединство пространства и времени. Но Кант тоже как бы снял вопрос о происхождении, генезисе этих форм, явочным порядком переведя анализ на уровень познавательной деятельности зрелого, сформировавшегося человека. Сформировавшегося в двух смыслах: он уже ушел из детства, собственного, индивидуального, и из детства человеческого рода. Генезис как тема снят у Канта по разным причинам, в том числе и самой простой: он занимается (в «Критике чистого разума», включая и рассмотрение в ней пространства и времени) теорией познания, теоретико-познавательной логикой и вообще-то имеет право отвлечься от историко-генетических проблем.

Приступив к исследованию представлений о пространстве, Штумпф не мог, конечно, обойти молчанием учение Канта о субъективных формах чувственности. С его критического анализа он и начинает свою книгу. А завершает штумпфовскую критику критической теории Канта, которую мы кратко рассмотрим далее, следующее заключение: «Особых разъяснений... от Канта и не приходится ожидать. То, что мы узнали о психологическом происхождении представлений о пространстве, ограничивается тем, что они обозначены как априорные формы; при этом даются (рассмотренные выше) неудовлетворительные объяснения этого обозначения. Ни разу не разъясняется следующий вопрос: почему мы постоянно (*fort und fort*) созерцаем одно бесконечное пространство, а представления пространства, например, величины, в которых мы представляем какое-либо качество, все же отличаются друг от друга и изменяются. Недостаточная обоснованность, имеющая здесь место, уже была продемонстрирована Гербартом в качестве упрека в адрес психологической теории пространства Канта... В объяснение этого недостатка можно указать на то, что... интерес Канта в вопросе о пространстве был прежде всего не психологическим, а логическим» (S. 29). И это, считаю, очень правильное и методологически важное указание¹.

---

¹ В одной из своих работ я проанализировала именно со сходной точки зрения учение Канта о пространстве и времени, показав, что в нем применен метод, «подражающий естествознанию», т. е. с самого начала избирающий особые отвлечения от того, что остается за кадром исследования. В данном случае Кант сознательно

Но в том-то и дело, что в XIX веке ссылки на «чистый» теоретико-познавательный, логический, метафизический — а не психологический — интерес того или иного исследователя (даже великого Канта) уже не действовали. Подобным же образом понятия и подходы, принятые в других науках, например, в математике, перестали казаться само собой разумеющимися. *Возник интерес именно к их генезису.* К разряду подобных привычных математических понятий принадлежало понятие числа. Если формировалась идея арифметизации математики, если представления о числах изменялись и расширялись, то как бы осмысленный вопрос о *генезисе* понятия числа неизбежно выдвигался на передний план.

Психология потому, в частности, и испытала в XIX веке такое оживление, что проявила внимание к определенным путям своего рода генетического исследования различных научных и повседневных понятий — путем возведения их к миру восприятий, представлений, словом, ко всему, что сам Кант обобщенно назвал «чувственностью» (*Sinnlichkeit*), «чувственным созерцанием», но что он, по оценке многих философов после него, в том числе и его последователей, очень быстро пробежал в своей первой «Критике», так и не исследовав структуры чувственности в их многообразии, сложности и взаимопереплетении.

Что касается, в частности, темы пространства, то сведя пространство (и время) к всеобщим априорным формам чувственности, Кант, действительно, оставил без внимания те вопросы, к которым всё чаще и настоятельнее обращались — уже после Канта — и философия, и психология. Посмотрим, как это делает Штумпф.

§ 2. Подход Штумпфа к кантовской теории субъективных форм чувственности

Штумпф считает излишним излагать сколько-нибудь подробно кантовскую теорию пространства. Для него важно следующее: «Согласно Канту, пространство, вообще говоря, есть нечто субъективное, относя-

щееся к нашим представлениям. Конкретнее, Кант называет его априорной субъективной формой чувственности. Иными словами, материал, который доставляют нам чувства в процессе опыта, мы схватываем пространственно (*räumlich*) вследствие психической организации, которую мы наследуем» (S. 12.) (Можно было бы заметить, что Кант не говорит о «психической» организации. Но он, действительно, сводит дело к некоей «человеческой» данности: так уж устроен человек... Предполагалось, что в случае другого существа дело, возможно, обстояло бы иначе). Штумпф поясняет, что целью теории пространства Канта было не психологическое, а скорее логико-метафизическое объяснение, т. е. исследование «возможности геометрических суждений о пространстве, которые всеобщим и необходимым образом считаются истинными, не будучи аналитически выводимыми (как полагал Кант) из понятий» (S. 13). Однако Канту не удалось, как пытается доказать Штумпф, целиком избавиться от проблем и объяснений, которые старший коллега Гуссерля в общей форме именует «психологическими».

Например, Кант разделяет «материю» и «форму» чувственности, а в известной степени отделяет их друг от друга. Штумпф приводит известную кантовскую дефиницию «материи» чувственности (то, что относится, связано — *correspondendiert mit* — с ощущениями) и ее «формы» (то, что в известных отношениях способно упорядочивать многообразное в ощущении — *daß das Mannigfaltige der Erscheinungen in gewissen Verhältnissen geordnet werden kann*), задаваясь — применительно к пространству — вот какими вопросами: как именно мы наводим порядок в ощущениях? Почему мы выбираем именно этот, а не иной порядок? Скажем, мы приводим в порядок, т. е. как-то ранжируем книги в библиотеке. Порядок может быть совершенно различный в зависимости от того, какой критерий порядка мы избираем — величину книг, время выхода в свет, содержание и т. д. Так же и людей мы можем классифицировать по силе их тела, интеллектуальным, моральным и иным качествам. Почему же чувственность упорядочивается у Канта именно в соответствии с формами пространства (и времени)? Это вовсе не праздный вопрос, и он касается не только философии Канта, но и сути рассматриваемой проблемы.

Штумпф подробно анализирует известные кантовские аргументы в пользу идеи о пространстве как одной из двух всеобщих форм чув-

ственности, а именно: мы можем относить определенные ощущения к чему-то вне меня (уясняя, что находится ближе — дальше, выше — ниже и т. д.) только в том случае, если уже, так сказать, а priori кладем в основу «представление пространства» («Vorstellung des Raumes»). Обратим внимание: Кант в самом деле употребляет именно слово «представление», «всеобщее представление», говоря о пространстве. Но это слово у Канта остается непроясненным и требует от читателя собственных догадок¹. Одновременно у Штумпфа исследуется особый ракурс, оттенок проблемы, снова же выражаемый в форме вопроса: почему в царстве чувственности преимущество отдано именно формам пространства (и времени), а не, скажем, таким «качествам», как непроницаемость, твердость, цвет (Undurchdringlichkeit, Härte, Farbe)? Кант разбирал этот вопрос и отвечал на него так: от таких качеств мы можем абстрагироваться, тогда как пространство и время принципиально невозможно «осмыслить». Как формы именно чувственности они первичны. Этот тезис Штумпф в определенной степени поддерживает. Более того, впоследствии он будет *отстаивать мысль о фундаментальности представлений пространства для психологии*. Вместе с тем, Штумпф, как мы увидим, будет возражать против кантовского понимания пространства, очищенного, отделенного от всех чувственных качеств (цвета, звука и т. д.).

Как бы то ни было, дефицит конкретности в кантовском анализе «представления пространства» (кстати, в самом деле значительно более скудного, чем анализ времени, к которому Кант обращается и в учении о рассудке) приходится восполнять. Для этого Штумпф и обращается за помощью к тем концепциям, которые предложены в психологии и, в частности, той, которая шла как бы по стопам Канта (учение Гербарта и др.).

---

¹ Сейчас мы отвлечемся от вопроса о том, где и как сам Кант почерпнул понятие «Vorstellung» — немецкий аналог латинского «representatio». По этому вопросу существуют специальные исследования, которых мы не можем касаться в этой книге, специально философии Канта не посвященной.

§ 3. Исследование представлений как акта сознания

Специалистам по феноменологии Гуссерля не надо объяснять, какое значение в ней придается анализу актов сознания или, вернее, «актовой» (ноэтической, в более поздней гуссерлевской терминологии) стороне сознания. И чем конкретнее, подробнее, многостороннее исследуются акты сознания, тем больше это соответствует духу и букве феноменологии как *философской* дисциплины. Поэтому неверно изображать дело так, будто интерес к восприятиям, представлениям и другим формам сознания — черта одной лишь психологии. И *философия сознания*, познания постоянно включала их в орбиту своего рассмотрения. Психология, отпочковываясь от философии, принимала от нее эстафету анализа актов сознания и, надо сказать, именно во второй половине XIX века за достаточно короткое время добилась в этом деле значительных результатов. Впрочем, в таком анализе, по природе своей междисциплинарном и пограничном, границы между философией и психологией вообще были весьма подвижными, так что существовала и философская психология, и философия, перетекающая в психологию. (К слову сказать, в российской философии последней четверти XIX века видные отечественные мыслители — Лопатин, Грот, Бердяев, Франк и др. — занимались и философией, и психологией; главный философский журнал в России тогда не случайно назывался «Вопросы философии и психологии»).

Применительно к гуссерлевской философии существует еще одна проблема, которую можно считать центральной и которую мы еще будем обсуждать далее: это трудные и противоречивые поиски Гуссерлем специфического, уникального для предшествующей мысли *синтеза* философии, логики и психологии, которые к началу XX века обрели облик предварительного варианта феноменологии.

Что касается обсуждаемого здесь аспекта — актов сознания, то заслуживает внимания следующий факт: Гуссерль по существу опирается и на достижения предшествующей философии (Локк, Лейбниц, Кант, Дж.Ст. Милль), и психологии (Гельмгольц, Герbart, Вундт, Лотце, Brentano, Штумпф, Мейнонг, А. Бен и др.), на осуществленные раньше классификации, описания самых различных актов сознания.

В рассматриваемой работе Штумпфа, как сказано, в центре внимания стоит тема представлений (*Vorstellungen*), которые исследуются на особом примере представлений пространства. При этом представления встраиваются в ряд других актов сознания. Штумпф исходит из того, что в современной ему психологии уже имеется разделение структур, элементов сознания (следует ссылка на Г. Гельмгольца, которого Гуссерль будет постоянно цитировать в «Философии арифметики»). Были различены и определены такие понятия: ощущение (*Empfindung*), восприятие (*Wahrnehmung*), представление (*Vorstellung*). Последние подразделялись — в одной плоскости деления — на «действительные» представления, представления фантазии и памяти, в другой плоскости — на конкретные и абстрактные, в третьей — на простые и составные представления (S. 3).

В этом, действительно, обычном для тогдашней психологии и впоследствии также сохранившемся разделении Штумпфа (а потом и Гуссерля) будет интересовать, скажем, отличие представлений от восприятий. Более поздний Гуссерль (например, в «Идеях I») сосредоточится как раз на восприятии как основополагающей, с его точки зрения, структуре сознания. Что касается Штумпфа, то в разбираемой работе он в наибольшей степени исследует именно представления, в частности и особенности *Raumvorstellungen*. Но здесь он наталкивается на сложные вопросы, которые накопились в философии и психологии и которые требовали, с его точки зрения, предпринять исследование «психологического происхождения» понятий, ставших привычными. Так, следуя Гельмгольцу и уточняя его позицию, Штумпф пишет: «О “восприятии” обычно говорят тогда, когда содержание представлено как объективное, а именно как объективно-пространственное. Но, как будет потом показано, это всего лишь в высшей степени составное представление. А то, что Кант называет “созерцанием”, оборачивается составным индивидуальным представлением...» (S. 4).

В восполнение относительной бедности описания и осмысления представлений у Канта Штумпф проводит дальнейшие различения. «По отношению к представлениям мы можем провести тройственное различие: во-первых, это содержание, которое представлено, например, красный цвет, теплота; во-вторых, это акт, деятельность или само состояние представливания (*des Vorstellens*); в-третьих, условия, не-

обходимые для того, чтобы состоялось представление, будь они внешними (физическими, физиологическими) или внутренними (психическими, заключенными в природе представляющего субъекта)», — пишет Штумпф, воспроизводя достаточно типичное для психологии различие (Ibidem. S. 25). Нужно заметить, что такое различие, вполне здоровое и содержательное, нам не раз встретится уже в феноменологии Гуссерля; он его заимствует из прежней психологии и философии. В зрелой феноменологии это простое различие перерастает в концепцию предметных содержаний (ноэма) и актов (ноэза) сознания.

И далее Штумпф задается вопросом: что такое пространство в свете данного различия, примененного к представлению о пространстве — особое содержание? специфическая деятельность души? особое условие? С точки зрения Штумпфа, ответ однозначен: специфика этого содержания, по Штумпфу, в том, что «отдельные экземпляры (пространства или места) закономерным образом встраиваются в одно совокупное, целостное содержание» (S. 30).

Таким образом, Штумпф использует для целей своей концепции рассуждения Канта о пространстве и извлекает из них некоторые ценные импульсы, однако сам признается, что нужны новые, более глубокие изыскания. И снова же можно и нужно протянуть нить к исследованиям молодого Гуссерля. Предполагаю, что эта важная тема обсуждалась, не могла не обсуждаться в теоретических беседах Штумпфа с его новым учеником. К философии Канта оба они в то время подходили достаточно конкретно, если не сказать прагматически. Штумпф искал опору для своей теории представлений, которая если и была психологической, то с сильным философским оттенком — впрочем, как сказано, это было характерно для всей тогдашней психологии. И если он нашел у Канта весьма мало этой нужной ему конкретики, то не будем списывать причину на то, что Кант как философ не должен был и не собирался давать *психологическую* конкретику. Штумпф удовлетворился бы и *философски-конкретным* анализом (интересующих его) представлений пространства. Но такового он не нашел по той простой причине, что его у Канта по существу не было.

Аналогичным образом обстояло дело в «Философии арифметики» Гуссерля. Он обратился к текстам Канта не случайно: в «Критике чистого разума» и других произведениях есть весьма любопытные фило-

софско-математические аспекты; там обсуждаются и интересующие Гуссерля понятия величины, числа и т. д. Но той конкретике, в какую вдается Гуссерль, стремясь тщательно проанализировать спаянность арифметики, ее понятий с человеческим созерцанием, у Канта ему тоже не хватает, хотя все сколько-нибудь интересные детали кантовского анализа уловлены и отмечены. Кто-то может (опираясь на нынешние дисциплинарные определения) возразить: Кант ведет *философский* анализ, а ранний Гуссерль, де, целиком движется на почве психологии. Надеюсь в дальнейшем доказать центральную для моего анализа мысль: *Гуссерль (вслед за Штумпфом и в единстве с ним) наталкивается в своих первых работах как раз на дефицит в исследованиях темы созерцания (в данном случае у Канта и неокантианцев).* И с попытками преодолеть этот дефицит оправданно прямо связывать те импульсы, которые постепенно двигали Гуссерля к изобретению первых вариантов феноменологии, где сразу же центральное место заняла концепция *Wesensschau*, усмотрения сущностей, т. е. *особая концепция чувственного, а одновременно и сущностного созерцания.*

Сказанное вовсе не есть отрицание того, что Штумпф (в анализируемой работе и других сочинениях) все же *движется на почве психологии.* Но снова и снова надо подчеркнуть: это особая психология — психология второй половины XIX века, в частности, тесно связанная с философским материалом. И к тому же она сама находится на перепутье. Ведь тогдашняя психология еще теснейшим образом связана с философией, от которой она сравнительно недавно отпочковалась, но отделилась не полностью. Впрочем, процессы, способствовавшие этому, уже происходили, и они частично протекали в форме физиологизации как раз тех частей психологии, которые были связаны с исследованием раздражений и ощущений, этих «нижних этажей» чувственности. (В последние годы XIX столетия они привлекут внимание Гуссерля как логика, включившегося в споры о психологическом обосновании логики.)

Особое внимание у Штумпфа уделено тем психологическим исследованиям, которые спускаются к теме раздражений, движений тела и т. д. Так, исследуется «теория рядов» (*Reihenformen*) Гербарта, о которой Штумпф говорит, что ее цель — «показать, как представления о пространстве должны образовываться — по психологическим зако-

нам — из простых ощущений качества соответствующих чувств; при зрении — это цветовые ощущения, при осязании (Tastsinn) — ощущения от прикосновения к чему-либо» (S. 30).

Штумпф также весьма конкретно разбирает теорию ассоциаций английского психолога Александра Бена (Bain), в свою очередь примыкающую к учениям Джона Стюарта Милля и Уильяма Гамильтона. Это довольно специальная психофизиологическая концепция, в центре которой стоят понятия «ассоциаций» и «мускульных чувств и ощущений». (Мы должны учесть, что об этих авторах идет речь и в «Философии арифметики», причем в несомненной связи с выкладками Штумпфа.)

§ 4. «Самостоятельные» и «несамостоятельные» представления

Еще один оттенок проблемы, отчасти имеющийся у Канта, толкает Штумпфа к специальным размышлениям над темой целого и части. И это тоже будет иметь резонанс в работах раннего Гуссерля. Не говоря уже о том, что во II том «Логических исследований» включен большой раздел, посвященный теме целого и части (который Гуссерль, кстати, высоко оценивал и в период своего критического отношения к ЛИ), в ФА также присутствует различие «самостоятельных» и «несамостоятельных» представлений, которое провел Штумпф в разбираемой работе (в разделе «Теория психологических частей»).

Вопрос этот возникает в связи с тем, что Штумпф пытается исследовать «соотношение пространства и качества (Qualität) в представлении» (S. 107). Качества — это, например, красный, белый (какой угодно) цвет, особый звук и т. д. Согласно Штумпфу, различные качества можно представлять вместе: например, мы можем *вместе* представить, а очень часто и фактически представляем цвет и звук. Но это возможно именно потому, что качества эти различны. Представления о них могут быть увязаны, но они представимы и самостоятельно. Когда мы слушаем музыку, то воспринимаем и аккорды, и отдельные звуки, созвучия, тоны и обертоны. Когда речь идет о таких процессах осуществления совместного представительства (Zusammenvorgestelltwerden), то Штумпф

выделяет два их главных класса — «самостоятельные и относящиеся к частям (Theilinhalt) содержания» и дает такую дефиницию: «Самостоятельные содержания имеют место там, где элементы комплекса представления по природе могут быть представлены также и отдельно, изолированно; в представлениях, относящихся к частям, этого нет» (S. 109). Скажем, такое качество, как цвет, нельзя представить без его интенсивности, движение непредставимо без скорости — это «противоречило бы их природе» (Ibidem). Подобным же образом мы не можем, согласно Штумпфу, представлять протяжение (предметов и предметных целостностей) без цвета (и наоборот). Нельзя упускать из виду, что речь идет не о мысли (в мысли можно изолировать что угодно от чего угодно), а именно о представлении. Штумпф отмечает, что взаимозависимость, даже неотделимость элементов («несамостоятельных») представлений признана в теориях Гербарта, Бена, Е. Вебера, Лотце.

Пространство и качество, с точки зрения Штумпфа, и являются представлениями, относящимися к частям, т. е. *в представлении* они не могут быть отделены друг от друга, из чего следует: «пространство воспринимается так же изначально и прямо, непосредственно, как и качества; они образуют одно неразделимое содержание» (S. 115). Итак, представляя пространство, мы сразу имеем и представление качества (Qualitätsvorstellung). Этот его вывод, вынужден констатировать Штумпф, не согласуется с утверждениями ряда философов и психологов. «Согласно Канту, по крайней мере пространство можно представить без качества. Лотце и Вебер в общей форме, по крайней мере судя по высказываниям, учат тому, что изначально воспринимаются только качества; однако кажется, что они принимают в виде первоначальных и минимальные пространственные элементы» (S. 115).

И вот опять вопрос: можно ли, да и нужно ли квалифицировать эти исследования и дискуссии как чисто психологические? Вряд ли. Правда, у Канта, как я думаю, слово «представление» применяется к пространству в ином смысле, чем у Штумпфа. Кант имеет в виду, как известно, «всеобщее представление», не тождественное тем, какими располагает каждый человек, когда он воспринимает (какие-либо) вещи в пространстве. В последнем случае, действительно, в чем прав Штумпф, мы *представляем* пространство (протяженность, местоположение вещи) вместе с ее окрашенностью и другими «качествами».

Образуется некоторое *единое представление* (например, о предмете). Но у Канта речь идет о другом: когда в философии мы выходим к пространству как форме чувственности, мы связываем его с некоторым уже абстрактным, так сказать, обобщенным (всеобщим) *представлением* (все же *представлением*, настаивает Кант, а не *понятием* дискурсивной мысли)¹. Но ведь и подход Штумпфа вполне правомерен, причем не только для психологической, но и для философской, во всяком случае для философско-психологической концепции сознания. Тем более что в разбираемой книге есть множество тонких аналитических находок, которые могут быть по достоинству оценены и теми, кто в *современных* философии и психологии занимается темой представлений. К сожалению, здесь нет возможности входить в подобные детали. Но мы продолжим начатый разговор, обратившись к книге, которая считается главным — и высоко оцененным также и у Гуссерля — сочинением Штумпфа, к его «Психологии звука».

§ 5. Значение книги К. Штумпфа «Психология звука» для ранней философии Гуссерля

Итак, перед нами «Психология звука». На нее Гуссерль неоднократно ссылается в «Философии арифметики». Но вспомним о вопросе: почему книга по *психологии*, название которой наводит на мысль о сугубо *специальном исследовании*, привлекла внимание молодого ученого, занятого *философией математики* — причем темой числа? Для ответа на поставленный вопрос необходимо, с одной стороны, хотя бы кратко охарактеризовать подлинное значение книги Штумпфа в истории мысли, а с другой стороны, задуматься над тем, какие имен-

---

¹ У Штумпфа на эту тему: «Если у Канта пространство понимается *не* как понятие, а как созерцание, то мы должны сказать: оно — и то, и другое. От отдельных мест, как и от отдельных качеств, можно, конечно, абстрагировать всеобщее *понятие*. Но они имеют специфическое свойство сопрягаться в единую целостность и таким способом производить пространство как таковое в представлении. Это и было основанием того, что Кант назвал пространство *созерцанием* (*Anschauung*); но очевидно неоправданно пространство понимать как что-то обособленное от чувственных качеств...» (S. 122).

но проблемы стремится осмыслить Гуссерль, обращаясь к книге своего нового наставника.

Для начала следует отметить, что Гуссерль называет Штумпфа — и Лотце — «выдающимися (*herorragenden*) психологами» (ФА. S. 78). Эта характеристика в наши дни может показаться некоторым преувеличением, потому что даже в современных учебниках по психологии о Штумпфе говорится до обидного мало, да и то скорее при перечислениях имен (чаще всего когда речь заходит о школе Brentano)¹. Между тем по существу прав Гуссерль: даже на фоне знаменитых, и заслуженно знаменитых психологов XIX века — Гербарта, Вундта, Гельмгольца, Дильтея, Brentano — имя и вклад Штумпфа не должны потеряться. А двухтомная его работа «Психология звука» — это как скупuleзнейшее специальное исследование проблемы звука и звуковых представлений, так и труд общего проблемного характера, впитавший в себя достижения, трудности — можно сказать, дух — психологии второй половины XIX века. Конечно, Гуссерль выбрал из этой книги только то, что его особо интересовало при анализе понятия и темы числа. Но в ходе генетического исследования философско-математических (философско-арифметических проблем) и при попытке включить в кадр анализа именно психологический материал Гуссерлю было вполне сподручно опереться на фундаментальный труд Штумпфа, тем более что в нем был запечатлен и исследовательский опыт школы Brentano, к которой примыкали и Штумпф, а — тогда еще, по крайней мере формально — сам Гуссерль. Чтобы в кратком очерке, который далее последует, не потеряться в специальных деталях, для начала упомяну о том, что именно в «Психологии звука» оказалось для Гуссерля первостепенно важным.

На первое место ставлю тему и проблему, которые Гуссерль обсуждает на странице 42 «Философии арифметики» (в разделе моей книги, посвященном ФА, они будут подробно рассмотрены применительно к этой работе и к перспективам рождения феноменологии, ее метода). Это *тематика актов сознания*, их содержания и синтетического характера, которую Гуссерль обсуждает, опираясь на Канта, Ланге, но ссылаясь также на «Психологию звука» Штумпфа.

¹ См., например, *Gerhard Benetka, Denkstile der Psychologie. Das 19. Jahrhundert.* Wien, 2002.

«Синтетические акты» — вот что интересует раннего Гуссерля и что станет также и проблемой более поздней феноменологии. И конечно же, это стержневые именно для «Философии арифметики» понятия Relationen (отношений), Vielheit (множества), Mehrheit (большинства), Gleichheit (равенства) и т. д. А о них постоянно говорится и в книге Штумпфа.

Не будучи специалистом в конкретных проблемах *современной* психологии, не могу судить, насколько в специальной теме психологии *звука*, звуковых восприятий и т. д. исследование Штумпфа превзойдено работами нынешних авторов, имеющих возможность опереться на новейшие технические средства наблюдения и эксперимента. Но сильно сомневаюсь, что с точки зрения *философской фундированности* работа Штумпфа превзойдена современной психологией, что *теоретический фундамент* психологии и философии, на который опирается Штумпф, устарел и заменен в психологии более прочным, надежным основанием. (А ведь именно фундаментальные предпосылки психологии в первую очередь интересовали Гуссерля.)

Судите сами: в I томе с его общей темой «Суждения о звуке» (Tonurteile) сначала разбираются более общие темы: ощущение и суждение (исследуется отличие суждений от просто ощущений); надежность суждений, касающихся чувств (Sinnesurteilen); анализ и сравнение (среди них: как мы замечаем и сравниваем одно, многое, равное, подобное и т. д.). Затем Штумпф переходит непосредственно к тематике психологии звука и исследует то, как мы *судим* о следующих друг за другом звуках, о высоте и глубине звука, как устанавливаем подобие или равновеликость звуков, а также их индивидуальность, как воспринимаем интенсивность звука.

Во втором томе разбирается общий вопрос об «одновременных (gleichzeitiger) звуках». Он дробится тематически — на разделы, посвященные проблемам единства, множества и критике их освещения в предшествующих и современных Штумпфу учениях. Эти разделы должны были привлечь особое внимание Гуссерля. Другая тема, последнего весьма интересовавшая и разобранный Штумпфом в «Психологии звука» — это «сплетение», «спаянность» (Verschmelzung) ощущений и впечатлений, в частности, звуковых, которая была задана еще в концепции Гербарта и обсуждалась другими психологами XIX века.

Одним словом, в разбираемом фундаментальном сочинении Штумпфа психология звука была многосторонне вплетена в разбор концепций и методов психологии как таковой — в ее облике, сложившемся к 1883/1890 годам, т. е. ко времени выхода в свет I и II томов «Психологии звука». Как раз такое сочинение и требовалось Гуссерлю для, так сказать, вхождения во врата психологии, которое он хотел использовать во имя осуществления философско-психологического исследования понятия числа.

Уже проведенное Штумпфом в первом разделе первого тома различение между ощущением (*Empfindung*) и суждением (*Urteil*) релевантно гуссерлевским занятиям — и не только тогда, когда он писал ФА, но и позже, когда он создал феноменологию и занимался ею. Дело в том, что при характеристике актов сознания Гуссерль всегда специально выделяет *акт суждения* и постоянно отличает *ощущения* от других актов сознания (которые позже будут названы интенциональными, т. е. предметно направленными). Полагаю, что такого рода различения и определения потому так просто, без особых разъяснений и доказательств входят в философию раннего Гуссерля, а потом и в его феноменологию, что они стали своего рода каноническими в предшествующей и современной ему философии и психологии. Определение «*Sinnesurteile*», т. е. *суждения* о каких-либо чувственных впечатлениях, которое дается у Штумпфа, должно было казаться Гуссерлю вполне приемлемым. Оно, как я думаю, приемлемо и сегодня. «Если мы обозначаем какое-либо ощущение как звук “а” или как терцию “f”, — пишет Штумпф, — то мы высказываем суждение о чувстве, т. е. суждение, относящееся к чувственным ощущениям и ими вызванное. Чувственные явления могут быть даны, помимо ощущения, также и в представлениях просто (фантазия, воспоминания) и затем равным образом подвергнуты суждению»¹.

Далее Штумпф поясняет, что большинство суждений, так сказать, обрабатывают не одно, а много представлений, которые в языковых выражениях суждения разделяются на субъект и предикат. Заметим, что начальная стадия и исходный материал феноменологического анализа в I томе «Логических исследований» Гуссерля — это тоже языко-

¹ *Carl Stumpf. Tonpsychologie. Erster Band. Amsterdam. 1965.* Далее ссылки в моем тексте даются по этому изданию с указанием тома и страницы.

вые выражения, от которых феноменология отталкивается, уходит, направляя свое внимание к феноменам.

Штумпф упоминает о связи суждения с множеством представлений именно для того, чтобы выдвинуть следующую идею: было бы ошибкой считать суждение простым, как бы механическим объединением представлений или просто установлением определенного *отношения* (Relation) между представлениями. Это замечание, как и последующие размышления Штумпфа, направлены против так называемого учения об отношениях (Relativitätslehre — не путать с теорией относительности!), основателем которого считался Т. Гоббс, а продолжателями в XIX веке Фехнер, Ал. Бен, В. Вундт и другие. Подчеркиваю значение данного аспекта еще и потому, что как раз он привлек особое внимание Гуссерля в «Философии арифметики». Он по существу опирается на критику Штумпфа (и ссылается на соответствующие страницы «Психологии звука» — о них далее еще будет упомянуто). В общем и целом Гуссерлю особенно важно то, что Штумпф, с одной стороны, возражает против упрощенного характера «учения об отношениях», которое сводит процесс суждения к некоторому как бы механическому соотнесению представлений, а с другой стороны, не учитывает синтезирующей силы чисто интуитивных процессов, которые снабжают сами представления объединяющей силой. «Вынесение суждения [некоторая оценка — Beurteilung], как мы его понимаем, не всегда проистекает из размышления, также не всегда фиксируется в языке и никогда — во внутренней речи. Оно при некоторых обстоятельствах сразу же и непосредственно увязывается с чувственными ощущениями, будучи прямо вызванным последними как психическим возбудителем, и равным образом подобно ощущению не приводя к языковому озвучиванию. И это — даже решающий пункт в психическом развитии» (I, 4–5). Например, мы можем размышлять о том, равны или различны два звука по своей высоте, но делаем это тогда, когда мы сомневаемся, отвечаем на вопрос и т. д. Тогда в дело включается процесс Auffassung — осмысления, понимания, толкования (кстати, этот термин будет достаточно широко задействован в *Лекциях* Гуссерля по проблемам вещи и ее восприятия — см. Husserliana, V. XVI). Но несомненно, отмечает Штумпф, что в глубинах сознания — мы без особых размышлений и анализа языковых выражений,

проговариваний, озвучиваний — замечаем, высокий ли звук или низкий и т. д. Здесь большую роль играет уже накопленный опыт, привычка, благодаря которой как бы возникают нерелексивные суждения (*reflexionslose Urteile*); их Штумпф называет «*gewohntheitsaussagen*», т. е. сообразованными высказываниями, опирающимися на привычку. «Когда-то возникшее понимание (*Auffassung*) без всякого, просто возникает вновь, когда создаются сходные условия» (I, 5).

К. Штумпф очень подробно и обстоятельно, как он всегда делает, разбирает конкретные тезисы сторонников критикуемой теории, но для нас здесь невозможно, да и излишне входить в столь тонкие детали размежевания психологических теорий, которые, кстати, обязаны своим возникновением не только психологии, но и философии того времени. Ведь и она обращалась в своих концепциях сознания именно к сфере чувственности, к выявлению ее структур и элементов, в частности, к теме ощущений. Скажем лишь о том, что поможет нам понять концепцию самого Штумпфа и те ее моменты, которые имели особое значение для Гуссерля.

Считаю, что Гуссерль вполне мог задуматься над тем справедливым общим замечанием Штумпфа, что в рассуждениях психологов и философов многое зависит от понимания термина «сознание». «Если о сознании желают говорить лишь тогда, когда имеют место суждения, то это учение [об отношениях] кажется само собой разумеющимся. Нет никакого сомнения: суждения, — особенно устанавливающие отношения, — образуют высшую ступень жизни души в сравнении с ощущениями, группами ощущений, образами воспоминаний, ассоциациями и т. д. Если сознание понимается как психические состояния вообще, то ощущения, естественно, относятся к сознанию. Если, в конце концов, под сознанием понимают только своеобразие психических состояний, которые должны — наряду со своим прямым содержанием (цвета, звуки) — иметь содержанием и самих себя, направляться на самих себя (рефлексия в самом широком смысле), то трудно понять, почему только суждения, а не простые ощущения, должны характеризовать его своеобразие. Фактически когда мы что-то слышим, мы схватываем не только звук, но и само слышание» (I, 12–13).

Полагаю, что Гуссерль просто не мог не задержаться на этом рассуждении Штумпфа, причем как при написании «Философии ариф-

метики», так и в процессе дальнейшего философского развития ему было важно соотнести свое понимание сознания (как я обычно пишу, свою модель сознания) с теми подходами, *разнообразие* которых хорошо схвачено в только что приведенной цитате из Штумпфа. Предварительно можно сказать (развернуты эти тезисы будут позже): в «Философии арифметики», обращенной к проблеме числа, Гуссерля естественным образом интересуют более высокие «этажи» сознания, но одновременно и их связь с чувственным опытом. Но в «Логических исследованиях» тема ощущений по существу снята с повестки дня — и уже благодаря тому, что ощущения объявлены лишенными интенциональности, т. е. направленности на предмет (в более поздних работах Гуссерль снова поставит в повестку дня феноменологии более тщательное и многостороннее исследование чувственного опыта, включая и ощущения). Получается, что Гуссерль в его работе — причем не только в самый ранний период, но и на протяжении всей жизни, — то подвергал редукции целостную модель сознания, которая восходила бы к самым первоначальным ощущениям и конкретно принимала бы их в расчет (как того добивался Штумпф), то снова отдавал должное этой модели, благодаря чему сознание представало в неисчерпаемой полноте форм, ступеней, структур, элементов, никак не сводящейся (на чем справедливо настаивал Штумпф) к суждениям, рефлексии, словом, к интеллектуально-логическим элементам. Как раз на этом примере хочу еще раз показать и подчеркнуть, что не согласна с теми авторами, которые пытаются сделать из Гуссерля как автора «Философии арифметики» всего лишь последователя *психолога* Штумпфа. Последний своими сочинениями действительно дал Гуссерлю импульсы к выработке позиции, но позиции достаточно *самостоятельной*; он подтолкнул молодого автора и к размышлениям, и к сомнениям (в том числе сомнениям в некоторых тезисах самого Штумпфа, пусть критические замечания и не были высказаны именно в тот период). И, например, целостный подход Штумпфа к сознанию, о котором мы только что говорили и который «опускал» модель сознания до элементов, как бы свойственных всякому, в том числе не мыслящему живому существу, Гуссерль вовсе не спешил перенести в «Философию арифметики», ибо подход к сознанию для *философа математики* неизбежно подразумевал нечто иное, чем для исследователя психологии звука.

Вообще-то в I томе «Психологии звука» может почерпнуть немало ценных мыслей и идей тот исследователь, который интересуется структурами, формами, процедурами *чувственного* познания, а также проблемами философии и психологии, в этой связи возникавших и возникающих. Например, это традиционная проблема достоверности и надежности показаний чувств и суждений о такой достоверности, которая в истории мысли вызвала противоборство эмпиризма и рационализма. Когда Штумпф обсуждает эту проблему в целом, он остается на *философско*-психологическом уровне рассуждений; когда он говорит о возможностях «измерения достоверности», то переходит на уровень новых и все более популярных тогда психофизических исследований, представленных Вундтом, Фехнером, Г. Мюллером и другими учеными. Вместе с тем Штумпф, опираясь на труды своего учителя Brentano, дистанцируется от этих направлений и отмечает, что попытка психофизиков «прямо» измерять различие ощущений несостоятельна и что измерять можно разве что способность проводить различие между ощущениями (См. I, 49).

В процессе вынесения суждений на основе чувственных впечатлений, согласно Штумпфу, осуществляется их *анализ* и *сравнение*. Эта тема, обсуждаемая у Штумпфа, как раз и вызвала наибольший интерес автора «Философии арифметики». И не случайно: § 6 Первого раздела «Психологии звука» оправданно считать одним из лучших в книге Штумпфа и представляющим не только психологический, но и философский, гносеологический интерес, причем интерес не чисто исторический, но и теоретический.

Из различных «фундаментальных отношений» (Grundverhältnisse), которые могут обрабатываться в суждениях, Штумпф выбирает четыре: множество как большая часть, большинство (звеньев) (Mehrheit), возрастание, прогрессия (Steigerung), сходство (Ähnlichkeit), сплавленность (Verschmälzung). «Мы хотим назвать анализом такой процесс, в котором мы замечаем (утверждаем, воспринимаем) некое множество, большинство, большую часть [звеньев]; а когда мы замечаем остальные отношения, это называется установлением связей или сравнением». (В оригинале: «Das Bemerken (Bejahen, Wahrnehmen) einer Mehrheit wollen wir Analyse nennen, das Bemerken eines der übrigen Verhältnisse Beziehen oder Vergleichen» — I, 96.) *Подчеркну: именно это определение:*

анализ-процесс, в котором мы замечаем (das Bemerken) большинство [звеньев] — Гуссерль с сочувствием приводит в «Философии арифметики» (РА S. 63). Что конкретно означает это согласие, будет показано при анализе данного произведения.

И здесь Штумпф опять защищает уже знакомую нам идею: эти процедуры как бы имманентны чувственным ощущениям; они не обязательно выводятся на уровень отчетливых, ясных или просто высказываемых суждений (I, 97). Правда, положение здесь непростое, вынужден признать Штумпф: ведь мы никак не можем объективировать наше чувство, говорящее нам о сходстве ощущений, если не выскажем соответствующего суждения. Но для Штумпфа важно вот что: вынося суждение, мы не создаем сходство, а только констатируем его (Ibidem).

В процессах сравнения, осуществляемых в сознании, возникают сложные комбинации и переплетения. Например, мы сравниваем два звука, которые прозвучали не одновременно, а последовательно. Но для осуществления сравнения нам нужно, чтобы они как бы «поместились» в наше сознание одновременно, были бы в нем «одновременно наличны» (gleichzeitig im Bewußtsein vorhanden sein — I, 98). И тогда мы вызываем в памяти и удерживаем в сознании (процесс удерживания, сохранения он называет Aufbewahren) предшествующий звук, пока мы не забыли его. И осуществляем сравнение, анализ. Придет время, и Гуссерль, став феноменологом, в очень сходных словах опишет процесс «удерживания» (соответственно припоминания — Retention) соответствующих феноменов сознания в самом сознании. Но в отличие от Штумпфа, который и само «удерживание», и анализ соответствующих процедур сознания использует для сравнения звуков и их ощущений (слышание), феноменолог Гуссерль будет стремиться понять *сами феномены* анализа, сравнения в их чистой сущности. Если феноменолог в этом случае станет опираться, скажем, на сравнение звуков (что возможно и даже полезно), то эмпирическое обличие данного экземпляра восприятия (именно звуки) не будет иметь решающего значения — но ровно до той поры, пока анализируются *сами акты анализа, сравнения*. Что касается именно звуковых ощущений, восприятий и связанных с ними суждений, анализов, сравнений, то и они в принципе могут стать феноменологической темой. Хотя все это произойдет позже, уже в рамках возникшей феноменологии и на

ее почве, никак нельзя упускать из виду, что теоретические оценки из предшествующего опыта (среди них — о впечатлениях от работ Штумпфа) должны были оказать свое влияние на молодого Гуссерля и на выбор его пути в философии. Кстати, исключительно важно, что основательный, добросовестный исследователь Штумпф приводит и оценивает множество близких суждений на данную тему других психологов и философов (Вундта, Лотце, Штрикера). А это означает, что книга Штумпфа выполняет для Гуссерля (и, конечно, может выполнить для других читателей) еще и ту роль, что она резюмирует широкую исследовательскую практику психологии и философии в их стремлении проанализировать акты, структуры «чувственности». И резюмирует острые споры психологов — например, по тем темам, которые вскоре, т. е. уже во второй половине 90-х годов XIX века, будут занимать Гуссерля в связи с проблемами психологизма — антипсихологизма¹.

«Восприятие сходства» [или подобия — *Ähnlichkeit*] — (I, 111 u ff.) — еще одна тема «Психологии звука», которая привлекла особое внимание Гуссерля. И ясно почему: исследование генезиса понятия числа прямо упирается в эту проблематику, граничащую еще с одним понятийным содержанием, принципиально важным для философии математики вообще, философии арифметики в частности и особенности — с понятием равенства (*Gleichheit*). Ясно и то, почему тема сходства и подобия увязана с проблематикой анализа, сравнения, ибо ведь без этих процедур вообще немыслимо установление подобия (сходства). Кроме того, такое установление тесно связано с понятием «градаций», возрастания, прогрессирования (*Steigerung*) степеней сходства. Например, когда мы говорим о (большом) внешнем сходстве двух людей, то подразумеваем: это сходство отличается своей (чрезвычайной) степенью, а значит, опирается на сравнение двух рядов ощущений, которое и позволяет говорить о таком подобии. В результате мы, согласно Штумпфу, движемся к наблюдению и понятию *равенства*. «Равенство чувственных явлений — не что иное, как чрезвычайное сходство, подобие. Когда этого нет (*das Nichtvorhandensein derselben*), имеет место различие», (I, 111) — пишет Штумпф. Первую

¹ См. в книге Штумпфа его спор с «физиологистами» (I, 100 и ff.)

часть этого определения Гуссерль приведет в «Философии арифметики» (ФА, 207) (увязывая его еще и с понятием конфигурации).

В «Психологии звука» Штумпф анализирует поистине огромное количество очень тонких моментов, на которые Гуссерль, скорее всего, обратил свое внимание, но которые он вряд ли смог бы, если бы и захотел, непосредственно включить в кадр своего рассмотрения в «Философии арифметики». Например, это различие между тем подобием, которое воспринимается, и тем, которое может быть измерено. Оно напрямую касается понятия числа. «Мы пребываем в надежде, — пишет Штумпф, — математически измерять степень подобия, разлагая его на совершенно равные и неравные элементы и будучи в состоянии определить число тех и других» (I, 112). Но тут есть свои сложности, на которые Штумпф обращает наше внимание. Я могу воспринимать (а не просто ощущать) длительность, величину, интервал [звука], не зная, каковы они в точном исчислении. Для последнего нужны особые операции. И измерения не всегда возможны, тогда как восприятия в принципе возможны всегда (Ibidem).

Специально рассматриваются в «Психологии звука» процессы установления подобия применительно к сложным и к простым содержаниям. Вторую часть I тома, где Штумпф углубляется в специальную психологию звука, мы здесь не можем анализировать, хотя и в психологическом, и в философском отношениях это исследование отличается необычайной полнотой, глубиной, многоаспектностью.

Еще в первом томе «Психологии звука» Штумпф вводит, а во втором томе тщательно и очень обстоятельно анализирует тему, которая также представила особый интерес для «Философии арифметики» Гуссерля. Эта тема очерчивается понятием «*Verschmelzung*» что означает сплавленность (здесь) ощущений, восприятий, словом, актов и процедур сознания. Рассмотрим ее подробнее (хотя, конечно, не так подробно, как она изложена у Штумпфа). И снова же не будем упускать из виду вопрос о том, чем анализ Штумпфа заинтересовал Гуссерля и в каком срезе он попал в «Философию арифметики».

Штумпфа интересует вот какой вопрос, восходящий, как он сам говорит, ко «всеобщему факту». «Все качества ощущений, если они из последовательных переходят в одновременные, кроме отношений одновременности вступают и в другое отношение, вследствие которо-

го они явлены как части целостности ощущений. Следующие друг за другом ощущения как ощущения образуют простую сумму, но одновременно уже как ощущения они образуют некоторую целостность. Качества (если отвлечься от исключений) ни в коей мере не изменяются — мы не говорим тут о совершенно новых качествах, — но вступают в новое отношение между собой, которое образует более тесное единство, нежели то, которое существует между слагаемыми простой суммы, единство коей часто состоит лишь в том, что они как слагаемые просто причисляются к этой сумме (ведь можно включать в сумму, сосчитывать вместе нечто самое гетерогенное и стоящее вне всякого соединения, например, один аффект и одно яблоко» (II, 64). *И вот тут — факт, для нас важный, поразительный — Штумпф ссылается... на Гуссерля!* В I томе «Психологии звука», вышедшем в 1883 году, Штумпф, естественно, еще не проявил никаких знаний о Гуссерле, который тогда только что защитил математическую диссертацию у Вейерштрасса и сам еще не ведал, что станет философом. А во II томе (1890) Штумпф уже ссылается на работу своего ученика, на его габилитационное сочинение «О понятии числа». Заслуживает внимания контекст, в котором Штумпф, очень известный психолог, не просто упоминает, а *содержательно опирается* на первое исследование молодого философа математики. Он делает это, во-первых, в «Предварительных замечаниях» к третьему разделу своего труда, которым открывается второй том «Психологии звука». Здесь для нас есть повод пояснить не только те особенности труда Штумпфа, которые как бы усвоил и подхватил молодой Гуссерль, но и те, которые постепенно отдаляли его от концепции учителя (впрочем, двух учителей: Штумпфа и их общего учителя Франца Brentano).

Читатели, вероятно, уже заметили то, о чем ранее было бегло упомянуто: Штумпф постоянно ведет речь об «ощущениях» (Empfindungen). О своем исследовании он так и говорит: «Во всех этих случаях речь идет об ощущениях как таковых» (II, 3). Слова «как таковых» очень важны, поскольку нечто «объективное» (само по себе, т.е. объективное звучание, сами колебания воздуха и т.д.) Штумпф не считает правильным называть ощущениями. Он ссылается на свежие работы Э. Маха на сходную тему «К анализу ощущений звука» (Zur Analyse der Tonempfindungen. Wiener Akad. 1885) и «Очерки к анализу ощущение-

ний» (Beiträge zur Analyse der Empfindungen, 1886), подчеркивая несогласие с ними, возникающее как раз потому, что, по мнению Штумпфа, у Маха не принималась в расчет необходимость отличать сами ощущения от знания просто (von dem bloßen Wissen) о частях, элементах ощущений. «В конечном счете уже подчеркнуто, что взаимные различия содержаний, которые... мы понимаем как многие, всегда тесно связаны, если не идентичны с восприятием того, что их много, большинство» (II, 5). И вот тут-то идет первая ссылка на Гуссерля, на его габилитационную работу (особенно, как отмечает Штумпф, на S. 46 этого труда): «Гуссерль также понимает множество, большинство (Mehrheit) как особое отношение и обращает внимание на специфическую особенность этого отношения, существенного для понятия числа — применительно к подобию, Steigerung (возрастанию степени) и т. д.: понятие множества как большинства (Mehrheit) мы не можем образовать без рефлексии на взаимосвязанные психические акты, в то время как понятие равенства и т. д. мы можем получить “чистым образом” из самих содержаний. В свете наших целей мы, однако, оставляем вне рассмотрения это различие» (II, 5). Мы тоже пока оставим вне рассмотрения все эти тонкие детали, касающиеся сходства и различия позиций Штумпфа и Гуссерля, к которым еще специально вернемся при конкретном анализе «Философии арифметики». Сейчас остановим внимание еще на двух аспектах темы. Один из них — историко-философский, второй — теоретический, содержательный и отчасти терминологический.

В плане и контексте нашего историко-философского исследования настало время подчеркнуть: не только маститые, известные философы, математики, психологи университета Галле оказывали, что вполне понятно, свое влияние на молодого коллегу (который для некоторых из них, например, для Штумпфа и Кантора, был еще и другом). Гуссерль и сам уже начал участвовать в процессе *взаимодействия, взаимовлияния* идей своими первыми исследовательскими разработками. Возможно, Штумпф в своем знаменитом сочинении потому счел необходимым сослаться на первый труд Гуссерля, что тот стал его учеником и другом. Но такая ссылка сама по себе содержательно вполне уместна. А тот факт, что гуссерлевская габилитационная работа была написана еще до знакомства Штумпфа и Гуссерля, говорит как раз об

объективном (независимом от знакомства и дружбы) значении этой переключки идей, взглядов, подходов.

Перейдем ко второму, содержательно-терминологическому аспекту. Мы его уже ввели. Это тема ощущений (*Empfindungen*). В принципе настойчивое и постоянное употребление этого понятия могло бы оттолкнуть математика, философа математики Гуссерля. Совершенно ясно (и это еще потребует нашего специального внимания и объяснения), что именно как философ математики (а потом и как феноменолог) Эдмунд Гуссерль не собирался возводить понятие числа именно к *ощущениям*. *Empfindung* — слово, которое в «Философии арифметики» почти не употребляется. Из актов и элементов сознания, о которых в книге Гуссерля идет речь, наиболее часто встречается тема и понятие «*Vorstellung*», т. е. понятие представления (например, IX глава называется «символические представления», XII глава — «Символические представления числа»).

Интересно также, что в ссылках Гуссерля на Штумпфа и при разъяснении его позиции лишь один раз и то лишь в цитате употребляется слово «ощущение» (вернее, *Empfindungsinhalt*, т. е. содержание ощущений), а чаще всего, как сказано, речь идет о восприятиях или представлениях. Таким образом, Гуссерль как бы обходит молчанием, вернее, не концентрируется на том, что Штумпф сделал своеобразной опорой своего исследования понятие «ощущения». Полагаю, это весьма любопытный факт, и он достаточно знаменателен. Не могу входить в детали очень интересной и многогранной проблемы, которую здесь вижу. Дело в том, что понятие «*Empfindung*» на самом деле заключало — и в психологии, и в философии *того времени* — комплексное и как бы обобщающее содержание, в рамках и в свете которого другие акты, элементы сознания (восприятия, представления и т. д.) еще не так заботливо отделялись от ощущений, как это случилось несколько позже. Кстати, в феноменологический период, в частности, уже в «Логических исследованиях», Гуссерль искал подобный обобщающий, синтезирующий термин и нашел его в (трудном для истолкования) слове *Erlebniss / Erlebnisse*, которое можно (условно) перевести как «переживание / переживания» сознания (но этот перевод еще требует содержательной интерпретации). В силу *синтезирующего* значения, уже придаваемого им слову «*Empfindung*», Штумпф легко переходит

от *Empfindung* к *Wahrnehmung*, *Vorstellung*, т. е. к восприятию, представлению. А потому и Гуссерль позволяет себе если не «забыть» о слове «ощущение», то читать, понимать его иначе, чем читаем и понимаем мы, когда это понятие почти что отдано на откуп физиологии и экспериментальной психологии. В этом проявились и (относительная) самостоятельность позиции Гуссерля, и присущее ему чутье в оценке, сдержанном употреблении некоторых понятий и обозначений, которые принадлежат не только к *другим* областям, но и к иным исследовательским подходам из других дисциплин. Он как бы почувствовал (для чего, кстати, богатую почву давала именно книга Штумпфа), что понятие «ощущения» становится центральным не в *философской*, а во входящей в моду *физиологически ориентированной психологии*, за которой Штумпф следил, но которой он мало или почти не занимался. Что касается исследований Гуссерля по философии математики, то от физиологической психологии они отстояли еще дальше. Скоро Гуссерль, правда, все же вынужден будет так или иначе оценить и их; это произойдет, когда он включится в спор с физиологизмом и психологизмом и станет писать I (логицистский) том «Логических исследований». Существенно для его позиции: подходы, которые Гуссерль в своих поздних работах определит как «натурализм» в подходе к человеческому духу, в том числе к психическим, психологическим процессам, *были ему чужды с самых первых и до последних шагов его творческой жизни*.

Завершая этот экскурс, где в центре внимания были исследования К. Штумпфа и явные, а также скрытые, но существовавшие переклички его идей с самым ранним гуссерлевским развитием, хочу предупредить: анализ этой темы не закончен. Нам надо будет проанализировать названные темы уже в связи с «Философией арифметики», что и будет сделано в соответствующем разделе. Аналогичным образом можно было бы поступить с еще одной темой, где Гуссерль пересекался со Штумпфом и его «Психологией звука». Эта тема — проблема представлений множества (*Mengenvorstellungen*). Но она не попадет в поле нашего внимания, ибо полей пересечения двух мыслителей больше, нежели возможности нашего не безразмерного исследования.

В рассмотрении темы «Штумпф — Гуссерль» есть один аспект, от которого совсем нельзя отвлекаться: это трактовка понятия «феномен»

и «феноменология» (восходящая у Штумпфа, а сначала и у Гуссерля к учению Франца Brentano). Но тому материалу, который обсуждается в моей первой книге, она не вполне релевантна: в ранних сочинениях Гуссерля и в работах Штумпфа этого периода она не выдвигается на первый план. Как она появляется в ФА, будет показано далее при нашем анализе соответствующих страниц этой работы. А вот когда Гуссерль изобретет свою, новую феноменологию и когда размежевание с Brentano (в частности и в особенности вокруг понятия «феномен») четко встанет в повестку дня, Гуссерль зафиксирует также и свое размежевание с теми размышлениями и идеями Штумпфа, которые касались именно феномена и феноменологии¹. Штумпф тоже сформулирует критические возражения против трансцендентальной феноменологии. Однако это уже другая глава, другие исторические страницы истории гуссерлианства...

---

¹ См.: Husserliana, III, 199.

ГЛАВА 3. ГЛАВНЫЕ ИДЕИ Б. БОЛЬЦАНО: предложения и представления «сами по себе»

Когда Гуссерль в ФА попытался соединить логику, философию, психологию и математику, причем отнести этот синтез не к каким-либо чисто субъективным результатам, а к числам, числовым понятиям и т. п., то есть к объективным научным достижениям, то он вовсе не был первооткрывателем. Не уходя далеко в историю мысли, можно вспомнить о крупном, уже хорошо известном ко второй половине XIX века чешском математике, философе, логике Бернарде Больцано (Bolzano, 1781—1848). В его работах, в частности, нашли свое объединение «предложения, положения сами в себе» и «представления» (*Vorstellungen*). Поэтому и в ФА, и в ЛИ Гуссерля употребление понятий «представление», «созерцание», «усмотрение» могло соотноситься с больцановскими изысканиями. При этом уже можно было опереться не на одних психологов, которым вроде бы по определению полагалось говорить о «психических актах», но и на математиков и логиков. А ведь Больцано слыл самым ярким «платонистом», защитником безличных, совершенно «чистых» истин в себе — и вдруг вся эта паутина тончайших, скрупулезнейших сопоставлений логического, понятийного и чувственно-созерцательного ряда! Уж не был ли Больцано не «платонистом», «онтологом», а ранним психологом?

Все эти проблемы требуют тщательного и конкретного подхода.

Прежде всего надо затронуть вот какой вопрос: когда и как Гуссерль узнал об идеях Больцано? Это случилось довольно рано, ещё в студенческие годы. Примечательным и ценным для Гуссерля моментом лекций Ф. Brentano, которые он слушал в Вене в зимнем семестре 1884/85 годов, было то, что учитель привлекал к глубокому рассмотрению работы Б. Больцано, математические, логические и философские. В своих «Воспоминаниях о Франце Brentano» Гуссерль писал:

«В лекциях по элементарной логике он (Брентано) особенно подробно и в очевидно новой форме анализировал дескриптивную психологию континуума (*continua*) с глубоким возвращением к “Парадоксам бесконечного” Больцано, а также с различением ясных и неясных, отчетливых и нечетливых, собственных и несобственных, конкретных и абстрактных представлений». А. Осборн (на основе личных бесед с Гуссерлем) отмечал: «Среди философов, с работами которых Брентано познакомил Гуссерля, был Бернард Больцано»¹.

Очень важно подчеркнуть: впервые познакомившись с идеями Больцано через их изложение Францем Брентано, Гуссерль как бы получил их уже в сплаве математических и логических размышлений о бесконечном, о континууме и тонких «дескриптивно-психологических» различениях, касающихся сферы представлений (*Vorstellungen*).

И ещё одно фактическое обстоятельство должно быть упомянуто. Увлечшись работами Лейбница (читая их в издании И. Эрдманна), Гуссерль к началу 90-х годов, т. е. ко времени написания ФА, испытал также и влияние работ Лотце, в частности его интерпретации идей Ламберта и Больцано.

Возможно, тот факт, что идеи Больцано вошли в мыслительный мир Гуссерля опосредованно, через их переработку у Брентано и других авторов, объясняет отсутствие прямых ссылок на Больцано в ФА. Поскольку же в ФА отражается (вопреки расхожему мнению интерпретаторов) не подвластность Гуссерля позиции Брентано, а следы нарастающего отчуждения от его концепций (что будет показано при подробном анализе книги), постольку и влияние других учений, опосредованное брентановскими интерпретациями, объективно оказалось приглушенным. Вместе с тем в этой работе Гуссерля (во второй части) есть маленький разделчик о «числах самих по себе» (*Zahlen an sich*). Еще важнее то, что при использовании приема, состоящего в прослеживании «спонтанной параллельности» идей (этот термин заимствован мною у Р. Отто) можно обнаружить немало общего между ходами мысли у Больцано и Гуссерля. Причем не только в ЛИ, но и в ФА (несмотря на отсутствие там прямых ссылок на Больцано). Кос-

---

¹ Цит. по Husserls-Chronik, S. 14.

венным подтверждением значимости идей Больцано для становления идей будущего основателя феноменологии служит следующий факт. В 1908/09 годах — *под решающим воздействием Гуссерля* — философский факультет Геттингенского университета учредит специальную премию для тех, кто — имея в виду логические теории, развитые Больцано во II томе «Наукоучения» — займется исследованием новейших проблем логики¹.

С моей точки зрения, можно прочертить несколько линий (больше) объективного теоретического и методологического воздействия идей Больцано на раннего Гуссерля, из которых здесь и теперь будут обсуждаться проблемы и решения, наиболее существенные для ФА, как и для других гуссерлевских работ, написанных до ЛИ и их контекста.

1. Само соединение двух подходов, один из которых может быть назван (скорее) логическим, философским, а другой (скорее) психологическим, было характерной чертой концепции Больцано. Это резко выделяло его произведения и идеи из ряда чисто математических, логических размышлений. Правда, и в работах некоторых математиков можно было порой встретить ссылки на представления и другие созерцательные структуры, да и вообще отсылки к операциям сознания. Но такие ссылки и отсылки были редкими и почти никогда не определяли сущности их теорий. А вот у Больцано тема именно представлений придвигается *к самому центру* его теоретических размышлений.

2. Важнейшим шагом мысли Больцано было *выделение особого класса представлений* — «представлений самих по себе» (*Vorstellungen an sich*) — при отличении их от «чисто субъективных» представлений. Понятно, почему Brentano так отличал и так ревностно пропагандировал идеи Больцано: это соответствовало направленности его собственной поистине утонченной работы над различением, классификацией, описанием мира «представлений» под самыми различными углами зрения. И только странный снобизм некоторых современных интерпретаторов помешал и все ещё мешает высоко оценить теоретическую значимость соответствующих размышлений Brentano, высокомерно и ошибочно на мой взгляд, зачисляемых по ведомству «психологических заблуждений».

---

¹ Husserls—Chronik, S. 113.

3. Другим теоретическим шагом, *объективно* созвучным последующим усилиям Гуссерля, в том числе и в ФА, является осмысление и описание у Больцано научных понятий — прежде всего математических и логических — как «предложений, положений самих по себе». Эта концепция Больцано была хорошо известна математикам и в целом соответствовала их устремлениям, мотивациям, онтологическим предпочтениям. Что бы ни говорили о «психологизме» ФА отдельные авторы, и в этой работе Гуссерль в общем и целом придерживается подобного же объективистского понимания результатов, понятий математики. Из-за этих особенностей интерпретаторы подчас подозревают автора ФА в том, что он является платонистом — эту характеристику, кстати, постоянно относят и к «Наукоучению» Больцано.

4. Однако, по моему мнению, подобные определения в конечном счете (если не сводить дело к отдельным неясным формулировкам) нерелевантны *самой сути* тех исследований, которые проводили сначала Больцано, а потом и Гуссерль. А эта суть (опять же по моему мнению) как раз и состояла — что было акцентировано в других аспектах и что важно в обсуждаемой связи — в весьма перспективных *попытках синтеза* двух блоков материала (одновременно математического, философско-математического, логического, общепhilosophического), т. е. того синтеза, который относился к объективной, чуть ли не вечной значимости царства «истин самих по себе», и того, который парадоксальным, непривычным (даже осуждаемым — особенно у Фреге) образом возводил эти же положения (истины) к, казалось бы, чисто «субъективному» царству представлений.

Уже Больцано видел выход (потом поддержанный у Brentano) в том, чтобы *по-новому проанализировать* «царство представлений» и показать, что *в некоторых их видах мы имеем дело со сходным качеством выхода за пределы чисто субъективных свойств и характеристик.*

Конечно, и у Больцано были свои предшественники на этом пути — те мыслители, которые сочли верной и перспективной попытку Канта говорить (уже в разделе о чувственности) о «чистых формах созерцания», а потом о неотъемлемости каких-то особых форм видения от самых отвлеченных идей, понятий рассудка и разума.

Имея в виду эти общие линии нашего подхода, рассмотрим проблему несколько подробнее, сосредоточившись на последних пунктах,

т. е. на тончайшем анализе, различении представлений у Больцано и на предложенном им синтезе предложений и представлений «самих по себе» (an sich).

§ 1. «Предложения (положения) сами по себе» (Sätze an sich)

Движение анализа в «Наукоучении» Больцано, поскольку оно касается этой темы — «an sich» (предложений или представлений самих по себе, или, как у нас чаще всего переводят — на мой взгляд, неправильно — «в себе»), естественным образом начинается с предложений (Sätze), как они выступают вовне, т. е. в речи или в письме. Больцано различает «высказанные предложения» и «предложения, выраженные словами» (Wörter). Не всякий набор слов является, согласно Больцано, предложением; предложение — «полное» высказывание: «вездесущий бог» — не предложение; предложением слова становятся в форме «бог вездесущ» (т. е. собственно, бог есть, *является* вездесущим; что в европейских языках предполагает связки «ist», «is» — «есть»). Больцано вводит и такое различие: «gedachter Satz», помысленное предложение, и «behaupteter Satz», т. е. предложение (как)=утверждение. Отсюда он делает шаг к логическому понятию «суждения» (Urteil). «Только помысленное или [ставшее] утверждением предложение, т. е. только *мысль* (Gedanke) в предложении, равно как и суждение, содержащее известное предложение, обладают наличным бытием (Daseyn) в душе существа, которое помыслило мысль, или суждение; но лишь предложение само по себе, которое составляет содержание (Inhalt) мысли или суждения, не есть нечто существующее...»¹.

Эту сложнейшую конструкцию не так просто понять. Думается, Больцано имеет в виду следующее.

Когда мы видим или слышим какое-либо предложение, то в них обретают «бытие» (Dasein) мысль (если предложение помыслено) и суждение (если предложение высказано). Что касается *содержания* (Inhalt) мысли или суждения, то оно не имеет такого же способа «наличного бытия», как мысль или суждение, не является столь же «дей-

¹ B. Bolzano. WL. B. I. S. 78.

ствительным», как они. Вот это-то содержания Больцано называет «предложениями, положениями самими по себе» (как таковыми).

Интерпретаторы справедливо отмечают, что терминология, с помощью которой у Больцано выражаются все эти оттенки, весьма сложная и запутанная¹. Получается, что «предложения сами по себе» как бы имеют место тогда, когда... никто не читает и никто не слышит соответствующие эмпирические, реально «являющиеся нам» предложения. Вот пример подобного рассуждения у Больцано: «То, что выражают слова “равносторонний треугольник является и равноугольным” — в случае, когда никто не читает и не понимает их, и есть предложение само по себе (*Satz an sich*); то, что порождается благодаря их *проблеску* в душах наших читателей, это *помысленное предложение*, или *субъективное представление* о каком-либо предложении; и наконец, когда читатели познают истину этого предложения при его высказывании, — только тогда оно впервые есть *суждение*»². Или другое высказывание: «Надо проводить существенное различие между действительным вынесением суждения (*dem wirklichen Urtheilen*) и просто процессом мышления или представлением (*Denken oder Vorstellen*). Например, я в данный момент думаю, что есть гномы; но я только мыслю, но не утверждаю этого, т. е. не выношу суждения»³.

Когда читаются или произносятся слова «равносторонний треугольник также и равноугольный», то это пробуждает в душе читателя или слушателя, даже незнакомого с делом, некоторую мысль. В этом случае имеет место, согласно Больцано, некоторый психический феномен, но пока это не суждение. Суждение может появиться не тогда даже, когда человек *понимает* сказанное или прочитанное, а только тогда, когда он *знает*, что высказанное — истина и почему можно *судить* (*urteilen*) именно так. Несомненно, подобные рассуждения и определения не только трудно понять: понимая их, логики, например, не приемлют столь «строгого», почти «потустороннего» толкования суждений.

От «предложений самих по себе» Больцано переходит к ещё более трудному пункту — к так называемым «истинам самим по себе»

¹ Dannhardt, op. cit. S. 53.

² Bolzano B. WL. Bd. I. S. 99 (курсив мой. — Н.М.).

³ Ebenda. B. I. S. 155.

(Wahrheiten an sich), и говорит о них: «Они не обладают никаким действительным бытием, т. е. не являются чем-то таким, что занимает где-либо какое-то место, или находится в каком-то отрезке времени, да и вообще так или иначе предстает как нечто действительное»¹.

Итак, «истины сами по себе» не обладают, по определению Больцано, каким-либо видом действительного», т. е. пространственно-временного бытийствования. Но парадоксальным и удивительным образом они всё-таки имеются, «есть» (sind). Это одна сторона парадокса, трудности. Другая сторона состоит в том, что — согласно Больцано, — «истины сами по себе суть познания».

«Хотя, следовательно, все истины сами по себе, — пишет Больцано, продолжая нагромождать трудности, — также и познанные (именно познанные Богом), понятие истин самих по себе следует тщательно отличать от познанных истин, или (как говорят также) от истин познания. Вместе с этим логикам должна быть предоставлена свобода говорить об истинах самих по себе — совершенно с тем же правом, с каким... геометры говорят о пространствах как таковых (т. е. о простых возможностях известных мест), не предполагая мыслить их наполненными материей...»².

При сравнении, сближающим логику с геометрией, Больцано рассуждает так. Геометр называет понятие тысячеугольного многоугольника реальным, хотя, скорее всего, нигде нет такого “предмета”, ибо все подобные понятия вообще содержат только возможность такого рода предметов³.

Это отличает, рассуждает — в духе Больцано — Данхардт, геометрию, логику от таких дисциплин как, например, зоология. Скажем, какой-то зоолог может утверждать, что существуют летающие лошади, но изучать такую возможность он не может. А вот геометр не только способен, но и должен обсуждать, просчитывать и т. д. возможность любой фигуры, которую можно помыслить — за исключением тех, которые не могут быть допущены исходными предпосылками этой дисциплины; таков круглый квадрат⁴.

---

¹ Bolzano B. WL. Bd. I. S. 112.

² Ebenda. S. 114.

³ Ebenda. S. 323.

⁴ Dannhardt, op. cit. S. 86.

Здесь завязывается, справедливо отмечает Данхардт, узел напряженных отношений между концепцией истин самих по себе Больцано и позициями, установками, мыслительными привычками логиков, причем эти напряжения тоже отмечены характерным противоречием. «Если, согласно рекомендации Больцано, логики в своих элементарных учениях должны говорить не о суждениях и познаниях, а о предложениях и истинах самих по себе, то он советует им изменить не их предметную область, а угол зрения. Они должны иметь дело не с другими предметами, но должны с теми же обращаться другим способом. Им следует применять понятия, которые — в отличие от понятий “суждение” или “познание” — не предполагают действительности своих предметов, (по мнению Больцано) это как раз понятия типа “предложения или истины сами по себе”, которые не связаны с такими предпосылками»¹. Это, на мой взгляд, верное рассуждение, обрисовывающее отличие понятийного порядка концепции Больцано от сложившихся традиций логики. Но здесь, думаю, лишь одна сторона дела.

Другая, по-видимому, состоит в том, что как раз логики, оперирующие с «другими» суждениями, благодаря которым они стоят близко к действительному царству предметов, к сфере реального языка, — как раз многие логики весьма охотно принимают концепцию истин самих по себе как наиболее подходящую онтологию, я бы сказала даже, «идеологию» их работы.

И ещё один любопытный парадокс: лишь немногие логики, все же «приняв» термин «истины сами по себе», одобрительно относятся к радикальной попытке Больцано увязать их с миром представлений, хотя бы и особых, т. е. «представлений самих по себе». Эти попытки мы далее и обрисуем подробнее.

§ 2. «Представления сами по себе» у Б. Больцано

«Субъективные представления», по терминологии Больцано (ещё он называет их «gehabten Vorstellungen», т. е. представлениями, которыми мы уже имели и имеем), являются «психическими событиями»

¹ Dannhardt, op. cit. S. 87.

(Ereignisse). Их примером являются простые психические события, происходящие «в душе» в случаях, когда мы воспринимаем (видим, слышим) какие-либо слова, знаки, но не знаем, что они означают, — например, когда мы читаем слова «равносторонний треугольник» или «Сократ» без всякого понимания их значения. Или: когда я вижу розу, вдыхаю её запах, касаюсь её стебля, цветка, шипов, я могу иметь в виду именно *мое* видение розы, ощущение её запаха и т. д. Это тоже, с точки зрения Больцано, «субъективные представления».

Что касается выделения и определения «представлений самих по себе», то Больцано строит такое рассуждение: когда я обращаю внимание на то, что в *душе* мыслящего существа (в оригинале: *Gemüt* — слово, которое употребляет и Кант в начале Введения в «Критику чистого разума») имеет место «явление» (Erscheinung) чего-либо объективного, то я перехожу к пониманию (Auffassung) этого объективного. Что содержание может быть объективным, видно из следующего примера: два (внешне не идентичные) субъективных представления могут в качестве своего существенного ядра (Stoff — слово, означающее «материю», а также и «суть» дела) иметь нечто объективно идентичное (как и наоборот: одно субъективное представление может иметь пару различных объективных содержаний).

О «представлении самом по себе» можно говорить, как бы мы выразились сегодня, в интерсубъективном случае: если два человека читают (слышат) слово «роза» и имеют два «равных друг другу» (по содержанию) представления, последние и суть, согласно Больцано, «представления сами по себе». Что для Больцано в свою очередь предполагает соответствующее соотнесение представлений с их предметом.

Представления Больцано разделяет на «предметные» (gegenständliche) и «беспредметные» (gegenstandlose). Например, представление «Сократ» — предметное, и оно содержит отнесение к действительно существовавшему историческому лицу. Представление «греческий философ» — тоже предметное, но его предметы различные (это может быть тот же Сократ, и Платон, и Аристотель — и другие лица)¹. Но не только реально, «физически» существовавшие или существующие вещи, лица и т. д. могут стать «предметами представления» в смысле Больцано. Так, не только

¹ Bolzano B. Ebenda. S. 219.

самого Пифагора он считает возможным сделать «предметом представления», но и «теорему Пифагора, как и теорему геометрии как таковую». И только представления, соответствующие словам «имеет», «нет», «ничто», Больцано называет «беспредметными». Соответственно Больцано вводит понятия объема, *Umfang*, и широты, *Weite*, представлений¹.

Эти понятия поясняются как раз на примере числовых понятий, когда Больцано вводит поясняющие термины: стоящий «выше» (*höher*) или «ниже» (*niedriger*) или «шире» (*weiter*) — «уже» (*enger*). Так, представление «натуральное число» «выше» представления «натуральное число, большее чем 1» — и первое представление «шире» второго.

Другие классификации Больцано не менее интересны и полезны для различения представлений. Так, представления, которому соответствует *один* предмет (скажем, «Сократ»), называется «единичным представлением» (*Einzelvorstellungen*), а представления со *многими* предметами — общими, или объединенными представлениями (*Gemeinvorstellungen*)². Ещё одно разделение — на «простые» (*einfache*) и «составные» (*zusammengesetzte*) представления³. Многие «представления сами по себе» являются составными — таковы же «предложения сами по себе»⁴. Например, представление «греческий философ» состоит из двух представлений — «греческий» и «философ». Однако неверно было бы прямо переходить от составного характера «предложений самих по себе» к «представлениям самим по себе». Скажем, единичным словам «греческий» и «философ» соответствуют комплексные, многосоставные «представления сами по себе». «Больцано, — отмечает Дарнхардт, — не знает точных способов решения вопроса о том, является ли данное представление простым или составным; он не знает надежных методов разложения составных представлений»⁵. Однако Больцано предполагает, что составные «предложения сами по себе» и «представления сами по себе» могут быть возведены к простым. Больцано говорит также о *содержании* (*Inhalt*) как представлений, так и предложений самих по себе.

¹ Ebenda. S. 279, 298.

² Ebenda. S. 306, 308.

³ Ebenda. S. 26.

⁴ Ebenda. S. 243.

⁵ *Dannhardt*, op. cit. S. 23.

Ещё одно интересное различие у Больцано: наполненные (überfüllte) и воображаемые (imaginäre) представления. Пример первых — представление «красная роза», пример вторых — «золотая гора». К этим (и другим) различиям Данхардт дает следующие полезные разъяснения и таблицы.

«Все воображаемые представления беспредметны, но они соотносимы с предметами (gegenstandsbezogen); не все беспредметные представления являются воображаемыми... Все предметные представления являются реальными и соотносимыми с предметами, но не все реальные предметно-соотносимы, не все предметно-соотносимые (и не все реальные) являются предметными. Это должна прояснить следующая схема¹:

***

Теперь снова о Гуссерле, а конкретнее, о ФА. Несомненно, что больцановская концепция предложений, истин самих по себе в ФА пока ещё не оказала на её автора сколько-нибудь заметного воздействия. Это связано с тем решающим обстоятельством, что Гуссерль, занятый конкретными проблемами числа, числовых понятий и т. д., вряд ли мог проявить пристальный интерес к сложной, порой запутанной философско-онтологической канве больцановской теории. Потому,

¹ Ebenda. S. 36.

наверное, у него, что называется, не дошли руки до самостоятельного (уже не опосредованного влиянием Brentano) изучения сочинений выдающегося чешского математика и философа. Кстати, в конце XIX века и другим математикам предстояло «снова открыть» порядком подзабытого Больцано. Час «истин самих по себе» для Гуссерля ещё пробьет — это случится во время написания I тома ЛИ. И тогда он прямо, определенно сошлется на Больцано.

Но вот что *объективно* присутствует в ФА, так это отмеченное ранее стремление, во-первых, *связать математические понятия, истины с миром представлений*, во-вторых, *в этом мире открыть, описать самые различные виды представлений*, а в-третьих, *выделить совершенно особые представления, всего больше участвующие в генезисе чистых понятий, подобных числу* (они больше всего напоминают больцановские «представления сами по себе»). В дальнейшем, при конкретном анализе ФА, постараюсь в соответствующих местах анализа этого сочинения указать на эту (по крайней мере объективную) перекличку идей Больцано и раннего Гуссерля.

ГЛАВА 4. Г. КАНТОР И Э. ГУССЕРЛЬ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИДЕЙ

§ 1. Жизнь Г. Кантора и его труды

Если иметь в виду непреходящую значимость и масштаб научных достижений, то на первое место среди коллег и друзей Гуссерля в Галле, повлиявших на его философию, надо, несомненно, поставить выдающегося математика Георга Кантора (1845–1918). Ему принадлежит особое место потому, что молодой Гуссерль, математик по образованию, отправляясь от математических наук и уходя от них в новую сферу исследовательской деятельности, «взял с собой» в будущее как некоторые важнейшие идейно-теоретические импульсы математики вообще, философии математики, в частности, которые были четко выражены именно Кантором, так и личностные черты этого великого современника и коллеги — беспокойный дух новаторства, стойкое умение противостоять нападкам на оригинальное учение, приверженность основополагающим ценностям свободы, неустанного творчества.

Георг Фердинанд Людвиг Филипп Кантор родился 3 марта (19 февраля по старому стилю) 1845 года — и именно на нашей земле, в Санкт-Петербурге, в семье торговца, в которой он был старшим сыном¹. Это была также музыкальная петербургская семья: Георг Кантор приходился внуком (по матери) капельмейстеру русской императорской оперы Ф. Беему, внучатым племянником профессору консерватории по классу скрипки и впоследствии основателю знаменитой Венской скрипичной школы И. Беему. В Санкт-Петербурге Г. Кантор учился

---

¹ О жизненном пути и творчестве Г. Кантора см.: *Meschkovski H. Probleme des Unendlichen. Werk und Leben Georg Cantors. Braunschweig, 1967; Beförderer der Logik / hrsg. von G. Schenk u. Regina Meyer. Bd. 2.1. Halle. 2002. S. 17 u. ff.* (цитирование второго произведения далее в моем тексте: *Beförderer der Logik* — с указанием страниц).

в начальной школе. В 1856 году семья переселилась во Франкфурт-на-Майне — как сказано в биографиях, из-за болезни легких, которой стал страдать отец (видимо, в сыром Петербурге болезнь обострялась). После переезда в Германию Георг Кантор учился в гимназиях во Франкфурте-на-Майне, в Висбадене; окончил школу он в Дармштадте. Отец Георга хотел видеть своего сына инженером: эта профессия в то время стала очень почетной. Вообще поразительно, насколько отец Георга Кантора Георг Вольдемар Кантор, в повседневной жизни занятый торговыми делами, смог понять все оттенки духовных, интеллектуальных переживаний своего сына и сколь ценные советы он смог дать талантливому юноше. Например, в письме от 28 августа 1862 года, похвалив сына за то, что были успешно сданы экзамены по математике и физике, наставлял его: «Было бы в высшей степени желательно проявить себя и в “humanoria”, гуманитарных дисциплинах». Отец имел в виду, в частности, дальнейшую академическую карьеру сына и общение с коллегами: было бы прискорбно, считал он, если бы в среде высокопросвещенных профессоров его сын проявил недостаток «основательного классического образования»¹. Биографы отмечают также, что отец, глубоко религиозный человек, по вероисповеданию принадлежавший к евангелической церкви, убеждал сына постоянно и нерушимо сохранять «доверие к богу»².

Музыкальная семья матери, урожденной Марии Беем, также оказала большое влияние на формирование Георга Кантора, который иногда выражал сожаление, что отец не заставил его стать скрипачом, что было бы естественно для семьи, в которой было столько скрипачей-виртуозов³. Впрочем, математика и музыка внутренне близки, и музыкальные фантазии, вероятно, стимулируют взлет фантазии в математической мысли. Отец верил в научный талант Георга и предсказывал, что старший сын будет «восходящей звездой в науке»⁴. Предсказание сбылось, хотя юноша твердо выразил желание стать не инженером, а математиком. Отец согласился на то, чтобы сын учился

¹ Цитируется по: *Meschkovski H. Probleme des Unendlichen. Werk und Leben Georg Cantors. Braunschweig. 1967. S. 1–2.* (Далее при цитировании этого издания: Meschkovski H.— с указанием страниц).

² Ibid. S. 3.

³ Ibid. S. 4.

⁴ Ibid. S. 18.

именно математике, за что Георг поблагодарил отца в специальном письме (25 мая 1862 г.), говоря: согласие «определило мое будущее»¹. В 1862 году Георг Кантор начал учиться математике в Технической высшей школе Цюриха. В 1863—1867 годах он продолжал изучение математики в Берлине у знаменитых или просто известных математиков того времени — К. Вейерштрасса (у которого, вспомним, позднее учился и Гуссерль), Л. Кронекера, Л. Миннигероде, Э. Шеринга. Наиболее важным было обучение Кантора (правда, недолгое) в Берлине. Столица Пруссии вступила тогда в период своего стремительного расцвета: население Берлина всего за 10 лет (1861—1871) увеличилось почти на 300 000 человек. «Огромное количество научных объединений, театров, музеев, библиотек и высших учебных заведений — наряду с Университетом — определяло духовную атмосферу Берлина». В Университете им. Фридриха Вильгельма, основанном в 1810 году, тогда уже училось 2000 студентов, причем 700 из них — на философском факультете! Для сравнения — студентов-математиков и физиков было только 50 человек. Но математическое образование в Берлине считалось блестящим: математику преподавали известные ученые мирового класса К. Вейерштрасс, Л. Кронекер. «К Вейерштрассу приезжали слушатели из всех стран, частей Германии: он учил тому, чего не было ни в одном учебнике и ни в одном специальном журнале»². Лекции Кронекера были трудными для понимания, но они содержали в себе новейшие результаты исследований в различных областях математики. Что также важно, эти известнейшие математики Берлинского университета тогда еще дружили друг с другом. (Размежевания, которые коснутся и Кантора, возникнут позже). Пробыв в Берлине один семестр, Кантор отправился в Гёттинген. В Гёттингене в 1866 году его профессором был один из самых значительных философов того времени Герман Лотце. В 1867 году, предварительно сдав экзамены (по философии его экзаменовал Тренделенбург), Кантор снова вернулся в Берлин и защитил диссертацию, посвященную проблеме числа. Оппонентами по этой работе выступали К. Вейерштрасс и Е. Куммер. Последний писал в своем отзыве на диссертацию Кантора: «Он обнаружил основательные знания, понимание (*Einsicht*) новейших методов теории

---

¹ Ibid. S. 5

² Purkert W., Ilgauds H.J. Cantor G. 1845—1918. Basel—Boston—Stuttgart. 1987. S. 22.

числа и способности к здоровой критике. По моему мнению, предложенную работу можно оценить как значительное (*vorzügliche*) достижение»¹. Куммер отмечал также, что Кантор разработал необычный, своеобразный (*eigenthümliche*) метод решения избранной проблемы. Таким образом, новаторские устремления были с молодости свойственны будущему великому математику. Как сообщают исследователи, на защите Кантор остроумно отстаивал нетривиальный для математики общий тезис: «В математике искусство постановки вопроса важнее, чем искусство решения» (*In re mathematica ars proponendi questionem pluris facienda est quam solvendi*)². И такая жизненная, а одновременно и научная установка оказалась связанной с самим характером его будущей новаторской работы в математике. Согласно оценке биографов-специалистов, «великое достижение Кантора заключалось в том, что он благодаря новой постановке вопроса пришел к совершенно новым проблемам математики»³.

В Берлине Кантор занимался в семинаре прекрасного педагога-математика Карла Шнеллбаха (*Schnellbach*). Этот семинар был основан при Берлинской Королевской гимназии с целью подготовки гимназических учителей физики и математики. Семинар пользовался заслуженной славой; немало будущих математических знаменитостей занималось у Шнеллбаха. И в их числе, пусть недолго — Георг Кантор. В Берлине же Кантор был членом объединения студентов-математиков, которые «часто собирались в *Weinstube* (немецкой пивной. — *Н.М.*), чтобы обменяться идеями и провести время в обществе друг друга»⁴. И в этом кругу общались те, кому впоследствии довелось сыграть заметную роль в немецкой математике.

Молодой Кантор теперь уже твердо и с энтузиазмом выбрал для себя путь математика. Он писал своей сестре Софии: «Я все больше вижу, как сильно математика приросла к моему сердцу — и более того, что я собственно создан для того, чтобы благодаря мыслям и устремлениям в этой сфере находить счастье, удовлетворение и истинное

---

¹ Ibid.

² Цитируется по: *Purkert W., Ilgauds H.J., Cantor G. 1845–1918. Basel–Boston–Stuttgart, 1987. S. 26.*

³ *Meschkowski H. S. 6.*

⁴ *Purkert W., Ilgauds H.J. Cantor G. 1845–1918. Basel–Boston–Stuttgart. 1987. S. 27.*

наслаждение»¹. В этом же письме Кантор выражает надежду, что именно в Галле, куда он направлялся для габилизации, он сможет реализовать свои планы, найти «признание и понимание» своих устремлений. Итак, избранный путь вел Кантора в Галле.

Габилизация состоялась в Галле в 1869 году. Она тоже (как впоследствии у Гуссерля) была посвящена проблеме числа: «Один из тезисов, связанных с габилизацией, указывает на то влияние, которое оказала на Кантора философия Спинозы. Этот тезис гласит: *Jure Spinoza mathes (Eth. pars. I. prop XXXVI, app.) eam vim tribuit, ut nominibus norma et regula veri in omnibus rebus indagandi sit*»². Биографы справедливо напоминают: Кантор интенсивно занимался Спинозой, и будучи студентом, и став (уже в Галле) приват-доцентом. «В его наследии имеется тетрадь, которая датирована зимним семестром 1871/72 гг. и озаглавлена “*Ethica Benedicti de Spinoza*”»³. В ней есть выписки из «Этики» Спинозы и некоторые (написанные по-латыни) заметки самого Кантора, связанные со спинозистскими идеями. Спиноза оставался философским увлечением Кантора вплоть до конца его жизни.

С самого начала преподавания в Университете Галле Кантор начал интенсивные исследования, которые, как оказалось впоследствии, привели к теории множеств и которые были также посвящены теории «реальных чисел». Сложилось так, что в Галле тогда работал еще один приват-доцент по математике, Томе (Thomae). Коллегам с философского факультета, на котором трудились ученые, приходилось думать о продвижении обоих молодых математиков. В Министерство было отправлено предложение найти места экстраординариусов и для Томе, и для Кантора. Решение Министерства было в целом положительным, но специфическим. В мае 1871 года Томе стал экстраординариусом с полной оплатой (500 талеров). Кантора тогда же сделали экстраординарным профессором — но совсем без оплаты⁴, что было достаточно типично для удела более молодых университетских про-

¹ Цитируется по: *Meschkowski*. S. 7.

² Что в переводе означает: Спиноза по праву приписывает математике способность, силу быть нормой и правилом при познании истины во всех вещах.

³ *Purkert W., Ilgauds H.J.* Cantor G. 1845–1918. Basel–Boston–Stuttgart, 1987. S. 29–31.

⁴ *Ibid.* S. 31.

⁵ *Anstellung und Besoldung der außerordentlichen und ordentliche Professoren in der philosophischen Fakultät der Universität Halle. Zentrales Staatsarchiv Merseburg. Bd. X. Bl. 69.*

фессоров¹. Правда, положение Кантора было отнюдь не бедственным: он мог жить на деньги, накопленные состоятельным отцом. Впрочем, в 1879 году Кантор уже был в Галле ординариусом, причем на философском факультете.

Итак, *вся полувековая профессиональная деятельность и повседневная жизнь Георга Кантора оказалась связанной с городом Галле и его университетом*. Не следует думать, что этот математик, чья известность и слава стремительно росли, хотел оставаться именно в Галле. Университет этого города тогда не слыл признанным центром именно математической мысли. Да и вообще слава этого университета, в XVIII веке считавшегося одним из центров науки и философии немецкого Просвещения, к последней четверти XIX века сильно померкла. Ей предстоит возродиться как раз благодаря деятельности таких выдающихся ученых и философов-новаторов, как Кантор и Гуссерль.

А пока Кантор мечтает перейти в другие университеты, особенно в Берлин или Гёттинген. Однако туда призывают куда менее значительных ученых². И Кантор остается в Галле, прекрасно выполняя свои обязанности (даже и тогда, когда не получает ни одного пфеннига жалования — и когда, впрочем, согласно одному красноречивому документу, своего рода инструкции, от него не только ожидают деятельности, в полном объеме соответствующей обязанностям оплачиваемого экстраординариуса, но и полной отдачи сил и способностей как «от верного слуги короля и профессора»)³.

Первые исследования Кантора горячо поддерживает его бывший учитель К. Вейерштрасс.

...Символично: К. Вейерштрасс впоследствии был также и университетским педагогом Гуссерля; он отличал и поддерживал обоих своих учеников, которым не только предстояло стать выдающимися фигурами в своих научных дисциплинах, но и ... стать по жизни близкими друзьями!

Вейерштрасс убедил двадцатидевятилетнего Кантора в 1874 году опубликовать работу, которая называлась «Об одном свойстве сово-

¹ См.: *Beförderer der Logik*, 2. S. 21.

² См.: *Beförderer der Logik*, 2.2. S. 22.

³ См.: *Purkert W., Ilgauds H.J.* Cantor G. 1845—1918. Basel—Boston—Stuttgart, 1987. S. 41—42.

купности (Inbegriff¹) всех реальных алгебраических чисел (Über eine Eigenschaft des Inbegriffs aller reellen algebraischen Zahlen». В первом параграфе Кантор доказывал исчислимость множества алгебраических чисел, во втором главным результатом было то, что континуум $(0,1)$ неисчислим. В качестве вывода Кантор получает доказательство существования трансцендентных чисел. Из этой работы математическая общественность впервые узнала о неожиданном факте: существуют различные ступени бесконечного, доступные математическому анализу. Это содержало окончательное и в высшей степени продуктивное признание актуально бесконечных множеств в математике. Кантора поддерживали, как говорилось, Вейерштрасс, а затем и Дедекинд. Но далеко не все математики были согласны с их оценкой. Такой признанный авторитет в тогдашней математике, как Л. Кронекер, как и ученые его круга (Brouwer, Poincaré, Weil), стали резко критиковать взгляды Кантора на проблемы континуума. По выражению Гильберта, Кронекер повел себя как «классический диктатор запрета»². Со всей резкостью (Vehemenz) Кантор выступил против любого проявления «папства» в науке; и он жил, сохраняя верность своему лозунгу: «Сущность математики заключена в свободе». Как подчеркивает А. Кертеш (венгерский математик. — *Н.М.*), Кантор принадлежит «к тем ученым, которые обогнали свое столетие, которые благодаря своей исследовательской активности, пролагающей новые пути, придали науке существенные импульсы — но революционные идеи которых не находили у современников понимания и не имели у них успеха»³. И вот в 1884 году вследствие стечения всех этих обстоятельств Г. Кантор пережил настоящее духовное потрясение (первое, но не последнее), главным образом из-за непонимания и даже агрессивности коллег.

Впрочем, в Университете Галле Кантор занимал весьма почетное место: в 1889/90 гг. он был сенатором Университета, членом Leopoldina, старейшей Академии немецких естествоиспытателей Галле, основанной еще в 1652 году⁴. И признан он был не только в Галле. В 1890 году, в том числе и по его инициативе, было учреждено Объединение не-

¹ Обратим внимание на понятие «Inbegriff» — оно будет важным и у Гуссерля.

² Hilbert D. Gesammelte Abhandlungen. Bd. III. Berlin 1935. S. 161.

³ См.: Beförderer der Logik, 2. S. 22–23.

⁴ Ibid. S. 23.

мецких математиков, которое избрало Кантора в свой президиум. В объединении было тогда 200 членов, т. е. его можно считать весьма представительным для тогдашних математических наук. В 1891 году Кантор стал первым Президентом этого сообщества. В 90-х годах выдающийся ученый с научными целями посещал Англию, Италию, Швейцарию.

1899 год — центральный исторический пункт творческого развития Кантора: им обычно помечают самое главное и действительно выдающееся открытие ученого — учение о множествах, которое вызревало постепенно, еще с середины 70-х годов. Его разработка, по оценке математиков, означала «создание новой математической области», а, по сути, и возникновение новой математики, определившей развитие этой науки в XX веке. «Если в истории математики захотят поставить своего рода верстовой столб у истока современной математики, то его надо, несомненно, установить в том месте, где гениальный дух Георга Кантора породил теорию множеств»¹, — так считал упомянутый венгерский математик А. Кертеш (и не только он).

Для нашей темы чрезвычайно важно, что теория множеств создавалась *в том месте и в то же время*, где и когда дух Эдмунда Гуссерля рождал выдающееся философское открытие, также опередившее свое время и — вместе с рядом других философских инноваций — открывавшее путь к «современной» философии, т. е. философии XX и XXI веков. Общение, дружба двух университетских коллег вносит в эту проблематику дополнительный нюанс. Можно не сомневаться, что новаторство, творчество по-своему заразительны; они побуждают личности, устремленные и способные к прокладыванию новых путей в науке, к своеобразному соревнованию. Возникает как бы интерференция духовных волн, так что поистине революционные идеи, появляющиеся в различных областях, обогащают и подкрепляют друг друга. Так, при подробном рассмотрении гуссерлевской «Философии арифметики» будет показано, какие именно *совершенно новые* тогда идеи Г. Кантора подхватил и перенес на почву философского анализа молодой Гуссерль.

Вообще говоря, Гуссерль — математик, учившийся у Вейерштрасса, видного немецкого ученого, приглашавшего молодого коллегу стать

---

¹ Цитируется по: *Beförderer der Logik*. Bd. 2.1.

его ассистентом, — мог вполне профессионально оценить и работы Кантора, и его «на глазах» сделанное открытие. Но простым это кажется только на первый взгляд. Ибо великое научное достижение Кантора потому и называют опередившим свое время, что при первых его «предъявлениях» (приблизительно в течение пятнадцати лет) весьма многие почтенные коллеги-математики с громкими именами не поняли всего величия научного вклада Кантора и не приняли его идей. Более того, снова громко зазвучали голоса критиков. И вот парадокс, впрочем, не такой уж и редкий в истории науки: сделав свое открытие, Г. Кантор не испытывал радостных чувств. В том же 1899 году его к тому же постигло огромное личное горе: умер от инфаркта его двенадцатилетний сын Рудольф. От потрясения, вызванного смертью младшего сына, Кантор, в сущности, не оправился.

Последующие годы в жизни Г. Кантора отмечены характерной полнотой событий и переживаний. С одной стороны, в первые десятилетия XX века его творческие достижения находят все большее признание во всем мире: его избирают почетным доктором или почетным членом различные университеты, математические общества в Европе и Америке. Его знают и признают также и в России. В 1913 году он становится почетным членом Математического общества в Харькове. В 1908 году выдающемуся ученому в его стране присуждают государственное звание *Geheimer Regierungsrat*, что соответствует титулу российского тайного советника; в 1913 году его награждают почетным королевским орденом третьей степени. Теперь все большее число ученых убеждается в том, о чем позднее скажет другой выдающийся математик, Давид Гильберт: «По оригинальности и смелости своих мыслей Кантора не превзошел ни один математик всех времен — от Эвклида до Эйнштейна; он создал нечто совершенно новое, чего раньше не было, — теорию множеств, которая благодаря своим понятийным формообразованиям и применению во всех областях математики сегодня уже стала достоянием всех математиков, — хотя я полагаю, что широкое воздействие как раз самых глубоких мыслей его учения обнаружится только в последующие десятилетия»¹. Но ведь подобная оценка достижений Кантора стала обычной позже, уже в XX веке. А вот

---

¹ Цитируется по: *Beförderer der Logik*. Bd. 2.1. S. 63.

тот факт, что молодой ученый Эдмунд Гуссерль уже в 1891 году в «Философии арифметики» назвал Кантора «гениальным математиком»¹, дорогого стоит и свидетельствует о несомненной математической квалификации и прозорливости начинающего философа. Итак, то, что Гуссерль чутко понял сразу после освоения работ Кантора и личного знакомства с ним, только в XX веке становится общим мнением. Всё это — с одной стороны. А с другой стороны, Кантор все больше страдает от серьезного нервного заболевания, почему уже в 1902 году просится в отставку с университетской должности. Отставка не была принята. В последние годы жизни Кантор был тяжело болен. 6 января 1918 года он умер в психиатрической клинике в Галле и был похоронен на кладбище Гибихенштайн (Giebichenstein).

Различные доказательства глубокой оценки Гуссерлем научного вклада Кантора мы находим в вышедшей в 1891 году «Философии арифметики» Гуссерля, где он цитирует работы Кантора 80-х годов, в особенности книгу «Основы всеобщей теории многообразий. Математически-философский опыт (построения) учения о бесконечности» (*Grundlagen einer allgemeinen Mannigfaltigkeitslehre. Ein mathematisch-philosophischer Versuch in der Lehre des Unendlichen. Leipzig, 1883*). Кантор стал двигаться к тому, что к началу 90-х вылилось в целостную теорию множеств. Считается, что уже в защищенной в 1874 году габилитационной работе двадцатидвухлетнего Кантора «О своеобразии совокупного понятия всех реальных алгебраических чисел» (*Über eine Eigenschaft des Inbegriffs aller reellen algebraischen Zahlen*) «пробил час рождения теории множеств»². Молодой ученый понимал, что его новаторские идеи вызовут разногласия среди математиков. В предисловии к книге, цитируемой Гуссерлем в «Философии арифметики», Кантор писал: «Я хорошо знаю, что обсуждаемая мною тема во все времена будет наталкиваться на различные мнения и понимания и что ни математики, ни философы не придут в этом к всестороннему согласию»³. Но Гуссерль с самого начала не принадлежал к числу сомневающихся в теории множеств.

¹ *Husserl E. Philosophie der Arithmetik // Husserl E. Gesammelte Schriften / hrsg. von E. Ströcker. Bd. 1. Hamburg, 1992. S. 115.*

² *Beförderer der Logik. Bd. 2.1. S. 63.*

³ *Cantor G. Grundlagen einer allgemeinen Mannigfaltigkeitslehre. Leipzig, 1883. Vorwort.*

Теперь я кратко остановлюсь еще и на лекционной деятельности выдающегося математика в Галле¹. Кантор читал лекции и вел семинары по математике более 40 лет (!) — с 1869 по 1912 год; он объявлял их и вел регулярно, каждый семестр; правда, начиная с 1900, 1902 годов по 1913/14 гг. лекции объявляются, но потом чаще отменяются — по болезни Кантора или в связи с предоставлением ему отпуска. «Его лекции были остроумными, ясными и элегантными, его семинары — живыми и вдохновляющими»². Темы лекций — типичные для математических курсов: дифференциальное и интегральное исчисление, аналитическая геометрия, аналитическая механика, теория функций, теория чисел, высшая алгебра, теория алгебраических рядов, теория тригонометрических рядов, исчисление вероятностей.

Итак, Кантор читал лекции по очень широкому кругу математических проблем. Надо сказать, что приведенное ранее мнение венгерского математика А. Кертеша о «ясности» лекций Кантора разделяли далеко не все студенты. Возможно, для немалого числа студентов, особенно для начинающих, они были достаточно трудны. Любопытно признание самого Кантора, которое он сделал в письме от 20.10.1884 года своему другу шведскому математику Миттаг-Лефлеру: «Предположительно я в каких-то семестрах совсем прекращу читать здесь (в Галле. — *Н.М.*) лекции по математике, потому что читать такие необходимые для моей дисциплины курсы лекций, как дифференциальное и интегральное исчисление, аналитическая геометрия и механика и т. д. мне со временем все меньше нравится; я вместо этого стану читать *философские* (!) лекции, *что мне при моих интересах не должно представлять труда*; в них, как я думаю, я мог бы сделать что-то полезное для студентов; а требующиеся здесь математические лекции вполне могут взять на себя другие люди. При этом от моей математической литературной деятельности мне не требуется отказываться»³.

Очень важно и другое указание исследователей: лекции именно по теории множеств Кантор не только не читал, но даже никогда не объ-

---

¹ См.: *Fraenkel A.* Georg Cantor / Jahresbericht der Deutschen Mathematiker Vereinigung, Leipzig und Berlin 1930. S. 207.

² *Kertész A.* Cantor G. 1845–1918. Schöpfer der Mengenlehre. Halle. 1983. S. 2.

³ *Purkert W., Ilgauds H.J.* Cantor G. 1845–1918. Basel–Boston–Stuttgart, 1987. S. 104 (курсив мой — *Н.М.*).

являл! В лучшем случае эта теория обсуждалась на семинарах¹. Одним из негативных следствий было отсутствие у Кантора именно в Галле сколько-нибудь заметных учеников, которые занимались бы теорией множеств. Зато в других городах и университетах нашлись математики (например, Феликс Хаусдорф – Hausdorff), которые вписали свое имя в разработку учения о множествах. Один из подававших большие надежды последователей Кантора, мюнхенский приват-доцент Людвиг Шеффер (Scheffer), которого учитель причислял к самым талантливым среди молодых людей, к сожалению, рано умер².

Итак, темы лекций, которые выходили бы за рамки «математической рутины», были весьма малочисленны – да и они, как правило, только объявлялись, а не читались. Например, в 1885 году Кантор объявил тему: «Объяснение произведений Лейбница», что биографы связывают со все более пристальным интересом математика к истории философии³. А в 1898 году (увлекшись гипотезой о том, что Шекспир – не кто иной, как Френсис Бэкон) Кантор намеревался прочесть (но не прочел) лекцию на тему – «Френсис Бэкон, его жизнь и сочинения». В 1900 году объявлена (но не прочитана из-за отпуска) тема «Об истинном авторе сочинений, изданных под именем Якоба Бёме, и о сущности его философии». Небезынтересно, что в зимнем семестре 1891/92 гг. была объявлена тема «О понятии числа» (совпадающая с темой габилитационной работы Гуссерля). Но и эти лекции не состоялись – как будто бы из-за недостаточного количества записавшихся на них слушателей (но, возможно, из-за разногласий с кантианцами, которые не хотели «засилья» математических тем на философском факультете).

Поскольку в этой нашей работе речь непосредственно идет о гуссерлевском пребывании в Галле 1887–1901 годов, то необходимо особо подчеркнуть также и значение дружеских отношений в том круге, центром которого как раз и был Г. Кантор. Кантор прижился в городе Галле. Здесь он женился на замечательной, художественно одаренной женщине Вали (Vally) (урожденной Гутман), ставшей прекрасным дру-

---

¹ Ibid.

² Ibid.

³ См.: *Fraenkel A. Georg Cantor // Jahresbericht der Deutschen Mathematiker Vereinigung. Leipzig und Berlin, 1930. S. 207.*

гом мужа, хозяйкой всегда открытого для друзей и студентов профессорского дома. Кстати, о доме. С 1886 года и вплоть до смерти он жил со своей растущей семьей (с 1875 по 1887 гг. родилось шестеро детей) на улице Генделя, в доме № 13. (Превосходный дом был построен на отцовские деньги.) «Дом, построенный Кантором в 1885 году на краю города Галле, был, как и другие профессорские дома того времени, своего рода духовным, культурным центром, в котором встречались студенты, профессора, знаменитые люди. Гостями Г. Кантора были (менее известные у нас фамилии пишу по-немецки. — *Н.М.*): хирург Richard von Volkmann (1830–1889), философы Ганс Файхингер (1852–1933) и Эдмунд Гуссерль (1859–1938), экономист Johannes Conrad (1839–1915), юрист, специалист по уголовному праву Franz von Liszt (1851–1919), археолог Карл Роберт (1850–1922), математик Albert Wangerin (1844–1933), историк искусства Gustav Droysen (1838–1908), музыкант и ректор певческой академии Robert Franz (1815–1892)»¹. Contemporaries отмечали, что душой дома была радушная жена Кантора Валли. Нам важно: Гуссерль был в доме Кантора постоянным и желанным гостем.

Теперь я кратко разберу те философско-математические идеи Кантора, которые, по моему мнению, должны были повлиять и действительно повлияли на становление философских идей Гуссерля.

§ 2. Философская ориентированность математических исследований Г. Кантора

Связь с философией — характерная черта немецкой математики XIX века. В этом отношении Г. Кантор не составляет исключения. Но в его математических исследованиях можно найти немало особенностей именно в *характере* поворота к философии, и как раз они, полагая, заинтересовали Гуссерля. Рассмотрим проблему подробнее.

В пользу той идеи, что математические исследования Кантора всегда были тесно связаны с философией, можно привести немало доказательств. Обратим внимание уже и на красноречивый подзаго-

¹ Beförderer der Logik. Bd. 2.1. S. 29.

ловок упомянутой ранее работы Кантора: «Математически-философский опыт (построения) учения о бесконечности». И этот опыт (Versuch), как я далее попытаюсь показать, был действительно проникнут философией.

Начиная уже с обоснования понятийной базы (ее разъяснения нам особенно важны, потому что на них опирается Гуссерль в «Философии арифметики»), Г. Кантор вводит в свою работу философские и, в частности, историко-философские элементы. Присмотримся к определению центрального канторовского понятия «Mannigfaltigkeitslehre», «учение о многообразии». «Этим словом, — поясняет Кантор, — я обозначаю весьма широкое научное понятие (Lehrbegriff), которое я пытался образовать, имея в виду специальную форму арифметического или геометрического учения о множествах (Mengenlehre). Под *многообразием*, или *множеством* (обратите внимание на это «или», «oder». — Н.М.), я понимаю именно то любое многое (Viele), которое можно трактовать как нечто одно (Eines), т. е. всякое целостное понятие определенных элементов, которое — в соответствии с некоторым законом — может быть объединено в целостность. И я полагаю благодаря этому определить нечто родственное платоновскому эйдосу или идее agathon, как и тому, что Платон в своем диалоге “Филеб, или высшее благо” называет agathon. Он противопоставляет это апейрону или безграничному, неопределенному, каковое я называю не-собственно-бесконечным <...> Платон сам поясняет, что эти понятия имеют пифагорейское происхождение»¹.

Есть все основания придать этому фундаментальному определению и основанной на нем концепции Кантора чрезвычайное значение. Во-первых, становятся совершенно ясными *философские истоки* теории множеств, восходящие к самым древним философским идеям и образцам. Ведь уже в древней философии обсуждалась та проблема, которая в математике эпохи Кантора стала актуальной: объединение Многого в прочное Единое, в некоторые наполненные многообразием Единицы, которые тоже можно воспринимать как относительно самостоятельные и весьма многочисленные Целостности, т. е. именно как Множества. Должны были пройти целые века, чтобы математика

¹ Beförderer der Logik. Bd. 2.1. S. 66.

для самой себя «актуализировала» древние философские идеи, придав им строго и специфически математическую форму.

Необходимо также принять в расчет, что понятия, центральные для канторовского учения — «Множество» (Menge), «Многое» (Vielheit), «Совокупность, Целостность» (Inbegriff), «Многообразие» (Mannigfaltigkeit), «Число» (Zahl) и другие — стоят также и в центре гуссерлевской «Философии арифметики». Гуссерль вводит эти понятия уже в начале первой главы сочинения, обещая впоследствии подробно разъяснить и действительно разъясняя их, разумеется, соответственно своему пониманию¹. В этом мы убедимся и в ходе подробного текстологического анализа ФА.

Во-вторых, вовсе неслучайна здесь ссылка Кантора на Платона, на эйдосы, или идеи, как общее философское обозначение подобного рода Целостностей, воплощающих в себе взаимопроникновение Единого-Многого и даже обретающих, согласно платоновской теории, некоторое [квази] самостоятельное существование (в потустороннем «мире идей»). Как известно, математикам всех времен импонировал этот «прием» платоновской мысли — придавать целостным идеальным сущностям (включая математические или «математизованные» идеи) значение некоего (относительно) самостоятельного мира, как бы параллельного миру физических вещей и допускающего специальную работу с его многообразными целостностями-эйдосами. Ссылка на пифагорейское происхождение такого хода мысли вполне правильна. Особо подчеркиваю, что отсюда — от идей Кантора и других математиков — тянется прямая нить к гуссерлевской концепции «эйдетических сущностей», зафиксированной уже в «Логических исследованиях», но и сохранившей свое значение для всей последующей феноменологии. В I томе «Логических исследований», тоже возникающем «на глазах», особенно заметно влияние на Гуссерля платонистских ориентаций математики (опосредованных концепцией Больцано), хотя во II томе положение заметно меняется из-за возрастания роли трансцендентально-феноменологических ориентаций Гуссерля и его стремления четко отмежеваться от платоновского мифологического «гипостазирования всеобщего». Впрочем, идея о «мире», или мирах всеобщего (например, о мире математических сущностей) всегда вла-

¹ Husserl E. Philosophie der Arithmetik // Husserl E. Gesammelte Schriften / hrsg. von E. Ströcker. Bd. 1. Hamburg, 1992. S. 14.

дела Гуссерлем и в разных его сочинениях находила вполне рациональное научно-философское обоснование и объяснение.

В-третьих, из фундаментального определения, а тем более из всей теории многообразий, множеств вытекает ее *непреодолимое философское значение*, которое, полагаю, еще недостаточно оценено и разъяснено соответствующими специалистами. В частности, в учении Кантора заключен мощный стимул и уже имеются теоретические элементы, позволяющие строить новое, более «современное» философское учение о бесконечности, учение о едином и многом, опирать его на математику и находить в ней тончайшие оттенки мыслей, которые позволяют и философам усложнять, обогащать свои концепции.

Но и для математиков (впрочем, не только для них) в истории, связанной с именем Г. Кантора, заключен, думаю, полезный урок. Конечно, математические открытия делаются на почве развития самой математики и других точных наук. Но приобщенность к философии, знание ее истории, по-видимому, способствует математическим открытиям, иногда просто инициирует их и уж во всяком случае придает им особую широту, фундаментальность и глубину влияния на самые различные области научного знания и познания. Итак, философская фундированность мысли уже начиная с молодости Кантора была его несравненным преимуществом как ученого, мыслителя, первооткрывателя, что бы ни говорили некоторые математики XX века, утверждавшие, что время «метафизики» в математике уже прошло и что Кантор, возможно, был «последним из могикан»...

В-четвертых, в кантовском *философском* разъяснении, касающемся многообразий, множеств, имплицитно содержится немало предпосылок для понимания *философских же* оснований, определивших резкое размежевание Кантора с некоторыми направлениями, концепциями современной ему математики (например, с теми, которые представлены Л. Кронекером). Этот аспект требует, впрочем, специального анализа.

В-пятых, канторовская дефиниция как бы предопределяет не только линию развития математических идей, но и вытекающую из них *логическую* составляющую, которая (в том числе) дает толчок также и будущему развитию «чистой» логики. Значение этих канторовских ориентаций для будущего развития Гуссерля как логика и философа трудно переоценить.

Мы начали с ранних работ Кантора — отчасти и потому, что их цитирует Гуссерль в «Философии арифметики». Но не только по этой причине. Конечно, понятия в них еще не устоялись; теории множеств еще предстояло пройти достаточно длительный путь оформления и обоснования. И все же нам надо снова и снова подчеркнуть: нельзя недооценивать творческих порывов молодости у тех ученых и философов, которые уже тогда были помечены печатью таланта и даже гениальности.

Из более конкретных аспектов, где можно обнаружить именно сплетение математических, философских, логических, даже эстетических и теологических духовных предпосылок и ценностных установок, представляется необходимым специально акцентировать и охарактеризовать следующую тему, которая ранее в общей форме уже затрагивалась. Кантор придавал большое значение рассмотрению, анализу математических понятийных, логических образований (подобных множествам) в качестве своего рода сущностей (эйдосов), *Entitäten*, которые могут и должны быть выделены, описаны, даже специально усмотрены как некоторые [квази] обособленные, самостоятельные — но, конечно, идеальные целостности. «Онтологию» такого подхода, как мы видели, он сводил к концепции великого Платона. Как расценить эту сторону идей Кантора? В понятном для философа, особенно для историка философии, воодушевлении тем фактом, что выдающийся математик опирается на понятия, решения философов, в том числе и древних, никак нельзя пренебрегать другим важнейшим, а для математики и *более важным* обстоятельством. Оно кратко выражено в следующих словах математика Герберта Мешковского, обрисовавшего своего рода исторический парадокс: с одной стороны, Кантор и в раннем, и в позднем творчестве соотносил, даже сообразовывал свою работу с учением Платона¹. «Но именно исследования Кантора по проблеме бесконечного впоследствии привели к тому, что математика XX века отказалась от платоновского способа мысли и вообще от метафизического фундирования. Такова уж была трагика жизни, что Кантор — сопротивляясь многим коллегам — предчувствовал такое развитие, но уже не смог осознать теоретико-познавательное значение данного поворота»². Однако можно высказать несколько иное оценочное суждение, опираясь имен-

¹ Meschkowski H. S. 60.

² Ibid. S. 61.

но на Гуссерля. Полагаю, что с преодолением в математике XIX — начала XX века *специфически-платонистских обоснований* и ориентаций с повестки дня развития этой науки отнюдь не была снята философско-математическая, если хотите, и «метафизическая», проблематика. (В скобках замечу, что и утверждение об окончательной «смерти» платонизма в философии математики XX века тоже страдает некоторым преувеличением. И вот почему: платонизм в чем-то созвучен воззрениям математиков, нуждающихся в своих онтологизациях. Поэтому к «платонизму», пусть модернизированному и смягченному, по видимому, еще будут прибегать математики.)

Необходимость преодоления платонизма и в его исторической форме, и в виде учений «платонизирующих авторов», понял молодой Гуссерль. Платоновское учение об идеях автор I тома «Логических исследований» тоже назвал «метафизическим гипостазированием всеобщего» (в том числе и всеобщематематического, полагаю я). Однако Гуссерль одновременно остро осознал необходимость предложить новую концепцию, позволяющую *не по-платоновски, но все же по-философски* проанализировать наличие специфического «мира» чистых (в том числе математических) сущностей, не впадая в мифологические, идеалистические онтологизации и пытаясь очень конкретно исследовать всю специфику *работы* с ними, которой ведь заняты не только математики по профессии, но и ученые других специальностей. Да и не только ученые, а все люди, которые привычно «видят», «исчисляют», описывают, словом, рожают и обрабатывают (часто не догадываясь об этом) не столько материально-вещные образования, сколько идеальные конструкты разной степени общности и сложности. Феноменология Гуссерля рождалась и развивалась далее (вплоть до смерти основателя) также на этой проблемной почве и на почве всех возникающих здесь теоретических и практических трудностей.

Итак, то обстоятельство, что Гуссерлю была так важна вся эта проблематика, в определенной степени связано с влиянием Кантора. А то, что будущий основатель феноменологии стремился овладеть ею уже на новом, не платоновском пути, свидетельствует о понимании молодым ученым также и математических трудностей, ориентаций, для осознания и признания которых великому Кантору не хватило времени жизни и (рано подорванных) духовных сил. Но осмеливаюсь думать,

что и Кантора в принципе удовлетворила бы какая-нибудь более современная платформа, на основе которой можно было бы ввести особый «мир» (или даже множество «миров») идеального и обосновать методологию работы над ним. Вот что важно: на пути к «Логическим исследованиям» и в самом этом произведении Гуссерль будет биться над тем, чтобы разработать и предъявить такую концепцию, необходимую и пригодную для понимания как математических сущностей-целостностей, так и подобных «чистых», отвлеченных образований (или, выражаясь словами Больцано, «истин в себе») в других дисциплинах, прежде всего в «чистой» логике, т. е. концепцию, пригодную для интерпретации всех законов точных наук. (К сожалению, в начале XX века Кантор, как говорилось, тяжело заболевший, вряд ли мог вникнуть в смысл этой теории сущностей своего коллеги и друга Э. Гуссерля.) На протяжении всего многолетнего развития феноменологии Гуссерля не оставлял интерес к этой концепции, философско-математические (и в том числе связанные с деятельностью Кантора) истоки которой не вызывают сомнения.

Что касается самого Кантора, то ему было исключительно важно как бы оснастить свой сущностно-логический подход к математической работе и ее понятиям некоторыми философско-метафизическими предпосылками и основаниями. Он размышлял над тем, как методологически (и даже лично) обеспечить выход математика из сферы «жизненного мира» (термин позднего Гуссерля), даже из обремененного всякими «определенностями», реальностями математического исследования — в «самостоятельные» и исключительно своеобразные миры, где, так сказать, своей жизнью «живут», «взаимодействуют» математические сущности. Ничего мистического и идеалистического в подобном подходе нет. Вдохновляет и по-своему поражает тот факт, что после «Философии арифметики» Гуссерль сосредоточился на разрешении *совершенно аналогичных, родственных вопросов* применительно к логике (а попутно и к математике). Ответом на них был, прежде всего, I том «Логических исследований» — а потом и спешно оформляемая, имплицитно содержащаяся в «Логических исследованиях» идея *феноменологической редукции*. Выполненная сначала на материале философии и логики, концепция феноменологической редукции, феноменологического *erosché* в действительности отвечала на более общую теоретиче-

скую потребность тех наук (или областей научной мысли), которым было необходимо теоретически осмыслить и методологически грамотно осуществить выход в «миры» чистых сущностей. Затем, уже в поздний период, Гуссерль снова свяжет эти принципиальные идеи и установки своей философии с опытом математики, которому вполне справедливо будет придано принципиальное, парадигмальное научно-теоретическое, философское и даже цивилизационное значение (речь идет об известных исследованиях позднего Гуссерля, касающихся происхождения геометрии).

Любопытно, что в деятельности Кантора описываемые здесь общие идеи, повороты внимания, методологические поиски (как сказано, философские, эстетические, даже теологические) одновременно влияли и на самые конкретные математические размышления и устремления. Что касается конкретной математической работы, то даже размежевания с линией Кронекера восходили к означенным методологическим поискам. Если Кронекер и его сторонники все время акцентировали «определенность», в некотором смысле «материальную» реальность объектов и средств математической работы, то Кантор настаивал на необходимости методологического «очищения», движения ко всё более «чистым», общим, как бы «парящим в воздухе чистого математического фантазирования» математическим образованиям. Правда, и их он считал «реальными» — но в совершенно особом значении и смысле.

В плане метафизических, эстетических устремлений считаю весьма метким следующее наблюдение Герберта Мешковского, исследователя учения Кантора: «Можно сказать так: теория Кантора — подтверждение (Beleg) того факта, что человеческий дух может обретать такие структуры, для коих в природе нет никакого прообраза. Деятельность творческого математика возможно сравнивать с творчеством современного художника, который в своем произведении стремится воплотить некоторые видения, для которых в природе нет прообраза. Миры, создаваемые благодаря междисциплинарной деятельности математиков [правда], кажутся нам более значимыми, чем те, которые могли бы открыть свои равные художники. Но у художников, возможно, иное мнение по этому вопросу. Во всяком случае, у творений математиков есть подлинный шанс, что они когда-то станут пригод-

ными для описания реального мира, пусть сначала они и не демонстрируют таких возможностей»¹. Отвлекаясь от вопроса о *сравнительной* значимости «миров» математики и искусства, можно признать вполне точным это фиксирование мотивации математиков, свободно и творчески работающих в совместно, на протяжении всей истории создаваемых и видоизменяемых «идеальных мирах».

В подтверждение своего суждения Г. Мешковский приводит следующий карандашный набросок, найденный в бумагах Кантора после его смерти и очерчивающий введение к работе «О связи учения о множестве с арифметикой». Он условно датируется 1913 годом: «Без крупницы метафизики, по моему мнению, нельзя обосновать ни одну точную науку. Да извинят мне те немногие слова, которые я во *Введении* отваживаюсь сказать об этой, в новое время по большей части столь скомпрометированной доктрине. Метафизика, как я ее понимаю, есть учение о сущем (vom Seienden), или, что то же самое, о том, что наличествует здесь (da ist), т. е. существует, а следовательно, о мире, каков он сам по себе, а не каким он [нам] является. Все, что воспринимается с помощью органов чувств и что представлено нам с помощью нашего абстрактного мышления — не-сущее (Nichtseiende) и в лучшем случае есть след в себе сущего.

А то, что сущее есть, мы познаем не через наше абстрактное мышление; скорее, мы *ощущаем* это в нас самих, и мы тем самым совершенно уверены в сущем, не нуждаясь в доказательствах этого. Мы *суть* (sind), т. к. мы *существуем*, следовательно, сущее есть, дано. Не только мы есть, наличествуем (sind da); и другие, отличные от нас сущие есть, наличны (sind da); мы живем вместе и составляем один мир, части которого сообщаются друг с другом. Тот, кто отваживается отрицать это, пусть погрузится в свое я и посмотрит, далеко ли он продвинется. Любое сущее может стать предметом нашего мышления. Тогда мы называем его вещью, а любое не-сущее, которое становится предметом нашего мышления, это не-вещь (Unding, non ens). Вот я и есть вещь, и всякий другой человек — тоже вещь»².

Прочитывая этот выразительный отрывок, математик Г. Мешковский справедливо замечает: «С этими положениями согласится

¹ Meschkowski H. S. 218–219.

² Цитир. по: Meschkowski H. S. 114.

любой мыслитель, который сегодня, вместе с Хайдеггером, сетует на “забвение бытия” современным человеком»¹. Но тут Мешковский ставит вполне резонный вопрос: а что общего имеет теория множеств с таким отвлеченным философским понятием, как «бытие»? Не стану приводить его конкретные доводы, выражу лишь общий смысл, как я его понимаю.

Этот уважаемый математик различает, даже разводит те тезисы, положения, выводы учения Кантора, которые сохранили свое непреходящее значение, и те онтологизации, за которыми стояла попытка как бы превратить математические (и другие научные) понятия в некоторые якобы самостоятельные сущие. Скажем, актуально-бесконечное выступает у него в двух «обличьях» — *in abstracto* и *in concreto*. И как раз во втором случае Кантор принимает «множество атомов универсума за исчислимое». Ссылаясь на пространное письмо Кантора к Миттаг-Лефлеру от 16 ноября 1884 года, в котором Кантор (надо сказать, постоянно колеблясь и противореча самому себе) в конце концов высказывается за принятие некоторой «точечной», но все же материалистической атомистики или, вернее, учения об элементах — как пишет Кантор «сотворенных, но после сотворения самостоятельных, неразрушимых, простых, непротяженных, наделенных силой элементами»². Иными словами, философские размышления о сущих «самих по себе» были для Кантора никак не посторонними и не второстепенными. Они укладывались в общую картину мира и одновременно позволяли этому замечательному математику развить конкретную часть своего учения об актуально-бесконечном. Г. Мешковский делает вывод: «Доказанные в то время Вейерштрассом и Миттаг-Лефлером положения теории функций сохраняют свое значение и сейчас; канторовское доказательство неисчислимости континуума и сегодня есть прочный исследовательский результат, а вот “гипотезы” о структуре материи давно устарели»³.

Всё это, конечно, верно. Однако нельзя не признать и того, что математики, как и другие ученые, не только в XIX веке, но и в XX и XXI столетиях испытывали и будут, вероятно, испытывать потреб-

---

¹ Ibid. S. 114.

² Цитируется по Meschkowski. S. 247.

³ Ibid. S. 115.

ность в таких онтологизациях, которые позволяют им как бы «видеть», «исчислять» идеальные, абстрактные сущности. В. Гайзенберг верно отметил, что атомы современной физики абстрактнее, чем атомы греков. Но ведь и современные физики, работая с приборами и воздействуя на материальные процессы, постоянно прибегают к каким-то в целом плодотворным онтологизациям, онтологизациям воображения, к этим «сущим как если бы»... Изменить это положение вряд ли возможно, да и желать таких изменений вряд ли целесообразно. Однако и философия к XIX столетию внесла свой вклад в устаревшую онтологизацию — в духе теории эфира — тех или иных отдельных сущностей, процессов, результатов. Кантор, выходя на уровень «метафизики», нередко мыслил в согласии с этими духовными установками и привычками. Кстати, достаточно важно замечание Мешковского о том, что гораздо быстрее, чем в философии арифметики, онтологизирующий подход разрушался в геометрии, в связи с появлением геометрии Лобачевского-Римана. Но вот тут имел значение факт, отмечаемый Мешковским¹: Кантор, по-видимому, очень мало обращался к геометрии. Во всяком случае, свидетельств этого нет ни в опубликованных сочинениях, ни в переписке.

Что касается Гуссерля, то он — но только к концу пребывания в Галле, и не в I, а во II томе «Логических исследований» — начал, и лишь начал, отвечать на эту ситуацию философским трансцендентализмом, который тоже стал ясным и последовательным только в «Идеях I». Для Гуссерля это был постепенный поворот к Декарту и Канту от онтологизирующих, еще гегельянских устоев, привычек как философии, так и (мы теперь это видим) математики, естествознания того времени. Как трудно такой переход давался даже философам, видно из того, сколь прохладный прием «Идеи I» встретили в ближайшем кругу верных учеников и последователей, которые надеялись, что феноменология, учение о «чистых сущностях» все еще пребывает в чистом эфире «Логических исследований».

Меня, признаться, поражает то, как философия помогает Кантору, когда он, скажем, стремится вырваться за пределы только «конечных», только «действительных», только «рациональных» чисел и ввести не-

---

¹ Ibid. S. 116—117.

привычные для традиции понятия иных «числовых классов». Правда, он признает, что немалое число математиков его времени развивает математическую науку только на базе «конечных целых чисел». И для них все известные и высоко оцениваемые достижения математики (Infinitesimalanalysis, анализ бесконечно малых, теория функций) «только в том случае легализованы, если их положения доказуемы» на основе законов целых конечных чисел. «С таким пониманием математики, хотя я с ним не могу согласиться, связаны, — признает Кантор, — известные, ставшие бесспорными преимущества, которые я хотел бы здесь подчеркнуть; в пользу его значимости говорит и то обстоятельство, что к его представителям принадлежит часть заслуженных математиков современности»¹. И все-таки Г. Кантор отваживается идти против столь мощного потока господствующего математического знания. Конечно, он идет по этой дороге не один — на его стороне исследования, идеи Вейерштрасса, Дедекинда и других ученых. Но есть еще одна надежная опора новаторских устремлений Кантора. Это философия, ее история.

Кантор вступает в чрезвычайно интересный и плодотворный диалог с целой когортой великих философов; среди них — Аристотель, Платон, Николай Кузанский, Джордано Бруно, Спиноза, Лейбниц. Весьма примечательно, что эти философские и даже историко-философские рассуждения тесно связаны с центральным понятием, над которым усиленно работала вся школа Вейерштрасса. *Это понятие числа*. Но ему, как и конкретным историко-философским разработкам Г. Кантора, следует посвятить самостоятельные исследования, которые выходят за рамки нашего анализа. Вместе с тем к другим “пересечениям” идей двух ученых — Кантора и Гуссерля — мы обратимся далее в рамках более конкретного по темам философско-математического анализа.

---

¹ Ibid. S. 76.

ЧАСТЬ IV.

Текстологический анализ идей “Философии арифметики”

Общий замысел Гуссерля (Предисловие)

В *Предисловии* (Vorrede) к ФА прежде всего бросается в глаза об-суждавшееся ранее стремление Гуссерля непретенциозно определить взятые им на себя задачи. Первая фраза книги начинается с обозначения того, что Гуссерль ...не собирается делать в своей работе. Он *не* претендует на выстраивание философии арифметики как пограничной системной дисциплины, которая равно важна и для математиков, и для философов. Но ведь и то, за что он взялся, тоже нельзя назвать легкой задачей: по определению автора, он хочет «подготовить научный фундамент для будущего построения такой дисциплины»; это мыслится сделать благодаря ряду «психологических и логических исследований»¹. Наряду с самым общим тематическим и проблемным замыслом Гуссерль в *Предисловии* кратко, четко, почти в «математическом» стиле обозначает некоторые особенности («тенденции») того исследования, которое он уже предпринял и главные черты которого намеревается представить читателям.

Особенности гуссерлевского замысла:

- должно быть осуществлено *терпеливое конкретное, посвященное отдельным вопросам (его тематики) исследование* (geduldige Einzelforschung);
- нужно найти, заявляет автор, *прочный фундамент для философско-арифметической работы*;

---

¹ Edmund Husserl. Gesammelte Schriften. Hrsg. Von Elisabeth Ströker. Bd. 1. Philosophie der Arithmetik: Text nach Husserliana XII. Hamburg, 1992. S. 5₃₋₇. (курсив мой. — Н.М.) Далее при цитировании страницы и, ниже, строчки указываются в тексте моей книги.

- следует осуществить *тщательную* (sorgfältige) *критику* достойных внимания теорий, отделив в них правильное от ложного;
- вместо критикуемых неприемлемых и устаревших взглядов предполагается проложить дорогу новым концепциям (S. 5).

Те же рано найденные черты — конкретность, тщательность, пристальное внимание к оттенкам и деталям, критический подход, новаторство — будут и далее определять исследовательский стиль Гуссерля.

При этом автор ФА делает оговорку, что не стремился и не мог стремиться к «критической полноте», когда в принципе надо принимать в расчет все известные «бесчисленные попытки рассмотрения основных вопросов обсуждаемых областей». Автор уже осуществил *выбор* в пользу обсуждения тех концепций, которые из-за присущих им качеств, из-за их особой значимости получили более широкое распространение. «Я надеюсь, — пишет начинающий автор, — что критический метод, которому я следую, не будет поставлен мне в упрек» (S. 5_{27–28}).

Переходя далее к предварительному очерчиванию специфической позитивно разрабатываемой проблематики своей работы, Гуссерль прежде всего дает формулировку, к которой, как кажется, нам надо приглядеться самым внимательным образом: «В позитивном развитии я позволил себе не руководствоваться исключительно интересом к теоретико-познавательному (erkenntnistheoretischen) исследованию арифметики» (S. 6_{4–6}). Отмечу как нечто важное, что нас ожидает, согласно авторской оценке, *не только* (не исключительно) теоретико-познавательное исследование арифметики, *но — разумеется — и оно тоже*. Иными словами, *философская (в данном случае гносеологическая) направленность анализа изначально предполагается и четко фиксируется*. Вместе с тем из определения Гуссерля ясно: автор имеет в виду внести в исследование не только и не одно лишь философское измерение. «Там, где анализ, с одной стороны, элементарных арифметических понятий, с другой стороны, характеризующих арифметику символических методов (последнее — также и тематика запланированного, но не опубликованного II тома ФА. — Н.М.) обещал некоторый вклад в психологию или логику, я включался в детальное исследование, как того и потребовала бы “метафизика исчислений” (“Metaphysik des Kalküls”). Это, например, относится к тем частям книги, в которых осуществлялась по возможности тщательная и, надеюсь, не совсем бесполезная обра-

ботка материала, относящегося к психологии понятий множества (Vielheit), единства и определенного числа (Anzahl)» (S. 6₆₋₁₄). Что такое упомянутая «метафизика исчислений», в том нам еще предстоит разобраться. Снова замечу: обращение к психологическому материалу в *Предисловии* оценивается как нечто специфическое, однако *дополнительное по отношению к главным, т. е. философской теоретико-познавательной и философско-математической линиям.*

Какого читателя по преимуществу имел в виду Гуссерль, создавая ФА? Это очень интересный и непростой вопрос, и на него автор откликается в *Предисловии*. Он надеется, что будут и чисто философские читатели его комплексного (как сказали бы сегодня) специального исследования, а потому он понимает трудности, которые они могут испытывать при понимании, скажем, математической материи книги. Однако предварительное накопление некоторых математических знаний (Vorkenntnisse), конечно, совершенно необходимо для чтения и понимания этой работы, предупреждает Гуссерль. Зато к математическому читателю, которого он, разумеется, тоже хотел бы иметь, автор ФА обращает замечание: что-то философское, не вызывающее его интереса, можно попросту пропустить. Но вообще-то Гуссерль обещает, что не будет злоупотреблять философской терминологией, тем более «туманной». А поскольку термины философии все же придется вводить, то он постарается давать их определения или четко пояснять на примерах (S. 6₂₈₋₃₀).

Не так-то просто вынести достоверное суждение о том, какого рода читателей ФА действительно обрела со времени своего опубликования. Она, кажется, заинтересовала сравнительно немногих математиков и историков математики. В истории логики эта работа всё-таки получила свое отражение, но весьма и весьма скромное. Что же касается интереса философов, то его проявили скорее те, кто впоследствии исследовал движение Гуссерля к феноменологии, нежели те специалисты, которых заинтересовала сама ФА, сколь бы достойной внимания ни была эта работа.

Но вряд ли автор мог рассчитывать на нечто большее, ибо он предложил публике свое, в сущности, первое солидное произведение: ведь хронологически самое первое, габилитационное сочинение «О понятии числа», пусть и напечатанное, не попало в книготорговлю

и осталось неизвестным публике, почему Гуссерль счел необходимым почти дословно повторить в ФА именно содержащиеся в габилюационной работе «психологические исследования» — (8_{10-11}).

Далее в *Предисловии* Гуссерль более подробно и конкретно определяет главные проблемные задачи I и II томов ФА. «Предлагаемый I том в первый двух своих разделах рассматривает психологические по преимуществу вопросы, которые связаны с анализом понятий множества (Vielheit), единства (Einheit) и натурального, кардинального-определенного числа (Anzahl), поскольку они даны нам прямо, в собственном смысле (eigentlich), а не через не прямое символизирование. В следующем разделе анализируется символические представления о множестве и числе и делается попытка показать, как [именно] факт, согласно которому мы почти сплошь ограничены символическими цифровыми понятиями, определяет смысл и цель арифметики натуральных чисел» ($6_{37-39} - 7_{1-6}$). (Кстати, авторскую маркировку проблем и габилюационной работы, и ФА, пусть только двух ее первых глав как «психологических по преимуществу» считаю неточной, что будет показано в последующем конкретном анализе ФА.)

Хорошо видно: разделение материала в разделах I тома связано с тем дифференцированием представлений на «собственные» и «несобственные» (символические), которое восходит к работам Brentano и представителей его школы, в частности Штумпфа. (О смысле и характере этого дифференцирования речь пойдет при конкретном анализе ФА.)

Далее следует та часть *Предисловия*, в которой Гуссерль кратко определяет тематику и специфику анализа соответственно в I томе ФА, который его читатель уже держал в руках, и во II томе, который автор обещал выпустить очень скоро. Обещание, как мы знаем, не было выполнено. Однако Гуссерль, уже в молодости выработавший характерную и редкую привычку не только делать наброски, но обрабатывать, доводить их до приличного состояния (иной раз до готовности к печатанию), и в случае задуманного им II тома ФА оставил много подобных текстов (о них кратко упоминалось в предшествующей главе). Поэтому вполне можно по крайней мере на основании набросков того же времени судить о содержании, идеях, тезисах запланированного II тома целостной книги. Достаточно долгое время, однако, все эти материалы хранились в Лувенском архиве и не были в распоряже-

нии широкого читателя. Но, как сказано ранее, уже в наше время, когда вышли в свет XXI и XXII тома «Гуссерлианы», наброски II тома ФА стали доступны для чтения и оценки. А это чрезвычайно важно. Вопреки сложившейся и долго бытовавшей привычке при осмыслении и общем оценивании ФА принимать в расчет только опубликованный при жизни Гуссерля I том (что, впрочем, долгое время было редкостью), теперь предпочтительнее, считаю, *брать это произведение в полном объеме, как запланированное Гуссерлем единое целое*, включающее и опубликованный первый, и частично подготовленный второй блок — а окончательные резюмирующие суждения выносить уже после того, как идеи, теории, методы обоих блоков будут самым подробным и тщательным образом приняты в расчет¹.

Предварительно полезно иметь в виду следующее разъяснение Гуссерля относительно II тома ФА: «Логическое исследование арифметического алгоритма — все ещё в понимании арифметики как арифметики натуральных чисел (Anzahl) — и оправдание в процессах счета (rechnerischen) использования, применения квазичисел, возникающих из инверсивных операций (это отрицательные, воображаемые, дробные и иррациональные числа) должны содержаться в первой части II тома. Критические анализы означенных проблем дают множество поводов ближе подойти к вопросу о том, господствует ли во всеобщей арифметике, причем взятой в первом и изначальном смысле, область натурального числа или господствующей становится какая-либо другая понятийная сфера. Этому фундаментальному вопросу должна быть посвящена вторая часть II тома» (7₇₋₁₇). Гуссерль не оставляет никакого сомнения в том, что во II томе будут доминировать «*полное логическое объяснение истинного смысла всеобщей арифметики, как и анализ понятий, логически господствующих через её посредство (таких, как ряды — Reihe, величины — Größe и т. д.)*» (S. 7₂₃₋₂₆ — курсив мой, — Н.М.). Говорится ещё и о том, что во II томе задумано развить «*новую философскую теорию евклидовой геометрии*» (8₂₋₃).

---

¹ Хочу напомнить читателям о том, что в предлагаемой первой книге этого моего сочинения будут разобраны лишь (теперь уже опубликованные) рукописи, которые объективируют записи Гуссерля, сделанные *вскоре* после ФА, тогда как более поздние разработки, относящиеся ко второй половине 90-х годов, планируется рассмотреть во второй подготавливаемой к печати книге моего произведения.

А значит, своеобразный общий баланс логического, гносеологического и психологического подходов в *целостно* задуманном произведении должен был складываться всё-таки *в пользу логического*: в I томе осуществляется объединение, как сказано в подзаголовке, «логического и психологического исследований», во II же томе должно доминировать «*полное логическое объяснение*». Надо также с самого начала иметь в виду, что исходно — согласно единому заголовку — речь всё-таки идет о *философии* арифметики, без сомнения, объединенной с философией как таковой.

Заканчивается *Предисловие* возвращением к вопросу о том новом, тяга к которому не является для автора каким-то модным поветрием, когда новое становится своего рода самоцелью (*das Neue um der Neuerung*). Гуссерль оговаривает, что сам он никак не стоит в стороне от уже ставших распространенными, даже господствующими взглядов и подходов, часто опираясь на них. *Но вместе с тем он ощущает острую потребность времени в новых теориях*. «Возможно, мои усилия не будут совсем уж бесполезными; возможно, мне удастся, по крайней мере в отдельных пунктах, проложить путь к подлинной *философии* исчислений (*Philosophie des Kalküls*), этому требованию, ожиданию (*Desiderat*) целых столетий» (7^{35–39}). Вот теперь четко обозначена самая *главная* и поистине фундаментальная *цель* всех тогдашних усилий и разработок Гуссерля — внести вклад в разработку новой и «*истинной философии исчислений*».

Во всяком случае, с самого начала следует принять в расчет, что название книги — «Философия *арифметики*» — не должно вводить нас в заблуждение и склонять к узкому, чисто специальному толкованию. На это обращает внимание один из лучших современных исследователей философии математики Гуссерля Дж. Ф. Миллер (Miller): «Несмотря на название произведения, это не была арифметика в обычном смысле, но *скорее исчисление, или сам “анализ”* — это великое достижение математики нового времени, и область, в которой сам Гуссерль несколькими годами раньше получил докторскую степень, — стояли в центре его философской работы»¹. Что все это означает в подлинном

---

¹ G. Philip Miller. Numbers in presence and absence: A Study in Husserl's Philosophy of Mathematics. The Hague / Boston / London. 1982. P. 1. О значении и специфике исследования Ф. Миллера см. специальный *Экскурс в Приложениях* к моей книге.

и широком смысле, нам ещё предстоит выяснить. Но одно заведомо ясно: *Гуссерль был намерен двигаться по пути философии* — в частности и особенности по той её совсем не маргинальной дороге, которая связана с действительно многовековыми исследованиями количества, количественных понятий или, говоря обобщенно вместе с Гуссерлем, с философией — даже метафизикой! — исчислений¹.

В самых последних словах *Предисловия* выражена надежда на то, что читатели при оценке книги примут в расчет и огромную трудность решения обсуждаемых проблем, и то, что перед ними «первая крупная попытка» автора принять участие в их осмыслении (8_{18–21}). Что же, и нам сто́ит постараться хоть как-то оправдать эту надежду Гуссерля — в то время ещё начинающего, но впоследствии великого философа.

Предисловие, как мы видим, четко и ясно *определяет* цели работы, хотя *понимание* их, как и расшифровка оттенков содержания ФА, представляет немалые трудности, в чем нам ещё предстоит убедиться.

Ещё одно замечание хотелось бы сделать, предваряя дальнейший конкретный анализ ФА. Книга эта написана по-деловому сжато и сухо, в чем несомненно сказывается математическое образование Гуссерля, ибо математики всегда предпочитают не тратить лишних слов, не вдаваться в рассказы о «романтизме» и трудности поиска, останавливаясь лишь на результатах, их доказательстве и обосновании. Но для внимательного читателя в книге открываются исследовательские интриги, настоящее напряжение интеллектуальных сил и переживаний, которое всегда сопровождает устремления к новому. И хотя сложная природа *специфического научного содержания*, богато сконцентрированного в ФА, и нас, её интерпретаторов и комментаторов, заставляет придерживаться теоретико-методологического, а не эссеистского стиля (в других случаях имеющего место и в моих работах), в дальнейшем не будут обойдены вниманием ни теоретические интриги, ни трудности, успехи и неудачи творческого поиска раннего Гуссерля.

---

¹ Об «исчислениях» (calculs), «анализе» как солидной (к тому) времени области математических, философско-математических исследований см. в специальном *Экскурсе* в историю математики.

Введение к Философии арифметики: понятийная структура

Первое предложение *Введения* — «Понятие числа является многосторонним» (10₁). Итак, Гуссерль сразу задает свою тему и её исходное понятие — *комплексное исследование понятия числа (die Zahl)*. Но дело не только в этом. Обсуждаемый раздел *ФА* чрезвычайно важен в том отношении, что в нем вводится *целое семейство главных понятий*, с которыми будет работать Гуссерль. Впрочем, ничего необычного в них нет, ибо многие из них издавна формировали понятийный каркас арифметики. *Новизна философского анализа* у Гуссерля, однако, имеется и здесь; она двоякая. С одной стороны, он уже широко использует те новаторские понятия числового ряда, которые появились именно в XIX веке; с другой стороны, автор *ФА* намеревается предложить тот тип *генетического анализа этих понятий*, который был необычным для тогдашнего арифметического знания и который он (по причинам, подлежащим дальнейшему выявлению) назвал *психологическим анализом*, что, по моему мнению, имело свои основания, но оказалось не вполне точным. Ибо — скажу, забегая вперед — даже и в этом понятийном анализе там и здесь разбираемые психологические аспекты все же несомненно, хотя и своеобразно переплелись с философско-математическими, общефилософскими, логическими аспектами и подходами. И сам Гуссерль, что тоже важно, это достаточно четко фиксировал.

Подчас в силу вступает и обсуждение других подходов. Специфика этих подходов и объяснений требует философского размышления — здесь снова же о междисциплинарном синтезе. В наше время никого не удивишь, скажем, включением в философский анализ лингвистической составляющей, закрепленной развитой философией языка. А вот во время Гуссерля здесь тоже содержалось новшество, тем более для вчерашнего математика. Например, в самом начале *Введения* Гуссерль делает экскурс в языково-грамматическую область и дает разъяснения, которые, несомненно, релевантны осуществляемому понятийному анализу. Этот новаторский поворот гуссерлевского анализа в сторону *семиотики* (о чем позже) зафиксируют в XX веке историки логики. И не случайно, ибо ведь и математику, и философу, и логику приходилось и приходится отправляться *от слов обыденного языка*, в которых фиксируются (здесь — арифметические, вообще математи-

ческие) понятия. Гуссерль выстраивает следующий ряд более конкретных арифметических понятий, которые входят в семью, объединяемую особо интересующим его понятием натурального числа (*Zahl*).

Русскоязычного читателя хочу с самого начала предупредить, что здесь нас ожидают трудности перевода с немецкого языка ряда этих понятий — разумеется, в случаях, когда в поисках содержательных соответствий ранее не были приняты во внимание тончайшие оттенки, которые особенно важны в философском или психологическом контекстах. Итак, *речь идет о разверстке понятий числового ряда*. Это:

- *Anzahlen oder Grundzahlen* (*numeralia cardinales*) — по-русски: натуральные числа, или количественные числительные, или числа из натурального, естественного ряда: 1, 2, 3...¹.

Иногда их называют, прямо перевода с латыни, кардинальными числами, что уже имеет, как мы увидим дальше, содержательный смысл.

Другие виды чисел — сначала в немецком оригинале, затем в русском варианте:

- *Ordnungszahlen* (*numeralia ordinalia*) — порядковые числительные — первый, второй, третий и т. д.
- *Gattungszahlen* (*numeralia specialia*) — положительные числа;
- *Wiederholungszahlen* (*numeralia iterativa*) — единожды, дважды;
- *Bruchzahlen* (*numeralia partitiva*) — дробные числа, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{5}$ и т. д.

Такие вводные грамматические и философско-математические определения и рассуждения служат у Гуссерля сразу нескольким целям.

1) Он стремится выдвинуть на первый план понятие *Anzahl*, по-русски: натурального числа (количественного числительного), которое, по его мнению, на латинском языке не случайно именовалось *numeralia cardinalia*, т. е. кардинальным, значит, принципиально важным, логически исходным числом. «То, что натуральные числа названы на первом месте в числовом ряду, покоится — как и характерное название, которое они носят, а именно основополагающие, или кардинальные числа — не на простой конвенции. И в языковом отношении они занимают предпочтительное положение благодаря тому, что прочие числовые слова возникают из слов, определяющих кардинальные числа, только благодаря незначительным модификациям...» (10_{10–15}).

---

¹ О терминологии на русском языке см.: И.Я. Депман. История арифметики. М., 2006.

В немецком языке, заметим, это (почти) всегда так. В приводимом Гуссерлем примере: *zwei* (2) и *zweiter* (второй), *zweierlei* (двойкий), *zweifach* (двойной), *zweimal* (два раза, дважды), *zweitel* (одна вторая). Иначе говоря, везде *Anzahl* «*zwei*» повторяется и служит корнем в словах, выражающих все другие числовые понятия. (Несколько сложнее обстоит дело в иных языках. Например, в русском: два, но второй, хотя дальше опять — двойственный, два раза и т. д. Или в английском: two, 2, но second, второй и т. д.)

Достаточно заглянуть в большой словарь немецкого языка, чтобы увидеть, что не только упомянутые Гуссерлем чисто числовые понятия, но и большое количество, по существу целая семья слов и понятий, рождается, скажем, из слова «*zwei*» — «два». Подобное положение сложилось и в русском языке, в котором немецким сложным словам (например, *zwei-seitig*, *zweisprachig*, *zweistockig*, *zweistündig* и т. д.) соответствуют составные слова: двусторонний, двуязычный, двухэтажный, двухчасовой. (Со словом «*eins*» — один, единица, — дело обстоит сложнее: выудить соответствующие слова в других языках трудно из-за того, что в немецком языке существует в высшей степени употребительная отделяемая приставка *ein* — с весьма широкой гаммой значений, которая как бы продуцирует слова, где «*ein-*» выводится именно из единицы — например, *einseitig*, т. е. односторонний. Хотя подобное семейство слов и в других языках существует, словообразование не такое явное.)

С подобными модификациями, касающимися других языков, все же можно поддержать мысль Гуссерля о зависимости языковых обозначений понятий числового ряда от слов, выражающих «натуральные», «кардинальные» числительные. (Правда, для полноты картины потребовались бы историко-филологические изыскания, в которые Гуссерль по вполне понятным причинам не вдаётся.)

Прерогативы, которые Гуссерль присваивает натуральному числу, подтверждаются, по его мнению, и содержательными определениями вторичных образований числового ряда. «Так, в случае положительных чисел (*Gattungszahlen*) — *einerlei*, *zweierlei*, т. е. единожды, двойкий — речь идет о численности различий внутри какого-либо рода; в случае повторяющихся чисел (*Wiederholungszahlen* — *einmal*, один раз, *zweimal*, два раза) — о числе повторений» (10_{22–26}). Подобным же образом, рас-

суждает Гуссерль, обстоит дело в случае умноженных чисел (*Vervielfachungszahlen*) и дробных чисел, а также таких наименований, как «двухчастный», «трехчастный» и т. д. (10_{22-31}).

Иными словами, доказываемая — притом, заметим, *на основе филологически-семантического и логического рассуждения*, — «очевидно вторичный характер» (11_{1-2}), т. е. выводное происхождение прочих понятий числового ряда по отношению к понятию *Anzahl*, т. е. натурального числа.

Высказав все это, Гуссерль вынужден откликнуться на арифметические и философско-арифметические рассуждения иной направленности. Речь идет, например, о концепциях таких видных математиков, как В.Р. Гамильтон (*Hamilton*) и Р. Кронекер, а также психолога Г. Гельмгольца, которые выдвигали на первый план не понятие натурального, а порядкового числа (*Ordnungszahl*). Во Введении Гуссерль лишь коротко высказывается на эту тему: понятие порядкового числа все же подразумевает натуральное число в качестве исходной предпосылки (11_{24-25}). (В *Приложении* к I части I тома ФА, носящем название «Номиналистические попытки Гельмгольца и Кронекера», S. 170–178, спор с упомянутыми известными учеными ведется уже более детально.)

Итак, обещанное Гуссерлем применение *критического метода* начинается уже с первых страниц ФА и касается ученых, чьи имена, в отличие от имени начинающего автора, были у всех на слуху. Смелость, с которой Гуссерль ввязывается в спор, была отнюдь не случайной: ведь он защищал идеи, разделяемые другими видными учеными, например, его учителем Вейерштрассом. Об этом Гуссерль прямо говорит в своем Введении: «Фактически многие — и среди них такие весьма значительные математики, как Вейерштрасс — даже защищают убеждения, что натуральные числа образуют собственные и единственно фундаментальные понятия арифметики» ($11_{37}-12_3$).

На противоположной стороне нет единства: кроме понятия порядковых чисел на роль фундаментальных понятий арифметики другие авторы выдвигают, например, понятие линейных величин (*lineare Größe*). И поскольку в арифметике ведется борьба различных партий, подчас придерживающихся противоположных взглядов, нельзя претендовать, по Гуссерлю, на единственное и окончательное решение (11_{13-14}). Да он вообще советует не упорствовать в предвзятом мнении и суждении. Но

какими бы различными ни были подходы, достаточно того, что борющиеся стороны все же «едины в том, что понятие натуральных чисел играет важнейшую роль во всех арифметических вещах» (12₂₂₋₂₃). Снова и снова у Гуссерля утверждается мысль не просто о кардинальной роли натуральных чисел, но об их «логическом приоритете» (13₄).

Сказанное относится и к последующему рассуждению автора ФА. До сих пор речь шла, поясняет Гуссерль, «о числовых разновидностях практической жизни» (11₂₇). А ведь есть, напоминает он, другие ряды понятий, специфические именно для арифметической науки. «Она говорит о позитивных и отрицательных, рациональных и иррациональных, действительных и воображаемых числах... идеальных числах и т. д.» (11₂₉₋₃₁). Что касается вопроса, который только что обсуждался, Гуссерль опять-таки высказывает твердое убеждение: и здесь выражения, фиксирующие эти числа, всегда включают натуральные числа 1, 2, 3... в качестве составных частей, так что *Anzahl* продолжает играть кардинальную, исходную роль. (Для краткости и однозначности впоследствии беру это понятие в немецком написании.)

Но вообще-то здесь уже затрагивается (хотя пока не обсуждается) проблема, принципиально важная для всего историко-научного, историко-философского контекста, в котором возникала ФА.

Проблема же состояла в том, что во всех продвинутых науках того времени накопились огромные массивы знаний, как относящиеся к связи понятий науки и «практической жизни» (десятилетиями позже Гуссерль введет характерное понятие *Lebenswelt*, жизненного мира), так и уже отдаленные от этой связи, выражающие *внутренние потребности самих наук*. Перечисляемые автором ФА сложные, производные понятия числового ряда родились как раз из второй потребности. И вопрос о том, можно ли и нужно ли такие вторичные «ряды» возводить к первым, да и вообще учитывать в фундаментальной понятийной структуре соответствующих наук, оказывался весьма непростым и порождал уже довольно многочисленные споры и размежевания, которым скоро предстояло перерасти в своего рода «кризис оснований», маркировавший трудный переход научного познания от классических к неклассическим наукам, более того — от «классической» культуры нового времени к тому, что отвечало идеям всякой последующей «современности».

Вопросом о новых «рядах» числовых понятий Гуссерль более основательно займется в материалах ко II тому ФА (и я планирую обратиться к ним в соответствующих главах второй книги). В конце *Введения* Гуссерль с полным на то основанием протягивает нить от арифметики к философии как таковой, в частности, к теории познания. «Взаимосвязанные понятия единства, множественности и (натурального) числа являются *фундаментальными понятиями человеческого познания и как таковые претендуют на особый интерес со стороны философии*, тем более что существуют громадные трудности, которые осложняли их понимание, давали повод для возникновения ошибок и тонких споров» (13_{9–14} — курсив мой. — Н.М.). Гуссерль отмечает, что целый ряд таких трудностей внутренне связан с определенной спецификой психологической конституции названных понятий, почему в прояснении этих проблем есть особый интерес и для психологии. *Введение* завершается предложением, в котором ясно, *недвусмысленно объединяются философско-арифметический, психологический и логический интересы и подходы*: «В качестве задачи последующего анализа я обозначаю [следующую цель]: удовлетворить не только упомянутые арифметические, но прежде всего эти логические и психологические интересы» (13_{18–20}).

На пути подобного задуманного синтеза было вполне естественно начать со специальной отработки какого-либо одного аспекта и материала. Что им стали если не прямо и единственно психологический аспект и материал, но также проблематика, тесно связанная с тогдашней психологией — хотя, как будет показано, даже и здесь не только с ней, — объяснялось некоторыми специальными предпосылками. Они имели и общетеоретический характер, и конкретное историческое происхождение, находя объяснение в особенностях творческого пути молодого Гуссерля. Кратко обозначу эти предпосылки и объяснения.

1. Гуссерля, что отчетливо видно из последующего изложения и что запечатлелось ранее в габилизационной работе «О понятии числа» (теперь, как сказано, она буквально повторяется в первых главах ФА), интересует проблема *происхождения* (Ursprung) *понятий числа и других понятий числового ряда*. А поиски их происхождения — без особых объяснений, почти аксиоматически — увязываются прежде всего и по преимуществу с переходом от «пребывания» в сфере готовых понятий

и операций с ними (значит, внутри математики, в частности, арифметики и *их* логики) *в сферу сознания и его операций*. Откуда протекает простота, чуть ли не аксиоматичность в определении и понимании именно такого перехода в случае интереса к происхождению понятий? Почему, например, математику или логику куда реже приходила (если вообще приходила) в голову мысль о *социально-историческом* генезисе соответствующих понятий? Общий (пока без расшифровки) ответ на эти вопросы состоит, по моему мнению, в следующем. Как философия, философская логика, так и психология ко времени Гуссерля уже заложили традицию ответа на Ursprungs-вопросы, касающиеся происхождения понятий, *переводом стрелок к анализу сознания, в частности и особенности к анализу представлений и деятельности абстрагирования* (о чем у нас уже более подробно пойдет речь в *Приложениях*, обрисовывающих историко-научные и философские прелиминарии к исследованию ФА, — со ссылкой на математиков, философов и психологов, эти пути ранее проложивших). Вот почему и Гуссерль уверенно, без специальных оправданий переводит внимание читателей своего времени на этот путь, не без основания надеясь на то, что им уже более или менее известна и отчасти понята ими сама необходимость этого — независимо от того, к какой научной области относились их интерес и их работа.

2. Дополнительным обстоятельством исторического, личного характера было то, что Гуссерль начал свою творческую карьеру под влиянием и покровительством философствующих психологов Брентано и Штумпфа. А это обусловило и внимание к психологии, и особый поворот анализа (в случае упомянутых поисков происхождения понятий) именно к анализу сознания, его актов, процедур, действий и структур.

3. Полезно принять в расчет и то, что подобный же поворот обозначился ещё до Гуссерля, но особенно в его время в философии математики вообще, философии арифметики, в частности. *Целый ряд математиков и психологов продвигался по тому же пути синтеза математики, философии, логики и психологии*. Выделилась когорта, с одной стороны, философствующих математиков (и даже «чистых» математиков), заинтересовавшихся психологией, а с другой стороны, философов и психологов, обращавшихся к математическим проблемам.

Имена этих авторов мы будем приводить по мере анализа ФА, ибо именно ранний Гуссерль взял на себя труд собрать и тщательно обработать соответствующий материал упомянутых наук.

В силу этих и аналогичных причин Гуссерль, начиная свой конкретный анализ в ФА, сразу и без особых объяснений привлекает к рассмотрению психологический материал — но, как позднее будет подробно показано, отнюдь не только его.

1. ПОНЯТИЕ ЧИСЛА МЕЖДУ ПОНЯТИЯМИ НАТУРАЛЬНОГО ЧИСЛА И МНОЖЕСТВЕННОСТИ

(I глава «Философии арифметики»)

I глава ФА фактически начинается со знаменитой дефиниции числа из VII книги «Элементов» Эвклида. Приведем и её (в передаче Гуссерля): число — это множество элементов (ФА, S. 14₈₋₉). Можно было бы сразу сказать, что «дефиниция» понятна лишь тогда, когда ясно, что такое «элементы» и что такое «множество». И это тоже служило бы на пользу полемики Гуссерля против преувеличенных претензий тех, кто, подобно Фреге, хотел бы однозначно построить математику и логику на чисто дефинитивном базисе. (Кстати, как уместно разъяснил Дж. Миллер, — G. Miller, op. cit., P. 41 — Гуссерль, отвергая эти претензии, совсем не противится попыткам формулирования дефиниций, скажем, дефиниции числа.) Ибо какая-то дефиниция все же была нужна математике — и та, что предложил Эвклид, впоследствии закрепилась. В последующей истории и математика, и философия предлагали свои определения числа. В логике, скажем, числу давалась логическая формулировка, но и здесь содержалась ссылка на другое понятие, в свою очередь требующее разъяснения и дефинирования (у Фреге: число — это то, что *«равно»* понятию F»). Это заставило Гуссерля сказать: понятия, подобные числу (качество, интенсивность, место, время, равенство, подобие, целое и часть, множество и единство и т.д.) *вряд ли поддаются однозначному дефинированию*. Поскольку это относится также и к числу, можно понять математиков, которые не стараются давать подобные дефиниции, а просто *описывают* то, что относится к его понятию (ФА, 119). (Это высказано в ФА позже, в полемике с Фреге; и мы ещё проанализируем тему дефиниций позже, специально освещая данную полемику.)

Что касается начальных рассуждений Гуссерля, то он, все же отклоняя эвклидово определение (и какие-либо другие дефиниции), дает

свое *рабочее определение числа*, и именно натурального, кардинального числа (Anzahl). Прежде чем привести его, замечу, что здесь сразу возникает проблемная трудность.

Мы как будто бы должны были освоиться с тем, что — согласно Гуссерлю, опирающемуся на суждения других математиков, в основе всех понятий числового ряда лежит понятие Anzahl, натурального (кардинального) числа. Его он и хочет определить для начала. И вдруг в I главе под названием «Возникновение понятия множественности (Vielheit) посредством понятия коллективного объединения» мы *сразу* находим Параграф, озаглавленный «Анализ понятия натурального числа предполагает анализ понятия множественности». Уже здесь имеется исследовательская интрига: мы усвоили, что понятию Anzahl принадлежит «логический приоритет». И вдруг оказалось, что понятие множественности (Vielheit) как бы «первое первого»... В чем тут дело, в чем интрига? Только не в непоследовательности, путанице, которые кто-то пожелал бы приписать начинающему автору. Присмотримся к аргументации Гуссерля в упомянутом параграфе.

«Общеизвестная дефиниция понятия числа — да будет нам позволено, в соответствии с общераспространенным словоупотреблением, сокращенно назвать числом натуральное число — гласит: число (Anzahl) — это множество единиц. Дефиниция эта то и дело используется со времен Эвклида (начало VII книги “Элементов”). Вместо “множественности” (Vielheit) используются понятия “большинство” (Mehrheit), “совокупность” (Inbegriff), “агрегат” (Aggregat), множество (Menge) и т. д., а значит, используются имена, которые имеют сходное или почти тождественное значение, хотя и не без заметных нюансов» (14₆₋₁₃). Для начала автор ФА предпочитает не вдаваться во все эти нюансы, выбрав для последующего рассуждения именно понятия «Vielheit», множественность.

Здесь нужно пояснить проблемы, связанные с его переводом на русский язык. Обычный словарь дает его значения: множество, большое количество, многочисленность. Но в нашем контексте приходится принимать в расчет то, что другие понятия того же ряда, употребляемые Гуссерлем в ФА, например, Menge (в словаре: множество, огромное количество) переводятся на русский теми же словами. И надо с самого начала дифференцировать их при переводе или употребле-

нии на русском языке. Предпочесть перевод «Vielheit» как «множественность» заставляет частица «-heit», оттенок значения которой непосредственно ясен тем, для кого немецкий язык — родной или хорошо изученный. В русском языке частице «-heit» (или -keit) соответствуют «-ность», «-ость», говорящие о более отвлеченном, абстрактно-собирательном характере этого понятия.

Вернемся к приводимой Гуссерлем дефиниции, а точнее, к общераспространенному способу определять число (на самом деле натуральное число) через понятия «единство» (Einheit) и «множественность» (Vielheit). Автор ФА сразу высказывает свое понятное недовольство этой дефиницией. Ибо что такое «единство» и «множественность»? Вместо одного вопроса — о числе — мы получаем два новых и, соответственно, новые контрвопросы (14_{14–16}). В силу недовольства дефиницией Гуссерль просто отодвигает её в сторону, удерживая лишь один момент: действительно, отмечает он, между понятиями Anzahl, т. е. натурального, или определенного числа, и Vielheit, множественность, существует тесная связь: «Там, где идет речь об определенном числе, постоянно можно говорить и о некоторой множественности, а где речь идет о какой-то множественности, всегда говорят о каком-то определенном числе, ...от случая к случаю разном» (15_{25–27}–16_{1–2}). Поэтому можно утверждать, согласно Гуссерлю, что имеется «близкое родство соответствующих понятийных содержаний» (15_{5–6}) в случае двух разбираемых понятий, которое выражается, в конечном счете, в следующем: «Где уже дана некоторая множественность, там сразу возникает вопрос “сколько?”, а на него отвечает натуральное число» (15_{9–11}). А может быть, вообще излишне рассуждать на эту тему, если понятия чуть ли не тождественны по значению? Гуссерль с таким пониманием категорически не согласен. С его точки зрения, натуральное число прибавляет к (понятию) множественности новое содержание, а именно *определенность*, которая в неопределенном понятии (какой-либо, какой угодно) множественности непосредственно не содержится. Значит, Anzahl выражает «более богатое содержание, чем Vielheit» (14_{23–24}). Но это с одной стороны. С другой стороны, рассуждая далее, Гуссерль приводит читателя к особому постулату: было бы естественно вначале устремиться к анализу «более всеобщего» (des Allgemeineren — правда, это понятие как бы противоречит самому себе)

и в данном отношении менее определенного понятия множественности, а уж затем охарактеризовать те «детерминации», благодаря которым возникают понятия об определенных числах и, соответственно, родовое для них понятие *Anzahl*.

Не оказывается ли, что понятие множественности все-таки логически «первее», чем понятие натурального, определенного (вспомним, кардинального) числа? Итак, интрига анализа завязалась. Стало ясно: связь понятий множественности и (натурального) числа надо более тщательно анализировать.

До сих пор, заметим, мы вместе с Гуссерлем пребывали в сфере одновременно и математического, и *логического по своей природе* рассмотрения, конкретнее — *сопоставления готовых понятий по содержанию*. А вот в следующем параграфе «Независимость абстракции от природы коллигированных содержаний» Гуссерль делает резкий (и нигде специально не разъясняемый) переход к материалу, который он без обиняков называет «психологическим»: «Мы начинаем здесь с психологической характеристики абстракции, которая ведет к (собственным) понятиям множественности, а затем и числовым понятиям» (16₉₋₁₁). Та интрига, о которой читатель предупрежден, имеет разные смыслы и оттенки. И вот одна их группа, для моей концепции принципиально важная. Гуссерль предупредил, как мы видели, о том, что он будет рассматривать *психологические характеристики абстракций*, ведущих к понятиям множественности, а потом и числа. А чем он занимается на самом деле? Да, он занимается такими проблемами, как абстракция, рефлексия, «коллективное объединение, или соединение» (*die kollektive Verbindung*). Но как именно, на каком материале? Какие методы анализа он использует? Забегая вперед, скажу: это не только и даже не столько *чисто* или преимущественно психологический, сколько *философско-психологический, логический и собственно философский* материал — с опорой на рассуждения логиков, философов Лейбница, Локка и, конечно, также на идеи философских психологов Brentano или Штумпфа. Основательная ли эта опора или об учителях упоминается из благодарности, так сказать, по обычаю, другой вопрос. Мы его затрагивали раньше, в главах о Brentano и Штумпфе, а отчасти будем рассматривать далее. Но быть может, Гуссерля в последних двух случаях, как и в работах ряда других избираемых им авторов,

привлекает как раз то, в чем они — скорее психологи, чем философы? Разберемся в проблеме основательнее.

Прежде всего Гуссерль в данной главе совсем кратко говорит о своей поддержке направленного против схоластиков тезиса Лейбница о том, что при образовании понятий (здесь — математических, и прежде всего понятия числа) речь идет о таком абстрагировании от конкретных и общих содержаний самых разных предметов, когда становится безразличным, реальный ли это, физический предмет или идеальный. Гуссерль цитирует Лейбница: «Схоластики ложно полагают, что число возникает из простого разделения континуума и не может быть применено к нетелесному». Но ведь число, по Лейбницу, само есть «нетелесная» фигура, и возникает оно из объединения каких-либо вещей (*Dinge, entium*), например, бога, ангела, человека, движения, которые, сосчитанные вместе, составляют четыре [«предмета»]. При этом число (у Лейбница) обозначается словом «*universalissimum*», что означает: самое универсальное¹. Подобное определение есть, напоминает Гуссерль, и у Локка, который называет число наиболее общей из наших идей, «применимой к людям, ангелам, действиям, мыслям, т. е. ко всякой вещи, которая имеется или может быть помыслена»². Присоединяясь к этому пониманию числа, *по существу своему философскому*, Гуссерль попутно опровергает «очевидно ложное» мнение Дж. Ст. Милля, который акцентирует именно *физические* различия при употреблении понятия числа (так, по Миллю, две лошади *физически* отличаются от трех лошадей, как и два яблока от трех яблок). Опровержение у Гуссерля простое: пусть это так, но два суждения отличаются от трех суждений не физически; а ведь их можно считать с таким же успехом, что и яблоки или лошадей.

¹ *Leibnitz*. De arte combinatorie (1666), Opera philosophica, Hrsg. J.E. Erdmann, Berlin, 1840. S. 8. — Обращу внимание на такую деталь: издал эти философские работы Лейбница старший коллега Гуссерля по университету Галле И. Эрдманн (J.E. Erdmann), прекрасный знаток лейбницеvской философии.

Более конкретный аспект: в тексте Лейбница употреблено немецкое слово «*Dinge*» — вещи, соотнесенно с латинским «*entium*»; из разъяснения видно, что содержание употребленных слов охватывает отдельные, действительно вещественные «сущие», например, человека, но также такие, как «движение» или даже «бога» и «ангела», поскольку они «*sind*», т. е. есть, суть. То же словоупотребление в случае слов «*Ding, thing*» — в цитате из Локка.

² *Locke J.* An essay concerning human understanding, book II, Chap. XVI. Sect. 1.

Итак, применительно к сути проблемы имеется момент, который надо акцентировать с самого начала. Не только Гуссерль, но и философы XVII века, на которых он здесь опирается, уже *работают с понятиями числа, относимыми ко всем без исключения «предметностям», а не только к материально-пространственным вещам*. Впрочем, это имеет место уже у Декарта или Паскаля, которые выдвинули идею исчисления высказываний, суждений и т. п., т. е. идеальных содержаний, целостностей. Значит, дальнейший анализ чисел как “всеобщих” математических понятий ведется при отвлечении от более ранних исторических стадий их понимания и применения (эти пройденные стадии бегло упоминаются со ссылкой на схоластиков, да ещё и на Дж.Ст. Милля, как видно, задержавшегося в прошлом со своими ещё натуралистическими толкованиями). Аналогичным образом совершается почти полное отвлечение от самого раннего опыта каждого индивида (например, от тех этапов, на которых ребенок ещё не умеет при счете отвлечься от помощи пальцев или каких-то других предметов).

Если Гуссерля и интересует проблема происхождения (Ursprung), генезиса понятий, то она имеет иную природу. Какую же?

Проблема Гуссерля: как движется, работает сознание, когда люди *приходят* ко всеобщим понятиям множества или натурального числа? Вопрос, отметим, и ставится, и обсуждается в отвлечении от всех других Ursprung-аспектов — от социально-исторического, от связанного со становлением индивидов до того момента, когда они постепенно осваивают счетные операции и т. д.

В ответе на вопрос, вернее, на целую совокупность вопросов, Гуссерль ведет дело к тому, что в случае обсуждаемой проблематики числа и множественности главным действием, и именно *действием сознания*, к которому следует возвести данные понятия, является *объединение (Verbindung)* отдельных содержаний сознания в нечто единое, а затем, что очень важно, и рефлексия на него. «И здесь поступают так, как и в случае многих других классов отношений: при очень большом разнообразии соотносимых содержаний в случае соединяемых отношений все же существует однородность (Gleichartigkeit). Имеются уподобления, восхождения, преемственные объединения совершенно гетерогенных областей; их можно устанавливать как между чувственными содержаниями, так и между психическими актами» (18_{37–39}–19_{1–4}).

Для пояснения того, как протекает процесс абстрагирования в случае возникновения количественных понятий, Гуссерль приводит отдельные примеры. Например, мы обращаем внимание на связанность точек одной линии, на моменты в длительности времени, на нюансы какого-либо цвета, на качества отдельных звуков в какой-то мелодии. Что здесь, по мнению автора ФА, происходит? Ответ Гуссерля: «Мы приходим к понятию континуального объединения» (19₁₈), причем тогда и именно тогда, когда в конкретных случаях замечаем: с одной стороны, скажем, имеются, точки или протяженные части, а с другой, их специфические объединения. И какими бы различными ни были объединяемые содержания (места, времена, краски, звуки), «в результате рефлексии, направленной на характерное объединение содержаний, возникает понятие континуума как целого, части которого объединены именно способом континуального соединения» (19₂₇₋₃₀). Эти рассуждения нужны Гуссерлю не только в общей, уже обсужденной связи, но и для того, чтобы перейти к проблеме интересующих его числовых единств, совокупностей (Inbegriff).

«Мы вообще можем в совершенно всеобщем смысле сказать: там, где перед нами особый класс целого, понятие его может возникнуть только благодаря рефлексии на подробно охарактеризованный, однородный для всех целостностей этого класса способ соединения частей» (20₃₋₇). Так и в случае интересующих Гуссерля численных единств, совокупностей (Inbegriffe), представления о последних должны содержать в себе представления об отдельных «предметностях» в качестве частичных представлений (Teilvorstellungen). Правда, иногда такие связывания носят поверхностный характер, так что говорить именно о единстве, объединении было бы делом чрезвычайно смелым. Но даже и в этих случаях *какое-то объединение имеет место*, и даже оно должно быть как-то замечено, чтобы вообще возникла мысль о совокупности.

Гуссерля же ближайшим образом интересует особый вид объединения, который назван им *коллективным объединением* (kollektive Verbindung). Терминологически тут важно сразу отставить в сторону ассоциацию с социальными коллективами, сообществами. Ибо имеется в виду объединение (в сознании) любых содержаний.

Примечательно, что в конце I главы Гуссерль обобщенно обозначает область и специфику своего исследования в первой части ФА имен-

но через понятие «феномена», как будто характерное для его более поздней философии: «Сначала должно быть отмечено, что мы нацелены не на *дефиницию* понятия множественности, а на *психологическую характеристику* того феномена, на котором основывается абстракция этого понятия» ($20_{38-40} - 21_{1-3}$). Приветствуется все, что служит данной цели. При этом особый интерес, снова подчеркивает автор ФА, прикован к специфическому характеру *объединения* представлений, который у Гуссерля назван *коллективистским*. (Разумеется, социальные толкования слова тут тоже неуместны.) В дальнейшем можно будет яснее понять, что это означает. Но в принципе имеется в виду не стихийное, простое, мимолетное, случайное, а сознательное, сложное, длительное, прочное, необходимое объединение представлений в истине нерасторжимое единство, ибо без этого нельзя понять происхождение *всеобщих* понятий, в частности, понятия числа и других количественных понятий, составляющих сердцевину «чистой», точной математической науки. Удастся ли Гуссерлю решить эту задачу и как именно он её решает — предмет нашего дальнейшего исследования.

Что касается примечательного факта — использования уже в ФА термина «феномен», столь важного для последующего развития Гуссерля, то мы оценим его смысл, истоки его появления на столь ранней стадии гуссерлевского поиска тогда, когда в нашем анализе накопится для этого достаточно материала.

А сейчас снова отзовемся на уже затрагиваемую тему: действительно ли можно поверить здесь на слово Гуссерлю, что его анализ направлен — в случае только что охарактеризованных поисков, касающихся понятий множественности и числа, — именно к *«психологической характеристике феноменов»* (21_{1-2})? Тем более толкуя высказывание так, будто подобные характеристики — главные и даже единственные? Хочу подчеркнуть, предупреждая возможные недоразумения: если бы Гуссерль, *действительно*, охватывал свой важнейший (математический) материал *только* психологическим объяснением, в этом совсем не было бы ничего такого, что непременно вело бы к психологизму. И здесь вопрос уточняется нами всего лишь во имя уяснения того, как именно в ФА фактически обстояло дело с акцентированием или обособлением того или иного ракурса исследования (скажем, доминированием дисциплинарно-психологического подхода, как ут-

верждают некоторые авторы). Думаю, что ни Гуссерль, ни авторы, поверившие на слово некоторым его формулировкам, не дали однозначных доказательств превалирования психологического подхода в ФА. Гуссерль, действительно, занимается тематикой *генезиса в сознании* числовых, а в более широком смысле количественных понятий, увязывая проблему с анализом представлений, объединения представлений и рефлексией на эти процессы. Скорее всего, *речь идет об области исследования, которая традиционно была, в основном, философской (логической, гносеологической), хотя и тогда уже граничила с психологией*. Вместе с тем в то время психология все больше подхватывала и, что очень важно, *конкретизировала, специфицировала* эту проблематику сознания. Поэтому одним авторам больше бросалась в глаза философская, другим — психологическая специфика. В разбираемом тексте есть весьма выразительная сноска к термину *Verbindungsart*, вид объединения. «Ф. Brentano, — замечает Гуссерль, — говорит здесь о “метафизическом” объединении, К. Штумпф — об отношении “психологических частей”» (19_{36–38}). То обстоятельство, что учитель Гуссерля Brentano предпочитает упоминать не просто о философском, а даже о метафизическом (!) виде объединения представлений, дорогого стоит: от философии, даже от метафизики, что хорошо понимал выдающийся мыслитель Brentano, вся эта *проблематика генезиса понятий в деятельности сознания* (здесь — при образовании количественных понятий) *принципиально неотделима*, вне зависимости от того, сколь глубоко и конкретно захотят и смогут углубиться в нее другие дисциплины, занимающиеся сознанием.

Как уже было сказано, в дальнейшем Гуссерль намерен погрузиться в проблему «коллективного объединения» как особого типа, характеризующего и способы объединения и представлений, и понятий, возникающих в результате. Но он предупреждает, что на пути такого анализа стоит множество теорий, которые, по мнению автора ФА, являются частично или полностью ложными. Вот почему нас ждет подробное гуссерлевское опровержение таких теорий.

Здесь интрига, связанная с объявленным Гуссерлем и предполагаемым его интерпретаторами превалированием психологических подхода и материала сохраняется. Ибо, с одной стороны, о «психологическом факторе» (25_{1–2}), о «психологических фактах» (26₁₃) то и дело

говорится. С другой стороны, по реально привлекаемому материалу превалируют не психология и психологи (пусть ссылки на них, например, Вундта, Гербарта, Штумпфа — имеются, правда, часто как раз на их философские и логические сочинения), а *философия, логика, философия математики*. Разбираются идеи и работы Канта, Ланге, Баумана, Дю Буа-Раймона, Зигварта, Шуппе, Локка, Дж.Ст. Милля. Но мы уже забежали вперед — вторглись во II главу ФА. Она еще настоятельнее, чем другие главы, требует самостоятельного, причем обстоятельного анализа.

2. ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, СИНТЕЗ И ПОНЯТИЕ ЧИСЛА (II глава «Философии арифметики»)

II глава, носящая название «Критические развития» («Kritische Entwicklungen»), в книге одна из наиболее пространных (S. 22–63)¹ и наиболее интересных, богатых содержанием.

Важна она прежде всего с точки зрения *обоснования идей и понятий совокупной философии раннего Гуссерля*, поскольку последняя нашла отображение также и в ФА, и в ней прежде всего. Но II глава существенна и в плоскости *критического размежевания* молодого ученого с позициями видных, иногда великих авторов, в разное время предложивших по большой группе вопросов, разбираемых в ФА, свои концепции и определения, которые уже оказали и продолжали оказывать свое влияние на развитие мысли, причем в разных научных дисциплинах и областях.

Сначала скажем о центральной проблематике, а также о своеобразном тематическом стержне данной главы ФА.

II глава ФА начинается как раз с акцентирования того содержания гуссерлевского анализа, которое является своего рода центром тяжести всего произведения и которое охарактеризовано через ряд понятий — «целое» (Ganzes), «множество» (Vielheit), «совокупность» (Inbegriff). Они своего рода спаянной колонной проходят маршем, как мы видели, уже в I главе ФА, образуя переход ко II главе и в ней занимая центральное место. В открывающем II главу разделе под названием «Коллективное единство и единство частичных феноменов в любом совокупном сознании» Гуссерль сразу вводит свое исходное и предварительное рассуждение, из которого отчасти ясна направленность его анализа — и не только во II главе, но и во всей книге. Гуссерль

---

¹ II глава ФА занимает 40 страниц книги, тогда как 4 главы, следующие за ней, располагаются на 50 страницах.

разъясняет, что хочет добиться ясности относительно сути, особенностей процессов «*коллективного объединения представлений*», которые — он уверен — и ведут к образованию математических понятий. Казалось бы, те или иные авторы (философы, математики, психологи) уже вели об этом речь (тоже используя и немецкое понятие «*Verbindung*»). Но Гуссерль решительно недоволен результатами подобных усилий. «Объединение представлений в совокупность (*Inbegriff*), как можно сказать, ещё не заслуживает имени “объединение” (*Verbindung*)¹. Что ещё должно произойти в случае, когда мы говорим об *Inbegriff* каких угодно предметов? Ничего больше, чем то, что эти предметы вместе (даны) в нашем сознании. Единство представлений в *Inbegriff* состоит, следовательно, только в их принадлежности к охватывающему их сознанию. Но все же это [лишь] факт, который можно принять во внимание; и на таком пути возникает рефлексия на те понятия, об анализе которых здесь и идет речь» (22₁₈₋₂₇). И далее следует (краткое, типологическое) упоминание о тех ошибках и трудностях, на которые подобный анализ в других теориях уже натолкнулся. Каковы же они?

«Наше совокупное сознание» (*Gesamtbewußtsein*) в каждый данный момент составлено из «многообразных феноменов (*mannigfaltige Phänomene*)». И должны существовать, справедливо отмечает Гуссерль, «особые интересы к вычленению из этой полноты и коллективному объединению [лишь] определенных представлений» (23₂₋₄). Но ведь другие представления, в эти «интересы» (конечно, исследовательские) не включенные, не исчезают из самого совокупного сознания.

Это значит, что просто возведение каких-то феноменов и процедур к «совокупному сознанию» (к объединению с ними) тоже не удовлетворяет Гуссерля. Ибо нужен, по его мнению, целый ряд особых предпосылок, чтобы искомое объединение состоялось. Таким предпосылкам и процессам как раз и посвящен последующий анализ.

Вид, характер, истоки специфического объединения тех представлений сознания, благодаря которым возможно образование и употре-

---

¹ Поясним: приставка «*ver-*» в немецких словах заведомо означает, что некий процесс (о нем идет речь в присоединяемой части слова) не просто совершается, но уже завершился или близок к этому. В случае объединения представлений, хочет сказать Гуссерль, дело обстоит совсем не так.

бление всеобщих понятий (здесь: понятия числа и других понятий математики) — это проблематика, которая интересует Гуссерля и которую он стремится исследовать в первую очередь. Правда, ещё раньше он намеревается расчистить почву для своего анализа, устранив с неё те теории, которые, по Гуссерлю, являются ложными, а потому мешают правильному пониманию затронутых проблем. Обратимся к их конкретному опровержению у Гуссерля.

В первой фразе главы содержится упоминание (*kurze Hinweis*) о феноменах. «Самый короткий ответ на вопрос о характере того объединения (*Einigung*), которое имеет место в случае совокупности (*Inbegriff*), — это прямое указание на феномены. И в самом деле, речь здесь идет о последних фактах» (24₃₋₅). Отметим: Гуссерль, употребляя здесь слово «феномен» (и главным образом следуя, видимо, брентановской традиции), не разъясняет его содержание, а сразу переходит к обещанному критическому рассмотрению теорий, так или иначе посвященных проблеме объединения представлений. Тематика, интересующая здесь Гуссерля, обозначена подзаголовком «Коллективное объединение и объединение частичных феноменов в каком-либо целостном сознании» (*Gesamtbewußtsein*).

Ведь могут сказать, излагает Гуссерль одну из теорий, что объединение представлений (*Vorstellungen*) в некую совокупность (*in einem Inbegriff*) само по себе вряд ли заслуживает названия «объединения» (*Verbindung* — также связывание, увязывание). И если мы говорим о совокупности, это значит, что некоторые предметы (все равно, какие) «вместе наличествуют в нашем сознании»; и тогда единство представлений о совокупности заключается только в их принадлежности к охватывающему их сознанию. Мы, следовательно, обращаем внимание только на этот факт, и тогда возникает рефлексия на те понятия, об анализе которых здесь идет речь (См.: ФА, 22₁₈₋₂₆).

Любопытно, что в данной связи Гуссерль уже четко привлекает внимание не просто к сознанию, но к тому его свойству, которое будет для него важным позднее, в феноменологический период. Гуссерль называет его *спонтанностью* (*Spontaneität*) и описывает следующим образом. В то время как мы в любой данный момент произвольно образуем многообразные совокупности представлений, к уже образованным ранее или добавляются новые содержания или от них какие-то

представления убавляются — и всё это без того, чтобы что-то в данный момент исключенное совсем уходило из сознания. Иными словами, *сознание уже по существу понимается как спонтанный поток*, по отношению к которому исследование есть специальная рефлексия, вторичная в сравнении с первичными внутренними рефлексиями спонтанного, в известной степени стихийного, неотрефлексированного сознания. Конечно, продолжает Гуссерль, сказанное им не надо доводить до абсурда. Ибо совокупность только тогда включает в себя элементы какого-либо содержания, когда они осознаются как для себя замеченные (*als für sich bemerkte*). Этот намек *на замеченность, на обращение внимания*, специальный поворот сознания — тоже предчувствие одной из феноменологических тем более позднего Гуссерля. И ещё один оттенок гуссерлевского подхода, бегло обозначенный во II главе, примечателен в свете последующего развития автора ФА. Опровергая вышеуказанную теорию, он предполагает, что недоразумения могут быть улажены, если под «охватывающим сознанием» (*Gesamtbewußtsein*), объединяющим представления в некоторую множественность, будет пониматься не «сознание в широком смысле целостности наших психических феноменов», а всё-таки «особый акт сознания» (*ein besonderer Bewußtseinsakt*). Надо, стало быть, сосредоточиться на «вычленяющем (*heraushebenden*) и суммирующем, объединяющем (*zusammenfassender*) акте представливания как процесса (*des Vortellens*), имея в виду единство интереса или что-то подобное» (23_{30–38}). Подчеркиваю: Гуссерль уже здесь, в ФА решительно поворачивает внимание *к исследованию актовой стороны сознания*, что в более поздней феноменологии выльется в масштабный ноэтический анализ сознания. Разумеется, я далека от того, чтобы такие упоминания о феноменах и актах идентифицировать с поздней феноменологией. Однако фактом остается то, что из новой для себя области, а именно из психологии, вчерашний математик старается выудить то, что помогало бы ему исследовать философско-математические вопросы. А среди них — ту идею «актового характера» сознания, которую ему не надо было специально искать, ибо она уже пробилась себе дорогу в тогдашней психологии, а ещё раньше господствовала в философских теориях Локка, Лейбница или Канта. Перелив отдельных исследовательских подходов и найденных теоретических структур из

одной области работы в другую — это примета и тех времен, когда границы наук еще не были очерченными и строгими, и даже тех, когда появились, в конце XIX века, и границы, и строгие «ученые — пограничники»... Вернемся к ФА.

От более общих предварительных рассуждений о «совокупном сознании» и его актах Гуссерль переходит к ранее обозначенной теме, ясной из подзаголовка «Коллективная совместность (Zusammen) и временная одновременность (Zugleich)». Тема и проблема эта тоже весьма давняя: она тянется через историю философии ещё начиная с Августина; хорошо известно, что ей уделил немало внимания великий философ Кант.

Гуссерль опять-таки типологически (без указания имен) выявляет суть теории, согласно которой «в случае наличия совокупности содержаний здесь и теперь (gegenwärtig)» (24₃) мы должны заметить прежде всего то, что каждое содержание имеется, оно налично в сознании, причем *одновременно* с другими содержаниями. «Временное сосуществование (Koexistenz) содержаний необходимо» (24₆₋₇). Каждый составной мыслительный акт требует сосуществования его частей. Особенно важно это в случае совокупностей (Inbegriffe), которые, собственно, и есть не что иное, как «одновременные содержания». Отсюда вытекает: множественность in abstracto есть не что иное, как одновременная данность каких угодно содержаний (24₁₂₋₁₅).

Опровержение данной теории Гуссерлем частично сводится к повторению уже сказанного ранее: *одновременно представлять* содержания — совсем не одно и то же, что представлять их *как одновременные* (24₁₉₋₂₀). Предположим, мы вспоминаем какую-либо мелодию; для этого нужно, чтобы отдельные звуки, объединенные мелодией, следовали друг за другом.

Между тем для воспроизведения мелодии требуется, чтобы её отдельные части были *одновременно* даны в сознании. «Следовательно, звуки мелодии должны быть представлены *одновременно*. Но ни в коем случае не *как одновременные*; напротив, они являются нам в известной временной последовательности» (24₂₅₋₂₈).

Точно так же обстоит дело в случае множественности предметов, настаивает Гуссерль. Предметы должны, разумеется, *одновременно* фигурировать в представлении. Например, когда мы представляем *три*

яблока, два стула и т. д., они должны одновременно “присутствовать” в представлении. Но для осознания их *как одновременных*, требуется как бы отдельный акт — «нужна ещё особая рефлексия, чтобы заметить эту одновременность представления объектов...» (24₃₂₋₃₃). И вот почему, делает важный для него вывод Гуссерль, «коллективное “вместе” (*Zusammen*) *непозволительно описывать как временное “одновременно” (Zugleich)*» (24₃₅₋₃₆ — курсив мой. — Н.М.).

Вторая из теорий, примыкающих к объяснению проблемы объединения представлений, касается темы, которая в оригинале обозначена так: «Kollektion und Sukzession». Слово «Kollektion» (буквально: коллекция) в данном случае трудно адекватно передать на русском языке. Речь идёт именно о тесном, прочном объединении (здесь: представлений). «Sukzession» — это их последовательность. Гуссерль разбирает теорию, суть которой можно выразить следующим образом: искомое тесное объединение должно основываться на времени «как неустрашимом психологическом факторе» (25₂₋₃).

Доводы этой теории: в силу дискурсивной природы нашего мышления различные и многие содержания не могут мыслиться одновременно. Гуссерль суммирует подобные аргументы следующим образом. «Наше сознание в каждый момент может заниматься только *одним* предметом. Любая связная и высокая духовная деятельность возможна лишь благодаря тому, что предметы, к которым она обращена, *во времени даны один после другого*. И таким образом любое сложное мыслительное образование, любое целое, составленное из частей, строится последовательно (*sukzessiv*). Мы постоянно должны иметь дело с процессами и операциями, осуществляющимися шаг за шагом, и они, протекая во времени, постоянно ускоряются и расширяются» (25₇₋₁₅).

Согласно излагаемой теории, всякое «коллигирование» представлений, порождающее числа, имеет своей предпосылкой операции счета, т. е. «временное упорядочивание объединяемых предметов», соответственно, сосчитываемых «единиц» (*Einheiten*). На этом пути, разъясняет Гуссерль, разделяющие данную теорию идут ещё дальше, утверждая: «Временное следование и есть не что иное, как то, что характеризует множественность [именно] в качестве множественности» (25₂₀₋₂₁).

Когда бы и как бы мы ни помыслили «объединение» (*Verbindung*) в какую-либо множественность, всегда будет иметься в виду последо-

вательность объединяемых содержаний во времени. Общий тезис данной теории звучит так: «*Множественность in abstracto* — не что иное, как *последовательность*, и именно последовательность каких угодно специально (*für sich*) замеченных содержаний. Понятия чисел же репрезентируют определенные формы множественности и последовательности *in abstracto*» (25_{37–38}–26_{1–3}).

Оценивая здесь не высказывания отдельных авторов, а суть взгляда, подхода, позиции (*Ansicht*), Гуссерль весьма строг: эти взгляды «покоятся на существенных психологических и логических ошибках» (26_{11–12}; курсив мой. — *Н.М.*). Я подчеркиваю, что Гуссерль и здесь объединяет по крайней мере психологические и логические аспекты).

Во-первых, речь идет о такой ошибке, которая вырастает из преувеличенной, раздутой интерпретации действительного психологического факта узости (*Enge*) сознания. Верно, скажем, считать, что число — особое, ограниченное содержание сознания и что для его понимания всегда надо специально концентрировать интерес именно на нем. «Но неверно, — считает Гуссерль, — что мы в один и тот же момент можем *заниматься* только *одним* содержанием. И ведь именно факт наличия мышления, устанавливающего отношения и связи, как и всякая вообще сложная деятельность духа и души, к которой и апеллирует эта теория, с очевидностью демонстрирует полную абсурдность такого понимания» (26_{19–24}).

И если бы, скажем, наличным в сознании в любой момент могло быть только *одно* содержание, как в этих случаях — задает вопрос Гуссерль, — вообще, устанавливались бы отношения, улавливались связи, осуществлялись сопоставления, сравнения, которыми *постоянно* занимается сознание? Сторонник обсуждаемой теории, признает Гуссерль, мог бы возразить, что в таких случаях все же в каждый отдельный момент имеется в виду лишь одно содержание сознания, в другой момент — другое, в третий момент — их связь. Но Гуссерль снова подчеркивает: здесь имеет место обычное недоразумение — когда «путают имеющееся сейчас (“современное”, *gegenwärtigen*) представление с представлением *об* имеющемся сейчас (*Gegenwärtigen*) или уже прошедшее, бывшее представление — с представлением *о* прошедшем» (27_{3–5}). Но ведь не всякое сейчас имеющееся («современное») представление — это представление *о том, что имеет место сейчас*.

Присмотримся именно к представлениям о прошлом: мы *сейчас* думаем, вспоминаем о чем-то прошедшем — предположим, вспоминаем мелодию, которую слышали вчера. И тогда «представление—воспоминание» — это современное, теперешнее представление; но оно — не о современном, а о прошлом. (Заметим: в ФА впервые бегло появляется тема, которая будет обстоятельно развита в более поздней гуссерлевской концепции времени.)

Гуссерль, впрочем, не собирается отрицать факты (Tatsache), которые подтверждают, что «для возникновения представлений о множествах (Mengenvorstellungen) (возможно, за исключением некоторых из них) и всех представлений о числах временная последовательность является необходимым психологическим требованием» (28₄₋₆). Более того, он готов принять, что «последовательность во времени является неустранимым психологическим предварительным условием для образования большинства числовых понятий и конкретных множественностей — как и всех сложных понятий вообще» (28₁₂₋₁₆). Ибо они «обладают временным становлением», и каждая часть объединяемого целого имеет «иную временную определенность в нашем представлении» (28₁₆₋₁₈).

Зафиксировав согласие с критикуемыми теориями по частным моментам, Гуссерль, однако, снова переходит в наступление, когда дело касается главных пунктов. Разве временные аспекты становления тех или иных единиц сознания доказывают, что в *само содержание* этих единиц и тем более в их отношения включены аспекты, факторы времени? Это, по Гуссерлю, не соответствует действительности. «Мы далеко не всегда обращаем внимание на временные отношения; и мы даже одарены способностью отличать просто множественности от таких, в случае которых содержания следуют друг за другом (или одновременно друг другу). И опять Гуссерль напоминает: воспринимать содержания, следующие друг за другом, и воспринимать их *как* следующие друг за другом — не одно и то же (29₃₄₋₃₆). *Замечать, выделять последнее можно лишь с помощью совершенно особых актов.* Гуссерль называет их «синтезирующими психическими актами» (zusammenfassende psychische Akte) (30₂₋₃). И если мы упустим из виду эти особые психические акты, замечает Гуссерль, то не поймем, как образуются понятия, подобные понятиям множественности или числовым понятиям. Приводятся и примеры в подтверждение сказанного. Пред-

положим, я слышу, как идут часы (тик-так...). Но я могу не обращать никакого внимания на временную последовательность ударов или на их число. Нужны, действительно, особые акты интереса и внимания, чтобы «временная последовательность» попала в поле зрения. И даже если такие интерес и внимание появляются, было бы совершенно неоправданно, резюмирует Гуссерль свои возражения, единственно или преимущественно на них основывать «единство коллективного целого» (30₂₄). «И так как мы ни разу не могли установить, что временное следование входит в представления любой совокупности в качестве константной и всегда (allezeit) учитываемой составной части, становится ясно, что ещё меньше оно может входить в соответствующее всеобщее понятие (множественности, числа)» (30₂₄₋₂₆—31₁₋₃).

В этом месте Гуссерль с сочувствием цитирует подобные же суждения, оценки Гербарта и Бенеке (в первом случае из книги «Психология как наука», 1825, а во втором, кстати — уже из работы Бенеке по логике «Система логики как учение об искусстве мышления», 1842). Герbart прямо говорит, что «число имеет с временем не больше общего, чем сотня других видов...» (цит. по: 31₄₋₆).

А вот в дальнейшем рассуждении Гуссерля всплывают уже почти феноменологические моменты. «Если бы речь шла о том, чтобы [просто] описывать феномен, который встречается нам, когда мы представляем некое множество, тогда мы, конечно, должны были бы упомянуть о тех временных модификациях, которые претерпевают отдельные содержания, хотя они, как правило, остаются не замеченными специально. Но не говоря уже о том, что то же самое может быть применено к любому составному целому, нужно вообще различать между феноменом как таковым и тем, чему он может служить и что он для нас значит, а соответственно, между психологическим описанием феномена и отысканием его значения» (31₁₀₋₁₉ — курсив мой. — Н.М., разрядка Гуссерля). По сути дела здесь уже есть *первые наметки* различения между «эмпирическим» и «чистым» феноменом, которое в более развернутом и обоснованном виде станет фундаментальным для зрелой гуссерлевской феноменологии.

Но вернемся к обсуждаемой здесь Гуссерлем в ФА более конкретной теме роли времени при анализе формирования всеобщих понятий. Эту роль Гуссерль обобщенно определяет следующим образом: время —

«психологическое предварительное условие» — и расшифровывает роль такого условия как двойственную.

«Настоятельно необходимо, чтобы объединяемые в представлении множественности, соответственно, натурального числа (Anzahl) частичные представления были *одновременно* наличны в нашем сознании.

2) Почти все представления множественности и во всяком случае все представления о числах суть результаты *процессов*, суть целостности, последовательно возникающие из элементов. В силу этого каждый элемент заключает в себе временную определенность» (32₆₋₁₂). Так в чем же тогда дело, если роль временных аспектов Гуссерль все-таки признает? А вот в чем: «Но мы обнаружили, что ни одновременность, ни последовательность во времени никак не входят в *содержание* представлений множественности, а тем самым и числа» (32₁₃₋₁₅).

Время и число: краткая полемика с Кантом

Как быть тогда с теми древними и более поздними *философскими* концепциями, которые тесно увязывали время и число? Гуссерль о них, конечно, хорошо знал и не мог их игнорировать. «Кажется известным, что уже Аристотель поставил в близкое соотношение время и число, дав такую дефиницию: время — это число движений к более раннему и более позднему. В результате начиная с Канта стало обычным делом подчеркивать, что “форма созерцания времени” является фундаментом понятия числа. Определенно, это произошло скорее из-за авторитета имен, нежели из-за силы аргументации. *Серьезной попытки логического и психологического анализа понятия числа мы у Канта не находим.* Единство, множественность и всеохватность (Allheit) входят, согласно его метафизике, в “состав” категорий количества. Кант подробно разбирает их в своей “Критике чистого разума”...» (32₁₆₋₂₈ — курсив мой. — *Н.М.*). И дальше следует знаменитая цитата из этого произведения Канта, где говорится, что число есть «чистая схема величины» — как понятие рассудка.

Гуссерль находит кантовские рассуждения о числе весьма «темными» (32₃₅) и плохо уясняемыми, даже при опоре на понятие схемы.

Есть ссылки и на другие (релевантные теме) идеи Канта — но все они даны кратко, бегло, как бы походя...

А в результате — столь же поспешные возражения. Но сначала Гуссерль так суммирует тезисы Канта: «число есть представление о некотором всеобщем методе (Verfahren) силы воображения, направленное на то, чтобы предоставить понятию количества необходимый для него образ (Bild)».

Из такого понимания возникают гуссерлевские возражения: «Разве не ясно, что “число” и “представления числа” — не одно и то же?» (33_{14–16}). Звучит почти как упрек Канту... в психологизме. «Далее, не так-то легко усмотреть, как мы — рассуждая а priori, исходя из категории количества и опираясь на представление числа (как совокупной схемы всех категорий) — должны достичь отдельных определенных числовых понятий; и ещё менее необходимость определяет нас к тому, чтобы приписать конкретной множественности известное и всегда одно и то же число, именно то, о котором мы говорим, что оно этой множественности присуще» (33_{16–22}). От конкретных претензий Гуссерль переходит к весьма суровой общей оценке кантовского подхода: «Учение о схематизме чистых понятий рассудка кажется в этом, как и в других случаях, не отвечающим тем целям, во имя которых оно было создано» (33_{23–25}).

Не так-то много увидел и почерпнул ранний Гуссерль из знаменитого учения Канта о времени — из той, собственно, части, где действительно ставились в связь время и число... Мы ещё вернемся к вопросу о характере, смысле этого первого (запечатленного в книге) обращения Гуссерля к текстам Канта и сделаем это после того, как лучше поймем достижения и промахи собственной концепции начинающего автора. А сейчас добавим, что о последователях и сторонниках разбираемой концепции Канта (в психологии и математике) тоже говорится очень бегло, всего на нескольких строчках. Из «психологов» упоминается английский автор Александр Бен и немецкий психолог, а также логик Зигварт, причем ссылки, что характерно, делаются именно на книги обоих под заглавием «Логика». Что касается текстов, посвященных именно числу, то Гуссерль ссылается еще и на английско-го математика Р. Гамильтона и на специальное исследование знаменитого немецкого психолога Г. Гельмгольца “О числе и измере-

нии”. Но это не более чем ссылки, которые просто должны были продемонстрировать популярность кантовского увязывания проблем времени и числа в науках XIX века — и, так сказать, закруглить тему... Никакого разбора этих воззрений нет, что вполне можно объяснить ограниченностью объема гуссерлевской книги. Покончив таким образом с темой времени, автор ФА перешел к проблеме пространства — и стал действовать в том же боевом критическом духе. При этом в дальнейшем анализе Гуссерлю снова приходится упоминать о Канте.

Размежевания Гуссерля с Ф.А. Ланге

II глава ФА — одна из самых плотных, насыщенных как сложными проблемами, узлами рассуждения, так и пересечением с важнейшими результатами историко-философского познания. К их числу принадлежат страницы подраздела главы, который называется «Коллективный и пространственный синтез», где Гуссерль учитывает разработки И. Канта и неокантианцев, особенно Ф.А. Ланге, в то время одного из наиболее известных философов кантианской ориентации, выдвинувших и поддержавших лозунг «Назад к Канту!».

Ныне почти забытая книга Ф.А. Ланге «История материализма и критика его значения в современности» (1866), в особенности во втором и третьем ее изданиях (1877) в свое время служила для целого поколения своего рода входными воротами в изучение философии Канта. Но Гуссерль не испытал при изучении этой популярной тогда книги никакого воодушевления, сравнимого с тем, которое пережил, например, его коллега по университету Г. Файхингер, когда был молодым ученым. А главное, Гуссерля интересовали более специальные исследования Ланге, относящиеся к актуальным для будущего автора «Философии арифметики» темам числа и к занимавшему самого Ланге размежеванию с Кантом по проблемам пространства и времени. Существенно и то, что достаточно интересную критику Ланге в адрес Канта Гуссерль со своей стороны воспринимает и оценивает в высшей степени критически, что не мешает ему осуществить собственное *размежевание с кантовской концепцией времени и пространства*. Вообще

же в «Философии арифметики» из произведений о Канте в поле внимания автора больше всего попадают Г. Гельмгольц и Ф.А. Ланге.

Полемика Гуссерля против Ланге ведется как раз во II главе ФА — в особом исследовательском контексте, восстановить который во всех деталях в кратком изложении не представляется возможным. Достаточно сказать, что Гуссерль — в соответствии с тематикой всего произведения, в частности, его первой части под заглавием «Собственные понятия множества, единства и натурального числа» — ведет спор с рядом концепций, пытаясь «убрать» их из концептуального поля (вспомним о впоследствии сформулированном методе редукции).

Гуссерлевская полемика с Ланге носит весьма конкретный, детальный характер и касается как будто бы частной, но для всего исследуемого им контекста (а, возможно, и для дальнейшей переключки идей более поздних феноменологии и неокантианства) принципиальной проблемно-содержательной сферы.

Проблема, над которой именно здесь бьется Гуссерль, была общей для философии и математики: речь шла, как уже отмечалось, об истоках и характере специфического объединения тех представлений (*Vorstellungen*) сознания, благодаря которым возможно образование и употребление всеобщих понятий. Она специфицируется в этой части ФА в двух более конкретных вопросах. Первый касается отношений понятия числа к представлениям пространства и представлениям времени. Второй затрагивает важнейшее для Канта и кантианцев понятие синтеза (в частности, *синтеза представлений*). И в их исследовании, предпринимаемым Гуссерлем, уже можно наблюдать если не прямое рождение, то «почти рождение» некоторых принципиальных структур будущей феноменологии.

Представления пространства и представления времени

Подраздел, посвященный полемике с Ланге, называется «Коллективный и пространственный синтез». В I-ой части II главы ФА, предварительно цитируя Ланге, Гуссерль пишет: «В то время как Кант связывает число с отношением к представлениям времени, Ф.А. Ланге полагает: все, что у Канта обеспечивается обращением к проблеме

времени, куда проще и вернее было бы выводить из представления пространства. «Уже Бауман, — писал Ланге, — показал, что число куда прочнее объединяется с представлениями пространства, чем с представлениями о времени. Самые старые слова, применяемые для обозначения чисел, насколько мы знаем их смысл, везде обозначали предметы в пространстве с определенными свойствами, которые и выражались числами; например, четырехугольник соответствовал числу 4. Отсюда мы видим, что число первоначально возникает не из систематического прибавления единицы к единице и т. д., а благодаря тому, что каждое из малых чисел, лежащих в основе позднее образующихся систем, формируются благодаря особым актам синтеза созерцания; и уже на этой основе впоследствии познается отношение чисел друг к другу, возможность сложения и т. д.»¹ (34_{10–26}).

Вопрос, который поднимает здесь Ланге, (а вслед за ним это делает и Гуссерль), достаточно интересен и релевантен характеру, смыслу глубоко обсуждаемых Гуссерлем в ФА сложных философско-математических, гносеологических, логических проблем.

Итак, в отличие от Канта, Ланге полагает, что не представления о времени надо положить в основу философии (в том числе и в разработке проблемы числа), а более «изначальные и фундаментальные представления о пространстве». Гуссерль воспроизводит аргументацию Ланге весьма обстоятельно. Возражения автора ФА в адрес Ланге, если их суммировать, состоят прежде всего в следующем: да, представления о пространстве играют свою роль в исторических процессах развития человеческого сознания и в опыте ребенка, но в деятельности зрелого человека и зрелого общества они уже не вносят особого вклада в определение содержания всеобщих понятий, скажем, понятия числа (36).

Главное возражение Гуссерля как будто бы разрешает спор в пользу Канта. Автор ФА напоминает: в практике зрелого человечества (что, видимо, относится уже к достаточно ранним стадиям истории, например, к греко-римскому периоду) люди пользуются счетными операциями, т. е. применяют математические понятия не только к физическим, зримым предметам в пространстве. Ведь с равным успехом мы можем сосчитывать и идеальные, непространственные «единицы», каковыми

---

¹ *Lange F.A. Logische Studien. Ein Beitrag zur Neubegründung der Formalen Logik und der Erkenntnisstheorie. Iserlohn, 1877. S. 140–141.*

являются предпосылки, следствия, психические акты, состояния, добродетели и т. д. Не получается ли всё «по Канту»: «более универсальное» понятие времени имеет преимущество перед понятием пространства? Но Гуссерль тут же отмечает, что Ланге вряд ли испугают подобные возражения, ибо он изначально возводит и математические, и логические «объекты» к некой их пространственной локализации, что Гуссерль, кстати, считает «совершенно несостоятельным».

Особенно серьезный недостаток рассуждений Ланге Гуссерль усматривает в том, что они не могут обеспечить даже «неустранимые психологические предварительные условия для возникновения понятия числа» (36₂₁₋₂₂), не говоря уже о сущностных условиях, поисками которых сам Гуссерль и занят в данной части своей работы.

Пусть и не занимаясь конкретно и прямо представлениями пространства, Гуссерль считает необходимым различить здесь два процесса, две процедуры:

1. мы представляем (*vorstellen*) пространственно определенные содержания и;
2. мы представляем содержания *как* пространственно определенные (36₂₆₋₂₇).

И вот применительно к числовым понятиям Гуссерль высказывает сомнение в том, что представления пространства вносят преимущественный вклад в определение *содержания* понятия числа (36₂₈₋₃₀). Он предлагает порассуждать над этим, обратившись к примерам и задавшись такими, скажем, вопросами: обращаем ли мы особое внимание при сосчитывании каких-либо предметов на их специфическое положение и порядок в пространстве? Гуссерль дает отрицательный ответ. Если мы считаем яблоки и говорим: «два (три и т. д.) яблока», то как для численного результата, так и для существа процедур счета безразлично, каково именно их положение в пространстве — лежат ли яблоки совсем рядом или на расстоянии друг от друга, какое из яблок находится слева, а какое справа, наверху или внизу и т. д. Порядок и положение, правда, *тоже* даны в представлении (*mitvorgestellt*), но даны лишь имплицитно (36₃₀₋₃₇—37₁₋₆).

В этом месте я хотела бы оценить смысл, значение и оправданность (или неоправданность) полемики Ланге против Канта, а соответственно и специфику гуссерлевского подхода в данной части ФА.

Гуссерль, полагаю, прав в том, что рассуждения, соответственно, представления *о времени* имеют в составе (и стратегии) кантовской гносеологии (а также логики, метафизики) более широкий смысл и значение, чем рассуждения, соответственно, представления о пространстве. Такова «классика» кантовского подхода и его классическое же понимание. А вот Ланге, — по крайней мере, применительно к проблематике числовых понятий — неклассически *предложил пересмотреть смысловые акценты и акценты значимости в пользу пространства и представлений пространства*. Надо заметить, что подобные рассуждения нередко появлялись и *до сих пор появляются*, когда анализируются не только Кантовы, но и кантианские, а также гуссерлевские теории и категории пространства и времени. (В отечественной философии подобная линия анализа интересно развита в недавнее время прекрасным исследователем и кантовской, и гуссерлевской философии В. Молчановым.) И Ланге было хорошо известно, что у Канта и тематика пространства, и представления пространства играют в анализе познания и знания немалую роль, в определенных отношениях изначальную, можно сказать, моделирующую. Как известно, в «Критике чистого разума» осмысление характеристик пространства и времени сначала идет рука об руку, как бы в едином смысловом блоке: то главное, что Кант говорит о пространстве как одной из *всеобщих* форм чувственности, повторяется применительно ко времени — за исключением одного, но важнейшего пункта: формы пространства «организуют», по Канту, *внешние* представления, а формы времени — *не только их, но и «внутренние» представления*, т. е. относятся больше не к материально-пространственному, а к духовному опыту. Итак, время у Канта родственно пространству, но является, если можно так выразиться, «более широкой всеобщей» формой чувственности, чем пространство, ибо оно организует *весь* чувственный опыт, а не только его «внешнюю» часть, относящуюся к «пространственным», материально-физическим предметам.

Поскольку же в непосредственно анализируемых в ФА (и в заинтересовавших Гуссерля) текстах Ланге речь идет о числовых понятиях, т. е. о достаточно высоком «этаже» именно духовного опыта, постольку преимущество, согласно смыслу и букве учения Канта, здесь должно было бы отдаваться формам времени, а не пространства. Как мы видели из гуссерлевского рассмотрения, Ланге вознамерился опровергнуть

не просто эту идею, а саму сугубо ориентированную на проблематику времени стратегию кантовского анализа и чувственности, и рассудка.

В чем Ланге был отчасти прав? А чего в интенсивной и по-своему интересной полемике он не учел? Определенная правота Ланге (если не применительно к тем текстам Канта, в которых непосредственно затрагивается проблематика чисел и величин, то по отношению к самой проблематике) состоит в том, что представления о пространстве на каких-то этапах исторического и индивидуального *становления* числовых понятий в сознании играли очень важную роль и, быть может, более «изначальную», чем представления о времени. Если взять приводимые у Ланге примеры (соотнесение числа 4 со сторонами четырехугольника или чисел 5 и 10 — с пальцами рук, да и многих других чисел с предметами в пространстве, выражаемые через представления о них¹), то мысль о реальной значимости представлений о пространстве для формирования числа как будто не вызовет особых возражений. Однако, как сказано, не только к ним могут быть отнесены числа, числовые понятия, операции счета и измерения. И не только «пространственно» ориентированная «чувственность» (назовем ее чувственностью первого рода), но и чувственность, предполагающая некоторое «усмотрение» уже не пространственных, а иных «предметностей» (назовем ее чувственностью второго рода), должна быть привлечена к рассмотрению. Кант по существу предполагает, что оба типа чувственности как бы организуются всеобщей формой времени, почему время, во многом родственное пространству, с точки зрения Канта, приобретало перед последним свои преимущества. А они особенно важны, когда речь идет о формировании понятий, подобных числу (и другим «числовым» понятиям). И прежде чем люди научились относить операции счета и числовые понятия не только к пространственно локализованным физическим предметам, их частям, отношениям, но и к непространственным по своей сути «единицам», они должны были и исторически, в опыте человечества, и в индивидуальном опыте оставить позади стадии, на которых количественные пред-

---

¹ См., напр.: «любое число мы получаем первоначально как чувственно определенный образ группы предметов, будь это наши пальцы, или пуговицы, или костяшки на счетах» (*Lange F.A. Geschichte des Materialismus. 2. Buch, 3-te Ausgabe. Iserlohn, 1877. S. 26*).

ставления остаются однозначно, «узко»- пространственно детерминированными.

Кстати, геометрический пример, приводимый у Ланге в пользу преимущественного, фундаментального значения формы пространства (соответствие между числом 4 и четырьмя сторонами четырехугольника), говорит как раз о том, что в сознании выработались совершенно специфические, а именно уже *абстрактные, обобщенные геометрические представления*, которые были связаны с формированием идеальных и лишь в переносном смысле «пространственных» предметов, а также совершенно специфических, совсем не данных человеку «от рождения» представлений о пространстве. Поэтому понятно, почему Кант придал преимущественное, в полном смысле этих слов *всеобщее значение* не форме пространства, а форме времени, весьма интересно и глубоко рассмотрев ее не только в учении о чувственности, но и в учении о рассудке. Он вплел ее, в частности, в анализ, в выведение *всех* категорий рассудка, а не только чисто «числовых», количественных понятий. Рассматривать здесь в подробностях этот ход мысли Канта мы не можем. Да это и не столь нужно, если учесть, что Гуссерль не вдается в данной части ФА в конкретное исследование теории времени Канта.

Из рассуждений Гуссерля понятным становится не то, в чем *суть* обращения Канта к категории времени (в частности, не то, какую роль время играет в формировании понятий числа), а лишь то, почему на эту роль не годятся представления пространства. Но замечания, благодаря которым автор ФА отводит критику Ланге в кантовский адрес, считаю в основном правильными, соответствующими внутреннему смыслу, логике рассуждений Канта. И Гуссерль, как мы видели, напоминает Ланге о широком, универсальном (начиная с «определенных» исторических этапов) значении процедур, задач, содержания числовых операций и понятий, часть которых, правда, не покидает почвы пространственно определенного мира, но очень большая часть уже увязывается с «новыми», созданными человеком и человечеством «идеальными» мирами.

Отчетливо видно: хотя Гуссерля интересуют *представления* (Vorstellungen) и процессы, выразимся по-гуссерлевски das Vorstellen, «представливания» разворачивающиеся в сознании, он — как и Кант — *здесь* (и в других местах ФА) имеет в виду ту «чувственность», которую мы

называем «чувственностью второго рода» и специфика которой еще подлeжит выяснению. И совсем не случайно обращение и Ланге, и Гуссерля ко второй кантовской теме, а именно к уже упомянутой проблематике «синтеза представлений», которую Кант разбирает на той стадии своего анализа, где речь пойдет о *спонтанной деятельности рассудка*, отнесенной к чувственности. Эта тема важна и для кантианской философии, и для понимания перспектив развития гуссерлевской мысли.

Проблема синтеза

Главный упрек Гуссерля в адрес кантовского учения о *синтезе представлений* (и всяких других актов, содержаний сознания) состоит в следующем: это учение у Канта (и у Ланге) есть продолжение «метафизических тенденций» (40_{12–13}). Что это означает в контексте гуссерлевского анализа? «Термин “синтез” (связывание — *Verbindung*) Кант употребляет в двойном смысле: во-первых, в смысле единства частей целого, все равно, будут ли это части протяженности, свойства вещей, единство некоторого числа и т. д., во-вторых, в смысле духовной деятельности (деятельности рассудка, *Verstandeshandlung*) по объединению, связыванию (*des Verbindens*). Здесь у Канта есть смешение (*Äquivokation*)... Синтез у него одновременно означает, следовательно, связывание (акт установления отношений) и результат связывания (содержание отношения)». (38_{5–16}). При этом Кант, согласно Гуссерлю, то понимает связывание «в смысле первичного акта представления», то характеризует его такими (поистине высокими, торжественными, именно метафизическими, добавим мы) словами, как «акт самодеятельности» (сознания), как выполнение рассудком его обязанностей, функций, предназначения (*Verrichtung des Verstandes*) (38_{20–21}).

И вот тут — соответственно общепhilософскому, заметим, *совсем не психологическому* стилю рассуждения Канта, а вслед за ним и Гуссерля, — обрисовываются позиции обоих философов *по одному из самых фундаментальных общепhilософских вопросов*. Приводятся знаменитые слова Канта о том, что объединение заключено *не в предметах* и не заимствуется от них благодаря представлениям, но что оно и есть

установление, создание (*Verrichtung*) рассудка — причем и сам рассудок есть не что иное, как априорная способность объединения, синтеза-рования¹. Есть у Гуссерля в ФА и другая цитата из Канта, где говорится: «Мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, чего прежде не связали сами; среди всех представлений *связь* есть единственное, что не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо [установление связи] есть акт его самодеятельности»². В конце XIX века об этом еще не ведали и не могли ведать ни сам Гуссерль, ни его философские современники, но первое осознание молодым автором упомянутого «дефицита» в кантовском (и не только в кантовском) учении уже возникло, сохранилось и впоследствии, видимо, оказало свое воздействие.

Интерпретация понятия синтеза у Канта, представленная Ланге, также кажется Гуссерлю неудовлетворительной. Ланге говорит о «всеохватывающем синтезе» представлений пространства, который выдается им за «первообраз (образец, Urbild) всех синтезов», и в особенности тех, которые создают, как выражается Ланге, «прообраз всех дискретных величин»³, — а как раз к ним и принадлежит число.

Из всего сказанного понятен общий вывод автора ФА, касающийся теории синтеза и Канта, и его интерпретатора Ланге: «Учение о синтезе, с которым мы познакомились, является несостоятельным и покоится на существенных недоразумениях. Кант упускает из виду, что нам даны многие содержательные объединения, относительно которых невозможно заметить именно деятельность, создающую содержательные соединения. И Ланге снова же не обращает внимания на такие случаи, где синтезированные (*zusammengesetzte*) представления обязаны своим единством единственно и исключительно синтетическим актам, в то время как в первичных содержаниях объединение не имеет места или оно не рассматривается» (41_{18–27}). Для Гуссерля такая констатация особенно важна потому, что Ланге выводит понятие числа из «соединения» пространственных представлений. «Это ошибочное [понимание], — пишет Гуссерль. — Именно понятия

---

¹ *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. Критика чистого разума. Ч. 1. М., 2006. С. 203–207 (В 816).

² Там же. С. 201 (В 130).

³ *Lange F.A.* Logische Studien. S. 141.

множества и числа сопротивляются такой трактовке» (41_{29–30}). Следовательно, по Гуссерлю, упомянутая концепция Ланге не вскрывает специфику числа.

Но и общие философские, можно сказать, метафизические предпосылки и следствия учения Канта и его «исправления» в духе Ланге не удовлетворяют Гуссерля. Соответственно этим теориям «само сознание и тем самым субъективность должны впервые возникать из неосознанных впечатлений благодаря процессу высшего синтеза» (40_{13–15}). Что касается Ланге и абсолютизации им представлений о пространстве, Гуссерль доказывает несостоятельность этого шага и на уровне объяснений априорного знания: у Ланге получается, что «все логическое и математическое мышление — это мышление в пространственных образах, причем пространство везде приводит к “происхождению априорного”» (40_{27–29}). Гуссерль же — в противовес Ланге — дает свои первые формулировки, касающиеся сути названных наук. «В действительности в априорных науках (формальной логике и математике) речь всегда идет о продвижении внутри цепи взаимосвязанных отношений. Всякая аксиома оценивает отношения между отношениями» (40_{29–33}).

Один из аспектов гуссерлевской критики в адрес Ланге (а отчасти и Канта) касается важного и перспективного для более поздней феноменологии понятия *акта* (представления или мышления). Его значение вытекает из того, что Гуссерль в известном смысле согласен с Кантом: сущность *объединения*, синтезирования заключена, скорее, не в характере содержаний, а *в самом характере объединяющих актов сознания*. Но тут, настаивает Гуссерль, сразу возникают новые вопросы, например, такой: «откуда мы должны почерпнуть *понятие* синтезирующих актов» (42_{23–24}), если в разбираемых теориях они непонятно каким образом рождаются из первичных, почти что бессознательно полученных содержаний сознания?

Гуссерль решительно выступает против того в рассуждениях Ланге, что он называет «Unding», нелепостью, — скажем, против конструкций с некими высокопарными философскими словами, которые, полагает Гуссерль, оказываются несостоятельными, когда пытаешься связать с ними сколько-нибудь ясный смысл. Так, Ланге говорит о представлениях пространства, что они в качестве «прочной и определяющей первоформы (Urform) нашей духовной сущности» представляют собой

«конститутивные свойства нашего рассудка», являются «истинным объективным противочленом нашего трансцендентального Я» (43, примечание). Эти и подобные псевдокантианские пассажи о «творческой деятельности», «творческих актах», якобы создающих некое новое содержание, Гуссерль считает «psychologische Undinge», т. е. бессмыслицами с точки зрения психологии. «Правда, в совершенно всеобщем смысле духовная деятельность, фиксирующая отношения (beziehende Geistestätigkeit), отличается от самых отношений (сравнение отличается от равенства). Но ведь там, где говорят “о” таких видах деятельности, разумеют либо понимание соотносящихся содержаний, либо интерес, вычленивающий и охватывающий соотносящиеся точки, — все это образует необходимое предварительное условие для того, чтобы таковые содержания могли быть замечены. Но как и всегда, здесь никак нельзя утверждать, будто соответствующий акт творчески создает свое содержание» (43₂₋₁₁). Критический анализ Гуссерля в этой части ФА направлен, следовательно, на освобождение от привычек философии нередко подменять конкретное, по возможности точное и верифицируемое исследование сознания произнесением «высоких», торжественных метафизических заклинаний.

Вывод. Откликаясь на приведенное нами ранее частное замечание Ланге о том, что старейшие выражения, применяемые для числовых понятий, указывают на предметы в пространстве, Гуссерль утверждает: «Отсюда никак нельзя сделать вывод, будто человеческий интеллект при операциях счета с необходимостью ограничен пространственностью, если ближе имеются другие объяснения. Люди находят в примитивных культурах всего лишь поводы для исчисления групп пространственных объектов, и тогда их числовое понятие может соответствовать тому, что мы теперь можем обозначить совокупным именем “число (Anzahl) пространственных объектов”. Развивающаяся далее культура переняла старые слова, но между тем их значения на пути метафизического, в переносном смысле, употребления вышло далеко за пределы пространственной области. Подобно большинству понятий, числовые понятия уже проделали свое историческое развитие» (43₂₉₋₃₃—44₁₋₃).

Данное уточнение тоже чрезвычайно важно для понимания позиции раннего Гуссерля. Когда он обращается к поиску происхождения, истоков математических понятий, прежде всего понятия числа, то лишь

в самых редких случаях упоминает об исторических процессах их становления. (Но все же, как мы увидим, упоминает.) Эти понятия берутся в их развитой форме — после того, как они уже проделали свое историческое развитие. Дело здесь не только в подходе Гуссерля. Ибо именно так понятия вообще, числовые понятия в частности, обычно рассматриваются в теории познания, логике, философии математики, даже в психологии — все эти дисциплины отправляются от исторически сформировавшегося, в каком-то смысле «зрелого» (в историческом смысле) оперирования подобными понятиями. Конечно, и гносеологи могут обращаться, как это — очень редко — делает и Гуссерль, к сохранившимся фактам истории, в частности, истории языка, к научным описаниям опыта чудом сохранившихся примитивных народов. В этом историческом опыте, действительно, есть немалая привязанность слов, уже обозначающих числовые понятия, например, понятия натуральных чисел, к пространственно-телесным предметам и их пересчету. Но ведь и история языка, в чем прав Гуссерль, демонстрирует постепенное исчезновение такой привязанности или, во всяком случае, уже чисто метафорический, переносный смысл сохранившихся остатков «пространственного» числового языка.

* * *

Дальнейшие критические рассуждения Гуссерля в разбираемом параграфе II главы ФА мы рассмотрим более кратко — и потому, что они относятся к тогда известным, а теперь почти что забытым авторам, но и из-за того, что в своих опровержениях создатель ФА по существу повторяет уже знакомые нам критические доводы.

При рассмотрении позиции *И. Баумана*, автора специальной книги «Учение о пространстве, времени и математике в новой философии», критика Гуссерля направлена не только против (сходных с уже разобранными) концепций, придающих центральное значение *понятиям* пространства и времени, но и против тех идей, соответственно которым «мы находим числа во внешнем мире... и они сохраняются практически, т. е. благодаря успеху вычислений (*Berechnung*)»¹. Такие операции даже именуются «духовным действием (*Tun*)», которое

¹ *Baumann J.J. Die Lehre von Raum, Zeit und Mathematik in der neueren Philosophie. Berlin. 1869/ Bd. II. S. 670.*

пробуждается и может быть уловлено только во внутреннем созерцании» (Ibidem. S. 669). Гуссерль в принципе одобряет склонность Баумана особо подчеркивать роль таких «внутренних, духовных действий» (ФА, 45₇₋₉). Ибо считает несомненным, что «при образовании чисел, как и множественностей *in concreto* речь идет не о том, что мы что-то пассивно воспринимаем или только подмечаем нечто уже выделенное; уж если где-то осуществляется спонтанная деятельность, то она состоит в связывании содержаний» (ФА, 45₁₀₋₁₄). Сообразно нашим произволению и интересу, продолжает Гуссерль, мы можем обособлять содержания сознания, прибавлять к ним новые единства подобного рода. «Единый интерес, охватывающий совокупные содержания и связывающий их друг с другом, а одновременно с ним и в нем существующий (в том взаимопроникновении, которое свойственно психическому акту) акт объединяющего понимания — эти интерес и акт вычленяют содержания. *Интенциональный объект* этого акта (внимание: появляется подчеркнутое мною понятие, заимствованное у Брентано, но очень важное для последующего развития гуссерлевской феноменологии. — Н.М.) и есть представление множественности или совокупности таких содержаний» (ФА, 45₁₇₋₂₀).

Но здесь согласие Гуссерля с Бауманном (и опирающимся на его книгу Ф. Ланге) по существу и кончается. Оценка автором ФА целостной концепции Баумана снова же весьма сурова: концепция противоречива, а потому несостоятельна. Гуссерль недоумевает: если, с одной стороны, правильно говорится, что числа порождаются творческой деятельностью духа, то почему же Бауманн, с другой стороны, чуть ли не онтологизирует их, утверждая, будто мы можем найти числа непосредственно во внешнем мире? (ФА, 45₃₅₋₃₉). Мысль о том, что числа можно чуть ли не прямо «обнаружить» в пространстве, Гуссерль считает абсурдной. «Совместное нахождение предметов в пространстве — это отнюдь не то же самое, что коллективное объединение в нашем представлении, которое существенно для числа» (ФА, 46₁₇₋₁₉). (Кстати, везде, где Гуссерль говорит об акте «объединения», он называет его «психическим актом» — ФА, 46₂₂, что как будто бы оправдывает обвинения в «психологизме», нередко обращаемые в адрес ФА. На деле никакого крена в психологизм в понятии «психический акт» нет, и потому его охотно используют и философы, и психологи.)

Ещё один автор, с которым во II главе ФА идет полемика — это В. Брикс (W. Brix), на специальную работу которого «Математическое понятие числа и формы его развития» (помещенную в издаваемых В. Вундтом «Философских штудиях») ссылается Гуссерль. Брикс различает две «формы» чисел: число при созерцании пространства (*Zahl der Raumanschauung*) и число при созерцании времени (*Zahl der Zeitanschauung*). В обоих случаях число, согласно Бриксу, «ещё не является понятием... Оно скорее не что иное, как определенная *схема восприятия, вид формы созерцания* в кантовском смысле. Ибо оно ещё полностью в плену предметов восприятия, т. е. на этой ступени его образования счет осуществляют не в форме “один, два, три”, а считают так: “три дома”, “четыре лошади” и т. д. В этих случаях числа не требуют никакой абстракции; но, как выражается Дю Буа-Раймон, речь идет “в представлении об отделенности (друг от друга. — Н.М.) предметов восприятия”. Оно (число) *почти что покрывается созерцанием пространства*, т. к. пространство как раз и является нам как определенное через отдельные предметы, которые и объединяются в представлении числа» (Цит. по: ФА, 47₃₋₁₅).

Гуссерль снова же обрушивается на манеру как философов, так и психологов нового времени, включая XIX век, пользоваться «красивыми философскими терминами» — такими, как «схема восприятия», «форма созерцания», которые способствуют лишь тому, что ещё более затемняется и без того запутанный анализ. В конце концов Брикс приходит к заключению, что способность образовывать числовые представления — нечто органическое, вроде способности зрения и что уже и животные ею обладают. Следуют ссылки на математиков — Дю Буа Раймона, который полагает, что звери умеют считать, скажем, количество своих врагов, и на Хенкеля, который пишет, что утка считает своих утят. «Видно, — пишет Гуссерль, — что эти заслуженные математики здесь основательно смешивают представления об определенном множестве физических индивидуальных данностей и представления об их числе; удивительно только то, что Брикс следует за таким взглядом» (48₁₇₋₂₁).

Поиски различий и тождества — играют ли они решающую роль в формировании понятия числа?

Эту проблематику анализировали в XIX веке философы, психологи, логики. В заключительной части второй главы Гуссерль разбирает соответствующие идеи наиболее известных тогда авторов (В. Шуппе, Джевонса, Хр. Зигварта, которые в ФА даже названы выдающимися — *hervorragende*).

Гуссерль следующим образом суммирует и воспроизводит их аргументацию. О множественности можно говорить лишь в том случае, если в его составе — *различные* предметы. «Будь они идентичными, не существовало бы множественности, а был бы *один* предмет» (49₁₋₃). Но различия предметов должны быть замечены. В этом случае возникают представления о различиях, которые-де входят в представление о каждой совокупности. А когда мы *отличаем* один предмет от другого, то это означает, что одновременно мы представляем *тождество* каждого предмета с самим собой. И тогда, заключает Гуссерль, создается видимость того, будто полностью прояснена проблема «происхождения, возникновения всеобщего понятия множественности» (49₁₆₋₁₇). Конкретнее по Гуссерлю, утверждается: «Мы, следовательно, лишь тогда получаем всеобщее понятие множественности (*Vielheitsbegriff*), когда исходим из конкретной множественности и когда мы отличаем любое содержание от другого, но при этом полностью абстрагируемся от особых свойств конкретно данных содержаний, рассматривая каждое из них как нечто тождественное самому себе. Таким способом и возникает понятие множественности — в известной степени как *пустая форма различенности*» (49₂₂₋₂₉). Отсюда возникает-де и форма «единства» (*Einheit*). «Когда мы осуществляем счет в строгом смысле этого слова, т. е. осуществляем числовую абстракцию, то мы подводим сосчитываемые вещи под понятие единства; мы рассматриваем их как нечто *Одно* (*Eins*). А этим сказано лишь следующее: мы рассматриваем каждую вещь как нечто тождественное самой себе и отличное от других вещей» (49₃₂₋₃₇). Гуссерлю особенно не нравится в описываемой концепции псевдо-объяснение пути возникновения понятия числа: оно как бы «выскакивает» из самой «пустой формы различенности» (50₄₋₇).

Гуссерль разъясняет далее, что типологически разбираемая им концепция развита в «логических (!) работах» Шуппе, Джевонса и Зигварта. У Шуппе отстаивается сам ранее описанный принцип различения-отождествления и приводятся некоторые примеры. Возьмем, говорит Шуппе, — высказывания: красный цвет — не зеленый и не синий; *a* — это не *b* и не *c*. И когда мы, далее, говорим, что красный, зеленый и синий — *три* цвета, то имеем в виду именно их различенность и тождественность каждого самому себе. «Можно сказать, — пишет Шуппе, — что это три *различных* цвета, но это уже будет излишним, ибо два суждения: “имеется три цвета” и “(имеется) три различных цвета” — выражают одно и то же. Там, где я не могу отличить одно от другого, я не могу и считать»¹. Или — другое определение: «Число, соответственно, высказывание о множестве (Mehreheit) благодаря определенным или неопределенным числовым словам “только утверждает различенность (Verschiedenheit), не называя различий”»² (ФА, 50_{24–26}). Гуссерль приводит также соответствующие цитаты из Джевонса.

Концепция, придающая различиям и отождествлениям центральное значение в происхождении понятий множественности и числа, разбирается подробно и основательно. Опустиу детали и приведу лишь главные контраргументы Гуссерля. Общее замечание Гуссерля: понятия «различия» (Unterschied) и «различности» (Unterschiedheit) в разбираемых им теориях остаются смутными, плохо проясненными, из-за чего возникает немало ошибок.

Правда, некоторые центральные тезисы критикуемых теорий Гуссерль формулирует достаточно добросовестно, чтобы затем отделить то, что он в них считает правильным, от того, что, по его мнению, неправильно. Один из тезисов звучит так: «Различия между предметами некоторой множественности должны быть замечены *как таковые*; иначе мы в нашем представлении никогда не вышли бы за пределы непроанализированного единства, и о множественности не могла бы идти речь; следовательно, представления о различности (Verschiedenheitsvorstellungen) должны эксплицитно содержаться в представлении множественности» (57_{19–24}). Гуссерль в данном случае

¹ Schuppe W. Erkenntnistheoretische Logik. Bonn, 1878. S. 405.

² Ibidem. S. 410.

согласен с тем, что множественности не было бы, если бы содержания не имели отличий друг от друга (57_{24–25}). Но он считает *совершенно ошибочным* допущение, согласно которому каждое содержание будто бы бывает *эксплицитно*, специально осознанно, подмечено в свете особенности своих свойств, их отличности от других содержаний — в случаях, когда осуществляется употребление числовых понятий.

Между тем, по Гуссерлю, понятия различия, различности и тождества (Identität) «возникают из рефлексии на деятельность по осуществлению суждений (Urteilstätigkeit) — такую деятельность, которая в практической жизни обладает широким значением и которая идет параллельно с процессами представления некоторого множества (Mehrheit)» (58_{3–7}). А вот в критикуемых Гуссерлем теориях такая логическая по природе (потому что относящаяся к суждениям) деятельность, осуществляемая на высоких этажах специальной рефлексии, как бы непосредственно выдается за нечто изначально (ursprünglich) заключенное в содержаниях и их объединении (58_{15–18}).

Гуссерль как бы вызывает к внутреннему опыту каждого из нас. «А последний со всей отчетливостью показывает, что ни представление конкретной множественности, ни представление соответствующего числа не включают с необходимостью эксплицитное представление о различиях между сосчитываемыми единичными содержаниями (Einzelinhalten)» (58₃₇–59_{1–3}).

Совершенно ясно, признает автор ФА, что мы можем специально обратиться к теме различий и тождества, сделать её фундаментом какого-либо анализа. Но не менее ясно и то, что «в случае счета она не является положенной, “имеемой в виду” (das Gemeinte)» (58_{17–18}). Здесь Гуссерль, кстати, делает любопытный выпад против неких не называемых по имени «друзей бессознательной психической деятельности» (Freunde unbewußter psychischer Tätigkeit), которые могли бы перенести такие различающе-отождествляющие процедуры в «туманную сферу бессознательного» (58_{25–26})... Гуссерлю такое решение не подходит принципиально, ибо он уверен: «Такие бессознательные психические механизмы не вносят какой-либо вклад в формирование содержаний наших сознательных представлений о числе, и они не обладают ни малейшей способностью что-то объяснить относительно *возникновения* этих представлений» (59_{28–31}).

Считаю необходимым отнести к материалу II главы ФА то резюме предшествующей критики, с которого Гуссерль начинает следующую, III главу своей книги. Здесь автор четко говорит о своих главных устремлениях, резюмирует суть ряда теорий, выделяет правильные, с его точки зрения, утверждения, но в основном формулирует пункты своего *решающего несогласия* с теориями, которые защищали, не забудем этого, философы, логики с достаточно известными, если не с громкими именами. (Попутно замечу, что собственно психологов в этом ряду почти не было.)

Приведем гуссерлевское резюме почти полностью.

«Наша цель состояла в том, чтобы раскрыть происхождение понятий множественности и числа. Для этого замысла было необходимо точно проанализировать конкретные феномены, от которых эти понятия абстрагированы. Таковые феномены ясно выступают в качестве конкретных множественностей или совокупностей. Между тем, по-видимому, особые трудности встречаются на пути перехода от них к всеобщим понятиям. С самого начала стало ясно, что особые свойства отдельных объектов, которые объединяются в форму некоторого множества, не могут внести ничего [в такое понимание]. Единственное, что могло быть принято во внимание при образовании понятий — это *объединение (Verbindung)* объектов в единое представление о данной совокупности. И речь шла о точной характеристике такого объединения. Но это оказалось не таким уж легким делом. Действительно, мы познакомились с рядом теорий о происхождении и содержании понятий множественности и числа (Anzahl), — и все они потерпели неудачу из-за ошибок, недоразумений в том, что касалось данного синтеза. Первая из них характеризовала коллективное соединение как простую принадлежность к *одному* сознанию. Она оказалась очевидно несостоятельной, однако обратила наше внимание на важное психологическое предварительное условие: всякое коллигируемое (объединяемое) содержание должно быть особо (*für sich*) замечено. Нам уже стало ясно, что объединение содержаний надо рассматривать как опосредуемое особыми актами сознания. Нас ещё больше укрепила в этой мысли критика трех следующих теорий, согласно которым предполагалось, что к нашим понятиям можно прийти благодаря “формам созерцания” времени и пространства. Мы тем самым познакомились со временем

как предварительным психологическим условием числа. Последняя теория, которую мы рассматривали — и единственная, в которой есть подлинная научность, — была теория различий» ($64_{6-30} - 65_{1-6}$).

Теперь, когда хотя бы частично прояснились позиции — и самого Гуссерля, и критикуемых им авторов — и мы можем вынести, конечно, лишь предварительно, конкретные суждения и оценки относительно исследования, предпринимаемого в первых двух главах ФА.

1. *О предмете исследования в ФА.* В целом понятно, что речь (пока) идет по преимуществу о таких понятиях, как (натуральное) число (Anzahl), множественность (Vielheit), совокупность (Inbegriff), причем ставится задача максимально *конкретного и точного исследования происхождения* (Ursprung) этих (и других) «числовых» понятий (Zahlbegriffe), взятых, на чем настаивает Гуссерль, в качестве всеобщих понятий. Нам необходимо тоже *конкретно и точно* определить, что все это означает для ФА Гуссерля.

1а). *К теме «происхождения» — Ursprung.* Сначала резюмируем сказанное о тех аспектах, которых Гуссерль в ФА очень бегло касается, но которыми он не собирается заниматься и не занимается сколько-нибудь специально и обстоятельно. Во-первых, не исследуются те стороны возникновения, происхождения и т. д. числовых понятий, которые могут уясняться из изучения истории человечества, так или иначе связанной с *общеисторическим генезисом* интересующих автора ФА числовых понятий, с особенностями исторического опыта отдельных народов, с наблюдениями за сохранившимися анклавами исторических реликтов на более поздних этапах истории, — с их исключительно интересными свидетельствами истории языка и т. д. Ибо внимание Гуссерля перенесено на *индивидуальное сознание*, на его процессы и акты. Но сразу же необходимо подчеркнуть, что «*Ursprung*» в смысле *становления индивидуального сознания* начиная от периодов детства до формирования «зрелого» опыта тоже не входит в кадр гуссерлевского исследования.

Другие вообще-то существующие, но не привлекающие внимания Гуссерля в ФА аспекты темы «Ursprung» (тоже применительно к возникновению числовых понятий) для нашей темы ещё интереснее. Здесь можно, скажем, заниматься *психологией в прямом экспериментальном смысле*, наблюдая за тем, как люди *реально* считают, производят ариф-

метические операции, как они усваивают и понимают числовые понятия и т. д. Но и этот аспект, в сущности, не присутствует в ФА (за исключением беглых ссылок на работы, подобные «Психологии звука» К. Штумпфа, где такие исследования порой обобщаются; но и в этих случаях Гуссерль, как мы увидим, обращает внимание скорее не на экспериментальные детали, а на теоретические идеи и различия).

Теперь, когда показано, какие аспекты темы «Ursprung» *не исследуются* Гуссерлем, постараемся — опираясь на уже разобранный материал — максимально точно определить, что именно и конкретно подразумевается автором ФА, когда он употребляет, применительно к числовым понятиям, слова «Ursprung» (происхождение), «Entstehung» (возникновение) и т. д.

Аспект происхождения исследуется прежде всего вот в какой связи: отправной точкой становятся *уже приобретенные всеобщее содержание и значение числовые понятия* (и соответствующие операции — счет, исчисления, измерения), а от них предполагается как бы опустить перпендикуляры на плоскости индивидуального опыта. Но какого именно? В этом — суть вопроса. Имеется в виду рассмотреть: **а)** всеобщий, неэмпирический (то есть ни к какому отдельному человеку непосредственно не относимый) опыт индивида, взятый в качестве **б)** «внутреннего опыта», «духовной деятельности», «рефлексии», функционирования сознания (эти традиционные понятия философии постоянно употребляются) и проанализированный **в)** с точки зрения доступных фиксированию, описанию, наблюдению *актов* (прежде всего представлений, *Vorstellungen*), которые **г)** необходимы и достаточны для возникновения именно числовых понятий.

Надо понять, что найти в чистом виде подобный комплексный «объект» исследования — где-то в окружающем мире, в повседневной деятельности, даже в «идеальном мире» культуры, научных дисциплин — совершенно невозможно. Ибо *Гуссерль такой объект, вернее сферы, измерения исследования свободно, произвольно конструирует, синтезирует*. Подобная процедура, впрочем, типична для процессов разработки научных теорий.

2. Если мы поймем и учтем это, станет ясен *характер отбора Гуссерлем материала*, в частности, теорий, которые он изучает, учитывает — как и то, почему он так решительно и сурово подвергает критике

некоторые концепции весьма почтенных авторов. Его интересуют те, и только те теории, которые могут пролить свет на выявление генезиса числовых понятий — *но генезиса только в избранных ранним Гуссерлем смысле и значении, с исключением всех других аспектов и оттенков генетического подхода.*

И тогда любые возражения Гуссерлю, которые вообще-то были бы правомерны, но не укладывались бы в избранные им совершенно специфические рамки исследования, били бы мимо цели. Ведь Гуссерль не возражает, что обращение ко времени и пространству на каких-то этапах становления числовых понятий играли свою роль. Однако он не согласен с тем, что на этапе, когда и человечество в целом, и отдельные люди обладают, по крайней мере, в науках *всеобщими* понятиями числа, множества и т. д., факторы времени и пространства (вообще-то достаточно важные) необходимо, непосредственно, эксплицитно «включены» в содержание понятия числа (*Anzahl*) и других числовых понятий. Полагаю, в утверждениях этого рода Гуссерль *в принципе* прав. Когда перед (взрослым) современным человеком и человечеством простирается мир уже «обретенных», т. е. всеобщих чисел, числовых понятий, операций, — тогда людям (опять-таки в принципе) не важно, когда и как индивиды очень далеких эпох только учились считать, обращаясь к материальным, пространственным предметам, как и когда они стали делать это применительно к «идеальным» предметам. Столь же не важно практически, какую роль в этих процессах *уже сыграли* обращения к «факторам» времени и его исчисления. Аналогичным образом можно признать оправданными примеры и доводы Гуссерля, связанные с темами различения и отождествления. И эти процедуры, видимо, играли и играют свою роль на каких-то этапах генезиса числовых понятий — но не на тех, которые интересуют Гуссерля в *ФА*.

2а. Отсюда отчасти проясняется то, какое отношение поиск Гуссерля реально имеет к таким наукам, как психология, философия, логика. Полагаю, непредубежденный читатель согласится с тем, что в *ФА* имеет место характерный парадокс. С одной стороны, Гуссерль неоднократно говорит о том, что осуществляет психологический и логический анализ происхождения числа. В каком смысле и почему речь идет о логике, вполне ясно, если принять в расчет «точку отправления» — всеобщие, «готовые» понятия числа (и числового ряда), уже

оставившие позади процессы своего исторического становления. Что касается многочисленных упоминаний о «психологии», о «психических актах», то это требует критического рассмотрения. Ибо, с другой стороны, *реального — в собственном, более узком смысле — психологического материала в проанализированных разделах весьма мало*. Мы видели: авторы, идеи которых разбирает здесь Гуссерль — это по преимуществу философы и логики. А их произведения, которые цитируются, — это «Опыт о человеческом разуме» Локка, «Система дедуктивной и индуктивной логики» Дж. Ст. Милля, «Критика чистого разума» Канта, «Логика» А. Бена и «Логика» Хр. Зигварта, «История материализма» Ф. Ланге, «Теоретико-познавательная логика» В. Шuppe, «Принципы науки» Джемсона. Собственно, из «психологов» в более специальном значении слова упоминаются Brentano и Шtumpf. Но хорошо известно, что и они — ярко выраженные *философствующие психологи*.

Уже это заставляет по крайней мере задуматься над тем, действительно ли осуществляемое в ФА исследование было психологическим в прямом, специальном смысле этого слова или речь уже шла о каком-то ином “сплаве” подходов.

2б. Сначала, опираясь на конкретные тексты ФА, поразмыслим над тем, что именно заставляет Гуссерля, *по существу* использующего философский, логический и (очень редко) психологический материал, все же отдавать предпочтение психологической его маркировке. Главных причин, как я думаю, было три. Во-первых, отчетливо видно *недовольство* Гуссерля слишком *общими* философскими соображениями и рассуждениями в случае весьма специальных вопросов (о числе, множествах) и оперированием очень красивыми, но туманными понятиями. Во-вторых, пусть автор ФА, как отмечалось, опускает перпендикуляр своего генетического поиска на плоскость, где именно философия издавна расположила исследования *сознания*, его структур, процедур, а главное, его актов и куда совсем недавно устремила свое внимание новая, молодая психология. Но стремясь исследовать ту часть упомянутой плоскости (или среза) сознания, где издавна обретались представления (у Локка это были «presentation», у Канта — «Vorstellungen»), Гуссерль, по-видимому, надеялся если не отыскать, то сочинить нечто новое, более конкретное, конструктивное, чем то, что было сделано и в доставшемся философском наследии, и у непосред-

ственных последователей *философских* классиков в его веке. Вот почему оценка, скажем, теории Канта (и кантианцев) столь строга. В сочинениях логиков Гуссерль тоже не обнаруживает ответа на многие интересующие его достаточно конкретные вопросы. (Работы по математике именно в связи разбираемых исследований упоминаются очень мало и притом оцениваются совсем невысоко.)

В-третьих, *на деле — и во многом незаметно для самого Гуссерля — в исследовании сознания уже возникал новый синтез, в том числе междисциплинарный*. Автор ФА предпочитал называть его «психологическим». Но просто поразительным фактом (его, увы, мало замечают и исследуют феноменологические авторы) считаю следующее: этот *новый синтез всего сильнее пробивает себе дорогу там, где уже употребляется понятие «феномен»*. Конечно, во время написания ФА Гуссерль не мог не возводить это понятие к работам Brentano. Однако ясно видно, что Гуссерлю трудно сдерживать недовольство (пока всё-таки сдерживаемое и вежливое) по поводу того, как Brentano осмысливает «феномены». А вот *фактически* в ФА начинают работать новые стимулы и даже приемы *синтезирования* традиционного философского, логического, психологического материала. (Не случайно же и понятие «синтеза» даже у Канта не удовлетворяет Гуссерля.)

3. На пути этого поиска приобретают новый (и скажу так: перспективный) смысл такие понятия, которые могут быть сочтены чисто психологическими и даже стать основаниями для упреков в психологизме, пронизывающим-де ФА. Это понятия вроде «поворота внимания» или рассуждения о необходимости для содержаний сознания «быть замеченными», или термин «интерес» в применении к какому-либо аспекту или представлению сознания. Тот, кто знаком со зрелой феноменологией Гуссерля, хорошо знает, что это *коренные феноменологические понятия* и что нет никакого психологизма в их особом употреблении в феноменологическом контексте.

Аналогичным образом не является ни однозначно-психологическим (тем более психологистическим) по своей природе само обращение к актам или феноменам, которые по привычке именуют «психическими» — к таким, например, как отыскание действий, процедур сознания, которые всего более ответственны за те или иные духовные результаты. И если автор ФА, в чем мы неоднократно убеждались,

основной акцент своей книги делает на понятии «*Verbindung*» (здесь: тесное, прочное объединение, причем объединение именно представлений) и если на этом пути он ищет происхождение числовых понятий, то я лично не вижу в самом замысле Гуссерля ничего предосудительного (а так полагают некоторые его критики). Ибо для того, чтобы образовались числовые понятия, в самом деле нужно было (и нужно в случае каждого индивида), чтобы какие-то представления были тесно, органично объединены и чтобы это произошло всеобщим образом, благодаря чему возникли бы устойчивые общечеловеческие понятия.

4. Особый вопрос: оправдана ли гуссерлевская апелляция к представлениям? Или, быть может, с позиции любой логики (гегелевской ли, фрегевской) следует отвергнуть даже посягательства на то, чтобы «чистые» логические понятия (категории), подобные «тождеству» и «различию», возводить к представлениям? Думается шаг к представлениям — в случае генетического интереса — в целом оправдан. Но вот в чем проблема и беда: в конкретном анализе Гуссерль скорее освещает вопрос о возможности апеллировать, лучше сказать, двигаться «вверх» — ко всеобщим (логически «чисто» взятым) понятиям и взаимосвязям, чем двигаться «вниз», т.е. особо выделять и изучать мир представлений и их соединений. «Исходя из какого-либо конкретного множества, мы обретаем, следовательно, всеобщее понятие множества, — тогда, когда мы любое содержание относим к любому другому, отличая его, но при этом полностью абстрагируясь от особых свойств конкретно данных содержаний, просто рассматривая некое нечто как идентичное с собой. Таким способом возникает понятие множества — в известной степени как пустая форма различенности» (49_{23–29}).

Логик, возражая Гуссерлю, мог бы заметить, что включение в разговор о тождестве и различиях (вполне релевантный анализу множеств и их общему понятию) именно психологических форм (здесь — представлений) мало что дает для обогащения и углубления нашего понимания проблемы. Но ведь нельзя не заметить, что во всех случаях, когда как будто вводятся «психологические» составляющие, Гуссерль по большей части говорит скорее не о них, а как раз о «логически чистых» («пустых») формах. И в его отсылках к литературе упоминаются не психологические, а логические сочинения (ссылки на работы Джевонса, Зигварта, Шуппе. См. S. 50, 60).

Это тоже вносит в слово «психологический» — оно часто встречается в этой и последующих главах ФА — отнюдь не только, даже не столько в узком смысле слова психологическое измерение, а поясненное ранее комплексное содержание, которое несомненно содержит в себе и *логические* элементы, причем они напоминают о разных «логиках», в том числе гегелевской. Но о Гегеле «гегелененавистник» Гуссерль мало что знал (и потому ему и в данном контексте не приходило в голову актуализировать реальные пересечения своего анализа с гегелевской логикой). А вот что касается соотнесения с *логическими* размышлениями современников, то от постоянного, в сущности, прочерчивания линий совпадения с ними или противостояний им он устранить никак не мог.

В силу указанного здесь (и всегда специально отмечаемого нами в других случаях) комплексного, в том числе логического содержания, реально вместившегося в слово «психологический», как его в ФА употребляет Гуссерль — нас не должно удивлять то, что в конце II главы ФА нас ожидает так называемое «критическое добавление» (*Kritischer Zusatz*), где Гуссерль достаточно подробно разбирает, например «Логику» Зигварта¹ (т. 2) как пример «теории различий» (*Unterschiedstheorie*). Здесь он находит то, что искал и что фактически уже означает «отход» от логической «чистоты», от логического пуризма. Зигварт (вспомним: логик и психолог в одном лице) прямо говорит, что *работает в поле сознания, занимаясь «объектами в сознании»* (*Objekte im Bewußtsein*), *исследует результаты исполнения функций сознания (Funktion zum Bewußtsein)*. И это ранний Гуссерль вполне одобряет, ибо сам в ФА работает — хотя и с иными методами и результатами — в том же целостном поле, что и Зигварт, а также и некоторые другие разбираемые авторы. Это, кстати, в общем виде служит ему поддержкой в самом обращении к сфере представлений, обращении к иному психологическому, т. е. здесь — отнесенному именно к науке психологии, материалу. Главная мысль в анализе Гуссерля: Зигварт и другие логики (они же — психологи) уже говорят не на чистом логическом языке, но вплетают сюда идею деятельности, и не просто деятельности как таковой (что, можно сказать, есть уже у Гегеля, хотя

---

¹ Здесь и далее знак * означает, что краткий экскурс об этом философе имеется в *Приложении*.

Гуссерль о нем, разумеется, не упоминает), но *деятельности сознания и через сознание*. Гуссерль вполне одобряет такой поворот, (пока) не находя для его спецификации другого слова, кроме прилагательного «психологический».

В чем он не согласен и с Зигвартом, и с другими авторами, так это в определении у них характера этой деятельности. Для разъяснения приведу выдержки из зигвартовской «Логики», фигурирующие в качестве цитат в гуссерлевской ФА. Зигварт, по Гуссерлю, имеет в виду судящую деятельность (*Urteilstätigkeit*), т. е. имеющую место при вынесении суждений.

И здесь Гуссерль все же критикует концепцию *философа, логика и психолога* Зигварта. Почему же? Во-первых, он думает, что деятельность сознания, которая функциональна для возникновения общих и всеобщих понятий (здесь: математически-всеобщих) — шире, чем «судящая», т. е. связанная с суждениями, деятельность, на которой все-таки сосредоточился Зигварт. Ибо интересующие Гуссерля «представления», сама деятельность «анализирования» (*des Analysieren*) не входят у Зигварта в кадр рассмотрения (*in Betracht*—63₁). Во-вторых, Зигварт, хоть и зная о типичных для соответствующей литературы тонких и специальных (*одновременно* психологических, логических, философских — это NB) дифференциациях¹, — не вдается специально в более конкретное исследование той деятельности, которая прежде всего интересует Гуссерля. Да и другие психологи, логики, философы, по Гуссерлю, ею не интересовались.

Речь идет специально о той работе сознания, которая причастна к столь интересующим Гуссерля процессам «анализирования». А ведь он полагает: именно двигаясь вдоль такой (условно выделенной) деятельности, можно с одной стороны, опереться на тот несомненный факт, что мы получаем сведения, знания об анализе и уже что-то знаем, благодаря представлениям-воспоминаниям о еще непроанализированном целом, о *различиях* между этой прежней и вновь достигнутой стадиями осознания. На деле, заключает Гуссерль после тщательной

---

¹ «Различают между психическим происходящим (*Geschehen*) и психическим актом. Психические акты — это представительство (*das Vorstellen*), утверждение, отрицание, любовь, ненависть и т. д., знание о которых нам дает внутреннее восприятие (рефлексия у Локка)» (63₄₋₈).

критической проработки зигвартовой «Логике», здесь имеет место противоречие: её автор не имеет в виду иную психическую деятельность (*andere psychische Tätigkeit*), нежели специально сопряженную с суждениями. Например, не прорабатывается, не исследуется деятельность самого анализирования (*das Analysieren*). «Если всё это верно, — заключает Гуссерль II главу ФА, — тогда делается лишним, теряет всякую почву под ногами такое понимание, в соответствии с которым хотят, чтобы понятие различия, большинства и числа возникало бы из рефлексии на деятельность различения в смысле анализирования» (63_{20–24}).

Но дело не только в этом как будто формальном или процедурном отличии подхода автора ФА даже от тех господствовавших в современной ему психологии подходов, к которым он подчас относится одобрительно. Главное: они все же предлагают не тот путь, на который хочет выбраться Гуссерль.

Должна заметить, что последние страницы II главы ФА представляются мне неясными именно относительно того, как Гуссерлю рисуется «тот самый путь», на который он мечтает вступить. Возможно, и самому будущему основателю феноменологии этот путь не рисовался с полной ясностью...

3. ОТНОШЕНИЯ, «ФИЗИЧЕСКИЕ» И «ПСИХИЧЕСКИЕ» ФЕНОМЕНЫ (III глава «Философии арифметики»)

Глава носит общее название «Психологическая природа коллективного объединения». В самом начале её автор, как бы оглядываясь на уже проделанную в ФА работу (Rückblick), уместно прочерчивает и главные теоретические линии, проступившие в предшествующих главах, и основные понятия, там задействованные.

«Мы предприняли [попытку] выявить происхождение (Ursprung) понятий множества и числа», для чего, считает Гуссерль, было необходимо «точно представить взору конкретные феномены, от которых они были абстрагированы» (64₆₋₉).

Итак, снова подчеркнем это, в центре внимания автора ФА именно в данной главе — совершенно особые, специально выделенные проблемы: процедуры «объединения представлений» в «единое представление их совокупности (Inbegriff)». О чем читателю никак нельзя забывать; не надо пытаться подставить сюда, как нередко делают интерпретаторы, совсем другие, негуссерлевские сюжеты. Особые трудности, отмечает автор ФА, состояли в поиске «перехода от этих данностей к всеобщим понятиям» (64₁₀₋₁₂).

Единственное, что, согласно Гуссерлю, могло попасть в кадр рассмотрения, было «соединение (Verbindung) объектов в единое представление их совокупности (Inbegriff)» (64₁₅₋₁₈). Сами математические результаты, добавляет Гуссерль, ясно даны для анализа изначально (lagen klar zutage) как «готовое» знание — в виде «конкретных множеств, или Inbegriffe» (64₉₋₁₀).

Свою более конкретную задачу в III главе Гуссерль видит в том, чтобы *дать «более точную характеристику вида этого соединения»* (64₁₈₋₁₉ курсив мой. — Н.М.). Одновременно осуществлялась проверка «ряда теорий о происхождении и содержании понятий множества (Viel-

heit) и числа (Anzahl), которые, взятые вместе — из-за неправильных пониманий (Mißverständnissen), касающихся представленного здесь синтеза, — потерпели крах» (64₂₀₋₂₃). Единственной из разобранных теорий, которая частично удовлетворяет принципу научности (Wissenschaftlichkeit), является, по мнению Гуссерля, теория различений (Unterscheidungstheorie) (65₅₋₆). О ней в этой относительно краткой главе (она занимает 12 страниц) автор ФА будет говорить несколько позже. Но несмотря на неудовлетворительный общий результат, продолжает Гуссерль, они, эти теории, по крайней мере обратили наше внимание на важное психологическое предварительное условие: «всякое коллигируемое (тесно объединяемое. — *Н.М.*) содержание должно быть для себя (für sich) замеченным» (64₂₅₋₃₀). В ходе предшествующего (во II главе ФА) разбора соответствующих теорий, уверяет автор ФА, «мы познакомились с временем (die Zeit) как психологическим предварительным условием числа» (65₃₋₄). Здесь, кстати, очевидно то, о чем у нас речь особо шла и ранее: прилагательное «психологический» имеет в ФА весьма широкое совокупное значение, лишь частично относящееся к науке психологии, а здесь — к небольшому спектру скорее философско-математических сюжетов. Вот главное, что *фактически* означает (здесь и в других местах ФА) слово «психологический»: речь пойдет, во-первых, о процедурах сознания, во-вторых и именно, о процедурах «объединяющих», коллигирующих, в-третьих, о выявлении *генезиса* в сознании (Ursprung), при «детальном, взвешенном обсуждении» (detaillierte Erwägung), отдельных связей, отношений (65₁₅), в-четвертых, об обязательной процедуре замеченности, т. е. *специальной отрефлектированности* как раз объединяющих процессов и процедур. Иными словами, совокупный смысл того синтеза, который *на самом деле* мыслит отследить и выявить Гуссерль, никак не соответствует здесь узкому пониманию как будто лишь дисциплинарно разбираемого термина. Знаток уже развитых концепций Гуссерля — на её стадии *феноменологических* разработок — может заметить, что их-то ему больше всего напоминает новое гуссерлевское описание, маркируемое автором ФА по-разному, но чаще всего как *психологическое*. Но и к будущей феноменологии такие наброски относятся как раннее, смутное предчувствие чего-то в то время неясного и самому Гуссерлю. Подобные прорывы в текст ФА пред-феноменологических идей

и структур встретятся нам и в других главах — и мы будем их обязательно фиксировать.

Особая трудность, которая применительно к этой проблеме существует, обсуждалась мною в разных плоскостях и аспектах, и в данном случае — применительно именно к главе III ФА — проистекает из того, что материал главы, подчас связан с чисто математическим содержанием разбираемой проблематики, входить в которые — задача скорее для математиков по профессии, чем для философов. Продолжим наше исследование ФА..

После своих резюмирующих характеристик Гуссерль и переходит к теме, объявленной в общем заголовке главы; она охватывает проблему коллективного объединения (*der kollektiven Verbindung*). Для сегодняшнего читателя такое терминологическое обозначение — сугубо неясное, если не сбивающее с толку, почему и требуются специальные прояснения. Они были нужны, впрочем, и для читателей его времени, но Гуссерль честно признался: сделать их «представляется не таким уж легким делом» (64₁₉).

В преамбуле уже было установлено, что в целом надо было отправляться, согласно Гуссерлю, от анализа «психических актов», но что попытка ряда теоретиков сделать это, — имея в виду, скажем, вполне определенные психические акты (различения), — оказалась несостоятельной. «Какие же возможности ещё остались?», — задает вопрос Гуссерль (65₁₂).

Автор ФА предупреждает, что при дальнейшем анализе он станет опираться на «теорию отношений» (*Relation*), о которой упоминал и ранее. Теперь, как он думает, пришел черед непосредственно ввести её в кадр подробного анализа.

Почему в данном контексте справедливо говорить именно об *отношениях*? Гуссерль рассуждает следующим образом: когда мы устанавливаем сходство, родство, преемственность и т. д., то исходим из того, что и при очевидных устанавливаемых нами различиях между всеми членами какого-либо объединения мы тем не менее регистрируем наличие *отношений* (*Relationen*). Но эти отношения могут быть существенно различными. Гуссерля же интересует «новый и весьма отличающийся от всех других класс отношений» (66₆₋₇), и именно тот класс, который он называет «коллигированием», а его «результат» — «коллекцией» (*die Kollektion*). (О «новизне» исследуемых отношений говорит-

ся не в том смысле, что они только возникли, а в том, что их лишь недавно стали специально анализировать). Лингвистическое пояснение: слово «коллекция» не ассоциируется в немецком языке, как это бывает в русском, с собиранием предметов в ту или иную коллекцию (в этом последнем случае в немецком языке употребляется, как правило, слово «Sammlung».)

Автор ФА просто имеет в виду «особый вид объединения» (eine besondere Verbindungsart) (65₁₁) — не материального характера, а осуществляющегося исключительно в сознании и в ходе его специальной деятельности. Речь, таким образом, и идет для Гуссерля о прояснении специфики осуществляемого в сознании «коллективного объединения» по отношению к другим связям, отношениям (Beziehungen) (66₁₃₋₁₅).

Желая определить свою позицию применительно к уже существующим разновидностям теории отношений (Relationstheorie), Гуссерль отмечает, что последняя — «темная глава описательной психологии» (66₂₀₋₂₁). В ней нет ничего прочного, научно исследованного, на что можно было бы опереться. Гуссерль дает полезное разъяснение о том, что согласно Дж.Ст. Миллю (фиксирующему, впрочем, довольно банальный факт), выражение «state of mind» (Bewußtseinszustand), или состояние сознания, не следует понимать как высказывание о психическом акте, но «брать в самом широком смысле, так именно, что в своем значении оно соответствует феномену» (67₂₋₃). Терминология Дж.Ст. Милля амбивалентна, замечает автор ФА, почему и спешит дать свое определение: «...под “отношением” (Relation) следует понимать тот комплексный феномен, который образует основу для образования релятивных атрибутов, а под словами “фундамент отношений” (в соответствии с обычным сегодня словоупотреблением) надо понимать любое из соотносимых содержаний... Применительно к различным областям мы находим отношения, которые имеют один и тот же характер. Так, имеются [отношения] равенства, подобия и т. д. как в областях первичных содержаний (“и физических феноменов”), так и [в сферах] психических актов (“психических феноменов”)» (67_{17-21, 31-35} — курсив мой. — Н.М.) Хочу заметить: употребление здесь, в ФА, слов «комплексный феномен» достаточно важно, поэтому надо хотя бы ненадолго задержаться и обратить внимание на сочетание прилагательного и су-

ществительного. Ибо понятие «феномен» и в зрелой феноменологии подразумевает именно «комплексное содержание», которое уже имеется в какой-то целостности сознания — и на основании специальной остановки на этой целостности и ее элементах позволяет ее расшифровать, распутать. Разумеется, в ФА Гуссерль еще не владеет *концепцией и методологией* феноменологического анализа, что станет делом будущего, впрочем, не такого уж отдаленного.

Правда, говоря о «феноменах» и их делении на «физические» и «психические», Гуссерль (в сноске) ссылается, что естественно, на работу своего учителя Фр. Brentano «Психология с эмпирической точки зрения» (*Psychologie vom empirischen Standpunkt. Bd. 1. Buch 2. Kap. 1*), подчеркивая, что в ней читатель найдет разъяснение самих терминов, как и «фундаментальное, для нашего последующего рассмотрения совершенно необходимое, лежащее в основе различение» (S. 67, сноска 3, продолжение в сноске на S. 68). И о том, какие имеют место пересечения сторон деятельности и *сознания* (впоследствии исследуемые с применением специальной и рафинированной методологии и методики). И вот если находить такие подвижки в анализируемой III главе ФА, то (говоря обобщенно) они пока что состоят: 1) в критическом отношении к запутанному, по мнению Гуссерля, разговору о «физических феноменах» у Brentano и его сторонников; 2) в фиксации аспекта «отношений» (*Relationen*) как одного из возможных аспектов анализа сознания, что вполне правомерно, а в будущей феноменологии выльется в подробнейшее *распутывание именно уже сложившихся отношений* между структурами сознания и типами их анализа — например, отношений, взятых в аспекте актов сознания (ноэтический анализ), и отношений, исследуемых с точки зрения предметных структур (ноэматический анализ), впоследствии — и с увязыванием тех и других в особые отношения.

Но вот что почти не принимается в расчет в литературе (ибо сам Гуссерль не был провидцем и не знал о собственном творческом будущем): в ФА уже опробована по крайней мере *одна из разновидностей анализа отношений, действительно складывающихся в сознании* и отчасти уловленных в теоретических его осмыслениях. Какова она, эта разновидность, потребует более конкретной расшифровки, что станет возможным, когда у нас будет больше материала.

В данной же главе все определяется целевыми установками, более или менее осознанными Гуссерлем и расшифровываемыми в тексте. Вернемся к ним.

Напомним: именно в анализируемой главе основная цель Гуссерля — точнее определить характер *складывающихся в сознании отношений, его содержаний и актов*, причем таких отношений, которые объединяют эти последние в некий «коллектив» (отсюда — «коллегирование» как результат). Этот анализ приводит автора ФА к следующим рабочим дефинициям, которые опираются на определения, имевшиеся ещё у Б. Больцано. А именно: отношения, которые *составляются* именно из отношений, называются «составными», сложными (*zusammengesetzte*), отношения же, к коим это не относится, именуются «простыми» (*einfache*) (71_{20–23}). А отсюда — новые шаги в гуссерлевском анализе (не забудем: анализе генезиса понятий типа множество как совокупность «Inbegriff»).

В последующем тексте III главы ФА Гуссерль набрасывает (правда, не развёртывает) свое понимание ряда вопросов, так или иначе требующих, по его мнению, уточнения характеристик.

Прежде всего Гуссерль зарисовывает своего рода путь восхождения сознания от «первичных целостностей представления» (*primären Vorstellungsganzen*) к наиболее обширным, поистине всеобъемлющим целостностям только благодаря рефлексии на психический акт, благодаря коему и возникает совокупность (*Inbegriff*) (74_{7–13}). Заметим: обыкновенно интерпретаторы оценивают подобные пассажи в ФА как чисто психологические, более того, как дань психологизму, которым-де проникнута ФА. Думаю, оценки такого рода неверны. Ибо что же подобные пассажи действительно открывают нам в способах анализа Гуссерля? Во-первых, то, что происходит обращение к «психическим актам», во-вторых, что идут ссылки на (науку) психологию (вкуче с философией), в-третьих, что фигурируют слова «интерес», «подмечание» и т. д. Уже такие вкрапления считались — под влиянием Фреге и других авторов — незаконными, запретными. Но если их ещё можно было рассматривать именно так, то лишь применительно к особым научным дисциплинам, их специальным областям, конкретным научным задачам (это, скажем логика, математическая логика и запрет на претензии их обоснования со стороны психологии). Но ведь *в данном контексте ни о чем подобном нет и речи: в разбираемом разделе ФА ставятся совсем другие цели, появляются иные*

интересы, исследовательские задачи (в отдельных главах труда — довольно специальные). Отчего «философию арифметики» надо подозревать во всех смертных грехах, если и когда её теоретики формулируют *свои* цели, притом в разных главах — специфицированные? А уж если сопоставить ранние гуссерлевские формулировки с будущими определениями специфики феноменологии, обнаруживается, как уже неоднократно говорилось и требует повторения в новой связи, нечто удивительное и по-своему показательное: позже Гуссерль тоже введет, *как вполне законные для феноменологического анализа, сходные слова и понятия*. Это, говоря коротко, акты, процедуры сознания, соответствующие повороты внимания, рефлексия, созерцание, «подмечание» (Vermerken), операции объединения.

Гуссерль говорит и об известных житейских вещах. Например, люди употребляют слово «и» (und), причем весьма часто. Само по себе оно лишено значения. Но в случае, когда оно связывает два имени или более, как раз и имеет место «коллективное объединение» упоминаемых сединств. «То обстоятельство, что языки народов не располагают никакими самостоятельными именами (названиями) для коллективных объединений, нельзя считать каким-то чудом; лишь в виде исключения на это бывает направлен научный интерес. Постоянные цели мышления и речения как раз и требуют только языкового фиксирования того обстоятельства, что данные содержания бывают соединены коллективистским образом и что это обеспечивает нашим языкам полностью подходящую конъюнкцию “U”» (от «Und», «и» в русском переводе. — *Н.М.*) (75₃₅₋₃₉–76₁₋₄) — так Гуссерль заканчивает эту краткую и важную главу. В сноске он добавляет: Дж. Локк (в «Опыте», кн. II, гл. XI) обсуждает деятельность коллигирования, употребляя термин «compounding» (от слова «compound» — составной, сложный), причем Локк обращает внимание на роль «compraunding» в образовании такого единства, как число, хотя ещё не раскрывает роль такой деятельности «при абстрагировании этого понятия» (76, сноска).

Итак, в III главе ФА Гуссерль как бы поставил читателя перед своего рода исследовательской интригой. Ведь усилия ряда великих (Лейбниц, Кант) или известных, выдающихся авторов, направленные на разгадку происхождения числовых понятий, оказались — по мнению автора ФА — в конечном счете бесплодными.

А ведь этими мыслителями были рассмотрены как раз достаточно важные осваиваемые сознанием *виды отношений* — подобие, равенство, временные и пространственные отношения, отношения различия и тождества и т. п. Однако оказалось, что этим учениям об отношениях не суждено стать теми «китами, на которых мог бы покоиться синтез объектов, объединяемых в представлении о совокупности...» (65_{34–36}).

«Какие возможности остались в нашем распоряжении?» — вопрошает Гуссерль (ФА, 66₁₂).

Общий ответ автора ФА на напряженно звучащий вопрос состоит в следующем: «Нам ничего не остается, как подыскать для коллективного объединения новый класс отношений, который хорошо отделен от других классов» (66_{5–7}). Но Гуссерль должен был учесть: понятие отношений и классов отношений (*Relationsklasse*), которое он попутно вводил и раньше, требует прояснения, тем более что некоторые из традиционных теорий, в коих уже применялось это понятие, Гуссерль не приемлет. С полемики против реляционистских концепций начинается небольшой разделчик III главы ФА «К теории отношений».

Правда, вводное рассуждение одного из сторонников «реляционной теории», Дж.Ст. Милля (оно было опубликовано как замечание к работе его отца, Джеймса Милля) сначала цитируется сочувственно: «Любые объекты, — пишет Дж.Ст. Милль, — все равно физические или ментальные, к чему-либо относятся, или состоят с какими-либо другими объектами в каком-либо отношении — в силу некоторого состояния сознания (*state of consciousness*), в которое они оба включены, [что имело бы место], даже если бы не было более сложного состояния сознания, нежели совместная мысль об этих двух объектах. И они относятся друг к другу многими самыми различными способами, иными словами, они находятся друг с другом во многих различаемых отношениях, причем существуют специфические, отличающиеся друг от друга состояния сознания, в которых оба объекта составляют их части»¹. Оговорив, что он в принципе согласен с таким определением и что «*state of mind*» (или «*state of consciousness*») следует здесь понимать как «*психический акт*», Гуссерль всё-таки сетует на неясность терминологии и снова спрашивает: «Что же надо понимать под “отношением” (*Relation*)?» (67_{7–8}).

¹ *James Mill. Analysis*, vol. II. P. 10 note, цит. по ФА. S. 66.

Мне кажется, что и гуссерлевский способ прояснения понятия «отношений» вовсе не ведет к какой-либо четкости в определении этого понятия. Ибо Гуссерль предлагает осмысливать требующее более точного определения понятие отношения в связке с другим понятием, в то время тоже весьма далеким от ясности. Это другое понятие — «феномен», что нас вряд ли удивит после ранее сказанного о внимании и раннего Гуссерля к теме феномена. Дополнительная сложность состоит в том, что при расшифровке понятия феномена Гуссерль, с одной стороны, опирается на работы Brentano¹, а с другой стороны (о чем уже упоминалось), не может скрыть своего критического отношения к брентановскому различению «физических» и «психических» феноменов. (Подробнее об этой теме — позже.) Сказанное требует от читателя напряженного внимания и интереса к тончайшим моментам и аспектам анализа и критики. Гуссерль, кроме того, предпочитает здесь двигаться окольным путем — не затрудняться предварительным выводением общего понятия отношений, а для начала дать их классификацию.

Предложенная автором ФА классификация отношений вкратце такова. 1) Один класс объединяет отношения, которые имеют характер *первичных содержаний* («физических феноменов» в том смысле, в каком их определяет Ф. Brentano) (68₆₋₈).

Дальнейшие проясняющие рассуждения автора ФА чрезвычайно сложны. Например, Гуссерль говорит: «Всякое отношение покоится на “фундаменте”; оно является комплексным феноменом, который в известном ...смысле охватывает частичные, составные феномены (Teilphänomene). Но отнюдь не любое отношение “охватывает” свой фундамент интенционально, т. е. таким специфически определенным образом, что “психический феномен” (акт, благодаря которому мы что-то замечаем, или акт воли и т. д.) охватывает свое содержание (нечто замеченное, волимое и т. д.)» (68₉₋₁₄). В силу важности как бы фирменного понятия «феномен» для будущей концепции Гуссерля снова задержимся на этих его упоминаниях темы уже в ФА. Для Гуссерля здесь существенны в высшей степени тонкие оттенки различий, касающиеся *всех* феноменов. Например, когда мы говорим о представлении, улавливающем подобие (Ähnlichkeit) двух содержаний, то

¹ Ссылка дается на: *Fr. Brentano. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Bd. I. Buch 2. Kap. 1.* Цит. по: ФА 67, сноска 3.

далеко не всегда речь идет именно о «психическом феномене», что может быть отнесено и к другим способам установления отношений. Иногда речь идет именно об отличных от психических феноменов «первичных» содержаниях. Отчетливо видно, что вводя понятие «феномен», Гуссерль никак не мог не обращаться к учению Brentano, и в частности, не упомянуть о тех специфических обращениях (к структурам сознания), кои у Brentano названы «*физическими феноменами*». Хочу предупредить читателей: здесь предпочитаю не вдаваться подробно в беглое освещение Гуссерлем — в связи с учением Brentano — темы «физического» феномена. Правомерность этого Brentanовского термина будет вызывать у него все больше сомнений; он деликатно выскажет их (вспомним: в книге, посвященной, «с глубочайшей благодарностью», учителю Францу Brentano) *всего парой страниц позже* (S. 70), в специальной сноске. В ней автор ФА уведомит читателей, что вообще будет «избегать выражения “физический феномен”»!

Что касается толкования интерпретаторами смысло содержания термина «феномен» в ФА (термина, важнейшего, фундаментального для будущей феноменологии), то положение сложилось двойственное. Не могу согласиться с теми авторами, которые непременно хотят увидеть в ФА не менее чем *раннюю версию* будущей феноменологии, но не поддерживаю и те толкования, согласно которым между ФА и ЛИ (II том) в этом вопросе нет точек соприкосновения. Подвижки в сторону будущей феноменологии я вижу и непременно их фиксирую по ходу всего анализа ранних работ Гуссерля. Но применительно к *понятию «феномен»* они состоят, полагаю, скорее не в самом факте употребления и традиционного, и — ближе — просто подхваченного у Brentano (и пока не насыщенного собственным «феноменологическим» смыслом) слова «феномен», а в других моментах. Каковы же они? Прежде всего это *прокладывание, опробование путей к весьма специфическому конкретному анализу сознания* (впоследствии — с применением рафинированной методики). Продолжим анализ ФА.

2) «На другой стороне, — разъясняет Гуссерль, — находится второй главный класс отношений, которые характеризуются тем, что здесь реляционный феномен является [именно] психическим. Если на многие содержания направлен некий единый психический акт, то

применительно к нему эти содержания [уже] объединены и отнесены друг к другу.

Когда мы осуществляем такой акт, то, естественно, было бы напрасным в содержании представлений искать отношения или их объединение (ещё и при условии, что *кроме того* там ещё оставались и первичные отношения). Ведь содержания объединены здесь единственно актом, что может быть замечено только благодаря специфической рефлексии именно на это объединение» (69_{9–20}). Все пока достаточно туманно. Рассматриваемые страницы ФА, по моему мнению, принадлежат к числу самых трудных в книге.

Так в чем же всё-таки состоит различие между двумя рассматриваемыми Гуссерлем классами отношений? Гуссерль поясняет: «первичные отношения принадлежат к той же ступени содержаний представления, что и их фундамент, а в случае “психических” отношений этого нет» (69_{30–33}). Итак, *решающим обстоятельством* для раннего Гуссерля, по-видимому, является *отсутствие или наличие соответствующей рефлексии* (также и рефлексии на то, что не вполне понятно объявляется «фундаментом»). В случае класса «первичных отношений» сами отношения — всего лишь момент, вплетенный в содержание представлений, причем момент неотрефлексированный. Второй класс — это собственно «психические» отношения, которые «для представления об отношениях требуют акта представливания (*des Vorstellens*), осуществляющего рефлексии на сам процесс установления отношений» (69_{36–37}). Непосредственное содержание описываемого именно здесь акта представления — *акт, устанавливающий отношение* (*die beziehungstiftende Akt*, 69₃₉), благодаря которому можно соотноситься с фундаментом. «Приводимые в соотношение содержания и [сами] отношения образуют, следовательно, содержание различных ступеней» (70_{1–2}).

Вот здесь-то Гуссерль и делает неброское, незапальчивое по форме (притом «сосланное» в примечания), но принципиальное по смыслу возражение против той части концепции Brentano, где были различены «физические» и «психические феномены». Второй термин (пока) как будто бы не вызывает критики и так или иначе используется в ФА. А вот применительно к термину «физический феномен» Гуссерль должен был объяснить читателям, почему он в предшествующем изложении стал «избегать» (*vermeiden*) его употребления: «Было неудобно

обозначать такие стороны, как подобие, увеличение (*Steigerung*) и т. д. словами “физический феномен”. Да и в самом деле, уже соединение в одно понятие слов «физический» и «феномен» противоречиво, ибо под «феноменом» изначально понимается «психическое», а не чисто «физическое» явление и состояние. Гуссерль добавляет, что Brentano фактически, по смыслу разумел «абсолютные первичные содержания» (то есть имел в виду *сознание*, а не нечто именно «физическое»), когда употреблял также и понятие «*физический феномен*». По Гуссерлю, Brentano в данном случае, говоря о «первичности» таких актов, подразумевал «индивидуальные феномены», а не абстрактные моменты созерцания» (70, сноска 1). Что же касается собственно «психических феноменов», то им уже присущ «признак интенционального внутреннего существования» (*intentionalen Inexistenz* — это тоже термин Brentano, который Гуссерль считает в принципе применимым и к осмыслению отношений). Правда, никаких более конкретных разъяснений по проблеме интенциональности автор ФА *здесь* не дает. Создается впечатление, что понятие интенциональности, которому впоследствии суждено будет — после его глубокой содержательной переработки — стать одним из центральных терминов феноменологии, *пока* трактуется просто как *сознательная рефлексия* по поводу психических актов и устанавливаемых в них отношений.

Гуссерль напоминает, что ещё имеются классификационное разделение отношений на *простые* (*einfache*) и *составные* (синтезируемые — *zusammengesetzte*). В данном случае Гуссерль ссылается на достаточно известного тогда автора М. Дробиша (M. Drobisch) — и притом на его книгу *по логике* («Новое изложение логики» — *Neue Darstellung der Logik*, 4 Aufl. Leipzig 1875. S. 34).

Гуссерль готов принять это различие, но при условии, что его не станут толковать так, как это делают Дробиш или другие авторы, а просто будут иметь в виду следующее: только отношения, которые относятся к отношениям же, правомерно называть сложными, составными (*zusammengesetzte*); отношения, в которых нет этого момента, можно считать простыми (71_{20–23}).

Предварительные рассуждения об отношениях были нужны Гуссерлю для того, чтобы снова перейти к центральной, в данном контексте, проблеме анализа, а именно к вопросу: «являются ли отноше-

ния, которые объединяют предметы (некоторой) совокупности и которые мы назвали коллективными объединениями, первичными отношениями в вышеназванном смысле, какими, например, являются метафизические и континуальные объединения, или мы должны, быть может, выделить [здесь] класс психических отношений?» (71_{26–31}).

Анализ дальнейших рассуждений Гуссерля поможет нам, с одной стороны, лучше уяснить смысл его различения «первичных» и (собственно) «психических» отношений, а с другой стороны, вместе с автором ФА продвинуться дальше по пути расшифровки специфики «коллективных объединений», которые, как мы теперь знаем, у Гуссерля ответственны за происхождение всеобщих числовых понятий.

Гуссерль предлагает разобрать какие-либо «первичные представляемые целостности» (*Vorstellungsganzen*). Скажем, речь идет о такой целостности представлений, которую мы называем «розой». Здесь — внимание! — речь у Гуссерля идет не о самой розе, а о том, как мы *представляем её как некую целостность*. При образовании этой целостности (все же *целостности сознания*) мы как бы последовательно движемся от одной части к другой отличающейся части: скажем, сначала мы видим, отмечаем, что у розы есть листья, стебель (физические части); потом мы говорим о цветке, его цвете, интенсивности цвета (ярко-красная роза), её запахе и т. д. «Каждая часть вычленяется благодаря тому, что мы её специально замечаем (*“durch ein besonderes Bemerken”*) и прочно объединяем в одно целое с другими частями. В качестве следующего шага анализа возникает, как мы видим, совокупность (*Inbegriff*), и именно как совокупность замеченных особо (*für sich*) частей целого» (72_{12–16}). Эта целостность, по Гуссерлю, созерцаема (*anschauliche*) — указание принципиально важное. Последующее же объединение — а оно именно «коллективное» — по Гуссерлю, уже может не иметь и часто не имеет признака созерцаемости, усматриваемости (72_{25–29}).

Сравним, приглашает Гуссерль в ФА несколько позже, «коллективные соединения» с отношениями равенства, подобия, увеличения и т. д. Благодаря ряду промежуточных ступеней анализа Гуссерль приходит к выводу, к которому склоняют, утверждает он, «многочисленные свидетельства, но прежде всего сам внутренний опыт» (73_{25–26}): «коллективное единство» само не дано доступным созерцанию образом

в «содержательном представлении»; сознание имеет его «только в известных (gewissen) психических актах, которые объединяющим образом охватывают содержание...» (73₂₈₋₃₀). Отношения единства, объединения здесь таковы, что объединяются «особые и специфически определенные первичные содержания отношений» (72₁₈₋₁₉). В таких случаях само объединение — нечто дополнительное, большее (das Mehr) сравнительно с наличием простой совокупности (dem bloßen Inbegriff), которая лишь удерживает (в сознании) части целого, не занимаясь объединением в подлинном смысле. А вот в случае реализуемого *объединения* отношения не просто имеются, но их можно воспринимать созерцательно, можно легко фиксировать в ходе *специального приемственного (континуального) анализа*. (Например, тогда, когда наш взгляд постепенно, последовательно и именно объединяющим образом охватывает все части розы).

Что же касается интересующего Гуссерля коллективного объединения, то он прямо-таки обескураживающе, парадоксально заявляет: «...коллективное объединение — в сравнении с первичными содержаниями — это в известном смысле случай отсутствия отношений (Relationslosigkeit)» (72₃₆₋₃₈). Чтобы понять, что это значит, вспомним, что суть и направленность гуссерлевского поиска состоит в том, чтобы раскрыть истоки действий сознания, благодаря которым мы «коллективистски» объединяем такие сосчитываемые с помощью одних и тех же чисел «предметы» в широком смысле, как, например, 4 яблока, 4 лошади, 4 ангела и т. д. «В этом случае содержания просто мыслятся “вместе”, мыслятся как совокупность. Их ни в коем случае нельзя считать действительно несоединенными, лишенными отношений. *Напротив, они соединены — [но] благодаря удерживающему их вместе психическому акту.* Однако в содержании этого последнего отсутствует всякое единение, которое можно было бы заметить» (73₃₋₇; курсив мой. — Н.М.).

Вот почему, заявляет Гуссерль, коллективные объединения вообще нельзя относить к классу первичных отношений (73₁₁₋₁₂). Отсюда — следующее определение «коллективных объединений»: они «не даны созерцательно в содержании представлений, но имеют своими частями только известные психические акты, которые обнимают содержания, объединяя их...» (73₂₇₋₃₀). «Совокупность», — делает Гуссерль,

общий вывод, который в силу его важности в резюмировании хода мыслей в III главе он выделяет разрядкой, — возникает тогда, когда пробуждается сам по себе объединяющий интерес и вместе с ним объединяющее подмечание (*Bemerken*) различных содержаний. Следовательно, коллективное объединение тоже можно ухватить только благодаря рефлексии на тот психический акт, благодаря которому вызывается к жизни данная совокупность (*Inbegriff*)» (74₇₋₁₃). Подтверждение всему этому мы можем легко найти во внутреннем опыте, заявляет Гуссерль. Когда люди мыслят вместе в высшей степени различные предметы (в примере Гуссерля — это красный цвет, луна и Наполеон, если мы говорим, что это *три* «содержания сознания»), то «соединение» возникает исключительно в данном акте мысли.

При этом акты, осуществляющие «коллективное объединение» (над чем предлагает задуматься Гуссерль), имеют *совершенно специфический характер*. Имеются акты «первого порядка» — с их помощью мы мыслим каждое отдельное содержание. А вот для их объединения нужны как бы синтезирующие акты, которые Гуссерль именует «актами второго порядка». А когда мы, например, выражаем множественность из шести объектов в форме 3+3 или 2+2+2, то в силу вступают «акты третьего порядка» (См. 74₂₀₋₃₄).

Специфический целевой интерес III главы ФА — это, напомним, как раз «коллективное объединение представлений», позволяющее образовывать специальные единства, совокупности (*Inbegriffe*) — относящиеся как к физическим предметам, так и к математическим понятиям. Гуссерль постулирует наличие переходов от созерцательно закрепляемых единств (скажем, единства частей самого предмета — листьев, стебля и т. п. розы, её качеств — цвета, запаха, их градаций, интенсивности) к единствам, которые прочно сохраняются в сознании независимо от того, созерцаются ли в любой данный момент или нет объединяемые части и предметы. Думается, что эта констатация верна и существенна. Верно то, что: 1) и при образовании, фигурировании слов и понятий любой степени сложности (роза, растение, луна, планеты и т. п.) какие-то сопутствующие *представления* играли и играют немалую роль (какие именно — специальный вопрос); 2) сами представления специфицируются, видоизменяются в зависимости от того,

какие задачи решает сознание, точнее, человек с помощью своего сознания — устанавливаются ли простые (einfache) отношения или «многочленные единства коллекции» (mehrgliedrigen Kollektionen) (74_{37–38}). Во втором случае, согласно Гуссерлю, возникает вопрос: имеет ли место целая ткань (Gewebe-паутина) из коллективных представлений? «Не думаю», — коротко отвечает на него Гуссерль (75₁). Ибо он полагает: «Коллигирующий акт охватывает все его члены без особых увязываний (Sonderverknüpfungen), и там, где, как мы полагаем, их можно заметить; более точное рассмотрение показывает: эти гетерогенные увязывания конкурируют с увязыванием в коллекции» (75_{1–6}). Иными словами, то, что Гуссерль называет «коллективным увязыванием», играет, согласно его констатации, «в высшей степени значимую роль во всей нашей духовной жизни. Всякий сложный феномен, который предполагает для себя замеченные части, всякая высшая деятельность духа и души (Geistes — und Gemütsätigkeit) требуют — для того, чтобы они вообще могли возникнуть, — коллективного соединения феноменов, относящихся к (её) частям (Teilphänomenen). И никогда дело не может состоять в движении только к представлению простых отношений (например, равенства, подобия и т. д.), если не совершается *удерживание объединяющего интереса и вместе с ним акт специального подмечания*, которые в свою очередь выделяют фундаментальные основания (die Fundamente) и (все это) удерживают в единстве. Эти психические отношения являются, следовательно, неизбежными психологическими предпосылками для всякого вообще отношения и связывания» (75_{17–28}, курсив мой. — Н.М.).

Итак, Гуссерль в своем анализе здесь бегло касается высших этажей тех духовных единств, которые действительно играют огромную роль в человеческой жизни. И предполагается, что понятия «отношений», «коллигирования» и их связи с представлениями могут (но, конечно, при специальном анализе) быть применены и к ним. Вместе с тем в конце обсуждаемой III главы Гуссерль «спускается вниз» — к самым повседневным и повсеместным феноменам, например, к «обычному языку» (gewöhnliche Sprache). Будущая гуссерлевская феноменология тоже будет отсылать — и для осуществления феноменологического анализа, и для проверки его результатов — к опыту над собственным сознанием, в этом смысле «внутреннему» опыту. Но в ней будут от-

работаны многочисленные процедуры, позволяющие — на основе особого «усмотрения», описания и т. д. — работать в этом поле, не говоря уже о том, что его надо будет сначала обрести с помощью особых процедур (феноменологическая редукция). Однако доверие к сознанию, его направленности на само себя («внутренний опыт»), основанное на возможностях, результатах многовековой деятельности философов, психологов, как, впрочем, и писателей (ведь говорил же Ф. Ницше о Достоевском как «последнем психологе») — все это налицо и в ФА.

Итак, разговор о «коллективном объединении», по Гуссерлю, касается не только (особо интересующих его в ФА) числовых понятий. «Коллективное объединение играет во всей нашей духовной деятельности в высшей степени значительную роль. Всякий сложный феномен, который предполагает наличие специально (*für sich*) замечаемых частей, требует для самого возникновения высшей деятельности духа и души (*Geistes — und Gemütsätigkeit*), состоящей в коллективном объединении особых феноменов — (*Teilphänomenen*, т. е. феноменов, относящихся к частям целого. — *Н.М.*). Никогда нельзя было бы прийти к представлению [даже и] простого отношения (например, отношения равенства, подобия и т. д.), если бы не было *фундамента в виде объединяющего интереса и вместе с ним акта подмечания* (*Bemerkens*). Это психическое отношение, следовательно, является необходимым психологическим предварительным условием для всякого вообще отношения и объединения» (75_{18–28} — определение фундамента подчеркнуто мною. — *Н.М.*).

Поскольку «коллективное объединение» имеет такой элементарный характер (не в смысле простоты, а в смысле фундаментальности, изначальности), не удивительно, согласно Гуссерлю, что данный факт запечатлелся во всех языках. В них всегда есть слово—союз «и» (*und*). Конечно, язык народа (*die Sprache des Volkes*) не создает специальных слов для обозначения процессов и процедур коллективного объединения. Это дело научного интереса. «Постоянные же цели мышления и речи требуют только языкового фиксирования того обстоятельства, что данные содержания объединены коллективистски, и эту функцию в нашем языке выполняет, причем совершенно адекватным образом, союз “и”» (75_{38–39}–76_{1–4}).

Между прочим, Гуссерль (в сноске к стр. 76 ФА) ссылается на Дж. Локка, говоря, что в «Опыте о человеческом разуме» (кн. II, глава IX) английский мыслитель рассуждает именно о деятельности «коллигирования», правда, применяя термин «compounding» (составление, сочетание) и отмечая, в частности, что благодаря такой деятельности образуются числовые единства (76, сноска 1).

Резюме к III главе

Мы шаг за шагом проанализировали три первые главы ФА (в книге всего XIII глав). Гуссерль, как мы видели, в этих начальных главах, во-первых, хотел опровергнуть ряд теорий, посвященных интересовавшим его проблемам, но, по его мнению, оказавшихся неадекватными поставленной цели, а именно отысканию генезиса всеобщих числовых понятий. Во-вторых, он начал решать и позитивные теоретические задачи, осмысливая те содержания, процессы, действия, структуры сознания — четко и часто употребляя для их обозначения слово «феномен», — которые он делал непосредственно ответственными за происхождение особо интересовавших его математических понятий. Забегая вперед, скажу, что проблему и понятие коллективного объединения он станет разъяснять в последующих главах на более конкретном материале, благодаря чему и проблемы, и решения, и методы ФА станут более понятными. Но и на данной стадии (по существу предварительного) анализа уже можно подвести некоторые итоги и высказать первые оценки смысла и значимости совершенно необычных, специальных понятий «коллигирования», «коллективного объединения» (последнее по своей лингвистической форме, по крайней мере в связи с трудностями передачи на русском языке, вряд ли можно считать удачным).

Считаю, что и проблема «коллигирования», и понятие «коллективного объединения» в самом деле фундаментально важны для понимания некоторых существенных сторон деятельности человеческого сознания и что Гуссерль имел все основания предложить их для обсуждения именно в связи с числовыми понятиями, понятиями ма-

тематики. Какими бы ещё несовершенными ни были предложенные автором ФА различения и их объяснения, само по себе выделение «коллективных объединений» и их обособление от того, что Гуссерль назвал «первичными отношениями», имело, полагаю, полный смысл. И оно отнюдь не тождественно было ни чисто психологическому исследованию, ни тем более «психологизму». Ведь *процессы и действия сознания*, обращенные к целостным предметам и состояниям, соотношение частей которых нам как бы дано и может устанавливаться созерцательно (пример с розой), действительно требовали более тщательного исследования. Что ещё до Гуссерля поняли Brentano и представители его школы. При всем несовершенстве терминологии *различение феноменов сознания* было исходным шагом, предпосылкой, без которых трудно представить себе возникновение и дальнейшее развитие гуссерлевской феноменологии. На этом пути объективно потребовалось прежде всего выделить и отличить отношения, которые, конечно, фиксируются, раскрываются в нашем сознании и тоже благодаря особой деятельности сознания, однако соответственно тому, каковы они в «предстоящей» сознанию и представлению предметной целостности. Мы можем, например, в любой актуальной, важной и интересной для нас последовательности двигаться *от представлений* о листьях розы к *представлению* о цвете и т. д. Но здесь должны быть соблюдены по крайней мере четыре условия, характеризующие такие «первичные отношения» (у Brentano неадекватно поименованные «физическими» феноменами).

Во-первых, сами *отношения* частей предмета должны существовать как *исходная данность* (для наличия более или менее сохранного предмета, называемого розой, нужно, чтобы цветок «соотносился» со стеблем, листьями и т. д.). Вот почему Гуссерль в контексте «первичных» отношений употребляет как будто неуместные в данном случае «высокие» философские слова — «метафизические соединения в метафизическом целом» (ФА, 71₃₄–72₁). Полагаю, он по существу имеет в виду как раз исходную *бытийную данность предметов и их отношений*, о которой всегда толковали метафизика и её часть, онтология.

Во-вторых, в случае «первичных отношений» их можно и нужно фиксировать созерцательно (*anschaulich*), причем именно в наиболее прямом смысле. Так, в случае розы (или какого-угодно материально-

физического предмета) мы способны как бы «видеть отношения» между её частями. Гуссерль пока что не вдаётся подробно в вопрос о том, что простое «созерцание», непосредственное видение *частей розы* и «*видение отношений*» отличаются друг от друга. Впоследствии он лучше осмыслит этот оттенок, благодаря чему возникнет ключевое для феноменологии понятие «*Wesensschau*», *усмотрения сущности*, т. е. *свершено особого созерцания*.

В-третьих, пусть «первичные отношения» устанавливаются именно сознанием, деятельность последнего имеет, скорее, вторичный характер применительно к самим отношениям и не может слишком далеко отступать от содержаний, имеющихся в представлении. Поэтому в случае соотнесения одних первичных содержаний с другими (для «первичного» установления подобия, сходства, различия и т. д.) сознание привычно «соединяет соединимое» — скажем, сосчитывает два, три и т. д. яблока — и не решается на сопоставление того, что кажется «несоотносимым». (Например, в одном из юмористических рассказов А. Чехова как пример смешной нелепости приводится вопрос: «Какая разница между огуречным рассолом и недоумением?»).

В-четвертых, пусть необходимым условием, предпосылкой рассмотрения первичных отношений и содержаний и является хоть какой-то анализ (ФА, 72₇₋₈); правда, и здесь требуется, как мы установили вместе с Гуссерлем, вычленение частей и подмечание (*Bemerken*) их связи, — пусть так, но несмотря на все это мы не можем и не должны утверждать, что фиксируемые связи, отношения — единственно лишь результат данных актов сознания.

Мне думается, Гуссерль здесь правильно вводит особую проблему, но вот какую, надо определить максимально точно. Ведь это не проблема отличия розы, как цветка, существующего вне сознания, и представления о ней, а *проблема различия между двумя типами представлений (актов, действий, структур) сознания*. Нет сомнения в том, что поставить и сформулировать *свою* проблему именно таким образом Гуссерль имел полное право и что эта проблема существенна, причем не только для психологии, но и для философии, теории познания. (Об её отношении к логике и математике скажем несколько позже.)

Интересно, что о “первичных отношениях” как феноменах сознания Гуссерль говорит, так сказать, предварительно — для того именно,

чтобы затем перейти к непосредственно интересующему его материалу, а именно к таким феноменам сознания, которые Brentano назвал «психическими феноменами» и из моря которых Гуссерль в этой главе ФА специально выделил для анализа деятельность по «коллективному объединению» представлений.

Поскольку Гуссерль избирает особый путь первоначальной презентации последних — через их противопоставление рассмотренным «первичным отношениям» и содержаниям и поскольку такой путь вполне правомерен, суммируем теперь специфические отличия «коллективных объединений» (по тем же четырем пунктам).

1. «Отношения», которые могут устанавливаться в данном случае, настолько непохожи на «первичные отношения», что Гуссерль даже парадоксальным образом говорит... об отсутствии отношений! В его примере — мы можем объединить, скажем, красный цвет, луну, Наполеона и т. д. в одном представлении о трех содержаниях сознания, хотя между ними нет отношений, доступных «созерцательному» установлению. (Такое «глобальное» онтологическое соображение, что красный цвет, луна и Наполеон в какое-то время сосуществовали в общем порядке космоса и что Наполеон мог любоваться и луной, и красными предметами, здесь не в счет.) Суть в том, что человеческое сознание творит, создает любые сочетания как будто бы несочетаемых действительных предметов и содержаний (не только фантастические «предметные» содержания, подобные кентаврам). *В известном смысле о любой творческой деятельности сознания можно говорить как об объединении в сознании того, что в какое-то время кажется непосредственно не соединенным.* Вполне понятно, почему Гуссерля интересует именно такая деятельность. Ибо применение чисел равно к материальным предметам, к мыслям, к предметам фантазии, с одной стороны, поначалу могло казаться странным, причудливым соединением несоединимого. С другой стороны, такие соединения становятся не менее прочными, и главное, осуществляются благодаря приемам, механизмам сознания, не менее действенным и всеобщим, нежели соединение окон, дверей, стен в представлении о доме или стебля, цветка в представлении о розе.

Общефилософское замечание Гуссерля о *высочайшем значении такой «деятельности духа и души» для человека и человечества* тоже впол-

не оправданно и уместно. Дело ведь не только в числах. Наука, культура, религия — сферы творения таких не находимых в чистом виде в окружающей природе новых «предметов», идеальных смыслов, причудливых сочетаний и т. д., которые, вместе с тем, приобретают для отдельных индивидов и всего человечества вид прочных, чуть ли не вечных «идеальных реальностей», над обработкой коих люди умеют трудиться специально и не менее успешно, чем над видоизменением материальных предметов и процессов. И здесь намечаются темы, весьма перспективные для дальнейшего развития Гуссерля как мыслителя. (Естественно, что вчерашнего математика привлекли прежде всего такие продукты коллигирующей деятельности, как всеобщие математические понятия. Однако очевидно, что автор ФА уже должен был придавать такой деятельности всеобщее же значение.)

2. В случае «коллективного соединения» теряет свое значение возможность такого же созерцательного фиксирования отношений, какое характерно для первичного слоя. В самом деле, узреть непосредственно, чувственно соединить идеализированные содержания невозможно. Однако — внимание! — здесь важнейший пункт, позволяющий понять специфическую постановку сущностных проблем и в ФА, и в собственно феноменологических работах Гуссерля: *какое-то «созерцание», «усмотрение» реально имеет место в сознании и в случае «коллективного объединения», а потому уже изначально учитывается и исследуется этим мыслителем.* Мы ещё не раз будем обращаться к данной теме, ибо она имеет множество самых различных аспектов, часть из которых обсуждается уже в ФА. Здесь же в общей форме отметим, что *область числовых понятий* (как и наук о количестве, т. е. математических наук) многими нитями связана с созерцанием — и с тем, которое характерно для «первичных» отношений и содержаний, и с тем специфическим видом «усмотрения сущностей», которое Гуссерль станет специально и обстоятельно анализировать начиная с «Логических исследований».

Отсюда, в частности, можно лучше понять, почему одним из самых главных в ФА становится широко трактуемое слово «*Vorstellung*», *представление*. Его понимание в ранней работе довольно заметно отличается от специального, более частного анализа акта представления, в скажем поздней философии Гуссерля (или у Мерло-Понти, или

у других авторов-феноменологов). В ФА «*Vorstellung*» и само его постоянное присутствие скорее означает уже осознанное Гуссерлем (перспективное для всей его последующей философии) *неустранимое знание специфического «созерцания», «усмотрения», т. е. какого-либо вида интуиции, для работы с любым сколь-угодно абстрактным, отвлеченным, сугубо формализованным результатом деятельности сознания.* Подобно тому, как Кант неразрывно связал формы пространства и времени со специфическим, т. е. «чистым» созерцанием, так и ранний Гуссерль хотел приоткрыть завесу над (по крайней мере генетическим) единством всеобщего, запечатленного в готовых, сформировавшихся математических понятиях, и таких неустранимо с ними связанных созерцательных моментов, как (обобщенно же понятие) представления. И этот интерес молодого автора совершенно обоснован, почему принципиально неверно, еще и еще раз подчеркиваю, сводить опору на «представление» к некоему «психологизму» как принципиальной-де ошибке.

3. Специфическое отличие тех структур, форм, действий сознания, которые Гуссерль (вслед за Brentano) пока ещё именуется «*психическими феноменами*», состоит именно в (кажущейся почти неограниченной) *свободе творения прочных объединений*, в коллигировании, о котором автор ФА, *в принципе*, имел *некоторые* весомые основания сказать, что таковое объединение по существу первоначально рождается лишь *благодаря* актам коллигирования и *вместе* с ними. (Конечно, есть определенные предпосылки объединения вне этого акта, — и Гуссерль далее ещё будет их обсуждать.) Отвергнуть такого рода гуссерлевские формулы как «идеалистическую чепуху» (что делалось, скажем, в советское время в ряде работ о феноменологии) принципиально ошибочно, причем по разным причинам. Ибо *предпосылки* все более свободного и все более широкого применения чисел при пересчете каких-угодно предметов, данностей, содержаний имеются и в самих этих «предметах» и их соотношениях. Однако *числа, особые системы счета и т. д. в них непосредственно не содержатся* (если, конечно, не впадать в примитивный платонизм) — *они, действительно, впервые возникают в особых актах сознания, которые и интересуют Гуссерля в ФА.* Мы ещё поразмыслим над этими темами по мере того, как вместе с автором ФА углубимся в обсуждение всех родственных

проблем, про которые, снова замечу, совершенно неверно было бы говорить, что это — вопросы (в основном) психологические и что обсуждаются они в чисто психологистическом духе. Да, они тогда рассматривались и в психологии. Но далеко не только в ней. Снова и снова подчеркиваю: удивительным для вчерашнего математика образом *ФА Гуссерля прежде всего вводит нас в мир коренных проблем философии вообще, теории познания, логики, в частности, философии математики, в особенности.*

Но снова не избежать вопроса: почему сам Гуссерль называет феномены, акты сознания «психическими», а их анализ — «психологическим»? Я бы ответила вопросом на вопрос: а как прикажете называть такие «акты» (скажем, акты представления)? Если поразмыслить, адекватное, устраивающее всех название, которое учло бы все главные моменты (обращенность к «внутреннему опыту», особую рефлексию и т. д.) и устранило бы понятное недовольство традиционными и современными терминами (разделение на «внешний» и «внутренний» опыт, Brentano'sкое различие «физических» и «психических» феноменов и т. д.), — такое обобщающее терминологическое обозначение интересующих Гуссерля актов сознания тогда было чрезвычайно трудно подобрать. И использованные им (вслед за Brentano) обозначения — «*психический акт*», «*психический феномен*» — были, возможно, не лучше, но и не хуже других. Да и сегодня трудности такого рода остаются. Попробуйте, предложила бы я авторам, именно из-за таких *названий и определений* упрекающих Гуссерля в психологизме, подобрать какое-либо другое название для описанных Гуссерлем *специфических актов* сознания, — и вы увидите, как это трудно. А увязывание их анализа именно с «*психологией*» произошло по причинам, о которых мы уже не раз говорили — как говорили и о том, что *на деле* Гуссерль решает философские, логические, а не только дисциплинарно-психологические задачи. Впрочем, если бы автор *ФА* решал только или по преимуществу *психологические* задачи (а этого, повторяю, не было), что в этом было бы научно недостойного?

И ещё одно соображение. Когда в начале следующей, IV главы *ФА* Гуссерль пишет: «После того, как мы установили *психологическую* природу коллективного объединения, мы можем довести до конца выполнение нашей задачи — обнаружение происхождения и соедине-

ния понятий множественности, числа, как и отдельных числовых понятий (*Anzahlbegriffe*)» (77₄₋₇ — подчеркнуто мною. — *Н.М.*) — то всё это осталось бы полностью не понятым в случае простого и общего отнесения соответствующего анализа к (воображаемой) сфере некоей психологии. На деле при упоминания о «психологической природе» анализа у Гуссерля и его интерпретаторов имеется в виду, как мы установили, достаточно сложное и комплексное содержание.

Резюмирую моменты, которые отчетливо обозначились именно в III главе. «*Психологическая природа*» коллективного объединения у Гуссерля подразумевает:

а) обращение к деятельности, к структурам, актам сознания, причем это

б) деятельность высокого этажа сознания, рефлексирования, пусть рефлексия касается менее осознанных первичных отношений. И она, эта деятельность, должна быть рассмотрена в) с точки зрения таких *совершенно особых актов, которые ответственны за объединение представлений сознания*, в частности, ступенчатым образом ведущих к формированию, обобщению, закреплению в сознании всеобщих числовых понятий.

Можно видеть, каким сложным теоретическим конструктом становится исследуемое «коллективное объединение». Отчасти этот конструкт способно формировать и подмечать само сознание, но всплыть на поверхность анализа он может тогда и только тогда, когда теоретик поворачивает к нему своё и наше внимание. Ту дисциплину, к которой подобный анализ, в случае его исполнения, может быть отнесен, отчасти правомерно назвать и «психологией» (да и современники Гуссерля, многие из которых *одновременно* были психологами, логиками, философами, так её и называли) — но с обязательными уточнениями.

Во-первых, это была и будет особая психология, тесно связанная с философией, теорией познания; а здесь ещё — и с философией математики.

Во-вторых, в «готовом виде» образцы такого же или подобного анализа нельзя будет обнаружить ни в психологии, ни в философии, тогда уже существовавших, почему, собственно, Гуссерль подвергает критике почти все (если не буквально все) концепции, имеющиеся в данных дисциплинах.

В-третьих, самому Гуссерлю, тем более его читателям, ещё оставалось неясным, во что выльется подобный новаторский тип исследования сознания, к которому только ещё пробивался автор ФА. А устремился он, что выяснилось лишь впоследствии, к тщательному, конкретному исследованию феноменов. Предварительно же — к более основательной и специфической отработке нового, в полном виде беспрецедентного для традиции употребления понятия «феномен». И на той стадии, к которой во время написания ФА смог подняться Гуссерль, не вполне адекватное обозначение «исследование *психологической* природы» было по-своему неизбежным. Но *нацеленность на тщательное исследование сознания в качестве предпосылки выявления генезиса всеобщих понятий — а эта нацеленность станет впоследствии отличительной особенностью феноменологии Гуссерля — уже существовала.*

В этом мы убедимся, обратившись также и к следующим главам ФА.

4. «НЕЧТО», «ОДНО», «МНОГОЕ» (IV глава «Философии арифметики»)

В IV главе ФА Гуссерль более конкретно приступает к выполнению задачи, которую он поставил перед собой уже в начале книги. Это исследование *происхождения в сознании понятия натурального числа (Anzahl)*, средством для чего он избирает здесь возвращение к теме генезиса (Ursprung) и содержания (Inhalt) понятия «множественности» (Vielheit).

Любопытно то, что сам автор ФА испытывает неудобство касательно терминов, которые он до сих пор использовал. Это относится, например, к понятиям целого и части, которые в литературе, в дискуссиях употреблялись и употребляются в самых разных смыслах. Напомню, что один из разделов «Логических исследований», который сам Гуссерль впоследствии оценивал наиболее высоко, называется «Целое и часть». Но данные категории, перспективные для будущей феноменологии, в разбираемой главе ФА встречаются очень редко (См. 77_{16–21}). Сомнения в том, что именно разумеет Гуссерль, используя тот или иной термин, могут касаться и введенного им самим и уже разбиравшегося необычного понятия «коллективное объединение». Поскольку же в IV главе речь как будто бы будет идти о *понятиях математики (большинство из них здесь все же осмысливаются как понятия философии)*, Гуссерлю было важно также разобраться в смысле понятия самого «понятия», что помогает ему также провести различие между терминами «коллективное объединение» и «множественность», которые кому-то, говорит он, могут показаться тождественными.

Когда мы употребляем понятие *множественности*, продолжает свои размышления Гуссерль, то все-таки имеем в виду *не процедуры* коллективного объединения, а *само «коллективное целое»* (das kollektive Ganze). Первое, то есть коллективное объединение, презентует «абстракт»

(das Abstraktum), который «лежит в основе всеобщего понятия множественности или коллективного целого, тем самым составляя “значение” имени “множественность” (Vielhalt) в логическом смысле; но это “значение” ещё не определяет всего логического содержания данного имени. Целостное понятие, которое ему соответствует, это понятие какого-то “Нечто, которое является моментом коллективного объединения”. При таком толковании понятие коллективного объединения является существенной составной частью понятия множественности; но они не тождественны друг другу» (78₁₅₋₂₃).

Что-то подобное, отмечает Гуссерль, имеет место в случае других всеобщих имен. Например, мы говорим о человеке как таковом. Это значит, что мы обладаем понятием «какого-либо Нечто», которое обладает такими-то и такими-то признаками. В словоупотреблении здесь есть двусмысленность: понятие «человек» — это одновременно и *всеобщее*, и *абстрактное* понятие. Когда «выдающиеся (hervorragende) психологи» (так в тексте ФА) Лотце и Штумпф «говорят о множественности как об отношении», то имеют в виду, по Гуссерлю, не что иное, как «коллективное объединение» (78₃₁₋₃₅), пусть они и не употребляют именно данный термин. Все сказанное, продолжает Гуссерль, можно выразить и в иных словах, «которые важны для нашего дальнейшего анализа» (79₁₋₃). Для этого необходимо «несколько *точнее расчленить тот процесс абстрагирования, который и порождает понятие множественности*» (79₃₋₄ — курсив мой. — Н.М.).

Подчеркнутые мною курсивом слова Гуссерля считаю исключительно важными. Благодаря им становится более ясной сама *направленность гуссерлевского анализа*, причем не только в ФА, но и в последующих произведениях. В заметной и очень значимой своей части *будущая феноменология, здесь только зарождающаяся, и состоит в «более точном», более подробном и скрупулезном мыслительном, теоретическом расчленении и аналитическом прояснении актов, процедур, структур сознания* — и я бы добавила: также и при постоянном синтезировании ранее расчлененных элементов в новые целостности.

Вернемся теперь к тексту рассматриваемой главы. Здесь опять-таки даются формулировки, которым суждено было сохраниться и в последующих произведениях Гуссерля, правда, уже в преобразованном виде. Мы говорили ранее о фундаментальной роли, которую

этот философ приписывает созерцанию. И вот ещё одно тому подтверждение. «Ни одно понятие, — пишет Гуссерль, — не может быть помыслено без его фундирования в (каком-либо) конкретном созерцании. Так и в случае, когда мы представляем понятие множественности, мы всегда имеем в сознании созерцание какой-либо конкретной множественности, от которой мы абстрагируем всеобщее понятие» (79₆₋₁₀). Однако вся трудность состоит в понимании того, *как именно* протекает абстрагирование, ведущее ко всеобщему. Гуссерль находит довольно специфическое разрешение этой трудности. «Отвлекаться или абстрагироваться от чего-либо — это означает только, что мы не замечаем специально [именно] это нечто (etwas). Выполнение требования полностью абстрагироваться от содержательных особенностей совершенно не приводит к такому эффекту, когда бы содержания и, вместе с тем, их единение исчезли из нашего сознания. Понимание содержаний и их соединение (Kollektion), конечно, являются предварительными условиями абстракции. Но в случае абстрагирования интерес направлен не на содержание, а исключительно на мыслительное связывание — и это всё, что тут имеют в виду» (79₁₈₋₂₇).

Далее Гуссерль следующим образом описывает процесс абстрагирования в случае движения ко всеобщим понятиям (здесь — к понятию множественности, а впоследствии и натурального числа). Когда-то и каким-то образом люди обрели в сознании «данность» определенных, отдельных, особых содержаний. Но для движения к всеобщим понятиям надо было от них отвлечься, абстрагироваться. И после мы уже «не обращаем на них (специального) внимания (beachten wir sie nicht)» как на *определенные* содержания. «Главный интерес концентрируется всего более на коллективном объединении, в то время как упомянутые содержания предстают, бывают рассмотрены и приняты во внимание в качестве какого-либо нечто, чего-то одного (irgend etwas, irgend eins)» (79₃₂₋₃₅).

На прояснении этого момента снова надо остановиться. Подобные слова и уточнения — «замечать», «обращать внимание», «концентрировать интерес» и т. д. — подчас воспринимаются в литературе как свидетельство несомненного психологического уклона анализа и даже как ясное проявление психологизма в ФА. Но подобные термины мы встречаем также в зрелой и поздней феноменологии Гуссерля. Ибо

речь идет о *совершенно оправданных и существенных сторонах всякого анализа сознания*, в том числе и чисто философского. Что существенно, такой анализ прямо соответствует *работе* самого сознания, в которой и повороты внимания, и влияние особого интереса, несомненно, являются отличительными чертами. Автор ФА, правда, ещё не дает настоящего разъяснения всех этих трудных и спорных моментов. Однако они вытекают из определенного понимания сознания и специфического подхода к нему, которые впоследствии приобрели более четкие и именно феноменологические очертания. Ведь человеческое *сознание*, что будет подробно разъяснять и уточнять Гуссерль в ЛИ и особенно после них, представляет собой *непрерывный, необратимый поток*, по отношению к которому все операции рефлексии, анализа, в том числе анализа философского, *действительно* представляют собою подмечание (Bemerken), обращение внимания, концентрацию интереса и т. д. И здесь нет (повторяю ещё и ещё раз) ни уклонения в *одну лишь психологию* (что, как разъяснялось, совсем не является каким-то научным грехом), ни тем более сползания к психологизму. Верно и утверждение Гуссерля о том, что при всех процессах абстрагирования отвлечение от каких-либо отдельных, специальных аспектов содержания отнюдь не означает их исчезновения из потока сознания. А означает лишь то, что мы перестали в тот или иной момент обращать внимание именно на них. Однако в наших силах снова вызвать их в сознании, сделать предметом нового теоретического созерцания, во всяком случае как бы поставить их перед нашим взором — в случае возникновения соответствующего исследовательского (или какого-нибудь другого, например, психиатрического, медицинского) интереса.

Вот теперь исследовательская мысль Гуссерля в ФА переместилась к тонким моментам расчленения процедур сознания, отвечающих именно за процессы коллективного объединения. На пути к нему и, соответственно, к понятию множественности естественно вычленилась направленность анализа на (какое угодно) «нечто» и на (какое угодно) «одно».

«Нечто» (Etwas) и «Одно» (Eins)

«Понятие “нечто”» (Der Begriff Etwas) — так называется очень маленький (всего одна страница), но весьма значимый разделчик анализируемой главы. Теперь Гуссерль видит свою задачу в том, чтобы точнее охарактеризовать понятие «Нечто» с точки зрения его содержания и возникновения (80_{10–11}). «“Нечто” — это некое (ein) имя, которое пригодно для обозначения любого мыслимого содержания. Всякая действительная или мыслимая вещь — это Нечто. *Но мы можем назвать этим именем также суждение, акт воли, понятие, невозможность, противоречие и т. д.*» (80_{12–15}). То обстоятельство, что Гуссерль необходимым образом приходит к этому философскому понятию, легко уясняется, если мы вспомним: автор ФА стремится разгадать тайну происхождения *всеобщего* понятия числа как такового, натурального, кардинального числа (Anzahl), в частности и особенности. А чтобы применить эти понятия именно всеобщим образом, т. е. относить к любым содержаниям, человеческое сознание, действительно, должно было как бы обезличить самые разные содержания, сделать их однородными, а потому исчислимыми. На этом пути их, в самом деле, надо было превратить лишь в мыслимое «нечто», причем в некоторое безличное «одно».

Гуссерль высказывает предположение, что «понятие “нечто” обязано своим возникновением рефлексии на психический акт представления, в качестве содержания которого дан всякий определенный объект» (80_{23–25}).

«Нечто», таким образом, только внешним и несобственным образом принадлежит содержанию любого конкретного предмета, как «какой-то *релятивный* и *негативный* атрибут; его и надо обозначить как релятивную (относительную) определенность. Конечно, понятие “нечто” никогда не бывает помыслено без того, чтобы стало бы наличным какое-либо содержание, на которое направлена рефлексия; но для обозначения этого достаточно простого имени “нечто”» (80_{28–33}).

...Когда я работала над осмыслением этого текста Гуссерля, то сразу вспомнила о «Науке логики» Гегеля. Ведь это Гегель писал о категории «Нечто» (Etwas, в данном случае слово написано, как потом будет и у Гуссерля, с большой буквы, хотя обиходное слово «etwas» немцы

пишут с маленькой буквы). Нечто, с одной стороны, приобретает для представления значение чего-то *реального*, а с другой стороны, Нечто есть пока ещё «поверхностное» («*oberflächliche*» — у Гегеля, «*äußerliche*» — у Гуссерля) и «негативное» определение. Гегель говорит здесь о переплетении «реальности» и «негации» (Negation, отрицания).

Итак, именно у Гегеля, которого Гуссерль не только плохо знал, но почти что ненавидел, автор ФА мог бы найти немало моментов, родственных его анализу. И пусть Гегель ведет речь о некоторых онтологизируемых определенностях, выражая их в категориях сферы Бытия, а Гуссерль анализирует акты и деятельность сознания, — и у Гегеля здесь попадаетеся слово «представление», *Vorstellung*. Это еще раз подтверждает (дорогую мне лично) идею об *объективной* перекличке идей различных философов, относительно независимой от того, каково могло быть субъективное отношение одного к другому — скажем, Гуссерля к Гегелю. Объективную, никак не планируемую Гуссерлем перекличку с гегелевской «Наукой логики» можно найти и в ряде дальнейших рассуждений в ФА.

Вернемся к разбору ФА. Мы видели, что для Гуссерля существенна следующая функция понятий «Нечто» и «Одно»: благодаря их опосредованию затем можно мыслить «любое отдельное из определенных содержаний, которое охватывает конкретное представление о множестве» ($80_{36} - 81_{1-2}$). А отсюда уже остается несколько шагов к родовому, т. е. всеобщему понятию *Anzahl*.

Мы нередко говорим (и мыслим) так: есть «одно» (один) и ещё «одно» (один), и еще «одно» и так далее. Это «и так далее» — очень важная в данном контексте часть фразы, поскольку она демонстрирует «известную неопределенность» (81_{9-11}) как существенную сторону понятия *Anzahl*. Дело не в том, что тут простирается некая бесконечность, а в другом: *определенное* ограничение ряда натуральных чисел здесь вряд ли является существенным моментом (81_{16-18}). «Если мы, однако, хотим устранить эту неопределенность, тогда открываются многие возможности, причем становится ясно: соответственно этим возможностям понятие множественности распадается на многообразие определенных, резко отграниченных друг от друга понятий, понятий чисел. Возникают понятия, подобные таким: “одно и одно”, “одно, одно и одно”, “одно, одно, одно и одно” и т. д. И в силу их

в высшей степени примитивного характера и их практической важности, по крайней мере в ограниченном объеме — когда они легко делались различимыми — они формировались уже на низших стадиях духовного развития человечества, так что имена “один”, “два”, “три”, “четыре” и т. д. относятся к самым ранним творениям во всех языках» (81_{19–30}). Эта беглая и редкая отсылка к историческому опыту человечества тем не менее показательна и уместна в обсуждаемом контексте.

Гуссерль подчеркивает, что все разбираемые им в данной главе понятия родственны друг другу. Родство же, в свою очередь, покоится на родстве «синтезируемых частичных представлений (“одних”, *der Einen*, или единиц, *Einheiten*), как и на элементарном подобии объединяющих их психических актов; они направлены на то, чтобы отграничить числовые понятия как хорошо охарактеризованный класс понятий и чтобы служить основанием для всеобщего их наименования. Эту цель и реализует понятие натурального числа (*Anzahl*). “*Anzahl*” — это общее понятие по отношению к понятиям “два”, “три”, “четыре” и т. д. Правда, в таком случае говорят о всеобщем *понятии*, а не о всеобщем *имени* “*Anzahl*”» (82_{11–19}).

Автор ФА предупреждает: нельзя думать, будто «*Anzahl*», взятое во всеобщей форме, можно было бы извлечь из частных представлений в виде «физических» частей — как это возможно по отношению к цветам или форме физической вещи. После этого Гуссерль переходит к ранее уже затрагивавшейся им теме соотношения понятий натурального числа (*Anzahl*) и множественности (*Vielheit*).

Но теперь он анализирует её на основе полученных аналитических различий относительно актов, процессов, действий сознания. Вопрос, поставленный автором ФА, звучит здесь весьма специфически: «Ну и как ведут себя теперь понятия *Anzahl* и *Vielheit*?» (82_{31–32}). В самом деле, как «поведут себя» эти особо важные для Гуссерля понятия — теперь, когда в дело введены тонкие и специальные аспекты анализа сознания?

Гуссерль считает, что анализы первого и второго понятий как бы находятся на различных стадиях. «Различие состоит в том, что понятие *Anzahl* уже имеет своей предпосылкой различение друг от друга абстрактных форм множественности, а понятие множественности такой предпосылки не имеет» (83_{1–5}). Поэтому *понятие* «*Anzahl*» по-

нимается — на данной стадии — как понятие родовое, проистекающее из «различных, определенных форм множественности, их чисел, как видовых понятий; понятие же множественности, напротив, вырастает непосредственно из сравнения конкретных совокупностей (Inbegriffe)» (83₅₋₉).

В чем тут состоят *действительные проблемы*, на решение которых нацелено гуссерлевское исследование? Гуссерль, как мы видели, изучает акты, процессы, процедуры, действия сознания, поскольку они ведут, по его мнению, ко всеобщим числовым понятиям. И исходит он из того, что можно выделить — притом *не эмпирическим, а «чистым», логическим образом* — некоторые предполагаемые предпосылки и разбираемые последовательные шаги, без которых нельзя получить всеобщего понятия, например, *всеобщего родового понятия натурального числа*. В случае последнего предпосылки и мыслительные шаги сознания, выделяемые Гуссерлем, состоят в следующем. «*Предпосылки*» (не разбираемые специально, а просто предполагаемые) — это «когда-то» определяемые конкретные, специфические содержания, запечатленные в соответствующих представлениях. Например, люди на ранних исторических стадиях (и отдельные индивиды в детстве) научаются считать, используя свои пальцы или какие угодно вспомогательные предметы. На этих стадиях уже есть какое-то «понятие» числа, но всеобщим оно не является. Какие бы различные системы обозначений ни применяли древние народы, то, что мы сейчас обозначаем числом «один», было для них совершенно конкретным, притом созерцательно-предметным представлением (что запечатлелось в истории различных языков). Процесс абстрагирования в истории человеческого рода, несомненно, протекал долго и трудно. Непросто он реализуется и в процессе становления каждого отдельного человека. Ребенок учится считать в раннем детстве, проходя здесь через различные стадии, на которых, в частности, осуществляется абстрагирование от всей конкретности исчисляемых предметов. И хотя Гуссерль, о чем уже говорилось, сам абстрагируется от онто- и филогенетических аспектов темы происхождения всеобщих (в данном случае — математических) понятий, именно в разбираемой главе он очень кратко упоминает и о них (со ссылкой на немецкие переводы книг английских авторов Е. Тейлора, Е. Тйлор и Дж. Лаббок, J. Lubbok о «примитивных культурах» — сноска к стр. 83).

Поэтому Гуссерль в принципе прав, когда запечатлевает такой и исторически, и логически необходимый шаг в становлении всеобщего понятия числа, как *отвлечение от всего конкретного в каких-либо особых содержаниях сознания и удержание лишь того, что они фиксируют “нечто” (Etwas) как доступное выделению, (относительному), обособлению*. Следующие шаги рефлексии сознания состоят в том, что устанавливается: каждое «нечто» — при таком абстрагировании, обособлении, в его пределах — есть «одно», есть «единица», в своей неопределенности, отвлеченности совершенно «подобная» всем другим. Без таких шагов сознания — в чем Гуссерль, *полагаю, совершенно прав*, — никак нельзя было перейти от сосчитывания пальцев, других физических предметов к *сосчитыванию чего угодно*: и физических предметов, и мыслей, суждений, и тех и других вместе. Правоту Гуссерля вижу и в том, что *здесь он по существу обобщенно прокладывает пути анализа происхождения, генезиса, которые ведут от процессов, происходивших и происходящих в сознании (причем неисчислимо многократных), к абстрагированию, обобщению*, благодаря коим на каких-то этапах становления человеческого рода (и становления каждого индивида) *скачкообразно возникают именно всеобщие понятия*. Всеобщие в том смысле, что они в принципе обнимают все мыслимо возможные содержания, и в том, что ими в принципе способны овладеть и (при соответствующих условиях) овладевают *все* индивиды, понимающие друг друга также и во *всем* том, что касается числовых понятий.

Надо снова подчеркнуть, что эти в высшей степени интересные и ценные исследования Гуссерля добываются благодаря синтетическому, комплексному — одновременно философскому, психологическому, логическому (в меньшей степени математическому) способу анализа, которому в будущем суждено было сложиться и оформиться в теорию и методы будущей новой феноменологии.

Что касается начатого мною здесь беглого сопоставления ФА с «Наукой логики Гегеля», то хотелось бы отметить еще и следующее. Если бы ориентации Гуссерля не отличались заведомой предубежденностью по отношению к Гегелю (а она сопровождала основателя феноменологии всю его творческую жизнь), то скорее в «Науке логики», а не в текстах второй половины XIX века, автор ФА нашел бы релевантный его работе, богато расчлененный материал. Пусть Гегель имен-

но в «Науке логики» и не разбирал специально акты *сознания*, но в разделе учения о бытии этого произведения, который носит название «Одно и многое», имеется описание движения (с помощью чего же, если не сознания?) через различные, тщательно различаемые ступени овладения количественными отношениями и, соответственно, числовыми понятиями и категориями. Любопытно, что некоторые из этих ступеней фиксируются и у Гуссерля. Так, в приведенной ранее цитате из ФА рассуждение о возникновении понятий «одно и одно» и т. д. есть объективная перекличка с разделчиком «Науки логики», который называется “Многие одни”, где, кстати, широко задействованы (как потом и у Гуссерля) ссылки на рефлексию.

Правда, между двумя текстами есть и существенные различия. Скажем, у Гегеля весь этот анализ вплетен в категориальные сферы бытия вообще, *Dasein*, наличного бытия, в особенности качества, чего нет у Гуссерля, по крайней мере эксплицитно. Далее, различения у Гегеля очень богатые, дробные, многочисленные. Гуссерлю же гегелевские различения были, видимо, не особенно важны. (Если, конечно, он был с ними знаком, в чем я лично сильно сомневаюсь, хотя и недоумеваю: как это никто из читавших ФА или знавших об идеях раннего Гуссерля не обратил внимание автора на их очевидную перекличку с текстом гегелевской «Науки логики»?) Но хотя Гуссерль движется более кратким путем, маршруты движения мысли обоих философов *в крупных пунктах* удивительным образом совпадают. Так, Гегель после анализа понятий Нечто, Одно, Многие одни и т. д. переходит к сфере количества (в частности, к понятиям чисел, величин), где опять-таки имеются различения, которые *объективно* могли бы стать существенными и для анализа раннего Гуссерля. Но вдаваться здесь во все эти подробности не представляется возможным. Вернемся к ФА.

Гуссерль делает к разбираемой главе ФА «Критическое добавление». Здесь имеются (беглые) ссылки на Аристотеля, Локка, Зигварта, Дж.Ст. Милля, Brentano (в связи с его работой над Аристотелем), Вундта. Наиболее подробным является обращение к Вундту¹, причем и здесь, как и во многих других случаях, берутся *логические* работы этого автора. Приводя цитаты из I тома «Логики» Вундта (1880 год),

¹ См. в *Приложениях* краткий экскурс, посвященный В. Вундту как философу, логику, психологу — с фиксированием отношения Гуссерля к его учению.

Гуссерль и здесь осуществляет, так сказать, двойную работу. С одной стороны, он с сочувствием относится к тем рассуждениям знаменитого современника (неверно воспринимаемого многими нынешними авторами *только* в качестве психолога), в которых подчеркивается зависимость понятия числа, а также понятий одного, многого, единства и т. д. от мыслительных актов (87₆₋₇). С другой стороны, Гуссерль справедливо отмечает, что данная характеристика слишком обща, так как касается всех понятий и каждого из них, а не понятия единства (Einheit), о котором у Вундта как будто бы идет речь (87₇₋₉). Между тем Вундт вводит в поле анализа такие особые числовые понятия, как понятия отрицательных, дробных, иррациональных и воображаемых чисел. Но, по Гуссерлю, при таком расширении *именно здесь*, на этой стадии исследования, рамок анализа становится совсем непонятным, даже загадочным, как разнообразные, особые числовые понятия могут быть объяснены с помощью слишком общего, недифференцированного понимания мыслительного акта (См. S. 89).

5. V И VI ГЛАВЫ «ФИЛОСОФИИ АРИФМЕТИКИ»

В V главе, предупреждает Гуссерль, он снова возвращается к «конкретным феноменам» (91₂). И поясняет, что сие означает. Например, у нас есть определенное множество шариков, и мы прибавляем к нему (или, наоборот, убавляем от него) сколько-нибудь таких же шариков. «В этом случае речь идет о физических объектах и физических же действиях с ними» (91₇₋₈). Но интерес автора ФА нацелен, разумеется, не на «физические» действия такого рода, а на мыслительные процедуры, сопровождающие прибавление (сложение) и убавление (вычитание) (Hinzu – und Hinwegnehmen – 91₁₁). Что при этом происходит, спрашивает Гуссерль, с первоначальными актами представления о некоторой множественности? Такую направленность вопрошания и исследования Гуссерль, как и прежде, называет «*психологическим анализом*» – в данном случае отношений между «Больше» (Mehr) и «Меньше» (Weniger) (90₂₄₋₂₅). Но как и прежде, анализ сознания, по моему убеждению, здесь также выходит за пределы одной лишь психологии. *Интерес исследования состоит здесь прежде всего в определении характера актов сознания, что объективно находится в близком родстве и с философией вообще, и с будущей феноменологией, в частности и особенности.*

Гуссерль отмечает, что при присоединении к каким-либо множественностям новых элементов (и, соответственно, при убавлении их) проблема и определенная трудность состоят в том, что «первоначальная и расширенная совокупности (Inbegriffen) должны одновременно присутствовать в одном и том же акте (in einem Akte)» (91₃₇₋₃₈). А это, согласно Гуссерлю, требует различения психических актов, так сказать, разного порядка. Имеются «*психические акты высшего порядка*», т. е. такие, которые снова же направлены на психические акты

и которые только благодаря опосредующей роли последних соотносятся с первичными содержаниями» (92_{24–27}). И тогда образуются, отмечает Гуссерль, понятия «совокупности совокупностей» (Inbegriffe von Inbegriffen) и даже «Inbegriffen von Inbegriffen von Inbegriffen», т. е. совокупностей третьего порядка, имеющих отношение к совокупностям первого и второго порядков. В конце главы, кстати, Гуссерль делает интересное терминологическое примечание: «Поскольку в этой главе вопрос ставится *прежде всего применительно к психической деятельности*, которая существенна для понятия множественности, я, как и в других подобных случаях, отдаю предпочтение термину “Inbegriff” (а не понятиям множественности — Vielheit, большинства — Mehrheit), ибо данный термин отчетливо выражает [уже] объединение воедино (In-eins-zusammenbegreifen) коллегированных содержаний» (95_{17–22}). Это лингвистико-терминологическое замечание требует пояснения для тех, кто не разбирается в тонкостях немецкого языка. Слово «Inbegriff» (которое не удастся передать на русский язык иначе, чем словом «совокупность»), действительно, содержит в себе важный в данном случае «процессуальный» оттенок. «Inbegriff» состоит из двух частей: «in» — от предлога, означающего вхождение вовнутрь, и «-begriff», означающего «понятие» и производное от глагола «begreifen», т. е. «схватывать», «понимать» и т. д. Иными словами, Гуссерль пользуется тем, что (для понимающих немецкий язык) слово Inbegriff как бы зримо, отчетливо выражает интересующий его процесс объединяющего, «коллигирующего» схватывания именно *понятийных* содержаний.

Автор ФА подчеркивает, что на пути к числу происходит *сравнение совокупностей*. Условие сравнения — принадлежность содержаний к одному роду. Если же совокупности состоят из гетерогенных содержаний, то сравниваются только их числа — с точки зрения того, какое больше, какое меньше. «Когда рассматривается и сопоставляется с другими любое конкретно данное содержание, поскольку оно есть Нечто, оно уравнивается с любым другим — именно как Нечто. Поэтому числа могут быть сравнены друг с другом с точки зрения того, “больше” они или “меньше” — так же, как и совокупности из конкретных элементов, принадлежащих к одному и тому же роду. В этой высоте и *пустоте* абстракции исчезают eo ipso все различия» (94_{3–10}). Напомню: у Гегеля в «Науке логики» есть сходный по мыслям разделчик, нося-

щий название «Одно и Пустота». (За ним, кстати, следует другой, который называется «Многие одни (Eins). Отталкивание».)

В контексте гуссерлевского анализа здесь существенен переход к видам чисел, ибо они различаются и выделяются как раз с точки зрения того, меньше они или больше других чисел. Поэтому Гуссерль с определенным сочувствием цитирует слова Гербарта (из книги «Психология как наука», часть 3): «Собственно научное понятие числа — это не что иное, как Больше (Mehr) или Меньше (Weniger)» (95₅₋₇). Правда, Гуссерль замечает, что Герbart с этим категорическим заявлением «заходит слишком далеко». Понимать это, полагаю, надо в том смысле, что отмеченный момент (сравнение с точки зрения «меньше» или «больше») — не единственно важный в истолковании числа.

В следующей, VI главе Гуссерль вполне логично продвигается к понятию равенства, равночисленности (Gleichzahligkeit). А начинается его анализ с обсуждения проблемы дефиниций. Гуссерль ссылается на Эвклида, на его «Элементы», которые на долгие века стали «образцом научного изложения», особенно влиятельным в математических дисциплинах — и прежде всего в силу требования опирать исследование на «строгие дефиниции» (96₄₋₈). Мнение Гуссерля: «Это основоположение, без сомнения, очень полезное, нередко, однако, приводит к неоправданным преувеличениям; слишком ревностно стремясь к мнимой строгости, прилагают усилия к дефинированию тех понятий, которые в силу их элементарного характера и не поддаются дефинированию, и не требуют его» (96₈₋₁₂). Такого рода дефиниции предполагаются, продолжает Гуссерль, в случае «так называемых дефиниций» равенства и неравенства, к рассмотрению которых он переходит.

Под влиянием «гениального» (таково определение Гуссерля) Германа Грассмана (имеется в виду его учебник по арифметике — 1861 г.) многие математики (а за ними и философы) стали склоняться к следующему определению: «Две вещи называются равными, если в каждом высказывании вместо одной можно поставить другую»¹. Его же мы по существу встречаем у Фреге: по Гуссерлю, тот кладет её в основание своего «построения понятия числа» (97₃₋₄). (Вспомним об этой теме, когда — в специальном разделе — речь пойдет о рецензии Фреге на ФА Гуссерля.)

¹ *Graßmann H. Lehrbuch der Arithmetik. Berlin, 1861. S. 1.*

Гуссерля такая дефиниция равенства, как он говорит, «не смогла убедить» (97₅₋₆). И прежде всего потому, что равенство здесь смешивается с тождеством, идентичностью. Ещё суровее второе замечание Гуссерля: «эта дефиниция переворачивает истинное положение дел с ног на голову» (97₁₀₋₁₁). Ибо создается «лабиринт бесконечной регрессии» (98₁₋₂): признание равенства требует череды актов, перехода от одного содержания к другому. В подтверждение Гуссерль ссылается на специальную работу Г. Гельмгольца «О счете и измерении» — «Über Zählen und Messen» — в ней отклоняется дефиниция Грассмана, несмотря на все влияние последнего на данное исследование Гельмгольца. (Заметим: Г. Гельмгольц, которого числят по ведомству психологии, тоже занимается в этой работе проблемой исчисления изменений.)

Среди других дефиниций равенства, равночисленности Гуссерль разбирает, в частности, определение О. Штольца (O. Stolz), данное в его книге «Лекции по всеобщей арифметике» (1885 год). Гуссерль анализирует эту дефиницию обстоятельно, обнаруживая логические ошибки: круг в определении и т. д. (См. S. 98–99). Нам нет нужды входить здесь во все частные детали. Достаточно отметить, что анализ Гуссерля остается здесь *в пределах логического и отчасти философско-математического материала*. Во втором случае исследуется то, что автор ФА называет специальными (например, геометрическими) дефинициями равенства. Однако и в этом втором случае центр тяжести анализа определен интересом Гуссерля к *генезису* всеобщих числовых понятий.

Общеисторическая предпосылка, благодаря которой возможен переход к столь необходимому понятию равенства, тоже определяется у Гуссерля — и следующим образом: должна быть достигнута особая «духовная ступень (Geistesstufe)» (105₂₉), на которой осуществляется общезначимая «классификация множественностей (различение и обозначение, название натуральных чисел)» (105₃₀₋₃₁). Это значит, что уже определен «необходимый и достаточный в логическом смысле», ко всем случаям применимый критерий для понимания равенства (105₂₀₋₂₁) — разрядка Гуссерля. Продвижение к такому результату, справедливо напоминает Гуссерль (он ссылается на опыт отставших в своем развитии народов — 105₃₄₋₃₆), осуществлялось человечеством в длительных трудах и муках.

Соответственно своему общему исследовательскому интересу Гуссерль и здесь осуществляет дробление, расчленение ступеней, двигаясь по которым, сознание лишь постепенно приближается к осмыслению равенства. В частности, особую роль в таком продвижении автор ФА приписывает актам «коллективного объединения в пары» благодаря тому, что специально осмысливается соподчинение элементов внутри каждой пары. Опять приводится пример с «конкретными феноменами» — физическими предметами и физическими действиями с ними. Например, мы начинаем сравнивать (по численности) две груды — (Haufen) яблок и орехов. В целях быстрого и безошибочного пересчета люди часто делают так: в одну сторону они откладывают одно яблоко, в другую — один орех, тем самым сравнивая и уравнивая разнородные предметы, пересчитывая их попарно (107, 108).

Но Гуссерлю здесь, как всегда, важны не физические, а психические, ментальные акты и действия. «Каждая пара в качестве единого представления вычленяется из окружающей среды — мы тем самым экономим духовную работу, направленную на объединение пары и сохранение этого объединения. Зрительно-наглядное (anschauliche), относительно единое представление, которое мы на этом пути образовали, по своему виду таково, что оно — благодаря очень легкому анализу — дает интендируемое объединение (Kollektion), которое иначе пришлось бы создавать на пути трудного последовательного синтеза» (108₇₋₁₅). Однако, по Гуссерлю, *не само такое «внешнее созерцание», а должествующее возникнуть на его основе коллективное представление «скрывает» равенство натуральных чисел*. При этом «психический процесс», ведущий к такому представлению, может быть очень упрощенным. Ибо — и здесь важнейший пункт, ведущий ко второй части книги Гуссерля — возникают и пролагают путь своего рода «символические процессы представления», которые сокращают и упрощают этот путь сознания. Ибо «зримое равенство» в паре делает излишним специальные размышления, которые потребовались на первых этапах или в первых случаях подобного сопоставления.

Итак, разобранный глава, начавшись с логического материала (дефиниции вообще, дефиниция равенства в частности и особенности), снова плавно перетекла к теме представления.

В заключительной части VI главы Гуссерль снова возвращается к общему вопросу о значении психологии для анализа генезиса математических понятий. Он ссылается на суждение видного математика Э. Шрёдера: все такие исследования — это «задача психологии»¹. Психолог Гельмгольц соглашается: психологическим наукам в таком роде работы «принадлежит особая заслуга»².

А вот и сходное суждение автора ФА: «Я думаю, что всё психологическое, которое здесь вообще может быть принято к рассмотрению, способствует нашему анализу, и было бы утомительным в связи с новым поворотом [анализа] повторно приводить подробное доказательство» (110_{13–16}).

---

¹ E. Schröder, op. cit. S. 14.

² H. Helmgolz, op. cit. S. 19.

6. ТЕМА «ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ» И ЗНАЧЕНИЯ КАРДИНАЛЬНОГО ЧИСЛА (VII глава «Философии арифметики») Начало полемики с Г. Фреге

VII глава «Философии арифметики» носит название «Дефиниции числа через эквивалентность».

Это небольшая главка (15 страниц) не была бы особенно важной, если бы в ней не развернулась полемика Гуссерля против Фреге, инициировавшая длившийся несколько лет спор двух мыслителей, который имел для развития каждого из них — особенно для Гуссерля — принципиальное, скажем так, парадигмальное значение. Разберем эту главу.

В начале главы Гуссерль снова же возвращается к затронутой в самом начале книги проблеме: подобно другим понятиям, понятия «равное число» (*Gleichviel*), «больше» (*Mehr*) и «меньше» (*Weniger*) зависят от понятия натурального или кардинального числа (S. 111). Замечу, что обозначающие их слова немецкого языка, которые обычно пишутся с маленькой буквы, потому что обозначают наречия, а не существительные (последние, как и имена собственные, по-немецки пишутся с большой буквы), *в данном случае* написаны с большой буквы. Это значит, что в обсуждаемом контексте Гуссерль просит воспринимать их как существительные. «*Mehr*» значит здесь не «больше чего-либо определенного», а «Больше» в абстрактном смысле слова, как «большее» вообще. (Что относится и к «*das Weniger*», «Меньшее» вообще.)

Дело в том — так Гуссерль передает смысл теории, которую он далее будет критиковать, — что мы вполне можем, не измеряя все множество, даже не зная, что означает число, судить о чем-то равном (по числу), меньшем или большим. Будем — в случае равночисленности (численного равенства) — употреблять, вслед за Гуссерлем и его современниками, слово «эквивалентность». Будем также исходить из того, что дано некоторое конкретное множество **M**; последующие множества будут соотноситься с **M**. В этом случае будем говорить о *классе мно-*

жеств, обозначаемых литерой **К**. Можно образовать, добавляя новый элемент к **М**, классы эквивалентных множеств. Процесс идет в бесконечность: ведь не может быть таких множеств, к которым нельзя было бы прибавить новых элементов — и так до бесконечности (ФА, 112₅₋₇).

Речь в данной концепции идет о возможности образовывать, исходя из некоего множества **М**, различные зависящие от него «нисходящие» классы, а также упорядочивать их — с тем, чтобы каждому классу указывалось определенное место в ряду множеств.

Гуссерля особо интересует, какое все это имеет отношение к понятию *Anzahl* (разумеется, как он сам его толкует). Следует такое рассуждение. «То, что мы относим совокупные множества к одному и тому же *Anzahl*, можно проследить на примере свойства, которое является общим для всего множества определенного класса. Но то, что является общим для них и что отличает их от прочих мыслимых множеств, — это именно следующее обстоятельство: ведь они относятся к одному и тому же классу, т. е. стоят в отношении взаимной эквивалентности» (ФА 113₉₋₁₃). Скажем, мы образуем множество благодаря прибавлению знака «1»: 1, 111, 1111 и т. д. или 1+1, 1+1+1, 1+1+1+1 и т. д. Тогда «репрезентантами» класса становятся натуральные числа, *Anzahlen*. Итак, какое-либо конкретное множество может быть исчислено, если найдено натуральное число, ему «эквивалентное». Так ли это?

Неприемлемая для Гуссерля попытка в данном случае состоит снова же в том, что не *Anzahl* становится фундаментальным арифметическим элементом (соответственно, понятием), а понятие «равночисленности» (эквивалентности), из которого и предполагается вывести понятие *Anzahl*.

Кто выдвигал и защищал подобную теорию? Гуссерль ссылается на «Всеобщую арифметику» О. Штольца (Stolz) и цитирует его нижеследующее определение понятия натурального числа: «Общий признак всякой множественности (*Vielheit*), которые равны определенному множеству, может быть выражен словом, обозначающим кардинальное число. Например, сравнивают множества, образуемые через повторение знака «1». Тогда возникают: 1 (некое *eine Eins, ein Einer*), 11, 111... Каждая способная к повторяющемуся полаганию (*Setzung*) вещь именуется «названной единицей» (*benannte Einheit*), и только 1 — это «единица» как таковая. Натуральное число — это множественность единиц. Всякая такая множественность именуется

ся «названным числом». Всякому такому множеству соответствует именно одно равное ему натуральное число, которое находят, когда переходят от одних принадлежащих множеству единиц к другим... Равным друг с другом множественностям соответствуют равные числа, большему — большие числа» (*O. Stolz, Vorlesungen über allgemeine Arithmetik*. S. 10 — цитир. по ФА, 114₁₄—115₂).

Здесь Гуссерль, между прочим, замечает в сноске, что понятие «натурального числа» применительно к *Anzahl* ввёл Шрёдер, имея целью отличить их от рациональных, иррациональных, позитивных и других числовых форм. Гуссерль, впрочем, не склонен отказаться от старого термина — *Anzahl* (ФА, 114, *Anmerkung*). Заслуживает быть упомянутым то обстоятельство, что в примечании (115) Гуссерль сближает с формулами разбираемой теории дефиницию Г. Кантора (*Grundlagen einer allgemeinen Mannigfaltigkeitslehre*, 1883. S. 3): «Всякому хорошо дефинированному множеству присуща определенная мощность (*Mächtigkeit*), причем двум множествам приписывается одна и та же мощность, если они однозначны, элемент за элементом, могут быть подчинены друг другу». Гуссерль поясняет: «мощность» (*Mächtigkeit*) в терминологии Кантора означает то же, что кардинальное число, *Anzahl* или порядковое число, *Ordinalzahl*. А затем автор ФА делает обобщение: «Но ведь этот *гениальный математик* ни в коей мере не принадлежит к критикуемому направлению, что видно из его последующих публикаций» (ФА, 115). Отметим подчеркнутое нами курсивом гуссерлевское определение Кантора: «гениальный математик» — ведь оно дано в то время, когда мало кто в тогдашней математике понимал справедливость сказанного Гуссерлем (подробнее об этом речь идет в соответствующем историческом разделе).

Что касается конкретно разбираемых в этом месте ФА проблем, то автору книги было важно привести более позднее определение Кантора — из Письма к Лассвигцу (*Lasswitz*) от 15 февраля 1884 года (напечатано в *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, Bd. 91, 1887. S. 13), где Кантор пишет: «Для образования всеобщего понятия «пять» требуется только *одно* множество, ...которое присуще этому кардинальному числу». Иными словами, в данном случае Гуссерля вполне удовлетворяет то, что *Anzahl* определяется не через множество, а напротив, множество через *Anzahl*.

В целом же критику теории эквивалентности Гуссерль осуществляет следующим образом. Он отвергает *окольный путь* определения общности множеств через понятие эквивалентности. «Что является общим для эквивалентных множеств, так это не просто “равночисленность”, равенство по числу или, говоря яснее, эквивалентность, но равное Anzahl в истинном и собственном смысле» (ФА. S. 116_{10–14}). Иными словами, Гуссерль *отклоняет претензии заменить Anzahl в его кардинальном, исходном значении также и понятием «эквивалентности»*.

Обращаясь к обсуждавшейся ранее «эталонной» попытке объяснить эквивалентность через знак «1», Гуссерль говорит, что для сторонников теории дело не в самом знаке, а в фундаментальном значении «всеохватывающего» понятия: а именно понятия «Etwas» (нечто). «Знак “1”, следовательно, во всяком содержании означает то, что он есть некоторое нечто, а Anzahl есть “нечто” и ещё “нечто” и т. д.», — так излагает Гуссерль данный пункт концепции (ФА. S. 117_{31–33}). Вот тут и начинается полемика с Фреге. Переход довольно искусственный: Гуссерль считает, что в богатой содержанием книге Фреге, посвященной исключительно анализу и дефиниции понятия Anzahl, на самом деле ставится такой вопрос: «почему мы можем обозначить все вещи именем “одно” (Eins)?» Ответу на этот вопрос Фреге посвящает, по Гуссерлю, длинные разъяснения, в которых подчас есть нечто правильное, но которые в целом чем дальше тем больше «отклоняются от истины» (ФА, 118_{11–12}).

Вот здесь-то Гуссерль впервые стал драться с Фреге, не смущаясь искусственностью пристегивания взглядов выдающегося, вполне самостоятельного логика и философа математики к некоей теории эквивалентности.

Далее Гуссерль и переходит к оценке достаточно подробной работы Фреге, на которую он уже ссылался ранее в своей книге (S. 17), — на «Основы арифметики» (Grundlagen der Arithmetik, Breslau 1884). Мы ранее рассматривали другие отсылки к этой книге Фреге, которые имелись в предшествовавшем тексте ФА. Можно согласиться с теми авторами, которые заметили, что *Гуссерль в данной книге цитирует и упоминает Фреге чаще, чем других авторов*. Правда, это пока только ссылки на «Основы арифметики», ибо другие работы знаменитого логика, опубликованные до ФА, Гуссерлю не были известны. Он получит их от самого Фреге несколько позже (о чем будет рассказано далее).

Хотя Гуссерль анализирует в данной главе идеи Фреге в конкретном контексте, привязывая их к теории эквивалентности, на деле он затрагивает куда более широкую и принципиальную проблему, вокруг которой и в начале 90-х годов XIX века, и несколько позже, когда выходят «Логические исследования», развертывалась полемика этих двух выдающихся мыслителей. Гуссерль выступает здесь, кстати, не со спокойной, а с задиристой критикой в адрес более известного старшего коллеги. Фреге, как мы увидим позже, в своей подробной рецензии на ФА тоже не пощадит коллегу и напишет не просто негативную, а сатирическую, хотя и весьма сложную, дельную, провокативную рецензию. И на Гуссерля она окажет, что мы тоже разберем в соответствующем разделе, весьма серьёзное воздействие. Но вернемся к ФА.

«На что *Фреге* нацелился, так это вовсе не на *психологический* анализ понятия натурального числа; не от такого анализа ожидает он прояснения оснований арифметики; “...психология (здесь уже цитируется Фреге. — *Н.М.*) не создана для того, чтобы каким бы то ни было образом быть в силах этому способствовать”. И в других случаях Фреге не жалует сил для решительного протеста против предполагаемого вмешательства психологии в нашу область» (S. 118). Стало быть, *с самого начала проблема использования психологических исследований в раскладках математики и логики* становится предметом раздора двух ученых.

В примечаниях Гуссерль приводит в самом деле решительные цитаты из книги Фреге (ФА, 118).

Вот примеры. «Для того чтобы осуществить дефиницию, не берут описание того, как возникает представление» (Frege, Grundlagen... S. VI). Или: «...число столь же мало является предметом психологии или результатом психических процессов, как и Северное море» (Ibidem. S. 34. Курсив мой. — *Н.М.*). Ну почему же? — мог бы уже тогда спросить Гуссерль у Фреге, вернее, возразить ему. Этим вопросом можно задаться, возражение можно высказать и сейчас. Ибо число все же имеет отношение к психическим процессам, как может соотноситься с ними и Северное море — во всех случаях, когда оно не остается, так сказать, само по себе, а воспринимается, описывается, осмысливается, изучается и т. д. (И ведь только в таком виде оно в том смысле занимает человека и человечество, что становится для них проблемой.) Но и в этом как будто одинаковом отношении между Северным морем и числами есть немаловажное раз-

личие: Северное море *в принципе* и в известной степени может существовать вне психических процессов и независимо от них, *тогда как числа впервые возникают все же из психических процессов отдельных людей*. Другого локуса *происхождения* и функционирования в «готовом», сложившемся виде у чисел нет и не будет, если, конечно, не ссылаться на разум Бога, на потустороннее бытие платоновского типа или на что-то подобное. А потому вопрос о том, как именно числовые понятия *возникают, используются* и в процессе истории, и в становлении каждого отдельного человека, вполне законен. Вот почему законны устремления психологии и философии — поскольку они обращаются к проблематике сознания, его структур, процедур, процессов и результатов и состоят в том, чтобы исследовать в том числе и *генезис в сознании* числовых понятий, операций, соответствующих действий. Диктаторски, ригористически *запрещать* такие исследования по меньшей мере нереалистично, ибо они все равно будут предприниматься.

Вниманию тех, кто интересуется проблемой психологизма в её тогдашнем облике, в тогдашних дискуссиях, и не только в историческом аспекте: *вопрос о психологизме в философии Гуссерля был решающим образом определен его длящейся годами явной или скрытой дискуссией с Г. Фреге*. Здесь мы — у самих её истоков. В ФА Гуссерль упоминает о жалобах Фреге на то, что в математических учебниках наблюдается психологический поворот. «Если ощущают обязанность дать дефиницию, но не могут сделать этого, то стремятся по крайней мере описать способ, с помощью которого приходят к соответствующим предметам или понятиям» (Frege, op. cit. S. VIII. — цит. по ФА, 118, Anwerkung 3).

Раньше я выделила курсивом процитированные в ФА слова Фреге о том, что надо вообще *наложить категорический запрет и считать полностью бессмысленным всякое вмешательство психологии* (или использование подхода, именуемого психологическим) при объяснении понятия числа (и других подобных понятий). Фреге дает и более общую формулировку, четкую и прямую. «Математика в столь же сильной степени должна *запретить* (verbitten) всякую помощь со стороны психологии, в сколь малой степени должна отвергать свою связь с логикой» (G. Frege, op. cit. S. IV — курсив мой. — *Н.М.*). Это очень категорическая, непримиримая позиция (другое дело, насколько она изменилась — да и изменилась ли вообще? — на протяжении жизни Фреге).

Гуссерль, едва он появился на научном горизонте, давал выдающемуся логике множество оснований для возражений и даже для раздражения. Его стремление в *ФА* непременно включить психологию в искомый им синтез проистекал, как мы пытались показать, из многих общих и конкретных оснований. Ещё одно из оснований мы видим теперь. Совсем не исключено, что именно противостояние позиции по проблемам обоснования арифметики, которая была особенно резко выражена Фреге, явилось одним из стимулов, побудивших Гуссерля в *ФА* выступить против его позиции.

Правильно ли, адекватно ли Гуссерль в *ФА* фиксирует идеи и позиции Фреге — это особый вопрос, к которому мы обратимся во второй книге. А теперь снова вернемся к критическим в адрес Фреге формулировкам из VII главы гуссерлевской работы. Ведь Гуссерль тоже резок и категоричен: он не приемлет то, что Фреге именует «идеалом»: речь идет о фундировании арифметики на следующих друг за другом дефинициях, из которых силлогистически выводным путем якобы можно было бы получить всю совокупность теоретических положений (*Lehrsätze*) этой науки (*ФА*, S. 118). В конечном счете сделать это Фреге не удастся, полагает Гуссерль. И метод, применяемый Фреге, по мнению автора *ФА*, не обогащает логику, не говоря уже о философии математики (*ФА*, S. 122). Дополнительно в доказательство неправоты Фреге Гуссерль разбирает некоторые его дефиниции, относящиеся к натуральным числам. Например, «выражение “ n — натуральное число» имеет то же значение, что и выражение «имеется понятие такого вида, что n является натуральным числом, которое ему присуще...» (Frege, *op. cit.* S. 85). Или: «0 есть натуральное число, которое присуще понятию “неравное самому себе”» (*Ibidem.* S. 87). Гуссерль поясняет, что в этих (и особенно в более сложных) случаях дефиниции приобретают весьма изощренный вид, становятся, так сказать, «недефинитивными» разъяснениями, далекими от строгости, краткости, аксиоматичности, которые вообще-то требуются от дефиниций.

Фактически получается, рассуждает Гуссерль, что дефиниции приобретают хоть какой-то смысл лишь постольку, поскольку Фреге вместо *содержания* того или иного понятия переводит разговор на его *объем*. Главную причину неудачи, постигшей Фреге, Гуссерль видит в более фундаментальном обстоятельстве, которое автор *ФА* начал

разъяснять ещё в начале своего труда: «Дефинировать можно только то, что образуется, составляется логическим путем (das logisch Zusammengesetzte). Но когда мы наталкиваемся на исходные, элементарные понятия, наступает конец дефинициям. Таким понятиям, как качество, интенсивность, место, время и т. п. никто не может дать [настоящей] дефиниции. То же относится к элементарным отношениям и основанным на них понятиям. Равенство, подобие, прогрессия (Steigerung), целое и часть, множественность и единство и т. п. суть понятия, которые совершенно не поддаются формально-логическому дефинированию» (S. 119₂₋₉).

Что же делать во всех таких случаях? Лучше всего, считает Гуссерль, «указать на конкретные феномены» (119₁₁), из которых все эти понятия абстрагированы, и на сами процессы абстрагирования.

При этом Гуссерль вовсе не считает заслуживающим упрека, тем более запрета, такое исследование, в ходе которого математик — вместо того, чтобы воздвигнуть на вершине своей системы якобы однозначно ясную логическую дефиницию, — как раз и станет (далее повторяются процитированные слова Фреге) «описывать способ, с помощью которого приходят к соответствующим понятиям». Итак, автор ФА не по какому-то недоразумению, а с *полным сознанием принципиальной значимости своего «синтезирующего» замысла выступает против Фреге*, причем выступает, как сказано, напористо, местами даже язвительно! Он пишет: «Итак, цель, которую ставит *Фреге*, нужно назвать химерической. Нет ничего удивительного в том, что его произведение несмотря на *всю* остроту его ума (Scharfsinn) растворяется в неплодотворных гипертонкостях и не приводит, в конце концов, к позитивному результату». (ФА. S.120₁₋₂). Ну и на что рассчитывал мало известный читающей публике приват-доцент Гуссерль, когда отправлял профессору Фреге книгу с такими-то оценочными формулировками?! Он «напрашивался» на резко отрицательную, если не разгромную рецензию своей книги — и с отсрочкой в три года получил её.

Далее в ФА Гуссерль досконально разбирает весьма специальную аргументацию Фреге в той же книге — S. 74 и далее — относительно дефиниции равенства, в духе общей теории эквивалентности. В силу её весьма частного и специального математико-логического характера мы её здесь разбирать не будем.

В общем и целом представляется необходимым предварительно отметить, имея в виду (более подробно разбираемую нами в специальном разделе) полемику Гуссерля против Фреге, следующее:

1. Гуссерль придавал ей принципиальное значение, выступив против этого логика резко и наступательно; за всем стояло расхождение, парадигмальное для последующего развития и Фреге, и Гуссерля.

2. Непосредственно из полемики вырисовываются три главных пункта:

а) Фреге был категорически против синтеза философско-математического и логического срезов анализа с психологическим подходом и материалом; *суть же ФА, а также последующего развития Гуссерля через ЛИ и далее* — как раз в синтезе таких подходов, в осуществлении, и частично уже на почве ФА, особого междисциплинарного синтеза.

б) В логике, что будет подробно обосновано далее, в соответствующем разделе, Фреге и Гуссерль придерживались не просто различных позиций, но и разных, в чем-то противоположных пониманий самой логики как науки, перспектив и возможностей её развития, в частности, на чисто формальном и далее формализуемом пути. Сказанное относится, конечно, и к философии математики, в которой Фреге работал как логик, а Гуссерль и как профессиональный математик, и как инициатор нового синтеза.

в) Многие расхождения, как будет со всей конкретностью обнаружено далее, коренятся в различном понимании философии, а также её значения для математики и логики. Из начальной полемики это не совсем ясно. Но дальнейшее её развитие на стадии подготовки ЛИ, а потом и в рецензии Фреге уже на данное сочинение, покажет это более отчетливо. И тогда обнаружится, что обе фрегевские рецензии на две работы Гуссерля по содержанию, основным идеям и даже по стилю были — как родные сестры, невзирая на то, какую мощную эволюцию проделал Гуссерль, в том числе и под влиянием Фреге. Однако острый ум великого логика позволил понять и выявить то, что, возможно, скрывал от себя автор ЛИ — особенно в I томе: какие-то пути феноменологии, которые вырисовывались, прочерчиваясь в ФА, хотя они и видоизменились, все же сохранились и впоследствии, пусть Гуссерль вскоре после выхода в свет (на время) «разжаловал» свою первую книгу...

3. Впервые приступив к выполнению сложной задачи упомянутого синтеза, Гуссерль испытал многие трудности при объяснении проблем даже согласно разработанному им плану. В книге немало неясностей, противоречий (на что метко указал Фреге в своей рецензии). И все же как раз на материале поистине парадигмального размежевания с Фреге можно видеть (это мое мнение) *несостоятельность сложившейся в литературе, особенно историко-логической, «схемы» в описании узловых пунктов движения мысли раннего Гуссерля*. Схема вкратце выглядит следующим образом. ФА представляет-де собою чисто психологическое (и даже психологистическое) произведение, что «доказал» Фреге в своей рецензии на эту книгу. А Гуссерлю ничего не оставалось, как мужественно признать правоту Фреге, дезавуировав свою критику в его адрес. В результате из психологиста он превратился в критика психологизма и автора логицистских «Логических исследований».

4. Несостоятельность этой примитивной схемы продемонстрирована в ряде исследований современных феноменологов.

5. Соглашаясь со многими тезисами и исследованиями коллег, я, однако, буду отстаивать и в общей оценке ФА, и в понимании полемики Фреге и Гуссерля свою точку зрения, не совпадающую полностью, сколько могу судить, ни с одной из концепций, имеющих в литературе. Но в этих констатациях пришлось основательно забежать вперед. См. обстоятельный анализ во второй книге.

Напомним, что концепцию Фреге Гуссерль встраивает, в качестве примера, в разбор «теории эквивалентности». В этой же связи разбирается и попытка Керри (Kerry) ввести ещё одно понятие — *Anzahlenmäßigen*, т. е. соразмерного кардинальному числу. Его смысл состоит вот в чем. Предположим, рассуждает Керри, мы считаем какие-либо предметы (или предметные явления), скажем, яблоки или удары колокола. Чтобы это состоялось, предварительно требуется понять, в чем состоит их равенство. Тогда и следует вводить понятие *Anzahlenmäßigen*: скажем, предметы какого-либо множества V однозначно подчинены какому-либо неизменному предметному единству V_1 . И тогда *Anzahlungsmaßige* в V — это то, что должно оставаться неизменным при всех изменениях. Гуссерль готов согласиться: «Единственное, что остается неизменным во множестве V , если в остальных отношениях оно и подвержено полностью неограниченным изменениям, которые не мешают его эквивалент-

ности с фиксированным множеством V_1 , это действительно натуральное число» (ФА. S. 124₁₋₅). Иными словами, если мы сравниваем 5 яблок (множество V) и пять ударов колокола (множество V_1), то и с яблоками, и со звоном колокола могут происходить какие угодно изменения. Но число ударов и яблок (5) остается (разумеется, в пределах осуществляемого сравнения) неизменным. Однако Гуссерль выражает свое недоумение: ему представляется, что назвать *Anzahl* ещё каким-то вновь введенным словом не значит многое прибавить к его пониманию. Это касается, впрочем, всей теории эквивалентности. Но «осуждение» теории эквивалентности — не слишком строгое. «Заслугу вышеобозначенной дефиниции, можно, наверное, искать в том, что она резко, четко уточняет объем понятия натурального числа с помощью признака (а именно эквивалентности), который самим понятием не предполагается...» (ФА. 124₂₁₋₂₄). Но тут, по Гуссерлю, возникает ряд других вопросов, которые по существу сводят на-нет предлагаемую дефиницию.

После того, как разбираемая глава была написана, Гуссерль познакомился с новыми, относящимися к «данной тенденции» материалами, о которых написал специальное примечание (ФА, 125). Речь прежде всего идет о части работы Г. Хейманса «Законы и элементы научного мышления» (G. Heymans, «Gesetze und Elemente des wissenschaftlichen Denkens», Leipzig 1890, § 36, S. 146 ff), где Гуссерль выделяет определение: «...понятие «равновеликого» (*Gleichzahlige*) исторически и логически вырастает из понятия числа». Но ещё важнее ссылка на сочинение «знаменитого арифметика» (как его называет Гуссерль) Р. Дедекинда «Чем являются и чем должны быть числа?», о котором Гуссерль говорит, что оно если не во всем, то в существенных пунктах примыкает к теории эквивалентности. В доказательство приводится цитата из Дедекинда: «Если точно понаблюдать за тем, что мы делаем при подсчитывании множества (*Menge*) или определенного количества вещей, то это ведет к рассмотрению способности духа соотносить вещи с вещами, ставить в соответствие одной вещи ещё одну вещь или отображать одну вещь через другую... Единственно на этой основе может быть воздвигнута совокупная наука о числе» (R. Dedekind. Was sind und was sollen die Zahlen?, 1888. S. VIII). Гуссерль добавляет, что для Дедекинда исходным понятием является порядковое (*Ordinalzahl*), или «натуральное число» (S. 21).

Определенное число (Anzahl) какого-либо множества, считает Гуссерль, есть для Дедекинда то самое порядковое число, свойство которого состоит в следующем: совокупность чисел, стоящих ниже его по рангу, эквивалентна имеющемуся множеству. «Как бы я ни восторгался формальной последовательностью развития теорий этого значительного математика, мне кажется, что он из-за склонности к искусственным обособлениям далеко отклоняется от истины» (ФА. S. 125), — пишет Гуссерль. «Пристраивание» воззрений Дедекинда к теории эквивалентности — всего лишь новый повод опровергнуть уже отринутые в начале ФА идеи о том, что не определенное число (Anzahl), а порядковое число (Ordnungszahl) должно стать фундаментальным понятием теории чисел и тем самым науки арифметики как таковой.

Итак, в VII главе ФА автор пытался показать, что попытки выстроить здание арифметики как науки на фундаменте понятия эквивалентности (или рассуждений об эквивалентности) несостоятельны, а потому преувеличивать значение соответствующих теорий было бы неверно.

Но главное в этом разделе — и нечто судьбинное, так сказать, для самого облика только возникающей феноменологии — это, как сказано, начавшаяся полемика пока ещё неизвестного философствующего математика Гуссерля с более известным тогда автором Готлобом Фреге. В связи с этой полемикой возникли первые контакты двух, как выяснилось позже, великих умов XX века.

В своих утверждениях (в полемике с Фреге) относительно невозможности дефинировать простейшие и исходные (в данном случае математические) понятия Гуссерль не был одинок: подобные взгляды высказывались и до того, и после того, как вышла ФА. Интересно, например, что примерно то же суждение несколькими годами позже высказывал — причем именно в переписке с Фреге! — выдающийся немецкий математик Д. Гильберт. В письме к Фреге (точная дата неизвестна, но это скорее всего самое начало XX века) он писал: «Желание дать дефиницию точки — это, по моему мнению, то, что осуществить невозможно, ибо скорее целое построение аксиом только и может дать полную дефиницию. Ведь всякая аксиома что-то ещё привносит в дефиницию, и следовательно всякая новая аксиома изменяет понятие точки. “Точка” в эвклидовской, не-эвклидовской, архимедовской и не-архимедовской геометрии всякий раз что-то иное. После того, как полно и однозначно

определяется какое-либо понятие, добавление какой-либо аксиомы — это, на мой взгляд что-то невероятное и нелогичное (Unlogisches); здесь ошибка, которую особенно часто делают физики»¹.

Как мы видим, одна из линий критики Гуссерлем фрегевского требования сплошного и однозначного дефинирования перекликается с этим, правда более поздним критическим замечанием Д. Гильберта (Hilbert) — математика, к идеям которого неоднократно обращался и будущий основатель феноменологии. Ведь и Гуссерль показал, как мы видели, что Фреге по существу усматривал «спасение» задуманного им дефиниционного абсолютизма в том, чтобы *post festum* насыщать дефиниции «недефинитивным, уже после определения понятий обретаемым конкретным содержанием, что, по Гильберту, и делается, когда развертывается» последовательно создаваемое царство аксиом.

Любопытно, что в (тоже более позднем) ответе Гильберту Фреге в чем-то с ним соглашается. Например, он хорошо использует неосторожную, возможно, фразу из процитированного гильбертовского пассажа: «После того, как...» — читайте снова... А действительно, пишет Фреге, что ещё оставалось бы делать, если бы понятия определялись полно, однозначно? Но проблема в том, что этого очень трудно добиться: «понятия не готовы, а однако употребляются в этом неготовом, собственно непригодном к использованию состоянии...» (Ibidem. S. 414, 415). Так и в определении понятия точки, продолжает Фреге, он согласен с Гильбертом, хотя не разделяет взгляда последнего, согласно которому точку вообще невозможно дефинировать сколько-нибудь полно, однозначно, строго. Вот и всё. (Интересный спор Гильберта и Фреге о природе аксиом оставим в стороне.)

История соприкосновений — чаще расхождений — учений Фреге и Гуссерля на этом не закончена. В моей книге она будет истолкована как своего рода продолжающаяся интеллектуальная драма, которую я (разумеется, соответственно своему пониманию проблем) разобью на три части. *Первая часть* — своего рода «Пролог» — как раз и была задана задиристыми оценками подходов Фреге в разбираемом сочинении раннего Гуссерля «Философия арифметики», о которых шла речь в этой главе. Другие части — они же части интереснейшей интеллекту-

¹ Цит. по: *Gottlob Frege. Kleine Schriften*. Hildesheim. Zürich. New-York. 1990. S. 412.

альной драмы — появятся позже, и соответственно тому, что начавшееся размежевание двух великих умов конца XIX века (с его сближениями и расхождениями) продолжится в XX веке и будет, как известно, иметь прямое отношение уже к «Логическим исследованиям» Гуссерля.

Подводя *предварительные* итоги до сих пор проведенного анализа ФА, представляется необходимым отметить следующее. Применительно к своему времени Гуссерль основательно вник в тот психологический материал, который либо прямо относился к проблеме числа и числовых операций, либо мог быть к ней возведен. Оправдан вопрос о том, проявляла ли психология тогда и впоследствии интерес к данной проблеме и если да, то учла ли она те достижения и тот ракурс анализа, которые предложил Гуссерль.

На вторую часть вопроса ответить, к сожалению, очень просто: в исследованиях психологов XX века по проблеме числа (если это не психологи чисто феноменологического направления) ссылок на Гуссерля, в сущности, не встречается. (Я была бы рада, если бы дело было в ограниченности моих знаний истории психологии и если бы мне указали на такие исследования.) Причина довольно банальна — это такая последующая изоляция друг от друга различных дисциплин, которой ещё не было даже в конце XIX века и которая именно конкретной психологии коснулась в большей мере, чем других наук.

Применительно ко времени создания ФА было показано, что в современных Гуссерлю исследованиях в психологии и философии, многие группировались вокруг темы представлений (*Vorstellungen*), причем имелись в виду те формы и структуры «чувственности» (*Sinnlichkeit* — в кантовском смысле), которые, с одной стороны, имеют однородный с другими представлениями характер, а с другой стороны, в случае их отнесенности именно к числам, счетным операциям приобретают специфические черты. И Гуссерль, что называется по широкому фронту, использовал все значимые для его целей разработки психологии. Как было установлено, они везде, в сущности, шли рука об руку с философскими исследованиями. Но в эту сферу Гуссерль, вчерашний математик, тоже не преминул войти.

7. ВТОРЖЕНИЕ ГУССЕРЛЯ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ, ЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ (VIII глава Философии арифметики)

Ещё и раньше автору ФА следовало привлечь к рассмотрению те дискуссии о числе, о формировании *понятия* числа и о роли в этом процессе чувственных впечатлений (восприятий, представлений), которые имели место в истории философской мысли, особенно в Новое время. Но Гуссерль пока не обращался в ФА к историко-философскому материалу сколько-нибудь основательно. В VIII главе он привлекает к рассмотрению и его — как именно, нам и предстоит разобраться.

Отличие вторжений Гуссерля в историко-философские области в его раннем произведении оправданно видеть в том, что он не делает никаких специальных систематических введений или обзоров, а отбирает материал из ставших ему известными произведений (не забудем, вчерашнему математику, чье именно историко-философское образование не было систематическим), причем делает это в строгом соответствии со своими особыми тематическими интересами и проблемными акцентами.

Так, в начале VIII главы ФА он обсуждает идеи выдающихся философов Нового времени Локка, Беркли, Лейбница в связи с темой, которая обозначена первым подзаголовком главы «Дефиниция числа как множества единиц. Единица (Eins) как абстрактное, позитивное частичное содержание (Teillinhalt). Единица как простой (bloßes) знак».

«Возьмем, — предлагает Гуссерль, — в качестве исходного пункта старую дефиницию: число — множество единиц. У многих авторов за этим определением скрывается грубое, ложное понимание, будто в случае числа речь идет о *специальном* виде множеств *равных друг другу предметов*. И подобно тому, как бывает много яблок, камешков и т. д., бывает-де и много единиц. При этом о единицах думают как

о конкретных содержаниях, придерживаясь лишь их имен или письменных знаков, которые могут быть изолированными или быть коллигированными в множества» (126_{13–23}).

Сторонником такого взгляда Гуссерль считает Дж. Локка, в подтверждение чего приводит (на английском языке) цитату из «Опыта о человеческом разуме» (кн. II, гл. 16, отд. 1). Смысл цитируемого рассуждения Локка — в том, что среди «идей» (ideas), которыми мы располагаем, самой «простой» якобы является идея «unity», т. е. (в данном контексте) единицы. Повторяя эту идею в нашем уме и складывая вместе повторения, рассуждает Локк, мы приходим к комплексной идее её «модификации» (of the modes of it) — а именно «числа» (number). Гуссерль считает учение о числе Локка «очевидно ложным» и отмечает: «Понимание единицы как абсолютного частичного содержания (Teilinhalt) еще очень грубое, и оно было причиной критики (локковского понимания) со стороны таких немаловажных авторов, как Лейбниц и Беркли» (127_{6–10}). Что касается Беркли, то он, напоминает Гуссерль, «неоднократно, подробно» критиковал мысли Локка о «релятивной природе числовых понятий» — за их номиналистические акценты (см. 127₁₀ и далее). Однако и берклевская критика Локка, сколь бы аргументированной ни считал её Гуссерль, вплетена в ошибочные, по мнению автора ФА, концепции.

Краткий (на 1,5 страницы) экскурс Гуссерля в философию сразу трех выдающихся авторов, как и последующие столь же беглые обращения к текстам тех же авторов, а также Гоббса, вряд ли могут склонить к мысли, что автор ФА в тот период основательно знал и продумывал даже релевантное проблематике числа историко-философское наследие. Подобное же впечатление производят (редкие) историко-философские вкрапления в других главах ФА. И хотя мне лично как историку философии отрадно было бы найти в историко-философских экскурсах Гуссерля признаки таких же осведомленности, глубокомыслия, новаторства, какие он обнаруживает в философско-математических, психологических, логических рассуждениях «Философии арифметики», но увы, ничего такого не удалось обнаружить.

Поэтому здесь был избран такой способ анализа VIII главы: при анализе историко-философских экскурсов Гуссерля не станем вдаваться в сугубо специальные вопросы о том, сколь точно и глубоко он

владеет соответствующим материалом и является ли его анализ профессиональным и глубоким. Представляется оправданным проследить лишь за красной нитью проблемного анализа числа в VIII главе. А это, напомним, возвращение к подтеме единиц и множеств, в VIII главе с уклоном в опровержение тех подходов в анализе данной проблематики, которые Гуссерль считает полностью или частично ложными. Какие же это подходы?

1. Как уже было показано, на самых первых страницах VIII главы опровергается (с обращением к работам Локка, Беркли, Лейбница) понимание единицы (Eins) как «абстрактного, позитивного частично-содержания», как простого знака.

Наряду с ошибками, о которых раньше шла речь и которые касались обсуждаемых дефиниций числа, Гуссерль критикует их за «очень малую пользу» (128_{31–32}).

2. Гуссерль обсуждает дискуссии вокруг темы «Единица и ноль как знаки».

О дефинициях «1» как исходной «единицы» повествует второй небольшой подраздел VIII главы.

Ссылаясь, в частности, на Фреге, на его упомянутую ранее классическую работу «Основы арифметики» (Die Grundlagen der Arithmetik, S. 38), Гуссерль приводит мнение авторитетного логика о том, что «0 и 1 не являются числами в том же смысле, что 2 и 3» (129_{27–28}). Кстати, можно видеть, что Гуссерль готов воздать должное тем идеям, подходам Фреге, которые представляются ему доказанными или доказуемыми. Но он добавляет: «Хотя число 0 обладает особыми свойствами (etwas Besonderes), что относится и к числу 1, но ведь в основе своей сказанное относится к каждому целому числу; просто у больших чисел это всегда меньше бросается в глаза. И совершенный произвол вводить здесь (т. е. в случае 0 и 1. — *Н.М.*) какие-то видовые различия. То, что не затрагивает 0 или 1, может вообще не быть существенным для понятия числа» (130_{1–6}).

Рассмотрим суть вопроса несколько (точнее, внимательнее), предлагает Гуссерль.

Взято определение числа у Гербарта: «число — *всякий возможный* ответ на вопрос: сколько?». Но ведь «сколько?», рассуждает Гуссерль, это вопрос о «ближайшей детерминации» [слова] Много (130_{20–21}).

А «много», убеждает Гуссерль, со всей очевидностью не является (здесь) противоположностью слова «мало» — оно просто «выражает представление (в собственном или символическом смысле) о «коллекции», т. е. объединении в какую-либо совокупность, какое-либо множество (eines Inbegriffs, einer Vielheit) предметов» (130_{21–25}). И добавляет, что дефиниция: «Число отвечает на вопрос: сколько?» вполне гармонирует и с результатами его собственных исследований (130_{30–32}).

Но все это верно, по Гуссерлю, лишь при условии правильного понимания и учета многих трудностей, тонкостей. «Не всякий возможный ответ на вопрос: сколько? а только возможный позитивный ответ ведет к числам. Здесь дело обстоит так же, как и в случае других аналогичных дефиниций. Например, определенностью места называют всякий ответ на вопрос: “где?”, определенностью времени — всякий ответ на вопрос: “когда?”. Но и в этих случаях негативный ответ исключен самим смыслом дефиниции» (130_{34–37}–131_{1–}).

Правда, грамматически, добавляет Гуссерль, негативные ответы также функционируют, почему в грамматике (отчасти в логике, добавим мы) рассматривают и их. Но *в понятийном отношении (begrifflich)* между позитивными и негативными ответами имеется «существенное различие» (131₁₀).

Не стану анализировать подробно, а лишь выборочно обобщу материал следующих 25 страниц главы (135–160), на которых тщательно обсуждаются тонкие детали гуссерлевских аргументов против (реже — в поддержку) тогдашних специальных дискуссий в математике и философии арифметики, касающихся статуса и характера 0 и 1 как чисел (хотя Гуссерль считает, что для общего определения их как чисел есть «веские основания» — 133_{25–26}).

Отмечу лишь то, что и в этих разделах, говоря о Фреге (скажем, снова ссылаясь на его «Философию арифметики»), Гуссерль опять считает нужным уличить популярного логика в тех или иных ошибках. Скажем, на стр. 148, Фреге обвинен в смешении «равенства» (Gleichheit) с «идентичностью» (Identität).

Поскольку в системе гуссерлевских понятий, как мы видели в начале нашего анализа ФА, видная роль принадлежит понятию «Einheit» — как единству, единицы, имеет смысл презентировать специальный раздельчик VIII главы, который называется «Экивокации

имени *Einheit*» (152₃). Здесь есть проблема перевода. По-немецки используемое Гуссерлем в этом случае слово «*Einheit*» употребляется в разных смыслах; в обсуждаемом нами контексте оно может означать и единство, и единицу измерения.

О каких «экивоках» (разночтениях, смешениях) говорит здесь Гуссерль? Он насчитывает 8 главных «экивокаций».

1. «Имя *Einheit* относится прежде всего к абстрактному понятию единства. Понятие “*Einheit*” коррелирует в данном случае с понятием множества (*Vielheit*); а оно — не что иное, как понятие коллективного целого. Итак, *Einheit* (в данном случае. — *Н.М.*) — понятие части такого “коллектива”» (152₄₋₉).

2. «Имя “*Einheit*” означает также какой-нибудь предмет, который подпадает под понятие единства» (152₁₀₋₁₁). Эта трудность, разъясняет Гуссерль, не является специфической для имени «*Einheit*», а относится ко всем абстрактным именам, поскольку они употребляются как всеобщие. «Мы можем также сказать, что *Einheit* в данном смысле означает: считаемый (или подлежащий счету) предмет, как таковой, причем с самого начала, следует мыслить в действительных, а не символических числах» (152₁₆₋₁₉).

3. «Всякое *Einheit* [рамках] множества — это также одно, единица (*Eins*) в смысле числа: всякому единству присуще число “Один (одно, одна)”. И так как для имени *Einheit* (в смысле, рассматриваемом в пункте 2) — если применяется также имя “*Eins*” (Одно) — возникает экивокация в этом последнем наименовании...» (152₂₀₋₂₄).

4. «Поскольку, как правило, пересчитываются только предметы, относящиеся к одному виду, то общее для исчисляемых предметов родовое понятие называют “*Einheit*”» (152₃₀₋₃₂). Так, если вес исчисляют в фунтах, то фунт именуют «*Einheit*», единицей (153₃₋₅).

5. В «высшем анализе» (математическом) тоже идет речь об «*Einheiten*», которые не имеют ничего общего с порядковым числом. Тогда говорят о разнообразных «воображаемых *Einheiten*» (153₁₃₋₁₅).

Не будем следовать за Гуссерлем в его расшифровке этих сугубо специальных математических символов.

6. Как знак для *Einheit* (в смысле пункта 2) арифметики применяют знак 1... Тогда считают: «“*Einheit*” следует понимать как простой знак» (153_{30-31; 34-35}). Гуссерль полагает такое понимание и определе-

ние «Einheit» как простого знака является ошибкой, истоки которой он возводит к суждениям Беркли, а среди современных защитников его упоминает Гельмгольца.

7. «“Einheit”, далее, означает “целое” (Ganzes). ...Как правило, мы считываем вещи в узком смысле, вообще составное целое, которое, в силу внутренней связанности его частей легко отделить от окружающей среды» (154₅₋₁₃). И это опять-таки связано с тем или иным нашим *интересом*. Подчеркнем и запомним: как мы видели, в такие «понятийные» тексты Гуссерля часто вклинивается слово «интерес». Вот как Гуссерль поясняет необходимость его включения. «И то, что здесь — в силу внутренней принадлежности и четкой (scharfe) отграниченности как целого, возбуждает интерес и тем самым становится главным предметом счета, то и именуется словом “Einheit”. В дальнейшем перенесении Einheit в конечном счете означает целое: например, мы говорим, что государство образует “Einheit” (единство, целостность). В сноске сделано примечание, что и слово (имя существительное) “Einigung” (единение), как и глагол einigen, означают объединение в целое» (154, сноска 3).

8. «“Einheit”, употребляется для обозначения “Ganzheit”, целостности, или “объединенности” (Geeinigtheit). И вот для всех этих процессов мы (разумеется, немецкоязычные люди. — *Н.М.*) не обладаем никаким иным расхожим словом, кроме «Einheit». Речь здесь с очевидностью идет о вторичном, переносном значении. В таком смысле говорится об Einheit — единстве души как одном из её свойств» (154₂₀₋₂₅).

И Гуссерль неожиданно завершает эти, на первый взгляд абстрактные понятийные рассуждения своего рода социально-нравственным пассажем. «С помощью седьмого и восьмого значений имени (слова) Einheit мы можем отыскать путь, на котором можно достигнуть строгой точности в отношении “Einheit”. “Eines” — это то, что объединяет (geeignet). Объединению (Einigung) же присуща степень совершенства; оно тем совершеннее, когда является более внутренним. Но идеал единения — неразъединенность...» (154₂₆₋₃₁).

Заключительные страницы VIII главы посвящены полемике Гуссерля против конкретных философско-математических концепций (где снова упоминаются имена Баумана, Беркли, Фреге, Гербарта, Зигварта) применительно к теме «Einheit» и «Vielheit». Их мы опустим.

Далее следуют страницы **ФА**, которые кто-то может счесть очень конкретными и частными, но на которых, как я полагаю, на самом деле даются фундаментальные для Гуссерля разъяснения. Они важны как для понимания содержания специфического синтеза методов анализа, применяемых в **ФА**, так и для распознавания в этой ранней работе некоторых линий дальнейшего развития гуссерлевских идей. Разберем эти проблемы подробнее.

Вспомним, Гуссерль с первых сочинений, включая **ФА**, *ведет речь о специфике категории числа*. В VIII главе как раз и имеется важнейшее для ранней гуссерлевской концепции, но и перспективное для его последующей философии (рабочее, а не претендующее на общезначимость) *определение числа*. Вот оно: «Число — всеобщая форма множества (Vielheitsform), под которое подпадает совокупность (Inbegriff) предметов a, b, c. При этом ясно, что эта совокупность, Inbegriff (это также Vielheit, Menge — и как еще мы можем её назвать) образует субъект высказываний о числах. С формальной точки зрения число и конкретное множество соотносятся как понятие и предмет понятия. Число, таким образом, относится не к понятию исчисляемых предметов, а к их совокупности (Inbegriff). Их отношение к родовым понятиям исчисляемого простое — и оно следующее: если мы исчисляем множество однородных объектов, например, A, A и A, то мы сначала абстрагируемся от их содержательных свойств, следовательно, от того, что они принадлежат к роду A. Мы образуем формы целостностей — одно, одно и одно, 1, 1 и 1 и дополнительно замечаем, что Одно (1) здесь должно иметь значение “одно A”» (166₂₋₁₅).

Иными словами, при движении к определению числа (чисел) — уже в результате проделанной в **ФА** большой и скрупулёзной философско-арифметической, в целом философско-математической, конкретнее — логической, психологической, гносеологической, аналитической работы над многими попытками коллег — из всех им освоенных областей релевантного его тематике тогдашнего знания — Гуссерль стал акцентировать иные центральные моменты, нежели авторы, о которых он ранее писал в **ФА**. Эти философы, логики спорили о том, что является главным в числе. Одни думали, что таковым следует считать отнесенность к *предметам*, которые сосчитываются, или понятия, под которые их логически подводят (субсумируют). Гуссерль же, подмечая раз-

ногласия между цитируемыми авторами и частичную оправданность их взаимной критики, по существу выводит нас за пределы того, что вообще найдено в презентируемом споре. Ибо он говорит: «ни—ни»: ни предметы, ни понятия не являются главными в случае упомянутых разногласий в вопросе о числе. *Решающим для чисел моментом является, согласно твердому убеждению раннего Гуссерля, их отнесенность к множествам (все равно, идет ли речь о Vielheit, Menge или об Inbegriff).*

Теперь уместно — уже на основе большого накопленного материала — снова обратиться к кругу вопросов, которые были подняты в начале нашего раздела о ФА и не раз вставали в ходе предложенного анализа гуссерлевского раннего произведения.

Материал VIII главы дает немало поводов опереться на него и в обсуждении того, каким в дисциплинарном отношении был в этом произведении гуссерлевский *анализ числа*, который, вспомним, уже в зачине ФА (как и более ранних работ вчерашнего математика, входящего и вошедшего в философию) был четко провозглашен автором своего рода проблемным стержнем его исследований. Был ли он больше психологическим, как полагали и до сих пор полагают некоторые исследователи? Предварительно я уже давала на него свой общий ответ, который разовью и уточню в конце части книги, содержащей пошаговый текстологический анализ «Философии арифметики». Здесь же я внесу в него специальные аргументы, которые могут *конкретно* подтвердить мою интерпретацию.

Из изучения текста VIII главы этого произведения, полагаю, снова строго вытекают те выводы, о которых ранее предварительно шла речь. И они опять-таки противостоят некоторым ходячим интерпретациям.

Заявить, будто в ФА мы имеем дело исключительно с психологическим (тем более психологистическим) подходом, значит пренебречь целым рядом конкретных фактов, в том числе имеющих место в данной главе. Кстати, если бы дело обстояло так (повторю это ещё и ещё раз), тут не было бы никакого исследовательского, теоретико-методологического криминала. Ибо в то время прибегать к помощи уже развитой и продолжающей интенсивно развиваться науки психологии и для вчерашнего математика, в том числе задумавшего написать работу по философии арифметики, не было бы ничего зазорного, заведомо ошибочного.

Но ведь гуссерлевская книга обладает в принципе иной — не психологической только, тем более не психологистической — спецификой, о чем убедительно свидетельствует, как я думаю, также и материал очень важной в составе всего произведения VIII главы.

Ни один из существенных шагов прослеженного нами гуссерлевского анализа не был только и чисто психологическим — хотя он был грамотно сообразован с достаточно широким массивом материала из тогдашней психологии. Где и когда это соображение имело место? Во всех случаях, когда автор ФА привлекал внимание к процессам, происходящим в человеческом сознании. А такие акценты, что видно из предыдущего изложения, Гуссерль расставляет постоянно. При этом надо подчеркнуть: когда происходило обращение Гуссерля к сознанию, это отнюдь не всегда был психологический материал и анализ. Иногда, например, это были гносеологические и общеполитические размышления о тех или иных протекающих в сознании процессах, например в научном познании, а также познании, включенном в актику. (На примеры таких размышлений и далее буду обращать внимание читателей.)

Что же касается пока разобранных в VIII главе проблем, то в анализе Гуссерля постоянно присутствует (напомню, соответственно подзаголовок ФА) *логическое измерение*, и разбирается материал, всегда обсуждавшийся в работах профессиональных логиков, в том числе современников автора ФА. К примеру, в VIII главе это коренные для логики вопросы о характере (числовых) *высказываний о субъекте и объекте соответствующих суждений, понятий*. И авторы, чьи идеи и работы при этом обсуждаются и цитируются — корифеи логики — отец и сын Милль, Фреге, Зигварт. При этом сочинения, которые цитируются в главе, это «Логика» Зигварта, «Логика» Дж.Ст. Милля, «Логика» Убервега, «Теория познания», «Логика» Шуппе и др.

Стало быть, совмещение и прослеживание у Гуссерля — в своеобразном синтезе — психологического, логического, гносеологического измерений убедительно подтверждается и в данной главе. Это тем более важно, что в ней Гуссерль как бы подводит итоги исследования, координаты которого он четко обозначает в первых главах. А именно (несмотря на весь свой скепсис относительно «окончательных» дефиниций) он дает определение числа, в котором задействованы коренные понятия его произведения — «множество», «совокупность», «одно» и др.

К первой части ФА Гуссерль написал *Приложение*, которое посвящено конкретной теме «Номиналистические попытки Гельмгольца и Кронекера». В нем Гуссерль, продолжая критику номиналистических философско-математических концепций, опровергает попытки двух весьма известных тогда авторов, математика Кронекера и логика, философа Гельмгольца давать трактовку числу, опираясь на смешение понятия «Eins» (единица) со знаком числа 1. В силу частного значения этого приложения, пусть и небезынтересного, позволю себе не анализировать его подробно.

8. «СМЫСЛ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О ЧИСЛАХ» (IX глава Философии арифметики)

Обсуждение в IX главе ФА споров известных тогда математиков, логиков, философов показывает, насколько детально и придирчиво Гуссерль прорабатывал и сколь обстоятельно цитировал изученную им литературу вопроса о числе. В IX главе, где в центре анализа, как свидетельствует заголовок, «высказывания о числе», превалирует *логический материал*. Вместе с тем, как и везде в ФА, другие измерения анализа — психологический, гносеологический, общефилософский, философско-математический — не исчезают, а обязательно присутствуют в своеобразных синтезах с психологическим и другими измерениями исследования.

Согласно описанию Гуссерля, главным в анализируемом им споре стал вопрос о «собственном, специфическом (eigentlichen) субъекте высказываний о числе (числах)» (161₁₋₂). Автора ФА поразило то, какая «путаница в понятиях» (Verwirrung in den Begriffen) и сколь глубокое несогласие (Uneinigkeit) царили в этих дискуссиях специалистов (161₅₋₆).

Прежде чем обсуждать далее материал, который имеется в IX главе, надо сделать разъяснение, касающееся перевода ряда слов и понятий. В цитатах из немецких текстов будет встречаться немецкое слово «Name(n)». Оно соответствует русскому слову «имя», (собственное), но не только ему, но и слову «фамилия» (с уточнением — Familiennahme — или без него). Кроме того, слово «Name» часто переводится у нас, соответственно контексту, как «обозначение», «название».

Гуссерль цитирует известного тогда логика Дж.Ст. Милля, который писал:

«Числа в строгом смысле являются именами (обозначениями) (Namen) объектов. 2 — это точно имя вещей, которых имеется (sind) две—

два шара, два пальца и т. д.» (161₉₋₁₁). А в сноске Гуссерль привлекает внимание читателей к тому, что Джеймс Милль, отец только что процитированного Дж.Ст. Милля, писал нечто противоположное: «Числа не являются именами (обозначениями) объектов. Они — обозначения процессов, процессов сложения». Правда, добавляет Гуссерль, оба Милля нередко сами себе противоречат (161, сноска 1)...

Приводятся Гуссерлем и прямо противоположные или несколько отличающиеся суждения. Фреге (совсем недавно, добавляет Гуссерль) обнародовал такую формулу: «Числовые данные (die Zahlenangabe), — говорит Фреге коротко и ясно, — суть высказывания о понятии» (Цит. по 161, сноска 3). Родственно этому толкованию то, которое дает *Шуппе*. С его точки зрения, «число покоится на сравнениях и различениях исчисляемых содержаний» (161₂₀—162₁₋₂).

Возвращаясь к формулам уже упомянутых авторов, Гуссерль снова цитирует Дж.Ст. Милля, про которого говорит, что тот «не остается верным самому себе, когда утверждает (несколькими строчками ниже вышеприведенных высказываний): “Числа... означают актуальные соединения вещей (actual connections of things). Например, если мы говорим о трех яблоках, то число 3 является определением не яблок, а *числа* яблок. Выражения “яблок три” было бы идентичным с высказыванием “по числу яблок 3”» (162₁₆₋₂₂). Гуссерль также предоставляет слово Зигварту: «Если “3” (die Drei) является предикатом [суждения], то оно в действительности есть предикат вещей, о которых говорится в высказывании, а не предикат их числа...» (цит. по: 162₂₃₋₂₅).

В следующем подразделе Гуссерль обещает ответить на вопрос: к какому пониманию (из перечисленных) следует примкнуть? Во всяком случае он с самого начала решительно поддерживает такое решение: числа в числовых суждениях не суть предикаты исчисляемых вещей. «(Число) 2 совершенно определенно не является именем (обозначением) вещей, которых (насчитывается) две..., Поэтому (если) мы говорим: *Вещей* (пусть это будут шары, пальцы) две — это не в том же смысле, в каком говорится: «они (так или иначе) окрашены, тяжелы и т. д.; ведь мы в этом случае говорим: *вещей* (Der Dinge) (насчитывается) две. Что числа не атрибуты вещей, обнаруживается также и в языковом выражении: нет числовых прилагательных, тогда как для всех видов атрибутов имеются прилагательные» (162₂₉—163₁₋₄).

По мнению Гуссерля, «точного исследования заслуживает взгляд Гербарта, согласно которому числовое данное относится к понятию. Сам Гербарт не дал более точного обоснования своего взгляда...» (163₅₋₈). Далее на пару страниц следует по-своему интересная попытка Гуссерля обосновать гербартовскую идею с помощью следующих разъяснений, взятых... уже из работ Фреге. «Если я в отношении одних и тех же внешних явлений могу с той же истинностью сказать: “это группа деревьев” и “здесь пять деревьев”, то при этом не меняется ни отдельное, единичное (*das Einzelne*), ни агрегат, а меняется обозначение (*Benennung*), которое я им даю. Но здесь всего лишь знак замещения одного понятия другим. Тем самым нам становится ясно, что *числовые данные содержат высказывание о понятиях*» (Цитир. по: 163₁₆₋₂₄ — курсив мой. — *Н.М.*).

Но Гуссерль полемизирует и с этими аргументами Фреге. «Аргумент, — поправляет начинающий автор более известного логика, — основывается на правильных замечаниях; но они не доказывают то, что должны бы здесь доказать. Верно, что числа ни в коей мере не присущи предметам как (их) признаки, и постольку они не являются носителями таковых; но они ими все же являются в ином, более оправданном смысле. *Число обязано своим возникновением известным психическим процессам, которые связаны с числовыми объектами, и в этом смысле “носимы” ими.* Когда сосредоточиваются на этих носителях и останавливают внимание на процессах абстракции, которые здесь имеют место, тогда и возникают те трудности, которые были выделены ранее. Число (лишь) тогда определено однозначно, когда определена совокупность (*Inbegriff*), на материале которой мы осуществляем процесс абстрагирования. Но предметы сами по себе не определяют эту целостность. Одни и те же предметы могут быть представлены в разных формах совокупностей (*Inbegriffsformen*) (163₂₅₋₃₇—164₁, курсив мой. — *Н.М.*)

Далее Гуссерль показывает, что мы способны образовывать в сознании различные совокупности, как и разные совокупности совокупностей (*Inbegriffe von Inbegriffen* — 164₅). И всё здесь зависит, поясняет он, от «направленности интереса» (164₁₀). Важно для автора ФА то, что «с изменением интереса связано изменение понятий, под которым мы обособляем предметы соответственно группам и сосчитываем их» (164₁₃₋₁₆). Но так бывает не всегда, уточняет Гуссерль: «ведь мы можем

из групп однородных предметов, например, яблок, “совершенно случайно и произвольно” образовывать группы по два, три предмета, не утруждая себя обоснованием, осознанием принципов таких действий и соответствующих понятий» (164_{21–26}).

Для всего этого, продолжает Гуссерль свои рассуждения, всякий раз имеются мотивы, а также соответствующие (не всегда осознаваемые и выводимые) понятийные корреляты. Но сказанное отнюдь не означает, что мы всегда осуществляем — сознательно и во всей полноте операций, процедур — «логическое подведение» (eine logische Subsumption) и не всегда explizite, т. е. четко и развёрнуто, мыслим «отдельные содержания как предметы этих понятий» (164_{31–32}).

Возьмем пример: из имеющихся яблок мы образуем группу в четыре яблока. Значит ли это, что применительно к каждому яблоку из четырех мы осуществляем операцию логического подведения под понятие пространственного, принадлежащего к такой конфигурации содержания? «Не надо смешивать, — полагает Гуссерль, — (два действия): когда мы попутно замечаем (das Nebenbei—Bemerken) некоторые понятийные моменты (абстрактные частичные содержания — Teilinhalten) в созерцании как психологический мотив образования групп и когда осуществляем логическое подведение членов групп под соответствующее понятие» (164_{36–39}—165_{1–3})¹.

В связи с соображениями, высказанными ранее, Гуссерль снова — но уже с некоторым согласием — обращается к текстам Фреге, где логик разбирает (понятные для тех, для кого немецкий язык родной или хорошо изученный) грамматико-логические примеры. В немецком языке, напоминает Фреге, говорят: «zehn Mann», десять мужчин, «vier Mark», четыре марки (т. е. обозначения существительных употребляются в единственном, а не во множественном числе). «Единственное число, — поясняет Гуссерль аргументы Фреге, — указывает здесь на то, что имеется в виду понятие, а не [сама] вещь» (166_{36–37}). (Следует учесть, что немецкое «das Ding», вещь, может быть равно отнесено и к физической вещи, и к человеку.)

¹ Такое смешение, считает Гуссерль, допускает известный тогда автор Керри (Kerry) в работе 1889 года на профилирующую для ФА тему «О созерцании и его психической обработке». Гуссерль ссылается на неё и приводит из неё цитаты в сноске 1 на стр. 165.

А затем Гуссерль снова находит повод поспорить с обобщением Фреге: «Это слишком смелое утверждение (имеется в виду намек Фреге на грамматические “отклонения” в приведенном примере). Фреге упускает из виду, что имена, обозначения (Namen) “марка”, “человек” не абстрактные, а всеобщие понятия... Множественное число «Männer» (мужчины) означает неопределенное множество, и соответствующий числовой атрибут детерминирует или классифицирует его, определяет “как много” (Wieviel), сколько их. Тогда также понимают, почему числовой атрибут никогда не фигурирует [здесь] во множественном числе... И следовательно, Фреге неправильно называет обычное словоупотребление ошибочным...» (167₁₋₃, 167₁₁₋₁₂, 167₂₁₋₂₂). Гуссерль напоминает о других случаях давно сложившегося грамматического словоупотребления: в таких случаях тоже создается впечатление, что имеют место грамматические ошибки (например, по-немецки говорят «viel Menschen» вместо более корректного грамматически выражения «viele Menschen»). Но люди умеют проводить здесь правильные различия. Гуссерль в IX главе приводит и другие аргументы в пользу своего тезиса «числовые данные — высказывания о понятии». Мы их опустим потому, что здесь много тонкостей в понимании и толковании немецких слов и выражений, а передача их на русском языке потребовала бы длинных объяснений.

9. «ЧИСЛОВЫЕ ОПЕРАЦИИ И ЧИСЛОВЫЕ ПОНЯТИЯ» (X глава Философии арифметики)

Эту относительно небольшую главку Гуссерль связывает с предыдущими главами ФА, разъясняя, что в них он разбирал «тонкие» (subtile) вопросы, связанные с анализом понятий «единство» (Einheit), «множество» (Vielheit), «натуральное число» (Anzahl). А теперь, пишет автор, возникает задача «понятийно прояснить, с *психологической и логической* точек зрения, возникновение покоящихся на перечисленных понятиях искусства счета и исследовать его (этого искусства) отношение к науке арифметике» (181₆₋₉; курсив мой. — Н.М.).

Далее проводится интересное исследование, озаглавленное «Числа в арифметике — не абстракции (Abstrakta)» (181₁₀).

Есть логическая трудность, которая возникает в любом счете — и её надо преодолеть, рассуждает Гуссерль. Например, говорят «2 и 3 равно 5». Но ведь понятие «2» и «3» (именно понятийно) всегда равны лишь сами себе и никогда не равны 5-ти. В каком смысле вообще говорят о сложении, умножении и т. д. — задается Гуссерль как будто неожиданным, но ведь и фундаментальным вопросом относительно этих более чем привычных, повседневных человеческих мыслительных действий. Его интересует, о чем он сказал вначале, *понятийная* сторона вопроса. «Как можно оперативно связывать числовые понятия, если каждое из них остается идентичным тому, что оно есть; и если каждое (такое) понятие в себе и для себя самого (an und für sich) остается лишь единственным, как следует связывать друг с другом такие же (gleiche) понятия?» (181₁₉₋₂₁).

«Ответ лежит рядом», — сообщает Гуссерль. «Арифметик вообще работает не с числовыми понятиями как таковыми, но с всеобщим образом представляемыми предметами (Gegenständen) этих понятий; те знаки, которые он соединяет в процессе счета, имеют характер все-

общих знаков, образованных на основе всеобщих же знаков. И таким образом, 5 означает не понятие (абстракт) пяти, ибо 5 — это всеобщее обозначение (Name) (соответственно, счетный знак) для каких-либо таковых множеств как подпадающих под понятие “пять”. $5+5=10$ значит следующее: какое-либо (все равно какое) подпадающее под понятие 5 плюс какое-либо множество, подпадающее под то же понятие, сложенные вместе, суть множество, подпадающее под понятие 10» ($181_{22-28}-182_{1-5}$).

В подразделе, названном «Основные виды действий с числами» (*Die Grindbetätigungen an Zahlen*, 182₆), Гуссерль разъясняет, что таковыми он считает сложение (Addition) и деление (Teilung) (182₁₅₋₁₇).

Прежде всего автор ФА отвергает такое толкование чисел: они и возникают-де не только из сосчитывания единиц (Einheiten), но и сосчитывания чисел. Это, пишет Гуссерль, «ошибочный способ выражения» (182₂₁₋₂₂). Если бы мы сосчитывали числа, как считаем яблоки, тогда при сосчитывании второго, третьего и пятого (яблока) получили бы не 10, а 3 (183₂₁₋₂₄).

Обратимся ближе к анализу сложения (*Die Addition*), предлагает Гуссерль. Нужно предупредить читателей: в главе автор ФА ведет детализированную полемику с целым рядом философов — с Кантом, Ланге, Дюрингом (по книге последнего «Логика и теория науки», *Logik und Wissenschaftstheorie*», Lpz., 1878, вряд ли известной в России), с В. Вунтом — по самым частным и тонким вопросам толкования сложения, деления, умножения как внутриматематических проблем. Входить во все эти тонкости и частности, интересные конкретным специалистам, в моей книге вряд ли целесообразно. Возьму для характеристики хода анализа в ФА лишь некоторые темы, ближе примыкающие к философии и существенные для понимания главных идей ФА.

Считаю, что главный общий тезис Гуссерль сформулирует к концу главы — после того, как он остановится (на примере анализа главным образом сложения, деления) на описании и опровержении взглядов вышеназванных современников.

Он разбирал теоретические постулаты, покоившиеся на распространенной теоретической предпосылке, которая казалась как бы само собой разумеющейся, а именно: «всякая арифметическая операция есть деятельность с действительными числами» (190₂₀₋₂₁). Гуссерль твер-

до убежден, что подобное толкование «не может быть истинным» (190_{21–22}). Не менее сомнительной он считает позицию, в соответствии с которой различие между представлениями о числах в «символическом» и «собственном» (eigentlichen) смыслах не следует принимать во внимание. Гуссерль же во всех последующих главах ФА будет исходить из следующего убеждения — и станет развивать соответствующие идеи и аргументы самым подробным образом: «все представления о числах... являются *символическими* и могут быть лишь таковыми; и здесь мы имеем дело с фактом, который полностью (ganz und gar) определяет характер, смысл и цель арифметики» (190_{26–30}).

Что касается специалистов, которых Гуссерль именует «логиками арифметики», то они либо «упустили из виду (übersehen)» это решающее обстоятельство, либо не сумели оценить его значение для арифметической науки должным образом. И потому, констатирует автор ФА с немалым огорчением, и в целом, и в деталях в арифметике царят такие «теории», о которых можно сказать, что они неглубокие, поверхностные. А это свидетельствуют разве о «конечности человеческой природы» (191_{34–35}).

Но автор ФА заканчивает X главу не этими грустными замечаниями, а настоящим прозаическим гимном в адрес тех огромных достижений разума «конечных» человеческих существ, которые как бы разрывают пути конечности. «Но все же надо было поблагодарить конечные существа, которые привели дело к представлениям о миллионах и триллионах, даже к световым годам астрономов... Вся арифметика, как мы увидим, все же является не чем иным, как суммой искусственных средств, предназначенных к тому, чтобы преодолеть отмеченные существенные несовершенства нашего интеллекта» (192_{2–9}).

И несмотря на отдаленность человеческих дел от какого-либо «гипотетического идеального случая» (192_{10–11}), людей вообще-то не смущают границы и трудности познания. Тут Гуссерль делает (не вполне убедительное, на мой взгляд) замечание о том, что такую линию рассуждения «впервые открыл психологический анализ. В науке и вне её говорят в том смысле, что можно-де продолжать ряд чисел в бесконечность, т. е. переступая любые границы. Для этого значимы даже эти понятия как логически наисовершеннейшие в сфере человеческого познания» (192_{20–24}).

Но ведь могут спросить, продолжает Гуссерль, как можно и не абсурдно ли вообще основывать науки, например, науку арифметику на мысли о понятиях, которых еще нет и в помине? «На что следует ответить так: — пишет Гуссерль в конце X главы, — если мы не располагаем такими понятиями в собственном (*eigentlicher*) смысле, то все же имеем их в символическом смысле. Разъяснение этого существенного различия и психологический анализ символических числовых представлений должны стать задачей следующих глав» (192_{28–32}).

Эти последующие главы ФА, в самом деле, будут во многом посвящены «символическим представлениям».

Предваряя анализ последних глав ФА, хочу высказать ряд общих тезисов, и относящихся к дальнейшему изложению, и одновременно протягивающих нить ко всей последующей философии Гуссерля, включая его гениальную последнюю книгу «Кризис европейских наук и трансцендентальная философия».

1. Процитированные пассажи из X главы ФА позволяют аттестовать Гуссерля *как выдающегося рационалиста конца XIX — первой половины XX века* — но такого, который с начала творческой деятельности и до конца жизни не только подмечал, но и подробно исследовал слабости, болезни «конечного» разума, пробелы и ошибки философии; но и ей он впоследствии все же предопределил трудную участь быть «строгой наукой».

2. Начав свой путь с изучения математики, а затем повернув на философско-математическую дорогу, Гуссерль хорошо знал не только о достижениях точных наук, включая «родную» математику, но присутствовал при разразившемся кризисе оснований этих «самых строгих» наук.

3. Серьезный теоретический опыт был связан для него с осмыслением процессов, происходивших тогда в логике, хотя некоторые уроки он неплохо усвоил ещё во время работы над ФА. Но куда большие усилия для изучения логики (а она тоже переживала, подобно математике, в тенденции плодотворные, но трудные для постижения, во всей их сложности и противоречивости, процессы трансформации) он приложит в последнее десятилетие XIX века — уже «после ФА», когда станет создавать свои «Логические исследования».

4. Несомненно одно: математика, вместе со всеми взлетами и трудностями, выпавшими на конец XIX — начало XX века, поддерживала

в Гуссерле, вставшем на философскую дорогу, уверенность в том, что именно она убедительно демонстрирует в трудах и муках рождающуюся и развивающуюся поистине прометееву способность человеческого разума преодолевать границы «конечности», да и всякие другие границы, в любой данный момент явные именно для тех, кто станет их преодолевать.

5. «Конечные люди» способны творить поистине «бесконечные миры» — и эту философскую идею подтверждала строгая наука математика! Как раз она научила строгости — и в то же время дала волю поистине беспредельному научному воображению, о котором Гуссерль то и дело вспоминает в ФА. Существа, в седой древности начавшие «счет», помогая себе своими 10 пальцами, «создали» и даже отчасти овладели «представлениями» о «непредставимо» беспредельных, огромных и в потенции расширяющихся числовых мирах!

Приведенные выше слова Гуссерля о миллионах, триллионах, о световых годах и т. д., этих поистине бесконечных порождениях конечного разума, нигде не данных в природе разума, объединенного, в частности, с якобы «чувственными» способностями порождать «представления», но тоже особые — «символические» — не просто переход к развиваемой в последних главах специфической теории «символических представлений». Идеи об этой особой интеллектуально-чувственной способности породила предшествующая гуманитарная мысль — в лице Brentano, Bolzano и других авторов. Гуссерль горячо подхватил и подробнейшим образом развил эти идеи — сначала в ФА, а потом в других произведениях. И что принципиально важно: без обращения к «представлениям», без методологической отработки принципов «усмотрения сущности», как уже не раз отмечалось в побуждающих к этому конкретных анализах, не было бы гуссерлевской феноменологии. В этой же мыслительной плоскости заключены возможности ответа на непростой вопрос о том, на какие стороны рациональной деятельности человека станет опираться будущая гуссерлевская феноменология. Это, с одной стороны, способность разума творить такие *непредставимые*, в чистом, «физическом» виде не находящиеся в окружающем космосе духовные, идеальные миры и его конструкции, его «конституции» (если воспользоваться более поздним гуссерлевским термином). С другой стороны, он возвышал способ-

ности высокоразвитого человечества — в лице его наиболее продвинутых ученых, начиная с конкретных экспериментаторов и включая теоретиков, «усматривать сущности», т. е. «зреть» и даже «символически представлять» его (изобретаемые) данности — «работая» с ними особыми способами, но никак не менее успешно, чем люди научаются обращаться с вещами, материалами и т. д. (при этом эффективно увязывая тот и другой виды деятельности).

В работах по истории гуссерлевской феноменологии мне не приходилось встречать сгруппированные воедино тезисы, подобные только что высказанным. Мне лично они очень важны и дороги, и я готова привести в их подтверждение многие другие аргументы¹.

---

¹ Возможно, прийти к этим идеям мне помогает то вообще-то личное обстоятельство, что в работе над феноменологией довелось двигаться от изучения зрелых, признанных классическими произведений Гуссерля — таких, как «Логические исследования», «Идеи I», «Кризис...» — к самому раннему периоду его творчества. В таких случаях обладаешь даже перед самим Гуссерлем тем «преимуществом», что уже «знаешь» будущее и можешь «увидеть», как первые творческие вехи связаны со всей дальнейшей деятельностью мыслителя...

10. ПОНЯТИЕ «СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ» В УЧЕНИИ РАННЕГО ГУССЕРЛЯ (XI глава Философии арифметики)

Эту относительно небольшую главу ФА (S. 193–210) считаю одной из самых трудных и в то же время из самых содержательно насыщенных, новаторских. Вместе с тем интерпретаторы философии раннего Гуссерля её не особенно жаловали.

Так получилось, что анализировали её ещё реже, чем ФА в целом. При этом сложилось немало предрассудков в оценке гуссерлевского вклада в так называемую теорию «символических представлений». И накопилось немало трудных и уместных вопрошаний. Например, возникал такой вопрос: есть ли основания утверждать, что автору ФА удалось создать, как он на то всё-таки претендовал, новую теорию представлений, а именно символических представлений? Прежде всего, заголовок XI главы — «Символические представления» — с подзаголовком: «Представления в собственном смысле (*eigentliche Vorstellungen*) и символические представления» — сразу вызывал в памяти людей, знакомых с этой проблематикой, воспоминания об идеях Франца Brentano. Да и сам Гуссерль через первые два абзаца главы — в пространной сноске — упоминал о том, что в прослушанных им в Вене лекциях Brentano его особенно впечатлило брентановское разделение на представления в собственном (*eigentlichen*) смысле и в несобственном, или символическом значении.

«Я благодарен ему, — писал Гуссерль, — за более глубокое понимание большого значения представлений в несобственном смысле для всей нашей психической жизни, какого до него, насколько я могу видеть, никто не осознал» (193, сноска). Гуссерль, вместе с тем, тут же добавляет — скромно, мягко, но решительно, что его теория представлений (какой она предстала в ФА) не идентична брентановской.

Гуссерль, который, конечно же, не мог не сослаться на творца понятия несобственных представлений, действительно трактует их иначе, чем Brentano, и по сути развивает *свою концепцию* «несобственных», т. е. символических представлений. Хотя сопоставления позиций Гуссерля и Brentano непосредственно не входит здесь, при разборе текста ФА, в рамки моего повествования, хотела бы обратить внимание на то, что иные авторы, которые излишне, на мой взгляд, сближают философию раннего Гуссерля и Brentano, не учли этот важный момент расхождения двух мыслителей, имеющийся уже в первой книге будущего основателя феноменологии.

Здесь снова хочется обратить внимание на то странное, по меньшей мере, обстоятельство, что следование (каким-то) идеям Brentano со стороны Гуссерля в литературе подчас *совершенно неоправданно* увязывается, если не отождествляется, с гуссерлевским «психологизмом» (появившимся, что вытекает из таких трактовок, как бы и раньше споров о «психологизме!»), становясь чуть ли не главной причиной последнего. Получается, что Гуссерль из-за солидарности с Brentano только заблуждался, а осознав это — и отказавшись от идей Brentano, будто бы благодаря именно такому отказу вышел на верную дорогу... По моему мнению, солидарность Гуссерля с *некоторыми* идеями его учителя Brentano не может расцениваться как опознавательный знак какой-то теоретической беды. В частности, различение представлений на собственные и несобственные, а также анализ символических представлений — тоже вслед за Brentano, но в значительной степени на самостоятельном пути — было, считаю и надеюсь показать при анализе главы, большим достижением раннего Гуссерля, до сих пор, к сожалению, не оцененным по достоинству. О том, какие существенные поправки Гуссерль сделал в ФА к имевшимся тогда — немногим, правда — толкованиям «символических представлений», включая прежде всего брентановские, и какие свои новаторские идеи развивает Гуссерль в XI главе, в других заключительных главах, далее и пойдет речь.

Уже на начальном этапе, когда автор ФА только вводил для читателей понятие представлений в «несобственном» смысле, или символических представлений, начинаются его поправки и уточнения к брентановским разработкам. «Символическое представление (Vorstel-

lung), или представление в несобственном смысле, как показывает уже его название — это представление с помощью знака. Если содержание дано нам не прямо, а косвенно, через посредство знаков, которые недвусмысленно характеризуют это содержание, тогда мы вместо представления в собственном смысле имеем символическое представление» (193₇₋₁₂).

Начальное разъяснение Гуссерля — достаточно понятное и простое, и оно отчасти, но только отчасти тоже восходит к Brentano: представление в собственном смысле, например, о внешнем виде какого-то дома, имеет место тогда, когда мы этот дом в самом деле видели, рассматривали, т. е. воспринимали, а затем представляем себе. О символическом же представлении можно говорить, по Гуссерлю, в случаях, когда кто-либо дает «непрямые» «характеристики, через упоминание чего-то другого, чем этот предмет», — например, упоминается угловой дом на такой-то улице, на той или другой её стороне (193₁₃₋₁₆). «Описаниям созерцаемого объекта — в понимании Гуссерля (и здесь он вполне прав) — присуща тенденция замещать действительные представления», возникающие на основе *непосредственного* созерцания тех или иных предметов, их совокупностей (194₁₋₃). Это имеет место в случаях, когда предметы или их целостности созерцались (нами) ранее.

А иногда символические представления предвзвешивают непосредственное созерцание тех же предметов; впоследствии предметы (их целостности) могут «опознаваться» как раз по символическим, т. е. основанным на знаках представлениям. Последние — и очень часто — замещают непосредственное созерцание предметов, предметных целостностей, которые в данный момент или вообще недоступны созерцанию тех или иных людей. Например, путешествия дают нам возможность непосредственно увидеть иные страны, города, их природные и культурные богатства. Но еще до этого, как и впоследствии же, в нашем сознании удерживаются *именно символические представления*, и какие-то «знаки» «символизируют» нечто увиденное ранее.

Факт состоит в том, что в составе представлений уже достаточно развитого, цивилизованного человека (тем более человека современного, живущего в эпоху массовых коммуникаций и не являющегося принципиальным отшельником или «современным Маугли») лишь самое незначительное меньшинство представлений опирается на его,

этого человека, предшествующий зрительный опыт. Подавляющее же большинство так или иначе имеющихся в его сознании представлений опосредовано теми или иными знаками, символами.

Так, в современном мире только единицы видели своими глазами Эйфелеву башню или Китайскую стену. Но миллионы людей имеют, тем не менее, «зрительное» представление о них, этих «символах» Парижа или Китая. *И такие представления действительно опосредованы какими-то специфическими знаками, символами.* Поэтому уже само внимание Brentano, а потом Гуссерля к символическим представлениям — показатель не только научно-жизненной ценности их разработок, но и свидетельство их теоретической прозорливости. А те интерпретаторы, которые прошли мимо или, хуже того, перечеркнули данные разработки, напротив, проявили свою теоретическую близорукость. Для Гуссерля, впрочем, всего важнее осмыслить ту проблему, к которой он почти сразу же и переходит в XI главе: «Но символизироваться могут не только доступные [непосредственному. — *Н.М.*] созерцанию, но *также абстрактные и всеобщие предметы*» (194₁₁₋₁₂; курсив мой. — *Н.М.*).

Фундаментальный для ФА интерес к таким «абстрактным», «всеобщим» предметам, как числа и связанные с ними процессы сознания, вполне объясняет подобные повороты и акценты анализа в разбираемой книге. Более того, Гуссерль целенаправленно привлекает внимание к проблеме, которая станет поистине профилирующей также в его будущих произведениях, например, в ЛИ. Речь идет — и пойдет впоследствии — об особом «созерцании», «представливании» (*Vorstellen*) всеобщих, родовых «предметов». Пример: «определенный род (*Spezies*) красного представлен (*vorgestellt*) в собственном смысле (*eigentlich*), если мы его имеем в созерцании как абстрактный момент. Несобственным образом он представлен в символическом определении — теми красками, которым так или иначе соответствуют многие миллионы колебаний эфира за одну секунду» (194₁₁₋₁₇).

Проблема, здесь поднятая и обсуждаемая Гуссерлем, вполне реальна и весьма существенна как для понимания работы сознания, так и для жизни отдельных индивидов, для их совместного существования. Представления, названные символическими, и в этом отношении действительно играют значительную роль в жизни буквально каждого

индивида. Ведь повседневный опыт — с точки зрения роли именно представлений (*Vorstellungen*), о которых ранее уже шла речь в нашем повествовании (со ссылками на историю философии и психологии) — дифференцируется, и именно с тенденцией неизмеримого возрастания роли таких представлений, которые Гуссерль вслед за Brentano называет символическими, имея в виду «предметы», которые он условно именуется «всеобщими». Роль знаков, символов разного рода, «организующих» представления о «предметах» такого рода возрастает вместе с развитием многообразного комплекса знаний, касающихся «предметов», которые уже не имеют чисто предметного характера, а являются «сущностями», «идеальностями» разного рода. Когда именно в истории человечества появляются такие «сущности», сказать невозможно. Но уже тогда, когда философия — скажем, в лице Платона — стала обсуждать тему «идей», можно с уверенностью говорить, что «всеобщее», идеальное, в виде «сущностей», встало в повестку дня обсуждение темы «абстрактных» предметов-сущностей.

Но при чем тут тема «представления», в частности, «символических представлений» в духе Brentano и Гуссерля? Гуссерль, во всяком случае, был твердо уверен, что мы не можем не «созерцать», т.е. каким-то образом «представлять себе» также и абстрактные, «всеобщие предметы», т.е. сущности. И эти «представления» — не менее достоверный *факт работы сознания*, нежели представления о физических предметах и их единствах. Люди как-то “усматривают” не только геометрические фигуры-«сущности» из науки геометрии, которая с самого начала избрала своей основой принцип «зрительной» наглядности (таковы и многие другие «наглядные» науки и их разделы), но и «представляют себе» — и даже умеют изобразить — атомы, электроны и т.п.

Поэтому и в случае духовных «сущностей» представления, созерцания играют большую роль — и они именно символические! Когда такая тенденция возникла исторически, когда в становлении человека индивиды научаются «видеть», «представлять» абстрактные предметы — этой темы Гуссерль в ФА по сути не касается.

Достаточно, впрочем, предположить, что начинаются они тогда, когда относительно развитый (и в цивилизационном, и в индивидуальном смысле) человек уже имеет в созерцании и реальные физические и «абстрактные», «всеобщие предметы», причем так или иначе умеет

их различать и пользоваться таким различием. При этом подавляющее большинство людей вряд ли знает о том и задумывается над тем, как и что происходит в их сознании, мышлении при этом — подобно тому, как мольеровский герой Журден не догадывался, что говорит прозой. Но ведь и обычные (нормальные, конечно, люди) в их повседневной жизни не спутают физическую вещь с «абстрактными, всеобщими предметами», умея «созерцать», «представлять» и то, и другое.

Продолжая своё рассуждение, Гуссерль исходит из того, что люди с нормальным сознанием и в повседневной жизни имеют дело со значительным количеством символических представлений. Чем подтверждается их роль? Автор ФА разбирает, такой, например, более чем обычный опыт любого сознания. Обычный человек (разумеется, с нормальным зрением и неповрежденным сознанием) умеет не только видеть эту, скажем, красную розу — ведь одновременно он по сути как-то представляет, но уже умственным взором, красный цвет (все равно, какого оттенка — различия здесь несущественны). А это значит, согласно Гуссерлю, что имеют место (и в тенденции повышают свою роль) *символические представления, вплетенные в опыт всех, по сути, индивидов.*

Но почему? Разве в таком обращении нашего сознания с уже «абстрактными», несомненно, предметами или предметными единствами (красный цвет, цвет как таковой) — или как треугольник и другие виды геометрических фигур осуществляется именно особое «*видение*», «*созерцание*»? Гуссерль изначально уверен, что так оно и есть. Правда, это «созерцание», «усмотрение» в каждом случае особое. Какова его природа и специфика? *В ответе на этот вопрос — прошу читателей быть особенно внимательными — начинает складываться специфическая линия анализа, делающая ФА предвестником того понимания проблем и тех находок, которыми отличаются и славятся — более поздние гуссерлевские произведения.* Так, немного позднее, в ЛИ, Гуссерль разовьет эти догадки под зонтиком терминов «усмотрение сущности», «категориальное усмотрение». Тема эта станет профилирующей во всей будущей феноменологии. *Но, как мы теперь обнаружили, она в особом виде появляется уже в ФА!* О чем тоже не мешает вспомнить интерпретаторам, принижаящим значение этой ранней работы в континуальном, преемственном развитии Гуссерля.

Но и то следует признать, что в этой первой большой книге начинающий автор делает в философии свои первые теоретические шаги. Однако в них уже есть, по-моему, ценные, содержательные моменты. Какие же?

Полагаю, Гуссерль верно исходит из того, что в случае рассуждений об «абстрактных предметах», родовых единствах (вполне понятным образом привлекающих его внимание и как философа, и как математика) *имеет место, мобилизуется и совершенствуется особое созерцание*. В этом нетрудно убедиться каждому непредубежденному человеку, тем более философу, если он возьмет на себя труд понаблюдать хотя бы за своим собственным сознанием. Автор ФА как раз и приглашает к такому наблюдению-обдумыванию. Например, можно без труда установить, что каждый человек даже и с весьма невысоким уровнем образования, услышав слово «треугольник», обязательно обобщенно, схематически *представит себе* фигуру, ограниченную тремя углами. К этому пласту рассуждений, кстати, объективно примыкает кантовское различие (в «Критике чистого разума») между образом и схемой, поясняемое более чем обычным примером: когда говорят слово «собака», в сознании человека всплывает либо образ собственной собаки, если она у него есть, либо некое обобщенное, схематическое, т. е. символическое представление о таком-то и таком-то животном.

* * *

Далее в XI главе ФА речь у Гуссерля пойдет о вопросах, о которых философы или математики рассуждали испокон веков. Они имеют прямое отношение к центральной для ФА проблеме чисел. Гуссерль станет распутывать многообразные тонкие нити, которые связывают две проблемные темы — числа и представлений.

Чтобы расшифровать проблематику множества, без решения которой нельзя осмыслить специфику чисел, «мы сначала должны, — пишет Гуссерль, — ближе рассмотреть функцию представливания (*Vorstellens*) для образования представлений множества (*Vielheitsvorstellungen*), причем мы позволим себе ограничиться множеством чувственных содержаний» (195₅₋₈).

Рассуждение Гуссерля здесь включает ряд исходных утверждений-постулатов, которые необходимы ему, чтобы перейти на особый уро-

вень разговора с читателями, который весьма необычен, причем также и для математиков, других специалистов, теоретически или в практических целях работающих с числами. А к ним Гуссерль, несомненно, обращал, быть может, в первую очередь свою ФА. Эту необычность обязательно надо уловить и освоить, чтобы понять специфику и оригинальность разбираемой главы ФА.

Итак, речь сначала идет о «чувственном множестве», притом с учетом специфического созерцания. В этом отношении, по Гуссерлю, «чувственное множество не отличается от отдельной чувственной вещи» (195₁₂₋₁₃). Существенно то, что Гуссерля изначально интересует специфический оттенок вопроса — он не о множестве частей физической вещи и не об их физическом же «соединении».

А обращает свое внимание Гуссерль на то, что в «представление вещи» (Dingvorstellung) вполне могут входить представления об отдельных физических частях; но внимание здесь основывается на соединении частей с целым, на их принадлежности целому, что и делает их признаками целого» (195 сноска). Иначе обстоит дело, по Гуссерлю, в случае *представлений множества*. Ибо в этом случае каждая часть, или каждый член (даже и физического) множества имеет значение «für sich» (для себя), а не в качестве признаков целого. Части тут обособлены зрительно (anschaulich).

При том, что тема «представления частей» упоминается и кратко разъясняется, особое внимание Гуссерля, его исследовательская «интенция» (unsere Intention, пишет он) повернута в сторону не «физических» связей, а «объединяющего интереса» (einheitliches Interesse) (195₂₀). В попытках объяснить способы и проблемы «символизации» применительно к представлениям мы наталкиваемся, по Гуссерлю, на многие «серьезные и удивительные трудности» (196₁₅).

Какие именно? Гуссерль приводит примеры, привлекая к рассмотрению операции сознания, приводящие к образованию представлений о множестве и опирающиеся на уже имеющиеся понятия: Menge — в немецком варианте — как скопление отдельных предметов (в случае людей — это скорее толпа) и Vielheit как более организованное, ближе к математике стоящее множество. Приведем более подробно размышления Гуссерля — они, по моему мнению, интересны и имеют куда более широкое философское значение, нежели просто относящееся к «философии арифметики».

Обратимся к конкретному анализу Гуссерля в подразделах XI главы. На одном жизненном примере Гуссерль как бы разматывает клубок действий и операций сознания:

«Мы вступаем, — пишет Гуссерль, — в зал, наполненный людьми; достаточно одного взгляда, и мы выносим суждение: [здесь] множество (Menge) людей. Мы смотрим на звездное небо, и в одно мгновение выносим суждение: видим много звёзд. Точно то же — в случае совершенно незнакомых объектов. Как возможны такие суждения? Для действительного представления множеств мы нуждаемся в предыдущем анализе того психического акта, который дает представление о каждом отдельном члене множества и в его “для себя” (für sich), и вместе с другими; следовательно, наличествует столько же психических актов в качестве содержаний, объединенных психическим актом второго порядка. И только с возвратным обращением (mit Rücksicht) на эту форму психического соединения по отдельности понятых содержаний имена, подобные Menge, Vielheit, Inbegriff (имеется в виду множество как скопление, множество как соединение, множество как целостность. — *Н.М.*) обретают свое значение. Должны ли мы как бы в одно мгновение исполнять сложную психическую деятельность и одновременно специально рефлексировать на нее? Ибо в вышеприведенных примерах имеет место не только схватывание множества (Menge), но и подведение под понятие “Menge”. Такое утверждение было бы слишком сильным предположением относительно нашей результативной психической способности (Leistungsfähigkeit)» (196_{18–35}).

Итак, Гуссерль рассматривает следующие черты ситуации: на основе сначала специально и с трудом осуществляемых (mühesam) пониманий человек впоследствии вроде бы совершает бесчисленное количество подобных действий без всякого труда, почти моментально, бессознательно — и в то же время как бы с принудительной силой. Во всяком случае, утверждают: в «молниеносно быстром» следовании особых пониманий и связываний мы не замечаем и даже не можем заметить многое и вспомнить о том, что происходит в тот или иной момент в нашем сознании (197_{5–10}). Вообще-то гуссерлевский акцент — мы «не замечаем» многого, что происходит в нашем сознании — вполне понятен каждому. И дело тут совсем не в науке «психологии», а во внутренних свойствах, в «конституции» человеческих как будто со-

знательных процессов и действий, в которых многое «течет» (и пропадает) стихийно, как бы самостийно.

Вместе с тем Гуссерль, не ссылаясь на какие-либо конкретные теоретические объяснения, объявляет некую гипотезу о чисто «бессознательном», стихийном, «моментальном» протекании процесса слишком слабым объяснением, чтобы им было возможно удовлетвориться при выявлении «основы и опоры» символизирования (197₁₀₋₁₇). Да и рассуждения о «одном мгновении», о «моментальности» каких-либо исполняемых действий сознания, с его точки зрения, нельзя принимать вполне всерьёз. Ибо понимание не может быть «моментальным», когда речь идет о наблюдении, тем более группы объектов — и тут не все исполняется в мгновение ока (197₁₇₋₂₃). Трудности подстерегают и в случае операций «коллигирования», т. е. объединения в целостность. (Следуют вопрос за вопросом 197₃₀₋₃₉—198₁₋₈.)

Предложен Гуссерлем и способ выхода из обрисованных затруднений: «Разрешение этих трудностей станет для нас более легким делом, если мы прежде всего подвергнем более точному анализу символические представления множества как таковые (*die symbolische Mengenvorstellungen*)...» (198₁₁₋₁₄).

При этом «подведение представлений в несобственном смысле под множество нельзя брать, согласно Гуссерлю, в некоей мгновенной непосредственности» (198₁₄₋₁₅). «Мы — по Гуссерлю — так или иначе располагаем понятием *обо всем* процессе, пусть нам “современен” только ограниченный “кусок” (всей уже раньше “современной” кому-то цепи); но мы обладаем знанием о том, что этот кусок — не весь процесс. Ход ассоциации идей снова ведет нас вдоль всей цепи к прежним шагам, по крайней мере в воспоминании о том, что прежние шаги были предприняты» (198₃₃₋₃₆—199₁₋₃).

Но дальше (S. 199—201) Гуссерль буквально нагромождает трудности, долженствующие показать, что этот путь объяснения — через как будто бы задуманное последовательное прослеживание «подведения под понятие множества» — не имел, по крайней мере в то время, сколько-нибудь понятного смысла. И тогда был мыслим лишь один выход, полагает Гуссерль: в «созерцании должны быть заключены доступные непосредственному созерцанию знаки (*Anzeichen*), по которым можно было бы познать характер множества — те

знаки, которые косвенно осуществляют исполнимость описанных выше процессов. С этими знаковыми обозначениям могли бы ассоциироваться, также и непосредственно, имя и понятие множества» (201₆₋₁₂).

Весьма огорчительно, но так случилось, что часть богатых мыслями ранних разработок Гуссерля не нашла, насколько я знаю, продолжения и развития в тогдашней и последующей литературе разных специализаций. Сам Гуссерль разовьет некоторые из них впоследствии — но в набросках, которые были сделаны уже *после* «Философии арифметики» (и о них отчасти будет сказано в разделе моей книги, основывающемся на сравнительно недавно опубликованных томах «Гуссерлианы»).

О ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СТРАНИЦАХ XI ГЛАВЫ ФИЛОСОФИИ АРИФМЕТИКИ

Гуссерль вводит тему «фигуральных моментов» (die figurale Momente). Имеются в виду те специфические структуры опыта сознания, которые можно «наблюдать эмпирически», правда, с помощью теоретического взора, и которые являют собой «существование (Existenz) квази-квалитативных моментов» (203₂₇₋₂₈). Это очень трудный и специальный анализ ФА. Скажем о нем лишь кратко. Автор ФА снова стремится прояснить особенности (специально выделяемых им) процедур и актов сознания, благодаря которым люди сознают более чем обычные и жизненно важные, но специфические *множества* — когда говорят, например, о колонне солдат, об аллее деревьев, о стае птиц и т. д. Он справедливо отмечает: «В частых случаях они отчетливо выражены в языке обычной жизни» (203₃₁₋₃₃). Почему Гуссерль называет их «квази-квалитативными», т. е. *как бы* качественными? Дело в том, что они не принадлежат к тем вещественным свойствам, которые в прежней литературе, прежде всего философской, привычно именовались первичными и вторичными качествами.

Гуссерля же интересуют тонкие и сложные оттенки — и не вещей, а *специфических процессов сознания*, которые связаны с регистрацией, фиксированием подобных, сначала качественных единств. Среди тех, кто в его время в науках (например, в психологии) интересовался сходными сюжетами, Гуссерль упоминает разве Хр. Эренфельса (Ch.

Ehrenfels), основателя гештальт-психологии. В сноске 1 к стр. 210 написано, что работа Эренфельса «О гештальт-качествах» («Über Gestaltqualitäten», 1880) попала в руки Гуссерля тогда, когда ФА была в печати. Еще есть ссылка (сноска 1 на стр. 212) на упоминавшуюся ранее двухтомную работу К. Штумпфа «Психология звука». В остальном же разработки, подобные гуссерлевским, вряд ли предпринимались, во всяком случае, они не находились в центре внимания и в психологии, и в философии математики.

Небольшой разделчик XI главы посвящен теме «бесконечных множеств» (Unendliche Menge). Предмет этих размышлений весьма широк и вполне привычен для тогдашних наук, например, для математики, что и констатирует Гуссерль. Автор ФА и в этом пункте находит возможность вклинить тему символических представлений. «Мы говорим о бесконечных множествах (von unendlichen Mengen). Бесконечны объемы большинства понятий. Бесконечно множество чисел *символически расширяемых* числовых рядов, бесконечно количество точек одной линии и вообще границы континуума» (219_{15–23}. Курсив мой. — Н.М.).

Но у Гуссерля и в данном случае оригинальны подход и угол зрения. Он задается важными, но и очень трудными вопросами. Например: как *приходят* к подобным символическим понятиям (символическим потому, что прямо «увидеть», «объять» эти и всякие иные бесконечности по определению невозможно)? «В чем их психологическое и логическое содержание?» (212₂₉). Подчеркиваю курсивом союз «И», чтобы лишний раз показать: Гуссерль прямо и четко имеет в виду не только психологическое, но и логическое содержание, что для него как автора ФА было элементарно.

11. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧИСЛАХ (XII глава Философии арифметики)

Необходимость разносторонне обсудить тему символических представлений теоретически связана с тем особым звеном в цепи теоретических шагов целостного гуссерлевского размышления, о котором ранее шла речь, когда разъяснялась выявляемая Гуссерлем значительная роль представлений и теории представления применительно именно к числовым понятиям. Гуссерль, как мы видели при анализе XI главы ФА, натолкнулся здесь на целый ряд трудностей, применительно к которым он по праву отметил, что они не только не устранялись, но даже не осознавались в науках, работавших над проблематикой чисел, множеств. А это были — наряду с математикой — тогдашние логика, философия, в меньшей мере психология.

Через анализ проблемы множеств (Menge) автор ФА выявил настоятельную потребность устранить по крайней мере некоторые из этих теоретических трудностей. В принципе было возможно обосновать и конкретно разъяснить интересующую Гуссерля роль представлений, процессов представливания (Vorstellen) при обращении к простейшим операциям с применением чисел. Философия и психология отчасти описывали и осмысливали их; Гуссерль и эти осмысления имел в виду. Но его более всего интересовало разрешение проблем и трудностей, которые возникают тогда, когда требуется вызвать в памяти, скажем, не образы 5 яблок (книг, стульев и т. д.) в качестве опоры для закрепления в сознании числа 5, а осмыслить, если это возможно, роль созерцаний применительно к возрастающим, а в тенденции — к «непредставимо» большим числам. Совершенно ясно, какая это трудность, какой резкий парадокс: выявить роль «представлений», хотя бы и символических, в обращении к тому, что заведомо «непредставимо»!

Гуссерль следующим образом обрисовывает и этот новый путь анализа, и это исходное затруднение: «Если бы мы указывали на представления о множестве в собственном смысле, то числовые ряды в лучшем случае заканчивались где-то на числе 12, и за пределами этого у нас не было бы понятия продолжения» (222₆₋₉). Между тем математика не просто создала ряды чисел, «продолжавшихся» и далее, но и по сути дела сняла здесь всякие ограничения! Может быть, с темой «представлений», представливания (Vorstellens) надо было вообще распрощаться, коль скоро речь заходила о «непредставимом» больших числах? Гуссерль так не думает. И он стремится объяснить — как раз с помощью символических представлений и опираясь на сферу чисел — парадоксы «представления о непредставимом». Нетрудно понять, что стимулировало упорные поиски Гуссерля именно в этом направлении. Ведь больш́ая, если не бо́льшая часть продуктов и процессов сознания людей, причем со стародавних времен, и суть такого рода представления. Давным-давно, с первых шагов цивилизации люди стремились как-то «представить себе» и даже изобразить дальний космос, невиданные земли, а также своих богов! С самых первых шагов науки и культуры человечество накапливало не только сокровищницы созданных предметов, орудий, устройств и т. д., но и богатство тех представлений о как будто непредставимом, способность к созданию которых и «механизмы» которых в сознании так заинтересовали Брентано, а потом и Гуссерля.

Как это ни парадоксально, но не только эти мощные *способности* человеческого сознания, духа, культуры усиливали значение символических представлений. Свою роль играли и их специфические *неспособности*, ограниченности. И как раз обращение к символическим представлениям, которое Гуссерль уже обосновывал ранее применительно также к «идеальным» предметам, помогало автору ФА ставить и обсуждать трудные проблемы также и в случае неизмеримо больших величин (как и вообще «экзотических», в конце XIX века в изобилии «открытых» рядов чисел.) Дитер Мюнх так объясняет неизбежность и значение самого обращения более ранних мыслителей (См. очерк о Брентано), а затем и Гуссерля к понятию символического представления: «Роль символических представлений чисел (Zahlvorstellungen) проистекает из *неспособности* нашего созерцания аб-

страгировать из все больших множеств понятие соответствующего определенного числа (Anzahl)»¹.

Именно поэтому в сознании в течение веков вырабатывались не-прямые, все более косвенные способы обращения с очень большими числами, с огромными количественными множествами, с их характеристиками.

Может возникнуть сомнение, не является ли эта проблема сугубо надуманной или частной, специальной, затронувшей в конце XIX века только математиков, да и то не всех, а лишь тех, которые занимались отдельными проблемами чисел, как бы простирающихся в некую неограниченно бесконечную область. Или философствующих математиков, повернувшихся, как Гуссерль, к уже комплексно понятой проблеме числа, счета, некоего широко понятого «исчисления». Но нам важно, что автора ФА при его осмыслениях понятия числа философские, логические, психологические интересы привели к *особому повороту исследований*.

По моему мнению, которое буду обосновывать и далее, сначала Брентано, а потом и Гуссерль (и особенно он) натолкнулись на обширную, поистине неисчерпаемую область комплексной, междисциплинарной работы, в то время с объединяющей ролью философии и в союзе с математикой. Она имела, кроме внутринаучной ценности, весьма широкую культурно-историческую, жизненно-практическую значимость.

Это станет яснее, если мы продолжим конкретный текстологический анализ XII главы ФА. «Числа, — пишет Гуссерль, — это различные родовые единства (Spezies) всеобщего понятия множества. Каждому конкретному множеству соответствует, все равно, представлено ли оно в собственном или символическом смысле, определенное множество единиц, определенное число (Anzahl)» (222₁₃₋₁₆). Уже зная это число, мы можем прибавить к нему другие элементы. А когда мы точно знаем некое исходное число и добавляемые элементы, все операции базируются, по Гуссерлю, на представлении в «собственном значении» (в разъясненном ранее смысле).

Далее, Гуссерля интересует также иная проблема — как раз та, которая отчасти волновала ещё Брентано и теперь властно овладела мыс-

---

¹ Münch D. Intention und Zeichen: Untersuchungen zu Franz Brentano und Husserls Frühwerk. Fr. a/M., 1993. S. 103 (курсив мой. — *Н.М.*)

лями автора ФА. Непредубежденному человеку с самого начала должно быть ясно, сколь перспективны размышления философа над всей этой проблематикой. Ибо здесь, кроме всего прочего, математика демонстрирует поистине неограниченные творчески-конструктивные способности научно-теоретического разума «творить новые миры» понятий, методов, систем.

«В символическом смысле, — пишет Гуссерль, — мы можем, следовательно, говорить о каких угодно множествах; им присуще определенное число еще до того, как мы его образовали — даже и тогда, когда мы находимся вне [процессов] их действительного формирования» (222_{21–24}). Тут открывается ещё одна перспектива — во всяком случае для математики, считает Гуссерль: число, как он пишет, «заключает в себе не о б о з р и м о е единство родовых единств» (222₃₀–223₁).

По существу Гуссерль одним из первых, и именно в ФА, стал осмысливать факты и явления принципиальной важности, которые имели место задолго до написания этой книги: ведь в XIX веке в математике были «открыты» и открываемы все новые и новые, ранее «невообразимые», в чем-то экзотические виды чисел. Можно было, что *post festum* разъясняет Гуссерль, без каких-либо заведомых ограничений «прибавлять к известным членам» числового ряда все новые и новые члены (223_{3–5}). При этом вчерашний математик Гуссерль достаточно зрело и реалистично для тогдашнего отрезка истории обсуждает темы развития науки и практики в более широком теоретическом и практическом диапазоне. Его рассуждение фактически, на деле, подчас разворачивается (без терминологического, понятийного фиксирования этого) на социально-историческом, в том числе историко-научном уровне, где опять-таки тесно увязываются математические, философско-логические, психологические знания и подходы. (Это — наиболее общие, уже наши констатации и определения, которые еще будут конкретизированы.)

Далее, Гуссерль верно отмечает: «Символическое образование понятий включает сильную тенденцию наших способностей представления к идеализации» (223_{8–10}). Почему и в каком смысле? Ответ Гуссерля: «Фактически мы не можем, двигаясь в бесконечность (*in infinitum*), образовывать требуемые повторения и выстраивать их в ряды: нам недостает времени и сил для постоянно обновляющейся

духовной деятельности, как и знаков для различения её образований. Вследствие этого, мы можем идеализирующим образом абстрагироваться от этих ограниченностей наших способностей и также в этом отношении конципировать символические понятия... Ведь всякое новое образование множеств есть часть ранее образованных — и это имеет значение также в отношении их чисел. Множество мыслимых числовых спецификаций — как и многообразие мыслимых ступеней множеств (Mengenstufen) — бесконечно» (223_{11–22}).

Казалось бы, связанность сознания прежними идеями относительно множеств и способов представления (Vorstellen) множеств (Mengen), может только повредить делу тогда, когда речь идет о движении человеческой мысли к множествам бесконечного ряда. Но в действительности проблема, по Гуссерлю, решается иначе. «В символическом, но вполне определенном смысле мы можем говорить о числах там, где представления в собственном (eigentlichen) смысле отказывают нам, и на этой ступени мы даже в состоянии устанавливать идеальную бесконечность числовых рядов. И вместе с этим наше исследование ни в коей мере не заканчивается. Отдаленной символизацией, которой мы теперь достигли, мы не можем однако — при такой смутной всеобщности — воспользоваться для целей счета и расчета. Мы нуждаемся для этого в богатых содержанием символических образованиях, которые — и при острой обособленности истинных, но нам недоступных числовых понятий “в себе” — вполне способны быть их представителями» (223_{26–33}).

Далее, на двадцати страницах XII главы Гуссерль затрагивает большое количество весьма конкретных проблем арифметики вообще, философии арифметики, в частности, которые он увязывает с тематикой «символизирования». Они имеют в высшей степени конкретный, специальный характер, почему считаю возможным не осуществлять столь же подробный, как прежде, текстологический разбор ФА, а ограничиться суммирующим перечнем и краткой проблемной характеристикой соответствующих подразделов главы.

«БЕССИСТЕМНЫЕ ЧИСЛОВЫЕ СИМВОЛИЗАЦИИ»

Прделаем, предлагает Гуссерль, мысленный эксперимент исходя из того, что число 10 было бы «последним представляемым числом» (224₁). И в этом случае было бы возможно при счете не ограничиться

множествами, которые исчерпывались бы цифрами до 10 единиц. Ибо было бы возможно создавать, скажем, символические числовые образования, как $10+5$; $9+6+8$, $7+10+5$ и т. д. «Композиции знаков — наша опора (в оригинале — *die Krücke*, костыли. — *Н.М.*)» (224_{17–18}). Далее, мы могли бы образовывать сочетания с помощью других знаков, т. е. символически, например: $p=10+5$, а дальше $p+8=p'$ и потом $p'+10=p$, когда «всякое более позднее образование имело бы свой фундамент в более раннем» (225_{9–10}). Но подобные способы бессистемного расширения числовых образований неплодотворны, ибо «была бы искажена (*verfehlt*) главная цель всякого счета» (225_{36–37}).

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛОВЫЕ РЯДЫ

Именно в силу практической неплототворности бессистемных, произвольно, наугад порождаемых числовых образований мы нуждаемся, уверен Гуссерль, в «строго систематическом принципе создания числовых форм» (226₂). Этот принцип должен быть однородным и однозначным, не допускающим произвольных, двойственных толкований. Процесс их образования тоже должен быть однозначным (226_{10–11}).

И тогда удовлетворять этим требованиям сможет, по Гуссерлю, такое образование новых чисел, при котором совершается прибавление одной единицы к уже образованным числам. Так и возникает числовой ряд: 1 ; $2=1+1$; $3=2+1$; $4=3+1$; ... $10=9+1$. (См. 226_{23–30}). И тогда очень несложно выйти за границы как бы предположенного ряда до 10 единиц. «Так мы обретаем дефиниции ряда числовых дефиниций, простирающихся в бесконечность, а через их посредство можем исчислять любое произвольное множество, посредством которого объем образования понятий и обозначений простирается достаточно далеко» (226₃₉–227_{1–4}). Мы добиваемся этого благодаря прочной «однозначности метода» (227_{10–11}). Ибо с какого члена ряда мы бы ни начали и в каком бы направлении ни продвигались вперед, результат не изменится.

Гуссерлю важно подчеркнуть также, что возможность продолжения (*die Fortzetbarkeit*) подобных числовых рядов в бесконечность «ничем не ограничена» (227_{24–25}). Правда, в такой практике есть (и видимо, были в реальной истории) свои сложности, например, отыскание всё новых обозначений. Но они так или иначе преодолевались.

12. ЧИСЛОВЫЕ СИСТЕМЫ

Гуссерль задает простой и логичный вопрос, ответ на который проливает свет и на суть, логику, на характер исторического процесса формирования числовых систем, и на интересующую его в этой главе проблему символизации как неотъемлемую сторону арифметических процедур. «На каком же пути мы должны воплотить в жизнь тот идеал числовых обозначений, который делает возможным практическое подчинение (нам) числовых сфер в возрастающем объеме; как найти прозрачный, простой принцип, позволяющий из немногих основополагающих знаков сконструировать такую числовую систему, которая определяла бы каждому определенному числу удобные легко различимые числовые знаки, одновременно четко выражающие их систематическое место в числовом ряду?» (228_{22–29}).

На первый взгляд может показаться, рассуждает автор ФА, что речь тут идет лишь «о номенклатуре», т.е. обозначениях. Но трудности залегают намного глубже (228_{30–33}). Дело не только в обозначениях, логично полагает Гуссерль. Оно упирается в нахождение основополагающих знаков (Grundzeichen). «Но и еще один угол зрения очень важен», (229₁) — продолжает автор ФА. Мы установили, что по идее (der Idee nach) каждый числовой ряд может быть безгранично продолжен. «Ну хорошо (ganz wohl)», — соглашаясь, продолжает Гуссерль (229₃). Но ведь в действительности возникает много осложнений. Дело упирается в нахождение «другого метода образования понятий» (229₁₉), который был бы более объемлющим (umfassender) и по возможности более легким, операциональным.

Гуссерль и пытается «skonструировать» такой метод, отвечающий требованиям «число-образования и число-обозначения» (229_{31–33}). Разобраться в том, что автор ФА предлагает на этих страницах своей

книги, очень сложно, да это доступно и интересно скорее для узких специалистов, каковым я не являюсь и к которым вряд ли будут относиться возможные читатели моей книги. Во всяком случае, обращение к литературе вопроса не дало никаких результатов: страницы 230–244 ФА в известных мне сочинениях интерпретаторов не обсуждаются – видимо, по указанным выше причинам. Остается надеяться на будущее – на то, что узкий философско-математический смысл идей Гуссерля будет расшифрован на современном уровне.

Перейдем к окончанию XII главы, где Гуссерль – и это примечательно – включает в свое рассмотрение, до сих пор чисто философско-математическое, логико-математические (тесно связанные, впрочем, с коренными для математики вообще, для проблем числа, символических числовых обозначений) темы, заставляющие присмотреться к истории человечества с точки зрения процессов формирования «числовых образований», систем счета и т. п.

По Гуссерлю, история даёт показательные фактические примеры того, как числовые системы, которые представляются искусственными изобретениями высочайшего уровня, требующими сложнейших абстрактно-теоретических обоснований, вырабатываются «на пути естественного психологического развития» (245_{14–15}), которое имело место уже и на низкой ступени развития духа.

«Времена, на которые падает возникновение систем чисел и числовых знаков, не знают исторических источников (преданий – *Überlieferung*), и потому немыслима репродукция исторического развития» (245_{18–20}). А всё-таки есть возможность, по Гуссерлю, «реконструировать психологическое развитие подобных системных образований *a posteriori* и при том достоверно в его существенных пунктах» (245_{26–27}).

Обратим внимание на то, что и здесь слова «психологическое развитие» становятся вряд ли удачным обозначением целого ряда совокупных процессов духовно-познавательного характера, ибо ведь Гуссерль предлагает читателям переместиться мыслями во «времена юности развития народов» (245₃₃). А такое исследование вряд ли верно маркировать как «психологическое».

Заслуживающие внимания «процедуры», которые в те отдаленнейшие времена, уже «несомненно» по Гуссерлю, имели место и в сознании древних людей по отношению к множествам, вкратце таковы.

- Это более чем частный, повседневный интерес *также и людей древних времен* к упорядочиванию, а значит, к пересчитыванию «чувственных множеств», т. е. более чем обычных физических предметов, которые либо *окружают* человека, либо им потребляются. На стр. 246 ФА Гуссерль конкретно описывает, какую «большую роль играют такие объекты в «процессах практической жизни» (246₁₋₃). И потом обращается к простому примеру, иллюстрирующему генезис и значение так называемых «пальцевых чисел» (Fingerzahlen). «Словесный язык в нашей понятийной области следовал языку жестов (Gebärdensprache), что известно на многих примерах числовых слов, первоначальное значение которых можно характеризовать как простой перевод пальцевых чисел в словесный язык... Нижней ступени духа, о которой здесь идет речь, соответствует то, что числа очень маленьких множеств уже не вызывали никаких усилий; требовалось лишь озаботиться тем, чтобы счет осуществлялся по шагам, притом чтобы ряд, следующий за неким членом множества, был сообразован с (каким-либо) поднятым пальцем. Таким образом, возникали последовательные ряды знаков для 1 , $1+1=2$, $2+1=1+1+1=3$ и т. д., и тем самым в процессе становления уже находились ряды чисел как таковые» (246₂₉₋₃₃ — 247₃₋₁₁).

Гуссерль повествует далее о тех трудностях и препятствиях, с которыми — в сравнении с более развитыми числовыми, счетными практиками — были вполне естественно и объяснимо связаны эти мысленно реконструируемые им начальные исторические этапы счетно-числовой деятельности человечества. Например, введение числа 10 было связано с препятствиями, — чем были, видимо, обусловлены достаточно долгие паузы в реальной исторической практике. Эти паузы Гуссерль увязывает с необходимостью для людей стародавних времен понять, что 5 пальцев одной руки «равнозначны» пальцам другой руки. И такие паузы — а сколько лет, веков они занимали, неизвестно — случались в истории то и дело¹.

¹ Гуссерль ссылается на относительно свежую тогда книгу Е. Тейлора (в немецком переводе: E.B. Tylor. Einleitung in das Studium der Anthropologie und Zivilisation. Braunschweig 1883. S. 376) — в ней речь шла о счетной практике отставших в своем

Из затруднений, связанных с конкретными предметами счета (с помощью пальцев или отобранных для этой цели предметов — камешков и т. д.), люди отдаленных времен, как показывает Гуссерль, выбирались как будто по-разному, но с логической, психологической, философской точек зрения (типологически) относительно сходными путями.

При этом имели место самые различные, но опять-таки типологически однородные переходные ступени, которые с течением времени тоже были оставлены позади. Историкам математики, как и историкам цивилизации, и во времена Гуссерля были известны, а потом были накапливаемы исследования, часть которых упоминает автор ФА¹. На упоминаемых работах и исследовании сходной проблематики Гуссерль в ФА особо не задерживается, что вполне понятно, ибо не эта проблематика — центральная в ФА. Однако само обращение к ней вчерашнего математика, специализировавшегося в то время в философии арифметики (вместе с его охватом, как было показано, психологической, логической, философской литературы) дорогого стоит.

В заключение главы Гуссерль снова обращается к ранее разобранной теме «фигуральных моментов», которую мы, в силу её сугубо частного, специального значения, разбирать не будем.

развитии народов, которые, скажем, с помощью особых кусочков кокоса отмечали границы десятков уже сосчитанных ими камешков (См. 248, сноска 1).

¹ Он называет, кроме Тэйлора, имена: Lubbock, Pott u.a. (252 сноска 1).

13. «ЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ АРИФМЕТИКИ» (XIII глава Философии арифметики)

Подзаголовок этой главы с как будто весьма широко обозначенной темой, однако, значительно ограничивает угол зрения Гуссерля: «Счет, искусство счета и арифметика» (Rechnen, Rechenkunst und Arithmetik).

Гуссерль поясняет, что он не случайно увязывает со «счетным искусством» (Rechenkunst) свой анализ в ФА: «Понятие искусства счета имеют обыкновение ставить в тесную связь с арифметикой, а часто их отождествляют друг с другом» (256₁₋₃). Он замечает, что арифметику, кроме того, «обычно определяют как науку о числах» (256₃₋₄), но сам находит это определение «не полностью ясным» (256₄₋₅). А потому автор ФА предлагает ближе присмотреться к «искусству счета» (или счетному искусству), делая это как раз на заключительных страницах своего труда.

Понятие «Rechenkunst» употребляется, по Гуссерлю, в широком и узком смысле. «Под «счетом» в самом широком смысле можно понимать любой способ выведения искомых чисел из данных чисел» (256₂₃₋₂₅)¹. Пояснения: когда мы объединяем, посредством сложения, числа 2 и 3 в число 5, то уже это называем счетом. «Всякий арифметический метод был бы eo ipso счетным. Счетное искусство было бы тогда искусством арифметического познания, а арифметика была бы его систематически упорядоченным целым» (257₂₋₅). Осуществляется разделение методов выведения искомых чисел из данных: это 1) «понятийные (begriffliche) операции», отвечающие самой их сути, где обозначения играют лишь вспомогательную роль и 2) чувственные (sinnliche) по своей сущности операции, при которых «из систем числовых знаков, согласно твердым правилам, одни знаки выводятся

---

¹ Напоминаю читателям, что разрядка в цитатах принадлежит Гуссерлю.

из других — с той целью, чтобы в первую очередь объявить результат как обозначение определенного, искомого понятия» (257_{11–14}).

Каким методам следует отдать предпочтение? Автор ФА оговаривает, что это вопрос их эффективности в том или ином отношении. «Предварительно мы можем лишь сказать, что последним (т. е. “чувственным операциям”. — *Н.М.*) в нашей области при всех обстоятельствах отдано предпочтение...» (257_{16–19}). Дело в том, что «методы понятий» Гуссерль считает в высшей степени ограниченными и слишком трудоемкими, тогда как «конкретно-чувственные методы» всеобъемлющи, и они всегда под рукой, удобны для применения.

Однако, продолжает Гуссерль, имеется немало предассудков, которые мешают «большинству исследователей» (*meisten Forscher*) признать ценность «чувственных методов», причем тогда они идут против «ясных очевидностей». Между тем, в понимании автора ФА, методы «чувственных знаков суть сами логические методы (*die logische Methode*) арифметики» (257_{36–37}). В этих процессах, по Гуссерлю, и осуществляется «любого вида выведение знаков из знаков внутри какой-либо системы знаков, согласно “законам”, специфическим для этой системы или, лучше сказать, по принятым конвенциям, происходит связывание, обособление и преобразование (*Umsetzung*)» (258_{15–20}).

Гуссерль подчеркивает: «правда, отношение арифметики и искусства счёта меняется соответственно новому понятию счета» (259_{4–6}). И делает отсюда важный (и для будущего) вывод, что «искусство счета больше уже не остается идентичным арифметическому искусству» (259_{12–13}).

Автор ФА работал над обобщением понятий и методов арифметики уже в соответствии с требованиями *философии* арифметики — в тот исторический период, когда складывались «неисчерпаемые методы продолжения числовых областей с переходом за все (ранее предполагаемые. — *Н.М.*) границы» (260_{4–5}). И по сути нельзя указать, замечает Гуссерль, ни на одно действительное число, которое не могло бы иметь символический коррелят.

Принципиальное значение Гуссерль придает следующему «арифметическому постулату», который он именует «первой основополагающей идеей арифметики» и выделяет разрядкой особенно существенные

пункты: «От систематических чисел идут различные символические образования... Соответственно вырастает как первая фундаментальная задача арифметики — обособить в различные типы все мыслимые символические способы формирования чисел и для каждого из них отыскать надежные и по возможности простые методы таких редукций» (262₃₋₁₁).

Гуссерль напоминает читателям, что в X главе ФА он уже пытался разъяснить релевантные аспекты проблемы, добавляя, что делал это «без успеха (nicht eben mit Glück)» — и объясняет, почему так должно было случиться. Неуспех был строгим следствием (его) приверженности той точке зрения, которую он там (в X главе. — *Н.М.*) отстаивал. Теперь он называет её «широко распространенным предрассудком» (262₂₁). Её суть: арифметика «имеет дело с истинными числовыми понятиями, понятиями в собственном смысле и законами их связи и «операциями» над ними» (262₂₂₋₂₃). Но с тех пор, напоминает Гуссерль, была установлена особая роль «символических числовых образований» и в качестве основной сформулирована такая задача: «отыскать всеобщие правила редукции различных форм числовых образований к известным нормальным формам» (262₂₇₋₂₉). В последующих частях XIII главы достаточно подробно разбираются арифметические операции сложения, вычитания, умножения и деления (эти страницы сугубо специальные, и мы их опустим). Впоследствии Гуссерль добавляет, что «не исключает других форм символических операций с числами. Мыслимы ещё многие формы символических числовых композиций...» (276₂₉₋₃₉). Итак, и в последней главе ФА подтверждается глубинное значение «символических» операций, «символических композиций цифр» и соответствующих методов.

Эти небольшие разделы XII главы являются весьма специальными, и они могут заинтересовать, о чем пишет и сам Гуссерль в заключение раздела, конкретных специалистов (в теории чисел, а именно в алгебре), которые «ощущают потребность в арифметике в её смысле всеобщего учения об операциях» (282₂₆₋₂₈). Мы эти части заключительной главы ФА подробно рассматривать не будем.

Вывод, результат (Ergebnis) XIII главы называется «Логические источники всеобщей арифметики». Этот результат изложен на последней странице «Философии арифметики» (283).

Автор книги считает, что есть две большие группы главных проблем, которые и должна решить «всеобщая арифметика» (282₃₀).

«Первая касается не прямых определений чисел через эквивалентный комплекс данных связываний известных чисел, причем задача состоит в том, чтобы свести к минимуму трудности и сложности. Вторая задача относится к ещё большей массе не прямых числовых определений посредством комплекса только неполностью данных операций, поскольку неизвестное число само функционирует как фундамент связываний...» (283₁₋₉). В последних строках ФА Гуссерль формирует (как он говорит, «в краткой форме») следующий результат: «Тот факт, что мы в несравнимом большинстве случаев ограничены символическими цифровыми образованиями, принуждает к подчиняющемуся правилам формированию числовых сфер в форме системы чисел (в виде естественного ряда чисел или системы в узком смысле слова), которая (согласно твердому принципу) выводит — из целостности символических образований, принадлежащих к каждому числовому понятию и ему эквивалентному символическому образованию — ещё одну систему и одновременно отводит ей соответствующее системное место» (283₁₉₋₂₇).

Итак, Гуссерль не только новаторски отводит значительное место (по крайней мере в философии арифметики) системному принципу, предсказывая, что «для всяких других мыслимых числовых форм вырастает проблема оценки, т. е. классификационной редукции к эквивалентному им числу систем» (283₂₇₋₂₉).

Правда, он относит эту проблематику уже не к философии арифметики, а к «всеобщей арифметике в смысле всеобщего учения об операциях» (283₃₂₋₃₃).

Этим пассажем заканчивается «Философия арифметики» Гуссерля — его первая достаточно большая книга, не принесящая ему славы, сравнимой с известностью I тома «Логических исследований», но вполне достойная, как вытекает из её подробного и строгого анализа, быть причисленной к числу его работ, повлиявших на дальнейшее славное движение её автора к созданию феноменологической философии.

Вместе с тем должна признаться, что отдельные места в завершающей главе ФА производят на меня впечатление наскоро написанных

страниц — под давлением известной каждому автору необходимости «в срок» сдавать рукопись в печать.

В случае Гуссерля было ещё одно, можно сказать, типологическое для него обстоятельство, о котором уже упоминалось: в ходе работы его новые замыслы и соответствующие уже обдумываемые проблемы как бы становились препятствием для завершения ранее начатого. Что касается **ФА**, то (как упоминалось) так и не сданный в печать II том этого сочинения, во многом отличный от I тома, уже занимал мысли Гуссерля.

ЧАСТЬ V.

---

*После “Философии
арифметики”.
Отклики*

§ 1. РЕЦЕНЗИЯ ФРЕГЕ НА «ФИЛОСОФИЮ АРИФМЕТИКИ» ГУССЕРЛЯ

Фреге сразу, что называется, берёт быка за рога. «Автор, — пишет он, — во *Введении* приходит к решению сначала рассмотреть определенные, кардинальные числа (Anzahlen, cardinalia); и начинает он с рассуждения о множестве... (упоминаются разновидности последнего, воплощенные в немецких терминах (Vielheit, Mehrheit, Inbegriff, Aggregat, Sammlung, Menge). Он использует все эти слова как существенно тождественные друг другу; от них отличается-де определенное число. Однако логическое отношение множественности (Vielheit) и определенного, натурального числа (Anzahl) на стр. 9 остается неясным»¹. Далее Фреге переходит к пункту, действительно решающему для гуссерлевского философско-арифметического, логического и психологического анализа — к так называемому «коллективному объединению» представлений, как самих «единящих» актов, как отношений совершенно особого вида. «Здесь, в согласии с Дж.Ст. Миллем объясняется, что под “отношением” (Relation) надо понимать именно состояние сознания или феномен (эти выражения должны по объему своих значений согласовываться друг с другом), в котором имеются соответствующие содержания, образующее фундамент отношения» (Ibidem).

Фреге цитирует Гуссерля из той части ФА, где анализ продвигается к исходным «психическим» актам и отношениям, а затем и другие места книги, нам уже известные, где Гуссерль обосновывает многие детали «возведения» понятий к представлениям. А далее следует четкий обвинительный вердикт Фреге, как бы ставящий на всей книге Гус-

---

¹ Здесь и далее рецензия Фреге цитируется по: Gottlob Frege. Kleine Schriften. Hildesheim 1990. S. 179 (далее в моей книге в тексте указываются только страницы по этому изданию).

серля печать полной теоретической несостоятельности. Прежде чем воспроизвести этот вердикт и попытаться разобраться в нем, позволю себе одну чисто личную ремарку.

Каюсь, в своей многолетней работе над философией Гуссерля (в том числе хорошо зная историю его взаимоотношений с Фреге в связи с рецензией последнего на ЛИ и последующей перепиской), я как-то упустила из виду фрегевскую рецензию на ФА и переписку 90-х годов XIX века. И вот теперь, ещё до обращения к этим текстам, я поставила перед собой вопрос: какой *могла быть* первая рецензия Фреге по своему содержанию? Прошу поверить мне на слово, что главные идеи и основной обвинительный вердикт рецензии Фреге я определила (для себя) верно, предположив (как оказалось, справедливо), что по примеру рецензии на ЛИ — с её упрёками в непреодоленном психологизме — в случае ФА тем более должны иметь подобные же по содержанию (хотя, быть может, и иные по терминологии) обвинения. При конкретном изучении рецензии Фреге на ФА мои предположения полностью подтвердились.

И вот он, главный обвинительный вердикт: «После того, как я кратко отобразил основные идеи первой части (“Философии арифметики”. — *Н.М.*), я хочу в общем охарактеризовать этот способ рассмотрения. Здесь перед нами попытка на научном пути обосновать наивный способ понимания числа. Наивным я называю всякий взгляд, согласно которому числовые данности (Zahlangabe) не является высказыванием о понятии или объеме понятия, потому что к таким толкованиям с известной необходимостью приходят при первом размышлении о числе. Наивным же в собственном смысле этот взгляд остается до тех пор, пока трудности противоположного характера остаются неизвестными, что не полностью относится к автору. Самым наивным является такой взгляд, согласно которому число есть нечто подобное нагромождению или скоплению (ein Haufe, ein Schwarm), в которых вещи находятся, что называется, с их кожей и волосами. Отсюда вытекает понимание числа как свойства скопления (Haufens), агрегата, или как бы еще мы ни назвали это. При этом ощущают потребность очистить предметы от их особенностей. Попытка, о которой идет речь, принадлежит к тем, при которых это очищение предпринимается в психологическом отмывающем котле (Waschkessel)» (Ibidem. S. 181).

Фреге, правда, готов согласиться, что тут есть свои преимущества: вещи берутся со всей специфической гибкостью, подвижностью (*eine ganz eigentümliche Geschmeidigkeit*.)

Но главное для Фреге — научные пороки обсуждаемых попыток анализа: «предметы» превращаются в представления; и понятия суть всего лишь представления. Тон рецензии становится почти издевательским, и резкость оценок нарастает. Например, перед нами сидят две кошки, черная и белая. Но мы отвлекаемся от их цвета: кошки становятся бесцветными, они просто сидят рядом друг с другом. Далее мы отвлекаемся от места, где они сидят и т. д. В результате таких последовательных операций отвлечения мы всегда получаем «бескровный призрак» (*Ibidem*. S. 181). Но что ещё важнее в этой сатире Фреге: «Исчезает различие между представлением и понятием, между процессами представления и мысли. Все разыгрывается в субъективном. Но именно потому, что границы между субъективным и объективным нарушены, субъективное, напротив, получает видимость объективного» (*Ibidem*. S. 182).

О том или ином представлении, очень интересно рассуждает Фреге, говорят так, как если бы оно было «an sich», в себе, как бы обособленно от представляющего, так что в нем может что-то усматривать и «общественность» (*Offentlichkeit*), т. е. любой желающий. Вот тут хочется сказать: «Стоп!». Ибо ведь здесь в своем критическом отвержении Фреге поистине гениально очертил именно *тип феноменологического анализа представлений*, о котором даже автор ФА, пусть и говоривший вскользь о феноменах, ещё не имел сколько-нибудь отчетливого понятия. Как раз возможность «видеть» представления так же, как видят вещи, «видеть» их как бы «в себе», в их сущности, станет фундаментальной для будущей феноменологии! В этой феноменологии, действительно, совсем не по-фрегевски сплелись понятия субъективного и объективного (Фреге говорит: *verwisch*t, т. е. смылись, нарушились их необходимые границы). Это, впрочем, началось не с Гуссерля, а с его трансценденталистских предшественников Декарта и Канта, о чем Фреге, разумеется, не говорит.

Рецензент полностью, решительно, не принимая возможных апелляций и возражений, принципиально отвергает подобный подход, какие бы оттенки он ни принимал и в каких бы частных областях ни приме-

нялся. Его несомненные для Фреге издержки поясняются далее на примере подхода Гуссерля к проблеме дефиниций и дефинирования.

Хотя (ранний) Фреге и считает «психологический» подход, в частности, какую-либо апелляцию к миру представлений совершенно посторонними по отношению к выяснению природы понятия числа (как и понятий математики, логики как таковых), в своей рецензии он проявляет готовность последовать за автором ФА в его анализе, опускающемся в сферу психологического. Любопытно и весьма показательно то, что при этом Фреге, сам того не зная, начинает фактически обсуждать некоторые проблемы... будущей феноменологии!

Ну хорошо, как бы говорит он Гуссерлю, обратимся к представлениям. И сразу же упоминает о трудностях. «Но ведь никто не имеет представлений кого-то другого [другого человека], а только свои собственные представления; и никто не знает даже, в какой мере его представление — скажем, красного цвета, — согласуются с представлениями другого человека; ибо я не могу передать своеобразие представления, с которым я соединяю слово “красный”» (Ibidem. S. 182). Значит, чтобы как-то сопоставлять представления одного человека с представлениями другого, нужно было бы иметь их в одном и том же сознании, что заведомо невозможно. Всё верно. Когда Гуссерль годами позже начнет работать над феноменологией и отстаивать саму возможность «усмотрения сущности» в актах сознания — через особый анализ феноменологом собственного сознания, то он ведь будет работать над устранением подобных трудностей. (Из их осмысления родится, в частности, концепция *всеобщности* представлений — несмотря на их всегда сугубо индивидуальную форму.) Но пока Гуссерль не видит ни этого будущего пути, ни его проблем и трудностей. А Фреге уже «как бы видит»!

Из понимания таких затруднений Фреге, однако, делает совсем не те же выводы, которые затем сделает, преодолевая все «субъективистские», «релятивистские» (как и собственно психологистические) препятствия, Эдмунд Гуссерль в период создания ЛИ и в последующее время отработки феноменологического учения. Фреге же с порога отклоняет подобный скользкий путь. Почему? Ведь есть иное «царство», где как бы уже и нет подобных трудностей. «Совсем иное дело в случае мыслей: одна и та же мысль может быть ухвачена многими

людьми. Части мыслей и тем более сами вещи следует отличить от представлений, которые в нашей душе сопровождают схватывание мысли и которые кто-либо составляет о вещах» (S. 182). Но если это требование единственно верное, в чем Фреге твердо убежден, то какое право имеет автор ФА считать понятие *Inbegriff* (соответственно *Menge*, *Vielheit*) то представлением, то (чем-то) объективным? И разве это не такое же вовсе не невинное удовольствие, если бы кто-то назвал луну представлением? А поскольку таковое высказывание было бы абсурдным, то не следует ли отказаться от подобного «психологически-логического» образа мыслей?

Фреге можно было бы возразить, что есть не только луна, отличная от представления, но и *представление о луне*, и что философия издавна занималась вопросами об их соотношении. Тонкость здесь, однако, в том, что о луне сказано скорее в полемическом задоре. А вот о сфере чисел, числовых понятий и о категорическом запрете как-то соотносить их с представлениями о числах Фреге говорит принципиально и всерьез. Правда, и здесь возможны возражения. Ибо философия издавна работала над тем, что соотносила объективное и субъективное, «готовые» понятия и процессы в сознании, мышление и чувственность, то, что происходит в сознании, мышлении одного человека, с происходящим в сознании другого и многих других субъектов.

Категоричность суждений Фреге имеет свои основания. Фреге говорит: различие между «психологическими логиками» (как мы видим, терминов «психологизм» или «психологи́сты» у него здесь) в том, что при обращении к числам первым приходят на ум представления, а вторым — «*die Sache selbst*», т. е. значения слов. И он прав — в том смысле, что при разных поворотах анализа, в различных дисциплинах и разделах наук возникают несходные ориентации, которые Гуссерль впоследствии назовет «установками» (*Einstellungen*) и подвергнет специальному анализу. «Чистые» математическая и логическая установки реально существуют. Другое дело, что такие установки, как покажет Гуссерль, но уже в средний и поздний периоды, являются продуктами длительных эпох социально-исторического и внутринаучного развития.

Поэтому и в подходе автора ФА, и в критике Фреге заключена своя правота. Каждый отстаивает свои позиции, установки, которые, что подтвердила и история, *относительно правомерны*. Другое дело, что их

можно превратить в ригидную идеологию чуть ли не с «диктаторскими» претензиями. «Чистая» логика и «чистая» математика, действительно, придерживаются и — в определенных рамках — должны придерживаться установок, очерченных Фреге: надо понимать их понятия как фиксирование «самой сути дела», как выражение объективных истин. Занимаясь ими, работая с ними как с «объектами», пусть и идеальными, можно, и во многих случаях обязательно нужно оставлять в стороне все, кроме самих этих «объектов», а также тех или иных (различающихся от эпохи к эпохе) правил, внутренних «законов» работы с ними. И, например, вопросы о том, как они «историко-генетически» получены в ходе истории или как они функционируют в сознании каждого человека, не только можно, но часто и продуктивно «редуцировать», даже считать маловажными, несущественными в сравнении с самой чисто математической или чисто логической работой. Исторические предпосылки такой работы и её большая плодотворность питают, подкрепляют уверенную пуристскую «чисто логистическую» «идеологию» Фреге.

Но положение может резко меняться в зависимости от поворота исследовательского интереса. При этом такие повороты не бывают фактами из биографии какого-то отдельного человека, а *отражают исторические тенденции развития знания*. Междисциплинарные исследования — характерный признак науки XX века и, надо думать, последующих веков. Это вряд ли нуждается в доказательстве. Такая тенденция пробила себе дорогу не только внутри естествознания, на стыке разных её (прежде обособленных) дисциплин, заложив основы новых, продвинутых наук. Между «науками о духе», с одной стороны, и математикой, естествознанием, с другой, тоже завязались узлы сплетений. Да ведь и логика, прежде бывшая скорее философской наукой (и во многом остававшаяся такой и во времена Гуссерля), раньше других реализовала пограничные с математикой наработки Декарта, Лейбница, Паскаля, образовав — и не вместо проблематики прежней логики, а рядом с ней — математическую логику. Видно, что Фреге не особенно волновали эти темы, поскольку он изначально трактовал логику не философски, а скорее как науку, во всем подобную математике.

Гуссерля же, математика по образованию, как будто бы неожиданно заинтересовали именно возможные, а также уже образовавшиеся

«средостения» на границах философии, математики, логики и психологии. И если судить как из перспективы будущей феноменологии, так и из перспективы грядущих междисциплинарных исследований, то правым оказывается и Гуссерль с его первыми, ещё неуверенными попытками «опустить» ослепляющие своим блеском «истины в себе», «чистые» понятия математики в сугубо субъективную, как казалось, шаткую сферу представлений. И, пожалуй, более правым, чем Фреге с его стремлением «запретить» вторжение в это царство истин каких бы то ни было других дисциплин, подходов, методов. Но то, что более ясно из перспективы более поздних этапов, в начале 90-х годов XIX века не было ни доказанным, ни общезначимым, ни даже приемлемым в качестве свободно допускаемой попытки некоего интеллектуального эксперимента. А уж от математика подобных экспериментов как бы и не ожидали...

Целый ряд новаторских формулировок Гуссерля грешил, что неудивительно, неясностью; отклонения от принятых подходов и норм представлялись серьёзными теоретическими погрешностями. Фреге хорошо использовал этот факт в своей рецензии. Но и он не мог видеть, что в его споре с Гуссерлем открылись, в том числе и для «строгой», «непсихологической» логики, новые темы, горизонты, возможности уточнения понятий.

§ 2. ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА ГУССЕРЛЯ ПОСЛЕ ПУБЛИКАЦИИ I ТОМА «ФИЛОСОФИИ АРИФМЕТИКИ» (факты и свидетельства)

Продолжение исследований по философии математики

«Хроники [работы] Гуссерля» досконально запечатали все, по сути, важные шаги Гуссерля-исследователя и университетского преподавателя, которые были им предприняты в 90-х годах XIX века. Теперь нам точно известно, что это развитие, во-первых, было тесно связано как с подготовительными материалами для II тома «Философии арифметики», так и, во-вторых, с результатами деятельности, оставшимися неизвестными даже большинству профессиональных исследователей. Они пробились к заинтересованной публике только к концу XX века (т. е. через столетие после их создания) — притом к публике, до сих пор, увы, немногочисленной.

С объективной точки зрения то были материалы самого широкого проблемно-тематического диапазона, неотъемлемые также от всего последующего развития Гуссерля как философа математики, каковым он не перестал быть, уже четко вступив на феноменологическую дорогу. Они важны для выработки целостного взгляда на философско-математические идеи и концепции раннего Гуссерля, которые нашли своих (однако немногих) исследователей.

Начнем с исторической информации, сегодня доступной благодаря ряду добротных исторических источников.

* * *

В 1889 году Гуссерль читает лекции и ведет ряд занятий именно по философии математики. Он сообщает Штумпфу: «По «Философии математики» у меня 8 слушателей... По их желанию я читаю главным образом о пространственно-логических проблемах и даю подробную критику теорий Риманна-Гельмгольца. По этике я не захотел читать

лекции для 2 слушателей — и потому отказался от них» (Chronik, S. 24). 6 декабря 1889 года Гуссерль читал лекции по избранным вопросам философии математики, например, «О спорных вопросах касательно основных геометрических понятий».

17 января 1890 года Гуссерль прочел лекцию на тему «Избранные вопросы из философии математики». В них были особые тематические акценты, например, «Основные положения теории плоскостей» — в привязке к теоретическим исследованиям Риманна и Гельмгольца. В марте того же года следуют лекции по ряду конкретных проблем философии математики (теория числа, конституция алгоритмов, исчисление операций, неэвклидово пространство и т. д.) (Ebenda, S. 27).

Гуссерль внимательно изучал также и работы по истории математики (Н. Hankel и W. Brix). Он делал выписки из соответствующих сочинений Лейбница, д'Аламбера и др.

I том «Философии арифметики» вышел, как известно, в апреле/мае 1891 года под заглавием «Philosophie der Arithmetik, Psychologische und logische Untersuchungen. Erster Band. Halle-Saale».

Из перечня сделанного Гуссерлем в начале 90-х годов следует, что 4–5 лет его предполагаемой депрессии (о ней много пишут в биографических описаниях) не прервали, к счастью, интенсивнейшей работы Гуссерля и над вторым томом ФА, и над многими другими темами и публикациями, как философско-математического, так и логического характера.

А потом, уже во второй половине 1891 года, причем в течение трех дней (!) созданы рукописи-разработки учения об «Inbegriff», вначале предназначенного для II тома ФА (KI_{54–41a} = Hua XII, S. 386 u.f.).

Исследования по психологии

Удивительно, но вся эта поистине титаническая исследовательско-авторская деятельность не воспрепятствовала тому, чтобы Гуссерль как раз в зимний семестр 1891/92 гг. прочитал лекции по психологии. В их центре был разбор дескриптивной (описательной) психологии (на примере работ У. Джеймса.) Гуссерль познакомился также с новыми тогда работами по психологии — и подчас он увлекался ими. Так произошло, в частности, с первыми исследованиями В. Джеймса.

Гуссерль делает восторженную запись: «Психология Джеймса, о которой я был мало осведомлен и из которой лишь малое смог прочесть, блеснула словно молния. Я увидел, как смелый и оригинальный человек не позволил никакой традиции связать его мысль и как он пытался действительно закрепить и описать [именно] свое видение» (*PPR*, 1956, S. 294 ff).

Более того, Гуссерль сравнил идеи Джеймса со своими ранними (он написал: «uralten», т. е. очень старыми) лекциями по психологии! А затем (в рукописи $KI_{50/15}$) зафиксировал, в чем именно состояла близость его и Джеймса идей и наблюдений: «Всякий переход от прежде незамеченного или попутно замеченного в озаряющий момент подмечания (или наоборот) означает впечатляющее изменение содержания. Дело обстоит не так, будто круглая форма преобразуется в угловую или что красное переходит в зеленое: это изменение имеет совершенно другой характер и совсем иную направленность. Я обсуждал этот важнейший пункт в моих лекциях по психологии зимнего семестра 1891/92 гг.» (*Ebenda*, S. 32). (Проблема «подмечания», т. е. специального внимания к той или иной стороне деятельности сознания, сохранится, будет разрабатываться и на более поздних стадиях развития гуссерлевской мысли.)

В летний семестр 1892 года Гуссерль читает лекции по общей теме «Введение в философию». В аудитории — 70 слушателей! Гуссерль также ведет семинар «Философские упражнения» в связи с «Размышлениями о первой философии» Декарта.

В июне 1892 года произошло важное событие в жизни семьи Гуссерлей: родился очередной ребенок — дочь Елизавета. Характерен — уже для дружеских и коллегиальных уз этой семьи такой факт: «Франциска (второе имя) родители дали дочери в честь Франца Brentano, а третье — Карола — в честь Карла Штумпфа. Такими простыми и трогательными знаками внимания Гуссерль и его жена выражали свою благодарность учителям и друзьям. И с ними он поддерживает не просто дружеские, но и содержательные коллегиальные отношения.

Так, в июле 1892 года Гуссерль получает от Карла Штумпфа и, конечно же, изучает его статью. «О понятии математической вероятности». А летом 1892 года Гуссерль в Вене посещает Франца Brentano.

§ 3. МАТЕРИАЛЫ КО II ТОМУ «ФИЛОСОФИИ АРИФМЕТИКИ» – ОБЩИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ (XXI том «Гуссерлианы»)

Речь далее пойдет (по необходимости кратко) о серии материалов, которые собраны в XXI томе «Гуссерлианы», носящем название *Husserliana. Bd. XXI. Studien zur Arithmetik und Geometrie. Texte aus dem Nachlass (1886–1901). Herausgegeben von Ingeborg Strohmeier. The Hague. 1983.* (Гуссерлиана. Том XXI. Штудии по арифметике и геометрии. Тексты из наследия (1886–1901). Изданы Ингеборг Штрмайер. Время и место выхода тома – Гаага, 1983 (далее при цитировании: *Hua*, XXI – с указанием страниц).

Это очень важное издание, благодаря которому можно получить более широкое представление о творческой лаборатории Гуссерля в тот период и на тех этапах его становления, когда он двигался от философии математики к созданию своего новаторского феноменологического проекта, получившего первые очертания в знаменитых «Логических исследованиях» (особенно во II томе сочинения). Для нашей книги весьма существенно то, что гуссерлевские наброски, опубликованные в XXI томе «Гуссерлианы», за очень редкими исключениями, были сделаны именно в Галле. Гуссерль, еще раз напомним, имел обыкновение не только готовить (стенографические, а потом расшифровываемые) материалы и к лекциям, и к будущим печатным текстам, но и затем достаточно тщательно, иногда неоднократно обрабатывать их. Так составились, без преувеличения, тысячи страниц, уже напечатанных (и подготавливаемых к печати) в виде томов Гуссерлианы и приложений к ним. Снова приходится с большим огорчением отметить, что эти уже не слишком новые – от 1983 года! – издания гуссерлевских текстов для отечественного гуссерлеведения тоже остаются *terra incognita*...

Эти тексты, наброски неравноценны. Но в общем и целом гуссерлевские тексты этих серий высоко содержательны. Подчас они стано-

вятся относительно самостоятельными источниками, а ещё чаще — дополнительными материалами, позволяющими более точно и глубоко понять идеи Гуссерля, высказанные в тех или иных известных его произведениях. И ещё: рукописные архивные материалы, как правило, выразительно очерчивают контуры, направления, трудности *творческого поиска*, который Гуссерль вел непрестанно, уже начиная с первых своих шагов в философии. А ведь проникнуть в лабораторию творческого поиска мыслителя — это исключительно редкая и драгоценная возможность. В отношении раннего Гуссерля её и предоставляют материалы, к более конкретной характеристике которых (конечно же, избирательной) мы теперь и обратимся.

Издательница XXI тома «Гуссерлианы» Ингеборг Штрмайер в своем прекрасном Введении (мы к нему будем обращаться) указывает на то, что публикуемые в томе материалы образуют дополнение к имеющимся публикациям Гуссерля за период «с самого начала его научного пути до середины 90-х годов XIX века». Ещё важнее для нас следующее её замечание: «Все более поздние высказывания, касающиеся математики, которые с начала и вплоть до поздней работы “Кризис” (1936) были интегрированы в его философию, восходят к ранней позиции Гуссерля (1901) и находятся в отчетливой связи или содержательном единстве с этой последней»¹. А один из центральных тезисов интерпретации философско-математических идей Гуссерля может быть — в согласии с рассматриваемыми публикациями — сформулирован так: *обращаясь в более позднее («феноменологическое») время к темам и проблемам философии математики, основатель феноменологии постоянно опирался на свои более ранние* (ещё до Галле, но особенно в этом городе возникшие) *разработки*, мало изменяя их по существу, а скорее добавляя к основополагающей конструкции новые измерения и детали (а также новые темы, их ответвления, прозрения, находки). В немалой степени это постоянство — напомним, то и дело меняющего облик своей философии Эдмунда Гуссерля — объяснялось тем, что его лично в чем-то существенном удовлетворяли отдельные ранние философско-математические подходы и идеи. (К прояснению и дополнительному

¹ Husserliana, Bd. XXI. The Hague, 1983. S. IX (далее при ссылках страницы по этому изданию приводятся в тексте моей книги).

доказательству этих тезисов мы ещё обратимся в следующих разделах книги.)

Надо отметить, что публикация интересующих нас здесь материалов из рукописного наследия Гуссерля началась в приложениях к XII тому «Гуссерлианы», содержащему специально переопубликованную «Философию арифметики». Что же касается материалов XXI тома, то они содержат главным образом не публиковавшиеся ранее тексты из математических и философско-математических манускриптов Гуссерля так называемой группы К-I (1886–1895 годы). Они прежде всего включают *материалы к лекциям*, которые в те годы читал или собирался читать Гуссерль. Вторая группа материалов — уже упомянутые исследовательские манускрипты.

К первой рубрике принадлежат (частично, не полностью) опубликованные в XXI томе лекционные материалы по трем темам: «Введение в теорию познания и метафизику» (Лекции зимнего семестра 1887/88 годов), «Избранные вопросы философии математики» (зимние семестры 1889/90 и 1890/91 годов), «О новых достижениях (Fortschritte) в дедуктивной логике» (летний семестр 1895 года). Что касается второй рубрики, т. е. так называемых *исследовательских манускриптов*, то здесь читателям Гуссерлианы представляется редкая возможность познакомиться с теми материалами, которые Гуссерль готовил именно в связи с предполагавшимся, но так и не состоявшимся опубликованием II тома «Философии арифметики» и для (тоже планируемой) книги о проблемах пространства («Raumbuch»). В XXI томе имеются также немаловажные для нашей тематики письма Гуссерля — они, в частности, адресованы К. Штумпфу (февраль 1890) и П. Наторпу (29.3.1897 — вместе с черновиком к нему).

И ещё нечто существенное: как всегда в «Гуссерлиане», в томах, нас интересующих, в изобилии имеются (в Приложениях, Beilage) вспомогательные материалы.

Вернемся к интересующим нас томам «Гуссерлианы» с материалами ко II тому «Философии арифметики».

* * *

Необходимость для Гуссерля запланировать и написать II том ФА объяснялась разными соображениями теоретико-методологического

характера. Одно из них, относящееся к математике и философии математики, четко обрисовано в отрывке, который в XXI томе «Гуссерлианы» озаглавлен так: «Предварительное замечание» (к запланированному II тому «Философии арифметики», скорее всего 1891 год). Гуссерль написал: «В I томе мы прошли путь через числовую (numerische) арифметику ко всеобщей арифметике. Но всеобщая арифметика, рассмотренная сама по себе, является (в теоретико-методологическом смысле. — *Н.М.*) более ранней... И мы можем (что в I томе не было представлено достаточно отчетливо) обрести как понимание логической возможности (всеобщей арифметики), так и её понятия — совершенно независимо от всего нумерического, следовательно, не обладая никаким пониманием различия между систематическими и несистематическими числами. Мы посвящаем эту новую исследовательскую работу (планируемый II том ФА. — *Н.М.*) новому осмыслению логики *всеобщей арифметики, всеобщему искусству познания числовой сферы*, особым применением которого является изображение нумерической арифметики, искусство, способное решать проблемы систематических чисел.

В другое рассмотрение — продолжает Гуссерль — я включаю (саму. — *Н.М.*) всеобщую арифметику, теорию сферы числа, которая исследует закономерности, имеющие значение для специфически недетерминированных, следовательно, произвольно взятых (beliebige) чисел, в то время как нумерическая арифметика опосредует теории, значимые для чисел десятиричной формы» (Нua, XXI, S. 252 — курсив мой. — *Н.М.*).

По всему видно, что это предварительное замечание Гуссерля относится (по преимуществу, хотя и не исключительно) к математическим и философско-математическим аспектам.

Гуссерлю было очень важно пояснить: 1) каково соотношение всеобщей и нумерической (числовой) арифметики и 2) какой вес каждая из этих разновидностей арифметического знания — в качестве объекта философско-математического, логического исследования — имеет и должна иметь соответственно в исследованиях I и II томов ФА.

Замысел II тома состоял, следовательно, в том, чтобы (в отличие от I тома, где превалировала и логически более поздняя, и скорее прикладная арифметика, хотя всеобщая арифметика тоже присутствовала) *во II томе специально и усиленно заниматься более фундаментальной для*

математики всеобщей арифметикой. Однако бросается в глаза и то, что Гуссерль определяет главную тему II тома так: «логика (курсив мой. — Н.М.) всеобщей арифметики».

Иными словами, на первый план выдвигаются *логические*, тем самым и *философские* задачи, тогда как чисто математические рассуждения образуют и предоставляют совершенно необходимый материал. Это снова же очень важно учесть при взвешенном и точном определении синтетического теоретического характера *целостного замысла* ФА, в котором именно *логическая составляющая играет по крайней мере не меньшую роль, нежели психологические или даже математические компоненты*. А значит, ФА на пути к ЛИ — никак не отбрасываемый, только преодолеваемый этап, а *этап подготовки и перехода*, что мы уже показывали в этой первой книге и ещё будем продолжать рассматривать во второй (планируемой) книге этого произведения о раннем Гуссерле.

Уже при составлении общего плана (т. е. до публикации I тома) Гуссерль довольно четко определился с тем, какие именно математические учения и идеи войдут в кадр его философско-математического исследования. Нет ничего удивительного в том, что *в поле зрения новаторски настроенного молодого ученого оказалось по преимуществу самое свежее (на тот момент) и в достаточно конкретном математическом знании, и в обосновании математики, а в особенности в её философско-логическом осмыслении*. Понятно, что проблемное поле — в соответствии с главным интересом Гуссерля со времени защиты обеих (чисто математической и философско-математической) диссертаций — очерчивалось той частью философии арифметики, которая в частности и особенности относилась к теориям числа, предложенным в мировой математике. А в ней активную роль тогда играли выдающиеся математики Германии. Перечень работ авторов теорий, так или иначе использованных и осмысленных Гуссерлем, довольно обширен и включает как самые громкие, так и менее известные имена. Так, создавая (в сентябре 1890 года) своеобразную классификацию тех теорий, на которые он опирал одну из своих центральных философско-математических идей — мысль о необходимости «расширения сферы числа» (*Erweiterung des Zahlgebietes*), он упомянул громкие имена и математиков, и философов математики (скажем, своих учителей Вейерштрасса, Дедекинда, Кронекера, а также Коши, но и имена тех,

о ком, скорее всего, знали лишь осведомленные современники: Schlömilch, Hankel, Kerry, Simon, Meyer, Stolz, Fries, Duhamel, D'Argaud, Gergonn, Düring, Carno, Graßmann, Heymans, Baumann, Bain (менее известные имена привожу в их оригинальном написании) (Hua, XXI, S. 252–253).

Одним словом, прекрасная осведомленность Гуссерля в новой и новейшей математической и философско-математической литературе интересовавших его вопросов не подлежит никакому сомнению.

Хочу предупредить читателей, что и очертив в общем виде замыслы II тома *ФА*, а также характер материалов к нему (теперь уже опубликованных, обширных), я не буду, подробно входить в раскрытие этого содержания.

Причин этого сразу несколько. Во-первых, предлагаемая книга не может быть безразмерной. Во-вторых, что и есть главное, подготовительные материалы Гуссерля к так и не вышедшему II тому *ФА* (в отличие от I тома произведения) в массе своей носят сугубо специальный математический и историко-математический характер. И их лучше всего анализировать тем специалистам, которые, являясь профессиональными математиками, в то же время разбираются в *философии математики*. (Правда, в современном отечественном гуссерлеведческом сообществе я пока не знаю таких равно компетентных в философии Гуссерля и в математике исследователей. Остается ждать, пока они появятся...)

**§ 4. ОТДЕЛЬНЫЕ ФАКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(после 1887 года) ГУССЕРЛЯ В ГАЛЛЕ
(согласно: Karl Schuhmann. Husserl-Chronik. Denk –
und Lebensweg Edmund Husserls. – Husserliana.
Dokumente. Bd. I Den Haag. Martinus Nijhoff. 1977)**

S. 22

«Тогда Гуссерль ежедневно проходил мимо так называемого Franki'schen Waisenhaus в Галле и прочитывал надпись на фронтоне (из Исаии) псалма «Кто уповает на бога, тот обретает новые силы». Эти слова, о чем свидетельствует Мальвина Гуссерль, стали его жизненным девизом (Malvine Husserl. Skizze – (FIV 1/73a).

* * *

В «Хронике университета Галле Виттенберг от I.I.1877 до 31.3.1888 была сделана следующая запись: 24 октября 1887 года габилитировался по специальности “философия” д-р философии Эдмунд Гуссерля, защитив текст по теме “О понятии числа. Психологический анализ” и сделав доклад “Цели и задачи метафизики”» (Chronik, S. 23). И уже в зимнем семестре 1887–1888 годах новоявленный доктор философии» (в нашем понимании – кандидат философских наук) начал вести занятия в (теперь уже «его») Университете.

Первые занятия – часовая лекция *по теории познания* и метафизике. Как признавался сам Гуссерль, он читал такие лекции «полной грудью» (т. е. с воодушевлением), «но без окончательной убежденности» (Chronik. S. 23. В пометке от 22 ноября 1887 дается расшифровка (тоже краткая): «Лекции из Введения в теорию познания и метафизику: они – о *спорных* «математическо-философских вопросах, касающихся характера и познавательного вида математики в сопоставлении с теми же характеристиками каузальных наук – с точки зрения обоснования теории познания» (дается ссылка на рукописи Гуссерля: KI_{28/24–26}).

* * *

«Хроники» за 1888–91 год постоянно фиксируют лекционные курсы Гуссерля. Параллельно сообщается, какие книги Гуссерль приобретал в то время: это — Д. Юм «О человеческой природе» (в немецком переводе L.H. Jakov).

В самом конце 80-х и начале 90-х Гуссерль читает лекции и проводит занятия по философии математики (даже по конкретным математическим проблемам), с одной стороны, и по истории философии, теории познания, с другой.

Достаточно ознакомиться с краткими записями в «Хрониках».

Примеры: в начале января 1890 года Гуссерль изучает работы по математике, её истории; так, 9 января он делает записи по очень конкретной математической теме: возможность редукции квадратичных форм к сумме квадратов (KI_{28/60b})—S. 26).

15 января 1890 года приобретен и, скорее всего, прочитан немецкий перевод текста выдающегося математика И. Лагранжа «Mathematische Elementar-Vorlesungen» (Лекции по элементарным проблемам математики.)

* * *

А 17 января 1890 года Гуссерль читает лекцию на общую тему «Избранные вопросы философии математики», раскрывая — как свидетельствует запись — «*основоположения* всеобщей теории плоскостей, которая стала фундаментом знаменитой пространственно-теоретических исследований Римана и Гельмгольца» (KI_{28/57}) — Chronik, S. 27.

В летнем семестре того же года снова читаются лекции о неевклидовой геометрии, лекции по логике, а также постоянно делаются разработки-заметки по самым разным вопросам математики — по проблемам чисел, «конституции алгоритмов, операционном исчислении» и т. д. В этот уже сложившийся набор проблем вклиниваются новейшие тогда занятия логикой знаков (семиотикой) и наброски по ним (S. 27). И снова следуют упоминания о приобретении и изучении Гуссерлем новой тогда литературы по истории философии, математики, философии математики.

Важной считаю и подкрепленную фактами констатацию создателя (создателей) «Хроники»: «Логические исследования (не книга, а об-

ласть исследований. — *Н.М.*) обретают в этом десятилетии (последнем в XIX веке. — *Н.М.*) все новые и все более четкие очертания» (S. 25 — делается ссылка на FIII_{1/137b}).

О готовящемся к печати II томе ФА с пометкой в хронике: апрель 1891 года — в I томе, сообщалось, в таких словах, принадлежащих Гуссерлю: «II том ФА в концептуальном отношении *по большей части* готов и через год может быть сдан в печать... Логическое исследование арифметического алгоритма — все ещё в его истолковании как арифметики натурального числа — и обоснование счетной оценки из инверсивных операций квазичисел (негативных, воображаемых, дробных и иррациональных чисел) должно составить первую часть II тома. Критическое рассмотрение их дает многие основания ближе подойти к вопросу о том, будет ли это сфера натурального числа или это будет какая-то другая понятийная область, которая станет господствовать во всеобщей арифметике в первом и изначальном смысле. Этому фундаментальному вопросу затем должна быть посвящена вторая часть II тома “Философии арифметики”.

Полностью за рамки философии арифметики выходит также лишь в Приложении ко II тому проводимое исследование символических методов (относящихся к семиотике). Если будут благоприятствовать обстоятельства и время, я задумываю во II томе развить новую философскую теорию эвклидовой геометрии» (ФА. S. VI–IX).

Сюда же присоединяется запись в рукописи KIV₂, которая (как думает автор «Хроники») «с очевидностью является частью плана II тома «Философии арифметики»: I. Подлинное понятие множества, единства и натурального (кардинального) числа (Anzahl); II. Символическое понятие Anzahl и логические источники арифметики Anzahl; III. Арифметический алгоритм в данных областях. V. Заключительный анализ. Приложение: Исследования по семиотике» (Chronik. S. 29–30).

В апреле–мае 1891, как уже отмечалось, I том ФА вышел из печати.

Характерен перечень примечательных событий, последовавших за публикацией I тома ФА (См.: Chronik. S. 30–33).

Фреге отправляет Гуссерлю письмо от 24 мая 1891 года, о котором речь у нас пойдёт в соответствующих разделах, посвященных интеллектуальной драме «Фреге–Гуссерль».

В этом же году Гуссерль завязывает переписку с А. Мейнонгом. Переписка продолжалась и в последующие годы. В 1894 году она касалась двух основных сюжетов: 1) рецензии А. Мейнонга на «Психологию звука» К. Штумпфа; эту рецензию Гуссерль просит прислать и для него, и для его коллеги в Галле Бенно Эрдманна; 2) благодарности за присылку фундаментальной работы о Юме (А. Meinong, *Hume-Studien. Bd. I. Zur Geschichte und Kritik des modernen Naturalismus*, Wien, 1877), а также оттиска статьи Мейнонга «Beiträge zur Theorie der psychischen Analyse» (книга и оттиск статьи потом хранились в библиотеке Гуссерля)¹.

В августе 1891 года Гуссерль получает книгу Хр. фон Эренфельса «К философии математики».

В 1892 году факультет в очередной раз ходатайствует перед инстанциями — и снова безуспешно — о присуждении ему звания (и, конечно, оплаты) экстраординарного профессора.

Гуссерль опять уверяет в скорой готовности II тома ФА, который «почти завершен» (*nahezu abgeschlossen*)

* * *

«Гуссерлевские хроники» также сообщают: в 1889 году Гуссерль приобретает (и, по своему обычаю, с присущей ему тщательностью) изучает работу Якоба Фриза «Математическая натурфилософия [обработанная] согласно философскому методу» (*Yakob Fries. Die mathematische Naturphilosophie nach philosophischer Methode*).

Разнообразны другие приобретенные философско-математические источники (и выписки из них, сделанные Гуссерлем). Так, в июле 1890 года Гуссерль делает выписки, касающиеся развития формальной арифметики у греков (рукописи KI_{31/15–16}).

Имеет смысл напомнить: то был во многих отношениях напряженный период в жизни Гуссерля. «Хроники» сообщают, что в 1891–1895 годах, после публикации ФА Гуссерль пережил «длительный период депрессии, продолжавшийся 4 или 5 лет» (S. 29). Вместе с тем отмечено, что лишь в начале января 1891 года «Гуссерль потерял (все-го лишь. — *Н.М.*) две драгоценных недели из-за тяжелых страданий».

¹ См. Edmund Husserl. Briefwechsel. Husserliana. Bd. III. Briefwechsel. Band VII. Dortrecht/Boston/London. S. 132, 133.

Если хроники фиксируют нечто постоянное в научно-исследовательском развитии Гуссерля в исследуемый период, то это восхождение от одной малой вершины исследований к другой. Судите сами:

— сообщается: (видимо, в феврале того же года): «около 200 печатных страниц I тома ФА подготовлены к печати и предполагается (в течение 9 недель) собрать еще 150–200 страниц! В апреле 1891 закончено Предисловие к “Философии арифметики”».

В первые месяцы 1891 года — наряду с завершением I тома ФА — опубликованы:

— статья “Исчисление следствий и логика содержания” (Der Folgerungskalkül und die Inhaltslogik — Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie, 1891. S. 243–278; см. также KI_{54/3–6});

— работа, касающаяся первых компендиумов по новой тогда математической логике: рецензия Э. Гуссерля на книгу Е. Шрёдера “Лекции по алгебре логики”» (Eschröder; Vorlesungen über die Algebra der Logik», I).

5. CASE STUDY: ЛЕКЦИИ Э. ГУССЕРЛЯ ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ (1887–1888)

Среди опубликованных в XXI томе «Гуссерлианы» текстов (некоторые из них даже предшествовали ФА) привлекает внимание материал к прочитанной Гуссерлем в Университете Галле в зимнем семестре 1887/88 годов (т. е. в самом начале его преподавательского пути) лекции на тему «Исторический обзор о философии математики» (*Geschichtlicher Überblick über die Philosophie der Mathematik*).

Здесь будет обращено внимание на те высказанные в тексте общие и более конкретные идеи Гуссерля, которые представляются не просто исторически интересными, но философски значимыми и даже — более или менее профильными, притом не только для его исследовательской работы на этом самом раннем этапе становления и развития, но и для последующих, уже феноменологических разработок Гуссерля.

Прежде всего, вполне понятно, что он, вчерашний математики и начинающий университетский преподаватель, хотел вполне серьёзно и обдуманно вступить на новую для него, пусть и философско-математическую стезю. Он стремился, конечно, подтвердить особую значимость родной ему науки, математики — согласно ясному и навсегда принятому тезису — «Математика — первая и последняя из всех наук». (Hua, Bd. XXI. S. 216). В областях подсчетов и измерений, нахождения порядка и местоположения она, как «нас учит история, впервые находит и те aeterna veritas, вечные истины, и те прочные познавательные методы, которые всегда были и навсегда останутся образцовыми целями для всех наук» (Hua, B. XXI. S. 216). Математика, по Гуссерлю, — не простое накопление фактического познания (*Tatsachenerkenntnis*), а познание, исходящее из оснований, из прозрений в самое сущность того, что является или становится наукой.

Гуссерль считает, что, скажем, древнюю ионийскую натурфилософию, мистику чисел пифагорейцев или метафизику элеатов неправомерно именовать наукой. Но если поразмыслить глубже, продолжает Гуссерль, то даже и в этих древнейших материалах, относящихся в первофилософии, есть нечто, позволяющее «с известным правом называть философию матерью всех наук» (Ebenda. S. 216–217). Этот образ очень важен.

Такой подход к истории философии — не просто высоко ее оценивающий, но и неоднозначный, учитывающий противоречия и тонкие оттенки — послужил для Гуссерля отправным пунктом накопления и теоретических, и установочных (от более позднего феноменологического термина «Einstellung» — установка) рассуждений, постепенно приведших вчерашнего математика к созданию его многостороннего философского проекта, впитавшего в себя опыт и точного, и гуманитарного знания. Объективно же, что вытекает из этих и сходных гуссерлевских тезисов, их можно считать как бы и известными, изначальными историческими формами поиска оснований, но такими, которые следует «переоткрыть» для себя и сделать парадигмальными не только для новейшей философии, но и для верного понимания ряда видов специального знания, появившихся (в зародыше) в древнейшие времена и в Греции, и в других частях мира.

Не буду вдаваться в ряд других интереснейших конкретных проблем, разбираемых в анализируемом тексте (наверное, приведенном и обсужденном Гуссерлем на его лекциях). Только упомяну о них. Это, например, сжатое определение специфики инфагорейской «мистики чисел» как «овеществления (Verdinglichung) числовых понятий» — с добавлением, что сходные традиции «овеществления» имели место на протяжении целых веков последующей истории.

Главное, что, согласно Гуссерлю, как раз и происходило на протяжении веков: «При этих гордых преимуществах математики [которые со всей очевидностью были связаны с относительной простотой, ясностью и остротой положенных в основание математики понятий] стало ясно, что во все времена, в которые вообще действовали научные устремления, всегда находились восторженные юноши и исследователи и что для продолжительных времен должно было утвердиться такое положение, когда математика сильно забегала вперед других

наук» (Ebenda, S. 217). Правда, напоминает Гуссерль, она не была единственной точной наукой. Характерно, что среди «точных наук» он числит не только физику, химию, но и «психологию и биологию»!

Гуссерль упоминает о том, что знания математики издавна были для философов «источниками восхищения» (Ebenda. S. 218). А это, в свою очередь, становилось одним из оснований уже для философских исследований.

Что касается именно синтезирующей *философии математики*, то она, по Гуссерлю, была пробуждена к жизни — скорее — *практическими* нуждами. А именно: философии тоже передалась реализовавшаяся в математике постоянная потребность людей в точных, строгих методах. В какие-то времена, согласно смыслу рассуждений раннего Гуссерля, осознание той же потребности как бы перетекало из одной области знаний в другую — как общее устремление мыслителей-ученых, как некое целостное умянастроение людей знания. Например, Гуссерль ссылается на известные труды философов-ученых — начиная с Аристотеля, отмечая, в частности, что «в труды Аристотеля включены точные математические знания» и что его сочинения вообще «богаты математико-философскими рассмотрениями» (Ebenda. S. 218). Конечно же, в гуссерлевском анализе заходит речь о «вкладе новой философии», где вполне ожидаемо фигурируют великие имена — Декарт, Лейбниц, совокупные труды которых зримо воплощали единство математического и философско-логического знания.

Интересен в анализируемом тексте небольшой раздел, специально посвященный Канту.

Гуссерль считает, что и в учении Канта философия математики сыграла роль своего рода теоретического фундамента. Здесь приобретает специфическое значение следующий факт: «в первоначальном устройстве нашего духа, — пишет Гуссерль, — заключено то, что доставляемый ему чувственный материал отработан в пространственной и временных формах, что все представлено согласно формам таких исходных понятий, как основание и следствие, причина и действие, единство и множество — и из этих форм проистекают все наши познания...» (S. 222–223).

Эти постулаты Гуссерля, к сожалению, не отличаются ясностью, хотя склоняют к дальнейшим вопрошаниям и размышлениям. Впрочем,

они не вполне расшифрованы у самого Канта. Ведь когда Кант именуется пространство и время априорными формами чувственности (т. е. утверждает как бы «имплантированность», изначальность этих форм), то он скорее снимает, чем решает всякие вопросы генетически-разъясняющего характера. А именно: как и почему пространство и время, и именно они, именно пространственно-временным образом «организуют» атакующий чувства эмпирический материал? Как, когда, почему можно говорить о вмешательстве других (категориальных) определенностей (причина — следствие, единство — множество и т. д.)?

Дальнейшие краткие резюме и формулировки представляются столь беглыми и общими, а часто и предвзятыми, что из них трудно извлечь нечто, сравнимое с более ранними хорошо обоснованными гуссерлевскими идеями.

Например, для характеристики «так называемой идеалистической эпохи», пришедшей на смену кантовской философии, Гуссерль выносит всего лишь обвинительное — и сомнительное — суждение: в это время, утверждает он, «теория познания утратила всякую и любую научную устойчивость» (Ebenda. S. 223). У Гуссерля также получается (таких обвинений немало), что, в частности, философия Гегеля потерпела окончательный крах (Ebenda).

Далее Гуссерль кратко объективирует, группирует некоторые (уже известные нам из других источников) положения об *arithmetika iniversalis* как части формальной логики, «которую, — пишет Гуссерль — я бы определил как “искусство знаков” и обозначил бы как важнейшую главу логики как учения об искусстве познания» (Ebenda. S. 248).

Гуссерль связывает тот факт, что кантовской философии было суждено завоевывать господствующее, даже эпохальное положение и значение в философии, с тем примечательным обстоятельством, это к «математически-философским исследованиям» — они и у Канта приобретали «фундаментальное значение» — в те времена вообще относились «заботливо и ревностно» (Ebenda. S. 223).

Как и наоборот: «И пусть в так называемую идеалистическую эпоху немецкой идеалистической философии, когда теория познания утратила всякую и любую научную ориентированность (*Haltung*), упомянутые спорные теоретические вопросы время от времени в нее возвращались. Но вот после окончательного распада философии Геге-

ля и под влиянием разрушительного материализма все громче зазвучал призыв «Назад к Канту!». И вот тогда «под руководством Ланге» (!) неокантианская школа» (и «лишь она одна!»), по мнению раннего Гуссерля, как бы стала преодолевать временный упадок немецкой мысли.

Такое резюме не удивляет: мы уже знаем, что на целые десятилетия конца XIX и начала XX века даже в Германии воцарилось резко отчужденное (и, в сущности, на всю жизнь Гуссерля укорененное) отношение к разрушительному-де воздействию на немецкую мысль не только философии Гегеля, но также учений Фихте и Шеллинга. Не за горами, однако, было то время, когда лозунг «Назад к Гегелю» тоже раздался в европейской мысли. Но Гуссерль об этом, конечно же, еще не ведает...

В конце лекции Гуссерль, судя по этому плану-конспекту, снова предполагал вернуться к универсальной арифметике (*arithmetica universalis*), которую он (*в данном конспекте*) определил скорее не как часть науки, а как математический раздел «*формальной логики*», которую он более конкретно рассматривал как «искусство знаков» (*Kunst der Zeichen*), в свою очередь образующее «важнейшую главу логики как [особого] искусства познания» (Hua, Ebenda, S. 248). Он надеется, что грядущие исследования в этой области будут способствовать «важным реформам логики», а также, разумеется, более зрелому «логическому пониманию» внутри самой математики (Ebenda).

Гуссерль (соотносясь со своей работой над II томом ФА) коротко упомянул в тексте о проблемах «логики геометрии». Основания для заключений о важности разработки всех этих проблем лежит в общей уверенности ученого в том, что логика геометрии — пока отстающая область — может многое почерпнуть из арифметической области и из *философски осмысленной* геометрии.

Правда, об этой тематике (со ссылкой на свою работу над II томом ФА) Гуссерль упоминает как бы на бегу. И он (уже в конспекте, видно, наперед зная, как все будет на самой лекции) намечает поблагодарить слушателей за их внимание и долготерпение... Гуссерль признается: он охотно использует ...возможность высказаться («*mich auszusprechen*»)! Видимо, не так-то много было подобных шансов в самом начале его преподавательского пути...

А вот конец лекции совсем удивительный, ибо здесь — что-то совсем непривычное для современной практики!

Во-первых, Гуссерль объявляет о будущих лекциях... *других профессоров* (Б. Эрдманна, Р. Гайма, Х. Файхингера) извещая, притом весьма одобрительно, о лекциях по логике, философии Нового времени, этике, шутливо заключая: «Это я называю богатым меню». О себе Гуссерль заметил, что он, *естественно* (!), не стал бы читать о чем-то ином, чем о логике, «что мне сейчас, — признался лектор, — сейчас особенно подходит. Возможно, я объявлю еще [лекции] по философии математики» (Hua, Ebenda. S. 250). Важное признание: логика никогда не выпадала из целостности его научных занятий. Вопреки тем авторам, которые, как уже не раз говорилось, преувеличивали роль чисто психологических знаний, из рабочих материалов раннего Гуссерля отчетливо видно, что он (в согласии с подзаголовком ФА) в анализируемый период никак не меньше, а — думаю — гораздо больше *погружен в логический, философский материал прошлого* и [его] современности. Логика, собственно, никогда не выпадала из комплекса его особо занимавших исследовательских целей и интересов. Частное доказательство, особо существенное в данной связи: мы видели из анализа I тома ФА и увидим в дальнейшем, что Гуссерль тяготеет к подчеркиванию *логической природы* отдельных учений, по традиции причисляемых только к математике.

§ 6. НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫЕ РАБОТЫ И ИДЕИ РАННЕГО ГУССЕРЛЯ (по публикациям и манускриптам в XXI и XXII томах «Гуссерлианы»)

6.1. Ранний интерес Э. Гуссерля к семиотике

(манускрипт «К вопросу о логике знаков», «Zur Logik der Zeichen»)

Небольшой подготовительный текст Э. Гуссерля, сохранившийся под вышеприведенным названием, интересен для нас не только своей темой, но и в силу такого исторического обстоятельства: он был написан именно в Галле в 1890 году, т. е. даже несколько раньше выхода в свет I тома «Философии арифметики»! Он ясно свидетельствует о попытке раннего Гуссерля (однозначно и необоснованно обозванного некоторыми авторами «психологистом») проникнуть мыслью в самые тонкие, специальные и новые в то время *логико-философские проблемы*.

Затем Гуссерль, по-видимому, готовил текст для II тома ФА. Но не успел во-время завершить отработку манускрипта — и к большому сожалению, ибо этот малоизвестный текст содержит, как мы попытаемся показать, весьма перспективные для философии, для логики идеи и разработки.

Манускрипт при жизни Гуссерля не печатался. Он был впервые опубликован в XXII томе «Гуссерлианы». (По этому изданию он и будет далее цитироваться.) На русском же языке и этот текст (пока) не публиковался (и даже не упоминался в известных мне работах). О чем тоже приходится сожалеть: ознакомление с ними заинтересованных отечественных читателей помогло бы расширить горизонт понимания раннего учения Гуссерля, который был искажен и сужен в работах, представлявших саму ФА и другие тексты этого периода чисто «психологическими» набросками.

Далее будут (кратко) введены главные проблемы разбираемого гуссерлевского манускрипта, приведены наиболее ценные высказывания Гуссерля.

Прежде всего — об одной группе материалов, в данном контексте привлеченных Гуссерлем к рассмотрению. Они относятся к истории классической европейской философии Нового времени. Любопытно, что у Гуссерля обсуждаются совершенно особые идеи, высказанные выдающимися философами той эпохи — те, которые *лишь через века* повлияли на преобразование логики, даже на становление математической логики и на технические разработки, на основе коих зародились и выполнялись, уже в XX веке, смелые реальные проекты «думающих машин».

Например, Гуссерль подхватил и по существу обновил идеи великого Лейбница (а произведения последнего, вспомним, он тщательно изучал в Галле) *о значении специального языка символов, знаковых систем для будущего научно-технического развития*. Гуссерль прозорливо подчеркнул особую роль разделения труда, ведущего к «прогрессу человечества в механических достижениях», соединенных с духовным разделением труда. Гуссерль, не только обобщая прежний человеческий опыт, но и как бы забегая вперед тогдашнего развития человеческой истории, пишет: «С сознательным применением символов человеческий интеллект поднимается на новую, истинно человеческую ступень. И прогресс интеллектуального развития протекает параллельно с прогрессом в искусстве символов. Выдающееся по результатам развития естествознание и обусловленная им техника прежде всего составляют славу и гордость последнего (XIX-го. — *Н.М.*) столетия. Но не менее славное название (*Ruhmstitel*), как кажется, суждено заслужить той удивительной, все еще не разъясненной системе символов... без которой теория, как и практика, были бы бессильными — системе всеобщей арифметики, этой удивительной духовной машине, которая некогда возникла»¹.

Один из наиболее известных авторов, немецкий философ Дитер Мюнх, писавший о ФА и рукописях Гуссерля раннего периода, дал такой, на мой взгляд, вполне обоснованный комментарий к процитированным тезисам обсуждаемого манускрипта: «Гуссерль, следовательно, защищает тот взгляд, что механические процессы символического мышления ведут к правильным результатам, но что они еще не под-

---

¹ *Husserl. Zur Logik der Zeichen (Semiotik) // Hua, Bd. XII. Den Haag, 1970. S. 350.* Далее при рассмотрении статьи страницы в моем тексте даются по этому изданию.

верглись обоснованию (оправданию). Обеспечить такое оправдание — эту цель Гуссерль и ставит перед ФА».

Кратко — о главных идеях и тезисах обсуждаемого манускрипта. Они заслуживают того, чтобы принять их во внимание. Прежде всего в контексте теории знака (исторически же — только в преддверии будущей семиотики, в конце XIX века складывающейся специальной дисциплины — правда, с древними, средневековыми и нововременными предтрадициями).

Гуссерль объективно движется по перспективному пути, прилагаемому и другими авторами.

Он пытается дать определение знака: знак в его понимании — это «понятие, характеризующее отношения (Verhältnisbegriff), ибо он указывает на обозначаемое»¹. Д. Мюнх отмечает: «Гуссерль, таким образом, подхватывает традиционное определение знака» (D. Münch, Ebenda. S. 116). «Знаками вещи (некоего содержания вообще), — пишет Гуссерль, — может быть все что угодно, т. е. любое, что вещь обозначает, что [для нее] специфично, что в состоянии отличить эту вещь от других и снова опознать её» (Ниа, XII. S. 341)².

Носитель знака, поясняет Мюнх гуссерлевские идеи, имеет созерцаемый характер; при этом совсем не требуется, чтобы само обозначаемое было представлено или представляемо. Вот здесь и пригодилось понятие символического представления — этого, как выражается Гуссерль в ФА, «длительного суррогата действительного представления, ибо объекты в собственном смысле представлению недоступны». Мюнх справедливо подчеркивает и особое значение (анализируемого нами) текста: *в нем дается «классификация знаков»*.

Гуссерль прав, когда ссылается на действительную практику развития знания в науках, причем как в математике, так и в других областях: многие знаки, разъясняет он, обладают (скажем, в арифметике) «суррогатными» функциями: опираясь на необозримое количество знаков, употребляющие их люди потом «вообще не заботятся об их значении».

---

¹ Münch D. Intention und Zeichen. Untersuchungen zu Franz Brentano und zu Edmund Husserls Frühwerk. Fr. a/Main, 1993. S. 113. Далее цитируется в моем тексте с указанием страниц данного издания.

² Husserl E. Husserliana. Bd. XII. Haag. Nijhoff. 1970. S. 341.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЗНАКОВ

«Исследование Гуссерля к вопросу о логике знака», — продолжает Мюнх, — способствует объяснению символических методов также и знаковой классификации (116–117). Имеется в виду следующее: учитывая сложившиеся классификации и развивая их, Гуссерль разграничивает два коррелятивных вида знаков: те, благодаря которым различают *внешние* (äußerliche) и *понятийные* (begriffliche) знаки. Первые не имеют ничего общего с понятием обозначаемого, с его особыми свойствами (Hua. S. 341). Так, имя «Наполеон» есть внешний знак: он обозначает, как бы маркирует особую личность; но знак этот ничего определенного не говорит ни об этом человеке, ни об его «понятии».

Знак «красный автомобиль» — это *понятийный знак*; он характеризует один из *внешних* признаков, именно красный цвет предмета. Но знак этот — *внутренний для данного автомобиля*. А когда говорят: «автомобиль, который доставил Эмиля в город», то это *понятийный знак*, который характеризует *внешний* или *релятивный признак* предмета. Гуссерль пишет о нем по-ученому, выявляя оттенки смысла. Когда предмет определяется как красный, то «используется не красное как таковое, а *бытие в качестве красного* (Rotsein), т. е. ставшее нам хорошо известным в его своеобразии отношения между вещью и окраской в качестве характеристики предмета» (S. 342).

6.2. Работы Гуссерля по логике середины и конца 90-х годов XIX века

«Сообщение о немецких сочинениях по логике за 1894 год»

В «Архиве систематической философии» (Archiv für systematische Philosophie, № 3, 1897) был опубликован систематический обзор Гуссерля. (В оригинале он назывался «Bericht über deutsche Schriften zur Logik aus dem Jahre 1894»). Гуссерль отобрал из немецких публикаций по логике те, которые, по его мнению, более других заслуживали обсуждения. Тот факт, что опубликован обзор был только в 1897 году, вполне понятен: уже по прошествии 1894 года нужно было завершить, обдумать, а затем

и послать в «Archiv» статью-рецензию; после время ушло на публикацию в самом журнале. К тому же опубликовать первые *статьи* в журнальных изданиях начинающим авторам, к каковым в то время принадлежал Гуссерль, было даже труднее, чем издать первые *книги*...

«Логическая литература этого (т. е. 1894) года, — так начинает Гуссерль свое «сообщение», — необычайно богата на весьма ценные (*vertvolle*) явления» (Hua. Bd. XXII. S. 216). Затем автор обзора переходит к разбору отдельных сочинений из соответствующих дисциплинарных разделов тогдашней логики.

Нам, читающим текст Гуссерля спустя 120 лет, следует принять в расчет прежде всего фактическую констатацию, касающуюся *значительного оживления и качественного обогащения исследований по логике в конце XIX века*. Это свидетельство проливает свет также на обусловленность исследовательской ситуацией растущего интереса самого Гуссерля к проблемам логики, что, в частности, имеет отношение к быстрому возникновению и оформлению его великих «Логических исследований».

Два более конкретных момента также должны привлечь интерес историков гуссерлевской мысли к контексту развития европейской философии, логики, психологи в конце XIX века.

Во-первых, это продолжающееся внимание Гуссерля к новым исследованиям *тех же* выдающихся авторов, которые так или иначе попали в кадр «Философии арифметики».

Во-вторых, из гуссерлевского обзора можно получить компетентные свидетельства (ценные для профессиональных и внимательных историков мысли) о складывавшейся тогда и несколько позже «референтной группе» авторов, отдельные представители которой, и не только по оценке Гуссерля, создавали самобытные, оригинальные учения, а вместе с тем обеспечивали себе возможность плодотворно работать, быть замеченными и в будущем. Теперь их имена, как правило, уже прочно вписаны в историю философии и конца XIX, и первых десятилетий грядущего XX века.

Здесь же мы застаем эту историю в самом её начале, становлении и разворачиваем её как бы в замедленной съемке.

Выводы о характере и значении именно гуссерлевских исследований (здесь — по логике), осуществленных после «Философии ариф-

метики», но ещё до «Логических исследований», будут представлены в ходе и в конце предлагаемого далее развёрнутого анализа и этой особой публикации, и других близких по теме опубликованных Гуссерлем работ и его рукописей.

Предварительно, ещё до подробного ознакомления читателей с этой и другими публикациями Гуссерля в тот интересный, но мало изученный даже на Западе период (а в России вообще оставленный в работах по истории феноменологии без всякого внимания), нужно дать читателям некоторые общие ориентиры. Для автора этих строк и они вытекали из погружения в исследования достаточно большого массива материалов, которые на русский язык, сколько я знаю, не переводилось и лишь часть которых можно было презентировать в моей книге немало, но всё-таки ограниченного объема.

Итак, сообщение Гуссерля начинается с приведенной ранее простой и ясной констатации того, что логическая литература 1894 года обогатилась «ценными явлениями». Гуссерль сразу обозначил также и то, какие именно проблемы и дисциплинарные разделы привлекли его особое внимание из той обширной области тогдашнего научного знания, которую к концу XIX века традиционно и привычно маркировали предельно широким по значению старинным словом «логика», какие из них в литературе дискутировались особенно оживленно. При этом хорошо видно, к каким именно разработкам, спорам, дискуссиям был обращен именно гуссерлевский исследовательский интерес.

Это была, по определению автора обзора, прежде всего, «много обсуждаемая сфера “логического учения об элементах” (der logischen Elementarlehre) с уже обозначившимися “классами вопросов”, которые относятся либо к учению о суждении, либо как-либо примыкают к нему... Мы естественно начинаем, — предупреждает далее Гуссерль, — с общего изображения (Gesamtdarstellung) логики; вслед за этим [как раз] и идут, соответственно порядку тематики, работы о логическом учении об элементах, а в заключение — работы о методе (Methodenlehre)» (Hua XXII. S. 124₈₋₁₂).

Это ориентирующее замечание существенно для понимания интересов и намерений Гуссерля относительно логики.

Гуссерль будет, во многом ещё примыкая к ориентациям ФА, разбирать работы *общего характера*, каковые к концу XIX века, как

и годами раньше, входили в круг его философских исследований (в том числе в сфере философии математики), а также в логике, в психологии, т. е. в том *едином комплексе гуманитарных наук*, определявших идеи и поиски автора ФА (в предшествующих разделах моей книги они разбирались на материале ФА конкретно, а затем — в обобщенной форме — в завершающих резюме).

Примечательно, что и *авторы*, чьи новые исследования Гуссерль станет разбирать в интересующем нас обзоре, в сущности (кроме совсем новых) *те же самые, что и в ФА*. Так, сначала рассматривается следующее сочинение: W. Wundt. *Logik. Eine Untersuchung der Prinzipien der Erkenntnis und der Methoden wissenschaftlicher Forschung* (В. Вундт. Логика. Исследование принципов познания и методов научного исследования, второе издание, Stuttgart 1893, I том. Учение о познании). В 1894 в Штутгарте же вышел II том этого произведения: *Methodenlehre* — учение о методе (с подзаголовком: *Logik der Mathematik und Naturwissenschaften*, St., 1894 — Логика математики и естественных наук). Вот оно-то и рецензируется у Гуссерля.

Сегодняшним читателям с самого начала очень важно принять во внимание следующие более конкретные обстоятельства: «логическая», по маркировке Гуссерля и его современников, тематика на самом деле (здесь положение не изменилось по сравнению с первой половиной 90-х годов XIX века) охватывает разработки, также относящиеся к теории познания и, в частности, научного познания.

Она не затрагивает новые специально-логические исследования Фреге и в духе других авторов тогдашней математической логики. Следует применительно к последним уточнить: Гуссерль и во второй половине XIX века, будучи профессиональным математиком, осведомленным также и в логике, в принципе располагал знаниями и возможностями для специализации в новейшей (тогда) — в том числе математической — логике. И, кстати, в обсуждениях (с Фреге и с другими логиками) «их» тематики он выступал вовсе не в качестве дилетанта. То же мы наблюдаем, например, в рецензии на книгу Шрёдера.

Тем не менее он не погружался, как делали специалисты, подобные Фреге, в разработку этого, в тот и последующие периоды наиспециальнейшего ответвления логики. Поэтому «логическая литература», каковую он отобрал для рецензирования в анализируемом *Обзоре*,

в сущности, стопроцентно относится к логике в её веками складывавшемся понимании и предметно-проблемном наполнении. И, скажем заранее, авторы свежих тогда сочинений, привлечших особое внимание Гуссерля — это, по большей части, специалисты по логике, но *в достаточно широком для нового и новейшего времени понимании, объединявшем анализ логических проблем с философскими, в частности, гносеологическими* (относительно новый тогда термин!) *аспектами, с историей философии, а также с современной тогда философской психологией.*

Нужны некоторые конкретные уточнения относительно противоречивости гуссерлевских философских-логических предпосылок и ориентиров.

Гуссерль уже оставил позади «Философию арифметики» и во второй половине 90-х XIX века обратился к изучению *обновившихся* логических исследований и разработок. И все же он пока пребывал как бы на «перепутье»: ведь он ещё был верен ряду тенденций анализа, которые были выделены ранее как типичные для первых этапов его раннего развития.

Вот почему, полагаю, Гуссерль особо внимательно присматривался к тому, имеются ли у рецензируемых авторов — а это были, скажем В. Вундт и другие признанные или новые, но быстро замеченные талантливые исследователи — «достойные упоминания изменения» (Ebenda. S. 124₂₄).

Что касается рассматриваемой работы более чем популярного В. Вундта, то заключение Гуссерля звучит предельно критически: никаких изменений нет; «самый заботливый анализ» показывает, что знаменитый автор предложил читателям «старое произведение». При этом Гуссерль внимательно отмечает даже мельчайшие новые уточнения Вундтом своих позиций, хотя бы это были попытки, чуть варьируя, переписать прежние тексты...

Итак, на примере рецензирования Гуссерлем текстов тогдашнего признанного «классика» В. Вундта мы видим: Гуссерль, все ещё не очень известный автор, не проявляет никакого снисхождения к тем мыслителям, ученым, о которых тогда вообще-то не принято было писать в столь нелицеприятной, жестко критической манере. Гуссерль специально обращается к некоторым сторонам вундтовского учения о числе. Он напоминает: в «Философии арифметики» им уже были

высказаны замечания по этому (центральному для его раннего периода) кругу вопросов. И вот — внимание (!) — Гуссерль сообщает нечто весьма любопытное и для него лично значимое: его, Гуссерля, замечания, высказанные в ФА в адрес вундтовской концепции числа, как ему представляется, побудили Вундта к тому, чтобы многие из пассажей (из первого издания книги Вундта), как раз вызвавшие критику Гуссерля, во втором издании Вундтом были «вычеркнуты или изменены!» (Ebenda. S. 130_{4–6}).

Теперь же особое недовольство рецензента вызывает то, что в «Учении о методе» Вундт (во втором издании) *в очень малой степени принял в расчет новейшие тогда идеи и открытия естествознания!* К тому же, замечает Гуссерль, объем и без того пухлых книг обычно растет, что не должно вводить в заблуждение: по его мнению, тщетно искать принципиально новые идеи и исследования во вновь появившихся работах даже такого исследователя, как В. Вундт!

Полагаю, подобные новаторские устремления Гуссерля как автора, только ещё двигавшегося к созданию своего оригинального философского, логического учения, могли бы привлечь большее внимание историков гуссерлевской феноменологии. Особенно огорчительно, что у нас, в России, и здесь — сплошь белое пятно...

* * *

Другие статьи авторов, рецензируемых в разбираемом обзоре, рассмотрены очень бегло; они скорее упоминаются, чем анализируются рецензентом. Но ведь это были работы философов, логиков, приобретших или приобретающих известность в философском сообществе; вскоре, уже в начале следующего XX столетия, они приблизятся к центру западной философии, её исследований и размежеваний. Это сочинения:

— А. Marty «Über subjektlose Sätze und das Verhältnis der Grammatik zur Logik und Psychologie» (А. Марти. «О бессубъектных предложениях и отношении грамматики к логике и психологии». Опубликовано она была в Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, 18. 1894. S. 320—356). Обратим, кстати, внимание на разнообразии философских журналов в Германии конца XIX века, что тогда несомненно способствовало богатству и разветвленности немецкой философии;

— *B. Erdmann*. «Theorie der Typeneinteilung» («Теория разделения на типы»; опубликована в «Philosophische Monatshefte», 30. 1984. S. 15–49; S. 129–158);

— *E. Mach* «Über das Prinzip der Vergleichung in der Physik» («О принципе сравнения в физике», опубликована в *Verhandlungen der Gesellschaft Deutscher Naturforscher und «Ärzte»*, 66. S. 44–56).

Специально о работе Маха: Гуссерль сообщает, что таковой была тема, как он пишет, «блестящей речи», произнесенной Эрнстом Махом на заседании Немецкого общества естествоиспытателей и врачей 24–28 сентября 1894 года. Заслуживает внимания примечательный — и завидный — факт: естествоиспытатели и врачи (и не только в Германии, но и, например, в России) постоянно, содержательно интересовались философскими и логическими проблемами, разбирая их также и на заседаниях своих объединений. На упомянутом Гуссерлем заседании выдающийся физик — и философ — Эрнст Мах ставил такие философско-методологические вопросы: «Чем должно быть для нас простое описание? Где имеет место объяснение, проникновение умом (*Einsicht*) в каузальную связь?»¹ Гуссерль с одобрением подчеркивает, что в намерения самого Маха входит не только обсуждение, но и разрешение подобных вопросов-сомнений, объективно имеющих принципиальное значение для логики, для философии научного познания. При этом, по Гуссерлю, главная мысль Маха состоит в следующем: «над непосредственным чувственным опытом возвышается для нас *сообщение*, которое делает полезным и для нас опыт других людей, [что] создает возможности развивать науку. А сравнение есть то, благодаря чему возможно само сообщение» (*Ebenda*).

Далее Мах продолжает размышлять о том, как из актов сравнения рождаются абстрактные понятия, посредством которых и осуществляется прежде всего *прямое описание фактов*. «Под прямым (*direkter*) описанием, — продолжает свою рецензию Гуссерль, — автор понимает «языковое сообщение о некоем (*eine*) факте», каковое применяет [уже] только чисто понятийные средства (*Ebenda*). Под «непрямым описанием» у Маха понимается описание такого типа (и это, добавляет Гуссерль, «многогранная работа»), в ходе которого имеют обыкновение употреблять теоретические понятия, категории.

¹ Hua. Bd. XXII. S. 149.

* * *

В свете того, что известно из будущей истории феноменологии, стоит обратить внимание на то, как Гуссерль оценивает сравнительно небольшую работу Теодора Липпса. Это его логическая по теме статья «Subjektive Kategorien in objektiven Urteilen» («Субъективные категории в объективных суждениях»; напечатана в «Philosophische Monatsheften», 30. 1894. S. 97–128).

Теодор Липпс (1851–1914) — не путать с более поздним однофамильцем Хансом Липпсом — к концу XIX века был довольно известным философом и психологом; с 1890 года он — профессор в Бреслау, с 1894 года — основатель Мюнхенского психологического института.

Необходимо различать два этапа в обращении Гуссерля к идеям и сочинениям Т. Липпса. Позднее, уже в «Логических исследованиях», Гуссерль будет критиковать идеи Липпса как видного защитника психологизма. А в разбираемом Обзоре нет и речи о психологизме; ни одного раза не всплывает сам термин «психологизм» (это факт, который надо держать в памяти и вспомнить, когда в нашей планируемой второй книге будет конкретно и глубоко рассматриваться тема психологизма).

Теперь к вопросу об оценках Гуссерлем идей Липпса в разбираемой рецензии. К каким произведениям и идеям Липпса обращается Гуссерль? Он упоминает, что им анализируется лишь часть, притом «серьезная часть», более обширного сочинения, вообще-то задуманного Липпсом. Задача, которую ставит перед собой рецензент — не более чем ухватить главные идеи автора.

Внимание Гуссерля привлекли размышления Липпса над целой семьей философских, в частности, философско-логических категорий.

Категории, поняты Липпсом как «предикаты суждений», распадаются на объективные и субъективные. Это: «единство» (Einheit), «большинство» (Mehrheit), «целостность» (Ganzheit), «множество» (Menge) — и такие, как «идентичность» (Identität), «различенность» (Verschiedenheit), «равенство» и «неравенство» (Gleichheit und Ungleichheit).

Эти категориальные различия Липпса, безусловно, должны были привлечь внимание Гуссерля, ибо они были среди философских, в частности философско-математических категорий, примененных и разъясненных в его «Философии арифметики». У Липпса применяются и разбираются другие категории, которые Гуссерль осмысливал

и будет осмысливать в своих произведениях — например, *Setzung* (полагание) или *Vergleichung* (сравнение). Тут ещё одно доказательство того, что *проблематика гуссерлевской книги и её категориальный аппарат были стержневыми для исследований и дискуссий в логике, философии его времени*. Гуссерль специально отмечает, что некоторые категории (например, *Setzung*, *Einheit*, *Menge*) подчас употребляются произвольно и применяются лишь к случайному ходу представлений. Важно, вместе с тем, следующее обобщение Гуссерля, в основном солидарное с текстом Липпса: «Эти категории одновременно суть условия и факторы нашего эстетического и практического поведения (единство мелодии, напр.)» (Ebenda, S. 193). А категории сравнения, по Липпсу, «повсюду связаны с объективной необходимостью» (Ebenda). Довод: когда я что-то отождествляю или, наоборот, различаю, я обусловлен сравниваемыми объектами. Но всюду, не следует этого забывать, все же имеет место «субъективное суждение», ибо «субъективная категория составляет его предикат» (Ebenda). В этом принципиальном пункте есть родство между типами анализа и ранних, и более поздних концепций Т. Липпса и Э. Гуссерля. Забегая вперед, выражу свое видение в общей форме, ибо тут намечается линия рассуждений и исследований, принципиальная и для раннего, и для позднего Гуссерля.

Мы сталкиваемся здесь со специфической особенностью теории Гуссерля, которая формируется уже на ранних стадиях и сохраняется на протяжении всего развития его феноменологии. Она состоит в следующем: деление на «объективное» и «субъективное» внутри таких теорий фактически осуществляется *на основе и при условии того*, что некое «субъективное» уже положено в их основание.

Отсюда возникает, по Липпсу, необходимость выделить ещё и «*полностью объективные*» факторы. «Полностью объективно обоснованным, т. е. независимым от всякого произвола и субъективной причастности в отношении соответствующих объектов применение субъективных категорий становится тогда и только тогда, когда они появляются в предикциях объективных суждениях. Благодаря этому последние в известной степени причастны объективности и в этом смысле они должны быть поняты как выражения объективных единства, большинства и т. д.» (Ebenda). Характерно, что подобные положения концепции Т. Липпса в рецензии Гуссерля по большей ча-

сти лишь фиксируются — и по сути дела без других оценок и замечаний. Что не случайно. Дело в том, что с концепциями (относительно) новых авторов, работавших, как и он сам, на пограничье логики, философии, психологии, Гуссерль только начал знакомиться.

Время основательного обращения Гуссерля к работам этого философа (тоже более поздним, чем разбираемая журнальная публикация) пробьет уже в самом начале XX века — в «Логических исследованиях», когда тема психологизма четко встанет в повестку дня логики и философии.

В «Логических исследованиях» (т. I) Гуссерль твердо включит работы Т. Липпса (например, *Grundzüge der Logik*, «Основные черты логики», 1893, § 3) в контекст III главы — с её заголовком «Психологизм, его аргументы и его позиция по отношению к иным антиаргументам». Тогда Гуссерль категорически оспорит стремление Т. Липпса понимать логику просто как «особую дисциплину психологии», добавив, что и это, в конечном счете неверное определение «довольно четко отделяет их друг от друга». Упоминания работ и идей Липпса в обоих томах «Логических исследований» — более частые или такие же, как в отношении других современников. В свете такой перспективы охарактеризованная рецензия Гуссерля очень важна. Все это — мало известный в истории философии (в частности, в истории феноменологии) материал.

Если его учесть, получается, что в небольшой подтеме «Липпс—Гуссерль» есть упущенные (в литературе) нюансы, а именно:

— разбираемая рецензия Гуссерля могла послужить некоторой рекламой для Липпса, ибо в ней Гуссерль изложил липпсовские идеи, разработки объективно и сочувственно;

— то, что Т. Липпс достаточно скоро станет пропонентом психологизма, именно в конкретный исторический момент середины 90-х годов XIX века мало кто не ведал; подчеркиваю ещё раз: *темы и спора именно вокруг «психологизма» пока нет* (хотя очень скоро они появятся).

* * *

Упомянем ещё об одном кратком гуссерлевском отзыве — на впоследствии получившую известность публикацию Генриха Риккерта «К теории естественнонаучного образования понятий» («Zur Theorie der

naturwissenschaftlichen Begriffsbildung» — опубликована в «Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie»). Этот «Ежеквартальник научной философии» был важным изданием, где появлялись подобные исследования, аттестовавшие себя как сочинения по «научной» философии.

Центральный вопрос, в самом деле поставленный Г. Риккертом в этой публикации, репрезентативной для тогдашнего развития этого прекрасного философа-неокантианца, Гуссерль характеризует следующим образом. «Если мы ставим перед познанием такую задачу — изобразить мир, как он есть, благодаря нашим представлениям и затем выразить представленное в суждениях, мы наталкиваемся на экстенсивную и интенсивную неисчерпаемость вещей, т. е. мы наталкиваемся на то, что задача была бы неразрешимой...»¹. «Мне кажется, — вежливо замечает Гуссерль, — что этот ход мысли не вполне корректен» (Ebenda). Что касается гуссерлевских возражений и, главное, собственных его предложений о «преодолении» («Überwindung»), «устранении» (Beseitigung), «упрощении» (Vereinfachung) в случае решения рассматриваемой проблемы или хотя бы предварительного «решения действительно неисчерпаемых (и в какой-то момент, и в тенденции) многообразия, сложности мира вещей» (Ebenda. S. 146), то и они мне тоже представляются не вполне ясными. Рецензия производит двойственное впечатление.

С одной стороны, Гуссерль поддерживает некоторые мысли Г. Риккерта (в его «элегантном», как пишет рецензент, сочинении). Так, Риккерт выделяет три стадии, на коих вырабатываются понятия, должностствующие способствовать разрешению поставленных философско-логических задач. Они (в суммирующем изложении Гуссерля) таковы. 1) Сначала идут естественно необходимые в данном случае разъяснения смысла слов, с помощью которых обсуждаемая проблематика в соответствующих работах и размышлениях вводится и осмысливается; им уже присуща (эмпирическая) всеобщность. 2) Должны быть даны дефиниции, эквивалентные суждениям. 3) «Последнюю стадию образуют понятийные определения тех законов, при опоре на которые становится только и достижимым (но не достигнутым — Н.М.) идеал упрощающего (образа) мира (Weltvereinfachung) — при условии,

¹ Hua. Bd. XXII. S. 145.

что уже имеется некое (einen) понятие закона, которое охватывает все возможные законы как его виды. Достижение же этого высшего понятия есть самый важный постулат» (Ebenda. S. 147).

С другой стороны, под конец своей резюмирующей записи рецензент высказывает, и опять-таки в форме краткой и вежливой реплики, ту свою оценку идей Риккерта, которая отражает решающую, и особенно для будущей феноменологии, гуссерлевскую проблемно-теоретическую ориентацию. «Плодотворная теория естественно-научного образования понятий может, а по моему убеждению, и должна быть только теорией, идущей “снизу” («von unten»), должна вырастать из работы над самой наукой о природе. А теория автора (Г. Риккерта. — Н.М.) движется в виде уж слишком всеобщих конструкций; они слишком уж приходят “сверху” («von oben»), так что во всей работе теории и не обретаёт ни одного примера, и также ничего не упускает из виду (vermißt)» (Ebenda. S. 147). Это размышление, с моей точки зрения, может пояснить, в каком смысле уже произошедшее и будущее движение Гуссерля к феноменологии было также (специально осмысливаемым) продвижением «Zu den Sachen selbst», к «самим вещам». Гуссерля все более перестают удовлетворять (пусть и содержательные, тонкие, профессиональные) философские рассуждения, движущиеся «слишком уж сверху» — от уже разработанных теорий того или иного содержания. Осуществлялась подготовка к такому зреющему в уме Гуссерля исследованию, которое (в целом оправданно) исходило из следующей предпосылки: любая «данность» чего бы то ни было («самих вещей», мира, фактов и содержаний науки и т. п.) — это *данность через сознание, через работу его тончайших, конкретнейших механизмов и процедур*. Вот к ним-то и надо обратиться изначально, сколь бы ни была сложна, многогранна целостная работа над самим сознанием, которая по традиции и по определению есть дело и призвание философии (объединившейся с логикой, психологией).

Дополнительное соображение: лапидарное возражение Гуссерля в адрес известного неокантианца говорит ещё о многом другом. В частности, об истоках и характере размежевания раннего Гуссерля с общей линией развития идей ведущих неокантианцев его времени. Еще не настало то время, когда будущий создатель феноменологии не только лично сблизится с неокантианцами, в том числе с Риккертом. Тогда,

правда, он будет опираться на другие их работы — да и сам сформирует, и именно в «Логических исследованиях», во многом иное, глубоко и в деталях разработанное теоретическое—феноменологическое—учение в его исторически первоначальном варианте.

* * *

Среди печатных работ, «объектов» разбираемой рецензии Гуссерля обращает на себя внимание обсуждение им тех статей по логике, в которых логика прямо сопрягалась с психологией, а также с «грамматикой», т. е. с тогдашними ответвлениями философии и психологии языка.

Так, на S. 135–136 (Hua, Bd. XXII) Гуссерль бегло оценивает книгу мало известного у нас, но уже достаточно популярного в то время автора А. Марти (A. Marty) «Über subjektlose Sätze и das Verhältnis der Grammatik zu Logik und Psychologie» («О бессубъектных предложениях и отношении грамматики к логике и психологии» — 4-я и 5-я статьи опубликованы были в «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie», 18. 1894. S. 320–356 und 427–471).

Эти статьи были продолжением серии работ А. Марти, в которых — с позиций логики, философии вообще, тогдашней философии языка, в частности — осуществлялся, по Гуссерлю, причем, по его мнению, с «остротой, ясностью и основательностью», анализ как будто частных (в грамматической и логической плоскостях), но немаловажных вопросов о тех двух видах предложений, которые именовались безличными (бессубъектными) и экзистенциальными. К сожалению, Гуссерль явно экономил пространство своей публикации, а потому рецензия отмечена (обычным для скорых, беглых откликов) противоречием между констатацией того немалого, что остается неясным, и уверением, что «психология суждений» (обратите внимание на интересную маркировку перекрестной проблематики логики и психологии) ещё почерпнет из работ А. Марти «богатые побуждения» к дальнейшей разработке соответствующей проблематики (Ebenda. S. 136_{11–19}).

Сходной тематике посвящена более развёрнутая рецензия Гуссерля на книгу Х. Корнелиуса «Опыт теории экзистенциальных суждений» (H. Kornelius «Versuch einer Theorie der Existentialurteile», München, 1894).

В свете того, что десятилетиями позже на основе новой феноменологии, разработанной Гуссерлем, будут предприняты усилия не только

по созданию учения о «Dasein» (из них наиизвестнейшей станет концепция гуссерлевского ученика Хайдеггера), интересно проследить, как отнесся к наметкам «бытийно-экзистенциальных» разделов логики конца XIX века философ Гуссерль, коему вскоре предстояло заложить основы новой феноменологии (а она объективно послужила истоком ряда экзистенциалистских учений XX столетия).

Рецензируя книгу Х. Корнелиуса (философа, как бы предвосхитившего «экзистенциальный поворот» следующего столетия, но в своем веке достигшего какой-то известности разве лишь в узком кругу профессионалов), Гуссерль обращает особое внимание на анализ тех шагов сознания, которые состоят в продвижении от восприятия к другим — после восприятия — формам и содержаниям сознания. Заметим, что в пределах тогдашних разнообразных исследований сознания подобные пограничные исследования были достаточно типичными, распространенными, так что не было особого смысла в том, чтобы маркировать такие исследования отдельно — как только философские или лишь психологические, или исключительно логические и т. п. Тем не менее для анализа собственного продвижения Гуссерля к (ещё неизвестным ему и читателям) феноменологическим результатам немало важно проследить, какие именно формообразования *сознания*, а также *шаги его анализа* особо привлекают рецензента в сочинениях Корнелиуса и в каких понятиях они выражены уже в гуссерлевской рецензии.

Приведу пару примеров. С сочувствием описывая находки, идеи Корнелиуса, Гуссерль пишет: «Восприятия, говорит автор, очевидно является преднахождением (Vorfinden), подмечанием (Bemerken) феномена, фактически разворачивающегося в нашем сознании; оно, следовательно, идентично с анализом какого угодно (jeweilichen) содержания нашего сознания. Но обращая внимание на то, что исследования одновременных частичных содержаний возвращает [назад] к последовательному анализу, сразу же признают, что восприятие некоторого (eines) содержания состоит в отличении его от прежде воспринятого совокупного содержания» (Hua XXII. S. 136_{36–38}—137_{1–5}). Возьмем другой гуссерлевский пример из его рецензии: в связи с обсуждением идей Корнелиуса об актах знания и их содержании Гуссерль вполне уместно употребляет выражение «knowledge about» («зна-

ние о»), употребленное Вильямом Джемсом, к работам которого рецензент в то время проявлял заметный интерес.

Еще один пассаж из гуссерлевской рецензии не менее любопытен. «Восприятие, — так Гуссерль суммирует идеи Корнелиуса — есть простейший акт наличного бытийствования (vom Dasein) некоторого содержания, а вместе с тем в нем дано некоторое (ein) знание, и даже необманчивое знание; при этом его можно обозначить и через суждение, а ближе — суждение о существовании (Existenzurteil). Стать представленным (Vorgestelltwerden) идентично с тем, чтобы стать воспринятым (wahrgenommen werden)» (Ebenda. S. 137^{15–20}). Эти рассуждения отражают тот факт, что специалисты в тогдашних гуманитарных дисциплинах испытывали интерес — и он был интересом интернациональным — в проблеме восприятия. Что в немалой степени объясняет, как показано в моей книге, плотное присутствие этой категории (и сюжета исследования) в «Философии арифметики», а также последующее сохранение темы восприятия в будущей гуссерлевской феноменологии. Здесь ещё одно свидетельство в пользу того ранее обоснованного вывода, согласно которому гуссерлевская концепция, сложившаяся в период написания ФА, и то поле рассуждений, на котором совершалось непосредственное формирование феноменологии (стадии подготовки, а потом публикации «Логических исследований»), не были оторваны друг от друга.

Могло ли быть так, что Гуссерль, описывая ход рассуждений рецензируемого автора, скорее пользовался уже своим «философским языком» середины 90-х годов XIX века, нежели излагал идеи Корнелиуса на его специальном языке?

Нет, имело место нечто иное, что представляется необходимым, уже на новых примерах, акцентировать вновь и вновь: развитие мысли Гуссерль от ФА к «Логическим исследованиям», т. е. от дофеноменологического периода гуссерлевской мысли к явно и четко феноменологическому не было таким, когда философы полностью и даже демонстративно порывают с понятийными и методологическими устоями прошлого этапа. Благодаря подобным документам я укрепляюсь в том мнении, что и при несомненном, заметном обновлении концепции (при обретении феноменологических оснований и структур — наиболее явно во II томе «Логических исследований») немало из прежних

проблем, акцентов анализа, ходов мысли было взято из гуссерлевских сочинений прошлого периода (т. е., собственно из ФА и других материалов), что ещё лучше уясняется при освоении XXII тома «Гуссерлианы». Более того, скрупулезный анализ рецензий Гуссерля показывает: в работе логиков, психологов, философов 90-х годов XIX века, относящихся к исследованиям сознания, было немало находок, вскорости пригодились Гуссерлю при создании собственной феноменологии. Уже и цитаты из этого и других рецензируемых авторов, которые Гуссерль приводит с сочувствием, говорят скорее о том, что создатель ФА и в последующих работах (похожих на «Обзор») скорее находится в поле мысли и понятийного языка тогдашних гуманитарных дисциплин, будущим основателем феноменологии наиболее освоенных.

В частности, в ходе нашего конкретного текстологического анализа ФА было подробно показано, насколько гуссерлевская склонность раскрывать значение и структуру таких процедур сознания, как восприятия, представления и т. д. (в будущей феноменологии тщательно анализируемых в качестве «актов», «переживаний» сознания) *зависела от общего состояния философии и психологии второй половины заканчивавшегося XIX века*. Рецензии Гуссерля — к примеру, на книгу Корнелиуса — убедительно подтверждают этот вывод. При этом авторские цитаты из Корнелиуса подчас очень напоминают отдельные пассажи из раннего Гуссерля.

Так, Гуссерль раскрывает (близко к тексту Корнелиуса и близко к собственному типу анализа сознания), какие шаги сознания и его исследования имеют место при расшифровке простейшего суждения «это — красное» (*dieses ist rot*).

- 1) Речь идёт, полагает Гуссерль, о «суждении восприятия» («это есть»);
- 2) здесь также фактически имеет место элементарное суждение сравнения, сопоставления («этого» — со всем другим, тоже красным), что находит логико-грамматическое выражение в связке «есть» (Kopula);
- 3) осуществляется поименование «этого» (*dieses*) — при помощи обозначения «красное».

Подобное же расчленение шагов, операций может быть применено, полагает Гуссерль, к «объясняющим суждениям» (См. Ebenda. S. 137_{36–38} — 138_{1–6}). Опускаю другие пассажи из гуссерлевской рецен-

зии, где с вниманием и часто с согласием перелагаются — с оценками и дополнениями — размышления Корнелиуса о подобных тонких процедурах и шагах увязывания представлений и соответствующих суждений.

Весьма важно, что тут фактически осуществляется также и *синтез* той логической работы 1) над суждениями и 2) над процедурами сознания, которая одновременно отсылает и к логическим, и к философски-гносеологическим, и к психологическим образцам. Гуссерль с интересом и сочувствием отмечает и моменты полемического размежевания Корнелиуса с Юмом, Brentano и В. Джеймсом (имея в виду также тонкую проблематику «суждений памяти», *Gedächtnisurteile* (S. 139₅₋₂₆)).

Но у Гуссерля имеются и серьёзные замечания к раскладкам Корнелиуса.

Например, Гуссерль считает сомнительным шаг Корнелиуса в сторону идентификации [процедур] “подмечания” (*Bemerken*) и “различения” (*Unterscheiden*), которое рецензируемый автор положил в основание своей концепции (S. 140₁₃₋₁₅). Не будем вдаваться в другие тончайшие детали и концепции Корнелиуса, и критических доводов Гуссерля (ибо в поле вообще-то довольно развитых отечественных феноменологических исследований пока не вижу авторов, которых этот материал заинтересовал бы...).

Что же касается общей направленности, качества, проблематики обсуждаемого *Обзора* Гуссерля, то в моем восприятии многие из их особенностей тоже сближаются с целым рядом черт будущей феноменологии. Самое главное: в гуссерлевских малых работах 90-х годов XIX века, по моему мнению, пусть и не берёт старт, но обретает новое воплощение, огранку несравненное умение Гуссерля как исследователя дробно, тщательно, филигранно работать над структурами, процедурами сознания. Здесь уже начинают выковываться те стрелы исследования, которые в зрелой феноменологии приведут к согласованному анализу актовой стороны сознания (ноэзис) и его предметно-сущностных структур (ноэма).

Словом и здесь — для внимательного взгляда — виден близкий канун феноменологии (первоначально в виде II тома «Логических исследований»).

Э. Гуссерль: рецензия на самого себя!

Я специально вывела в особый разделчик эту тему. Ибо Гуссерль в своем обзоре рецензирует также и ...свою собственную работу, а именно вышедшую в «Philosophische Monatshefte» (30, 1894, . 159–191) статью «Psychologische Studien zur elementaren Logik I. Über die Unterscheidung von abstrakt und konkret. II. Anschauung und Representationen» — Психологические штудии по элементарной логике I. «О различении абстрактного и конкретного. II. Созерцание и репрезентации».

Гуссерль понимал, что и его «Философия арифметики», и уже опубликованные очерки о понятиях теорий Brentano и психологов Brentano-школы вряд ли нашли, даже и к концу 90-х годов XIX века, широкого читателя. И он попытался снова хотя бы сжато познакомить коллег из разных областей знания с обоснованными в более ранних публикациях важными для него понятиями и методами. Это было, например, обсуждавшееся (в ФА и соответственно в моей книге) различие «самостоятельных» и «несамостоятельных» предметов. Для нас существенно, что и в 1897 году *автор ФА считает эти осуществленные в его книге 1891 года разработки не утратившими научно-теоретической актуальности.*

Что касается профилирующей философской (и историко-философской) темы абстрактного и конкретного, то Гуссерль дает небезынтересные пояснения, показывающие, в каких ракурсах он трактует эту проблему, одну из стержневых в истории философской и логической мысли. «Расчленение некоторой содержательной целостности на дизъюнктивные части ведет к выделению либо её [наблюдаемых] частей — (Stücke), либо “абстрактных частей”, — соответственно тому, являются ли они или не являются самостоятельными по отношению друг к другу; при этом само целое может быть “куском” или абстрактной частью другого целого. ...В качестве же “конкретного” содержание может быть охарактеризовано при возвратном обращении к его абстрактным частям. Абсолютно конкретное есть то, что само уже не является абстрактным» (Hua, XXII. S. 133_{3–10}). В примечании к этим общим разъяснениям Гуссерль указывает на трудности различения выделения «самостоятельных и несамостоятельных предметов». Вместе с тем он уверен, что может и должен быть сформулирован «объективный закон», состоящий в следующем: некоторое (ein) содержа-

ние, в одних связях фигурирующее как несамостоятельная часть определенного целого, может фигурировать — в связи с другими содержаниями — уже как нечто самостоятельное.

Вторая штудия, выделяемая самим автором в его (само-)рецензии, четко определяется как разделчик «дескриптивной психологии» (Ebenda. S. 133_{15–16}). Эти замечания считаю достаточно важными — в том отношении, что и в процессе продвижения к уже формирующихся «Логическим исследованиям» (1 том как бы в работе и выйдет всего через 3 года!) Гуссерль отнюдь не стыдится заниматься также и дескриптивной психологией (что Фреге уже громогласно заклеил как тяжкий для логика грех!).

В частности, Гуссерль считает существенным и для дела логики присмотреться к различению между «представлением в смысле созерцания» и представлением в смысле «репрезентации» (Ebenda, 133_{16–18}), которое, что он хорошо понимает и фиксирует, всего сподручнее осмыслить на почве «описательной психологии»! И его несколько не устрашают и в ближайшем будущем устрашат то там, то здесь уже появляющиеся страшилки — в виде причисления подобного анализа к «психологизму»...

Весьма любопытной и значимой считаю в анализируемом гуссерлевском тексте такой факт, который нужно зафиксировать с максимальной четкостью: из подобных «описательно-психологических» изысканий для него становится усматриваемой ясно возможность и прояснить, и обогатить новыми чертами наидревнейшую и ревальвированную у Brentano тему интенциональности! В «Обзоре» Гуссерль ссылается на § 1 (им самим рецензируемой) своей статьи: «Известные психические переживания — они именуются всеобщими представлениями (Vorstellungen), обладают той спецификой, что они включают свои “предметы” не как имманентные, следовательно, не как теперь имеющиеся в сознании (gegenwärtige) содержания; представления эти “только интендируют” содержания, т. е. посредством некоторых данных в сознании содержаний они с пониманием “указывают на”, они “полагают” (“meinen”) предметные содержания — притом без того, чтобы осуществлялось *понятийное познание* отношения между репрезентантом и интендируемым предметом» (Ebenda. S. 133_{20–27}—134₁).

Кстати, для тех, кто интересуется деталями и тонкостями гуссерлевской теории интенциональности, в частности и в особенности стадии её обдумывания до «Логических исследований», названные страницы могут представить особый интерес. И это только часть возникших в те годы (и мало известных даже на Западе, а у нас и полностью неосвоенных) материалов.

ВЫВОДЫ

Гуссерль по существу с одинаковым одобрением выделяет из работ немалого числа знаменитых или менее известных современных ему исследователей те проблемно-теоретические акценты, которые, с одной стороны, объективно (думаю, неведомо для большинства рецензируемых авторов) отсылают к «Философии арифметики», а с другой стороны, теперь уже соотносятся (пока тоже лишь объективно) с теоретико-методологическими приемами и конструкциями будущей феноменологии.

Здесь, в контексте разбора ранней, пока всё же дофеноменологической работы Гуссерля, снова и снова хочу подчеркнуть: в конце XIX века не один Гуссерль, но и другие исследователи трудились *на ниве широко понятой, по сути уже междисциплинарной ниве исследований сознания* (в данном случае — с точки зрения его актов, процедур, общих и частных методов анализа). При этом сами они не сомневались, что их труд как бы вливается в широко понимаемую логику и теорию познания, а не в одну лишь психологию.

Это касается, как уже отмечено, и общих философских, логических, психологических обоснований, и (фирменного для Гуссерля с раннего периода и на дальнейшее время) специального, скрупулезного внимания к тончайшим, конкретнейшим расшифровкам, прояснениям, касаются ли они «предметных» сторон, «актового» расчленения сознания или каких-то других его сторон, срезов, процедур. (Подобное же внимание он чутко подмечает и фиксирует в рецензируемых сочинениях.)

И последнее замечание: нет сомнений в том, что литература, вызвавшая его интерес, не была только логической (строгий Фреге наверняка отлучил бы чуть ли не большую часть её от «подлинной логики»...). Из всего, что мы уже знаем о раннем Гуссерле, ясно, что его эта широта диапазона логики не только не смущала, а лишь привлекала, даже притягивала.

6.3. О манускрипте Э. Гуссерля. «Интенциональные предметы» (текст 1894 года)

К истории текста

«После своих разработок по теме логического исчисления (Logik-kalkül) Гуссерль с 1893/94 годов, — пишет в своем Введении к XXII тому Гуссерлианы его издатель Ранг, — начал ряд своих исследований теории интенциональности, которые нашли свое предварительное завершение во II томе Л.И. (1901). Эта важная группа манускриптов от 1893/94 годов распадается на две части. В то время как манускрипты первой части содержат преимущественно описательные разработки *к проблемам* созерцания и репрезентации (оттуда и выводят понятие интенциональности), то в других манускриптах Гуссерль занимается преимущественно систематическими исследованиями применительно к ведущему от Brentano к современному философскому понятию интенционального объекта и к его применению в целях разрешения известных парадоксов логической семантики. Только работы об описательном понятии интенциональности вошли в более пространную публикацию Гуссерля 1894 год “Психологические штудии к элементарной логике” (Husserliana. Bd. XXII. S. XXVIII–XXIX). В её целостности она, к сожалению, не сохранилась.

Ранг сообщает также о судьбе гуссерлевской рецензии на книгу К. Твардовского. Гуссерль отослал свою рецензию П. Наторпу, издателю «Archiv für systematische Philosophie», — отослал еще где-то на рубеже 1896/97 годов. В ответ Наторп писал, что он сам уже подготовил краткую рецензию на ту же книгу; потому Наторп предложил Гуссерлю превратить рецензию в развёрнутую статью. Но Гуссерль тогда отказался, сообщив, что его рецензия пусть и не опубликованная, была написана за два года до этого.

И к тому же обширный манускрипт «Интенциональные предметы» 1894 года (как признавал сам Гуссерль впоследствии — 5 апреля 1902 г. в письме к А. Мейнонгу) был лишь отчасти направлен против Твардовского, ибо содержание текста существенно выходило за рамки этого частного момента (S. XXIX–XXX)¹. Читатель сможет убедиться, что собственно рецензия на работу Твардовского, составляя небольшую

¹ См. об этом подробнее в цитируемой статье Ранга.

и второстепенную часть ранних исследований Гуссерля по интересующим нас здесь темам, в более позднее время его развития уже и не заслуживала быть специальной публикацией в то время, когда уже созрело сочинение об интенциональных предметах.

История же создания именно разбираемого манускрипта, согласно разъяснениям издателя XXII тома «Гуссерлианы» Б. Ранга, вкратце такова. «Манускрипт “Интенциональные предметы” является второй частью более обширного текста под заглавием “Представление и предмет”, первая часть которого не сохранилась. Можно предполагать, что и эта разработка предназначалась для печати, возможно, в рамках продолжения текста “Психологические штудии к элементарной логике”, который Гуссерлем не был представлен, поскольку не был готов к печати» (Husserlinna. Bd. XXII. S. XXX).

Несмотря на то, что придирчивый к написанному им Э. Гуссерль не счел данный манускрипт готовым к опубликованию, специалисты (а это весьма тонкие знатоки текстов Гуссерля) считают, что он имеет большое значение, особенно для освещения, с содержательно-проблемной точки зрения, пути будущего родоначальника феноменологии к его фундаментальному произведению 1900/01 годов «Логические исследования». И именно в той части, которая уже тогда, но в особенности несколько позже, вела к обоснованию теории интенциональности и метода феноменологической редукции (Ebenda).

С этими общими оценками трудно не согласиться. Весьма интересно, хотя и требует специального исследования замечание Б. Ранга о том, что гуссерлевское рассмотрение «интенциональных предметов» может быть плодотворно соотнесено не только с одновременно разработанной теорией предметностей Мейнонга, но и с более поздними «теорией дескрипции» Рассела и даже с дискуссиями об онтологии Куайна, Стросона, Сёрля и других авторов уже XX столетия. Значит, рассматриваемые разработки Гуссерля считаются перспективными в разных отношениях — и с точки зрения концепций будущей феноменологии, и для теоретических целей философии, логики XX века.

Историко-философские предпосылки теории интенционального предмета раннего Э. Гуссерля Б. Ранг правильно обнаруживает ещё у Б. Больцано в его «Wissenschaftslehre» («Наукоучение») 1837 года, а потом, разумеется, в концепциях Brentano и представителей его шко-

лы. Темы исторических истоков и содержания гуссерлевской феноменологической теории интенциональности основательно исследовались в интернациональной литературе вопроса (в том числе в моих работах, на которые я сошлюсь в дальнейшем).

Рассмотрим далее — по необходимости сжато — содержание гуссерлевского манускрипта «Интенциональный предмет», который, насколько я в курсе дела, в нашей стране не переводился и не исследовался.

Гуссерль полагает необходимым (в чем, как мы увидим, проявляется связь этой его работы 1894 года и с предшествовавшими, и с более поздними текстами) прежде всего ввести проблему, которая очерчена заголовком § 1 гуссерлевского манускрипта — «Парадокс так называемых беспредметных представлений».

В более общем смысле ранняя концепция интенциональных предметов Гуссерля, что будет подробно раскрыто далее, *выросла из попыток разрешить затруднения, иногда парадоксы общих философско-логических соотношений предметов вне сознания и «предметностей» сознания в предшествующей и тогдашней философии.*

В § 1 прежде всего — что логически правомерно — разбирается более общий вопрос о том, какое понимание категории «предмета» утвердилось в современных Гуссерлю, им так или иначе освоенных сегментах теории познания, прежде всего научного. То, что нам уже известно из освещения проблемы предметности у раннего Гуссерля (и что ещё будет разбираться в ходе последующего анализа манускрипта), позволяет понять, почему широчайшая проблематика предмета (вариативная, специализированная в гносеологических, логических, историко-философских изысканиях) в рассматриваемом манускрипте изначально появляется в особом ракурсе. А именно: тематика «предметов» — в рассмотрении Гуссерля — *изначально взята уже в единстве с темой представления о них.*

Гуссерль, что еще важнее, сразу задает эту тему вместе с освещением «примечательной трудности» её решения. С одной стороны, вроде бы ясно: «если любое представление (Vorstellung) представляет (vorstellt) некоторый (einen) предмет, то для каждого из них есть какой-нибудь (einen) предмет, следовательно, всякому представлению соответствует какой-либо (ein) предмет» (Hua. Bd. XXII. S. 302, разрядка Гуссерля. — Н.М.). С другой сто-

роны, продолжает Гуссерль, имеется противоположная и тоже как будто не подлежащая сомнению истина: «не всякому представлению соответствует предмет» (Ebenda). Гуссерль напоминает, что Б. Больцано говорил о «беспредметных представлениях» (gegenstandlose Vorstellungen). Примеры: у выражений «круглый четырехугольник», «современный французский кайзер» и т. д. нет какого-либо отношения ни к определенным «предметам», ни вообще к «предметному» (Gegenständliches). Конечно, поясняет Гуссерль, всегда имеется какое-то содержание, которое и здесь было и может быть как бы «сконструировано» из предметных моментов. Но как бы то ни было, чего-то подобного «круглому четырехугольнику» построить нельзя (Ebenda, S. 304), если, конечно, руководствоваться законами до сих пор известной человечеству геометрии.

Существуют и аналогии. «Мы говорим о “воображаемых” (imaginären) числах, подобных $\sqrt{-1}$, о фиктивных предметах мифологий — таких, как лернейский лев и т. п. В соответствующих представлениях бывают каким-то образом *представлены* невозможные или фиктивные предметы, но *они не существуют* (existieren nicht) [в реальности]... Каждое предложение, также и ложное, даже абсурдное, как можно сказать, представляет некоторое Sachverhalt¹ (как свой “предмет”) — и однако не каждому предложению соответствует *определенное* (ein) Sachverhalt. Так, предложению, лишенному значения (ungültiger), соответствует некое (ein) Sachverhalt — но *не как реально существующее* (оно nicht existiert, nicht besteht)» (Ebenda).

Гуссерль далее справедливо отмечает, что все трудности, над разрешением которых мучались ещё мыслители-схоластики, не были разрешены ни в их времена, ни «теперь» (gegenwärtig); к тому же многие варианты решения проблем «очень далеки от согласованного решения (Einigkeit)».

---

¹ Немецкому слову «Sachverhalt» до сих пор не удалось удовлетворительно подобрать русский эквивалент. К.С. Бакрадзе, замечательный философ советского времени, предложил почти буквально передать немецкое «Sachverhalt» русским словосочетанием «обстояние вещей». Перевод Sachverhalt просто словом «содержание» (Inhalt) сугубо неточен. Есть трудности и с переводом «Sachverhalt» у других авторов и в иных философско-логических контекстах. Скажем, это слово употребляет Л. Виттгенштейн — и сколько ложных интерпретаций, применительно, уже к его текстам, породил перевод Sachverhalt словами «атомарный факт» (вплоть до того, что и Виттгенштейну приписывают роль продолжателя традиций теории атомного строения вещества!)

Еще хуже, по Гуссерлю, то, что при разработке данной проблематики «в массе случаев нет ни сомнений, ни какой-либо скрупулезности» (Ebenda. S. 304). В том, например, смысле, что и обычных людей, и ученых в научных исследованиях вообще не занимает вопрос о соответствии образа (Bild) того или иного предмета даже факту его существования или несуществования. Часто их убеждение, будто решение проблемы найдено, — всего лишь иллюзия. Эта идея Гуссерля верна и относительно житейских случаев, и применительно к научной практике. Ведь сколько горячих споров ведётся относительно иллюзорных «предметов», сколько вообще предлагается псевдорешений псевдопроблем относительно псевдопредметов...

Гуссерль разъясняет, что в философии в разные времена даже серьёзные мыслители довольствовались участием в псевдоспорах или с увлечением находили псевдорешения в тех или иных спорах или при создании обобщающих концепций. В менее «просвещенных» псевдоспорах тем более царили «популярные видимости таких решений». Часто, как будто имея в виду один и тот же предмет, на деле спорили о разных предметах и проблемах (Ebenda. S. 304). При этом Гуссерлю также было важно подчеркнуть, что подобные «решения» — если их свести воедино и придать им «ученую форму» — покоились на принципе «духовного отражения» (geistigen Abbildes) (Ebenda. S. 305). Задержимся и мы на этом моменте.

Действительно, в философии во все времена специально разрабатывались те или иные *теории отражения*, в которых отстаивалась идея о чуть ли не зеркальной согласованности предметов вне сознания и их «образов» в сознании. Такие учения появились ещё в глубокой древности и неизменно возрождались — в той или иной обновленной форме — в более поздние времена.

Гуссерль четко и уверенно ставит на подобных концепциях штамп критического отрицания: формулировки, согласно которым исходят из того, что «каждое представление — [и именно] посредством духовного «отпечатка» (Abbildes), отражающего образа — относится к своему предмету, мы считаем теоретической фикцией» (Ebenda. S. 305).

Есть у Гуссерля и аналогичные замечания, касающиеся таких особых областей, как искусство, литература, где также долго господствовало, да и сегодня проявляется желание интерпретаторов толковать

отдельные результаты человеческой деятельности исключительно как «образы», даже (зеркальные) «копии» реальности (вспомним статью В.И. Ленина «Лев Толстой как *зеркало* русской революции»). Вчерашний математик относится к подобным рассуждениям очень строго: «Вот я и повторяю то, что объяснил ранее: хватит [рассуждать так], ибо *опыт никогда не подтверждал эти авантюрные предположения...*» (Ebenda. S. 305 — курсив мой. — Н.М.). Иными словами, в «объяснениях» на эту тему — включая те, которые ограничиваются заявлениями, будто также и результаты, понятия и образы науки и искусства суть либо копии действительности, либо беспочвенные фантазии — в таких учениях, считает Гуссерль, ничего по сути, не бывает действительно *проанализировано* согласно требованиям подлинно научных объяснений.

Чтобы понять, какое именно собственное толкование ранний Гуссерль в данном случае предлагает вместо «авантюрных фикций» некоторых философских теорий отражения, надо внимательно и терпеливо, шаг за шагом прояснить, на какие именно исходные постулаты будет опираться этот мыслитель в своем исследовании соотношения сознания и его предмета (предметов).

* * *

Гуссерль не случайно избрал для осмысления сложной проблемы «предметного» сознания — в качестве исходной — тему представления (*die Vorstellung*) и процесса «представливания» (*das Vorstellen*). Ранее было показано, насколько в этой направленности своего анализа он опирался на многие традиции философии — и классической, и ему современной.

Следует предупредить читателей, не владеющих немецким языком (или в какой-то мере знающих этот язык, но не вдающихся в философско-лингвистические тонкости): *надо с самого начала учитывать некоторые лингвистические и одновременно логико-философские трудности*. Дело в том, что на других, в том числе (известных мне) европейских языках, кроме русского, не воспроизводится тонкое, в языке немецком легко проводимое различие между содержанием терминов «Ding» (вещь) и «Gegenstand» (в последнем случае буквально и выразительно: пред-мет, т. е. то, что нам «противо-стоит»). Скажем, при

переводе немецкого «Gegenstand» на английский язык чаще всего пользуются словом «object», хотя в немецком (как и в русском) языке есть точный аналог уже этого слова — das Objekt, объект. При этом, заметим, противостоять нам — в качестве предмета мысли — могут прежде всего материально вне нас существующие вещи, вещные целостности, явления. Но помысленными «предметами» могут становиться некоторые «опредмечиваемые» содержания самой мысли, имеющие внешнее сознанию предметные аналоги (скажем, «атом», «электрон» и т. д.).

Гуссерль именно эту тему здесь специально не вводит. Но иногда в его тексте, как и в текстах других авторов появляется слово «вещь» (Ding), понимаемое как обозначение... предмета сознания и познания! Надо учесть, что здесь нет философского произвола; такова реальная практика самой науки, а также философии и в прошлом, и в настоящем.

«Предмет» (Gegenstand) *представления*, как мы уже знаем, — одна сторона отношения, анализируемого Гуссерлем. Другая сторона — это «вещи» вне сознания. Тут опять нужны лингвистические, терминологические пояснения. Немецким словом «Ding» (Dinge — мн. число) обозначают не только собственно физические, отдельные вещи окружающего мира, но и другие «единицы», включая «предметы» самого сознания. Вспомним хотя бы факт из истории философии: термин «*Ding an sich selbst*», вещь сама по себе у Канта — ведь это *теоретический конструкт*, подразумевающий сложное и особое содержание¹.

Что касается термина «Gegenstand», то исторически он появлялся в философском языке постепенно; буквально он означает: «то, что противо-(gegen)стоит (от слова “stehen”, стоять)» — в данном случае противостоит именно сознанию.

Гуссерль совсем не вдаётся именно здесь, в своем манускрипте, в историко-лингвистические аспекты. Но важное в целом различение «Ding» und «Gegenstand» уже как бы имплантировано в его тексты. Приведу в пример такое его разъяснение, сделанное как раз в рассматриваемом тексте. «Любое представление, — пишет Гуссерль, — имеет свой предмет (Gegenstand). Соответствующие вещи (Dinge), с другой

---

¹ К сожалению, в философском контексте его нередко хотят как бы уравнивать с другими предметными характеристиками и пытаются увидеть вещь саму по себе так же, как видят, скажем, дом, лес, стул и т. д.

стороны, должны быть *определенными* представляемыми предметами (die Gegenstände), по отношению к которым значимо следующее(es): *не всякому представлению соответствует некий (ein) предмет (Gegenstand)*» (Ebenda. S. 305 — курсив мой. — Н.М.).

Приведенная оригинальная цитата объективно отсылает к темам «Критика чистого разума» Канта и требует принимать во внимание, тонкие стороны проблемы.

Отсюда — особая задача прояснения оттенков разбираемых вопросов, в том числе того, который следом ставится самим Гуссерлем. Имея в виду только что высказанный тезис, он сразу же формулирует следующую проблему: если сказанное (в вышеприведенной цитате) верно, то в каком смысле в любом предложении (будь оно мнимо или действительно контраридикторным) утверждается, что предмет (Gegenstand) существует (existiert) или не существует? Приводится и пример: я говорю, что город Берлин существует. Но ведь точно таким, что и раньше, он (в каждый данный момент времени) уже не существует, напоминает Гуссерль. В самом деле, о каждом «предмете» вне сознания можно сказать, что фактически, «материально» он постоянно меняется. А вот сфантазированный [например, в любом эпическом, мифологическом источнике] предметный «образ», скажем, кентавра (с каким-либо именем) или излюбленного у Гуссерля мифического «льва» в принципе остаётся неизменным (его последующие толкования, сколь угодно изменчивые, здесь не обсуждаются).

Итак, в рассматриваемом тексте Гуссерль берется также рассуждать и на тему «парадоксов существования», которую можно было бы счесть другим, относительно самостоятельным разделом теории познания и логики, если бы философ именно здесь не связал ее с главной объявленной темой — проблемой интенциональности, в виде начинающегося здесь его различения «подлинного» (wahrer) и «интенционального существования (intentionaler Existenz)».

Отвлечемся здесь на время и от смысла данного различения, и от других (пусть и интересных) деталей разбираемой рукописи Гуссерля и перейдем непосредственно к вопросу, фундаментальному для анализируемого манускрипта, да и для будущей феноменологии: как и почему случилось, что уже и другие предшествующие философы XIX—XX веков, например, Больцано, Brentano и мыслители его школы, а

потом сам Гуссерль — и вслед за ними, но ещё больше проторяя собственную дорогу, — увидели возможность разрешения целого ряда трудных проблем философии именно в разработке новой теории интенциональности? И удались ли эти ранние теоретические попытки Гуссерля?

Прерву на время конкретный текстологический разбор гуссерлевского манускрипта «Интенциональный предмет». Хочу рассказать заинтересованным читателям о закадровой интриге, даже о драматизме, характерном, по моему мнению, для становления гуссерлевской теории интенциональности. А поскольку этот драматизм отразился в том, как складывалось мое собственное исследование и гуссерлевской теории интенциональности, и разбираемого манускрипта Гуссерля, начну с этого пункта.

Признаюсь: с самого начала изучения манускрипта у меня появилось искушение (пробужденное его четким заголовком — «Интенциональные предметы») обнаружить уже у раннего Гуссерля специальные разработки проблемы интенциональности. Я предположила, что Гуссерлю в этой работе удастся по крайней мере начать действительно *разрешать* трудности, в изобилии накопившиеся в философии (скажем, при попытках соотнесения вещей вне сознания и «предметов» сознания), как раз при помощи разработки интенциональных идей (при том, что итоги — более поздние многосторонние и глубокие интенциональные разработки Гуссерля, начиная с его «Логических исследований» — были мне известны и объективированы ранее в целом ряде также и моих работ).

Скажу заранее: мое предположение не подтвердилось. Более того, стали ясными парадоксальность и внутренняя драма этого раннего, как будто бы уже «интенционального поиска» Гуссерля.

Парадокс, по моему мнению, состоял вот в чем: путь был выбран Гуссерлем правильно (что подтвердилось позже). А вот на ранней стадии, когда этот путь только что обозначился, его содержательные маршруты и его перспективность рисовались, в том числе и самому Гуссерлю, весьма туманно.

Подтверждением моей оценки и может послужить как раз продолжение анализа манускрипта.

Кратко рассмотрим его § 2, который называется «Попытки разрешения парадокса посредством различения истинного (*wahrer*) и интен-

ционального существования», и § 3 «Критика этой попытки решения [проблем]». Уже отмечалось, что неудачи усилий различных философов преодолеть парадоксы при обсуждении проблем «предметности» (вне сознания и внутри него) Гуссерль обнаружил достаточно ясно и правильно. Гуссерль был прав и тогда, когда в общей форме констатировал: некоторые исследователи как бы подхватили переданную схоластами эстафету¹, когда встали на путь более подробных и более тщательных, чем в предшествовавшие им эпохи, исследования и видов предметов сознания, и их «двойников» вне единственно реального, т. е. индивидуального сознания. При этом появлялись первые различия видов такой (вторичной) «предметности». Но в изобилии рождались и теперь уже новые трудности, парадоксы. Их обрисовывает Гуссерль в этом манускрипте (а параллельно в других разбираемых в моей книге опубликованных при жизни, в основном в долго остававшихся в неизвестности работах раннего периода). А в манускрипте об интенциональных предметах они, трудности и парадоксы, просто-таки нагромождаются. Буквально за каждой констатацией следует каверзный вопрос, который четко и отважно ставит сам Гуссерль! Судите сами. «Всякое представление, — перелагает Гуссерль идею, более или менее принятую им, — имеет какой-либо предмет, пусть это будет представление о чем-то абсурдном». Но ведь мы всё-таки понимаем, рассуждает далее Гуссерль, что значит высказывание «круглый четырехугольник» и даже располагаем — в связи с этим — каким-то (причудливым) «представлением». (Парадоксально, но в науках изобретение таких «абсурдных» — с научной же точки зрения — «предметов» бывает по-своему функциональным шагом.) И когда мы отрицаем, что у данного представления есть *реально* возможный «предмет», то этим вовсе не подвергаем отрицанию наличие (и у «авторов» этой мысли, и у нас самих) какого-то причудливого «представливания» (*das Vortellen*) «круглого четырехугольника» или чего-то подобного, как бы фантастического. Гуссерль уже здесь (ещё более настойчиво — в ряде более поздних текстов) призывает задуматься над реальными познавательными проблемами, побуждающими во всех подобных случаях двигаться именно по дороге интенционального поиска.

¹ По проблеме интенциональности в схоластической философии см. фундаментальные исследования Г. Вдовиной (Библиография).

Зададимся и мы более общим вопросом, инициированным заголовком манускрипта. Что удалось и что не удалось сделать Гуссерлю именно в этом *раннем* наброске учения об интенциональности? Скажу заранее: вижу в продвижении Гуссерля от ранних набросков к началу разработки разветвленной концепции интенциональности «Логических исследований» (пусть и продвижении достаточно быстром, занявшим всего лишь лет пять) достаточно болезненную именно для этого исследователя интеллектуальную драму. В чем она состоит?

В том, полагаю, что гуссерлевский анализ, как бы уже придвинувшись к теме интенциональности, нередко раскрывает... все же не её, а порождает новые ответвления проблемы предметности сознания, а вместе с этим и новые трудности. Раскрою эту характеристику. Итак, мы приняли тезис: любое представление имеет свой предмет. Но ведь и тогда, считает Гуссерль, проблемы только начинаются и даже разрастаются. К примеру, возникает вопрос о *существовании* предмета. Гуссерль пишет: «Это его существование (Existenz) (только в представлении, добавим мы. — *Н.М.*) не есть подлинное (истинное, *wahrfhafte*) существование...» (Ebenda). Тогда каково же оно? В самом деле, как «существует» предмет, когда и если он — предмет сознания?

Гуссерль — и в рассматриваемом манускрипте, и в одном из своих опубликованных обзоров — разбирает посвященное ровно той же проблематике одно из сочинений достаточно известного тогда польского автора Казимира Твардовского. (К. Twardowski. Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellung. Eine psychologische Untersuchung. — К. Твардовский. К учению о содержании и предмете представления. Психологическое исследование.) Кстати, заметьте, что автор, сегодня оправданно числящийся по ведомству (истории) логики, пишет, несколько этим не смущаясь, что его исследование — психологическое! Разберемся, что именно заинтересовало Гуссерля в работе Твардовского. А заинтересовало его то, что Твардовский ставит прямо-таки каверзный вопрос: что происходит, если в каком-то случае высказывается противоречивое суждение о наличии несовместимых свойств, причем несовместимых не по отношению к представлению, а к представляемому предмету (Vorstellungsgegenstand)? Пусть Гуссерля не удовлетворяло то, как на поставленный им вопрос пытался ответить сам Твардовский. Но он считает несправедливым сам вопрос и ссылается

на тот же пример, который привел Твардовский — на суждение о «круглом квадрате».

Решение Гуссерля по этому вопросу достаточно интересное: когда помысленно Нечто (Etwas) противоречивое, то последнее *не есть* (и не утверждается как) *содержание, которое существует (existiert) реально*. Это с одной стороны. С другой стороны: если есть нечто (etwas) — и будь это ничто (nichts'), оно может быть *представлено* как носитель неких свойств. И Гуссерль во всех таких дробных различениях все-таки прав.

Идет ли речь в мысли о чем-то «реально существующем» или только о «представленном», пусть и не существующем «реально» предмете (пример — «круглый квадрат»), между ними есть, по Гуссерлю, нечто общее. Оно состоит в том, что речь всё равно идет о теме «существования» (Existenz). А оно, в свою очередь, бывает двух видов; одно из них — «существование по истине» (wahre Existenz). В чем его суть? Вот тут Гуссерль и анализирует ту форму, которую другие авторы (от Брентано до Твардовского) придали ответу на поставленный вопрос.

Кратко воспроизведем и мы те формулировки, которые приводятся в упомянутых § 2 и § 3 обсуждаемого манускрипта. «Итак, для каждого представления *имеется* (es gibt) какой-либо (представляемый) предмет. Но его, предмета, существование (Existenz) не «истинное» (wahrhafte), а «только интенциональное». Оно состоит в «простом [свойстве] быть представленным» (“bloßen Vorgestelltwerden”). А “подлинное” (wahre) существование обретает исходную значимость в [свойстве] быть представленным», но только уже через утвердительное экзистенциальное суждение». И Гуссерль справедливо добавляет, что подобное понимание Твардовский предлагает, примыкая к Брентано (Ebenda. S. 307). *Здесь тончайший момент — он объективно важен для будущей гуссерлевской теории интенциональности*, да и для всякого интенционального анализа. Постараюсь пояснить, в чем тут проблема и почему она долгое время была камнем преткновения прежде всего для многих прежних теорий познания. Последние как бы разбили класс «предметов» на два противостоящих «мира»: мир познания, сознания и «действительный» мир вокруг человека как познающего существа, — с акцентированием преобладающего значения «действительного» мира вне нас. Это соответствует, конечно, реальному, именно жизненному противостоянию. Но не менее действительными, реаль-

ными являются другие исходные факты. А именно: 1) когда исследователи уже как бы «пребывают» в «мире» сознания, познания, оба мира, их «предметности», как бы уравниваются. 2) Преобладающее значение (при таком повороте исследования) даже приобретают особенности, как бы порождаемые новым качеством «предметностей» — быть «предметностями» *именно сознания и познания*. 3) Во главу угла ставится тема *внутренней динамики именно этой сферы*, которая никак не очерчивается статической моделью предметов вне сознания, «отражаемых» (или «искажаемых») самим сознанием. Полностью вступить на почву развитой *теории* интенциональности означало — в данном случае уже для Гуссерля — необходимость полностью овладеть такой по-своему причудливой динамической моделью и на этой основе существенно преобразовать традиции теорий познания и сознания. Но таковы были скорее внутренние необходимости, объективная логика, повлиявшие на будущие разработки.

А как именно реально обстояло дело с «интенциональными» новшествами в конце XIX века? И как с первыми их проявлениями соотносится Гуссерль?

Из всего видно, что апелляция новых авторов (например, Твардовского) к принципу интенциональности совершенно не удовлетворяла Гуссерля. Он считал: трудности при такой трактовке только воспроизводятся — пусть «в других словах» (S. 308). Более того, Гуссерль усматривал в подобных попытках решения — на как будто уже интенциональном пути — ложное удвоение (*die falsche Verdoppelung*) старого и нового. Что касается типовых решений аналогичных проблем, которые вообще были до сих пор предложены, то Гуссерль резюмирует отношение к ним в соответствующих разделах разбираемого манускрипта. Так, в §§ 3 и 4 он подробнее анализирует одну из подобных разработок, а именно фигурировавшую в литературе того времени концепцией «имманентного предмета» (такой термин используют вместо «интенционального предмета», замечает он — S. 309).

В конце концов Гуссерль приходит к выводу, который он обосновывает как раз в этих параграфах манускрипта: в данном случае речь уже идет о «модифицирующей силе атрибута “представлен” (“vorgestellt”)» (S. 311). В эту очень специальную и, так сказать, боковую проблематику входить не могу. Отмечу только, что здесь как бы появляется одна из

проблемных стрел будущего интенционального анализа, а именно: намечается путь к дробному развёртыванию, в частности, того исследования именно *акта представления и деятельности «представливания»* (Vorstellen), которое позднее будет входить в состав уже феноменологической работы над ноэтическим (от «ноэза») (т. е. актовым) срезом сознания. В анализируемом тексте объективно есть некоторые предвосхищения будущих гуссерлевских идей, но и они могут открыться только тем авторам, которые хорошо знакомы с поздними разработками феноменологии. Тогда некоторые предвосхищения будущего как бы бросаются в глаза. И, в частности, о модифицирующей силе представливания как одного из видов ноэз будет сказано точно и прозорливо.

В § 5, тоже разбирая, по своему уже ясно определившемся обычаю — тончайшие оттенки проблемы, Гуссерль вводит сугубо специальную тему «квазиразделения» «как бы» предметов как разделения представлений. Он имеет в виду, что уже имеющееся в литературе разделение предметов на истинные (wahre) и интенциональные в литературе фактически пока является «как бы» разделением. И добавляет: это аналог разделения предметов на определенные и неопределенные (bestimmte und unbestimmte) (S. 313). Приводится пример: представление «Карл V» представляет *определенный* предмет (конечно, он определенный скорее для людей, хоть что-нибудь знающих о Карле V, добавила бы я¹), а представление «*ein Löwe*» (какой-то лев, а по-русски «лев» просто, без уточнений) представляет *неопределенный* предмет. Разъяснение вообще-то понятное: если нам говорят «есть лев» (es gibt einen Löwe), то мы — Гуссерль прав — всё же представляем некоего льва «не как нечто индивидуально определенное» (Ebenda). А уже к этому представлению относим дальнейшие определяющее суждения (если они вообще выносятся.)

В целом же из этих частей анализируемого манускрипта видно, что тогдашние исследования, как будто переводящие философскую работу на почву понятийной сферы интенциональности, разочаровали Гуссерля. И это гуссерлевское отношение было оправданным. Толковых *проблемных* исследований и хотя бы достаточно здравых разработок у схоластических авторов Гуссерль, кажется, не обнаружил. (Возмож-

---

¹ А потому лучше было бы здесь сказать: это предмет, в *принципе* определяемый.

но, он и не предпринимал в этом направлении сколько-нибудь настоячивых усилий? Не могу судить точно, ибо эту специальную историко-философскую область, в которой я не работаю, не могла изучать специально также и применительно к произведениям раннего Гуссерля и к их историческому контексту.) Итак, Гуссерль занялся только выборочным изучением тех современных ему сочинений, в которых — в исследуемом им ракурсе предметности сознания — все же фигурировали понятия «интенциональность», «интенциональный предмет».

Не буду подробнее анализировать §§ 3–5 гуссерлевского манускрипта, а ограничусь общими выводами: Гуссерль констатирует, что вместо понятия «интенциональный предмет» в его время все чаще употребляют другое, отнюдь не равнозначное понятие — «имманентный» предмет. (Он прав: словосочетание «интенциональный предмет» подразумевает иное содержание, нежели «имманентный», т. е. как бы «внутренний» для сознания предмет). И далее он кратко рассматривает (в § 4) — притом весьма критически — «рассуждения (Rede) об имманентных предметах». Эти страницы оставлю без комментариев. (В §§ 4–5 советую вчитаться тем, кто интересуется совсем уж специальными деталями ранних рассуждений Гуссерля на темы споров, которые были бегло обозначены.)

Из того, что известно о таких спорах, например, на основании анализа других манускриптов Гуссерля, в частности, его ранее разобранного «Обзора» некоторых свежих тогда сочинений по философско-логическим проблемам) скорее складывается доверие к этим выводам включенного гуссерлевского наблюдения. В данном случае речь идет о констатации Гуссерлем весьма невысокого теоретического уровня работ, авторы которых в тот период как будто хотели разрабатывать проблематику интенциональности.

А что можно сказать об уровне обсуждения и разработки темы интенциональности самим Гуссерлем — на основе тех материалов из истории становления его ранних идей, которые в данном случае положены нами в основу анализа?

Несколько забегаю вперед, считаю целесообразным предварить выводы из рассмотрения гуссерлевского манускрипта об интенциональных предметах теми моими общими соображениями, да и сомнениями, которые постараюсь конкретно подтвердить и в дальнейшем анализе.

Полагаю, оправданно констатировать наличие специфического противоречия.

1. С одной стороны, Гуссерлем уже немало сделано, чтобы позже перейти к углубленной работе над интенциональной проблематикой (в частности, и над уже обсуждаемой им темой «интенциональных предметов»).

А подготовительная его работа парадоксальным образом выразилась прежде всего в убедительном обнаружении Гуссерлем... коренной *неудовлетворительности* традиционных и современных тогда решений в рамках той существенной области философских и логических исследований, где подвергалась многостороннему осмыслению достаточно подробно разобранное ранее соотнесение «вещей» вне сознания и «предметов» сознания. Различные борющиеся концепции (например, теории «отражения» в их крайних, примитивных или в более смягченных версиях, а также противоположные скептические теории, начисто отрицающие способность сознания, познания проникать в суть окружающего мира и, в частности, его предметных форм) имели общий корень в непроясненности, а то и в искажениях длительно-процессуального, внутреннего и специфического характера овладения — обязательно творческого — как предметными формами вне сознания, так и в жизнедеятельности самого сознания по их освоению.

2. И лишь впоследствии, уже осуществив специальные феноменологические исследования сознания, Гуссерль сумеет более органично имплантировать в свою целостную концепцию особую, весьма разветвленную теорию интенциональности. Действительно серьёзный шаг в этом направлении будет сделан Гуссерлем в очень недалёком будущем, уже во II томе «Логических исследований» — в виде начального, но уже специального и достаточно глубокого новаторского наброска целостной теории интенциональности.

Этот перелом, кстати, зафиксирован и библиографическими показателями. Так, в работах сейчас рассматриваемого нами раннего периода и т. п. (до «Логических исследований») слова-понятия «интенция», «интенциональность» употребляются лишь *в исключительно редких, просто-таки единичных случаях*, тогда как в «Логических исследованиях» частота их употребления многократно возрастает. Тогда разрастается и семья однокоренных слов, скажем: интенция — со

множеством дробных разделений, например, предметная, конституирующая, пустая, номинальная, сигнитивная и т. д. интенции. Слова «интенциональность», «интенциональный анализ» и т. д. тогда становятся у Гуссерля весьма распространенными, употребительными¹. Но пока, в середине 90-х годов XIX века, час рождения особой, именно гуссерлевской теории ещё не пробил... Этого и не могло произойти, ибо в философии только в XX веке стали появляться различные новые конкретные, частные разработки и общие теории «предметности».

Ценно уже и то, что ранний Гуссерль был необычайно чувствителен к историческим точкам провала и, наоборот, точкам роста философского знания. Это нашло свое воплощение также в анализируемом Манускрипте. В чем же именно? Получается (уже на основе основательного изучения более поздних разработок), что Гуссерль, не вполне полно и точно сознавая это, сначала *объективно* нацелился на расчищение почвы будущему исследованию интенциональности, почему, и тоже лишь объективно, без соответствующих формулировок, уже сложилось нечто родственное будущему методу *epoché* (т. е. заключения в скобки, воздержания от суждений, не обоснованных должным образом и бесконтрольно взятых из предложенных кем-то рассуждений). «После этих основательных рассмотрений (во всем манускрипте. — *Н.М.*), — писал Гуссерль — позволительно считать объясненным [*факт*] *неподлинности*, который скрыт в различении интенциональных и подлинных (*wahren*) предметов, соответственно можно считать разрешенными мнимые противоречия, в которые нас заводит рассуждение о представляемых предметах. Но поскольку рассуждения (*Rede*) такого рода неустранимы, то и там, где предметы на самом деле не существуют, лучше всего поступают тогда, когда дифференцируют способы выражения в подобных случаях — при различении “существующих предметов” как имеющих “собственный” (*eigentliche*) смысл и разговора о “представляемых предметах” как имеющих “несобственный (*uneigentliche*) смысл” (*Ebenda*. S. 335). Но тогда, делает Гуссерль как бы неожиданный более конкретный вывод, предложение “Всякому представлению *соответствует* какой-либо (*ein*) предмет” ложно, а предложение «Всякое представление *представляет* какой-либо предмет» — истинно» (*Ebenda*, S. 335).

¹ См. *Elisabeth Ströker*. Husserls Werke. Zur Ausgabe der Gesammelten Schriften. Register. Vêlix Meiner Verlag, Hamburg, 1992. S. 171–172.

Читатель наверняка уже понял, что у раннего Гуссерля (как, впрочем, во все другие периоды) ведётся обсуждение тончайших оттенков проблемы и её решений. (Кстати, людей, не привыкших к гуссерлевскому философскому стилю мысли, обычно очень утомляет необходимость распутывать причудливое кружево оттенков его рассуждений.)

«В качестве главного результата всех рассмотрений последней главы, — пишет Гуссерль, — позволительно обозначить [следующее]: на деле, как мы это предположили, только значение (*Bedeutung allein*) есть внутреннее и существенное определение представления, в то время как предметное отношение указывает на известные связи истины, соответственно, суждения, в которые значение включено» (Ebenda, S. 336). Теперь видно, что и ранний Гуссерль переводит решение, в сущности, так и не проясненных вопросов в новое проблемное поле, тоже — пока — не подвергнутое собственному углубленному исследованию. Ибо его новаторской теории «значения» (*Bedeutung*) суждено было обрести многообещающий старт в то же более позднее время, а именно в «Логических исследованиях».

И непредвзятому читателю, как-то разбирающемуся в феноменологии, становится ясно, что центральное, с точки зрения объявленной темы, гуссерлевское рассмотрение *именно интенциональной проблематики как бы пробуксовывает*. Ибо Гуссерль снова и снова возвращается к так и не разрешенным трудностям, парадоксам теории предметностей — при том, что он сам как бы поручил анализу уже стать интенциональным исследованием.

Хорошо уже то, что анализ темы предметностей сознания продолжается и захватывает все новые оттенки проблемы. И нам остается последовать за Гуссерлем.

Гуссерль ставит, почти иронически, вполне серьезный теоретический и очень жизненный вопрос: «Но как в мире наряду с определенными львами “бегают” также и львы неопределенные?» (Ebenda). И пусть в реальном земном пространстве бегают — конечно же, в особых регионах земли или, в относительно цивилизованное время, в вольерах зоопарков — «определенные», учтенные или неучтенные, но конкретные представители рода львов. Но к тому же — и философ совершенно прав — львы, уже в фигуральном смысле, «бегают» представленными в сознании, причем как в представлениях обычных лю-

дей, так и в научных описаниях и т. д. По терминологии Гуссерля, это прежде всего «неопределенные» львы. Необычным для читателей будет уже то, что словами «неопределенные львы» Гуссерль обозначает чуть ли не бытовые «представления» обычных людей. Но ведь на самом деле и в прошлом, и в наше время в более или менее привычных житейских условиях детей очень рано «знакомили» и «знакомят» с такими «неопределенными», размноженными во множестве рисунков, представителями рода львов! В кинофильмах же они даже «бегают»...

Но Гуссерля, конечно же, в данном манускрипте интересуют не какие-либо житейские подробности, а теоретические вопросы. (Уточнение того, к какому роду и к какой проблематике дисциплинарных теорий они принадлежат, здесь не обязательно.)

Важно другое: *Гуссерль ведет речь о проблемах равно философских, логических* (тип «предметностей» и соответствующие суждения), теоретико-психологических в самом широком смысле (предметы в сознании в соотношении с представлениями) и т. д.

Существенно и следующее теоретическое уточнение самого философа, сделанное как раз на примере львиного царства. «Разделение львов на определенные и неопределенные — это не такое их разделение, как на африканских или азиатских; это [уже] есть *разделение представлений* (и естественно, объективных представлений) на те, предметные отношения которых определены, и на такие, где предметные отношения остаются неопределенными (нечто, некое — *ein A*)» (Ebenda). Тут Гуссерль, полагаю, совершенно прав: поднимается вопрос о подразделениях, которые и порождаются именно в осмыслениях, особенно теоретических, самой темы предметностей сознания.

Все так. Но трудный фокус-то состоит в том, что эти, казалось бы, мудреные рассуждения также имеют, в конечном счете, прямое отношение к обычному, повседневному опыту множества людей сменяющих друг друга поколений! Ведь обычный человек с неповрежденным сознанием с детства хорошо различает (какие бы последующие определения, понятия здесь ни применять) «определенного льва» (если он видит его в зоопарке или во время циркового представления), и какого-то льва, нарисованного в книжке, со времени появления кинематографа показанного в фильме и т. д. Он к тому же (с детства) в своем сознании как-то уже «представляет льва» как такового и представляет

в целом «неопределенно» — по сравнению с любым конкретно увиденным (пусть это очень редко бывает!) живым львом.

В этом разделе обсуждаемой статьи ранний Гуссерль занят, как мы видим, соотносением-различением «представлений» (Vorstellungen) о тех или иных «вещах», «предметах» и самих предметов. Их различие несомненно; их соотношение — объект анализа Гуссерля. Нелегкий вопрос состоит в том, в чем же *здесь* состоит специфика его анализа.

Вводятся — наряду с уже охарактеризованными — и иные предметные подразделения. Например, на «возможные» и «невозможные» предметы (mögliche und unmögliche Gegenstände) (Ebenda).

Не забудем об уже рассмотренном разделении: объем понятия «предметы» (при том, что объем класса «предметы» не совпадает с объемом понятия «вещи») уже разделяется на существующие (existierende) и «несуществующие» (nichtexistierende) предметы. Гуссерль настаивает: «данное деление является *только разделением представлений* на “представления А” (они включаются в деление суждений формы А существует, existiert) и на “представления В”, которые заключены в рамки коррелятивной формы В не существует» (Ebenda. S. 314). Для Гуссерля важно, что сами «представления существуют всегда» (разумеется, поскольку речь идет о жизнедеятельности людей), будучи включенными в те или иные связи суждений (Ebenda).

Следует акцентировать нечто принципиально важное: объективно у Гуссерля (и почти всегда без соответствующих разъяснений, маркировок) уже бывают соединены в едином сплаве логический, теоретико-познавательный, психологический подходы. Чрезвычайно интересно и то, что *здесь перед нами, и тоже лишь объективно, уже как бы появляются разрозненные фрагменты... будущего гуссерлевского интенционального анализа!* Они в разработанном виде позже войдут в особую рубрику «интенциональных предметов представлений» — наряду с феноменологическими «описаниями» других предметных (ноэматических) структур разнообразных актов сознания (ноэтических его сторон). Но сам-то Гуссерль об этих будущих исследованиях, естественно, еще не ведает! Он, хочу повторить это, пока остаётся в пределах упомянутой ранней *концепции предметности (в рамках анализа акта представлений)* с едва пробившейся — но в качестве лишь *исследовательского горизонта* — идеей интенционального предмета.

Продолжим исследование смысла и состава ранней теории.

В пример Гуссерль неожиданно берет соотношение представлений и суждений в таком теоретически сложном и жизненно деликатном вопросе, как проблема «существования» или «несуществования» Бога. Её — именно в силу таких теоретических сложностей и жизненно-практической, личностной деликатности — я разбирать не буду. (Да и Гуссерль в обсуждаемой статье в нее подробно не вдается.)

В § 6 Гуссерль вновь отзывается на проблему «парадоксии беспредметных (*gegenstandloser*) представлений».

Он возвращается, в частности, к тезису: «не всякому представлению соответствует предмет» и присоединяет свои дополнительные разъяснения. «В действительности два выражения: “(некоторый) предмет” (“*ein Gegenstand*”) и “существующий, подлинный предмет, предмет в собственном смысле” полностью эквивалентны...” (Ebenda. S. 315).

Что касается «предмета в собственном (*eigentlichen*) смысле», то здесь, по Гуссерлю, имеет место «подлинная идентичность»: существует и фиксируется связь двух представлений и «идентифицируется» их предмет. «На отношении к предметам (*Gegenstände*) во всех этих случаях покоится предметность представлений (*Gegenständlichkeit der Vorstellungen*), которые вступают в такие связывания суждений» (Ebenda. S. 315 — разрядка Гуссерля).

Возвращаясь к теме «предметности» (особой, конечно) даже абсурдных высказываний (таких, как «круглый четырёхугольник»), Гуссерль снова, хотя и в других словах подчёркивает нечто удивительное: при учете факторов интенциональности рассуждения об «интенциональных предметах», например, о «круглом четырёхугольнике» обретает — в этих пределах — свой «предмет» с тем же правом, что и «четырёхугольник», «цербер» или «Бисмарк — тиран!» (Ebenda. S. 316)

Ещё одно замечание Гуссерля вводит связанную с обсуждаемым контекстом специфическую тему: «Представление “Зевс” и «главный из олимпийских богов» имеют один и тот же интенциональный предмет, т. е. “Зевс” и «главный олимпийский бог» согласно греческой мифологии» (Ebenda. S. 317). Небезынтересны и разъяснения, которые даются сразу же после этого. Их суть: «само собой разумеется», продолжает Гуссерль, что говорящие об этих мифических объектах могут и не ссылаться именно и прямо на греческую мифологию, даже

плохо знать о более конкретных мифах. Ибо мы, пишет Гуссерль, даже не нуждаемся в дополнении — «согласно греческой мифологии» — и по сути не испытываем никаких сожалений, если они вообще отсутствуют, как это в большинстве случаев и бывает.

В дальнейшем в разбираемом манускрипте Гуссерль сопоставляет акты представлений и восприятий с точки зрения того, насколько они близки или отдалены от самого их предмета. Представления — в разных отношениях — дистанцированы от их предметов из-за различных опосредований и изменений. «Напротив, в восприятии представлен сам предмет; он естественным образом содержит в себе атрибуты, ему присущие». (Разделение такого рода, заметим, уже вполне в духе будущей теории интенциональности, а именно её актовой, т. е. ноэтической проблематики.) И ещё можно было бы добавить: реально речь идёт не о представлениях самих по себе, а о том, что из них непосредственно извлекают или в принципе могут извлечь люди, обладающие представлениями.

Что касается поиска «объективно-логических связей», то последнее, констатирует Гуссерль, в определенных аспектах перекидывают мосты (*überbrücken*) через разные рассмотренные им раньше существенные различия; они позволяют увязывать воедино прямые и не прямые представления, дают возможность переносить понятия, сформированные в первом случае, но уже взятые в более широком значении, на второй класс представлений. Отношение к предметам представлений в обоих случаях разное, так что учет различий принципиально необходим, причем такому учету следует, по Гуссерлю, придавать не чисто вспомогательное, а существенное значение.

Приводятся красноречивые примеры, касающиеся перехода от «единичных» ко «всеобщим» представлениям (см. § 7).

Положим, мы высказываем (полагаем) что-либо относительно Сократа. Тогда предварительно вообще-то должно быть фактически принято гипотетическое, предварительное положение: «если это нечто (т. е. некто Сократ) — есть». Гуссерль, однако, напоминает: такое уточнение осуществляется совсем не в том же смысле, в каком говорят: «нечто есть красное», «нечто есть дерево». «Сократ — не атрибут, какой может принадлежать предмету именно так, как принадлежит какой-либо (другой) атрибут» (Ebenda, S. 321). Да и представление «Сократ» вовсе не такого

вида, по Гуссерлю, как представление «некое дерево» («ein Baum») (Ebenda). И опять: подобные уточнения `объективно — уже в духе детально разработанной будущей гуссерлевской теории интенциональности, а именно — её «предметного» (ноэматического) аспекта.

Гуссерль добавляет, что и связка (Kopula) «ist» имеет, в случае «Сократ» и «дерево» как «предметов» мысли, совершенно различные значения. Логики же особо не различают их, напоминает он. (Далее следуют интересные — думаю, равно для философов и логиков — более конкретные размышления о связке «есть», ist, которые приходится опустить.) Я опускаю также специальный § 8 с заголовком «Экзистенциальные высказывания и генеральные допущения» в математической аксиоматике» и § 9 «Универсуум дискурса».

Перейду к § 10, который озаглавлен словами «*Экспликация содержания представлений*». Речь пойдёт, разъясняет Гуссерль, о суждениях, в которых говорится не о существующих предметах (Gegenstände).

Разберем, предлагает Гуссерль, то, как мы эксплицируем представление «некий лев» (ein Löwe.) А мы эксплицируем, с помощью имени «лев», что именно обозначаем [словом] «лев» и что хотим понимать под этим. Но ведь именно таким же образом мы эксплицируем «беспредметные» (gegenstandlose) понятия, подобные «квадратуре круга», и т. п. Последние также как бы «представляют» предметы; но последние — предметы не существующие; они предстают как «субъекты суждений, предикаты которых суть признаки, конституирующие содержание» (Ebenda S. 330)

Гуссерль предлагает даже (S. 331) подробные раскладки относительно подчиненной, но в принципе тоже немаловажной подпроблемы такого рода: как развёртывается в сознании, в метарассуждениях «цепь предикаций» (eine Kette der Prädicationen), образующих дополнения к суждениям типа «лев есть животное» и т. д. (Речь идет о рассуждениях, интересных именно для логиков, ибо в логических дисциплинах вводились и эти понятия, и изменяющиеся теории предикации.) В этом контексте Гуссерль выясняет, что последующие суждения являются не экзистенциальными, а поясняющими, причем поясняющими не само «бытие», существование объекта, а что-то, уже являющееся *результатом нашей мыслительной работы*. И ведь тогда «мы лишь хотим осуществить, — поясняет Гуссерль — следующее разъяснение:

говоря “лев является...”, мы на самом деле сообщаем о том, что *мы* сами мыслим (по-немецки: *denken wir uns*, т. е. мыслим сами для себя) нечто обладающее такими-то и такими-то свойствами, или: представление (объективное представление, — значение, *Bedeutung*) есть представление о чем-то (*von etwas*) и т. д.» (Ebenda. S. 331).

Далее следует немаловажные для Гуссерля (и раннего, и позднего) разъяснения термина «*vorstellende Setzung*» (*Assumption*) — полагание, принятие через представление. В данном случае оно выполняется применительно к осмыслению некоего животного, или к примыкающим предикациям (отнесение к виду «кошек» и т. д.). Снова подчеркну: и здесь имплицитно имеется важная связь с будущей теорией интенциональности, а именно с её существенной линией — с прояснением интенциональной концепций «полагания» (*Meinen* — «мнить», и не от русского слова «мнение», т. е. всегда субъективное суждение о чем-либо, а в смысле постоянного «держания в уме», «движения» вперед содержательного по смыслу и значению, обогащаемого предметного содержания. Но снова же видно, что пока Гуссерль ещё не говорит об этой впоследствии акцентируемой структуре чего-то более определенного.)

Опустим другие, более конкретные и частные (больше логические) рассуждения Гуссерля в этом параграфе.

В § 11 рассматриваемого Манускрипта Гуссерль возвращается к анализу одной из центральных подпроблем (более широкого проблемного цикла) «Различение истинных (*wahren*) и интенциональных предметов в субъективном смысле».

Оно примыкает к тому разбору уже интенциональной проблематики, который мы вели несколько раньше — потому что Гуссерль сознает: ко всему предшествующему краткому и сугубо специальному анализу «интенциональных предметов» настоятельно требуется добавить другие разъясняющие — предваряющие или итоговые дополнения. И он отчасти предоставляет их. До сих пор различение внутри истинных (*wahren* — думаю, для перевода лучше подойдут также слова: действительных, реальных в собственном смысле) предметов проводились, напоминает автор, исключительно в применении «к *объективному содержанию представлений*» (Ebenda. S. 333). Здесь опять стихийно делается конкретнейшее различение из тех, которые будут подробно разъяснены, теоретически узаконены только в развитой

гуссерлевской теории интенциональности, а именно: в подробностях будет уточняться, к какой стороне актовых — т. е. ноэтических — сторон относятся конкретные же прояснения предметных, т. е. ноэматических моментов. Именно такой ход мыслей понятен: Гуссерль имеет в виду не какие-либо (личные) мотивы и не психологические особенности субъекта представлений. В рассматриваемых в Манускрипте случаях «представление имеет подлинный (wahren) предмет, т. е. ему соответствует какой-либо (einen) действительный предмет. И представление обладает [именно] интенциональным предметом, т. е. оно не располагает никаким действительным (wahren) предметом — оно его только представляет» (Ebenda. S. 333–334). Отметим: это были пока рассуждения о представлениях, которые Гуссерль называет «объективными представлениями». Далее он замечает, что введенное им различие можно применить также и к «субъективным представлениям» (subjektive Vorstellungen). Но тогда, предупреждает Гуссерль, «их значение испытывает существенное изменение» (Ebenda. S. 334). Какое же? Предмет представления — уже не «действительный» (wahre), а помысленный предмет, или *предмет как помысленный*. Вот этот шаг анализа, думает Гуссерль, должен привести исследователя (притом объективно, почему его уже предприняли схоластики, а потом «переоткрыли» авторы более позднего времени) к *интенциональным предметам*!

Но при осмыслении текста манускрипта, как мы уже показали, возникают сомнения в том, что на означенном пути *именно здесь, на ранней стадии* действительно возник или должен возникнуть полноценный интенциональный анализ. Гуссерль и сам не скрывает того, что «речь о *только* интенциональных предметах как таковых» может вызвать отторжение у кого-то из исследующих ту же тему. Особенно если проблему будут толковать, по его мнению, ошибочно, в том, например смысле, что представление (понимаемое как «субъективное переживание», Erlebnis) как будто делает представляемый предмет чем-то специфическим для себя — как бы наличным (präsent) и в то же время неким «призрачным, тeneвым образом» (Schattenbild), которому в то же время вверяется функция как бы оспаривать «подлинное» («wahre») существование!

Гуссерль такое толкование категорически не приемлет. Почему? Ведь представляемый предмет и предмет подлинный (wahre) для него — это нечто взаимосвязанное, если не идентично то же самое. А когда

интенциональный предмет характеризуют расплывчато (как некую тень, *schattenhaft*), тогда все более и более отделяют его от предмета подлинного. Если он — предмет в представлении, то он больше не идентичен с предметом вне его (Ebenda. S. 334). Но в чем же именно состоят здесь и различия, и специфика? В полной мере ответов на такие вопросы ранний Гуссерль ещё не знает. Однако характерно, что сами вопросы... уже напрашиваются.

В конце разбираемого § 11 Гуссерль пытается объяснить, насколько трудна для понимания (именно в то время) проблема интенционального предмета, почему в её истолковании накопилось много «путаницы» (*Verwirrungen*), неверных, с его точки зрения, «способов выражения» (Ebenda). Это опасение обосновано, потому что и сам Гуссерль, по моему мнению, не преуспел — именно в здесь разбираемых разделах ранних манускриптов — в доказательстве того, что перевод исследовательских стрелок в сторону понятия, теории интенциональности действительно поможет распутать накопившиеся проблемно-теоретические затруднения (им неплохо зарисованные).

* * *

§ 12 анализируемого манускрипта называется «Обобщение результатов».

Итак, к каким результатам, согласно обобщению *самого Гуссерля*, привел его тогдашний (1894 года) анализ «интенциональных предметов» — ещё раз напомним, темы, профильной для всей зрелой феноменологии Гуссерля, но, как мы теперь убедились, так или иначе введенной уже у раннего Гуссерля?

Прежде всего, сам Гуссерль вполне точно и объективно определил сравнительно узкую проблемную рамку своих предложенных в Манускрипте объяснений. «Мы отнесли различие истинных и интенциональных предметов, — писал Гуссерль, — *исключительно* к объективному содержанию представлений» (Ebenda. S. 333). Он также подчеркнул, что при этом не вдавался, в сущности, в те вопросы, которые как будто включил в проблематику «психологических мотивов и вообще психологических особенностей представлений» (Ebenda). В самом деле, анализ здесь — не психологический, а (уже) интенциональный, т. е. принципиально иной по своей сути.

Как было ранее установлено Гуссерлем, предшествовавшее рассмотрение в Манускрипте было, во-первых, связано с *относительно узкой темой предметности (именно) представлений*, а в ней — проблемно — с потребностями и трудностями дифференциации оттенков рассуждения об интенциональных предметах, во-вторых же и с разделением представления предметов на предметы в «собственном» и «несобственном» смыслах.

В заключение § 12 Гуссерль призывает задуматься над теми колебаниями (Aqivokation, экивоками), которые имели место в случаях употребления особого выражения — а оно в самом деле было весьма употребительным в литературе как раз в случаях рассуждений об интенциональности: «представление относится к предмету», или «представление представляет некоторый (einen) предмет».

Сначала нам приходит на ум субъективное представление: ему-то и приписывается отношение к предмету. Но ведь когда мы выносим суждение, уже в философских рамках некоего рассуждения — когда мы говорим: представление о льве представляет льва, то «функционирует не субъективное, а *“объективное” представление как носитель отношения*, и это также гармонирует с оправданным, в определенной мере, высказыванием (Rede): отношение к предмету будет в случае каждого (субъективного) представления опосредовано его «содержанием», т. е. значением» (Ebenda. S. 338).

Вскоре после этого пассажа сохранившийся текст анализируемого манускрипта 1894 года, как сообщают издатели, неожиданно обрывается...

Послесловие к манускрипту Э. Гуссерля об интенциональных предметах

В моей многолетней работе над феноменологией получилось так, что подробное исследование (в данной книге) темы «Ранний Гуссерль» было осуществлено десятилетием позже, чем в целом ряде своих публикаций (особенно посвященных «Логическим исследованиям» и «Идеям I») я попыталась детально, самостоятельно-критически раскрыть и проблемное содержание, значение, и отдельные стороны гуссерлевской зрелой теории интенциональности. Итак, к разработкам раннего Гуссерля я обратилась, уже изучив более поздние и зрелые результаты.

И тогда движение Гуссерля от ранних разработок проблемы интенциональности к более поздним богатым теоретическим результатам предстало передо мной и во всем внутреннем драматизме, и в целостной проблемной содержательности. Обобщенно представлю здесь некоторые особенности и составляющие этого непростого процесса, которые лучше всего высвечиваются именно через тщательное содержательное изучение исследовательского рывка, осуществленного Гуссерлем во второй половине 90-х годов XIX века.

1. Драматизм этого движения состоял, с одной стороны, в таком зафиксированном ранее обстоятельстве: тема интенциональности уже была четко и определенно включена в орбиту анализа самим Гуссерлем (вслед за Brentano с хорошим артикулированием Гуссерлем и заимствований из концепций Brentano, и содержательных с ними размежеваний¹). Однако в конце XIX века *исследование* на эти темы целые годы как бы пробуксовывало и сводилось скорее к продолжению работы над популярной тогда темой «предметностей» сознания и к обсуждению, пусть и вполне здравому, по-гуссерлевски детальному и дотошному, затруднений и парадоксов, возникавших на пути начального исследования.

2. Причина, по моему мнению, состояла в том, что *собственно интенциональная сторона в потенции детального анализа сознания не была во всей тогдашней литературе вопроса раскрыта и осознана* — из-за того, прежде всего, что отсутствовали соразмерные самой особой задаче *теория и методология исследования*.

3. Предполагаю, что главная общая причина такого отсутствия состояла в *исходной статичности* и прежней, и тогдашней философской исследовательской работы с такой специфической «сферой-объектом», как человеческое сознание. Говоря очень кратко, моделью этой работы было соотнесение как бы застывшего единичного результата, т. е. какого-либо предметного образа в сознании — с тоже статично взятыми предметами (вещами) вне сознания. И отнюдь не случайно именно к концу XIX века на новой стадии развернулись поиски в этой области, дебаты о том, соответствуют

---

¹ См. в моей книге об «Идеях I» подытожение линий и примыкания к Brentano, и размежеваний с ним уже во II томе «Логических исследований» — Н.В. Мотрошилова, *op. cit.* С. 448–451.

или нет «образы» предметов в сознании их предметным предметным прообразам.

Почему именно интенциональная идея, вместе с тем, могла способствовать и отчасти способствовала преобразованию этой закрепившейся статичной модели? Суть в том, что «предметные» устремления сознания — это могло бы быть элементарной исходной констатацией — никогда не начинаются и не заканчиваются каким-либо моментом, искусственно выхваченным для изучения в любой гносеологической или логической концепции. И вот именно идея интенциональности взывала к учету этих вполне реальных динамических, диалектических измерений проблемы — например, *непрерывной и многосторонней динамики исследуемых процессов осознания самого сознания*.

Поэтому в самом исследовательском процессе были объективно затребованы динамические (в том числе — в тенденции — историко-динамические) модели. Исключительно важным для философов, работавших на рубеже XIX и XX столетий, было уже то теоретико-методологическое соображение, что интенциональные модели — предположительно — могли бы, по крайней мере в тенденции, в наибольшей мере соответствовать *реальным* динамическим и многообразным процессам, сторонам жизнедеятельности человека, наделенного сознанием.

Ведь с первых сколько-нибудь самостоятельных шагов индивидов в окружающем их природном и социальном мире реально, действительно начинается, в сущности, безостановочное (конечно, прежде всего у людей с неповрежденным сознанием, но по-своему и у тех, чье «сознание» чем-то «болеет») движение к освоению как людьми в целом, так и отдельными индивидами предметного мира, а также изучение в особых сферах познания самого сознания. Значит, *интенциональная метафора безостановочного «потока сознания»* и именно идея постоянной динамичной и никогда не исчезающей *«направленности» сознания на «предмет»* (а тем самым на окружающий природно-предметный мир, как и на особое «предметное» поле самого сознания) гораздо больше отвечала реальной практике человека и человечества, чем на некоторое время закрепившаяся в гносеологии, да и вообще в философии статичная модель. Метафора же *интенционального процесса* — когда сознание рассмотрено как направленное на предмет,

когда оно динамично, процессуально полагает (meint, мнит, имеет в виду) предметы — тоже в большей мере отвечает всегда безостановочному движению в освоении каждым индивидом предметного мира. «Теория отражения» и вовсе противоречила всей совокупной реальной познавательной практике, ибо в случае, если бы она была верна, каждому «следующему» индивиду и следующим поколениям людей не надо было бы биться, по сути, над теми же (и новыми) познавательными трудностями. Ведь и самые простые «предметы» окружающего нас мира мы «познаем», «осваиваем» поэтапно — и так, что эта наша «работа» заканчивается вместе с нашей же жизнью.

Авторы и сторонники идей, концепций интенциональности совершенно правы: интенциональный процесс как непрерывная *направленность* на предметы и предметное не останавливается не только при жизни каждого человека, но также и в исторической динамике человеческого рода. Ведь освоение людьми мира и самих себя (включая деятельность в социально-историческом мире с её особыми «предметностями» и интенциями сознания) для каждого человека принудительно начинается «с самого начала», но непременно предполагает освоение спрессованного опыта (обогащенного, кстати, новыми приемами и средствами, инструментами и специального обучения и т. д.) как общечеловеческого, с определенного исторического момента — цивилизационного опыта.

Пропоненты интенционального подхода были по сути правы и тогда, когда изобретали целый ряд других именно интенциональных понятий и метафор. Например, они оправданно приковывали внимание к богатейшему многообразию, но также и некоторой определенности каждого особого вида «предметов», названных «интенциональными», к их неисчислимым симбиозам, пересечениям.

Но у Гуссерля (уже с раннего периода принявшего, как мы видели, саму идею «интенциональных предметов», а также более конкретный тезис о постоянной *направленности* сознания на «предметы» во всем нескончаемом их многообразии) настоящий прорыв в исследовании интенциональности мог произойти *не раньше, чем им были открыты и усовершенствованы специальные методы многомерного анализа сознания, а именно методы феноменологические*. Возвращаясь к богатому опыту освоения интенциональной проблематики у Гуссерля, восста-

навливая в памяти содержание и отличия уже именно феноменологических путей и структур анализа сознания, я отчетливо осознала, что по сути в каждом методологическом шаге, в каждой разработанной структуре они одновременно представляют собой расшифровку именно интенциональных идей. И получается — и в итоге, но и в постоянно живой тенденции — *полностью взаимосвязанное исследование — как феноменологическое, так и одновременно интенциональное — структур, процедур, данностей сознания, его деятельности.*

Что здесь конкретно имеется в виду? Феноменология Гуссерля в сколько-нибудь развитом виде подразумевает (если говорить кратко) массив разработок, расшифровывающих — в их взаимосвязи и взаимодействии — сущностные и вместе с тем работающие структуры, процессы, процедуры сознания, анализирующие именно *динамику сознания* в его работе с окружающим миром как единым миром природы и человеческого взаимодействия. Исследования зрелой феноменологии это — в конкретном виде — как раз и есть многостороннее рассмотрение ноэматических (предметных) и ноэтических (актовых) структур сознания в их единстве — с прибавлением полюса «чистого Я», а также временных свойств, сторон сознания (*Zeitlichkeit*). И вместе с тем, перед нами — богатая оттенками *внутренняя реализация императивов интенциональности* — с центральной идеей постоянной направленности сознания на поистине универсальное и непрестанное освоение предметного богатства мира и самого сознания.

Иными словами, *оформляющееся (уже в «Логических исследованиях») и затем, уточняемое, обогащаемое феноменологическое учение и постоянно дополняемая теория интенциональности Гуссерля — это две стороны одной медали.*

Рассмотренная же тематика *раннего гуссерлианства* с исторической стороны своеобразно подтверждает сказанное. Как именно? Сама общая идея интенциональности исторически существовала; она уже была четко подхвачена Гуссерлем в конце XIX века; но его *развитая концепция интенциональности* появилась не раньше, чем более или менее глубоко осмысленные феноменологические методы и концепции в целом позволили развернуть единый ноэтическо-ноэматическо-эгологический анализ сознания. (Конечно, на отдельных исторических стадиях и в феноменологию в целом, и в её теории интенциональности,

в частности, включались новые и новые разработки, обогащающие и одну, и другую проблемные области.)

Б. Ранг с полным правом обращает внимание — с целью раскрыть до поры до времени, т. е. до более поздних работ Э. Гуссерля, на не-раскрытые внутренние потенции его теории интенциональности. Он обобщает их через гуссерлевское понятие «Assumption» (в смысле предполагаемых «предпосылок», «гипотез» — вместо «незыблемых истин»). А уже в его более развернутых толкованиях Ранг обнаруживает «критико-онтологические следствия (die ontologiekritische Folgerungen)» более поздней, зрелой гуссерлевской теории интенциональности. Поясняется же это трудное для понимания, но в высшей степени значимое, по Гуссерлю, «инструктивное» (instruktiv) понятие через ссылки одновременно на... мифологию и математику! Обе сферы здесь как бы объединены через их способность отделить, как небо от земли, скажем, «мир математики» «от нашей повседневной жизни», а «способы бытия математических предметов (понять как) принципиально иные, чем у вещей жизненного мира» (Ebenda. S. XL, XLI). В тенденции интенциональный способ рассуждения Гуссерля (чем позже, тем основательней) становится иным.

Гуссерль акцентирует в данном случае действительный, но трудно объяснимый факт: «миры», сферы существования (Existenzgebiete) мифов, поэзии, мир геометрии и «действительный мир» — такие «миры», которые, конечно же, не одинаково обосновываются в своем праве (gleichberechtigte) миры. Однако каждый из них есть особая проблема и для обычного сознания, и для научного, в том числе философского объяснения. И пусть мы скажем «есть-де только одна истина, которую мы считаем безусловной...» (Ebenda. S. XLI). Однако в духе более позднего Гуссерля, полагает Ранг, были бы более верными, причем из практических соображений, не слова «однозначные экзистенциальные суждения» (Existentialaussagen), но логически правильное выражение «гипотетические суждения» (Ebenda. S. XLI). Отчасти это происходит потому, что поздний Гуссерль и в теории интенциональности принимает во внимание исторические (тоже ведь практические) факторы — например, учитывает, что «истины», в науке объявляемые «вечными», «незыблемыми», в ходе развития наук подвергаются существенным корректировкам. (Кстати, было бы принципиально неверным на

этом основании приписывать Гуссерлю некий антисциентизм, ибо он — что доказуемо и доказано — твердо придерживался, и в ранний, и в поздний периоды — принципов научности, в том числе применительно к философии.)

Интересна ещё одна линия рассуждений Гуссерля, которая относится именно к математике и о которой он говорит, что она принадлежала бы к заостренной форме «несобственного мышления (*des uneigentlichen Denkens*)»: «Здесь мы больше не говорим, будто дедуцируемые истины, существования (*Existenzen*), отношения... были бы абсолютно значимыми»... Тем самым предполагается возможным, что “мир математики” возможно вывести из нашего повседневного мира ...и при учете, что способ бытия (*Seinsweise*) математических вещей иной, нежели *Lebenswelt*, жизненный мир» (*Ebenda*. S. XL, XLI).

Гуссерль в связи с такими соображениями — указывает на «ассумптивный горизонт» (*assumtive Horisonte*), вместе с тем одновременно акцентируя уже известные нам соображения о том, что эти «миры» не равнообоснованы в своих правах. И всё-таки основной мотив, именно в духе поздней теории интенциональности — та идея, что люди вынуждены говорить и о мифах, гипотезах, даже фикциях так, как если бы эти их суждения были «безусловными» (*unbedingte*) (*Ebenda*. S. XLI).

Снова хочу подчеркнуть: гуссерлевская теория интенциональности — это концепция, максимально близкая к жизненной, исторической реальности, к повседневной жизнедеятельности индивидов, поколений, социальных групп, народов, их объединений. И «интенциональность» целенаправленно осваивается в жизнедеятельности людей, как бы философски-мудрено это ни звучало. Например, каждую минуту и в каждую эпоху людям приходится самостоятельно усваивать, опираясь на прежний опыт, и свой, и целых поколений, что именно значит *воспринимать, представлять, вспоминать*¹, *воображать* и т. п.,

---

¹ Например, проблемы воспоминания (памяти в целом), которые каждый из нас именно переживает, многообразны. Они также варьируются в особых профессиональных рамках. Гуссерль часто приводит конкретные примеры. «Я вспоминаю когда-то и где-то услышанную мелодию (аналогичные примеры: я вспоминаю, где и когда довелось увидеть того или иного человека — или пытаюсь вспомнить, куда подевалась нужная вещь; или воскрешаю в памяти какое-то, для каждой профессии варьирующееся специальное содержание и т. п.). Перед феноменологом здесь простирается поистине необозримое поле — и оно жизненно важно! — изучения *особой*

причем делать это разнообразно и специально применительно к разным предметам, их типам, содержанию — в обязательной спецификации различных типов предметных конфигураций данных тех или иных процессов. Люди неизменно, повседневно делают все это и как вполне конкретные человеческие существа, и как представители определенных профессионально специализированных групп, причем всегда конкретно-вариативно (в зависимости от их жизни, места обитания, их окружения в узком и широком смысле и т. п.). Иными словами, как будто сугубо интеллектуальные феноменолого-интенциональные категории, а также выделение теоретиками особых сфер анализа, их пересечений (различение интенциональных «предметов», ноэзиза и ноэмы и т. д.), — всё это выражает, если присмотреться ближе, очень близкие каждому человеку реалии его повседневных действий и, главное, всю динамику, многообразие сторон процесса, в том числе с замечаемыми каждым человеком повседневными трудностями.

Зрелая теория интенциональности Гуссерля и его ранние разработки

Сопоставление рассмотренных ранних разработок Гуссерля с «ито-гом» — с его высокосодержательной, до сих пор вряд ли имеющей прецеденты развитой теорией интенциональности — особая задача, которую, конечно же, невозможно выполнить в этом очень кратком заключении. В других условиях было бы достаточно сделать краткие отсылки как к литературе вопроса, так и к ранее уже осуществленным мною разработкам. Но поскольку я по опыту знаю, с каким трудом продвигаются в нашей стране даже к людям, считающим себя «гуссерлеведами», научные разработки, связанные со скрупулезной содержательной расшифровкой центральных и неимоверно сложных тем, понятий, проблем феноменологии — в их именно авторских, (прежде всего гуссерлевских) версиях, то снова (предельно кратко) повторю, какие именно линии и этапы разработки Гуссерлем теории интенциональности нашли отражение в моих прежних разработках (очень подобных, с обстоятельным текстологическим разбором уже зрелых, феноменологических гуссерлевских текстов и публикаций).

ноэзы (акты памяти), причем в отнесении к ноэтическим аспектам (разнообразие «предметов» воспоминания).

Суммирую основные содержательные оттенки значения и понятия «интенциональности», и «интенционального» анализа в произведениях Гуссерля уже зрелого, феноменологического периода¹.

1. Интенциональность характеризует «сознание в точном смысле»; она трактуется как «сквозная тема, относящаяся к феноменологическим структурам» (E. Husserl. *Ideen I*. S. 204) (см. в моей книге 2003 г. — с подробным разбором § 84 «Идей I» — с. 310 и далее).

Здесь тщательно рассмотрены такие подтемы данной широкой темы: вопрос о смысле терминов — «интенциональное переживания» (*Erlebnisse*), «гилетический» (гиле), т. е. «материальные» (от *Stoffe*, «материи») данные и переживания.

2. Значение включения и тщательной разработки «ноэтического» и «ноэматического» моментов для характеристики двух главных сторон переживаний — связанных с прояснением соответственно актов и собственно предметных сторон сознания, а также срезов феноменологического анализа сознания.

«Феноменологические размышления и анализы, — пишет Гуссерль, — направленные специально на материальное (*stoffliche*) могут быть названы гилетическими-феноменологическими, а направленные на ноэтические моменты — как ноэтически-феноменологические» (*Ideen I*. S. 212).

3. Интенциональный анализ включен — в качестве принципиально важного аспекта — в целостность характеристик теории (модели) чистого сознания Гуссерля — конкретнее, в число методологических характеристик феноменологии — см. пункт 6: методы интенционального анализа (на трех полюсах): а) анализ актов, т. е. ноэтических аспектов интенционального сознания; б) анализ предметных, т. е. ноэматических стриктур сознания; в) анализ чистого Я как «полюса» интенциональности (в моей книге — с. 331).

4. Конкретные (тончайшие) характеристики и различия зрелой гуссерлевской теории интенциональности вводят в особый причудливый мир, по отношению к которому речь идёт о собственно гуссерлевских

---

¹ Буду опираться на свои прежние работы, преимущественно на книгу ««Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию». М., 2003 — в дальнейшем с указанием страниц по этому изданию и со ссылками на оригинальное издание «Идей I» Гуссерля в III томе Гуссерлианы.

различениях и их объединениях в целостности (отнесенных уже не к «реальному», (real) в сознании — не к самому по себе потоку сознания, а к сфере «feel», т. е. к уже отделенному (от сферы «real, т. е. специально охарактеризованным «единичностям» теоретически выделенного «интенционального сознания» — см. в моей книге с. 377–379¹ и далее).

5. Исследованию интенционального анализа, как он уже осуществляется в «Логических исследованиях» (например, в специально посвященном этой теме V *Исследованиях* II тома Л.и.) в моей книге посвящены специальные разделы (с. 444 и далее — также с соответствующими полезными, как я думаю, схемами и с пояснениями к частной, но важной теме использования и преобразования брентановских традиций концепции интенциональности).

6. В § «Преобразования интенционального анализа в “Идеях I”» (с. 469 и далее) я пыталась, опираясь на лучшие образцы тогдашней мировой феноменологической литературы вопроса, обобщить то новое, это Гуссерль именно в этом своем произведении 1913 года внес в разработку феноменологической теории интенциональности (например, в разделении на «актуальные» и «потенциальные» переживания (с.с. 472–473–474).

* * *

В заключение хочу отметить: в тексте (и в Библиографии) моей книги об «Идеях I» разобран или упомянут целый ряд работ феноменологов XX века, которые частично посвящены теории интенциональности Гуссерля или его учеников, последователей. К сожалению, подобные исследования очень редко осуществлялись отечественными гуссерлеведами. Но тем более надо упомянуть две прекрасные российские работы, а именно:

— *П.П. Гайденоко*. Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистская концепция трансцендентности // Современный экзистенциализм. М., 1966. С. 77–107 (Обратите внимание на то, как рано написана эта высококлассная работа).

---

¹ Там же, на стр. 387–388 имеются схемы, поясняющие, как Гуссерль конкретно, уже начиная с «Логических исследований», осуществляет интенциональный феноменологический анализ нозтико-ноэматиического коррелятивного отношения (показано на примере восприятия).

— В.В. Калинин. К метакритике понятия интенциональности у Эд. Гуссерля // Логос. 1997. № 10. С. 65–80.

Что касается зарубежных исследований, хочу поделиться своим мнением о том, что и по прошествии почти 35 лет среди самых фундаментальных гуссерлеведческих исследований проблематики интенциональности у Гуссерля лучшей была и остается следующая книга двух американских философов: D.W. Smith и R. McIntyre. *Husserl and Intentionality. A Study of Mind, Meaning and Language*. Dordrecht: Holland / Boston: USA, London: England, 1982.

Успех книги отнюдь не случаен: американские авторы осуществляли свои исследования в Стенфордском университете под руководством таких знатоков и исследователей феноменологии, как Дагфинн Фёллсдал (его работы, полученные от самого автора, я разбирала в своей книге об «Идеях I») и всемирно известный логик Яаакко Хинтикакка. Во время диссертационной работы авторов в Стэнфорде и после неё, во время создания книги при Стенфордском университете постоянно действовали различные семинары по феноменологии, а также «Летний институт изучения феноменологии и экзистенциализма». Имели место интенсивные коллективные обсуждения в высокоспециализированной интернациональной среде исследователей феноменологии, где наряду с авторами книги и их научными руководителями повседневно участвовали такие известные исследователи, как Hubert Dreyfus, M. Sukale и др. (их работы я разбирала в своей книге 2003 года).

Но когда в этом фундаментальном специализированном исследовании проблематики интенциональности заходила речь о *ранних* гуссерлевских интенциональных идеях интенциональности, то говорилось лишь о «Логических исследованиях» — разве что с беглым упоминанием о полемике Гуссерля с Твардовским и с парой слов о «Философии арифметики» (да и то лишь в связи с разгромной рецензией Фреге на эту гуссерлевскую работу), а также с упоминанием о влиянии Больцано на раннего Гуссерля. О работах Гуссерля второй половины 90-х годов XIX века нет и упоминания, ибо XXI и XXII томом «Гуссерлианы», содержащим эти сочинения (в том числе манускрипт «Интенциональные предметы»), пока лишь предстояло выйти из печати.

Ценным качеством обсуждаемой работы Д. Смита и Р. Макинтайра считаю то, что их *логическая* ориентация и их принадлежность

к логической школе Я. Хинтикки, к счастью, не привела авторов (что подчас случалось с целым рядом логиков) к тому, чтобы в противостоянии «Фреге—Гуссерль» однозначно занять антигуссерлевскую позицию. Напротив, они сделали своим жизненным делом доскональное исследование именно гуссерлевской теории интенциональности, в связи с которой нашлось место и изучению подходов Фреге (см. р.р. 61 и далее).

Я особо рекомендую книгу Смита и МакИнтайра тем читателям, которые интересуются тонким анализом соотношения теории интенциональности Гуссерля с такими мало изученными гуссерлевскими феноменологическими темами и понятиями, как «горизонт» (р.р. 227–265) или семантика «возможных миров» (possible worlds semantics — р.р. 308–353)¹.

---

¹ Читателям, интересующимся другими зарубежными исследованиями проблем интенциональности у Гуссерля, могу порекомендовать просмотреть большой именной указатель на слово «интенциональность» в моей книге об «Идеях I» Гуссерля; в тексте книги нередко имеются и другие ссылки на литературу вопроса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ I

Амбивалентность авторских самооценок и долгий негативизм исследователей в отношении «Философии арифметики»

Главные цели этого *Заключения* в том, чтобы решить, как сегодня, к концу 10-х годов XXI века справедливее всего определиться в отношении к двум рядам несомненных гуссерлеведческих фактов. Первый ряд связан с тем, что сам поздний Гуссерль оценивал свое раннее произведение амбивалентно — то уничижительно, предлагая как бы вычесть его из своего в целом великого, по более или менее общему мнению современников и потомков, творческого наследия, то всё же встраивая его в преемственную цепочку достижений феноменологии пусть не в качестве крупного, но необходимого и в-себе значимого начального звена. Второй ряд фактов, заслуживающих рассмотрения, — это долгое, в целом пренебрежительное отношение, если не полное замалчивание и гуссерлианцами, и историками философской (даже феноменологической), тем более математической мысли значимости I тома *ФА*. (Подготовительные материалы ко второму, так и не опубликованному тому гуссерлевского труда стали известны, как уже упоминалось, относительно недавно в историческом смысле.)

Правда, относительно истории такого замалчивания требуются уточнения. Как упоминалось, положение серьёзно изменилось к концу XX века и в нашем столетии, когда появились работы нового типа — также и в связи с публикацией в «Гуссерлиане» ранее неизвестных широкому кругу специалистов достаточно солидного массива рукописей, текстов Гуссерля последних десятилетий XIX столетия.

В ряде новых западных исследований произошел заметный сдвиг — с точки зрения, прежде всего, более пристального внимания специалистов-гуссерлеведов и к периоду «Философии арифметики», и к самому этому сочинению, и вообще к научной деятельности Гуссерля в годы создания, публикации этого труда, а также вскоре после

его выхода в свет — во всяком случае, ещё до написания «Логических исследований».

Я не случайно подчеркнула разрядкой, что сказанное о существенных сдвигах последних десятилетий касается работ западных феноменологов. Ибо в России, где к настоящему времени имеются вообще-то добротные исследования феноменологии, прежде всего гуссерлевской, но также и её ответвлений в разных странах, включая Россию, «Философия арифметики» так и остаётся *terra incognita*.

В целом же и с учетом происшедших сдвигов требуют нового уточнения две очерченные в начале этого *Заклучения* проблемы — амбивалентности авторских самооценок и долгого периода негативистского отношения к ФА, да и в целом к раннему Гуссерлю.

Вообще-то истории философии известен подобный феномен, поскольку он имеет место и применительно к другим выдающимся философам. Ведь и до «молодого Гегеля» (он, как и Гуссерль, во время своей ранней философской работы не был юным) у историков философии руки дошли очень нескоро. «Открытие» отдельными историками философии ранних гегелевских сочинений, например, Иенского периода, произошло больше чем через столетие после их написания! При этом историки философии XX века оправданно предполагали, что они и не могут быть столь же отработанными, как зрелые произведения. И все же они стали искать в первых произведениях и находили в них гегелевские прозрения, красивые идеи, которых логично ожидать и в молодости от великих философов.

В случае Гегеля, например, были большие исторические сюрпризы. Так, ныне знаменитую, достаточно глубоко разобранную «Феноменологию духа», теперь признанную одним из лучших, хотя и очень трудных для понимания сочинений Гегеля, в этом качестве открыли только в XX столетии! Кстати, Гегель в период напечатания своей «Феноменологии духа», да и после этого, вплоть до конца жизни более чем прохладно относился к своему первому крупному труду, несомненно, под влиянием равнодушия к нему со стороны тогдашнего философского сообщества — равнодушия и пренебрежения, которые, как теперь ясно, были незаслуженными и несправедливыми.

Присмотримся к тому, что происходило в XIX веке и происходит в наши дни с забвением, а потом с «открытием» ранних произведений

Гуссерля. В этой работе уже обнаружилось немало трудностей, препятствий. Ведь нужно по-новому исследовать движение вчерашнего математика к философии, к рождению первой солидной книги.

Гуссерль с самого начала решил поднять тяжелую теоретическую ношу и не всегда с нею справлялся. Вот и исследователям нужно быть в курсе синтеза, осуществляемого этим высоко талантливым ученым уже в ранние годы творчества. (Исследователи, кстати, нередко раздражались и раздражаются — зачем это математик, которого в его науке ожидало яркое будущее, о чем говорил его учитель, выдающийся ученый Вейерштрасс, вдруг пошел по какой-то иной дороге...)

Итак, трудностей и препятствий на пути к более объективным, взвешенным оценкам ФА было хоть отбавляй. Из-за них возникли и остаются живучими сегодня уже застарелые предрассудки, передававшиеся, как плохая эстафета, от одного автора к другому. Можно говорить о долгом отсутствии поля проверки тех или иных небрежных оценок, суждений о ФА, а правильнее сказать, *осуждений*, превратившихся в своего рода клише.

Некоторые из них в наше время уже откорректированы в специальной литературе, которая, впрочем, остается неосвоенной многими исследователями феноменологии.

Далее буду опираться на некоторые идеи изученных мною лучших из работ последних десятилетий¹, развивая также некоторые свои идеи и гипотезы. Попытаюсь предложить (и в этом, и в последующих *Заключениях*) такие ответы на вопросы, в общей форме очерченные ранее, которые считаю более точными и современными.

* * *

Прежде всего будут сделаны фактически-исторические разъяснения и уточнения к пониманию того, *как именно сам Гуссерль оценивал ФА*. Очень важно внимательно принять в расчет, что, когда и по какому поводу сам Гуссерль писал о ФА.

---

¹ За редкую для российского ученого возможность систематически ознакомиться с наиболее представительными, серьезными из них во время командировок в Галле снова благодарю немецких коллег из Университета Галле-Виттенберг, упомянутых в *Предисловии* к этой книге. Отмечу также: использование и оценки (относительно) новой литературы имеет место как в основном тексте моей книги, так и — в особо важных случаях — в специальных *Приложениях*.

Как правило, в интерпретациях, авторы которых обесценивают или попросту перечёркивают значение ФА, прежде всего содержатся ссылки на следующую авторскую самооценку, которая в отрывке из дневника Гуссерля выглядит следующим образом: «Я много читал из “Философии арифметики”. Сколь незрелым, сколь наивным и почти детским (*kindlich*) предстает передо мной это сочинение. Собственно *я уже вышел за его пределы, когда публиковал его*. Оно — в его существе — родом из 86/87 годов. Я был новичком, без настоящего знания философских проблем, без подлинного тренинга (*Übung*) философской способности. И в то время как я трудился над набросками к логике математического мышления и в особенности математического исчисления (*Kalküls*) (т. е. “анализа”. — *Н.М.*), меня мучили неизъяснимо чуждые миры: мир чисто логического и мир актов сознания — как я сказал бы сегодня, мир феноменологического и психологического. *Я не знал, как объединить их в одно, и однако они должны были иметь отношение друг к другу и образовывать внутреннее единство*. Так я ломал себе голову, с одной стороны, над [вопросом] о сущности представлений и суждений, о теории отношений (*Relationstheorie*) и т. п., а с другой стороны, о прояснении связей математико-логических формальных образований (*Formalitäten*)»¹.

Попытаемся тщательнее разобраться, о чем, собственно, пишет Гуссерль в этой дневниковой заметке. Она выражает авторское недовольство ранней книгой, а можно сказать и чувство отторжения от нее уже зрелого философского «мастера» (*Meister* — так ученики Гуссерля называли своего учителя). Такие чувства и оценки — от раздражения до полного отчуждения — более чем характерны для многих выдающихся, тем более великих (великим стал и Э. Гуссерль) философов, когда и если они перечитывали книги своей философской молодости.

Гуссерль, быть может, в ещё большей мере, чем другие философские умы, был подвержен подобным взрывам авторского раздражения. Он был особенно склонен хотя бы на время испытывать отчуждение от написанного, опубликованного и сказанного ранее. И в дальнейшем своем развитии не раз чуть ли не отвергал свои сочинения — причем даже и те, которые высококомпетентные современ-

---

¹ *Husserl E. Personliche Auszeichnungen / Philosophy and phenomenological Research, vol. XVI, 1956. S. 294 (курсив мой. — Н.М.).*

ники достаточно быстро причисляли к выдающимся книгам своего времени. Как отмечалось, поначалу примерно таким было отношение автора к «Логическим исследованиям», которые выдающийся мыслитель Бертран Рассел считал «одной из лучших книг XX века».

Тут было две главные причины: первая — *самокритичность*, требовательность к себе, ответственность, честность, которые всю жизнь отличали Гуссерля как мыслителя, вторая — *исключительно быстрое развитие, продвижение вперёд его исследовательского ума*. Недаром в вышеприведенной заметке есть признание: книга ещё только печаталась, а он, автор, уже вышел за пределы ФА...

Но ведь наряду с этой самокритичной самооценкой ФА в вышеприведенных словах Гуссерля содержится важнейшая для нас авторская констатация: когда он создавал свой первый труд, его уже «мучили неизъяснимо чуждые миры», включая никому еще не ведомый «феноменологический мир»! Это признание дорогого стоит. Оно говорит о многом, в частности, о кардинальном факте, здесь зафиксированном самим автором — о том, что в период создания ФА Гуссерля в его творческом сознании уже присутствовал также мир «феноменологического»! Это совершенно упускали из виду многие ранние интерпретаторы, признававшие более поздние *феноменологические* заслуги Гуссерля, но причислявшие его ранние сочинения лишь к «психологистическим» заблуждениям. Моя главная цель при анализе ФА, во-первых, состояла в том, чтобы документально показать, что творческие муки Гуссерля по поводу именно «феноменологического нового мира» все же привели к определенным ценным результатам и в ФА. Во-вторых, вполне можно обнаружить ростки того, тоже нового мыслительного синтеза, который складывался на линии объединения математического, психологического, философского измерений. Ведь нельзя не отметить, что и молодой Гуссерль — по воспоминаниям уже зрелого Гуссерля — в период написания ФА ещё не знал, как объединить в одно целое все эти измерения, но был движим, по-видимому, главной идеей: они должны иметь отношение друг к другу и образовывать внутреннее единство, причем это уже уловленное единство надо сохранить, объяснить, развить.

Хочу подчеркнуть, притом с глубокой внутренней уверенностью: для *начинающего* автора, для *первой* большой книги, притом для рабо-

ты на исследовательском поле, новом для Гуссерля (если иметь в виду его профильное математическое образование) — и во многом новом для тогдашней науки — всего этого совсем немало!

Вместе с тем невозможно относиться с недоверием к честным признаниям Гуссерля относительно отсутствия «подлинного тренинга философской способности» у него, новичка в философии... Все это в ФА тоже не могло не получить своего выражения. И в ходе текстологического анализа ФА приходилось указывать не только на сильные, новаторские стороны этого чрезвычайно сложного произведения, но и на его слабые места — например, на нечеткость формулировок, неотреботанность даже основополагающих понятий, рыхлость композиции, недостаточно глубокое освоение истории философии и т. д.

Более существенно то, что объективные, не раздраженные оценки у позднего Гуссерля *превалируют* — когда философ делал попытки все же прочертить в своем творчестве (несмотря на все изменения позиций и прорывы) *единую преемственную линию*. Так, в самом позднем сочинении «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» он указывает на единую линию, связующую — по теме исчислений (*Kalküls*), или «анализа», — ФА с некоторыми идеями своей последней крупной работы, «Кризиса...». Это позднее произведение, как отмечал и доказывал Лотар Элай (*Lothar Eley*), видный немецкий феноменолог второй половины XX века, в своем предисловии эдитаора («*Einleitung des Herausgebers*») к XII тому «Гуссерлианы» (в нем сама ФА и замечательно собранные материалы к ней были вновь, причем на академическом уровне, опубликованы) «специфическим образом восходит к ранней работе...». Содержательные позитивные *ссылки автора на ФА* имеются (это раскрыто в упомянутом Введении эдитаора к XII тому «Гуссерлианы»¹) также в более ранних произведениях Гуссерля: в «Идеях I», в «Формальной и трансцендентальной логике».

Есть в разбираемой группе проблем ещё одна историко-философская тема, которая относится не к одному лишь Гуссерлю, но и к нему тоже. Спросим себя: а надо ли историкам философии, исследующим философскую систему, идею, книгу того или иного автора, считать

¹ *Husserliana*. B. XII. Den Haag, 1970. S. XVI–XVII.

последней истиной то, что о них говорил или писал сам их создатель? В нашем случае — можно ли полностью полагаться на то, как о своих сочинениях, в частности о ФА, в разное время высказывался Гуссерль?

В этом пункте (как и в целом ряде других) я солидарна с позицией видного голландского исследователя феноменологии Теодора де Бура, который в своей прекрасной, сегодня уже классической книге «Развитие мысли Гуссерля» («The Development of Husserl's Thought». The Hague, 1978)* высказал такую идею: нередко «мы не обязаны принимать более поздние ремарки Гуссерля (о ценности более ранних произведений. — *Н.М.*), ибо Гуссерль ...не является последним авторитетом в *исторической* интерпретации его собственной мысли. Текстологический анализ ФА может в большей степени продвинуться вперед благодаря размежеванию со “схоластическими” образцами, господствовавшими в его время. Это может также обеспечить возможность реконструировать сомнения и колебания, которые имели место уже в его “самых ранних начинаниях”»¹. (Подобные мысли я поддерживаю; они, в частности, были одним из импульсов, подтолкнувших меня к подробному текстологическому анализу ФА, тем более что это раннее произведение до сих пор не переведено на русский язык.)

* * *

Теперь обсудим причины второго ряда фактов и попытаемся понять, как сложилась и почему надолго — вплоть до конца XX века — закрепилась отнюдь не славная традиция в интерпретативной литературе или совсем не обращаться к ФА, или писать о ней, искажая (по моему мнению) и содержание, и историческое значение этого сочинения Гуссерля?

Сформулирую в сжатом виде ряд соображений о причинах историко-философского явления, к настоящему времени, к счастью, уже не отражающего основные интерпретативные тенденции *западной* гуссерлеведческой литературы.

1. Как уже упоминалось, опорой для авторов, по существу перечеркивающих позитивное значение ФА для движения Гуссерля по фе-

¹ Th. de Boer. The Development of Husserl's Thought. The Hague. 1978. P. 27–28.

*О работах этого замечательного философа см. специальный экскурс в приложениях.

номенологической дороге и для истории мысли, были разобранные ранее критические суждения основателя феноменологии о своей первой (большой) книге. Как и почему они (соответствующими авторами) не были разобраны, осмыслены и не были поставлены в связь с иными, более взвешенными гуссерлевскими самооценками, что вообще-то было бы необходимо для непредвзятого, объективного, именно научного анализа, не ведаю...

2. В результате действительные слабости ФА, нечеткость, а то и неточность ряда гуссерлевских формулировок, терминов были преувеличены и выдвинуты на первый план. Был затушеван, по сути не исследован исторический факт, состоящий в том, что *Гуссерль разделял* многие, если не все *подобные непрясненности с основными концепциями своей эпохи*, например, с особым пониманием психологии, психологического (обобщение этого опыта — в последующих *Заключениях*).

3. Гуссерль вместе с ФА, главное, с рядом тогда и несколько позже написанных текстов, мог бы в принципе войти в историю прогрессирующего в конце XIX века формально-логического знания, в частности, на глазах порождающего математическую логику и другие виды специальных разработок, например, логическую семантику.

Но так случилось, что на весьма долгое время в поле зрения современников и потомков попали спор Гуссерля с Фреге в ФА, а потом разгромная, в сущности, рецензия Фреге на ФА. Дело для многих авторов и на долгое время выглядело так: значение ранней работы Гуссерля как бы перечеркнуто критикой великого Фреге; что бы основатель феноменологии ни писал впоследствии, ФА недостойна прочтения. Её и не читали...

Во второй половине XX века положение стало меняться. Авторитетные исследователи, правда, зафиксировали такое долгое время господствовавшее мнение: «Большинство логиков, — писал в 1981 году исследователь ранней феноменологии Р. Шмит, — защищает тот взгляд, что Гуссерль, в отличие от Фреге, не оказал никакого решающего влияния на логику (ср. Evert W. Beth, *The Foundation of Mathematik*, Amsterdam. S. 353) и что оно ограничивается подчеркиванием *заслуг Гуссерля в логической семантике или в выдвижении идеи логической грамматики. Понятие семантической категории, впервые введенное в логику Лесневским, восходит к Гуссерлю...* Историки логики воздают должное Гуссерлю — как

и Больцано, и Фреге — за его борьбу против психологизма и преодоление его» (R. Schmit, 1981. S. 14 — курсив мой. — *Н.М.*)¹.

Значит, частные заслуги Гуссерля как логика в XX веке постепенно признавались специалистами, хотя незыблемым был и остается тот факт, что в формальной, в математической логике они несопоставимы с вкладом Фреге. Кстати, тот факт, что Гуссерль написал (опубликованные много позже в «Гуссерлиане») тексты по логической семантике, мало известен — а он первостепенно важен. Ведь получается, что необходимость появления логической семантики Гуссерль тоже почувствовал... задолго до её рождения!

Но мы разбираем здесь вопрос о том, сколь несправедливым было долгое замалчивание ФА, и здесь отмечаем, что отчасти оно произошло из-за влияния Фреге и формальных логиков и вопреки тому решающему обстоятельству, что в ФА ни в коей мере не ставилась цель развивать *формальную* логику! И вызвавшее негодование со стороны Фреге стремление использовать тот материал, который Гуссерль и его современники (как мы показали и ещё покажем, часто неточно) назвал психологическим, не имело никакого отношения к спорам об обосновании формальной логики...

Считаю, что из-за ряда обстоятельств (относящихся и к нечеткости, непроясненности формул, выводов ФА, но также и к несомненной глухоте Фреге к проблемам иных наук, к измерениям анализа, проектов) случились серьёзные исторические недоразумения и в научных взаимоотношениях двух ученых, и в их оценках, особенно в логике (одного, Фреге, уже тогда будто-бы признанного выдающимся, и другого, Гуссерля, только двигавшегося к великим научным открытиям). Это недоразумение не оказало, впрочем никакого влияния на славу великого Фреге (наоборот, прибавило к его биографии ещё одну маленькую победу — над ранним Гуссерлем!). А вот репутации работы раннего Гуссерля оно существенно повредило.

---

¹ Р.Шмит цитирует целый ряд сочинений логиков, разных лет (от 1959 до 70-х годов) в которых признаны эти заслуги Гуссерля в логике (H. Scholz, 1959; T. Kotarbinski, 1964; R. Blanché, 1970).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ II

К вопросу о соотношении логического, философского и психологического подходов в «Философии арифметики»

Логические споры — до «психологизма»

С проблематикой, очерченной заголовком, мы то и дело встречались при конкретном текстологическом анализе ФА — соответственно тому, что она находилась в орбите постоянного внимания начинающего автора и в этом произведении, и в ряде других ранних работ Гуссерля. Эта тема привлекала определенное внимание философского, шире — гуманитарного сообщества в последние десятилетия XIX века. А к тому времени, которое мы исследуем, ею — что мы видим на примере Гуссерля — увлеклись и представители «точных», а именно математических наук.

Главное осложняющее историческое обстоятельство состояло в том, что на протяжении целых десятилетий развития гуссерлианства вопрос об отношении философских исследований, сопряженных с математикой, и составных элементов того сложного комплекса научных изысканий, который (по ряду исторических причин — в неточных, как будет показано, формулировках современников Гуссерля и его самого) проходил как бы по ведомству психологии, оставался коренным для истории гуссерлианской феноменологии и в то же время оказался, после публикации ЛИ — в виде проблематики «психологизма» — одним из самых спорных в наследии Гуссерля.

Тема психологизма объективно очень сложна. Но она приобрела просто-таки неприлично запутанный и ретроградный вид в российской литературе вопроса, тогда как в западных гуссерлеведческих (и более широкого плана) исследованиях последних десятилетий вопросы об опоре на психологию, а затем и о *более позднем споре* психологистов и антипсихологистов уже подвергнуты тщательному корректирующему научному анализу (у нас по большей части неизвестному).

Уже с самого начала этой моей книги я включилась в полемику с неприемлемыми для меня подходами к обсуждаемым темам, которые имели и до сих пор имеют хождение в зарубежной и особенно в отечественной философии.

В целом ряде книг и статей, что уже отмечалось, запечатлена эта ходячая точка зрения: считается, что в ФА Гуссерль по вопросу о природе логики, логических (и математических) понятий защищал «психологистическую» позицию, которую он отбросил и даже осудил в ЛИ. Целостно и подробно обсуждать проблематику психологизма и в её рождении, и в её содержании, и с точки зрения участия в её постановке и решении Эдмунда Гуссерля я наметила во второй книге этой моей работы. И сделала так прежде всего по веской исторической причине, которую и здесь следует (но очень кратко) охарактеризовать в первую очередь — соответственно такому *непреложному историческому факту*: тема психологизма и острые споры вокруг соответствующих проблем относятся к несколько более позднему историческому периоду, чем написанные и первые, впрочем, немногочисленные обсуждения опубликованной в 1891 году «Философии арифметики».

В период создания и публикации ФА проблематика «психологизма» в собственном смысле этого термина ещё не существовала, не разбиралась в соответствующем дискурсе — ни в психологии, ни в логике, ни в философии. Её «время», как сказано, — более позднее, приблизительно вторая, а не первая половина 90-х годов XIX века. Хотя сказанное отражает ряд подтвержденных к настоящему времени исторических фактов из истории мысли XIX века, освещение споров о психологизме в XX веке долгое время строилось на недостоверной, искаженной исторической основе, где многое было перепутано, не точно исследовано, а потому выступило в виде штампов, кочевавших из работы в работу. Подробное доказательство этого, как отмечалось, станет одним из основных тем и проблем в готовящейся к печати второй книге этого моего сочинения. Впоследствии осуществленное искажение исторической оптики, состояло в том, что плохо осведомленным людям показалось — и они стали утверждать, что спор «психологизма» и «антипсихологизма» возник уже в первой половине 90-х годов. И в частности, ранний спор Гуссерля с Фреге и ответную полемику выдающегося логика с автором ФА — из-за этой

исторической аберрации — *post festum* подверстали к борьбе вокруг темы психологизма.

Вот почему было необходимо, уже здесь, в первой книге, в частности, документально разобраться и в том, о чем, собственно, Гуссерль с *самого начала* спорил с Фреге, ибо, как отмечалось, это он первым задел именитого логика в ФА. Фреге же ответил своей рецензией на книгу Гуссерля, но опубликовал её позже, когда, шумный спор вокруг «психологизма» уже начинался. Поэтому первые шаги к размежеванию двух ученых были сделаны именно Гуссерлем, и пока что преимущественно на его поле — а оно было ограничено исследовательским масштабом и координатами ФА и подготовительных, более ранних гуссерлевских работ.

Нам было необходимо самым тщательным и конкретным образом разобраться также в том, что в точности служило предметом размежевания двух ученых в исторически *начальном* споре. Я лично, как видно из всего предшествующего анализа истории научно-философского развития Гуссерля, не разделяю того подхода критиков (сегодня уже не доминирующего, но все же встречающегося в литературе и тем более выразившегося в ходячих штампах), согласно которому период ФА и сама эта работа — сплошная неудача Гуссерля. Ранее осуществленный постраничный текстологический анализ ФА — попытка документально опровергнуть чисто негативистские оценки критиков.

Проблема противостояния «Гуссерль — Фреге» вписана в эту сложную, противоречивую *историю*, которая *первой половиной XIX* века не ограничивается. Полемика Гуссерля и Фреге — после начального нападения начинающего автора на видного логика в ФА — как мы знаем, возобновлялась, а потому заслуживает дополнительного освещения, которому у нас будет соответствовать презентация первого и второго актов своего рода интеллектуальной драмы «Фреге — Гуссерль». Здесь же подведем предварительный *теоретический* итог уже состоявшейся полемики, где главным фоном и данностью пока что является гуссерлевская ФА и духовный мир, интеллектуальный багаж нападающего, т.е. начинающего автора Э. Гуссерля.

Суммируем основные проблемно-теоретические пункты, четко обозначившиеся именно на данном, раннем этапе полемики.

1. Центральный вопрос, вокруг которого (как было показано при анализе VII главы ФА) разгорелся спор Гуссерля с Фреге, касался такой

проблемы: можно ли и нужно ли сопрягать, увязывать логику и психологию, философию математики и психологию (соответственно, разработки этих наук)? Ответы и Фреге, и Гуссерля мы уже знаем. Гуссерль утверждает: да, можно, а уже в первой половине и тем более к концу XIX века очень нужно; смысл ФА отчасти заключается в этом увязывании. Фреге — в его известных Гуссерлю произведениях — говорит: ни в коем случае; более того, это должно быть *категорически запрещено*.

Общий вопрос, правда, требует уточнения — соответственно тому конкретному предмету, коему посвящена ФА.

В случае ФА, ранней книги Гуссерля, проблема получает дополнительный оттенок: ведь о взаимодействии философии математики, логики и психологии (или, наоборот, о запрете — со стороны Фреге — на такое взаимодействие, тем более на агрессию со стороны психологии и «психологической логики») речь идет применительно к *специальному исследованию психологического генезиса фундаментальных математических понятий числа* (и других многочисленных понятий числового характера).

Вот здесь Фреге, как яснее выявилось впоследствии, был особенно резок и непримирим по отношению ко всему, что было предпринято в ФА (правда, развернет он свою антигуссерлевскую полемику годами позже). Фреге покажет: такое исследование, с его точки зрения, полностью искажает смысл, природу подобных понятий и, более того, наносит удар по царству чистой логики.

В отдельных работах авторы защищают мнение, согласно которому выдающийся логик Фреге был полностью прав, а неопытный Гуссерль в ФА лишь заблуждался, обсуждая эту группу вопросов, а потом — благодаря именно критике Фреге — полностью-де осознал свои ошибки. Характерно, что такую оценку чаще всего дают логики. Приведу достаточно давно высказанные слова голландского (математического) логика Э. Бета (Beth): «Вполне возможно отвести Фреге хорошо определенное место *в пантеоне спекулятивных философов*: с одной стороны, он был учеником Г. Лотце, с другой, его критика психологизма привела к обращению (conversion) Гуссерля: в ЛИ тот осуществил отход от психологистической доктрины, чтобы придерживаться платонизма Больцано и Лотце; любопытно, однако, что Гуссерль так и не преуспел в ассимиляции теорий Фреге, хотя он существенно повлиял на выда-

ющихся (eminent) польских логиков Лукасевича и Лесневского»¹. В этом высказывании (достаточно типичном, как доказал крупнейший исследователь феноменологии нашего времени Д. Фёллесдал в одной из своих работ² и что подтверждено в новейшей литературе) содержатся, с моей точки зрения, некоторые досадные и тем не менее распространенные ошибки. Влияние Фреге на Гуссерля после ФА и особенно как автора ЛИ, несомненно, существовавшее, сильно преувеличено за счет преуменьшения самостоятельности, оригинальности, которые — при всех испытанных влияниях — все же несомненно имелись в гуссерлевской мысли, воплощенной даже в этих ранних работах.

В подтверждение того, что подобное суждение было распространено и позже, можно было бы привести немало высказываний. Прочитую одно из них — из книги Х. Пойкера: «Критика Фреге затрагивает в перенесенном Гуссерлем из габилитационной работы в ФА изложении (темы) происхождения чисел его самое слабое место, ибо остается утверждать, что вместе с ним предлагается *односторонне психологическая* интерпретация понятия числа» (Н. Reusker, 2002. S. 23, курсив мой. — *Н.М.*).

С такими определениями не могу целиком и даже в основном согласиться. Начну с конкретных историко-философских квалификаций. Определение позиции Гуссерля в ЛИ как простого следования платонизму Больцано и Лотце (тоже встречающееся в литературе) я, вместе с целым рядом других исследователей, считаю неверным. Главное, тут надо прислушаться к критике со стороны самого автора ЛИ в адрес «платонистского гипостазирования всеобщего» (вопрос о мнимом «платонизме» Гуссерля я разобрала в книге об «Идеях I»³).

Что считаю верным в суждении логика Бета, так это утверждение, что Гуссерль «не преуспел» в ассимиляции идей Фреге. Бет говорит об этом с удивлением и, видимо, с сожалением, даже осуждением. Но о чем тут сожалеть? Ведь в случае такой полной и прямой ассимиляции мы получили бы очередного ученика и последователя Фреге, а не

¹ Beth E.W. Les fondements logiques des Mathematiques. Paris, Lonvain, 1955. P. 119.

² Føllesdal D. Husserl and Frege: A contribution to Elucidating the Origins of Phenomenological Philosophy / Mind, Meaning and Mathematics. Dordrecht, Boston, London, 1994. S. 7, 8.

³ Мотрошилова Н.В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003. С. 551–553; 632

создателя феноменологии, справедливо признанного в качестве новатора, проложившего в философии и культуре XX века совершенно новые и перспективные пути.

Есть один важный момент фактического характера, присутствующий в обсуждаемой схеме. Казалось бы, невозможно не принять в расчет то, как сам Гуссерль в ЛИ расценил свою критику, в ФА направленную против Фреге. Присмотримся к этой частной, но немало-важной проблеме (но здесь тоже в виде обобщенных замечаний, ибо в наших последующих обсуждениях данной проблематики во второй книге она будет разобрана специально и подробно).

В литературе, действительно, можно встретить категорическое и общее утверждение, будто Гуссерль в ЛИ полностью дезавуировал свою критику в адрес Фреге, высказанную в ФА. Я согласна с теми авторами, которые отметили, что это совсем не так, если не довольствоваться одной извинительной фразой Гуссерля, притом написанной в примечании, где он упоминает работу Наторпа, а потом пишет: «См. также стимулирующую работу Г. Фреге “Основы арифметики” (1884, р. vi f.). Едва ли надо говорить, что я уже не разделяю свой критицизм в отношении принципов антипсихологической позиции Фреге, как он выражен в моей ФА. S. 129–132 (LU I. S. 179)». Отметим: это написано в ЛИ *уже после того*, как разгорелся спор «психологистов» и «антипсихологистов», в котором Гуссерль, как известно, принял активное участие на стороне последних. (И не только принял участие, но нанес — как правильно считалось — решительный удар по психологизму, как бы похоронив его!)

В литературе более поздних времен все смешано, перепутано, неправомерно экстраполировано на прошлое, на период ФА. Да и значение покаяния Гуссерля — относительно Фреге (как правило, в пересказах, имевших место в куда более поздних работах интерпретаторов), сильно преувеличено.

Согласна со следующим более взвешенным, отвечающим реальному положению вещей суждением Кл.О. Хилл: «Многое из того, что Гуссерль написал об идеях Фреге в ФА, имеет, правда, критический характер. И в ЛИ он отмечает, что берет назад (retracing) некоторые возражения, сделанные в адрес взглядов Фреге, которые касаются аналитичности и его оппозиции по отношению к психологизму. Од-

нако строгий взгляд на это самоопровержение показывает, что оно затрагивает три страницы критики Фреге со стороны Гуссерля... оставляя в неприкосновенности *фундаментальный критицизм по отношению к фрегевскому проекту*. Например, Гуссерль никогда не опровергал свое утверждение о том, что теория числа в духе Фреге является несостоятельной и бесполезной с научной точки зрения, что все дефиниции Фреге становятся истинными и корректными предложениями лишь в случаях, когда объем понятия замещает (substitutes) само понятие, хотя [в таких случаях] понятия самоочевидны и лишены ценности. И что результаты предпринятого Фреге исследования способны вызывать удивление: как кто-то может думать, что их истина не является только временной»¹.

Все это подмечено совершенно верно (хотя и затушевывается авторами, поддерживающими устаревшую и упрощенную схему при толковании обсуждаемых вопросов). Более того, *иначе, по моему мнению, и быть не могло*. В некоторых оттенках Гуссерль, действительно, согласился с Фреге, *имея в виду главным образом тон* своих нападков. Но в том-то и дело, что он не мог сделать уступок в принципиальных для него решениях, ибо в этом случае задуманные и исполненные им великие ЛИ теряли бы всякий смысл. *А несогласие с Фреге так и оставалось в развитии учения Гуссерля важнейшим теоретическим, конструктивным элементом* (что будет подтверждено также в нашем обещанном целостном анализе проблемы).

2. В литературе, посвященной обсуждаемому вопросу о логике и психологии, кроме того, часто фигурирует такая мысль: ранний Гуссерль потому был неправ, что по существу был «психологистом» и, значит, должен был отказаться от этой своей позиции (что он и сделал-де в ЛИ). А антипсихологист Фреге якобы был однозначно прав, притом на все времена. Между тем с теоретической, да и историко-фактической точек зрения дело опять-таки обстоит во многом иначе. В вопросах о соотношении логики и психологии, *о правомерности их пересечения* в случае исследования философии арифметики, проблемы числа в частности и особенности, переплелось так много аспектов, что без их специального рассмотрения в этой теме разобраться невозможно-

---

¹ *C.I.O.Hill*. Husserl and Frege on substitutivity / Mind, Meaning and Mathematics. Dostrecht / Boston / London. 1994. S. 117 (курсив мой. — *Н.М.*).

но. Обобщая проделанный анализ и одновременно предваряя следующее конкретное и тщательное рассмотрение проблемы психологизма во второй моей книге, выделю некоторые из аспектов, которые представляются наиболее существенными.

2а. Никак нельзя забывать о том, что ранее уже обсуждалось: ведь ФА Гуссерля возникла в контексте чисто математических, философско-математических, логических исследований и споров, посвященных масштабным и энергичным *поискам оснований арифметики*, попыткам её общетеоретического фундирования. Этот спор, в свою очередь, маркировал начало широкомасштабных последующих попыток преодолеть в математике “кризис оснований”. Вот в этой плоскости и поднимался (хотя редко) вопрос: может ли психология помочь в поисках таких оснований? Ответ ряда математиков и логиков, особенно логиков математических, когда и если они обращались к этому вопросу, был, как и в случае Фреге, резко отрицательным. При этом Фреге как никому другому удалось — и ещё задолго до развертывания спора о психологизме — привести много убедительных доводов в пользу такого ответа.

Обобщая его позицию, можно сказать: Фреге удалось определить специфические установки, которых придерживаются и не могут не придерживаться математики и логики, поскольку *их предмет и конкретные объекты их интереса, их понятия уже вычленены и над ними уже ведется, подчас целыми веками, конкретная работа*. На этой, более поздней исторической стадии она (до какого-то предела) успешно осуществляется без всякого обращения к *генезису* таких понятий и объектов: последние уже есть, и их можно, даже нужно брать в чистом виде, приводить в соответствие друг с другом, выстраивать различные системы. Если поднимается вопрос о том, где и как такие понятия возникают, то он или считается праздным, ненужным, или предпочтение отдается, в самом деле, платоновско-больцановским (по типу) объяснениям, согласно которым такие «объекты» образуют самостоятельное царство «истин в себе». Что также для ряда авторов значит: здесь — царство математиков, вход, в которое, скажем, психологии и психологам просто заказан. (Это же в принципе *тогда* можно было сказать и о царстве «чистой» логики, тем более стремительно математизирующейся, границы которой тоже не дозволялось нарушать).

Гуссерль в осмыслении всех этих вопросов поступил по-другому: вчерашний математик парадоксальным для своей дисциплины образом поставил эксперимент, который (по крайней мере внешне и отчасти) совершался... в пользу психологии. Суть эксперимента состояла в следующем: предпринималась попытка использовать для генетического объяснения основ арифметики — через выявление генезиса в сознании человека её фундаментальных понятий, прежде всего понятия числа — материал, накопленный в психологии. (В этой книге было показано, что в ФА вовсе не был привлечен исключительно и «одно-сторонне» или, как пишут некоторые авторы, преимущественно *психологический* материал.)

Предваряя обобщающее, а в то же время *конкретное* рассмотрение обсуждаемой здесь проблематики, которое займет несколько страниц, хочу пояснить, что оно коснется главным образом только тогдашнего гуссерлевского мира идей и размежеваний, где суждений Фреге совсем не будет. Причина проста. Фреге уже *изначально и резко* отверг всю эту и сходную сферу исследований как ни в чем не нужную математической логике, более того, как вредную, а потому запретную для всех ее сфер и ответвлений. Той же линии он будет неуклонно придерживаться и впоследствии.

Говоря обобщенно, можно напомнить, что в конце XIX — начале XX века разворачивается и все более вступает в права в научных исследованиях и дискуссиях проблематика междисциплинарного синтеза, а по контрасту — подчас и вопрос о «строгом», «чистом» утверждении границ и рамок как в сложившихся, так и в новых научных дисциплинах. Можно в целом говорить о двух крайних (иногда непримиримо споривших) типах ученых. Одни приветствовали попытки синтеза материала разных дисциплин, другие бдительно «стерегли» сложившиеся или складывающиеся границы. Деятельность Гуссерля изначально обнаруживает в нем ученого первого типа. А Фреге был ярким воплощением другого типа, представителей которого (имея в виду только эту сторону их деятельности) можно назвать «пограничниками», бдительно охраняющими незыблемость границ (здесь: «чистой логики») — и что особенно важно — неусыпно выполнявшими эту функцию применительно к новой расцветающей, перспективной научной дисциплине, математической логике.

Вернемся к Гуссерлю, трудившемуся в теоретическом пространстве расширявшегося уже в XIX веке, весьма бурного для науки XX века процесса сближения, переименования, синтеза наук, парадоксальным образом подразумевавшего также и процессы новых отпочкований, размежеваний прежде единых научных дисциплин и их комплексов. Удались ли гуссерлевские синтезирующие эксперименты? Ходячее логицистское объяснение: эксперимент с логикой закончился полным крахом, по крайней мере в задуманном деле обоснования с опорой логики (некоторые авторы пишут: «только», считаю, надо писать: «также и») на психологию. Вывод как будто бы подтверждается тем, что у ФА не нашлось последователей и, главное, что сам Гуссерль рационально, обоснованно перечеркнул-де свои якобы безнадежные ранние «психологистические» поползновения.

В моем ответе на вопрос об удаче или неудаче Гуссерля делалась попытка (на протяжении всей книги) доказать, что даже в самой бесспорной, казалось бы, плоскости, — поиске оснований арифметики через психологию — дело не закончилось полной неудачей. Да, в то время был получен скорее отрицательный результат. Но надо точно определить, *в чем именно он был отрицательным*. По моему мнению, в том и *только* в том, что решение, выработанное, во-первых, на *основании имевшегося тогда психологического материала*, а во-вторых, на основе идей самого автора ФА, не было столь глубоким и убедительным, чтобы найти отклик в математике, философии математики, логике конца XIX века. Но не говоря уже о том, что отрицательный ответ в эксперименте — тоже ответ, ни Гуссерль, ни Фреге, ни кто-то другой не доказал заведомого тезиса, яснее всего высказанного Фреге. А именно тезиса о том, что психологии-де нечего было делать раньше, нечего делать сегодня и в будущем в данной области и данной проблематике.

Я не являюсь специалистом в вопросе о том, продолжают ли *современные психологи* (или «психологические логики») эксперимент Гуссерля.

Впрочем, вряд ли стоит даже *в этой частной проблематике привлечения к обоснованию арифметики материала психологии* делать вывод о ФА Гуссерля как полной неудаче. Трудность здесь в том, что сам автор книги в будущем занялся другими проблемами и что в пределах математики, логики тех времен разделение труда сложилось специфическим образом: победили *формальная* арифметика, математическая

логика — и до «психологии», вернее, до генетического аспекта исследования руки у узких специалистов и тем более у мыслящих умов ранга Гуссерля так и не доходили.

26. Если отвлечься от проблем поиска фундаментальных оснований арифметики и сосредоточиться на исследовательской конкретике ФА Гуссерля, то скрупулезная работа над текстом позволяет, как я думаю, обнаружить ценные рассуждения, находки автора книги в той области, которой он *в таком же ракурсе* впоследствии перестал заниматься, но к которой все же время от времени обращался при дальнейших — к концу XIX века уже первофеноменологических — исследованиях. Такие линии связи неплохо прочерчены в ряде феноменологических работ, которые мною использованы и на которые есть ссылки в данной книге, а также специальные экскурсы в *Приложениях*.

Например, в общем вопросе о роли и возможностях подключения психологического подхода таился оттенок, не всегда точно артикулированный спорившими сторонами, но плотно, органично присутствовавший в исследовании раннего Гуссерля. Это была более общая и касавшаяся *не столько психологии, сколько философии* проблема: в какой мере при анализе общих понятий, готовых знаний, теорий, конструкций науки *возможно и необходимо вести речь о сознании, о субъективном*, о вмешательстве реального человеческого субъекта? Нельзя забывать, что не Гуссерль придумал такой исследовательско-теоретический ход. *Такой была коренная проблема философии нового времени*, философии Декарта, Локка, Лейбница, Беркли, Юма, Канта и многих других философов. При сопоставлении с их попытками стремление Гуссерля повернуть внимание к представлениям и другим актам сознания, к сфере особого созерцания, интуиции отнюдь не было необычным. Дерзость автора ФА состояла в ином: с этими приемами — *повторяю, не столько психологии, сколько философии сознания и теории познания* — он вторгся в святая святых науки, в математическое и логическое знание, которое, как часто представлялось, совершенно и бесповоротно «объективно» не затрагивается в своем содержании. значении процессами в сознании индивидуального субъекта.

На мой взгляд, в дерзостных по тому времени попытках Гуссерля мы находим прообраз такой ментальности, какой науки, в том числе физика, математика, прониклись только к середине XX века, создав мето-

дологический комплекс принципов дополнительности субъекта (и субъективного) по отношению к объективным знаниям какого угодно ранга. Отмечу, что для поздней феноменологии это не было полное новшество, ибо решительный поворот зрелого Гуссерля к трансцендентализму был весьма специфической, интегральной частью научно-философского учета дополнительности субъективного в объективном — не надо забывать: в человечески-объективном. Но все это произошло позже, уже в XX веке. А мы пока «находимся» в XIX столетии.

На этот специальный момент — на расхождение и в ФА, и в спорах вокруг книги, между конструктивным внутринаучным (здесь: внутриматематическим) и уже философским, гносеологическим интересом — справедливо обратил внимание автор одного из лучших исследований по данному вопросу Р. Шмит: «Конструктивизм, который подвергает строгой критике уже принятые математические методы и стремится к редукции всей математики к некоторым основополагающим понятиям и операциям, следует однозначно отнести к имманентному научному обоснованию. Предмет этого математического учения о методе составляют единственно формальные операции как таковые; теоретико-познавательные предпосылки и мыслительные действия остаются непроясненными. *Психологическое объяснение* (в понимании раннего Гуссерля. — *Н.М.*), *напротив, протекает исключительно из теоретико-познавательных интересов и мотивов*: познавательные процессы и достижения, которые математика и, в частности, арифметика, имеют своей предпосылкой, требуют — в соответствии с таким пониманием — далеко идущего объяснения, перешагивающего рамки имманентных научных обоснований»¹.

Но этот же автор верно подчеркивает, что перспективной особенностью позиции будущего основателя феноменологии было и подчеркивание относительной правомерности каждого из подходов, и отстаивание их взаимодействия: «Хотя Гуссерль впоследствии не занимался проектом психологического основания логики и математики, он никогда не отвергал полностью ФА. С одной стороны, он всегда придерживался идеи *финитной* (конструктивной) математики; с другой стороны, на протяжении всей жизни был убежден, что *необходимо дополнить ма-*

¹ Schmit R. Husserls Philosophie der Mathematik. Bonn, 1981. S. 37 (курсив мой. — *Н.М.*).

тематическое учение о методе (научное обоснование) теоретико-познавательным осмыслением» (Ibidem. S. 39). Идея Р. Шмита о чисто конструктивном характере математического подхода в ФА Гуссерля весьма специальна и заслуживает проверки. Но сама мысль о поиске Гуссерлем уже в этой работе единства специально-математического, философско-математического и философско-гносеологического подходов я целиком поддерживаю, а потому отстаивала и в текстологическом анализе ФА, отстаиваю в этом и в других своих *Заключениях*.

2в. Если говорить особо о математике (а потом и логике), то вопрос специального характера фактически состоял в постепенном присоединении, дополнении всех видов «интуиционизма» к тем позициям — назовем их конструктивистско-логицистскими, которые отрывали «чистые» мысли от процедур сознания. (Близкие попытки отстаивания дополнительной фактически, притом прозорливо, Гуссерль предпринимал в ФА.)

3. Характерное для ФА обращение к полю представлений, а в более широком смысле — к интуиции, созерцанию (особого типа), которое Фреге в принципе отвергает применительно к математике, логике, вообще к научным истинам, оказалось — вопреки всем предостережениям выдающегося логика — *непреходящим моментом всего развития Гуссерля как мыслителя*, своего рода фирменным знаком и связующим звеном и дофеноменологических, и собственно феноменологических исследований. Вот здесь Гуссерль не уступил ни пяди своей земли какому-либо из критиков, включая непримиримого Фреге. А потому и в 90-х годах XIX века, и позже Гуссерль всегда проявлял внимание к психологии, к её развитию, впоследствии — к возникновению, трансформации феноменологической психологии (см. по этому вопросу IX том Гуссерлианы). Правда, проблема числа в этой связи уже почти не исследовалась. Зато в 30-х годах пришел новый генетический, уже социально-исторический интерес, выразившийся, например, в прекрасном тексте «Кризиса...» «Происхождение геометрии». А это свидетельствовало о постоянном внимании Гуссерля к темам «Ursprung», происхождения, генезиса в самом широком смысле этих слов.

4. Необходимо и здесь внимательнее отнестись к вопросу о взаимодействии философии и психологии, как и к проблеме их *размежевания*, дифференцирования — в частности, при их обращении

к анализу того, что Кант, как и многие его предшественники, современники, последователи и критики, согласно называли «чувственностью» (*Sinnlichkeit*) и что они многосторонне анализировали под самыми разными философскими углами зрения.

Представляется несомненным то, что такое дифференцирование (с точки зрения *различия* подходов философии и психологии) почти не занимает Гуссерля в ФА. Он берет интересующий его материал, не особенно вдаваясь в вопрос о том, принадлежит ли он и области (тогдашних) философии или психологии. Такая непроясненность в значительной степени определяется тем, что так же мыслили, действовали и ученые, от разработок которых отправлялся ранний Гуссерль. На этот ряд обстоятельств уже обращали внимание исследователи работ раннего Гуссерля. (В книге, которую читатель держит в руках, эта исследовательская тенденция находит продолжение.) Интересно, например, следующее рассуждение Р. Шмита, которое возникает в связи с пониманием того, что далеко не всякое обращение к сфере человеческой субъективности или к сфере представлений и представимого автоматически означает «психологизацию» подхода. «Хотя арифметика имеет своей предпосылкой числа, которые не могут быть действительно представлены (т. е. быть прямо переданы через представления и только через них. — *Н.М.*), но они сплошь стоят в теснейшей связи с субъективностью, которая больше не может быть понята исключительно как психологическая инстанция. Операции именно математического субъекта обнаруживают не меньшее значение, нежели психические акты коллигирования»¹. То же можно говорить о других весьма многочисленных действиях, процедурах сознания, которые так или иначе связаны и в теории должны быть увязаны со сферой «чувственности», но которые по существу своему касаются «идеальных миров» и «объектов», подобных математическим. Такие действия, процедуры, результаты — предмет анализа многих философов от Платона до Лейбница, Канта, Гегеля и их продолжателей в последующих столетиях. Первостепенно важно, что и Гуссерля с первых до последних его исследований интересовали такие объекты, их освоение сознанием и их «складывание» в целые «миры», специфические по сравнению с внеш-

---

¹ R. Schmit, *op. cit.* S. 27.

ним миром чисто природных объектов. В поздних работах, имея в виду необходимые кардинальные изменения понятия мира и концептуальных философских подходов к нему, Гуссерль создает целый ряд важнейших текстов, еще требующих освоения¹. Что же касается ранних работ, то здесь положение было двойственным. С одной стороны, благодаря размышлениям философов и математиков издавна, ещё со времен Платона, внимание было приковано к специфике математических объектов, сущностей, их коррелятов в сознании и их бытийных, онтологических предпосылок. Уже молодого Гуссерля, несомненно, занимала эта тема, споры вокруг которой то и дело оживлялись в математике и в философии; как правило, оживление размышлений и дискуссий было так или иначе связано с внутриматематическими проблемами и затруднениями (пример: теория множеств Кантора, о которой речь шла в специальном разделе).

Однако по причинам, которые требуют специального разъяснения, *споры эти неизменно переходили в общефилософскую плоскость*, касаясь, например, математических истин или чисел «в себе» (если употреблять термины Б. Больцано, серьёзно повлиявшего на молодого Гуссерля) или вообще перебираясь в почти заоблачные дали философского платонизма. Гуссерль, как показывают факты, в течение всего раннего периода отслеживал эти темы, в конце концов выработав неплатонистскую позицию (в чем я уверена вопреки ряду распространенных оценок и суждений). Но это лишь одна сторона дела. Потому что, с другой стороны, в самых ранних произведениях и рукописях, погружившись в конкретную работу над проблемой генезиса фундаментальных арифметических понятий, он — ещё не будучи профессиональным философом — никак не мог с той же тщательностью отозваться на вековые общефилософские споры. Это он сделает в своей дальнейшей многолетней творческой деятельности, когда продвижение вперед по найденной к концу пребывания в Галле феноменологической дороге время от времени будет подводить его к труднейшим фундаментальным вопросам общефилософского и философско-математического круга. «Кризис европейских наук», — упоминавшийся блестящий текст о про-

---

¹ См. по этому вопросу: *Н.В. Мотрошилова*. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003. См. по указателю на слово «мир» — с. 697. См. также раздел «Гуссерль и платонизм» (с. 551–553).

исхождении геометрии и другие тексты «Кризиса...» — доказательство того, что Гуссерль постоянно обращался к темам и проблемам, непременно требовавшим выхода к общефилософской проблематике. Одновременно он в большей мере отдал дань конкретике анализа, в том числе анализа психологического, не особенно вдаваясь в вопрос о том, есть ли тут сколько-нибудь четкие границы между философией и психологией, а если есть, то где они пролегают. Он свободно переходил от одного аспекта — общефилософского, философско-математического, логического, психологического — к другому, от одного пласта материала к другому, соответственно, от использования произведений философов к ссылкам на психологов и логиков, тем более что в XIX веке это были подчас одни и те же авторы.

Выскажу свое суждение, которое, возможно, покажется крамольным для тех, кто уже привык к внутрифеноменологической казуистике и, можно сказать, к некоторой идеологичности ригористических споров в истории феноменологии. История сложилась так, что споры о психологизме во второй половине 90-х годов XX века, участие в них Гуссерля, непреклонная позиция Фреге и других логицистов, — все это как бы отбросило длинную тень на попытки вчерашнего математика и начинающего философа погрузиться *и* в психологический материал, свободно переходя, как сказано, через внутридисциплинарные границы. Такое оказалось возможным прежде всего потому, что сами эти границы в дисциплинах, на почве синтеза которых работал Гуссерль, еще не были очерчены так резко и решительно, как это случилось впоследствии. (И ведь еще отнюдь не доказано, что размежевание в соответствии с новыми границами, взаимообособление ранее объединенных наук в конце XIX и особенно в XX веке, было для этих наук только благоприятным процессом...) Кроме того, природа генетической проблематики, заинтересовавшей Гуссерля, была такова, что именно *движение через границы дисциплин обещало особое качество исследования, потенциально заключало в себе преимущества, почти что утраченные в силу последующих дисциплинарных дифференциаций.*

В отличие от авторов, сетующих на такое смешение исследовательских жанров в ФА, я крамольно полагаю, что *синтетический, междисциплинарный характер ФА является несомненным достоинством этой ранней работы*, хорошо использовавшей — во имя прояснения числовых

понятий — наработки различных дисциплин. Более того, именно опыт междисциплинарного синтеза, каким бы частным и скромным он ни показался в свете последующих открытий Гуссерля, на деле был по-своему парадигмальным как раз для этих открытий. Ибо феноменология (чего подчас не понимали и не принимали великие ученые вроде Фреге и до сих пор не приемлют некоторые логики и философские логицисты) по природе своей не мыслима — она и не возникла бы — без специфического соединения именно тех линий, которые почти естественно сливались в работе молодого ученого над понятием числа.

Но ведь никак нельзя выпустить из виду и то, что, во-первых, сам Гуссерль время от времени выражал недовольство «Философией арифметики», а во-вторых, во второй половине 90-х годов он должен был не просто пережить и осмыслить споры вокруг психологизма, но и пересмотреть, в свете этого размежевания, свои первые публикации, вспомнив в *Предисловии* к I тому ЛИ слова Гёте о необходимо строгом отношении к недавно оставленным собственным заблуждениям. По поводу первого — строгой самооценки: здесь нет ничего необычного, ибо, как уже отмечено, Гуссерль так и будет двигаться от одного этапа развития своей мысли к другому, резко критикуя и порой даже отвергая ранее достигнутое. Так ведь было и с ЛИ, великой работой, с которой начался философский XX век. А вот к концу жизни, когда стала выстраиваться целостная картина, оказалось: разные подходы и этапы — как ступени единой лестницы, на которой нашлось место не только знаменитым ЛИ, но и долгое время пребывавшей в забвении ФА.

Вернемся теперь к тому, что не только Гуссерль, но и сами философски мыслившие ученые предпочитали, подобно Brentano или Штумпфу, определять свои исследования как психологические. Они предпочитали называть себя «психологами» и, соответственно, писать работы с акцентированно психологическими названиями, но часто и с философским содержанием (пример: «Психология с эмпирической точки зрения» Ф. Brentano). При этом такое их позиционирование себя в качестве психологов чем дальше, тем больше оправдывалось. Последние десятилетия XIX века были временем расцвета психологии и возникновения именно конкретных психологических работ (пример: «Психология звука» К. Штумпфа). Но вот что первостепенно важно: во всех этих случаях речь, однако, шла либо о философских

разработках, либо о таких психологических исследованиях, которые велись в рамках *философской психологии*, ещё не отделившейся от материнского лона философии (к чему, правда, уже были близки работы некоторых психологов того времени). При конкретном анализе ФА показано, что стихией гуссерлевского исследования является проблематика *представления* (Vorstellung), откуда и возникает — в том числе у самого Гуссерля — идея, согласно которой если не во всей ФА, то в её важных разделах осуществляется исследование чисто *психологической природы* интересующих его понятий. Частично так оно и есть: психологический материал плотно, повсеместно присутствует в ФА. И всё-таки фактом остается и другое: в истории *философской* мысли, что хорошо известно (и что показано на примере ряда конкретных исследований, также и в моей книге) *при анализе сознания* было издавна широко задействовано понятие представления (нем. Vorstellung, англ. representation). А это имело отношение к углу зрения, начиная с ранних работ — и, как оказалось, до последних произведений — *отчетливо и сознательно* избранному Гуссерлем. Говоря обобщенно, это был прочный, рано обнаружившийся интерес к *генезису понятий* первого, фундаментального ранга, либо уже утвердившихся, либо только утверждающихся в разных науках, в том числе в особо интересовавшей его уже с 80-х годов XIX века философии арифметики.

Применительно к темам, обсуждаемым в этом *Заключении*, оправданно затронуть вопрос о том, в какой мере обращение к психологии объясняется более общим, постоянным для Гуссерля *интересом к генезису* — к генезису понятий, концепций, мыслей. Это именно так: психология в самом деле помогает и способствует углублению в подобные проблемы. Надо добавить, что такому углублению помогает не только психология. Например, история человечества, история математики в специальной своей части погружена в проблематику исторического генезиса математических понятий. Популярные в XIX и особенно XX веке историко-этнологические исследования отставших в своем развитии народов также привлекали внимание к специфике числовых понятий и операций счета в их менталитете. Гуссерля эта особая сторона Ursprungs-исследований интересовала лишь частично — даже и тогда, когда он зафиксировал необходимость изучить происхождения целых наук (среди них — геометрии) из Lebenswelt, жизненного

мира человечества. Но всё-таки и в ФА есть (пусть редкие отмеченные ранее) ссылки на работы антропологов, изучавших специфику математических, числовых понятий в ментальности народов, отставших в своем развитии. И есть (немногочисленные) рассуждения самого Гуссерля о социально-исторической стороне темы происхождения математических понятий. Что же касается психологии, то и в ФА, и позже Гуссерль был убежден: она способствует изучению только *одной стороны* генезиса понятий, а именно их рождения из процедур, операций сознания, прежде всего из «коллигирования», т. е. объединения представлений. Впрочем, впоследствии он пришел к мысли, что ещё успешнее, чем психология (тем более психология эмпирическая), это может и должна сделать (вместить в себя) феноменология с её особыми подходами к анализу сознания, среди которых все более интересными для Гуссерля снова становились именно генетические аспекты. (Данную тему, достаточно хорошо освещенную в феноменологии, *здесь* рассматривать невозможно и нецелесообразно.)

Принципиально важен и такой конкретный вопрос: имеет ли место где-нибудь в ФА, в ходе обращения к психологическому материалу, отрицание объективного смысла и значения математических понятий (числа, множества и т. д.). *На этот вопрос можно ответить вполне четко: ничего подобного не было* (в известных мне книгах и набросках Гуссерля). Пониманию объективности, внеиндивидуальной значимости математических (впрочем, и логических) понятий нигде в ФА — сколько я могу судить из чтения, притом в оригинале, строчка за строчкой, и презентирования этого сочинения — не наносится какого бы то ни было ущерба. Правда, вопросам о такой значимости и её онтологии (в духе размышлений Платона, Больцано, Фреге или Кантора) не уделяется того внимания, какое будет проявлено в I томе ЛИ в споре с психологизмом. Значит, замысел ФА точнее определять так: *принимая (но особенно не обосновывая) постулат об объективном характере и значении математических истин и математических понятий, заняться специально также и проблемой их происхождения в сознании, в его представлениях*. (Кстати, *Vorstellung* представление, здесь — и для Гуссерля, и для Фреге — не столько означает особый акт сознания, сколько служит синонимом того, что Гуссерль впоследствии обобщенно назовет словом «*Erlebniss*», еще требующим расшифровки).

С точки зрения обрисованных здесь позиций нет принципиального различия между ФА и даже I томом ЛИ — за исключением отмеченного момента: в ФА объективность, в каком-то смысле вневременность (а на деле трансисторический характер) истин математики и логики просто принимается за нечто само собой разумеющееся, а в I томе ЛИ акцентируется, проговаривается в энергичных, броских, запоминающихся словах — например, в утверждении, что таковые истины «тождественно едины» и независимы от того, «воспринимают ли их в суждениях люди или чудовища, ангелы или боги».

Но почему же создалась печальная слава о том, что автор ФА копирует подобные, почти божественные истины? Осмелюсь предположить, что главными причинами стали, во-первых, подозрения, высказанные (впоследствии) в рецензии Фреге, а во-вторых, самоопровержения, признания Гуссерля — вроде его вольной ссылки, в Предисловии к Прологоменам (I тому ЛИ), на слова Гете: ни к чему не относишься строже, чем к недавно оставленным заблуждениям... *Фреге*, я уверена, несправедливо *оговорил Гуссерля, возвел на него напраслину, когда приписал ему тяжкий, особенно для математика, грех обесценивания всеобщезначимого и объективного характера истин математики*. Автор ФА этого, повторяю, не делал — пусть он, как и Фреге, жил в такой период, когда для этого даже были некоторые основания: ведь «вечные истины» математики или физики на глазах подвергались исторической трансформации. Подчас Гуссерль оговаривал и самого себя, что подтверждалось позже, когда он по прошествии времени снова возвращался к тому, что и сам хлестко называл «недавно оставленными заблуждениями». Драматическое несовпадение некоторых позиций и поворотов I и II томов ЛИ, о котором я уже писала в своих работах, может служить подтверждением. И все сказанное имело своим фоном то тоже драматическое для данного случая обстоятельство, что — кроме самого Гуссерля, Фреге и совсем немногих близких автору людей — ФА, произведение до той поры совсем неизвестного ученого, по существу осталось непрочитанным. О нем и судили-то по разгромной рецензии Фреге и самокритичным оценкам Гуссерля в его быстро ставших известными ЛИ.

Снова требуются и *предварительные* (по отношению к развёрнутым анализам моей второй книги) уточнения, касающиеся понятия, тер-

мина «психологизм». Как сказано, *ФА выходит в свет и спор с Фреге происходит ещё до (позже разгоревшейся) дискуссии о психологизме*. Поэтому очень важно определить суть и самого понятия «психологизм» и такого явления в истории науки и культуры, как столкновение психологизма и антипсихологизма. Этому будут посвящены специальные исследования во второй, подготавливаемой к печати книге моего труда, где речь пойдет о работах Гуссерля, написанных уже после *ФА* и на пути к *ЛИ*: ведь именно тогда упомянутая дискуссия постепенно достигла своего накала, причем Гуссерль стал его активнейшим участником. Здесь мы — предварительно — определимся лишь в самых общих подходах и решениях. Принципиально важным считаю нижеследующие (как сказано, предварительные) тезисы.

«Психологизм» отнюдь не тождественен любой попытке использовать материал психологии при анализе математических, логических, общепhilosophических проблем. Но такое отождествление в литературе явно или неявно имеет место. Здесь опять-таки оказал влияние «пограничный максимализм» Фреге: *любую ссылку на данные и результаты психологии в рамках логики он объявлял «психологизмом» и требовал выкорчевать из чистого царства логики.*

«Психологизмом» справедливо называть убеждение, согласно которому *только* от психологии или от неё *главным образом* следует ожидать более успешного, именно научного решения *проблемы обоснования других наук* (математики, логики, философии).

«Психологизм» в понимании истины состоит, в частности, в переходе на позиции самого *крайнего субъективизма и скептицизма* (что Гуссерль убедительно показал позже на отдельных примерах в I томе *ЛИ*). В этих случаях утверждают, что различия субъективных, в частности, психических особенностей индивидов не позволяют добиваться неких общезначимых истин, так что «истин» столько, сколько индивидов.

И вот тут-то нынешним исследователям надо быть особо внимательными. *Ни одного из таких оттенков понимания и толкования (применительно к числу) нельзя, считаю, найти в ФА.* По крайней мере я не нашла таких именно формулировок (хотя в своем анализе добросовестно старалась не пропустить ни одного уклона в подобное понимание). Предварительно выдвигаю такой тезис: *и в ФА Гуссерль, в сущности, не отстаивал позиций того рода, которые впоследствии — в том*

числе им самим — были обозначены как психологистические. А уже отсюда следует, что Гуссерлю впоследствии не надо было «с трудом, муками, колебаниями» преодолевать психологизм, что ему приписывали некоторые интерпретаторы.

Что-то, однако, он преодолевал и в этом отношении на своем пути после ФА. А именно: до спора о психологизме формулировки разных авторов по поводу отношения психологии к логике, философии, математике не были точными, строгими, как бы упреждающими психологистические искажения и недоразумения. В этом отношении и Гуссерлю было в чем упрекнуть самого себя. Немало мыслей следовало выразить точнее, тоньше, чем они прозвучали в ФА, когда в книге использовался и обсуждался психологический материал и делались ссылки на авторов, в работах которых уже пробивались (для более позднего взгляда) ростки психологизма. Но на той исторической стадии это предполагало бы, что Гуссерль «должен» был бы точно знать что-либо наперед. А этого не было — по той простой причине, что такого не бывает нигде и никогда...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ III

Раннее учение Гуссерля, его связь с философией

Резюмируя в предшествующих *Заключениях* проблемы теоретического синтеза научных дисциплин в первых работах Гуссерля, я намеренно прибегла к концу тему *несомненно философского характера этого примечательного синтеза*.

Его *философская* направленность и фундированность несомненны и проявляются во многих фактах. Главная книга, которая здесь разбиралась, так и называется «*Философия арифметики*». И первое слово названия — «философия» — увязано здесь с вполне серьезными замыслами и выводами автора.

В Экскурсах по истории математики это намерение Гуссерля поставлено в связь с удивительной философской ориентированностью математики XIX века — в работах выдающихся математиков Вейерштрасса, Дедекинда, Кантора (а с ними автор ФА был связан и личными, и теоретическими узами). В этом *Заключении III*, резюмируя конкретный текстологический анализ произведения Гуссерля, предполагаю выявить *основные проблемные линии и результаты именно философских поворотов в размышлениях автора ФА*.

Например, при совокупном определении сути и характера анализа, предпринятого в ФА, никак нельзя упустить из виду, что сам Гуссерль, как было отмечено, написал в подзаголовке: «Логические и психологические исследования». Ясно, что резкого *отделения психологии по крайней мере от логики и в раннем анализе Гуссерля не предполагалось*. Более того, изначально предпринимался специфический синтез психологии и философской (тогда) логики, а также их синтез *с философией математики* и с философией вообще, что также делает броский тезис именно и только о психологии как покидаемой впоследствии «станции отправления» весьма сомнительным.

Кроме того, и в случае указания на изначальное присутствие в исследовании Гуссерля *логического* аспекта принципиально важно снова привлечь внимание к *философскому характеру тогдашней логики*. Не надо забывать, что логика и традиционно, и в эпоху Гуссерля (пока) *считалась интегральной частью философии и она, как правило, разрабатывалась философами*. (Ссылки на свежие тогда работы философво-логиков, как было показано, в изобилии встречаются в ФА.)

Необходимо внимательнее отнестись также и к вопросу о *взаимодействии философии и психологии*, и к проблеме их *размежевания*, дифференцирования — в частности, при их обращении к анализу того, что Кант, как и многие его предшественники, современники, последователи и критики, согласно называли “чувственностью” (*Sinnlichkeit*) и что они многосторонне анализировали под самыми разными философскими углами зрения.

Представляется несомненным то, что такое дифференцирование (с точки зрения *различия* подходов философии и психологии) почти не занимает Гуссерля в ФА. Он берет интересующий его материал, не особенно вдаваясь в вопрос о том, принадлежит ли он области философии или психологии. Непроясненность в значительной степени определяется тем, что она имела место и в исследованиях ученых, от разработок которых — так исторически, фактически сложилось — отправлялся Гуссерль. На этот ряд обстоятельств уже обращали внимание исследователи работ раннего Гуссерля. Интересно, например, следующее рассуждение Р. Шмита, которое возникает в связи с пониманием того, что далеко не всякое обращение к сфере человеческой субъективности или обращение к сфере представлений и представимого автоматически означает «психологизацию» подхода. «Хотя арифметика имеет своей предпосылкой числа, которые не могут быть действительно представлены (т. е. быть переданы только через представления. — *Н.М.*), но они сплошь стоят в *теснейшей связи с субъективностью, которая больше не может быть понята исключительно как психологическая инстанция*. Операции именно математического субъекта обнаруживают не меньшее значение, нежели психические акты коллигирования»¹. То же можно сказать о других весьма многочисленных действиях, процедурах сознания, которые реально

---

¹ R. Schmit, op. cit. S. 27.

связаны и в теории должны быть увязаны со сферой «чувственности», но которые по существу своему касаются «идеальных миров» и «объектов», подобных математическим. Такие действия, процедуры, результаты — предмет анализа многих философов от Платона до Лейбница, Канта, Гегеля и их продолжателей в последующих столетиях. Первостепенно важно, что и Гуссерля с первых до последних его рассуждений интересовали такие объекты, их освоение сознанием и их «складывание» в целые «миры», специфические по сравнению с внешним миром чисто природных объектов. В поздних работах, имея в виду необходимые кардинальные изменения понятия мира и концептуальных философских подходов нему, Гуссерль создал целый ряд важнейших текстов, еще требующих освоения¹.

Что же касается ранних работ, то здесь положение было двойственным. С одной стороны, благодаря размышлениям философов и математиков издавна, ещё со времен Платона, внимание было приковано к специфике математических объектов, сущностей, их коррелятов в сознании и их бытийных, онтологических предпосылок. Уже молодого Гуссерля, несомненно, занимала эта тема, споры вокруг которой то и дело оживлялись в математике, и в философии; как правило, оживление размышлений и дискуссий было так или иначе связано с внутриматематическими проблемами и затруднениями (пример: теория множеств Кантора, об отношении которой к философии шла речь в специальном разделе).

Однако споры эти неизменно переходили в общефилософскую плоскость, касаясь, например, математических истин или чисел «в себе» (если употреблять термины Б. Больцано, серьёзно повлиявшего на молодого Гуссерля), или вообще перебираясь в почти заоблачные дали философского платонизма. Гуссерль, как показывают факты, и о чем уже говорилось, в течение всего раннего периода отслеживал эти темы, в конце концов выработав не-платонистскую позицию (в чем я уверена вопреки ряду распространенных оценок и суждений). Но это лишь одна сторона дела. Потому что, с другой стороны, в самых ранних произведениях и рукописях, погрузившись в конкретную работу над проблемой генезиса фундаментальных арифметических понятий, он —

---

¹ См. по этому вопросу: Мотрошилова Н.В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003. Части VII и VIII. С. 357–600.

ещё не будучи в полном смысле слова профессиональным философом — никак не мог с той же тщательностью отозваться на вековые общеполитические споры. (Да это и не было тогда предметом его исследований.) Это он сделает в своей дальнейшей многолетней творческой деятельности, когда продвижение вперед по найденной к концу пребывания в Галле феноменологической дороге время от времени будет подводить его к труднейшим фундаментальным вопросам общеполитического и общеполитико-математического круга.

Акцентируя вторую сторону рассматриваемого противоречия, мы можем объяснить то обстоятельство, что Гуссерль, фактически обращаясь к темам и проблемам, непременно требовавшим выхода к общеполитической проблематике, в большей мере отдал дань конкретике анализа, в том числе анализа (частично) психологического, не особенно вдаваясь в вопрос о том, есть ли тут сколько-нибудь четкие границы между философией и психологией, а если есть, то где именно они пролегают. Он свободно переходил от одного аспекта — общеполитического, общеполитико-математического, логического, психологического — к другому, от одного пласта материала к другому, соответственно, от использования произведений философов к ссылкам на психологов и логиков. *Но ведь в XIX веке это были подчас одни и те же авторы.*

Природа генетической проблематики, заинтересовавшей Гуссерля, была такова, что именно движение через границы дисциплин обещало особое качество исследования, потенциально заключало в себе преимущества, почти что утраченные в силу последующих дисциплинарных дифференциаций.

Снова повторю, что в отличие от авторов, сетующих на такое смешение исследовательских жанров в ФА, я исхожу из того, что *синтетический, междисциплинарный характер ФА является несомненным достоинством этой ранней, также и философской работы, неплохо использовавшей* — во имя прояснения числовых понятий — *наработки различных дисциплин*. Более того, именно опыт междисциплинарного синтеза, каким бы частным и скромным он ни показался в свете последующих открытий Гуссерля, на деле был по-своему парадигмальным как раз для этих открытий. Ибо феноменология (чего подчас не понимали и не принимали великие ученые вроде Фреге и до сих пор не приемлют некоторые логики и философские логицисты) по природе

своей немыслима — она и не возникла бы — без специфического соединения именно тех линий, которые почти естественно объединялись в работе молодого ученого над понятием числа.

Следует учесть также, что не только Гуссерль, но и сами *философски мыслявшие* ученые предпочитали, подобно Brentano или Штумпфу, определять свои исследования как психологические, фактически работая также и в сфере ещё не строго отделенных друг от друга научных областей или предпринимая новый синтез только еще самоопределявшихся полей психологического исследования. Они уже предпочитали называть себя «психологами» и, соответственно, писать работы с акцентировано психологическими названиями. Но ведь они несомненно заключали в себе философское содержание (разобранный у нас пример: «Психология с эмпирической точки зрения» Ф. Brentano). При этом для некоторых из них их позиционирование себя в качестве психологов чем дальше, тем больше оправдывалось. Последние десятилетия XIX века были временем расцвета психологии и возникновения уже более конкретных, специализированных психологических работ (разобранный подробно пример: «Психология звука» К. Штумпфа). Но вот что первостепенно важно: во всех этих случаях речь, однако, шла либо о философских разработках, либо о таких психологических исследованиях, которые велись в рамках *философской психологии*, ещё не отделившейся от материнского лоно философии (к чему, правда, уже были близки работы некоторых психологов того времени). При конкретном анализе ФА было показано, что стихией гуссерлевского исследования во многом является проблематика *представления* (Vorstellung), откуда и возникает — иногда и у самого Гуссерля — идея, согласно которой если не во всей ФА, то в её важных разделах осуществляется исследование чисто «*психологической природы*» интересующих его понятий. Частично так оно и есть: материал, который тогда объявлялся только или преимущественно психологическим, плотно, повсеместно присутствует в ФА. И дело не только в теме представления; часто фигурируют такие слова и понятия, как «интерес», «внимание» и т. д., относительно психологической природы которых вроде бы нет и не может быть никаких сомнений. И всё-таки фактом остается и другое: приходится резюмирующим образом повторить то, что подробно доказано в книге: в истории *философской мысли при анализе сознания* тоже было

издавна широко задействовано понятие представления (нем. *Vorstellung*, англ. *representation*). Это относится к таким авторам, как Локк, Юм, Беркли, Лейбниц и, конечно, Кант, как и к другим корифеям немецкого идеализма, включая даже «логициста» Гегеля, который, скажем, в «Феноменологии духа» также обращается к проблеме представления. Речь идет о тех частях сочинений выдающихся мыслителей, относительно *философской природы* которых нет сомнения.

Другое дело, что психология, развивавшаяся параллельно с философией или, скорее, в её составе и долго под её прямым влиянием, тоже традиционно оперировала как законно «своими» и понятием представления, и другими понятиями, обозначавшими акты и элементы сознания (ощущение, восприятие, воспоминание, акты фантазии и т. д.). И не в этой ли постоянной внутренней близости к философии, древней и духовно, интеллектуальной мощной области научного знания, крылся один из секретов взлета, расцвета, а потом и отпочкования, внутренней специализации психологических дисциплин?

Во всяком случае в психологических дисциплинах на протяжении того их развития, которое продолжилось, а не началось в XIX веке, ученые без всяких сомнений и опасений брали на вооружение и уже под своими углами зрения, с помощью особых методов использовали также и результаты философских исследований. Как и наоборот: философы, даже работавшие в период (относительного) обособления и специализации психологии, и сами, если это им требовалось, вели исследования как психологи, и охотно цитировали коллег, дальше них продвинувшихся в психологической специализации. Многие, если не большинство авторов, упомянутых или процитированных Гуссерлем в *ФА*, и есть такие *философствующие психологи, а одновременно и первые психологи нового типа*, которые писали также логические, философские (в ряде случаев историко-философские) произведения. Это были Ф. Brentano, К. Штумпф, Хр. Зигварт, Ф. Ланге, В. Вундт, В. Шуппе, Х. Ульрици, Г. Гельмгольц и многие, многие другие.

Есть ещё одно дополнительное обстоятельство, относящееся именно к становлению Гуссерля как философа. Ему, математику по образованию, занявшемуся *философией* математики, как мы показали, пришлось в течение очень короткого времени войти во врата новой для него научной области, что происходило ещё до переселения в Галле, но осо-

бенно после габилитации, т. е. в конце 80-х годов XIX века. В нашей конкретной работе над ФА был многосторонне очерчен тот совсем не узкий круг *нового для него совокупного профессионального материала*, который Гуссерль удивительным образом сумел освоить за эти немногие годы. Однако как бы высоко мы ни оценивали его усилия и его оригинальный, острый ум, нельзя не отметить: из истории философии и из тогдашней философии в поле зрения молодого ученого попало лишь то, что ему (и близким ему наставникам) представлялось релевантным философско-математическим темам, связанным с понятием числа. И многое даже из этой области пока осталось за кадром внимания раннего Гуссерля. (Впрочем, такая избирательность никак не является особым свойством этого ученого: любой исследователь, и всего более на начальных стадиях работы, способен обозреть лишь ограниченное количество материала, вообще-то релевантное его темам.)

Поэтому в сложной конstellляции проблематики, в том числе в вопросе о соотношении философского и психологического подходов, Гуссерль вряд ли мог определиться с той точностью и дотошностью, какие были характерны для его более поздних работ. А поэтому — еще раз повторяю эту мысль — нельзя полностью доверять самому Гуссерлю, когда он просто называет свою работу над математическими понятиями исследованием их “психологической природы”. Ибо, во-первых, что принципиально важно, эти понятия, и прежде всего понятия числа, единого, многого и т. п., являются *исконными философскими понятиями*, а во-вторых, размышления над их генезисом в сознании (в частности, в представлении) тоже неотъемлемо принадлежат *философии* и её истории. Это делает проблему *различения* (и соотношения) философского и психологического подходов чрезвычайно трудной, в особенности для начинающего философа.

Но и нам, полагаю, не следует слишком усердствовать в «изобретении» некоей, психологической науки тогда еще не существовавшей совсем отдельно от философии и логики. И ещё, быть может, важнее учитывать также и особые преимущества того *единства* философии, психологии, логики как уже хорошо развитых научных дисциплин, которое уникально сложилось в конце XIX века и оставалось достаточно плодотворным и для психологии, и для философии еще и в начавшемся XX столетии.

Кстати, можно считать неким благом, что Гуссерль не смог (да, наверное, и не захотел) заикливаться на специфической проблематике такого дисциплинарного размежевания и что *конкретный анализ процедур и актов сознания, соответствующий генезису понятия числа и других понятий числового ряда*, занял все его внимание.

Что касается несомненного гуссерлевского выбора не столько в пользу соотношения готовых математических понятий, сколько в пользу *их генезиса в сознании*, то и здесь однозначное отнесение самого такого замысла целиком или даже по преимуществу к психологии было, как мы уже показали, совершенно неправильным (даже если Гуссерль и отдал ему свою дань, что во многом объяснялось и общими обстоятельствами времени, и особенностями его личного творческого пути).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ IV

Ранний Гуссерль: открытие-предчувствие “необъяснимо чуждого” феноменологического мира (гипотеза)

Та концепция, которой я хочу поделиться с читателем, имеет вид гипотезы, сложившейся в процессе и итоге работы над материалами, представленными в этой моей книге.

Вспомним проникновенные слова Гуссерля о том, что *именно в период создания ФА* его мучили «неизъяснимо чуждые» миры; среди них он упоминал «мир психологического», который ему надо было заново осваивать. Этот «мир», как было показано, уже существовал как необозримая, доставшаяся от прошлого, но и на глазах меняющаяся область знания. Что касается логики, «мира логического», то и там во времена раннего Гуссерля и его современников тоже возникали «новые миры», например, математическая логика, в которой математик Гуссерль, в отличие от Фреге, не стал специалистом. Но «логический мир» как таковой весьма и весьма его привлекал. Однако и в «мире логического», ранее по большей части существовавший внутри философии, вчерашнему математику пришлось специально осваиваться. *По сути все 90-е годы после публикации ФА Гуссерль потратил на глубокое ознакомление с новейшей литературой по логике.* Он обратился, однако, не столько к разработке конкретной внутрилогической проблематики, сколько к её теоретико-познавательному обоснованию, что удостоверяет выдающийся результат всей этой работы — I том ЛИ.

Мы, вместе с тем, хорошо знаем — и об этом говорил сам Гуссерль, что его мучил и «мир феноменологического»! Кто-то исходит из того, что таковой уже существовал. Между тем, по строгому счету и *в смысле новой феноменологии*, его еще не было... Ему лишь предстояло возникнуть — всего-то несколькими годами позже. Не стану здесь вдаваться в очень тонкий вопрос о догуссерлевской, в частности, гегелевской феноменологии, ибо этот мир был совершенно чужд Гуссерлю, что как

раз полностью изъяснимо, ибо он философию Гегеля, включая его феноменологию, не знал и как бы заведомо не хотел знать.

Поэтому, казалось бы, верно констатировать, что и гуссерлевской феноменологии еще не было. Да, её не было в полном виде, но она уже зарождалась — там, где молодой мыслитель как бы опирался на для него — в чем-то важном — *иной* континент знания, на зарождающиеся в его творчестве новые структуры знания, т. е., собственно, на те поиски и повороты собственного творческого ума, которые обещали возникновение новых миров, ещё не обретших ни для Гуссерля, ни тем более для его современников четких очертаний. Полагаю, в случае раннего Гуссерля именно так оно и было. И в постулировании того, что именно было *предсуществованием феноменологического мира* в дофеноменологическую пору развития Гуссерля, а также в раскрытии соответствующих мыслей, поворотов его исследования как раз и состоит моя гипотеза.

Я опираю её на те конкретные подвижки в сторону неведомой новой феноменологии, которые тщательно регистрировала при разборе ФА. А ведь их оказалось немало!

Так давайте поразмыслим об этом третьем неизъяснимом, новом мире — рождающемся мире *феноменологического*, который — это свидетельство-откровение Гуссерля нам очень важно — «мучил» его уже в период написания ФА. «Открытие» Гуссерлем своей в полном смысле этого слова новой феноменологии, впрочем, было делом достаточно близкого будущего. В том «Логических исследований» стал уже убедительным стартом новой феноменологии, феноменологии Гуссерля. «Философия арифметики», согласно моей оценке, была её предоткрытием-предчувствием.

Напрашивается аналогия с открытием Америки. Вспомним: первые путешественники, добравшиеся до Америки, устремлялись... в Индию! Уже приплыв к новому континенту, они поначалу давали открытым ими местам те названия, которые были обусловлены легендами об Индии, возникшими в Старом свете. Но ведь их *описания* на деле уже относились к Новому свету, соответствовали его реалиям. Потом Америка уже была подлинно открыта — описана, освоена — именно как Америка, т. е. как другой, чем предполагали, континент. На всё это, разумеется, потребовалось немало исторического времени.

Нечто подобное (конечно, не буквально) случилось в конце XIX века с ранее неведомым для гуманитарных дисциплин миром гуссерлевской феноменологии. Так вышло, что его открытие, а потом подробнейшее исследование как особого теоретического континента было научно-гуманитарным подвигом одного Э. Гуссерля — и только потом разветвленным делом также его учеников и последователей. Дело это интенсивно развивалось в XX веке; и нет никаких признаков того, что оно не останется одной из ведущих разновидностей философской специализации в нашем, т.е. XXI столетии.

Но как неоднократно подчеркивалось, во время создания ФА Гуссерль ещё точно не знал, какой «новый мир» открывается ему в неясных ещё очертаниях... Такое в истории науки сплошь да рядом случается с поистине выдающимися учеными. Их именно «мучают» как нечто неизвестное, как бы «непостижимое», а потом обретают рождение и развитие «новые миры» знания! При этом отчасти уже уловленные, хотя и смутно, очертания мира феноменологии (по собственному гуссерлевскому признанию, сделанному *post factum*) не давали ему покоя. А что происходило чуть-чуть до этого? Тогда ещё не было ни специальной терминологии, которая не заимствовалась бы из других дисциплин, ни понимания особого типа специальных проблем, ни даже суждения об очертаниях вновь открытых духовных сфер.

Что делают ученые (и кстати, путешественники) в таких случаях? У них есть «Индия» — и пока еще не Америка! И у Гуссерля некоторое время была своя Индия, а именно: опора на тогдашние философию и психологию и связанные с этими дисциплинами старые термины — например, «психический», «психологический» — как опознавательные обозначения, позволяющие хотя бы в ещё грубой, приблизительной (в целом неадекватной для будущей феноменологии) форме определить принадлежность, пусть отдаленную, нового континента феноменологии к более обширной сфере жизненной реальности и к уже существующим научным дисциплинам. Говоря коротко, этой жизненной реальностью стала так или иначе известная науке и философии область исследования, а именно *человеческое сознание*.

При этом «свой мир», постепенно открываемый им, Гуссерль в самом широком плане локализовал в целом правильно, когда разместил его в пределах *исследований сознания*. Он не ошибался и тогда,

когда хотя бы частично относил его и к психологической области, ибо именно в науке психологии, как традиционной, так и современной ему, в наибольшей степени в сравнении с другими дисциплинами — исключая философию с её историей — предпринимались исследования человеческого сознания. Правда, психологические работы, специально посвященные интересовавшим раннего Гуссерля проблемам генезиса числа и числовых понятий, были довольно малочисленными. Но ведь Гуссерля затрагивали также и темы представлений и другие проблемы, почему материал как из истории психологии, так и особенно из современной ему психологии, был в ФА достаточно добротным и репрезентативным. Теперь снова подчеркиваю — в разбираемом аспекте: когда в ФА употреблялись понятия «психология», «психологический», на деле имелась в виду не только, осмелюсь сказать, не столько существовавшая тогда наука психология (хотя слово «психология» все же маркирует науку, о которой идет речь.) А частично была как бы уже «положена», интендирована (хотя не описана, не определена в её специфике и пока растворена в «психологическом» в самом неопределенно широком смысле этого слова) новая, и именно феноменологическая работа. В будущем феноменология, как мы знаем, станет высоко специальной философской дисциплиной. Эту пока скрытую интенцию нам следовало хотя бы уловить и разместить в особых рамках становления специфического, нового, как бы феноменологического анализа.

Когда это впервые увидел Гуссерль, иными словами, когда он сам понял, что «открыл свою Америку»? По моим оценкам, мысль об этом ясно укрепилась в его уме, когда он — во многом вопреки главным логическим, антипсихологистическим установкам «Прологомен» (I том ЛИ) — быстро написал и опубликовал II том ЛИ, где как раз и содержится *первый, пусть еще несовершенный опыт его более или менее осмысленной феноменологической работы*. Еще и еще раз поставлю вопрос: а что было раньше, в частности, на стадии ФА? Резюмирую, в виде гипотезы, свое понимание сути и места этого раннего труда (и примыкающих к нему набросков ко II тому), в открытии и оформлении новой феноменологии.

Полагаю, положение было двойственным — в частности, в свете перспектив будущего развития Гуссерля как ученого. С одной стороны,

даже явные подвижки в сторону этого (ни ему, ни кому-то другому) ещё не известного во всех очертаниях будущего пути сначала пришлось осмысливать и оформлять, как сказано, в старой терминологии. Что касается «области», «предмета», и «методов» больше всего подходила — хотя перспективно, содержательно уже была неадекватной — привычная психологическая терминология. А поскольку наука психология (в её тогдашней форме философской психологии) всего ближе стояла к избранному Гуссерлем в ФА исследованию *особых процессов сознания*, необходимо функционирующих на пути к понятиям науки, в данном случае математики, арифметики, то слова «психология», «психологический» и в этом смысле хотя бы частично подходили к делу. Но в уже пробившемся гуссерлевском понимании термин «психологическое» неизбежно включал в себя *много больше*, чем отсылку к материалу науки психологии в её тогдашнем виде.

А именно: это было также широкое обозначение *«психических» процессов*, т. е. указание на то, что изучается сознание — но в особом срезе и под особым углом зрения. При этом специфика среза и угла зрения еще не прояснялась сколько-нибудь четко. И по той простой причине, что, как было отмечено, понятия, термины, маркирующие «новый континент» и совершенно особые сферы, объекты, методы и приемы анализа, не были созданы или не были рефлексивно осознаны, хотя подчас в неразвитом виде уже применялись. (Мы их описывали *ad hoc* в ходе текстологического анализа ФА как предчувствия, первые подвижки в сторону феноменологии.) Чем дальше, тем больше этот материал, подчас привычно именуемый «психологическим», специфицировался, обособлялся, причем по принципиальным основаниям, от науки психологии. В том числе и потому, что по своему существу материал в новом подходе Гуссерля все больше соотнобразовывался с методами, в его время пока синтезированными в психологических науках, в то же время как раз обособлявшихся и специализировавшихся. В конкретном случае ФА к нему подсоединялся и математический, философско-математический срез.

Что касается *отношений* синтеза между отдельными науками, то Гуссерль — и это очень важно — в этом смысле часто двигался, что называется, «against the main stream», т. е. против довольно представительных течений в психологии, логике, даже философии, в которых

субъективно, в сознании, «идеологии» ученых возобладали тенденции взаимобособления дисциплин, хотя объективно подчас *те же ученые* проводили в жизнь междисциплинарные подходы. (Яркий пример — Г. Фреге, вместе с рядом логиков и математиков реально осуществлявший синтез математики и логики, но запрещавший всякое подобное объединение в случае логики и психологии, а также логики и лингвистики.) И на некоторое время, в I томе ЛИ, в чем-то (в чем именно, нам надо будет во второй нашей книге тщательно и конкретно разобраться) уступив Фреге, Гуссерль оказался неуступчив в принципиальном вопросе — в осуществлении исторически перспективного междисциплинарного синтеза материала психологии, логики, философии, в частности, философии математики. *Но вот то, что он при этом имел в виду, и то, что получалось в результате синтеза, в ФА подчас еще именовалось психологическим!* А на деле, в чем суть моей гипотезы, действительно психологический материал уже объединялся с первым, несовершенным наброском нового типа анализа, который позволительно (со всеми нужными оговорками) назвать *предфеноменологическим*. И здесь объективно находила продолжение часть работы раннего Гуссерля, в которой объективно имело место синтезирование подходов и материалов, для коего требовались бы свои, *пока не найденные Гуссерлем новые обозначения*. Ибо термины «психологическое», «психологистическое» — сугубо неадекватны для этих, «в себе» комплексных целей, какие были рано обретены Гуссерлем и, так сказать, с содержательной точки зрения (а не терминологической) прочно поселились в его творческом уме. Если обратиться к истории науки, можно обнаружить немало сходных примеров в научном развитии, когда новые, прорывные идеи рождались в лоне старых концепций и с помощью их (лишь затем уточняемой) терминологии.

Этим объясняется, в частности, такой характерный факт, связанный со становлением и ранним развитием гуссерлевского учения: при всех изменениях позиций (зарегистрированных самим Гуссерлем), не всегда понятных сторонним наблюдателям колебаниях он в принципе неуступчиво, пусть и с большими трудностями, двигался по той дороге, которая как бы была предопределена ему свыше.

Колебания, временные сочетания того, что как раз не соответствовало будущей феноменологии, например в форме логицизма, как буд-

то победившего в I томе ЛИ (и верно, что под влиянием Фреге), тоже были. Но Гуссерль в конце концов, преодолел и их, когда он, о чем упоминалось, очень быстро вырулил к феноменологическому второму тому ЛИ, немало удивив своих внимательных к теоретическим нюансам современников. Колебания же были (неверно, на мой взгляд) оценены интерпретаторами как переход (считалось, под влиянием Фреге совершенный) от «психологизма» к логицизму, а в период ЛИ как движение от «логического» I тома снова к психологизму. Но при всем этом, как признали многие более внимательные интерпретаторы, Гуссерль оказался непоколебим, верен своим устремлениям. В чем же? Да в том, что он, не уступив объявленным кем бы то ни было запретам, конкретные усилия по осуществлению упомянутого (на деле и в перспективе феноменологического) синтеза уже уверенно соединил с главными маршрутами всей своей долгой жизни. (О них он, конечно же, еще ничего не знал. Но такое в творческих деяниях куда как часто встречается.) А вот к началу XX века, полагаю, он уже твердо верил и знал, что открыл новый (для философии, для науки о сознании) теоретический мир, по существу целый «континент» — новую феноменологию. С тех пор этот «бравый новый мир» привлек, привлекает и будет привлекать — что обычно и случается в науке после открытия ею новых миров, как правило, великими или выдающимися учеными — все новых и новых исследователей.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ К I ЧАСТИ. CASE STUDY: SPIRITUSKREIS

«Spirituskreis» — (вряд ли переводимое — о переводе позже) название неформального объединения, кружка ученых университета Галле, который просуществовал без малого 70 лет (1890—1958) и существовал бы дольше, если бы его не «прикрыл» лично Вальтер Ульбрихт. Надеюсь, читатель впоследствии поймет, почему в книге о Гуссерле я привлекаю внимание к этому совершенно особому историческому явлению в жизни университета Галле. При анализе его целиком опираюсь на прекрасное, уже не раз упоминавшееся исследование историков Галле — Г. Шенка и Р. Майер, а также первого исследователя Spirituskreis (далее сокращенно — SK) Гейнца Швальбе, умершего в 1994 году. Их исследования обобщены в книге «Der Spirituskreis» [1890—1958]. Bd. 1: 1890—1945 (Halle, 2001). Нас здесь будет интересовать только тот период существования SK, который совпадает с пребыванием Гуссерля в Галле — последнее десятилетие XIX века.

Сам Гуссерль не был вхож в это по-своему *элитарное неформальное сообщество*, объединявшее ученых более высокого официального ранга — профессоров университета, в котором, как было рассказано в книге, он только начал свою педагогическую деятельность в скромной (и неоплачиваемой) должности приват-доцента. Но, во-первых, политика SK влияла на судьбу молодого ученого, иногда прямо, иногда косвенно. Во-вторых, члены SK, разумеется, действовали и в рамках самых разных официальных и (других) неофициальных структур, прежде всего связанных с университетом Галле, так что Гуссерль должен был так или иначе соприкасаться с активными членами этого влиятельного неофициального сообщества; он должен был учитывать их идеи и настроения. Линии пересечения жизни и судьбы Гуссерля и влияния SK (хорошо прослеженные упомянутыми выше историками)

буду постоянно держать в поле зрения в ходе (краткого) повествования о деятельности этого любопытного кружка.

Итак, SK просуществовавший почти 70 лет, был именно кружком, *неформальным сообществом профессоров университета Галле*. В принципе, в его образовании и в постоянных встречах, докладах ученых не было ничего необычного. Об этом свидетельствуют немецкие историки. «Традиция таких встреч уходит в глубь XIX столетия; это были неформальные объединения, которые стали существенным элементом, выражавшим *коммуникационные потребности* граждан, которые подвизались в сфере образования. Они сознательно отмежевывались от политики и других вовне направленных целей; заслушивались доклады членов объединения с целью последующих дискуссий и постоянного обмена мнениями. В профессорской среде это, как представляется, стало правилом, о чем свидетельствуют различные мемуары, где речь идет о соответствующих кружках, которые были разделены по принципу принадлежности к наукам о природе или наукам о духе»¹. Кстати, Эдуард Мейер, который до Галле работал в университете Бреслау, создавал SK по образцу существовавших в Бреслау «Vortragskränzchen», т. е. кружков ученых, регулярно заслушивавших доклады (Spirituskreis. S. 232, курсив мой. — *Н.М.*).

Обобщая исследования историков, авторы книги «Spirituskreis» сделали целый ряд обоснованных выводов, важных для нашего анализа социально-исторических условий, которые сложились в Германии вообще и в Галле в частности в тот период, когда как раз и происходило формирование личности и философии Эдмунда Гуссерля. Немецкие ученые, которые традиционно действовали при университетах и образовывали круг тех, кого в Германии именовали «die deutschen Akademiker» (не путать с членами Академий!), в конце XIX века оказались под сильным давлением целого ряда внешних и внутренних обстоятельств, которые расценивались ими как неблагоприятные и даже угрожающие.

Речь в данном случае идет о *прагматизации университетского и школьного обучения вследствие ускоренной индустриализации Германии*, о политических опасностях, возникавших с приходом к власти тех, чьими главными ценностями были прибыль, капитализация, тех-

---

¹ Rüdiger vom Bruch. Wissenschaft, Politik und öffentliche Meinung. Gelehrtenpolitik im Wilhelmschen Deutschland (1890–1914), Husum (Matthiesen) 1980. S. 253.

низация экономики. Для либерально или консервативно настроенного крыла немецких ученых прямой опасностью стало также нарастание социалистических идей, умонастроений и активности выражавших их партий, организаций. Ученые, таким образом, как бы оказывались «между огней» — и не двух, а многих, не разделяя крайних социальных, политических позиций и с тревогой наблюдая давление этих противоположных сил на культуру вообще, образование в частности, университетское образование в особенности.

Со своих позиций «мандарины» немецких университетов (ректоры, деканы, профессура) расценивали уже существовавшие и нараставшие опасности как «кризис культуры и образования». Нам предстоит выяснить, в чем они были исторически правы и в чем неправы, и разобраться в том, адекватными ли, эффективными ли были способы их реакции на происходящие события, которые, вместе взятые, действительно означали, что уже происходил *кардинальный цивилизационный и культурный поворот в ходе европейской и мировой истории*, в будущем угрожавший еще большими потрясениями.

А теперь ближе к вопросу об истории, деятельности и характере SK. Сначала, как обещано, о названии. «Spiritus» — слово двойственное: в словоупотреблении немецкого языка оно означает одновременно «дух» и ...крепкий алкоголь. Авторы книги «Spirituskreis» считают, что основатель кружка, впоследствии известный историк Эдуард Мейер (Eduard Meyer — о нем мы впоследствии расскажем поподробнее) как бы нарочно и даже провокационно выбрал это название, чтобы позлить противников и даже вызвать огонь на себя (SK. S. 12). Что ему вполне удалось: не вхожие в SK университетские профессора естественно-научного направления постоянно отпускали шутки по поводу претенциозного названия элитарного кружка. Но его влияние было отнюдь не шуточным: члены SK во время 24-х сроков выборов стояли во главе университета Галле. При этом в период с 1898 по 1948 годы, т. е. за пятидесятилетний период существования SK, они 22 раза возглавляли ректорат (SK. S. 16). А некоторые ректоры, члены SK, избирались на свой пост по два или три раза. На примере интересующего нас периода мы далее еще проследим, каким заметным, активным было влияние SK и на такие жизненно важные внутриуниверситетские процедуры, как выборы деканов, ходатайства о профессорских

местах перед министерством, защиты диссертаций, утверждение тематики лекций и т. д.

Теперь кратко осветим историю SK, который историки во времена ГДР стали более скромно, более традиционно и менее однозначно называть Vortrags-Kränzchen (что можно понимать как малый кружок, в котором делают доклады). Один из зачинателей исследования SK, историк из ГДР Гейнц Швабе писал: «Vorrags-Kränzchen, кружок докладов в области наук о духе, впервые собрался 8 ноября 1890 года на квартире Эдуарда Мейера (1855–1930), вскоре ставшего высокопочитаемым специалистом по древней истории — и тогда кружок насчитывал всего 10 членов»¹. Среди первых членов SK было шесть ординарных профессоров философского факультета, три теолога и один юрист. Заметим, что профессора *философского* факультета не обязательно были философами. Но вот что было обязательным — притом и с самого начала, и на протяжении всей истории SK, так это принадлежность членов кружка к той дисциплинарной области научных знаний, которую в Германии традиционно называли Geisteswissenschaften, т. е. буквально «науками о духе» (и которую в России чаще всего называют гуманитарными науками). Ибо как раз здесь заключались и *первопричина*, и *смысл* возникновения, долгого функционирования данного неформального объединения.

Ссылаясь на Т. Моммзена, выдающегося немецкого историка, и А. фон Гарнака (оба, кстати, были популярны в России), Гейнц Швабе выражает ту мысль, что наука ни от чего так не страдает, как от ограничений, которые она сама налагает на себя, и от разделений, противопоставлений отдельных дисциплин и, соответственно, факультетов². И одна из главных целей SK (по отношению к которой регулярные доклады и их обсуждения были чисто научной и вообще-то второстепенной задачей) состояла в *объединении специалистов-гуманитариев* и их совместном неформально-формальном противостоянии тому, что они считали, во-первых, засильем точных, естественных наук в университетской политике, а во-вторых, затянувшимся всевластием университетских «профессоров-бонз» старших поколений. Если говорить

---

¹ Heinz Schwabe. Entstehung und Frühzeit des geisteswissenschaftlichen Vortragskränzchens an der Universität Halle (1890–1914) / Spirituskreis, I. S. 47.

² Heinz Schwabe, op. cit. S. 47.

о возрасте членов SK, то в 1890 году он колебался между 32 и 52 годами; основное ядро составляли те, кому было около 40 лет или немного за сорок. Основателю SK Эдуарду Мейеру было 35 лет. Итак, в SK вначале входили, в основном, *более* молодые, активные, амбициозные профессора «geisteswissenschaftlichen» дисциплин, к которым тогда причислялись философия, теология, история, экономические и юридические дисциплины, литературоведение, языковедение, искусствознание, т. е. весьма широкий круг наук. Многие из них, если не все они, тогда формально принадлежали «ведомству» философского факультета, что для нас весьма важно: *ведь все члены SK в течение десятилетия 1890–1900 годов были коллегами молодого Гуссерля по философскому факультету*. Кстати, коллегами были также и математики, например, Г. Кантор, но члены SK — без всякого разбора, что я, забегая вперед, обозначу как большую стратегическую и тактическую ошибку, — уже самым фактом образования кружка как бы отмежевывались от них и противостояли им как носителям принципиально иного знания и, как предполагалось, сторонникам другой внутриуниверситетской политики.

Имеется сделанный в 1902 году впечатляющий и репрезентативный снимок членов SK. Вот как его описывает Г. Швабе: «Он запечатлел 12 тогдашних членов SK; портреты одного из членов-основателей Бенно Эрдманна, а также Р. Пишеля, к тому времени ставших профессорами в Бонне, висят на стене; в память умершего ориенталиста А. Мюллера — памятный венок, тоже на стене. На переднем плане справа — небольшое фото напоминает о заместителе обер-бургомистра Галле Х. Шмидте, который в январе 1892 года был принят в качестве 12-го члена; и после того, как Шмидт с 1895 года стал обер-бургомистром в Эрфурте, он все еще участвовал в собрании кружка»¹.

Согласно Г. Швабе, наиболее представительной была группа историков или филологов, изучавших древность (E. Meyer, W. Dittenberger, A. Müller, R. Pischel и C. Robert). За нею следовала малочисленная, но очень влиятельная группа собственно философов, которая и интересует нас в первую очередь. Это неокантианцы Бенно Эрдманн и Алоиз Риль. О них, их идеях и «пересечении» с идеями Гуссерля речь идет в моей книге. Здесь мы коснемся их деятельности в рамках SK. За-

---

¹ Heinz Schwabe, op. cit. S. 53.

метные позиции в своих дисциплинах занимали члены SK, специалисты по экономике, праву. Иоханнес Конрад (Conrad, 1839–1915) – вместе с Эдгаром Лёнингом (Edgar Loening) из Галле, В. Лексисом (W. Lexis) из Гёттингена и Л. Эльстером (L. Elster) из Берлина.

Эдгар Лёнинг (Edgar Loening, 1843–1919), с 1886 года профессор в Галле, в качестве юриста занимался проблемами государства, управления, семьи, церковного права. (По мнению Г. Швабе, на упомянутом фото он находится в центре группы потому, что с 1901 года Вильгельм II сделал его постоянным представителем университета Галле при своей канцелярии.)

Рудольф Штаммлер (Rudolf Stammler, 1856–1936) занимался историей права. Между прочим, он был активным сторонником перенесения на почву наук о духе, применения к общественным реалиям и явлениям естественно-научных понятий. Правда, в SK он сделал доклад на актуальную политическую тему: «Теория анархизма». «Социалистам он рекомендовал более не рассматривать капиталистический способ производства как анархический; буржуазным мыслителям он адресовал призыв не отождествлять достойных уважения социалистов с анархистами»¹. Книга Штаммлера 1896 года «Экономика и право в материалистическом историческом рассмотрении» («Wirtschaft und Recht in der materialistischen Geschichtsauffassung»), как считается сегодня, «пролагала путь социальной рыночной экономике» (Ibidem) и обосновывала историческую необходимость усиления правовых и этических регулятивов, сдерживающих стихию рынка.

Теология в SK была представлена церковным историком Фридрихом Лоофсом (Friedrich Loofs, 1858–1928), Эмилем Каучем (Emil Kautzch, 1841–1910), специалистом по Ветхому Завету, и Эрихом Хауптом (Erich Haupt, 1841–1910), занимавшимся толкованием Нового Завета.

Об ученых, которые вступили в SK уже в XX веке, мы говорить не будем, ибо это выходит за исторические рамки нашей темы.

Член SK В. Диттенбергер (W. Dittenberger) был профессором риторики; он представлял в университете не только эту свою специальность, но и был, как выражается Г. Швабе, «представителем того традиционного латинства, которое для молодого кайзера было всё равно

---

¹ Heinz Schwabe, op. cit. S. 58.

что бревно в глазу и которое другими кругами — за исключением (нео) гуманистических традиционалистов — воспринималось как устаревшее»¹. Еще одним представителем классической филологии в SK был Георг Виссова (Georg Wissowa, 1859–1931), профессор в Галле с 1894 года. В 1897/98–99 годах он избирался сенатором философского факультета. А впоследствии (1908–1909) был ректором Университета, деканом (1910–1911) философского факультета.

В общем и целом члены SK периода 1890–1900 годов были достаточно авторитетными, а иногда и весьма известными учеными в соответствующих специальностях, вписавшими свое имя в историю наук, которыми они занимались. В особенности это относится, по-видимому, к основателю SK историку Эдуарду Мейеру, к философам Бенно Эрдманну и А. Рилю, к экономистам И. Конраду и Р. Штаммлеру.

Теперь надо вернуться к проблеме целей, задач, амбиций и самого кружка, и его отдельных членов.

Уже было в общем и целом отмечено, что главной и вообще-то оправданной целью этих объединившихся ученых Галле стало укрепление позиций наук о духе, гуманитарных — и значит, гуманистических — дисциплин в период, который обоснованно представлялся опасным и для этих наук, и для культуры, образования в целом. Далее более конкретно (хотя и по необходимости кратко) обрисуем особенности исторической ситуации, сложившейся в самом конце 80-х годов XIX века и более непосредственно повлиявшей как на возникновение SK, так и на его политику, на идеи и умонастроения его членов в 90-х годах.

Процитирую авторов книги «Spirituskreis»: «Около 1890 года произошли широкомасштабные преобразования, затронувшие духовную ситуацию и духовно- идеологические размежевания. Ганс Файхингер также специально пометил 1888 год»². Имеется в виду то, что общество захлестнула волна ранее скрытого «гражданского беспокойства» (Unbehagen), касавшегося самого существа старых ориентаций, идеалов в социальной, политической жизни и неспособности с их помощью ответить на вызовы существенно изменившихся исторических условий. Предлагаемые новые варианты ответов на эти вызовы были различными. С 14 по 20 июля

¹ *Heinz Schwabe*, op. cit. S. 61.

² *Spirituskreis*. S. 193.

1889 года в Париже состоялся Международный конгресс социалистов, к которому готовились и в котором приняли участие немецкие социал-демократы. «Под лозунгом “Пролетарии всех стран, соединяйтесь” он стал и конгрессом, основавшим II Интернационал» (Ibidem).

Прямо противоположный ответ на вызовы времени предложили правящие круги Германии, объединившиеся вокруг Вильгельма II, который «в своем антисоциалистическом Указе о школах от 1 мая 1889 года дал противоположную ориентацию — “сделать школу пригодной для того, чтобы противостоять социалистическим и коммунистическим идеям”» (Ibidem). Авторы книги «Spirituskreis» ссылаются на весьма многочисленные мероприятия, упоминают о возникновении объединений, которые были реакцией на конкретные политические противостояния 1890 года. Эти события: выборы 20 февраля 1890 года — с удвоением числа социал-демократических избирателей, отставка Бисмарка, демонстрация рабочих 1 мая 1890 года. Конкретным ответом официальных политических кругов на эти тревожные события стали: создание союзов предпринимателей, объединений и католиков, и протестантов, их усилившееся внимание к социальным вопросам и т. д. (Ibidem. S. 194). Р.Г. Шенк и Р. Майер также цитируют воспоминания авторитетных философов (Р. Ойкен, Г. Файхингер), которые однозначно усматривали в происшедшем *упадок духа, пагубный для «философских устремлений»*¹. Подчеркивается также: для Ойкена упадок все же предполагал — впоследствии — движение вперед, тогда как «пессимист» Файхингер вел от этого времени отсчет непрекращающегося социального и культурного упадка (Spirituskreis. S. 195).

Образование SK было, с одной стороны, прямым ответом на сложную констелляцию социально-политических сил и череду событий; с другой стороны, его во многом опосредовали более специфические именно для ученых проблемы, переживания, устремления. Ведь в конце концов их (тоже социально значимое) дело состояло не в том, чтобы проводить время в демонстрациях с какими угодно знаменами, а чтобы учить студентов и своими исследованиями обогащать сокровищницу человеческих знаний. Кстати, в определенных условиях (будь это 1890-й или 1968 год) для спокойного исполнения учеными, педа-

---

¹ Rudlf Eucken: Lebenserinnerungen. Ein Stuck deutsches Lebens, Leipzig 1921. S. 65 ff.

гогами своего профессионального долга требуется немалое мужество, потому что приходится идти против взбаламученного потока времени...

И все же, что справедливо отмечают Г. Шенк и Р. Майер, общегерманские и внутренние (уже на земле Галле совершавшиеся) события не могли не оказать влияния как на возникновение SK, так и на позиции, ценности его членов. *Социальные события требовали реакции именно со стороны наук о духе, общественных наук.* И требовали, разумеется, их консолидации и единства, а не разобщенности отдельных дисциплин, все более специализирующихся и обособляющихся друг от друга. В то время как естествоиспытатели, медики располагали в университете Галле старейшей и знаменитой «институцией», обеспечивающей их (хотя бы относительное) единство — это была знаменитая «Леопольдина», в науках о духе подобного объединения, подобной институции не существовало (Spirituskreis. S. 196). SK был предназначен — хотя бы неформально — восполнить этот пробел. Длительность существования SK говорит о том, что в 1890 году это совершенно новое объединение гуманитариев достаточно успешно решало свои совокупные задачи. Я разделяю задачи на главные группы — соответственно характеру, направлению и объектам деятельности этого неформального объединения.

Первая группа задач: консолидация, развитие «наук о духе», их существенное обновление, обогащение, преобразование благодаря выработке новых теоретико-методологических парадигм в различных дисциплинах, благодаря их перекличке и взаимодействию. Довольно успешное решение этих задач стало возможным благодаря тому, что *в университете Галле в это время собрались* (не всегда, правда, для того, чтобы остаться в нем до конца своей научной карьеры) еще (относительно) *молодые, руководимые новаторскими научными амбициями профессора и приват-доценты, нацеленные на коренное преобразование научного знания.* И в большинстве случаев им удалось внести большой или просто заметный вклад и в развитие своих дисциплин, и в обогащение немецкой культуры своего времени.

При этом члены SK, о котором здесь конкретно идет речь (пусть и при элитарной обособленности своих встреч, заседаний), не только не были отделены от научного потенциала своего университета, но и оставались с этим потенциалом тесно связанными — и благодаря по-

вседневному функционированию «философского» факультета — на самом же деле объединяющего ученых разных специальностей, и в силу коллегиальных и дружеских контактов, наконец, в силу того, что все они тогда жили в одном, относительно небольшом городе.

Да и противостояние корпусу естествоиспытателей, в конечном счете недальновидное и ошибочное, имело свое причинное объяснение: ведь сами естествоиспытатели нередко презрительно относились к гуманитарному знанию. Но это противостояние все же не было столь жестким, как это программно провозглашалось со стороны SK. Оно опять-таки сглаживалось благодаря целостной университетской практике, а также в силу существования коллегиальных и дружеских связей. И в очень существенной степени благодаря тому, что сами науки о духе, включая философию, тогда все больше проникались натурфилософскими (иногда — натуралистическими), сциентистскими идеями и настроениями. Не станем забывать и о том уже отмечавшемся факте, что, скажем, математик Кантор тоже работал на философском факультете и, как показывают габилютационные документы Гуссерля, писал свои отзывы, ставил свою подпись в тех же документах (иногда — на тех же страницах), что и его коллеги-философы и психологи.

В этой моей книге ставится задача подробно обосновать идею о существенном вкладе некоторых представителей гуманитарного знания университета Галле конца XIX века в развитие немецкой и, шире, мировой науки. Понятно, что меня особо интересуют философы — и подробную оценку их вклада я предложила в главах книги, посвященных старшему поколению философов этого университета И.Э. Эрдманну и Р. Гайму, в разделах о неокантианцах Б. Эрдманне, Г. Файхингере, а также в главе о крупном психологе университета К. Штумпфе — везде в сопоставлении с идеями молодого Гуссерля. А особая глава, посвященная переключке идей великого математика Г. Кантора и начинающего философа Э. Гуссерля, показывает, что никакие обособившиеся кружки и их идеологии не могли остановить плодотворного процесса взаимодействия естественных, математических и философских наук в рамках целостности научного знания.

Весьма интересен вопрос о тематике докладов, сделанных на заседаниях SK.

Какие темы избирались для докладов в SK между 1890 и 1901 годами? Самые разные, и они во многом зависели от того, какие исследования в то время осуществляли профессора, члены кружка. Заметная часть докладов была посвящена проблемам и особым страницам древней истории. Э. Мейер посвятил свои доклады Греко-персидским войнам, Александру Македонскому, проблемам государства в Греции X–VII веков до н. э., а также экономическому развитию в древнем мире(!), учениям Платона, Августина и другим близким темам. В. Диттенбергер тоже говорил о проблемах древней истории (финансовое дело в греческих городах-государствах, учение Аристотеля о государстве, древнегреческое семейное право, государство и религия, географические проблемы в древней Греции и др.). Теологи (Ф. Лоофс, Э. Хаупт, Э. Качч) тоже обсуждали темы древней истории, но в свете религиозной догматики и священных текстов. Ближе к современности были доклады экономистов и юристов. И. Конрад посвятил свои доклады острым социальным темам: он говорил о развитии зарубежных университетов, об истории университета Галле в 1694–1892 годах, о тогдашнем аграрном кризисе, о проблеме одиноких матерей и незаконнорожденных детей согласно немецкому гражданскому кодексу, о современном положении среднего слоя, об образовании крупных предприятий из мелких в сфере торговли. Г. Шмидт (тот, который потом стал эрфуртским бургомистром) посвящал свои доклады проблемам городского управления и строительства, жилищной проблеме рабочих и вопросу о страховании при безработице. После переезда в Эрфурт он говорил об истории города и его университета. Р. Штаммлер сделал упомянутый ранее доклад об анархизме, о современном состоянии и проблемах частного, гражданского и уголовного права, о состоянии науки о государстве и праве. Востоковед Р. Пишель в своих докладах повествовал о буддизме, о культуре древней Индии.

Какие доклады делались философами? Сначала в SK был только один значительный, философ, Бенно Эрдманн. В 1890 году он выступил с темой «Психология языка», в 1891 г. говорил об условиях развития философии XVII века, в 1892 году — о проблемах восприятия (аппер-

цепции); доклад 1894 года назывался «К вопросу о знании относительно бессознательного»; в 1895 году Б. Эрдманн сделал доклад на тему «Метафизика как наука»; доклад 1896 года был посвящен проблеме представлений. В 1897 Эрдманн докладывал по теме «Догматический реализм Канта», его доклад 1897 года назывался «Нечто метафизическое о психологии». В 1898 году Б. Эрдманна уже не было в Галле. В SK появился другой неокантианец — Алоиз Риль, который в 1899 году (т. е. за год до смерти Ницше) сделал доклад на тему «Философия Ницше в третий период его развития»; в 1900 году его доклад был посвящен проблеме натурализма в современных искусстве и поэзии.

Оценивал тематику докладов, можно отметить следующее.

1. Широкий исторический разброс тем — от древней истории до современности — можно считать определенным преимуществом научной деятельности SK. Ведь благодаря компактным докладам, концентрировавшим, однако, результаты упорных, тщательных (как это всегда бывает у значительных немецких ученых), годами проводившихся исследований, члены SK обретали уникальную возможность получать информацию о развитии тех научных областей, в которых они сами не трудились и следить за которыми не имели возможности. Кстати, дисциплины, обращенные к древности (история, филология, история философии и религии) были в большом почете в классические времена немецких, да и вообще европейских университетов.

2. Вместе с тем компетентные и основательные исследователи-экономисты и юристы выносили на обсуждение острые социальные проблемы современности, которыми, можно не сомневаться, живо интересовались и специалисты по древней истории.

3. Поскольку философы в первое десятилетие существования SK, в сущности, не были вхожи в этот (как сказано, элитарный) кружок **более** молодых, но всё-таки и не совсем молодых, а уж точно не старых профессоров, философская проблематика не стояла в центре докладов и обсуждений. Однако читатель, вероятно, уже заметил, что историки, теологи тоже посвящали свои доклады Платону или Аристотелю. А это объяснялось философской ориентированностью тогдашнего гуманитарного знания.

4. Специально о докладах Бенно Эрдманна: они были посвящены проблемам психологии — восприятию и представлению (конечно же,

в их философской трактовке), т. е. тем темам, которыми в тот период усиленно занимался сам Б. Эрдманн и с которым в значительной степени были связаны первые исследования, первые публикации Э. Гуссерля. Если Гуссерль, не входящий, как сказано, в СК, и не слышал именно этих докладов, маловероятно, что сосредоточенность коллеги, извечного философа и логика Б. Эрдманна на такой как бы психологической тематике не была ему известна. Ибо речь в данном случае шла о факте, который запечатлелся и в ФА: то была проблематика, где прочно пересекались исследования видных философов, логиков, психологов, впрочем, нередко совмещавших эти профессиональные, дисциплинарные интересы.

ПРИЛОЖЕНИЯ КО II ЧАСТИ

1. Экскурс в историю математики второй половины XIX века в её соотношении с ранней философией Гуссерля

Предуведомление

В этом разделе в кадр нашего историко-научного анализа, сфокусированного на истории математики, попадут лишь те имена, теории и проблемы, которые не только повлияли на самые первые этапы становления Гуссерля как ученого-математика, но и получили (весьма специфическое) отображение в его творчестве тогда, когда он — уже в Галле — стал продвигаться по новой для него философской (связанной преимущественно с философией арифметики, но не только с ней) научно-теоретической дороге.

Наше исследование в данном экскурсе по жанру будет историко-философским, а вместе с тем — историко-научным. Этот жанр давно опробован в истории мировой философии; он завоевал своё почетное место также в отечественной историко-философской науке. Историко-философский и историко-научный материал представлялось необходимым разбирать последовательно, в ряде специальных экскурсов.

1. Данная книга начиналась с обстоятельного историко-философского раздела, в котором в кадр анализа попали учения тех конкретных философов, благодаря которым ко времени прибытия Гуссерля в Галле уже оформилось то разноликое множество идей, учений, фигур, которое (число условно) можно назвать частью немецкой философии второй половины XIX века, представленной именно в Галле — при Университете Галле-Виттенберг и вокруг него.

Необходимо конкретно ответить на группу вопросов о том, какие творческие импульсы мог получить и действительно получил устре-

мившийся в философию вчерашний математик Гуссерль от своих коллег по университету. Задача состояла в том, чтобы не упустить ни одного сколько-нибудь существенного пересечения ранних философских усилий Гуссерля с занятиями его университетских коллег-философов, будь оно ими субъективно зафиксированным или объективно существующим.

2. В дальнейшем (в этой первой книге моего труда) шаг за шагом анализировались пока что мало известные у нас первые философские, а одновременно обращенные к математике сочинения Гуссерля — прежде всего «Философия арифметики» (I том, вышедший из печати в 1891 году).

3. Представлялось целесообразным также очертить в предлагаемом ниже относительно кратком экскурсе те главные математические, философско-математические идеи, к которым примыкал — как правило, самостоятельно, критически (а это была с начала и до конца творчества отличительная черта Гуссерля как ученого) — и с которыми он подчас остро полемизировал в «Философии арифметики». Прежде всего будут рассмотрены те импульсы, которые Гуссерль получил от своих выдающихся математических учителей К. Вейерштрасса, Дедекинда, от своего коллеги великого математика Г. Кантора и др. Выражение и подтверждение оказанного ими плодотворного воздействия многочисленны. В дополнение к тому, что уже рассматривалось в главном тексте книги, например, при контекстуальном анализе *ФА* (и других работ раннего Гуссерля) здесь, в кратких экскурсах, будут даны дополнения к общей панораме развития философии в то время, но опять-таки *поскольку и насколько её авторов и соответствующие их работы заметил, изучил, использовал, процитировал ранний Гуссерль, прежде всего в ФА.*

Хочу предупредить: в историко-философских экскурсах придется говорить о некоторых авторах, которые в европейской философии ко второй половине XIX века были по-своему популярны. Гуссерль в *ФА* основательно разбирал, цитировал их работы как самые читаемые, влиятельные в его время. А вот сегодня они, увы, мало знакомы даже большинству профессиональных историков философии, если они специально не занимаются историей европейской философии интересующего нас периода. Поэтому вводить их в кадр нашего исследования

так или иначе придётся. Особых проблем тут как бы нет, ибо соответствующие сочинения авторов, которые читал — иногда одобряя, часто критикуя — Э. Гуссерль, цитируя их в ФА, в распоряжении каждого. И разбирать их, оценивать, толковать — профессия историков европейской философии¹.

Влияние идей К. Гаусса

В этом разделе речь пойдет, в основном, об идеях тех авторов, которые прославились и стали особенно влиятельными математиками второй половины XIX века, т. е. в эпоху, когда Гуссерль получал математическое образование.

Но об идеях и разработках одного более раннего великого математика, чьи работы восходят к началу этого столетия, надо сказать с самого начала. Ибо они оказали уже и на молодого Гуссерля такое влияние, которое справедливо назвать самым широким и основательным. Это были работы Карла Гаусса, в которых осуществились поистине революционные преобразования математики. Карл Гаусс (30.IV.1777—23.II.1855) был многосторонним ученым, вписавшим свое имя не только в историю математики; ему принадлежат выдающиеся работы в области физики, астрономии, геодезии. Но главные его открытия были сделаны в математических дисциплинах.

Э. Гуссерль справедливо придавал открытиям Гаусса фундаментальное научное значение, тем более что они в первую очередь касались теории чисел, в которой, как отмечают историки, в ту эпоху, т. е. в первой трети XIX века, Гаусс царил поистине безраздельно. Немаловажно, что Гаусс в конце XVIII века написал раннюю (опубликованную в 1801 году) великую работу «*Disquisitiones arithmetical*» (1801, «Арифметические исследования») — пятисотстраничную книгу, которая, по мнению историков математики, образует начало и исток современной теории чисел, оказавшей влияние на её развитие вплоть до наших дней. В работе «*Disquisitiones Arithmetical*» идеи «были те же, что и в XVIII веке, но язык, который Гаусс использовал для их формулирования, был совершенно новым» (J. Dieudonné, *op. cit.* S. 180).

---

¹ Труднее обстояло дело с материалами по истории математики. Потребовалось, конечно, как специальное овладение ими, а также и постоянные консультации со специалистами.

Остановиться на роли Гаусса в выработке математических представлений нам особо важно потому, что Гуссерль в *Предисловии* к ФА четко заявил: он намеревается развить «новую философскую теорию эвклидовой геометрии, основная мысль которой находится в тесной связи с обсуждаемыми у Гаусса вопросами». И дальше Гуссерль пишет: «Быть может, я не вызову с самого начала неблагоприятного предубеждения против моей теории, если скажу, что основные мысли моей теории обязаны своим возникновением работе Гаусса о “биквадратных вычетах”, работе, которую многие читали, но всегда односторонне использовали» (Husserl, ФА. S. 8). Произведение Гаусса, которое имел в виду Гуссерль, следующее: «Уведомление к теории биквадратных вычетов, комментариев второй»¹. Правда, эта область, в которую здесь вторгается Гуссерль, имеет специальный математический характер, относясь к теории геометрии; мы в нее входить не можем. Но философские идеи, которые Гуссерль в связи с этим развивает, запечатлены в набросках ко II тому ФА.

Здесь обратимся к философско-математическим оценкам линий связи «Гаусс—Гуссерль». Гаусс был из тех математиков, кто по существу обосновал теорию так называемых комплексных чисел в математике. Она возникла на языке алгебры и геометрии. Считается, что сама идея возникла в уме Гаусса очень рано, в 1799 году; впоследствии он к ней неоднократно обращался. В 1811 году, в письме к Бесселю Гаусс писал: «Точно так же, как все царство реальных величин можно мыслить с помощью [через образ. — Н.М.] бесконечной прямой линии, так и все царство величин, реальных и комплексных, можно *чувственно* (это NB — Н.М.) представить себе благодаря бесконечной плоскости, на которой любая точка, определяемая абсциссой-а и ординатой-б, представляет равным образом величину $a+ib$ »².

Здесь принципиально важна для *концепции обоснования арифметики вообще, теории чисел* (и той в частности, которую стал разрабатывать Гуссерль в ФА) *общая тенденция*: увязать числа (и то, что о них говорится в арифметике и алгебре) с «чувственными представлениями», из математических дисциплин более всего доставляемыми геометрией.

¹ См.: C.F. Gauß «Anzeige der Thoria residuorum biquadratorum, Commentario secunda». (Впервые опубликовано в: Göttingische Anzeigen, 1831; затем — в сочинениях: C.F. Gauß. Werke. Bd. II, Göttingen 1813. S. 174—178).

² Цит. по: J. Peigfer, A. Dahan-Dalmeclico, op. cit. S. 282.

И она, эта тенденция — подчеркнем — родилась *внутри самой математики!*

Гаусс сначала мало занимался, как известно, отработкой своих открытий для публикации; особенно это характерно для ранних периодов его развития. «После 1830 года он дал доступные общественности доказательства своих идей, (прежде всего в упомянутой *Theoria...* 1831 года. Там он подробно изучал числа формы $a+ib$, причем a и b должны быть целыми числами (числа этой формы иногда называют “гауссовскими числами”). Он представил там чисто арифметическое рассмотрение, прибавив также *геометрическое изображение* благодаря решетке на плоскости. В результате геометрическое изображение завоевало право гражданства для комплексных чисел. Они (эти результаты) к концу 1840-х годов стали общепризнанным» (Ebenda. S. 282). Снова напомним, что на работу Гаусса, о которой здесь упоминается, собирался опираться Гуссерль также во II томе ФА, о чем мы уже сообщали, обращаясь к Предисловию этого произведения.

К. Вейерштрасс и его теория чисел

Теодор Вейерштрасс (1815—1897) родился в Остенфельде (Вестфалия). В 1834 году он начал изучать право в Боннском университете, но через 4 года покинул университет, не сдавая экзаменов. Затем он приступил к изучению математики в университете Мюнстера; в 1841 году сдал там экзамен на звание учителя, после чего преподавал в гимназии. В 1856 году ему было присвоено звание почетного доктора Кёнигсбергского университета. В 1864 году Вейерштрасс получил кафедру математики в Берлинском университете; с 1856 года он был членом Берлинской академии наук (См.: J. Diendoné, op. cit. S. 912—913). Начало разработки Вейерштрассом *теории числа* историки математики датируют 1863 годом. В лекциях, которые он в течение двадцати лет читал в Берлинском университете (позднее они были опубликованы его учениками), Вейерштрасс так или иначе разрабатывал — под общим названием «Всеобщая теория аналитических функций» — также и теорию числа.

Ход мысли Вейерштрасса (взятый скорее не в его полной математической конкретности, а с точки зрения теоретического и методологического аспектов) состоит в следующем. «Вейерштрасс делает множество N предположкой позитивного целого числа и числа 0

и начинает с дефиниции понятия равенства, которое играет фундаментальную роль в его теории реальных чисел. Он говорит, что два целых числа равны друг другу, если они составлены из равного количества элементов, и это отношение (обозначаемое равенством $a=b$, имеет то свойство, что из $a=b$ и $b=c$ также следует, что $a=c$) (Ibidem. S. 390).

Вводились также понятия «точных (genauen) частей единства» и конструируемого «агрегата». Изучение ФА показало, что роль понятия «единства» в математике станет одной из центральных тем этой работы Гуссерля. Например число $\frac{4}{3}$, рассуждает Вейерштрасс, может быть показано как агрегат, т. е. через сумму слагаемых $\{\frac{1}{3}, \frac{1}{3}, \frac{1}{3}\}$. Отсюда Вейерштрасс выводит дефиницию равенства двух рациональных чисел: «Два числа равны друг другу, если одно может ...может быть трансформировано так, чтобы оба они имели те же самые и только те же самые элементы и каждого в отдельности содержалось бы в том же самом целом числе» (Цит. по J. Diendoné. S. 390).

В результате вводится новая разновидность числовых понятий и рождается *определение реального числа*: «Мы говорим, что число a имеет конечную ценность, если существует число b , большее, чем a , и составленное из многих конечных элементов Q_+ . На основе этого критерия Вейерштрасс смог определить нового вида число, составленное из бесконечно многих элементов, и показать, что тогда элементарные операции арифметики выводимы (ausführber) для множества R реальных чисел» (Ibidem. S. 391).

Вейерштрасса причисляют (это имеет место, например, у А. Пуанкаре) — наряду с Гауссом, Коши и Риманом — к когорте создателей современной теории аналитических функций. При этом упомянутые выдающиеся математики подходили к проблеме с разных сторон. У Коши это понятие ещё имело, согласно Пуанкаре, ограниченный выводной характер (все сводилось к проблеме определенного интеграла). У Римана, естественно, «доминировали геометрические представления, и функция давала лишь одно правило, согласно которому можно было трансформировать плоскость»¹. «Вейерштрасс, — отмечает Пуанкаре, — придерживается противоположной позиции; исходный пункт у него — потен-

¹ Henri Poincaré. L'Oeuvre mathématique de Weierstrass, Acta mathematica 22(1899) / Цит. по: J. Diendoné, op. cit. S. 135.

циальный ряд, Funktionselement, который ограничивается Konvergenzkreis, чтобы функцию продолжить за пределы этого круга, мы и имеем в распоряжении метод аналитического продолжения. Таким способом все выводится из учения о рядах, и эта теория, в свою очередь опирается на прочный арифметический базис» (Ibidem. S. 135).

С вейерштрассовской теорией функций Гуссерль познакомился непосредственно на лекциях и занятиях со своим учителем. Она возникала, отрабатывалась Вейерштрассом в течение десятилетий, причем, как и все другие идеи Вейерштрасса, именно в процессе подготовки и чтения лекций. А их, как говорилось, не просто слушал, но и глубоко осваивал Э. Гуссерль.

Тема «анализа». Вейерштрасс и Гуссерль

В связи с усилиями Вейерштрасса, направленными на разработку основ «анализа», необходимо соотнести их с его (и других математиков) стремлением арифметизировать математику. Можно с уверенностью говорить о том, что *книга Гуссерля, названная именно «Философией арифметики», в тематически – математическом смысле является совокупным результатом влияния именно идей и подходов его учителя Вейерштрасса.* Ведь этот выдающийся математик, как его во второй половине XIX века называли многие (такое же определение дают историки математики и сегодня), прославился, в частности, тем, что он — в числе других математиков — призывал «арифметизировать» математику. При этом арифметизация должна прежде всего затронуть ту часть математики, которую именовали «анализом» (две другие главные части — это алгебра и геометрия). ««Анализ» — это и есть исчисление интегралов и дифференциалов. Собственная специализация молодого Гуссерля — это подчиненная анализу сфера-исчисление вероятности»¹ (речь идёт о начальной специализации и о первой, чисто математической диссертации, защищенной Гуссерлем у Вейерштрасса).

Говоря конкретнее и уже на современном языке, отмечают Н. Eves и С. V. Newson, «классический анализ следует твердо опереть — как на основу, фундамент — на реальную систему чисел» (Р. 202). Но для это-

---

¹ См.: Philip Miller J. Op. cit. P. 23. Миллер, в свою очередь, ссылается на работу: Н. Eves and C.V. Newson. An Introduction to the Foundations and Fundamental Concepts of Mathematics. N.Y., 1965, pp. 196 ff.

го требовалось обновить, по-новому обосновать саму теорию чисел. Как раз в этом общем замысле Гуссерль, когда он стремился обосновать «философию арифметики», был горячим последователем Вейерштрасса — с тем существенным добавлением, что этот замысел он дополнил философско-математическими устремлениями. Согласно Дж. Миллеру (а он ссылается на: Н. Eves and C.V. Newsom «An Introduction to the Foundations and Fundamental Concepts of mathematics». N.Y., 1965, pp. 196 ff.), «трудно с точностью определить дисциплину, известную как “анализ”. Часто говорят, что это одна из трех главных сфер математики — две другие это алгебра и геометрия. В общем и целом анализ состоит из исчисления интегралов и дифференциалов — вместе с некоторыми другими ответвлениями математики, восходящими к этому исчислению. Собственная специализация (молодого) Гуссерля — это подчиненная сфера, исчисление вероятностей (вариаций)»¹. (Речь идет о начальной специализации и о первой, чисто математической, диссертации Гуссерля, защищенной у Вейерштрасса.)

Что касается направленности работы Вейерштрасса, то она нередко определяется как “арифметизация анализа” (Ibidem. P. 2). Благодаря ей предполагалось прояснить темные места и нерешенные проблемы сферы анализа.

Говоря конкретнее и уже на современном языке, отмечают Н. Eves и C.V. Newsom, замысел Вейерштрасса состоял в следующем: «классический анализ следует твердо опереть на реальную систему чисел как на основу, фундамент» (An Introduction... P. 202).

Но для этого надо было, конечно, привести в систему, обновить саму теорию чисел. Вот в том замысле Гуссерль, когда он создавал ФА, был последователем Вейерштрасса. Но *этот замысел он дополнил философско-математическим, который, в свою очередь, состоял в попытке обоснования теории числа с выходом в сопредельные области, занятые исследованием человеческого сознания. Как именно это делалось, мы рассмотрим применительно к ФА.*

Стимулы к разработке именно проблемы числа — в связи с теориями анализа — были весьма неоднозначными. С одной стороны, теория чисел относилась к сфере древнейших и важнейших проблемных

---

¹ Philip J. Miller, op. cit. P. 23.

разделов математического знания, причем именно в XIX веке внимание к ней неизмеримо возросло. С другой стороны, Гуссерль многократно высказывал свою неудовлетворенность тем, сколь слабо оснащена теоретически и методологически эта область, претендующая — и в принципе по праву — на фундаментальную роль в математике. В одной из своих рукописей он записал, имея в виду новые знания в области анализа: «Ни один разумный человек не сомневается в правильности их результатов, ни один естествоиспытатель или специалист в сфере техники не поколеблется использовать, где возможно, эти знания как инструмент исследования и овладения природой. И все же: просто невероятно, и однако же несомненно то, что среди основных понятий анализа нет ни одного, в отношении которого существовали бы ясность и глубокое понимание» (Ms. KI 28/32a).

«Гуссерль, — верно комментирует эту ситуацию Дж. Миллер, — никогда не сомневался, что эти понятия *могут быть* прояснены, а их употребление — теоретически “оправдано”; проблема состояла только в том, что это фактически сделано не было» (J.Ph. Miller, op. cit. P. 5).

Какие возможности видел здесь молодой Гуссерль?

В Манускрипте, подготовленном к лекции, прочитанной в Галле, Гуссерль связывает прояснение *понятий* анализа с «вспомогательными геометрическими *представлениями*» (geometrische Hilfsvorstellungen) (Ms. KI 28/30a). Дж. Миллер справедливо отмечает, что в данном случае Гуссерль хочет далее обосновать стремление своих учителей в математике Вейерштрасса, Дедекинда и Кантора, которые пытались обеспечить «последовательное, чисто арифметическое развитие *анализа*» (Ms. KI 28/30a). Уместна в этой связи и ссылка в I томе ФА Гуссерля: «Вейерштрасс имел обыкновение начинать свои эпохального значения *Лекции по теории аналитических функций* с таких слов: чистая арифметика (или чистый анализ) — это единственная наука, которая базируется на понятии числа. Она не нуждается в каких-либо предпосылках, постулатах и предварительных положениях (буквально так говорил он в летнем семестре 1878 и зимнем семестре 1880/1881 годов). За этим следовал анализ понятия числа в смысле кардинального числа (Anzahl)» (ФА 12).

Как показано в исследованиях философии раннего Гуссерля, такое *почти* что отождествление «анализа» с наукой о числах — в духе раннего Вейерштрасса — было затем преодолено Гуссерлем (J. Miller,

ор. cit. P. 31 и ff). Но стремление тесно и изначально связать их, несомненно, осталось.

Можно в общем и целом присоединиться и к хорошо обоснованному мнению Дж. Миллера о том, что даже на ранней стадии своего развития в качестве математика Гуссерль все же не следовал за Вейерштрассом слепо и что он «с самого начала своей работы в данной области искал основания анализа на более радикальном и строгом пути, чем тот, который виделся самому Вейерштрассу» (J. Miller, *op. cit.* P. 6). При этом необходимость подобной радикальности и строгости Гуссерль выводил (в чем тоже прав Миллер, ссылающийся на ранее упомянутый манускрипт) из факта постоянного существования теоретических и логических трудностей даже в условиях значительного прогресса знания (*Ibidem.* P. 24).

В раннем развитии Гуссерля были, как мы видели, разные причины, приведшие его от математики к философии. Но среди них на первое место можно смело поставить научно-теоретические основания. Ибо *сам Гуссерль неоднократно увязывал эту рано овладевшую им страсть именно с философией*. Да, это была именно страсть, горячее желание отыскивать, ясно и четко усматривать *основания* исследуемых областей, их фундаментальные понятия. И когда в математике он обнаружил, с одной стороны, огромный, поистине неограниченный прогресс в смысле прироста знаний, а с другой стороны, *дефицит оснований и обоснований*, в сущности, был предопределен его путь к философии. И имелся в виду поиск такой философии, которая учила бы ясному, отчетливому, строгому, проверяемому «усмотрению сущностей». Конечно, этот путь был необычайно трудным, он занял по сути дела всю жизнь Гуссерля. А в ранний период требовалось ещё найти к нему мост от достаточно конкретных математических занятий.

А это уже в ранний период развития Гуссерля было опосредовано более общим устремлением — приведу слова из одной гуссерлевой рукописи: «...просто ограничения [занятий] какой-либо сильно специализированной областью работы — это не то, в чем состоят ценность и достоинство. Это всего лишь неизбежное зло. Исследователь в полном смысле этого слова (*vollkommene*), который стремится стать совершенным человеком, поэтому *не позволит себе выпустить из поля зрения отношение науки к всеобщим и более высоким познавательным*

ценностям человечества. Профессиональное ограничение узкой областью необходимо; но целиком в ней замкнуться — значит заслужить законные упреки. И в особенности те работы должны представляться нам заслуживающими подобных упреков, которые равнодушны к всеобщим вопросам, составляющими и фундамент их наук, и их ценность и достоинство, как и касающимися их положения в царстве человеческого познания вообще» (Ms. KI 28/25a — курсив мой. — Н.М.).

В литературе о Гуссерле существует также спор о том, ведет ли гуссерлевский уклон в сторону психологического анализа математического материала вообще, проблемы числа, в частности, свое происхождение также и от работ математиков. Некоторые авторы отвечают на этот вопрос положительно. Так, Элай (Eley) в своем *Предисловии* к ФА (Husserliana, Bd. XII, s. XXIV) высказывает мнение, согласно которому понятие числа у Вейерштрасса также было «имплицитно психологическим». Б. Пикер (B. Picher) считает, что восхождение Гуссерля в ФА к созерцаниям «было стимулировано тем, что Гаусс ссылаясь на Veranschaulichung, применительно к воображаемым числам, т. е. на их отнесенность к созерцанию»¹. Дж. Миллер опровергает эти точки зрения — на том основании, что математики, включая Вейерштрасса, не усматривали здесь проблемы, тогда как для Гуссерля она постепенно становилась *основой и спецификой его работы*, причем уже на первых стадиях скольконбудь самостоятельных исследований (J. Miller, op. cit. S. 8).

Миллер считает, что уже тогда Гуссерль по крайней мере в двух главных отношениях если не расходился с Вейерштрассом принципиально, то во всяком случае начинал прокладывать свой собственный исследовательский путь. В чем же? Во-первых, *Гуссерль определяет свою главную проблематику не как чисто математическую, а как философско-математическую*. Во-вторых, при конкретном исполнении исследования совершается присоединение психологического измерения (Ibidem). Я в принципе согласна с этим уточнением Миллера, хотя одновременно считаю в высшей степени полезными и необходимыми ссылки (Элая, Пикера и др.) на тот материал, где содержатся *предпосылки выхода самой математики если не к психологии, то к «философии созерцания» (Anschauung)*, т. е. в сферу чувствен-

¹ Bernold Picher. Die Bedeutung der Mathematik für die Philosophie Edmund Husserls/ Philosophia naturalis 7 (1961–1962). S. 292.

но-предметного опыта. И в моей работе были приведены ещё и другие ссылки такого рода.

Имеются и указания на конкретные временные вехи всё более решительного размежевания Гуссерля с позициями его математического учителя. Феноменологи и историки показали, что в тексте ФА Гуссерль уже защищал несколько иную, чем прежде, позицию в истолковании сущности «анализа» как области математического знания и исследования. В. Бимель в своей весьма важной работе «Решающие фазы в развитии философии Гуссерля» (1970) сослался на неопубликованные тогда манускрипты (относящиеся к 1889 году), в которых запечатлен отход Гуссерля от прежнего понимания проблемы. «Некоторое время после публикации Bd 2 (первой диссертации. — *Н.М.*) весной 1887 года, но точно не позднее февраля 1890 года, — разъясняет В. Бимель, — *Гуссерль пришел к фундаментально новой позиции, касающейся характера “анализа”*. Он счел себя вынужденным отойти от некоторых базисных предпосылок, которые он заимствовал у Вейерштрасса... Гуссерль пришел к необходимости сформулировать настоятельные философские проблемы, касающиеся “анализа”, и сделал это совершенно по-новому. Эта новая формулировка проблем, в свою очередь, стала базисной для целого периода интенсивной рефлексии и для исследования математики в начале 90-х годов XIX в.», — пишет Дж. Миллер (J. Miller, *op. cit.* P. 10). Кстати, такой вывод привел Миллера к стремлению обесценить ФА на таком основании: Гуссерль защищал в ней (в понимании анализа) позиции 1886/87 годов, которые им самим ко времени публикации ФА в 1891 году уже были преодолены.

Этот подход я не считаю полностью обоснованным, и вот почему. Хотя проблема отношения Гуссерля к анализу введена по праву и хотя факт изменения позиции зафиксирован правильно и в соответствии с высказываниями самого Гуссерля¹, осталось не доказанным, что следует перечеркнуть всё исследование, проведенное в ФА. Ибо ведь сам Гуссерль *уже в этой книге* (ФА. S. 12_{16–17}) говорит о неосуществимости (Undurchführbarkeit) исследований целиком на фундаменте позиций, выработанных Вейерштрассом (что он обещает показать во II томе ФА). А значит, какие-то коррективы к более раннему толкованию уже

---

¹ Это подтверждает, например, письмо Гуссерля К. Штумпфу (13 февраля 1890 года).

были внесены в саму эту книгу. (Чего, впрочем, не отрицает и Дж. Миллер, хотя дает специфическое объяснение такому “курьёзному факту”: во *введении к ФА* (апрель 1891 г.) Гуссерль-де уже фиксирует новую позицию, тогда как книга написана на основе прежнего понимания анализа — J. Miller, *op. cit.* P. 12). Здесь, по моему мнению, Миллером доказан только следующий факт: уже *после опубликования ФА* (а быть может, и тогда, когда он писал Предисловие к *ранее созданной и отдаваемой в печать книге* — такое ведь тоже случается с быстро развивающимися, самокритичными умами), Гуссерль четко осознал: исследования теории и понятия числа, какими бы глубокими и основательными они ни были, не могут обеспечить «окончательного философского обоснования для всех трудных проблем высшей математики» (J. Miller, *op. cit.* P. 12–13). Что совершенно верно.

Однако не рушится ли ценность всего исследования с утратой такой чрезмерной претензии? В этом я сомневаюсь, как сомневаюсь и в том, что решение специального математического и философско-математического вопроса об анализе, его значении, объеме, функциях было столь судьбонным для гуссерлевской философии математики и на ранней, и на последующих стадиях её развития.

Вклад Р. Дедекинда в теорию чисел. Дедекинд и Гуссерль

В 1988 году (т. е. через год после приезда Гуссерля в Галле, а значит, к началу его интенсивных поисков собственного пути в науке) вышла из печати важная работа видного математика Р. Дедекинда «Что есть и чем должны быть числа?». Для нас существенно то, что первый набросок этой работы создавался между 1872 и 1878 годами, т. е. тогда, когда Гуссерль учился математике, интенсивно овладевая, как было показано, всем интересным и новым в этой научной области. Потому не удивительно, что на названную работу Дедекинда Гуссерль сошлется позже, в «Философии арифметики» (ФА. S. 125, 177, 192) — впрочем, в полемическом духе. Но независимо от этого, считаю важным при освещении проблематики данного раздела напомнить и о том, что идеи Р. Дедекинда, особенно касающиеся теории числа, привлекли внимание раннего Гуссерля при разработке им философии математики. (Ибо полемика ученых ведь тоже означает взаимодействие, взаимопересе-

чение идей и поисков.) Коротко об идеях Дедекинда, на которые так или иначе отреагировал ранний Э. Гуссерль.

1. Дедекинд разделял с некоторыми другими современными ему математиками ту точку зрения, согласно которой «вещью» (Ding) правомерно называть любой «предмет» мысли¹. Эта частная идея, полагаю, тесно связана с общими традициями философии, согласно которым немецкая философия давно, со времени Канта, отошла от чисто материально-вещественного толкования (в духе бытового употребления слова «вещь»), наделив термин «вещь» отвлеченным содержанием и затем относя его уже к специальным обозначениям каких-то «предметов мысли». *Важно, что, вероятно, еще раньше в математике стало возможным употребление слова «вещь» (Ding) при обозначении какого-либо математического содержания.* Например, Дедекинд рассуждает так: если мы обозначим вещь, Ding, буквой a , то мы напишем $a=b$, если всё, что можно сказать об a , мыслят и о b , как и наоборот. Если $a=b$ и $b=c$, то $a=c$. Если мы объединяем в каком-либо аспекте различные вещи a , b , c , то говорим, что они формируют систему (множество) S и a , b , c называют элементами S . «Такое множество, со своей стороны, поскольку оно становится объектом нашей мысли, равным образом рассматривается как одна вещь. Дедекинд, следовательно, ясно выражает ту мысль, что некоторое множество может быть понято как элемент другого множества» (Ebenda. S. 400 — курсив мой. — *Н.В.*).

Вот почему историки математики считают, что не только Г. Кантор, но и Дедекинд причастен к рождению теории множеств². И, кстати, когда Кантор начал свои разработки в данной области, он встречался и переписывался, обмениваясь идеями, с Дедекиндом. Да и дальнейшая переписка Кантора и Дедекинда в 1874, 1877 годах содержала весьма интенсивное и плодотворное ознакомление с идеями друг друга этих математиков по конкретным проблемам формирующейся теории множеств (например, о «мощностях» — (Mächtigkeiten), «эквивалентных друг другу», (gleichmächtig, äquivalent) или об отличающихся друг от друга множествах.

¹ R. Dedekind. Was sind und was sollen sein die Zahlen / R. Dedekind. Gesammelte mathematische Werke. Bd. 3. Braunschweig. 1932. S. 1.

² J. Diendoné. Geschichte der Mathematik. S. 399 (курсив мой. — *Н.М.*)

2. В своей работе «*Stätigkeit und irrationale Zahlen*» («Непрерывность и иррациональные числа») Дедекиндр развивал мысль о том, что арифметические операции сами обладают известной непрерывностью (*Stätigkeit*). (Из этой идеи, констатируют историки математики, родилась будущая типологическая теория в алгебре).

3. В теории чисел Дедекинда, в частности, в упомянутой выше работе, содержалась попытка прежде всего осмыслить *проблему целых чисел*. Любопытно, что набросок вышеупомянутой работы носит такое название — «Размышления о числах», с подзаголовком «Попытка анализа понятия числа с *наивной точки зрения*» (!)

4. Имея в виду интерес Гуссерля к проблеме числа и к идее о фундаментальной роли натуральных (кардинальных) чисел (*Anzahl*), обратим внимание на то, что роль Дедекинда в специально-математическом осмыслении соответствующей проблематики была значительной.

С использованием понятий «бесконечных множеств» и «класса просто бесконечных систем» (*Klasse der einfach unendlichen Systeme*) — после исследования сложения, умножения и потенцирования естественных чисел, Дедекиндр анализирует сложное понятие *Anzahl*, кардинального числа, в применении к элементам конечной системы или конечных множеств. «Здесь Дедекиндр показывает, что множество конечно или бесконечно в зависимости от того, имеет ли оно одинаковую мощность с множеством $\mathbb{Z}_n$ ... Если числа используют для того, чтобы выразить это свойство, то их называют кардинальными числами, а именно кардинальными числами конечных множеств» (*Die-donne, Ebenda. S. 414*).

Таким образом, Дедекиндр — уже с использованием понятий (и раскладок) теории множеств — снова как бы работает на дополнительное обоснование действительно «кардинальной» роли *Anzahl*. И эти его усилия, скорее всего, принимал во внимание Э. Гуссерль с его поддержкой идеи о фундаментальной роли *Anzahl*.

Есть и более прямое высказывание Дедекинда о том, что «любое, пусть и далеко отстоящее положение алгебры и высшего анализа можно выразить и как положение о натуральных числах». При этом Дедекиндр говорил, что подобное суждение он не раз слышал от Дирихле¹.

---

¹ Густав Дирихле (1805—1859), на авторитет которого ссылался Дедекиндр, — известный немецкий математик, родился в Аахене, учился в Париже; потом он преподавал в Гёттингене.

5. Дедекинда расценивают (Diedonne, op. cit. S. 767) как одного из математиков, который — благодаря введению принципа «дефиниции черед индукцию» — заложил основы математической логики. (В эту тематику, специальную для нашего исследовательского контекста — не подразумевающего разработку проблем математической логики — мы, естественно, входить не будем.)

2. Экскурсы в историю философии и психологии конца XIX и XX века

1. Вильгельм Вундт (1832–1920)

Вильгельм Вундт (1832–1920) — один из тех немецких психологов XIX–XX веков, которые оказали большое влияние на процесс развития психологии и, в частности, на её взаимоотношения с философией. Небольшой раздел о нем входит в данный Экскурс, поскольку Гуссерль хорошо знал и учитывал уже в ФА его разработки.

Вундт родился в 1832 году в местечке Некарау (около города Мангейм), учился в Тюбингене и Гейдельберге, причем он изучал медицину и естественные науки, философию, психологию, математику. В те времена подобные сочетания в учебных программах были в порядке вещей. В 1856 году в Гейдельберге Вундт защитил первую диссертацию, став доктором (в нашем понимании кандидатом) медицинских наук, в 1857 году — вторую диссертацию, на этот раз по психологии. Известнейший в это время немецкий ученый, тоже внесший большой вклад и в развитие психологии Герман фон Гельмгольц пригласил Вундта стать ассистентом. В качестве ассистента Гельмгольца Вундт работал в Гейдельбергском университете в 1858–1863 годах. С 1864 года он был профессором антропологии и медицинской психологии в Гейдельберге, с 1874 года — профессором философии в Цюрихе, с 1875 года — профессором философии в Лейпциге. (Что «профессор философии» мог в то время быть психологом, о том уже упоминалось. Но Вундт его *широкими философско-логическими интересами и познаниями* как

давал в университетах Бреслау и Берлина; с 1855 года занимал кафедру Гаусса в Университете Геттингена.

никто другой из психологов мог претендовать на это звание.) В Лейпциге Вундт в 1879 году основал первый Институт экспериментальной психологии. В 1917 году он ушел в отставку. Умер Вундт в 1920 году в местечке Гросботен около Лейпцига.

Многогранная деятельность Вундта в качестве психолога, философа, основателя экспериментальной психологии в Германии не может уместиться в рамки небольшого очерка, тем более что последний здесь с самого начала нацелен на осмысление связующих линий и размежеваний между идеями этого выдающегося ученого и начинающего философа Эдмунда Гуссерля.

Гуссерль в студенческие годы, как уже упоминалось, слушал в Лейпциге лекции Вундта. Но они, по-видимому, не увлекли тогда ещё ориентированного на математику молодого человека. Потому ли, что Brentano был более ярким лектором, чем Вундт, или потому, что просто пришло свое время, но именно талантливому австрийскому философу и психологу несколько позднее довелось увлечь колеблющегося Гуссерля на путь философии. А вот когда Гуссерль начал писать ФА и обнаружил твердое намерение включить в кадр своего анализа психологию, ему уже нельзя было пройти мимо работ и идей Вундта, признанного корифея немецкой и мировой психологической науки.

Впрочем, при анализе ФА мы обнаружили, что из работ Вундта Гуссерль тогда извлёк и обсудил (притом весьма критически) лишь то, что относилось к *философско-математическим темам*, в частности и особенности к проблеме числа. Более фундаментальные идеи Вундта, касающиеся предмета, методов психологии, её соотношения с философией, *пока* не попали непосредственно в кадр гуссерлевского анализа. Это произойдет несколько позднее, в ЛИ; после ФА Гуссерль, видимо, более основательно занимался изучением сочинений Вундта и других ученых, идеи которых в то время формировали быстро меняющийся облик психологии.

Вот почему в нашей книге мы сосредоточили главное внимание на тех работах и идеях Вундта, которые оформились к началу 90-х годов XIX века и должны были так или иначе повлиять на раннее становление Гуссерля. При этом и здесь я руководствуюсь методологической установкой, согласно которой в определенное время в той или иной

науке или сумме наук существует *целостный идейно-теоретический контекст*, и он так или иначе воздействует на рождение и модификацию новых идей (независимо от того, как авторы последних подмечают и объективируют это воздействие). Постараюсь далее реконструировать те идеи, теоретические и методологические установки Вундта, которые могли заинтересовать молодого Гуссерля в период создания ФА, а потом и в новый период усиленной работы над логикой, окончившийся именно написанием ЛИ.

Психология, как её в то время понимал В. Вундт, считалась и действительно была не просто *философско-ориентированной* наукой, но и *дисциплиной философского круга*. Но перемены в этом отношении уже назревали; психология уже уходила из-под эгиды философии. Вундту в этом отношении история предназначила сложную, неоднозначную роль. Некоторое время он акцентировал и защищал сугубую философскую ориентированность психологии. Характерно следующее событие: в 1881 году стали выходить «*Философские исследования (штудии)*» (Philosophische Studien), основателем и издателем которых был именно Вундт — к тому времени очень известный психолог, уже основавший Институт экспериментальной психологии. Объясняя эту свою инициативу по изданию «*Философских исследований*», Вундт писал о том, почему он решил, чтобы в само название серии (буквально: *an der Stirne tragen*, буквально: написано на лбу) было вынесено обозначение: «*Философские исследования*». Программу будущего периодического издания Вундт в «Заключительном слове» к публикации I выпуска «*Studien*» обрисовал следующим образом: «Итак, “*Философские исследования*” и в дальнейшем будут содержать попытку по-прежнему служить философии. Прежде всего будет обращено внимание на выстраивание экспериментальной психологии, потому что эта область, по моему убеждению, в наибольшей степени поддается точной обработке и требует ее. Но кроме того в “*ФИ*” будут время от времени предприниматься исследования, осуществляемые в других частях философии, особенно в теории познания и теории науки, и они резервируют за собой это направление — когда соответственно потребности и интересу будут добавлены другие области. Наконец, мы, как это было прежде, и в будущем не откажемся от обычая в критических и полемических

статьях дискутировать с другими направлениями. Ибо в философии, как я полагаю, в ещё большей мере, чем в других науках, борьба воззрений является необходимым стимулирующим средством продвижения по долгому пути к истине»¹.

Итак, в тот период дело шло о решительных попытках Вундта (и согласных с ним психологов) *сохранить философскую ориентированность психологии*, прежде всего её связь с теорией познания и философской теорией науки, — при том, однако, что исследования по *экспериментальной психологии* начинают естественным образом выдвигаться на первый план, и именно благодаря усилиям Вундта и психологов его круга².

Применительно к основной проблематике данной книги я столь же решительно подчеркиваю: *в период подготовки и публикации ФА Гуссерль имел дело преимущественно с психологией именно такого типа*, т. е. — пока еще — с *философской психологией*. Дело, впрочем, будет меняться довольно быстро, и начало стремительных изменений можно датировать как раз 90-ми годами XIX века. Но единство с философией для В. Вундта и многих выдающихся психологов того времени — отнюдь не исторически проходящий момент, а устойчивая ориентация, которую М. Рат обрисовывает так: «Психология, согласно Вундту, не вспомогательная дисциплина... *Её цель — философская*, а именно: объяснение философских проблем средствами “современной” (modernen), экспериментальной психологии и именно в “размежевании с другими направлениями” философии, которые не рассматривают психологию как легитимное дитя философии» (М. Rath, *op. cit.* S. 183 — курсив мой. — *Н.М.*). Но от этой точки истории уже

¹ Wilhelm Wundt. Schlußwort zum ersten Band / Philosophische Studien, 1(1883). S. 617.

² В трудах по истории психологии из этой исторической целостности по-своему оправданно выделяется и становится предметом главного, если не единственного интереса чисто психологическая составляющая, а также будущие линии её развертывания и превалирования внутри обособляющейся психологии. Столько же понятно, что на первый план впоследствии выдвинется именно экспериментальная психология В. Вундта. Она сыграет особую роль в её формировании и институционализации. Правда, психологи по понятным причинам не вникали в философские проблемы, ибо это потребовало бы вхождения в области, не просто пограничные с философией, но в эпоху Вундта ещё представлявшие некоторую теоретическую и дисциплинарную философско-психологическую целостность. (См.: Т.Д. Марцинковская, А.В. Юревич. История психологии. М., 2008. С. 215–219).

рукой подать до того чуть более позднего состояния, когда выросшее, возмужавшее «легитимное дитя» философии — новая психология — станет претендовать на пальму первенства в объяснении коренных вопросов не одной психологии, но также и логики, этики, эстетики и других философских дисциплин. Словом, достаточно скоро появятся и первые ростки будущего «психологизма» в том историческом смысле слова, что будет подразумеваться *ведущая и фундаментальная роль психологии в семье родственных наук*. Но в период, который мы анализируем, подчеркнем, этого нет — и психология в лице её ведущих представителей (включая Вундта), в чьей работе воплотились и новые тенденции, охотно приемлет эпитет “философские” применительно ко многим её исследованиям и делам. А вот уже в 1903 году тот же, но и иной Вундт отметит, что его периодическое издание изжило заглавие «*Философские исследования*», по существу превратившись в «*Психологические исследования*» (Siehe: M. Rath, op. cit., 184).

Таким был один из результатов упомянутого *очень быстрого, занявшего не более десятилетия, процесса изменения отношений между философией и психологией*. Но пока — к началу 90-х годов XIX века — мы («вместе» с Вундтом и Гуссерлем) находимся в конце периода «мирного сосуществования» психологии и философии, причем даже под эгидой последней. Возможно, что Вундт, одновременно психолог философского типа и зачинатель экспериментальной психологии, долгое время хотел — даже и в экспериментальную эпоху сохранить *преимущества* философской ориентированности и ангажированности психологов старой школы... Для нас же констатация того, что *Гуссерль в ФА почти целиком остается на почве философской психологии*, имеет огромное значение. Ибо даже и тогда, когда он, вслед за авторитетными психологами своего времени, вторгается в область более конкретных психологических исследований (проблемы числа, генезис математических понятий по преимуществу), *теоретическая почва остается или чисто философской, или философско-психологической*. (Я стремилась подробно и последовательно доказывать и раскрывать этот тезис при конкретном анализе ФА.)

При этом для автора ФА далеко не все проблемы тогдашней психологии представляли непосредственный интерес. Так, в томе «Философских исследований» (1889 год) Вундт поместил свою работу «О разделении наук» (Über die Eintheilung der Wissenschaften), в которой,

с одной стороны, увязал проблему с историей философии, с другой же стороны, показал, что на смену интересу к разделению наук, ранее развивавшихся *внутри философии как объемлющей научной системы, приходит разделение, размежевание отдельных наук теперь уже внутри совокупной системы научных дисциплин*. И всё же эта проблематика, которая очень скоро станет животрепещущей, остродискуссионной, в конце 80-х — самом начале 90-х годов XX века (т. е. в период создания и выхода ФА Гуссерля) ещё не имела такого смысла, и её обсуждение не было таким шумным, таким общезначимым для философии, психологии, логики, как к середине и концу последнего десятилетия XIX века. Однако когда нам уже известна последующая история, и в этой работе Вундта можно обнаружить *зародыши некоторых чрезмерных претензий психологии*. Так, в целом относя психологию к наукам о духе (Geisteswissenschaften), Вундт пишет, что именно «психология, как всеобщее учение о духовных процессах, образует основу всех наук о духе»¹. В ориентациях этой более ранней работы (1889 год) Вундта должны быть отмечены и другие моменты, позволяющие лучше понять путь, избранный Гуссерлем в ФА. Их хорошо суммирует М. Рат в уже цитировавшейся нами работе: «Обращают на себя внимание два момента в вундтовском разделении наук. С одной стороны, психологией, с точки зрения Вундта, можно заниматься как эмпирически, *так и* философски; оба направления, следовательно, не вступают в противоречие. Все чисто экспериментальные психологизмы односторонни, чисто идеализирующие — не менее односторонни. Во-вторых, Вундт [теперь уже. — *Н.М.*] радикально отделяет психологию, все равно в какой форме, от теории познания и логики, и тем самым избегает опасности «субсумирующего психологизма» т. е. подчиняющего другие науки психологии (M. Rath, op. cit.).

Для нас здесь заключен очень важный *теоретический* пункт. Когда Гуссерль в ФА свободно включал психологический материал в философско-математическое, теоретико-познавательное, логическое исследование, то он фактически вставал в оппозицию не только по отношению к логикам фрегевского типа. Он двигался и... против основного потока тогдашней психологии, представленной весьма

---

¹ Wilhelm Wundt. Ueber die Eintheilung der Wissenschaften / Philosophische Studien, 5(1889). S. 44 f.

громкими именами. Ибо немало авторитетных психологов того времени уже старались отстоять на глазах расширяющийся домен психологии от непосредственных посягательств других дисциплин и других специалистов, например, логики и логиков.

В этом месте внимательный и осведомленный читатель наверняка станет недоумевать или высказывать прямые возражения: как же быть тогда с упомянутыми философскими ориентациями вундтовской психологии (и не только её)? Дело, впрочем, не только в этих общих ориентациях, а в *самом характере работы*, которую на протяжении всей своей жизни выполнял этот видный ученый, в проблематике и содержании его произведений. Ибо мы не должны забыть о том, что Вундт был не только выдающимся психологом своего времени, но и известным логиком! Он также был автором опубликованного (сначала в 1880 году) учебника по логике, который имел такие выразительные, почти чисто философские подзаголовки: «Исследование принципов познания и методологии научного исследования. Т. 1. Всеобщая логика и теория познания» (Logik-eine Untersuchung der Prinzipien der Erkenntnis und der Methoden wissenschaftlichen Forschung. Bd. I. Allgemeine Logik und Erkenntnistheorie. St., 1980). Позднее, в 1893/94 годах «Логика» была разбита Вундтом на два тома: т. 1 — Теория познания, т. 2 — Учение о методе. В 1908 году был напечатан 3 том «Логики» под названием «Логика наук о духе» (Logik. Bd. 3. Logik der Geisteswissenschaften). Итак, в «Логике» Вундта, оформлявшейся и в конце XIX и в первые десятилетия XX века, логика, подобно психологии, мыслилась как *философская наука* — в том числе по своему предмету, концентрируясь вокруг проблем «Теории познания», «Учения о методе». Впервые появившаяся уже в 80-х, доработанная к середине 90-х годов вундтовская «Логика» (в её более ранних вариантах) была, несомненно, одним из сочинений, против которых и станет бороться Гуссерль в ЛИ. В особенности в I томе, где в центре внимания как раз и находился спор вокруг «атрибутивно-субсумирующего» психологизма, т. е. вокруг попыток психологов пересмотреть — в борьбе за «территории» исследования, за статус «обосновывающей» науки, а тем самым — нельзя этого забывать — за институциональные университетские позиции (спор о кафедрах). Такой была ситуация, сложившаяся к самому концу XIX века в отношениях между философией, логикой, психологией.

Гуссерль в ФА ссылается на I том «Логики» Вундта 1880 года, причем выбирает из неё интересующие его рассуждения о числовых понятиях, в частности о понятии «единства» (Einheit). Эти ссылки частично сочувственные, солидарные, частично критические. Ещё Гуссерль ссылается в ФА на работу Вундта «Основные черты физиологической психологии» (Grundzüge der physiologische Psychologie, Bd. II, zweite Auflage, Leipzig. 1880), также выбирая то немногое, что относится к проблеме числа. Тем дело по существу и ограничилось. Во всяком случае Вундт и как психолог, и как логик не был автором, оказавшим на раннего Гуссерля сколько-нибудь существенное, тем более определяющее влияние. В психологии куда заметнее обращение Гуссерля к Гельмгольцу, Гербарту, Керри, в логике — к Фреге или Зигварту.

Но вернемся к Вундту. Если станут утверждать, что психологию следует радикально отделить, скажем, от логики, то как же он сам, будучи психологом — и горячо отстаивая её начавшиеся эмпирически-экспериментальные исследования — одновременно считал необходимым вести специальную работу в таких областях, как логика (а ведь они будут решительно отделяться от психологии)? Трудный это вопрос, но он наилучшим образом отражает суть и специфику сложившейся весьма противоречивой ситуации. Когда психолог работает «на почве философии», он действует «по законам» философии, например, согласно требованиям, которые выдвигаются гносеологическим материалом. То же и с логикой. Но и наоборот: в чисто психологическую работу гносеолог или логик уже не должны вмешиваться, если они, вторгаясь в психологию, сами не становятся психологами. Это была своеобразная хартия о «нейтралитете», «невмешательстве», оградительная — в данном случае в отношении психологии, защищающая границы её с трудом обретаемой самостоятельности. Пройдет несколько лет, и от «хартии» не останется и следа, ибо психология, окрыленная первыми своими (относительно) самостоятельными успехами и начальными формами союза с естествознанием, сама будет переступать границы и перейдет в наступление. Тогда реально возникнут предпосылки для психологизма как особого явления, связанного прежде всего с «атрибутивными» и «субститутивными» (в терминологии М. Рата) проблемами, т. е. с «завоевательными» претензиями психологизма и решительной защитой, а потом и активным наступлением антипсихологизма.

Но в рассматриваемый нами период мало что предвещает следующие бурные события на воображаемых границах между психологией и другими науками. Пока наблюдается относительная «свобода передвижения». Философы и логики при желании работают в психологии, а психологи (по своей главной специализации) пишут учебники, читают лекции и по философии, теории познания, логике. Это не только фактически разрешается, но и считается нормальным в практике университетской жизни тогдашней Европы — со специфическими нюансами в разных странах. (Снова напомним, что не только философы, психологи, логики, историки, филологи, но и математики в Германии работают при *философских* факультетах.) Скоро всему этому придет конец. Начнет складываться иная институциональная система научных учреждений и, соответственно, структура отношений между отдельными науками.

Гуссерля, практически включенного в (пока) установившуюся, закрепившуюся структуру, как говорилось, мало волновали даже те «пограничные» (атрибутивные) споры, которые тогда уже случались. Ничто, казалось бы, не мешало ему — непосредственно занимавшемуся в ФА философией математики — подключить к исследованию материал из логики и психологии. *Он сделал это, но что следует подчеркнуть, в почти беспрецедентном для философии математики масштабе.* Тут существовали, что мы видим при анализе ФА, огромные трудности — прежде всего потому, что разнородные материалы и подходы (как бы ни требовали авторы вроде Фреге «радикального размежевания») нужно было так или иначе *синтезировать*. Именно на пути обретения нового синтеза родилась, как отмечалась, новая феноменология как выдающееся, перспективное открытие Гуссерля. Итак, *Гуссерль в ФА синтезировал знания разных наук свободно, открыто, подчиняясь исключительно исследовательским задачам.* Он не ожидал никаких окликов — например, с требованием «не переступать границы...». Но такой «окрик» раздался — со стороны автора, которого он больше других цитировал и идеи которого критически разбирал в ФА, — со стороны Фреге. Причем случилось это раньше, чем Фреге опубликовал разгромную рецензию на ФА, книгу начинающего автора, а уже в переписке Гуссерля — Фреге. Потом, увы, и Гуссерль несколько заразился стратегией «критического окрика». Это произошло в ЛИ, в ко-

торых он столь же «отлучил» от подлинной, настоящей, “чистой” логики целый ряд видных авторов, сколь решительно и строго Фреге отлучил от логики в собственном, строгом, «чистом» смысле слова, самого Гуссерля как автора ФА.

Выдающийся психолог, философ и логик В. Вундт, как известно, потом попал в «компанию» других знаменитых авторов XIX века, резко и однозначно отнесенных Гуссерлем периода ЛИ в лагерь психологистов. Но вся эта история уже выходит за временные рамки моей книги.

2. Рудольф Герман Лотце (1817–1881)

Экскурс в философию Р.Г. Лотце может быть здесь лишь кратким. Но он совершенно необходим по нескольким причинам. Во-первых, в материалах к биографии Гуссерля есть его собственные воспоминания и свидетельства о том, что он в студенческие годы и впоследствии знакомился с работами Лотце и испытал их влияние. Так, ещё в 1880 году, т. е. в студенческие годы, Гуссерль приобрел книгу Лотце «Микрокосм» (*Mikrokosmos*). Любопытно, что во время экзаменов при реабилитации Гуссерля в Галле один из экзаменационных вопросов касался теории «локальных знаков» Лотце. Мы уже упоминали о важном признании Гуссерля: в начале 90-х годов при анализе философии математики наибольшую помощь ему оказали идеи Больцано, Лотце и Юма. В 1892/93 годах Гуссерль (с благословения Brentano, всегда увлекавшегося идеями своего учителя Лотце) ведет в университете Галле специальное занятие, посвященное доказательству бытия Бога у Лотце (См. *Husserl-Chronik*. S. 8, 19, 26, 34, 59). Во-вторых, при тех попытках учесть состояние логики к концу XIX века, которые предпринял Гуссерль в ФА, в последующих работах по логике и в ЛИ, никак нельзя было пройти мимо фундаментального сочинения Лотце «Логика», первое издание которого появилось еще в 1843 году, а в 1874 году вышло в новом, существенно расширенном варианте. В этой версии работа называлась: «Логика. Три книги о мышлении, исследовании и познании» (*Logik. Drei Bücher vom Denken, vom Untersuchen und vom Erkennen*. Lpz, 1874). Правда, в ФА Гуссерль, насколько я смогла уловить, лишь один раз ссылается на Лотце, причем это ссылка на работу «Метафизика» (*Metaphysik*. Leipzig, 1879). (У скромного присутствия идей Лотце в кадре ФА есть свои причины,

над которыми следовало бы подумать.) Есть и другие оттенки в понимании проблемы «Лотце — Гуссерль». Последний в 1913 году, когда писал Предисловие к новому изданию ЛИ, отметил, что отходу в ЛИ от психологизма и платонизма он обязан «изучению «Логики» Лотце.¹ В свете того, что будет сказано далее, здесь есть свои трудности.

В-третьих, в случае Лотце возможно (и необходимо, по моему мнению) использовать тот же методологический прием, что и в случае Больцано — задуматься над «спонтанной параллельностью» идей, которые, что называется, носились в воздухе тогдашней философии, в частности и особенности философской логики и которые запечатлелись в работах Лотце, так или иначе появившихся на Гуссерля.

Поразмыслим о главных темах и идеях «Логики» Лотце, которые объективно релевантны ФА и последующим логическим работам раннего Гуссерля.

Сначала — сжато — о жизненном пути и сочинениях Лотце². Он родился в 1817 году в местечке Баутцен в Германии; с 1834 года изучал философию и естественные науки в Лейпциге, где его учителями были К. Вайсе, Е. Вебер и Г. Фехнер. В 1838 году Лотце защитил диссертацию по философии. Потом работал врачом. В 1839 году он защитил в Лейпциге вторую диссертацию — уже по медицине, а в 1840 году — снова по философии. Кстати, в Германии такие профессиональные сочетания медицины и философии были нередкими. С 1844 года Лотце работал в Гёттингенском университете, наследовав профессорское место, которое ранее занимал его учитель Герbart (Herbart), известный психолог (о нем в контексте нашей работы могла бы идти речь, т. к. на него часто ссылается Гуссерль в ФА). С 1880 года Лотце был профессором Берлинского университета.

Он начинает с работ по метафизике, философии медицины, а затем обращается к логике и создает трехтомную «Логик», о которой мы уже бегло говорили. Фундаментальная работа «Микрокосм» (Mikrokosmos), I—III, Leipzig, 1856—1864) имеет такой разъясняющий подзаголовок «Идеи к истории природы и истории человечества. Опыт соз-

---

¹ Husserl E. Entwurf einer «Vorrede» zu den «Logischen Untersuchungen» (1913) / Tijdschrift voor Filosofie 1(1939). S. 128 f.

² Краткий очерк о философско-логических идеях Лотце в моем кратком изложении см.: История философии. Запад—Россия—Восток. Книга третья. М. 2012. С. 57—58.

дания антропологии». Ещё одно его большое произведение называется «Система философии» (*System der Philosophie*, I–III, Leipzig, 1874–1879) и включает новую редакцию «Логики» и «Метафизики». (Уже в 1884–1888 годах оно появилось в английском переводе; эдитором был известный английский неогегельянец Б. Бозанкет.) Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что Лотце, этот знаменитый *философ и логик* второй половины XIX века, также опубликовал книгу «Основные черты *психологии*» (*Grundzüge der Psychologie*, Leipzig, 1881). Поэтому Гуссерль в ФА и называет Лотце «выдающимся психологом». Книга эта была обработанной записью его лекций — как и целый ряд опубликованных в 80-х годах произведений об основных чертах натурфилософии, практической философии, философии религии, метафизики, эстетики, об истории немецкой философии после Канта.

Лотце, в самом деле, к началу 90-х годов XIX века был одним из самых знаменитых и почитаемых — в собственной стране и за рубежом — немецких философов (в совокупном тогда значении этого слова). И в истории метафизики, и в истории логики, и даже в истории психологии этой эпохи он занимает почетное место.

Глубокий современный исследователь и издатель работ Лотце Г. Габриель пишет в этой связи о влиянии идей Лотце на английское неогегельянство (Ф. Бредли, Б. Бозанкет), на американский прагматизм (В. Джеймс, Д. Дьюи). «Внутри немецкой философии Лотце можно считать единственным автором и учителем, к которому восходит как неокантианская традиция, особенно юго-западной школы, занимавшейся теорией ценностей (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), так и феноменологическая традиция (К. Штумпф, Э. Гуссерль)»¹.

Один из наиболее важных в данной связи историко-философских вопросов касается влияния Лотце на идеи Готтлоба Фреге. Интерпретаторы более или менее согласны в том, что главным пунктом здесь оказывается «историческое и систематическое соотношение традиционной и современной логики» (*Ibidem*. S. XIII). Фреге, как известно, учился у Лотце. Исследователи уже прочертили главные линии влияния идей Лотце на концепцию Фреге (См. G. Gabriel, *op. cit.*

¹ *Gabriel G. Einleitung / in: H. Lotze. Logik. Erstes Buch. Vom Denken (Reine Logik). Hamburg, 1989. S. XII.*

S. XII. Сноска 5). В контексте нашей работы мы не можем останавливаться на этих конкретных вопросах, как и на многих других частных проблемах.

Да и вообще в предлагаемом далее очерке идей Лотце (имея в виду сопоставление с работами раннего Гуссерля) пойду по нетрадиционному для литературы пути. Нас будет главным образом интересовать тот же *парадокс*, что и в случае сопоставления: Больцано—Гуссерль.

С одной стороны, как говорит заголовок первой книги лотцевской «Логики», она ведет речь о *мышлении* (Vom Denken). Более того, имеется строгий подзаголовок: «Чистая логика» (Reine Logik). С другой стороны, открыв книгу и начав читать её, мы наталкиваемся на формулировки, (как и у Больцано) возводящие логический материал... к представлениям (Vorstellungen)! Что по меркам «строгих», «чистых» логиков à la Фреге должно расцениваться как психологизм. Приведу некоторые из этих формулировок. «Из возбуждения (органов) чувств в каждый момент нашей бодрствующей жизни в нас одновременно или в неопределенной последовательности возникают представления»¹. Далее мы увидим, что тема представления занимает и в *логике* Лотце почетное место. Уже это отражает объективно-содержательную связь с ФА Гуссерля и оправдывает вышеприведенное суждение Г. Габриеля о влиянии учения Лотце на раннего Гуссерля.

И далее следуют различения представлений, снова же живо напоминающие об усилиях другого ревнителя чистоты логики, Бернарда Больцано. Согласно Лотце, бывают представления, пробуждаемые той «действительностью», от которой они непосредственно исходят (zusammengehörige, т. е. сопринадлежащие представления), а бывают такие, которые хотя они и собраны вместе, но возникают под действием различных причин. Речь далее у Лотце идет о повторении, новом «оживлении», сплаве представлений. «Словами “протекание представлений” (Vorstellungsverlauf), — пишет Лотце во Введении к своей “Чистой (!) логике”, — мы обозначаем богато разнообразную целостность процессов, к которым ведет своеобразие жизни нашей души. Необходимую связь между членами этого целого мы могли бы, если б нам предоставлялась возможность всезнающего наблюдения, открыть

---

¹ Lotze R.H. Logik. Erstes Buch. Vom Denken. Hamburg, 1989. S. 3. Далее ссылки на эту книгу даются в нашем тексте.

в каждом примере: в специфическом ходе мысли бодрствующего человека (*des Wachenden*), грезах полусонного человека (*in den Träumen des Schlummern*), в бреде больного. Ибо из-за применимости всеобщих законов поведения, которые равно значимы для всех душ... ход этих внутренних событий должен был бы всюду вытекать в качестве неизбежного успешного результата» (Н. Lotze, *op. cit.* S. 4).

Не упуская из виду то, что логика, особенно «чистая», должна говорить о «всеобщезначимости», об «истине», Лотце пишет: «Общезначимость и истина — это ведь два преимущества, которые уже обычное словоупотребление сохранный приписывает тому связыванию представлений, осуществления (*Herstellung*) коего оно ожидает только от мышления. Но ведь истина обычно предполагает обычное определение понятий *в согласовании с представлениями и их объединений с представляемыми предметами и их собственными отношениями*», — пишет Лотце (*Ibidem.* — курсив мой. — Н.М.) Лотце, кстати, предвидит сомнения и возражения по поводу такого увязывания истины с представлениями (особенно на почве «чистой» логики), но отвлекается от подробного рассмотрения данного вопроса именно во Введении.

Лотце затрагивает и более общую философскую проблему рассмотрения, анализа мышления как деятельности (*Tätigkeit*).

Эта деятельность, согласно оценке Лотце, чрезвычайно сложна, но и по-своему скромна — в сравнении с возможностями того воображаемого «духа» (*Geist*), который мог бы стоять в центре мира и всего действительного и мог бы быть всепроникающим, вездесущим — только он мог бы претендовать на непосредственное «созерцание» и отображение всей действительности (*Ibidem.* S. 10). Человеческий же дух таким расположением в центре мира и такой способностью не обладает. Он всегда находится где-то, в конкретном месте действительности и принужден по частям, крохам добывать, объединять, корректировать знания, которые ни в коей мере не могут претендовать на роль вечно сохраняющихся частей всего здания человеческих познаний (*Ibidem.* S. 11).

С этими философскими (иногда теологическими) рассуждениями предварительного порядка связаны формулировки Лотце, касающиеся соотношения логики — дисциплины, которой, вспомним, он посвящает свою книгу — и философии, психологии, а также всех других областей науки, которые занимаются проблемами происхождения знаний. Лот-

це зарисовывает проблему как противоречивую, двойственную. «Предположив, что существует все это — восприятия, представления и их сплетения, подчиняющиеся законам механизма души, логику все же начинают с убеждения, что все это не должно ее затрагивать, что между связками представлений, как бы они ни возникали, скорее существует различие истинного и ложного, что, наконец, имеются формы, которым соответствуют эти соединения, законы, которым они должны подчиняться». С таким подходом к логике Лотце не собирается спорить. Но он добавляет: «Во всяком случае *должно иметь место психологическое исследование, которое будет стремиться объяснить происхождение в нас этого законодательствующего сознания*. Но и такая попытка также должна быть в состоянии измерять правильность своих собственных результатов в соответствии с масштабом, который выдвигает именно это подлежащее исследованию сознание. И сначала должно быть выяснено, **каково** содержание этого законодательствующего убеждения в нас, и только во вторую очередь может быть предпринято исследование истории его возникновения — вместе с теми требованиями, которое оно само выдвигает» (Ibidem. S. 12 — курсив мой. — Н.М.).

Задержимся на заключительных формулировках Лотце из Введения в «Логiku», ибо они куда более точные, взвешенные, чем высказывания на ту же тему более знаменитых или более поздних логиков, например, Фреге. «Сама чистая логика покажет и разъяснит, что формы понятий, суждений и умозаключений прежде всего надо рассматривать как *идеальные* формы, которые затем — если удастся включить в него, упорядочить данное содержание (Stoff) представлений — рождает правильное логическое понимание этого содержания» (Ibidem. S. 13). Итак, логика, согласно Лотце, занимается *идеальными формами* — понятиями, суждениями, умозаключениями. Но рука об руку с логическим исследованием *может и должно* осуществляться, по Лотце, психологическое и — шире — генетическое исследование, которое ведется при обязательном предположении, что и здесь есть свои законы, а также условия поиска процедур, механизмов «*законодательствующего*» сознания. В этом смысле идеи Лотце — в их объективном звучании и значении — могли служить подкреплением интенций Гуссерля в ФА.

Такое соединение с теоретической точки зрения вполне может осуществляться, так сказать, «под одной обложкой» (и практически мог-

ло как в предшествующие века, так и в ту эпоху) в книге с названием «Логика» и даже, как сказано, с «устрожающим», потому что ограничивающим подзаголовком «Чистая логика».

Вот Лотце и начинает I главу «Логики» — с поистине святым для логики названием «Учение о понятии» — ... с представлений.

Первый разделчик этой главы называется «Формирование впечатлений (Eindrücke) в представление». Идея здесь проста и достаточно знакома: самые различные впечатления могут беспорядочно атаковать наше сознание; но для объединения в форму *мысли* нужны процедуры придания формы (Formung) — с тем, «чтобы они вообще впервые стали логическими кирпичиками, чтобы из *впечатлений* они стали *представлениями* (Vorstellungen)» (Ibidem. S. 14).

Кстати, Лотце верно отмечает, что из огромного множества «бесформенных» ощущений, чувственных впечатлений исключительно немногим удастся принять форму не только мысли, но даже и представления. Когда это происходит, совершается важное изменение: «Не-что ощущаемое мы теперь ставим перед собой — не как наше пассивное состояние, но как некоторое содержание. А оно есть само по себе то, что оно есть, и означает оно то, что означает... — независимо от того, направлено ли на него сознание или нет. Здесь можно легко открыть необходимое начало той деятельности, которую мы относим к мышлению вообще; здесь эта деятельность ещё не направлена на то, чтобы составленное многообразие преобразовать в нечто взаимопринадлежащее (zusammengehörige); она прежде всего решает предварительную задачу — придать каждому отдельному впечатлению значение чего-то в себе безразличного...». И далее следует весьма важное разъяснение: такое первое достижение мышления можно назвать «объективированием субъективного» (Ibidem). И речь идет не просто о смысле чего-то воплощенного в языке, разъясняет Лотце, а об «объективности в значении так или иначе оформленного действительного бытия (Dasen), которое в состоянии — и тогда, когда о нем никто не думает — становиться логическим действием (Tat). А оно проявляет себя в творении имени, коему не приписывают возникающее благодаря именно этому творению содержание представления то, что по истине хочет сказать это первое мыслительное действие. Последнее же делает хорошо понятными языки, которые сохраняют употребле-

ние артикля (т. е. имеется в виду процедура точного отнесения существительного, через его артикль, к какому-либо роду. — *Н.М.*)» (Ebenda. S. 15).

При этом движение к объективности, т. е. объективирование, как его изображает Лотце — не простой, а многоступенчатый процесс. Так, если мы говорим о боли, о святости, о свободе, то не имеем в виду, что они существуют и при условии, что никто не испытывает боли, устремлений к святости или свободе. И все же *логическое объективирование, по Лотце, обладает специфическими отличиями*. «Благодаря логическому объективированию, которое проявляет себя в создании имени, называемое содержание после этого не возвращается во внешнюю действительность; общий мир, в коем мы должны снова обнаружить то иное, на которое мы указали, *есть вообще только мир мыслимого*; по отношению к нему будет приписываться только первый след собственного существования и внутренней закономерности, а они одни и те же для всех мыслящих существ и независимы от них. И здесь совершенно безразлично, обозначают ли отдельные части этого мыслительного мира Нечто (Etwas), что обладает кроме того самостоятельной действительностью за пределами мыслящих душ (Geister), или все их содержания вообще имеет свое бытие (Dasen) только в мыслях мыслящих существ, причем с равной значимостью для всех их» (Ibidem. S. 16—17; курсив мой. — *Н.М.*).

Эти очень сложные для понимания (и, кстати, для перевода) рассуждения Лотце имеют в контексте нашего исследования особо важное значение. Ведь здесь Лотце, во-первых, допускает *взаимноравноправные, взаимодополнительные логические и психологические исследования*, в случае которых как бы господствует правило — «каждому своё». Логика занимается идеальными, «чистыми» формами как таковыми, самими по себе, психология — процессами в сознании. А здесь, *при обсуждении темы «объективирования», прочерчивается, во-вторых, возможность исследования, своеобразно объединяющего, синтезирующего то и другое*: может и должно быть показано, полагает Лотце, как при протекании процессов сознания, в которые уже имплантировано хотя бы простейшее «логическое» (в виде употребления и увязывания имен, слов языка), совершается обобщение представлений и *пролагается путь к мыслительно-логическому объективированию*.

Такой ход мысли (который я здесь анализирую не на языке Лотце) объективно близок стилю анализа Гуссерля, причем уже в *ФА*, а потом и в *ЛИ* и собственно феноменологических работах. Всего ближе это движение исследования к темам более поздней генетической феноменологии. Но и в *ЛИ* Гуссерль, отправляясь от выражений языка, переходит в мир феноменов сознания, анализирует их объективные значения (*Bedeutung*) и смысл (*Sinn*). Что касается *ФА*, то в ней Гуссерль отправляется от понятий математики, т. е. уже наполненных значением «имен», от идеальных содержаний, и спускается в мир как в сферу представлений, операций и процедур сознания. Он надеется отыскать именно то, что на языке Лотце можно было бы назвать путями, процедурами, способами их «объективирования». Здесь в конкретном материале воплощено то, что я делаю главной идеей моего анализа истории логической и одновременно психологической, философской мысли в её влиянии (для меня объективном и несомненном) на раннего Гуссерля в период *ФА*, а также II тома *ЛИ*. Эта идея, по-моему, редко встречается в литературе вопроса, что вызывает сожаление.

Интересна ещё одна особенность хода мысли Лотце, которая, полагаю, тоже повлияла на Гуссерля. Он вводит понятие «*Vergegenständlichung*», имея в виду «превращение в предмет», или «опредмечивание», т. е. возникновение — именно из недр процессов мысли — особого мира предметов (*Gegenstände*), которым нет соответствия в мире физически данных вещей и процессов. Произведя такие новые предметы, сознание отводит им особое местоположение и как бы создает совершенно свои типы более или менее устойчивого бытийствования (*Bestehen*). Значительная часть текста Лотце — не забудем, посвященного коренной логической теме понятия — отводится проблеме происхождения различных частей речи, существительных, прилагательных, глаголов из действий мышления. Мы отвлекаемся от этих рассуждений, хотя из них вырастает логическая семантика, заинтересовавшая и раннего Гуссерля.

В следующем параграфе I главы Лотце занимается, в сущности, той же темой, которой потом посвятит свои усилия автор *ФА*. Это проблема «объединения представлений» (Гуссерль назовет их «коллегированием», т. е. объединением в тесное, затем уже нерасторжимое единство). Речь у Лотце идет о «полагании» (*Setzung*) некоторых содержаний представ-

лений, что и означает объединение впечатлений в более или менее устойчивые единства, сохраняющиеся в сознании. «Непосредственно ясно, — пишет Лотце, — как любое имя, скажем, “сладкое” или “теплое”, “воздух” или “свет”, “дрожать” или “освещать”, охватывает обозначаемое им содержание в виде сопринадлежащего единства, которое нечто означает для самого себя...» (Ibidem. S. 25). *Вот на этот контекст рассуждений Лотце (единственный раз) и ссылается Гуссерль в ФА (S. 78)*, кстати, упоминая имя Лотце вместе с именем Штумпфа и называя их «выдающимися психологами». (Гуссерль возводит к Лотце и свое понятие «коллективное представление»). Объединение каких-то «положенных» введенных в действие содержаний, продолжает Лотце, сопряжено с исключением (Ausschließung) других содержаний (утверждение — с отрицанием.) «Ибо то, что, собственно, имеется в виду вместе с этим единством положенного содержания, мы его ясно (einleuchtend) интерпретируем только благодаря тому, что подчеркиваем его отличие от других содержаний, и не только говорим: оно есть то, что оно есть, но и утверждаем, что оно не то, чем являются другие. То самое утверждение и это отрицание — одна неразделимая мысль, и они в неразделимой связи сопровождают каждое содержание наших представлений, причем также и тогда, когда мы не прослеживаем с ясно выраженным вниманием это молчаливо отрицаемое Другое» (Ibidem. S. 26). Здесь перед нами скорее сплавленная с главной мыслью мысль побочная (Nebengedanke). Но все это, уместно замечает Лотце, касается только «логического схватывания» (Fassung). И приводит такой убедительный пример. Мы употребляем слово «красное». И неправильно было бы утверждать, что при этом мы непосредственно должны держать в представлении все другие цвета (и содержания) (Ibidem. S. 26). Значит, заключает Лотце, утверждающее полагание какого-либо содержания (на основе объединения впечатлений в представление) фундаментальнее, ибо оно попутно делает возможным «отрицающее различие».

Эти и подобные размышления должны, по мысли Лотце, привести нас к *логической проблеме понятия*. «Совсем чистый логик» (более «чистый», чем претендующий на это Лотце) сказал бы, что весь подобный материал по крайней мере нерелевантен логике, а то и вредит ей, ибо ведет к психологизации логического. Но Лотце (как впоследствии Гуссерль) мыслит и действует иначе. Если говорить коротко,

то он стремится выявить характер, специфику того «первого всеобщего» (erste Allgemeine — Ibidem. S. 29), которое возникает в самом сознании и является предпосылкой, даже толчком к формированию (в разных областях жизнедеятельности, познания) следующей ступени всеобщего (его можно назвать всеобщностью второй ступени) — а затем и наиболее «чистой» из всеобщностей (всеобщность третьей ступени — это мой термин), которую относят именно к сфере логики.

Логики вполне могут заниматься *только* третьей ступенью всеобщего (выстраивая логическое понятие о понятиях вообще), и чаще всего делают именно это. Пример Лотце показывает, что исследователи синтезирующего стиля могут также обращать внимание на все три ступени, пусть и переходя затем — уже как «чистые логики» — преимущественно к третьей ступени. И у Лотце последующие разделы “Логики” — это учение о понятиях, суждениях, умозакключениях (хотя и там он постоянно возвращается к теме «деятельности»). Единственное, как я полагаю, чего не должны делать логики, так это *запрещать* другим логикам многоступенчатый анализ всеобщего, подобный исследованиям Лотце или раннего Гуссерля.

У Гуссерля в *ФА* в центре внимания — вторая ступень всеобщности (в моей терминологии), а именно всеобщие понятия математики. *Но его — как и Лотце — в ФА интересует путь к этой всеобщности из сферы представлений.* Наряду с чем всё время присутствует и вторгается в анализ *логическая всеобщность.*

Немаловажное значение имеет также и то, как Лотце строит свою «Логику» в качестве целостного произведения и как она вписана в его «Систему философии». Первая книга «Логики», о которой мы только что говорили, называется «О мышлении», вторая — «Об исследовании», третья — «О познании» (Vom Erkennen). В систему же философии кроме «Логики» (в трех книгах) входит, у Лотце, «Метафизика» (в двух книгах). Включение в систему наук, интересующих Лотце и других его современников, и метафизики, и широко понимаемой логики — шаг, более или менее традиционный для великих философских систем XIX века. Правда, на универсальный, энциклопедический охват системой *всех* главных дисциплин философии — в духе системы Гегеля — Лотце уже не претендует. (Однако одна из его работ называется «Основные черты логики и энциклопедия философии» — Grundzüge der

Logik und Encyclopädie der Philosophie, 1883.) И все же надо отметить, что перед лицом первого позитивизма с начавшимися атаками на метафизику *Лотце поистине отважно берет на себя задачу сохранения и обновления метафизики как целостной философии*. А потому логика, как сказано, широко понимаемая, у Лотце включает в себя — наряду с формально-логическими сюжетами и исследованиями — те проблемы, способы анализа, которые тогда причислялись к психологии (а у Гегеля в его феноменологии и позднее в философии духа также к дисциплинарным сферам «антропологии», «феноменологии», «философии»). Можно сказать, что Германа Лотце и его ученика Готтлоба Фреге история как бы поместила *в две разные эпохи* в том, что касается понимания соотношения логики, философии, психологии.

Поскольку наука логики как дисциплина задумана у Лотце — как и у многих философов и логиков, его современников и близких предшественников, — весьма широко, по-философски, нет ничего удивительного в том, что третья книга «Логики» обращена к проблемам познания, т. е. решает задачи, традиционно причисляемые к ведению теории познания, приблизительно к этому времени получившей дополнительное название — «гносеология». Правда, в этой книге тоже есть подзаголовок в скобках, в определенной степени уточняющий направленность и границы исследований: «Методология».

Прежде, чем мы перейдем к 3 книге лотцевской «Логики», напомним красноречивый факт из истории зрелой гуссерлевской феноменологии. А именно: в 1912 году Гуссерль в Геттингене (уже окруженный школой учеников и последователей, а также множеством сторонних слушателей) — в рамках своих лекций и семинаров по истории философии и логике — на специальных занятиях разбирал именно 3-ю книгу «Логики» Лотце¹.

Во *Введении* к третьей книге уточняются понятия: это «аналитический и синтетический методы», способы мысленного расчленения (*Zergliederung*) и соединения (*Eingliederung*), методы исследования, «изображения» и описания в науке. Основная содержательная часть третьей книги «Логики» Лотце содержит в себе типологически рассматриваемые философско-логические подходы к толкованию по-

---

¹ См.: *Мотрошилова Н.В.* «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология — Герменевтика, 2003. С. 71.

знания. В первой главе это проблема «скептицизма», в третьей главе — вопрос об априоризме и эмпиризме. К логике наиболее близкое отношение имеют 2-ая глава «Мир идей» (*Die Ideenwelt*) и 4-ая глава «Реальное и формальное значение логического».

У нас нет возможности в рамках нашей книги более подробно разбирать философские, гносеологические концепции Лотце. Здесь важно прежде всего то, что они разбираются в *общих рамках логики*. Далее, существенно, что после анализа (в 1-ой книге) философско-психологического и чисто логического материала Лотце в 3-й книге занимается *философско-гносеологическим обоснованием логического*. Название и тема «Мир идей» в составе общей проблематики философского обоснования логики и математики протягиваются через века существования философии и других наук. И в произведениях отдельных мыслителей они постоянно присутствуют. Так, и у Гуссерля они перейдут от ранних работ (где им уделяется меньше внимания) к ЛИ, но в ещё большей мере затронут внимание основателя феноменологии в самых поздних его работах (но, как мы видим, уже на этапе подготовки «Идей I»).

Здесь можно лишь в самой общей форме отозваться на упомянутые разработки Лотце в 3 книге «Логики» (применительно к Гуссерлю снова же имея в виду — в рамках сопоставления с традициями — скорее контекст ФА, чем дальнейшие гуссерлевские исследования).

Г. Лотце о Платоне и «платонизме»

«Мир идей» невозможно рассматривать, уверен Лотце, без «осовременивающего воспоминания» (термин более позднего Гуссерля) о Платоне. Лотце полагает — я думаю, совершенно правильно: когда «идеи» Платона просто передаются более поздним понятием «всеобщего», то при частной обоснованности такого словоупотребления (у Платона речь идет обо «всем» — *Ibidem*. S. 507) тема все же существенно модернизируется. Как автор, писавший о Платоне и пытавшийся прочертить своего рода «путь к Платону» в античной философии¹, я присоединяюсь к суммирующему рассуждению Лотце о том, что Платон пытался с помощью теории идей и сотворения особого «мира идей» разрешить трудности, накопившиеся именно в предше-

¹ См.: *Мотрошилова Н.В.* Рождение и развитие философских идей. М., 2010. С. 217–284.

ствующей античной философии, причем в учении о мире, о познании, в этике он стремился отождествиться с трудностями и устремлениями, с которыми столкнулся уже Сократ. «Согласный в этих устремлениях со своим учителем, но уже побуждаемый многообразными движущими причинами, Платон расширил эти убеждения до *учения об идеях*, этой первой и весьма специфической попытки использовать ту истину, которая принадлежит миру наших представлений внутри него самого и ещё в отвлечении от их согласования с предполагаемой потусторонней сущностью вещей» (Ebemda. S. 507).

Что же касается платоновского «перенесения» всеобщих идей в некий потусторонний мир, то его Лотце, разумеется, не приемлет (Гуссерль в I томе ЛИ назовет этот прием платоновской мысли «гипостазированием» всеобщего, возникающим ещё на почве мифологии и «метафизических» — термин более поздний! — устремлений философии). «Платон, — пишет Лотце, — приписал идеям, до осознания которых он возвысился, бытие (Dasein), обособленное от вещей — и однако, по мнению тех, кто его таким образом понял, подобное бытию вещей. Удивительно, сколь мирно восхищение глубокомыслием Платона уживается с тем, что ему приписывают столь бессмысленное мнение...» (Ebenda. S. 513). Лотце ссылается на то, что философы выражают свои мысли на языке (и в образах) исторического времени, в которое они живут — и от такого способа выражения им вряд ли возможно освободиться. Однако мы, люди последующих веков, можем и должны не останавливаться на таком буквальном, временем обусловленном *внешнем выражении* глубоких мыслей, а обязаны двигаться к сути сказанного, в данном случае Платоном. А ведь Платон, согласно Лотце, хотел подчеркнуть: истины (уже добытые, добавим мы) имеют значимость независимо от того, к каким конкретным вещам внешнего мира они относятся и какие конкретные люди могут их помыслить; они фиксируют «вечно значимое, всегда одно и то же» значение идей (Ebenda). Ещё одно замечание Лотце существенно: он полагает, что в греческом языке тогда ещё не было специального слова, выражения для (более позднего, конечно) понятия «значения», «значимости» (Geltens) и что к тому же отсутствовали философские понятия, фиксирующие самые различные оттенки бытия, бытийствования — в данном случае всеобщих понятий. (Это замечание о терминах,

которые Гуссерль разрабатывает позже — «значение», смысл, очень важно, в частности, для контекста II тома ЛИ.) На все про все имелись-де (у греков) лишь слова «то он» и «усия». Поэтому-де Платону ничего не оставалось, как «нарисовать», сотворить в воображении потусторонний мир якобы самостоятельного бытия идей (Ibidem. S. 514).

Конечно, отмеченные у Лотце языково-понятийные аспекты имеют свой смысл. Однако, как представляется, понятия и слова потому и не появились, что господствовавший в то время мифологическо-философский способ объяснения в целом удовлетворял если не самого Платона (о «конвенциональности» таких объяснений сам Платон уже высказывается, по крайней мере насмешливо), то многих его современников. Им легче было воспринимать учение об идеях именно в привычной образно-мифологической форме, за которой (прав Лотце) уже скрывалось проблемное содержание, далеко выходявшее за рамки языка эпохи Платона, всей культуры, философии этого отдаленного времени.

Но ведь в случае теории идей Платона речь шла не только о древности. Мы неоднократно упоминали о «платонистских» объяснениях, бытовавших в философии математики и логики XIX века. И ведь Германа Лотце как раз и относили к лагерю «современного платонизма»! Вот почему его формулировки и мысли имеют отношение к той современной Гуссерлю переключке с Платоном, которую он принимал во внимание как в случае Лотце, так и в других случаях, постепенно создавая и свое (меняющееся, но неизменно важное для него) толкование «мира идей» и других (релевантных уже феноменологии) мыслей великого Платона¹.

В четвертой главе 3 книги «Логики» с важным для логики названием «Реальное и формальное значение логического» Лотце снова возвращается к процессу движения познания от представлений к понятиям вообще, формальным понятиям логики, в частности и особенности, т. е. в классификациях того времени — к психологическому и философскому материалу. Но дифференциации уже проступают.

Самое начало — удивительное. Лотце пишет: «Факт восприятия мы признаем, только в отношении *дискурсивного мышления* мы испытываем

---

¹ Об этой проблеме у Гуссерля см.: Мотрошилова Н.В. «“Идеи I” как введение в феноменологию». М. «Феноменология — Герменевтика», 2013. С. 546–547, 551–553.

недоверие к тому, о чем оно толкует, и главным образом к тому *длинному сплетению мыслей*, которое удаляет от созерцания и все же развёртывает его (fort-spinnt) с надеждой на результат, благодаря которому оно будет подтверждено позднее» (Ibidem. S. 548 — курсив мой. — Н.М.) Это напоминает, во-первых, восходящий ещё к философии XVII века спор о том, что «достовернее» — чувственные впечатления, созерцание или выводы дискурсивного мышления. Лотце отнюдь не намеревается посягать на значимость мышления и его истин, а также выводов логики. Его задача *здесь* иная: не отбрасывая в сторону трудности и сомнения относительно *«реального» значения мышления*» (Ibidem. S. 549) (а они то и дело сказываются и в истории философии, и в повседневной практике человека и человечества), все же раскрыть это значение и, главное, *увязать его с едиными процессами сплетения чувственности и мысли, с рождением последней, с обособлением и высокой значимостью отвлеченно-формальных, логических подходов к мысли.*

В данной связи Лотце плетет такую тонкую, изощренную ткань анализа, что проследживать переплетение нитей в книге, посвященной другому философу, не представляется возможным. Отмечу только, что дело идет сначала о мире представлений (об их отношении, увязывании в случае, если устанавливается сходство или равенство содержаний двух или более представлений). Такой серьезный подход к теме созерцаний, представлений прежде всего *объективно важен* и для возникновения, и для содержания учений, идей раннего Гуссерля. А тот факт, что Гуссерль очень рано начал изучать работы Г. Лотце, подкрепляет наше предположение о том, что разноплановые работы Г. Лотце можно отнести к числу произведений XIX века, повлиявших на возникновение и содержание раннего гуссерлианства.

Заключение

Исторические экскурсы, подобные предшествующему современному «резюме» творческого вклада выдающего логика, психолога, философа-метафизика — в одном лице — Р.Г. Лотце, для широкого круга читателей могут иметь разве что факультативное значение. (Особенно для тех, которые — пусть и наделенных высокими учеными степенями и званиями — предпочитают, применительно к истории даже своих дисциплин, ограничиваться очень краткими, максимально

в пару страниц, «энциклопедическими дайджестами».) А вот для специалистов по истории философских наук, о которых реально шла речь в этом и в других исторических очерках, может стать особенно интересным как раз разукрупнение общей исторической картины — и именно в плане прояснения того, какие именно знания, учения, идеи в их исторической форме проникали в мыслительный мир молодого Гуссерля. Кстати, каждый из нас должен признать и понять, что при огромном объеме проникавшей в сознание и молодых, и далее развивавшихся ученых информации иногда бывает нелегко определить, откуда именно пришли в их мыслительный мир те или иные идеи, устремления, насколько и от чего, от кого именно полученное, усвоенное старое побуждало к преобразованиям, к поискам нового.

Вряд ли можно сомневаться в том, что подобные импульсы были получены также и Гуссерлем от объемного, сложного, тоже новаторского для своего времени учения Лотце, синтезирующего идеи и поиски целого комплекса тогдашних наук.

3. Экскурсы.

Наиболее важные современные исследования философии математики раннего Гуссерля

Рoger Шмит (Roger Schmit)

В моей книге читатель найдет ссылки на работу Р. Шмита «Философия математики Гуссерля. Платонистские и конструктивистские моменты в гуссерлевском понятии математики» (1981), которую я отношу к лучшим исследованиям последних десятилетий XX века, посвященных интересующей нас здесь весьма специальной тематике. Для контекста моей книги важно то, что Шмит анализирует не только работы Гуссерля, стоящие в центре нашего анализа, но и ЛИ, ФиТЛ. Обратимся здесь к главам, посвященным ФА и гуссерлевским работам 90-х годов по логике. Но сначала об общей идее, которую Р. Шмит предположил всему своему исследованию. Она состоит в определении и классификации философско-математических концепций и подходов в соответствии с понятиями «платонизм» и «конструктивизм» в математике.

Оценка у Р. Шмита общего характера и направленности работы Гуссерля — особенно раннего — в философии математики вкратце такова.

В концепции Гуссерля, полагает Р. Шмит, нашлось место «платонистским» элементам (что не означает, разумеется, прямого следования работам Платона и его учеников — *речь здесь идет о «платонизме» как специфическом явлении философии математики*). Это воплотилось в твердом убеждении, согласно которому математика как наука изучает «объективные» — я бы сказала, супер-объективные — сущности и отношения. А подход Гуссерля, уверен Р. Шмит, надо отнести к области «конструктивизма». Он пишет: «Гуссерлевская первая работа, ФА, целиком находится на почве конструктивизма. Хотя Гуссерль, следуя Кантору, Риману и Гильберту, в своем понимании математики внес в “конструктивную” математику по сути чуждые ей моменты, смысла понятия “дефинитивно-конструктивного” в его мышлении все же нет — как нет и разрыва между “дефинитивным многообразием” (definite Mannigfaltigkeit), которое понятийно схватывает бесконечность предметов и положений (Sätzen). А оно остается, согласно Гуссерлю, поддающимся конструированию как в отношении его сущностей, так и в отношении его положений»¹.

Согласно Р. Шмиту, может возникнуть впечатление (и он прав, очень часто оно и возникает, отстаивается в литературе), что по крайней мере «Прологомены» (I том ЛИ), не говоря о ФитЛ, построены на объективистско-платонистском фундаменте, в том числе и в понимании математики. «Что это не так, — пишет Шмит, — показывают манускрипты, в которых обсуждаются парадоксы, возникающие в учении о множествах. *Здесь на первый план снова выступает конструктивистское ядро гуссерлевской философии математики*. Абстрактную дефиницию множеств, которая лежит в основе учения о множествах Кантора, Гуссерль делает ответственной за возникновение парадоксов; названные манускрипты последовательно ратуют за конструктивное учение о множествах» (Ibidem. S. 124–125 — курсив мой. — Н.М.). Шмит уверен, что в ФТЛ и особенно в «Кризисе» конструктивистская модель господствует, приводя выразительную цитату из «Кризиса» (Hua, Bd. VI. S. 45). Гуссерль пишет о МfК: «Среди них выделяются так на-

---

¹ Schmid R. Husserls Philosophie der Mathematik. Platonische und konstruktivistische Momente in Husserls Mathematikbegriff. Bonn, 1981. S. 124.

зываемые “*дефинитные*” множества, дефиниция которых дает, через “полную систему аксиом”, своеобразную тотальность, вместе с которой, можно так сказать, *конструируется* формально-логическая идея “мира вообще”»¹ (курсив мой. — Н.М.) Р. Шмит комментирует: «Хотя Гёдель уже в 1931 году положил конец мечте о *beherrschbaren Mathesis*, Гуссерль определяет учение о множествах как универсальную науку о “дефинитных многообразиях”. С другой стороны, в “Кризисе” ощущается и платонистское влияние, ибо многообразия определяются здесь как заключенные в сущности (*Allheiten*) предметов вообще”. (Множества же — по Гуссерлю — должны строиться в соответствии с “элементарными формальными законами непротиворечивости”)» (*Ibidem*. S. 125).

Вместе с тем, Р. Шмит признает: хотя понятие конструкции занимает центральное место в работах Гуссерля, в них невозможно обнаружить прямые ссылки или определения, доказывающие это (*Ibidem*). И все же, несмотря на эту очевидную трудность, Р. Шмит считает возможным и необходимым проанализировать ФА преимущественно под углом зрения «конструктивизма».

В разбираемой книге Р. Шмита гуссерлевской ФА посвящен специальный раздел. В нем анализируются нижеследующие темы.

Идеи арифметизации математики (прежде всего развитые современниками Гуссерля, отчасти его учителями, математиками Дедекн-дом, Вейерштрассом, Хайне, Кронекером и Кантором) вкратце разбираются и в этом экскурсе по истории математики.

Конституция числа в акте «коллигирования»: Шмит анализирует первые главы ФА в их соотношении с позициями Кронекера и Фреге. Шмит подчеркивает: в ФА представлены два «в основе своей различных подхода, психологический и логический»; первый направлен на исследование «фактического возникновения понятия числа», второй — на число как значение (*Bedeutung*). Различение их у Гуссерля не всегда строгое. Переходы от одного подхода к другому — текучие, подвижные» (*Ibidem*. S. 25). Терминологически Р. Шмит сближает позицию ФА с более поздней феноменологией (!), говоря: «Согласно Гуссерлю, следует решительно отличать феномены от значений» (*Ibi-*

¹ Husserl E. *Husserliana*. Bd. VI. S. 45.

dem. S. 26), и что уже цитата из Гуссерля (ФА, S. 31) даёт для этого некоторые основания. Правда, делается и верная оговорка, что в ФА это различие не проводится последовательно.

Понятие «конструкции» в ФА. В данном разделе важно для всего нашего анализа указание на то, что Гуссерль изначально ориентирует философию математики на деятельность субъекта, в данном случае — «математического субъекта» (S. 27). Что касается понятия «конструкции», то тут обнаруживается определенная искусственность и слабость позиции Шмита: такого понятия у Гуссерля он, конечно, не обнаруживает, но считает, что его суррогатом является понятие «коллигирования» (S. 28).

Потенциально-бесконечное. У Гуссерля в ФА есть глава «Бесконечные множества». Здесь, считает Р. Шмит, автор «однозначно защищает точку зрения финитизма; но бесконечные множества здесь отождествляются с “символическим” представлением неограниченно продолжающегося процесса образования понятия». ФА исключает, согласно Шмиту, «всякую идею предданной, в-себе-сущей и завершенной бесконечности. Актуально-бесконечное — термин, который у самого Гуссерля не встречается — он толкует как “в известной степени воображаемое понятие”, “противоречащий логике (widerlogischer) характер которого (Ниа XII, 221) в повседневной жизни, правда, не приносит никакого вреда, но которое, однако, должно быть изгнано из науки» (Ibidem. S. 29). Шмит делает важные замечания о том, как конкретный подход к потенциально-бесконечному подчас перерастает в ФА в разговор о том, что числа могли бы значить для «бесконечного рассудка».

Царство «чисел в себе». Ссылаясь на известную работу итальянского исследователя Роберто Торетти¹, который настаивает на том, что особенно во второй части ФА имеется тенденция «реализма понятий» в духе более поздней позиции I тома ЛИ, Шмит признает: действительно, Гуссерль в указанном разделе подчас упоминает о «числах в себе» (это понятие он заимствовал у Больцано).

Постановка и решение этой проблемы, вынужден признать Шмит, приводит — в теоретико-методологическом пространстве ФА — к трудностям и парадоксам. (Более конкретно об этих проблемах и, соот-

---

¹ Roberto Torette. La filosofia de la aritmética de Husserl / Studii internazionali di filosofia. Bd. IV. 1972. S. 186–206.

ветственно, спорах интерпретаторов и о моей полемике с ними речь шла при анализе II части ФА.)

Финитизм в ФА. Здесь поднимается конкретный историко-математический вопрос о том, кто из учителей Гуссерля, Вейерштрасс или Кронекер, оказал на него большее влияние. Шмит приводит аргументы в пользу того, что Гуссерль, в конце концов, в ряде важных пунктов критикует концепцию Кронекера. Однако в отстаивании финитизма Гуссерль-де по существу присоединяется к этому видному математику, одному из его учителей, защищавшему «строгий финитизм» и рассматривавшему числа как «продукт человеческого духа». Что касается «выбора» в пользу теорий Кронекера или Вейерштрасса, то здесь, верно отмечает Шмит, позиция Гуссерля неоднозначна. Более того, согласно Шмиту, ФА отстаивает «ультрафинитизм».

Связь между математическим конструктивизмом и психологической конституцией числа.

Здесь у Шмита поясняется, что несмотря на пересечения обоих подходов конструктивизм и “психологическая конституция” существенно различаются.

Характерные черты конструктивизма: строгая критика методов, принятых в математике, редукция всей математики к основополагающим понятиям или — лучше — к операциям; подчиненность всего анализа задачам имманентного (для данной науки) обоснования. Этим твердо определен предмет исследований в русле конструктивизма. Теоретико-познавательные предпосылки остаются, согласно Шмиту, неопределенными и у Гуссерля. (Ibidem. S. 37).

«Психологическое понимание», как его определяет Р. Шмит, напротив, *возникает из теоретико-познавательных интересов и мотивов.* Но сам интерес, отмечает Шмит, проистекает из того же устремления, что и конструктивизм — из поиска оснований и задач обоснования. Неудовлетворенность тем, что достигнуто на конструктивистском пути, как раз и толкает к переходу в другие теоретические плоскости. (Ibidem).

Пытаясь объяснить причины того, почему теоретико-познавательный интерес принял у Гуссерля *психологическую (не психологистическую!) направленность*, Шмит ссылается на факт «доминирующего» положения психологии в науке XIX века, а также на специальное обстоятельство: «гуссерлевский научный и философский исходный

пункт определялся не только со стороны Кронекера, но и Brentano» (Ibidem. S. 38).

И ещё одно важное утверждение Шмита: «Кажется, что в ФА конструктивное и психологическое понимания математики гармонируют друг с другом, Центральные аргументы в пользу конструктивизма *заимствованы из психологии (!)*» (Ibidem). Но вообще-то между тем и другим нет строго необходимой связи, что показывает-де дальнейшее развитие Гуссерля.

Весьма ценной в рассматриваемой книге является II глава «Встреча с Кантором». На неё мы уже ссылались.

Сделаю выводы.

1. Книга Р. Шмита (в той части, в которой она плотно соотносится с предметами и проблемами, исследуемыми в нашей книге) дает ценный материал для размышлений, интересные наблюдения и обобщения.

2. Основная теоретико-методологическая схема автора книги, опирающаяся на понятия «конструктивизма» и «платонизма», тоже помогает, на мой взгляд, анализу соответствующего материала — однако лишь в определенной степени и до определенного момента.

3. Ибо сама схема в гуссерлевском материале, что признает и Р. Шмит, *не содержится, не присутствует*. Тем не менее она постоянно накладывается на этот материал, как бы детерминирует его и уж точно становится стержнем анализа Шмита. В эти моменты при чтении его книги невольно возникает протест против раскладок автора. Впрочем, каждый теоретически мыслящий исследователь предлагает и реализует в материале какую-либо схему, так что книга Р. Шмита не составляет здесь исключения. Р. Шмит правильно подчеркивает, что при употреблении здесь слова «феномен» нет и речи о столь же четком различении значения (Bedeutung) и феномена (Phänomen), какое встречается в ЛИ. Верно, что «формальная и конкретная бытийные сферы» не различены, не отделены сколько-нибудь последовательно. Вывод Шмита: «Акт коллективного соединения наиболее полно демонстрирует смешение логического и психологического способов рассмотрения. Хотя логические анализы указывают на связь (акта коллигирования) — в отличие от временного следования — как на существенную и необходимую предпосылку для конструкции понятия числа, психическое измерение акта нигде не утрачивается» (R. Schmit, op. cit. S. 27).

Поддерживая это замечание и эту линию исследования, я хочу сделать свой вывод: некий однозначно и четко определенный «психологический подход», который предполагается наличным и даже господствующим в ФА, редко выступает, если вообще выступает, сколько-нибудь самостоятельно. Действительно, имеет место «смещение» — а быть может, и ещё неясное в своих истоках и в своих перспективах синтезирование? Но тогда сомнительно, можно ли без оговорок согласиться с выводом Шмита:

Теодор де Бур о «Философии арифметики» Гуссерля

Одна из лучших работ по феноменологии Гуссерля — исследование голландского философа второй половины XX века Теодора де Бура «Развитие мысли Гуссерля» (The Development of Husserl's Thought. Martinus Nijhoff, 1978 — серия *Phaenomenologica*, 76).

В ней, в частности, подробно анализируется «Философия арифметики».

Важный пункт анализа Т. де Бура следующий: он, конечно, знал, что термин «интенциональность», как и термин «феномен», подхваченные Гуссерлем у Фр. Brentano (а впоследствии положившие начало самостоятельной феноменологической теории), sporadически встречаются и в ФА, но в ней не трактуются «феноменологически». Т. де Бур, вместе с тем, правильно подчеркивает, что Гуссерль — без особого критицизма — с самого начала акцентирует отличие своего толкования феномена от Brentanovskogo. А в связи с этим Т. де Бур подробно останавливается на Brentanovskoy концепции феномена (Р. 5–11).

В специальном § 3 Т. де Бур анализирует ещё одну линию следования идеям Brentano со стороны Гуссерля — но также и линию их критического преодоления, а именно теорию несобственных представлений (в английской версии: *non-genuine presentations*). Применительно к ФА этот анализ предельно краток (1,5 страницы). Наиболее интересной считаю стр. 20 в книге Т. де Бура. Там предлагается — очень сжато — взгляд интерпретатора на спор Frege и Гуссерля. Рассмотрим его.

В своем критицизме в адрес Гуссерля, считает Т. де Бур, Frege не пошел верным путем. «Но рецензия Frege все равно заслуживает рассмотрения, поскольку Гуссерль позднее в некоторых пунктах согласился с критицизмом Frege и признал это публично. Потому интересно

изучить рецензию, чтобы увидеть, где Фреге обнаруживает у Гуссерля существенные упущения и где упускает эту нить. Его ошибка — в критicisme в адрес концепта представлений» (Р. 20). Приводя цитаты из рецензии, Т. де Бур показывает, что при употреблении термина «представление» Гуссерль, согласно Фреге, нарушает границы между «объективным» и «субъективным», трактуя «объективное» как представление. «Он рассматривает редукцию к представлениям (у Гуссерля. — *Н.М.*) как ошибку психологизма. В конце концов все-де становится представлением. Объекты — тоже представление». Приводя знаменитую цитату из Фреге — его вопрос насчет луны, превращенной-де в представление, Т. де Бур отмечает, что Фреге, правда, удастся обнаружить в ФА нечеткость терминологии. Но Т. де Бур четко и, на мой взгляд, обоснованно, прибегая к конкретному анализу ФА, отмечает: «В первую очередь, ясно, что Гуссерль не рассматривает мир как имманентный сознанию. Далее... внутри сознания в широком смысле Гуссерль проводит очень четкое различие между содержанием и актом, даже если он говорит о них как о представлениях» (S. 20).

Интересным и ценным моментов в анализе Т. де Бура считаю его попытку проследить в ФА зародыши идей и хода мыслей, которые находят продолжение в более поздних произведениях Гуссерля, прежде всего в ЛИ. Иллюстрируется это отношением к сложному, если не противоречивому высказыванию самого Гуссерля в ЛИ о том, что в ФА проявлено недостаточное внимание к различению между содержанием и актом сознания — что, несмотря на этот факт, то было «первое произведение, которое привлекло внимание к актам и объектам высокого порядка и тщательно проанализировало их» (LU II. 282, примеч. I). Уточнения Т. де Бура по этому вопросу любопытны, но мы не будем *здесь* их рассматривать.

Т. де Бур настаивает на том, что Гуссерль действительно признает уже в ФА существование «объектов высокого порядка», и соответственно как бы пролагает путь идее «категориального созерцания» ЛИ. Ссылаясь на статью Е.Финка в «Философском лексиконе Цигенфусса» (и напоминая об оценке Гуссерля: эта статья правильно излагает развитие его философии), Т. де Бур напоминает об оценке Финка: *в ФА мы уже встречаем типичную коррелятивную манеру, характерную для феноменологии* (S. 25 — курсив мой. — *Н.В.*).

Важны и другие ссылки Т. де Бура на авторитетных феноменологических авторов (на В. Биммеля) — с указанием, что их суждение о ФА как первом провозвестнике более поздней феноменологии совпадают с собственной, более взвешенной оценкой Гуссерля ФА в «Формальной и трансцендентальной логике». Но и раньше, в 1913 году, в «Наброске введения к ЛИ» (сам Гуссерль его так и не опубликовал — публикация 1939 была инициирована Е. Финком) Гуссерль написал о том, что ранние, по существу осуществленные в ФА исследования коллигирования были шагом к разработке феноменологии.

Мне кажется не только уместным, но и в высшей степени содержательными следующие слова Т. де Бура, характеризующие точку зрения самого (более позднего) Гуссерля на ФА: «В этом пассаже точка зрения о ФА и о трудностях, заключенных в ней, выражены очень метко... Когда концепция числа формируется с помощью абстрагирования по отношению к актам сознания, арифметика становится неотделимой от психологии. Здесь мы не должны считать себя обязанными принимать более самооценки Гуссерля, ибо Гуссерль, в конце концов, не является последним авторитетом в *исторической* интерпретации своей мысли». И далее следует важный тезис: «*Текстологический анализ ФА* может продвинуть нас дальше, чем “схоластические” образцы, управлявшие мышлением Гуссерля в то время» (Р. 27–28) (когда, напомним, Гуссерль высказывал (и менял! — под влиянием тех или иных настроений — свои оценки). Под влиянием сходных рассуждений я предпочла осуществить *подробный текстологический анализ ФА*.)

С большинством формул-оценок Т. де Бура, приведенных ранее, я полностью согласна — и в своих первой и — более подробно — во второй книге развиваю сходную точку зрения и на спор Гуссерля и Фреге, и на значение ФА, почему в соответствующих разделах делаю отсылки к этому экскурсу. Вместе с тем читателей, интересующихся отдельными деталями проблемы, могу отослать к тонкому исследованию у Де Боера слабостей, неясностей, трудностей в ранней книге Гуссерля (Р. 29, 30, 31 и др.).

ПРИЛОЖЕНИЯ К V ЧАСТИ К АНАЛИЗУ ИДЕЙ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ РАННЕГО ГУССЕРЛЯ

1. Дитер Мюнх об исследовании интенциональных предметов у раннего Гуссерля

Среди лучших исследований, посвященных разработке проблем интенциональности в брентановской и гуссерлевской традициях — фундаментальная работа Дитера Мюнха (Dieter Münch) «Интенция и знаки. Исследования», посвященные Францу Brentano и ранним работам Гуссерля (Dieter Münch. *Intention und Zeichen. Untersuchungen zu Franz Brentano und zu Edmund Husserls Frühwerk*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1993).

Эту книгу я неоднократно цитировала ранее. Здесь будут дополнительно обсуждены другие идеи сочинения Д. Мюнха, которое и в конце XX века, как и в прошедшие годы XXI столетия, было и остается сегодня, по моему мнению, одним из лучших и по-прежнему редких исследований ранних сочинений Гуссерля именно по проблемам интенциональности. Подробное профессиональное рассмотрение у Д. Мюнха концепции интенциональности Ф. Brentano, из которой сначала исходил Э. Гуссерль, разработавший в конце концов во многом самостоятельную и разветвленную, глубокую феноменологическую теорию интенциональности, повышает для нас ценность рассматриваемой книги.

В работе Д. Мюнха, разбор которой вообще может быть здесь лишь сжатым, обобщающим, выделю главные, с моей точки зрения, исследовательские акценты, в целом соответствующие основным целям автора.

1. Д. Мюнха заинтересовало, как и почему уже в «Философии арифметики» и в ранних рукописях, изданных после смерти Гуссерля, у этого математика и философа появились редкие тогда семиотиче-

ские исследования¹. Д. Мюнх упоминает о манускрипте Гуссерля «К вопросу о логике знаков (Семиотика)» 1890 года, который специально анализируется в моей книге как раз со ссылками на оценки Мюнха. Теперь и о ряде других проблемных акцентов его книги.

2. Мюнх расценивает концепцию раннего Гуссерля, запечатленную в этом и в других его манускриптах (например, «Über den Ursprung der Geometrie» — «О происхождении геометрии») как «альтернативный проект по отношению к [самой] семиотической философии, поскольку Гуссерль в рамках своего проекта попытался *описать психические акты*, лежащие в основе знаков и других феноменов...» (Ebenda — курсив мой. — *Н.М.*). Эта идея в целом верна и интересна: семиотические акценты, повороты анализа Гуссерля — редкие и в тогдашней, не слишком богатой литературе вопроса, которую, как мы видим, из гуссерлевского заголовка к его статье, уже тогда четко относили к семиотике.

Считаю ценным акцентирование у Мюнха вот какого аспекта: в отличие от авторов, которые бросались обвинять Гуссерля в психологизме, едва увидев отсылку — в том числе в работе о *логике* знаков — к «*психическим* актам», Д. Мюнх усматривает как раз здесь особую и в целом перспективную специфику гуссерлевского (а раньше и брентановского) анализа, его правомерные, ценные исследовательские акценты и предпочтения.

В *Предисловии* к книге Д. Мюнха меня также привлекли страницы (10–12), на которых он рассказывает о том, насколько интенсивно разбираемые им проблемы в 80–90-х годах XX века обсуждались и в европейской, и в американской философии. В особенности впечатляет и то, насколько органично исследования упомянутых Мюнхом специалистов по феноменологии уже в XX веке (это Д. Смит, Д. Фёллсдал, И. Моханти, Р. Чизхольм, сам молодой тогда Д. Мюнх и другие) была вписана в работу мирового философского сообщества.

3. Так, в специальной главе «Интенция и знаки» («Intention und Zeichen») Д. Мюнх исходит из следующего совершенно верного, по моему мнению, общего постулата: «“*Интенция*” — это *основополагающее понятие для феноменологического движения*, к которому — наряду

---

¹ Dieter Münch. Intention und Zeichen. Untersuchungen zu Franz Brentano und zu Edmund Husserls Frühwerk. Fr. a/M., 1993. S. 9. Далее цитаты из этой книги даны в моем тексте с указанием страниц по данному изданию.

с его основателем Эдмундом Гуссерлем — принадлежат такие значительные философы, как Ингарден, Хайдеггер, Шелер, Сартр и Мерло-Понти. А “знак” в свою очередь, — это центральное понятие для семиотических подразделов в философии, к которым относится аналитическая философия языка (*sprachanalytische Philosophie*)» (Ebenda. S. 13 — курсив мой. — *Н.М.*). Ценно, что уже где-то в начале проблемного рассмотрения у Мюнха феноменологические основоположения к теории интенциональности содержательно увязываются с разработками таких современных Гуссерлю и более поздних выдающихся авторов (формально не принадлежавших к феноменологическому направлению, а подчас враждебных ему) как, например, Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнап, Р. Чизхольм (см. SS. 17–23 в книге Мюнха).

Тем, кого интересует целостное, четкое, связанное и понятное рассмотрение самого понятия «интенциональность», как и основ ранней феноменологической теории интенциональности, могу порекомендовать соответствующее изложение в книге Мюнха (См., например, раздел «Интенция и знаки в “Философии арифметики” Э. Гуссерля») ещё и потому, что ранняя книга будущего основателя феноменологии — в свете анализа этих проблем в раннем гуссерлианстве анализируется чрезвычайно редко.

О других ценных ремарках Д. Мюнха (например, к любопытному тексту Э. Гуссерля 1893 года «Единство мелодии», *Einheit der Melodie*) подробно написать здесь невозможно. Потому рассмотрю лишь отдельные гуссерлевские идеи и рассуждения — с учетом небезынтересных, как всегда, комментариев Д. Мюнха.

«Гуссерль начинает свое исследование, — пишет Мюнх, — с описания восприятия мелодии, очевидно ориентированного на статью Эренфельса (Ehrenfels) “Über Gestaltqualitäten” (“О качествах гештальтов”, 1890), на которое Гуссерль ссылался уже при рассмотрении фигуративных моментов в ФА (см. главу 3.2.1.)» (Ebenda. S. 144). Мюнх — в чем дополнительная ценность его работы — вполне оправданно отмечает *родство анализа Гуссерля с начальными исследованиями гештальт-психологов, проявляющееся не только в использовании термина «гештальт», но и в сходстве (Ähnlichkeit) самого проводимого анализа*. Задержимся на этом исторически интересном моменте. Мюнх показывает, что и Гуссерль, и Эренфельс едины вот в каком особом пункте анализа: при *восприятии*

мелодии мы сначала ухватываем гештальт мелодии (Tongestalt) — как бы её общий образ, который формирует *auditive Hintergrund*, т. е. некоторый слуховой фон этого восприятия. А уже над ним как бы надстраиваются в сознании другие «гештальты из гештальтов» (эти слова взяты не из Эренфелса, а из текста Гуссерля 1893 года). Далее отстаивается идея, согласно которой какой-то звук и любые сочетания звуков лишь на короткое время появляются в сознании. Но они, вместе с тем, в известной степени сохраняются в сознании (как именно, нужно было бы исследовать специально). Вместе с тем в сознании сохраняется и какое-то *неудовлетворенное ожидание*, в особенности в случаях, когда нравившаяся нам мелодия вдруг обрывается. Гуссерль пишет в упомянутой рукописи: «Тот вид, который приобретает окончание (здесь: прослушивания мелодии. — *Н.М.*) — иногда не позволяет ожидать или требовать чего-то нового — как это бывает в случае завершенного предложения. Наполовину написанное слово, незаконченная часть предложения или даже отрывка... пробуждает ожидание, которое остается неудовлетворенным, — подобно тому, как если бы мы приступили к обеду, а после супа нам не подали бы ничего другого. Движение звуков, которое начинается, но не полностью завершается, имеет характер чего-то незавершенного, недостаточного» (Husserl, 1893:270).

Здесь перед нами типичный пример именно гуссерлевского анализа той обширной сферы, которая в философии традиционно именовалось чувственностью, чувственными восприятиями. Особенность гуссерлевского анализа в том, что из него не вычеркиваются (как это бывает в абстрактной гносеологии, тем более в логике), чисто психологические оттенки (ожидание, удовлетворенность и т. п.). И делается это, как мы убедимся, вполне целенаправленно, а не по недосмотру.

Д. Мюнх специально разбирает этот — для многих авторов (скажем для Фреге) совершенно недопустимый гуссерлевский уклон — в небольшом разделе рукописи — (4.3.2. Интенция и чувство неудовлетворенности).

Важный для нас реальный исторический факт состоит в следующем: в это относительно раннее время (по моему мнению, ещё до спора собственно о психологизме и даже до широкого распространения самого этого термина) уже реально зарождались размежевания касательно практического обращения — в философии — с психологическим материалом.

Подход раннего Гуссерля имеет — в этом отношении — вид уже избранной и далее реализуемой ориентации. Иными словами, он готов (и уже в какой-то форме опробовал этот путь в ФА) включить в свое философско-математическое, гносеологическое, логическое исследование также и психологический материал — с конкретной целью специально прояснить моменты генезиса, относимые в данном случае к исследованию происхождения (Ursprung) в сознании математических понятий.

В более поздних спорах — тогда уже в контексте разгоревшейся борьбы психологизма и антипсихологизма — разные позиции столкнулись, как известно, как антагонистические (даже породившие, в частности, запрет на внесение в логику психологического материала). Здесь мы пребываем в историческом моменте первоначального размежевания позиций. И приходится отмечать известную историческую исследовательскую смелость Гуссерля (вчерашнего ученого-математика), дерзнувшего соединить — и достаточно доказательно, органично, притом самостоятельно — вызревающее понимание «философии как строгой науки» с достаточно хорошим владением психологическим материалом. И если Гуссерль не стал, по примеру своего учителя Ф. Brentano, также и психологом-исследователем, то он и не упустил возможности опереться в возникавшей феноменологии на те достижения тогдашней продвинутой (advanced, как говорят сегодня) психологии — в том числе и на дальнейшем пути выработки уже целостного, оригинального феноменологического подхода к исследованию сознания.

От Д. Мюнха, впрочем, уже в его время тоже потребовалась определенная исследовательская отвага. Почему же? Все дело в том, что спор о психологизме даже к концу XX века всё еще сохранялся в памяти. Но какими были эти воспоминания? Важно точнее разобраться в этих, не таких уж и далеких от нас конstellациях — как представляется, не имеющих статуса тщательных исследований соответствующих фактов истории, а скорее ходячих символов веры. Какие образы борьбы, в самом деле разгоревшейся к концу XIX века, были наиболее распространенными уже к концу века двадцатого? Коротко ответим на этот вопрос.

Само реальное размежевание психологизма и антипсихологизма (очень быстро, в масштабах истории — чуть ли не за пять лет — пробежавшее ряд различающихся стадий) по существу ещё не стало, даже

к концу прошлого столетия, предметом действительно кропотливого и объективного историческо-научного и историко-философского изучения. (Полагаю, что в России даже в наше время, без малого через 20 лет с начала XXI века, оно ещё ждет такого анализа.)

Но зато как бы зацементировалось (в литературе и дискуссиях на эти темы) противостояние двух крайних позиций, у сторонников которых была как бы и разная историческая память.

Для одной, уже очень мощной теперь прогуссерлевской группы Гуссерль оставался выдающимся, даже великим философом, чье развитие — в том числе и раннее, по крайней мере с 80-х годов XX столетия — подверглось основательному изучению. (Здесь, в первой книге, еще не освящен вопрос о том, как сами феноменологи к настоящему времени конкретно расценили непростое участие Гуссерля в споре о психологизме — эти проблемы намечаю конкретно исследовать во второй книге моего сочинения.)

Но даже и ко времени написания Д. Мюнхом его работы не только не угасла, но даже была по-своему ревальвирована (преимущественно логиками, особенно специалистами по математической логике) идеология с такими центральными идеями:

1) в споре Гуссерля и Фреге как бы на все времена правым считался Фреге.

Что до Гуссерля, то постулировали его несомненную изначальную неправоту, правда, несколько смягчаемую такими оговорками: именно Фреге сначала вывел Гуссерля на достойный путь, побудив его не только выбраться из «болота психологизма», но и стать активным антипсихологистом. Впрочем, далее, как считали сторонники Фреге, он всё-таки не остался на верном пути I тома «Логических исследований». Одной из частных идеологем было — возможно, по неосведомленности — создаваемое именно логиками (чаще всего фрегеведами) столь же стойкое, сколь и ложное впечатление, будто бы жесткий фрегевский запрет на *любое* использование (при логической работе) психологического материала побудило Гуссерля в том же I томе «Логических исследований» полностью-де отречься от всякого подобного уклона. Поскольку даже ко времени написания книги Д. Мюнха такие идеологемы логиков всё еще были ходячими (чему есть много подтверждений), от Мюнха, как сказано, тоже потребовались и немалая отвага, и именно незаурядная

научная информированность для защиты концепции, которая соответствовала реальным историческим фактам.

Но и то надо отметить (повторю это в других словах), что преодоление идеологем-предрассудков в отношении гуссерлевского якобы беспробудного (если бы не окрик Фреге) психологизма к концу XX века только-только началось. И они, увы, не преодолены и сегодня...

Возвратимся к тому, как Д. Мюнх презентировал суть и перспективное значение рассмотрения тематики интенции и интенциональности в ранних текстах Гуссерля. «Для развития гуссерлевской интерпретации понятие интенции, — писал Д. Мюнх, — имеет особое значение, ибо здесь — первая публикация, в которой интенция коррелятивно увязывается с её исполнением» (Ebenda. S. 143). Подобные замечания Мюнха очень ценны для научного, стало быть, вполне конкретного гуссерлеведения. Эта частная ремарка отсылает интересующихся к одному действительно важному конкретному аспекту зрелой интенциональной теории Гуссерля, а именно к различению *интенции как таковой* (т. е. самого *намерения* развернуть интенциональный анализ) и тех последующих шагов анализа, когда имеет место действительное «осуществление» (Erfüllung) того или иного интенционального замысла. Что касается разбираемого у Мюнха Манускрипта 1893 года (где тема развёртывается на примере восприятия мелодии и восприятия вещи, Dingwahrnehmung), то он действительно характерен для понимания исторического процесса становления приемов и форм интенциональных исследований Гуссерля, начиная, как мы теперь видим, с его ранних произведений. А тем авторам, которые просто и однозначно причисляют все такие исследования к психологизму и его заблуждениям, Мюнх как бы отвечает: без включения психологического материала, что кому-то казалось проявлением чистого психологизма, не было бы феноменологии. (Я в этом согласна с Мюнхом и другими авторами.)

Но тогда тем более требуется ответить на вопрос, относящийся и к раннему Гуссерлю: что именно означает — в проблемном смысле — несомненный тогдашний *психологический уклон его работ* (снова и снова повторяю, не равноценный более позднему психологизму)? Снова обращаюсь к тем ценным разъяснениям, которые имеются в ответах Мюнха на подобные вопросы.

По специальной теме дисциплинарного, что ли, характера произведений раннего Гуссерля, включая ФА (свою позицию я подробно освещала в *Заключениях* к предшествующим частям этой книги), считаю полезным добавить нижеследующие уточняющие пояснения Д. Мюнха.

Тем, кто склонен *однозначно* числить работы раннего Гуссерля по ведомству заблуждений психологизма, Д. Мюнх напоминает об исторических фактах: верно, что к работам тогдашних психологов Гуссерль относится с интересом и доверием. Это и не могло быть иначе. Возьмем хотя бы такой аспект, характеризующий основательную цельность тогдашней психологии — в её уже не раз отмечаемой спаянности с философией и логикой — именно в толковании Д. Мюнха: «Отец понятия “гештальт” Хр. фон Эренфельс был учеником Brentano и Meinhof; принадлежавшие к берлинской школе гештальтпсихологии Макс Вертхаймер (Wertheimer) — он был в Праге студентом Эренфельса, а также Вольфганг Кёлер, Курт Коффка и Курт Левин — все они сотрудничали с К. Штумпфом, у которого Гуссерль в 1887 году габилитировался с работой «О понятии числа»» (Ebenda. S. 84).

Применительно к теме ранних гуссерлевских специальных философско-математических исследований понятия числа существенно и такое обобщение Мюнха, с которым я солидарна (причем пришла, прошу мне поверить, к подобному выводу до того, как познакомилась с книгой Мюнха): «Основание для обнаружения в работе философов о понятии числа психологических разработок лежит, конечно же, в том, что за психологические исследования [тогда] отвечала философия, ибо психологии как совершенно самостоятельной дисциплины тогда ещё не было. Когда Гуссерль придает «Философии арифметики» подзаголовок «Психологические и логические исследования» (что характерно и для его габилитационной работы «О понятии числа», где в подзаголовке значится [только] разъяснение «Психологический анализ»), то он тем самым *формулирует задачи, входившие в область работы [тогдашней — Н.М.] философии*» (Ebenda. S. 84, курсив мой. — Н.М.).

Не могу не согласиться и с тем уточнением Д. Мюнха, что содержащиеся в *Предисловии* к «Философии арифметики» слова Гуссерля относительно необходимости обратить внимание на *объемные психологические штудии* поняты будущим основателем феноменологии именно как *собственно философская задача* — и даже как задача созда-

ния *метафизики* исчислений! И такие оценочные суждения Д. Мюнха тоже считаю правомерными: «В этом отношении, — пишет Мюнх, — психологический характер ФА, несомненно, заслуживает не осуждения, но, напротив одобрения. И уже Фреге в своей рецензии высказался в том смысле, что в ФА есть *ценные психологические прозрения*, а Вертхаймер (Wertheimer) указывает на сочинение Гуссерля как на первую работу по психологии числа» (Ebenda. S. 85)¹.

Д. Мюнх добавляет, что все сказанное не полностью отводит адресованные раннему Гуссерлю упреки в психологизме. В каком отношении приходится принять обвинение — это уже специальная тема, подробное обсуждение которой предполагается во второй книге моего сочинения.

Теперь, когда известны различные наработки раннего Гуссерля по проблемам интенциональности, возможно — вслед за Мюнхом — перейти к определению специфики этого анализа.

Специфика осмысления интенциональности у раннего Гуссерля

Опираясь на отдельные идеи Д. Мюнха, попробую ближе подойти к осмыслению того *совершенно специфического исследовательского сплава*, который, как я считаю, фактически, объективно имеется в ранних гуссерлевских штудиях, отнесенных им самим к понятию и теме интенциональности.

Что касается дисциплинарного специфического материала, скажем, приведенных ранее рассуждений вчерашнего математика о чувствах *неудовлетворенности* по поводу *незавершенности* каких-либо переживаний, о *несбывшихся ожиданиях* и их отнесения именно к науке психологии, то положение здесь сложилось двойственное.

С одной стороны, некоторые чисто тематические аспекты, затронутые ранним Гуссерлем в его описаниях, иные тогдашние психологи, без сомнения, признали бы *своими*, относящимися к их науке.

Другая сторона дела состояла в непростом обстоятельстве: немало *классических*, философствующих психологов тоже отвергли бы как крайности, уклоны Гуссерля в *чисто субъективные*, тем более

---

¹ Нелишне было бы добавить, что фрегевская оценка на деле объективно подразумевала не высказанный прямо совет Гуссерля оставаться в рамках психологии, не вторгаясь в святая святых, т. е. в логику!

эмоциональные аспекты и объяснения (сказанные с *неудовлетворенностью, ожиданием продолжения* и т. п. как сторонами интенциональности).

Вместе с тем именно из конкретных пояснений Мюнха становится ясно, что Гуссерль мог всё-таки рассчитывать на понимание и даже поддержку каких-то психологов-философов: так Керри и Липпс сами говорили о значении *побуждений* к продолжению, Штумпф, наставник Гуссерля в Галле — о *напряженном любопытстве* как вполне значимых и для философии психологических факторах.

Поэтому Мюнх и считает — и для этого имеется немало оснований, что предметами интереса и работы Гуссерля становятся также понятия и приемы мысли, традиционно и в современных ему разработках *относимые психологами к своей дисциплине*. Применительно к восприятию мелодии, например, эти действия состоят в *описании восприятия* и в *генетических объяснениях*, т. е. в применении уже освоенных к тому времени методов дескриптивной, ассоциативной, генетической психологии. «Это показывает, — пишет Мюнх, — что Гуссерль продолжает и далее интересоваться теми Ursprung-вопросами (т. е. проблемами происхождения, генезиса. — *Н.М.*), которым он в ФА посвятил подробные разъяснения» (Ebenda. S. 144). Но Мюнх делает и существенное, полагаю, корректирующее замечание: теперь «исчезают ассоциативно-психологические способы объяснения» (Ebenda). С точки зрения Мюнха, то новое, что появляется на месте чисто ассоциативно-психологического материала, требует специального объяснения.

Как бы то ни было, необычными (и для традиционно-психологического, а тем более для логического подходов), побудительными мотивами для применения новых объяснительных парадигм раннего Гуссерля становятся: упомянутые вклинивания в анализ процессов сознания и осознания исследований «чувств» неудовлетворенности (из-за неоправдавшихся ожиданий по поводу незавершенности каких-либо процессов осознания).

Специальный их анализ у Мюнха (в разделе 4.3.2.) «Интенция и чувство неудовлетворенности» (Intention und das Gefühl der Unbefriedigung) показывает: как раз их этот гуссерлевед считает не просто допустимым, а уместным моментом для того, чтобы прежде всего Гус-

серль, а затем и согласные с ним гуссерлеведы, перешли именно на почву нового интенционального анализа.

Отметая различные псевдопонимания (*Scheinverständnisse*), Гуссерль начинает усиленно работать над понятиями, к которым прежде обнаруживал интерес и которые, в конечном счете, стали фундаментальными для всех этапов развития феноменологии. Это прежде всего понятие *созерцания* (*Anschauung*).

* * *

На вопрос о том, почему ему важны как понятие, так и, соответственно, теория созерцания, Гуссерль уже в ранний период дает четкий ответ, затем принимаемый (и теоретически усложняемый) на всем протяжении развития феноменологии: «Ни одно понятие не может быть помыслено без фундирования в конкретном созерцании», — пишет Гуссерль уже в 1891 году, не только полностью сохраняя в дальнейшем приверженность этому тезису — например, в ЛИ, но и закладывая уже в этом произведении первоосновы кардинальной для феноменологии концепции *усмотрения сущностей* (*Wesenschau*).

В данной связи нам важно понять, как и почему темы созерцания и интенции у Гуссерля тоже неразрывно взаимосвязаны. Особый интерес в обсуждаемых материалах представляют гуссерлевские рассуждения, восходящие как раз к, казалось бы, чисто психологическим оттенкам — типа неудовлетворенных ожиданий. Гуссерль поясняет их, подробно различая, например, формы *замеченности* (*Bemerken*) — первичную, вторичную, третичную. При этом приводятся как будто бы чисто житейские примеры. Мы входим в кафе — и сразу понимаем, что *в поле восприятия организованные единства неравнозначны*: с первого взгляда замечают людей, окна, цветы, столы, стулья, приборы и т. д. Эти предметы во всяком случае не составляют чистый фон — они бывают замечены особо (*für sich*). Но и они (для каждого человека) неравнозначно акцентированы. Если я вижу в кафе друга, с которым уговорился встретиться, то мой интерес в первую очередь направлен на него...» (*Ebenda*. S. 178).

Мне представляется, что в данном примере и в соответствующем анализе высвечивается *особая новаторская черта уже и ранней гуссерлевской феноменологии*, о которой речь подробнее шла в основном тек-

сте моей книги, в частности, при текстологическом анализе ФА и других текстов раннего Гуссерля. А именно: внимание Гуссерля к структурам и формам работы сознания, которые считались несущественными, чисто субъективными, полностью относящимися разве что к психологии, теперь предстало в ином свете. Так, обращение (или не-обращение) внимания, наблюдения, другие оттенки реального функционирования органов чувств — всё это и нечто подобное в работах других авторов объявлялось нерелевантным *сущностному* исследованию мыслительной деятельности. Правда, философия традиционно, как не раз отмечалось в тексте моей книги, выделяла и специально исследовала ту жизнедеятельность, ту повседневную *работу*, которая (в разное время и под разными поименованиями и обозначениями) фигурировала как *чувственность*.

Предвосхищением такого анализа — в объективном смысле слова — можно считать традицию, заложенную Кантом. Ведь у него «чувственность» (*Sinnlichkeit*) как совокупный объект анализа первой части «Критики чистого разума» сразу втягивает в себя — именно в качестве принципиально исходной — тему созерцания. Вспомним, с чего Кант начинает § 1 «Трансцендентальной эстетики»: «Каким бы образом и при помощи каких бы средств познание ни относилось к предметам, во всяком случае *созерцание* (*Anschauung*) есть именно тот способ, каким познание непосредственно относится к ним и к которому как к средству стремится (*abzweckt*) всякое мышление» (В 33 — курсив Канта. — *Н.М.*).

Заслугу Гуссерля, полагаю, оправданно видеть в *повышенном внимании* — пусть на фоне растущего интереса к высшему *этажу* созерцания, а именно к *усмотрению сущностей* (*Wesenschan*) — *также и к теме созерцания вообще*, которому ведь тоже присваивается исходно-фундаментальная роль в познании. Мюнх отмечает, имея в виду (на примере кафе) рассмотренные у Гуссерля детали: «С помощью этого различения Гуссерль определяет более узкое и более широкое понятие созерцания». Мюнх цитирует слова Гуссерля: «Созерцание в узком смысле — это имманентное и первичное содержание моментального представления, или лучше — подмечания (*Bemerkens*); созерцание в широком смысле — это содержание единого *длящегося* (*andauernden*) подмечания (1893:272f — курсив *Д.М.*)» (*Ebenda*. S. 148–149). Приводятся и другие наглядные примеры.

Скажем, мы разглядываем кофейную чашку, стоящую на столе. Но ведь конкретно, излагает Мюнх мысли Гуссерля, мы непосредственно видим, созерцаем только повернутую к нам сторону чашки (что, кстати, имеет место в любом быстром разглядывании каких угодно предметов). Нельзя забывать, что такие *профили* (Abschattungen) постоянно меняются по мере изменения нашего положения, разных целей и возможностей созерцания. Гуссерль потом подробно отработает в феноменологии тему *профилей*. Эти и многие другие примеры¹ из ранних произведений Гуссерля показывают, как властно пробиваются тенденции, характерные для будущего феноменологического пути:

1) анализ генетических, Ur-sprung-структур сознания разрастается в *подробнейшие описания*, которым впоследствии в феноменологии будет неизменно уделяться специальное внимание;

2) эти, казалось бы, специальные и частные, отдельные разработки — скажем, подробное, по сути уже предфеноменологическое *описание восприятия звука, мелодии* (см. в книге Мюнха. S. 150–151 — с указанием на вызревание в этой ранней разработке теории целого и части, изложенной в «Логических исследованиях») — объективно представляют собой наброски будущей феноменологии, почему, собственно, последняя и оформляется так быстро (уже в канун нового, XX века).

Здесь же Мюнх вновь вполне уместно напоминает о том, что вообще совсем редко разбирается в нашей литературе о Гуссерле — например, о его разработках «Знаковой структуры интенции» (см. D. Münch. S. 152 и далее — также об объективной связи этих разработок с концепциями Соссюра и Якобсона). Мюнх, анализируя продолжение этого гуссерлевского текста, показывает: Гуссерль разбирает не только проблему созерцания, а рассматривает *репрезентацию в смысле понятия* (Ebenda. S. 160). К проблематике интенциональности тема *репрезентации* имеет вот какое отношение: Гуссерль и здесь, в данном шаге анализа созерцания, опирается на сам принцип интенциональности. Приводится пример — в нем опять фигурирует излю-

---

¹ Другой пример: скрупулезный разбор — в тексте «Anschauung und Repräsentation» (1893 г.) темы визуального созерцания вещи (die visuelle Dinganschauung) — с вовлечением в анализ фактора времени и его увязыванием опять-таки с факторами созерцания как нового *узнавания* вещи, а также с... «продолжающимся удовлетворением»! (D. Münch. Ebenda. S. 154–155).

бленный у Гуссерля *лев*. Видят льва и говорят: «это лев». Лев созерцается как этот лев, *Einzelding*, отдельная *вещь*. И тут пока нет, по Гуссерлю, репрезентации чего-то более общего. Затем следует описание возможностей *репрезентации* уже в восприятии, когда целенаправленно пользуются каким-то из рассматриваемых львов, чтобы как бы увидеть в данном животном не только и не столько конкретные черты (он сидит, стоит, он злой и т. д.), сколько особенности, *презентирующие вид данного животного*.

Иная стадия, по Гуссерлю, связана уже с понятием. «Понятие — в отличие от знаков — не есть нечто относящееся к чувственности». Равным образом [сами] понятия, по Гуссерлю, «не движутся в созерцаемом пространстве. Они скорее связаны со словами». Эта связь между понятием и словом проступает в такой гуссерлевской постановке вопроса: «Что имеет в виду понятийное слово, если оно функционирует как понятие?». Понятия, по Гуссерлю, несомненно, фундированы в созерцании. Но связь созерцания и понятия — несимметричная, так сказать, неравноправная: «Хотя есть созерцания, не сопровождаемые понятием, но нет понятий без созерцаний» (Ebenda. S. 161).

И вот что принципиально важно в обсуждаемом контексте: во время этой анализируемой у Гуссерля непростой связи различных моментов, аспектов, срезов сознания именно *интенция* становится своеобразным указателем на пути исследования. В иных словах: уже нигде и никогда (в интенциональном рассмотрении) сопоставление предмета и его какого-то выражения в сознании не берется как статичный и оторванный от целостности сознания момент, как бы вырезанный из непрестанной динамики и взятый в отвлечении от многообразия форм, структур, направленностей сознания.

Этот анализ не оторван от таких аспектов, которыми гордо пренебрегали *отвлеченная* гносеология или *чистая логика*, затем возводя — а la Фреге — свои отвлечения чуть ли не в ранг *законов природы*... В этом направлении и я развиваю свое понимание гуссерлианства.

Полагаю, и ранний Гуссерль — в соответствии с его новой моделью — как бы рекомендует единомышленникам (что осталось, разветвилось в более поздней феноменологии) делать разные соотношения несколько иначе, чем то было в классической философской мысли. Последняя тоже увязывала, как и Кант, аспекты, элементы чувственности со структурами

рассудка, а уже их — с понятиями, процедурами разума. Но у Гуссерля с раннего периода появились самые конкретные анализы сплетений чувственных и рациональных моментов, аспектов структур как раз в самом сознании, а не на *верхних этажах* теории. Разбирались у Гуссерля причудливые их синтезы и, соответственно, исследовательские повороты. Их тоже как бы диктовали все более усложнявшиеся, разветвляющиеся императивы принципа и теории интенциональности. Выявилось, как мы видели, начиная с ранних работ, а в особенности в более поздних произведениях, стремление Гуссерля переплетать, объединять, по-новому синтезировать во-первых, то, что в опыте наук Нового времени начало растекаться по обособляющимся гуманитарным дисциплинам. Во-вторых, в этих науках, по необходимости усваивавших свои отвлечения от эмпирии (в нашем случае — от конкретной жизни субъекта), Гуссерль тоже начал ощущать необходимость спуститься в сферу вненаучного опыта (потом он найдет для этого подходящий термин *жизненный мир*, специально исследовав и его специфику). Ранней находкой Гуссерля считаю его теоретическую потребность — через идею интенциональности — включить в орбиту философского анализа те измерения, которые как бы безвозвратно были отданы на откуп психологии или этике (и согласно Фреге, должны были уже навечно там оставаться).

* * *

Теперь — некоторые общие выводы, которые (разумеется, в моем понимании) могут быть сделаны из суммарного анализа книги Д. Мюнха и из целого ряда релевантных по тематике и сходных по оценкам наиболее глубоких, обстоятельных исследований — в свете теории интенциональности — работ раннего Гуссерля.

Сама идея интенциональности, с раннего периода принятая Гуссерлем за важный теоретико-методологический ориентир, пусть сразу и не вылилась — что случилось позже, в рамках его зрелых и поздних феноменологических исследований — в связную, глубокую, детально разработанную концепцию, но всё-таки задала саму направленность будущего развития и стала одним из теоретических моторов, двигавших к её созданию.

В частности, эта идея продвигала к разработке динамических, а не статичных моделей, а в потенции и к действительному *движению* в

направлении постижения жизнедеятельности сознания как многосторонней целостности, интенционально, т. е. тоже целенаправленно требующей совокупного постижения самых конкретных её, т. е. жизнедеятельности, форм и ступеней. А сама же эта концепция мною подробно охарактеризована в книге, посвященной «Идеям I». Соответственно мои собственные (отчасти согласующиеся с выводами Д. Мюнха) общие тезисы относительно сути и специфики идеи и теории интенциональности, как она заявлена уже в ранних сочинениях Гуссерля, сделаны в основном тексте упомянутой книги.

**2. Два противоположных движения (две тенденции)
в истории философии: к образу субъекта познания как субъекта
«чистого мышления» или к учету многих других
способностей и функций человека как субъекта**

Было бы соблазнительно, опираясь на формулы глубоко профессиональных историков философии, начертать хотя бы общие проблемные стрелы трансформации содержания исследований того поля, которое позднее закрепилось за термином *субъект познания*. Но вот беда: мировая философия древности или Средневековья в последние века, особенно к нашему столетию, подверглась достаточно искусственной и в то же время упорной *терминологической модернизации*. Читаешь историко-философские книги о Платоне, Аристотеле, средневековых авторах — и создается впечатление, что речь идёт не о мыслителях отдаленных от нас столетий, даже тысячелетий, а о философах... по крайней мере Нового времени или современности. А как было бы здорово, если бы именно узкие, т. е. высокопрофессиональные, глубоко причастные к подлинникам специалисты поведали, на каком именно языке, в каких своих словах и терминах сходное проблемное содержание (если оно вообще имело место!) было выражено в другие эпохи — соответственно, в философиях других цивилизаций. Или было бы показано, что интересующая нас проблематика в отдаленные века вообще не была найдена и исследована философией...

Поэтому, в частности, интересующую нас тенденцию не только выделять специальную тему субъекта познания, но приводить образ этого субъекта к *очищению*, акцентируя главным образом способность к *чистому мышлению*, я проясню лишь на достаточно позднем примере — взяв ее из выразительных размышлений И. Канта в «Критике чистого разума».

Имею в виду ту часть раздела «Трансцендентальная диалектика», где Кант обсуждает тенденции проблемного движения в так называемой *трансцендентальной психологии*.

Надо также пояснить: обозначение это, кажется, введено самим Кантом. Он имеет в виду уже в своем изложении тематически объединить, суммировать размышления разных философов (главным образом близких ему по времени), возникшие вокруг обобщенно взятой темы такого рода: «я мыслю». (Отвлечемся от того, как и почему Кант делает обобщающую форму «я мыслю», акцентируя и «я» и «мыслю», как бы единственным текстом такого постулированного им единства, как *рациональная психология*.)

В обсуждаемой здесь связи нам будет важен вот какой специальный аспект: Кант демонстрирует своеобразное и в самом деле происходившее в истории движение (размышлений и исследований) к обоснованию-очищению, ухватываемому следующей (тоже кантовской) схемой:

«1. я мыслю

2. как субъект

3. как простой субъект

4. как тождественный субъект

во всяком состоянии моего мышления»¹.

(И действительно, подобное движение выявляет также и реальную, и обобщенную логику движения философии в осмыслении субъекта познания, теоретическую *скобку*, которую Кант чисто условно именует *рациональной психологией*.)

---

¹ Здесь и далее идеи Канта воспроизводятся по текстам первого издания «Критики чистого разума» (в соответствии с международной пагинацией) — См.: И. Кант. Критика чистого разума / И Кант. Сочинения на немецком и русском языках. Отв. за издание Н. Мотрошилова и Б. Тушлинг. Т. 2(1). М., 2006. (С. 513 и др. — курсив Канта. — Н.М.).

В плане нашего размышления интересен вот какой момент: имеется в виду теоретически необходимое, по Канту, движение мысли к очищению от всего, что присуще *простому субъекту*, — к *тождественному субъекту во всяком состоянии моего мышления*. То, что было обрисовано Кантом как своего рода логическая необходимость в пределах, условно именуемых *рациональной психологией*, в известной степени и схематично действительно запечатлело черты трудного развития реальной истории философии (хотя оно бывает как бы смазанным упомянутой модернизирующей историей философии). Но, скажем, результатом развития философии классического немецкого идеализма и его ревальваций в новейшей и современной философии, действительно, стала такая теория субъекта познания, которая всё более и более отсекала от единства многообразных качеств, свойств, особенностей *простого* (т. е. реального, жизненного) субъекта познания всё, что не соответствовало образу и тенденции обретения *чистого* мышления. Как с этой моделью можно соотносить направленности движения учения Гуссерля, взятого в его динамике?

***Ранний Гуссерль и начавшийся пересмотр модели «чистого»,
только мыслящего, «разумного» субъекта***

В ранний период, когда (еще раз повторю, вчерашний математик) Гуссерль начал свое — достаточно быстрое, но и трудное — вхождение во врата профессиональной философии, в этой последней уже имело место неоднозначное отношение к моделям *чистого субъекта* немецкого классического идеализма.

Здесь нет места для выписывания конкретных оттенков содержания лозунгов «Назад к Канту», потом — «Назад к Гегелю». Но по крайней мере одно ясно: это *назад* отнюдь не означало действительного возврата к наиболее аутентичному изучению, постижению текстов Канта или Гегеля, а скорее предполагало включение в философию (всегда избирательное — по отношению к разным текстам) актуальных философских проблем (притом по-разному понимаемых и акцентируемых в разных школах неокантианства или неогегельянства).

Что касается раннего Гуссерля, то специальной темой последующих исследований феноменологии стало изучение по-своему актуального, именно *гуссерлевского* возвращения «Назад к Канту». О чем-то по-

добном применительно к ненавидимому им и им даже не изученному Гегелю Гуссерль даже и не помышлял. Он говорил: гегелевская философия отстоит «от нас» дальше, чем, скажем, философии древней Индии... (Впрочем, при конкретном разборе — в этой книге — «Философии арифметики» Гуссерля у нас были *объективные* поводы сопоставить, даже соотнести, если не увязать конкретные гегелевские и гуссерлевские гносеологические размышления.)

Вернемся к теме образов субъекта познания, постепенно сложившихся в (европейской философии) ко времени формирования Гуссерля, т. е. ко второй половине XIX века. В свете использования и дальнейшего развития Гуссерлем теории интенциональности вырисовывалась особая теоретическая тенденция, которая состоит в проблемно-методологическом *расширении* рамок и в известном проблемном обогащении новой концепции субъекта познания к концу XIX века. Если в немецком идеализме Нового времени имело место настойчивое очищение идеи и образа (гносеологического) субъекта, то тенденция, прослеживаемая и в ранней, и в поздней (феноменологической) теории Гуссерля, состояла, напротив, в проблемно-методологическом расширении, обогащении уже гуссерлевской теории субъекта. (Если бы было достаточно времени и лишнего книжного пространства, можно было бы описать сходные тенденции у мыслителей XIX—XX веков разных направлений. Скажем, в классической философии Маркса и последующих высококвалифицированных философов-марксистов были расширены рамки классической концепции субъекта и объекта познания под знаком разработки теории деятельности и активного подключения к философии социально-исторических измерений реальной человеческой деятельности (что нашло интересное и по-своему плодотворное продолжение в XX веке в концепциях социологии познания и знания).

Поскольку в данном разделе мы специально рассматриваем рано появившуюся своеобразную гуссерлевскую *интенциональную реформу* (одновременную, как было показано, самой уже более явной разработкой феноменологии), ближе очертим одну главную тенденцию соответствующих ранних *идей* Гуссерля. Она выразилась в (противоположном очищению) движении к методологическому расширению и обогащению традиционной модели субъекта познания. А эта тенденция (как будет показано на особых отдельных примерах) была

представлена учениями не только раннего, но и позднего Гуссерля, а также проявилась, как мы увидим, в ...сугубо современной феноменологии!

Конкретно она воплотилась в ряде расширяющих направлений:

а) Отдельные философы стали считать необходимым исследовать не только отличия деятельности рационально мыслящего, в том числе ориентированного на науку познающего субъекта, а также *субъекта свободы и этической ответственности*, но и с не меньшим правом выявлять специфику *иррационального*, страдающего, даже неадекватно действующего и мыслящего, например, психически больного субъекта.

б) Четко провозглашалось, что почетной темой феноменологии должны стать также и *переживания*, которые Гуссерль объявил *неинтенциональными* — ощущения боли, страдания. А они (по Мишелю Анри, например) должны быть изученными в их *страстно-страдательной* и в автоаффицирующей форме (т. е. в случае причинения человеком боли и страданий самому себе).

в) В более общем смысле: если классические теории познания (и субъекта) были нацелены (и это правда) главным образом на *здоровый порядок, упорядочивание*, словом, на *рациональное*, то в разных философских (и художественных, относимых к искусству), именно в новых, современных размышлениях (даже разработанных концепциях) стали отстаивать (по крайней мере равные, а нередко и преимущественные) *права на изучение "иррациональных", даже болезненных, патологических форм, реакций, способов жизни и поведения*. Применительно к проблемам субъекта и субъективности эти тенденции могут быть суммарно охвачены заголовком статьи французского феноменолога Р. Бернета «Травмированный субъект». (А ведь этот автор — президент архива Гуссерля в Лувене, редактор серии изданий Гуссерлианы, профессор Лувенского университета.) Бернет, досконально исследуя и презентуя тексты Э. Левинаса, часто цитируя его, показывает: уже у этого классического для XX века феноменологического автора акцентированы вот какие темы: «субъективность чувственности как воплощение безвозвратной покинутости...» или вводятся такие более дробные различения: «субъект, который отвечает на травму, и субъект, который ей сопротивляется» [(Пост)феноменология... с. 140].

Надо учесть и многое другое, уже из новейшей феноменологии — по той же схеме интенциональности, взятой с противоположными классике, как правило, негативными, также и (психо)-патологическими знаками... Не только некоторые кондовые авторы-идеологи советского времени не преминули обличить подобные философские тенденции как проявления *буржуазной философии страха и отчаяния*. В описаниях феноменологии авторов другого направления, склонных серьезно анализировать феноменологию Гуссерля, можно было обнаружить сугубо рационалистический, пуристский подход к тому, что вообще-то правильно считалось отклонениями от классического рационализма... Сегодня, в один из самых опасных, глубоко кризисных этапов мировой цивилизации, нельзя не признать внимание к негативно-кризисным обострениям — как в общеисторическом развитии, так и в бытии отдельных личностей — достойными исследования сторонами жизнедеятельности отдельных субъектов познания и действия.

Неортодоксально акцентируя (находя их у Гегеля, и у его современных последователей и критиков) новые акценты и устремления к более широкому включению — уже в современную феноменологию — необычных акцентов, новые авторы не отрицают, кстати, связей с традициями философии, которые и в этих случаях сохраняются и оживляются.

Новые авторы, как и классики феноменологии XX века, вовсе не пренебрегают возможностями усмотреть подобные уклоны как и в более ранних философских концепциях, так и в некоторых, признаваемых необычными, оттенках исследований самого Гуссерля. (Пример — необычный анализ у М. Ришира необычных же, с его точки зрения, гуссерлевских вкраплений в исследовании фантазии в лекциях из курса «Первая философия¹».)

Заговорив здесь, как о примерах, о работах не только уже ставших классическими (как Левинас или Мерло-Понти), но и *новых*, хотя достаточно известных к нашему времени — французских феноменологов, мы имеем возможность более подробно использовать материал одной из лучших недавних книг, вышедших в России.

---

¹ См. перевод статьи Марка Ришира в книге «(Пост)феноменология...» (С. 213).

3. Case study: О современном расширении диапазона феноменологических исследований проблем интенциональности — по книге «(Пост)феноменология.

Новая феноменология во Франции и за её пределами»

Проанализированная в предшествующих разделах *Приложений* тенденция, связанная с существенным расширением — и, как мы установили, уже в ранних, второй половины 90-х годов XIX века текстах Гуссерля — диапазона и характера исследований интенциональности находит своё весьма интересное, впечатляющее продолжение и в вариантах учений, и в дискуссиях феноменологов XX и XXI веков.

Сетуя на то, что все равно в отечественных работах по феноменологии почти полностью обойдены вниманием ранние тексты Гуссерля, я уже отмечала, что в целом считаю достаточно развитыми, добротными многие российские исследования феноменологии (как они выглядят к настоящему времени). Их оправданно считать объективно заметной частью мировой феноменологии. Другое дело, что *мировая феноменология* этот факт, увы, почти что не замечает...

В последние пару десятилетий в строй отечественных знатоков феноменологии влились теперь уже известные молодые ученые. К их числу принадлежат издатели-составители (также и авторы *Предисловий*) названной в заголовке книги А. Ямпольская, С. Шолохова, а также молодой, но уже заслуживший признание Г.И. Чернавин (автор с интернациональным образованием).

В частности, их стараниями обогатились отечественные работы именно о французской феноменологии XX и XXI веков — весьма своеобразного ответвления феноменологического движения.

Создатели книги при этом добросовестно отмечают поистине фундаментальный вклад отечественной исследовательницы И.С. Вдовиной (и руководимой ею группы ИФ РАН) в кропотливое и последовательное изучение именно французских феноменологических традиций. Эта работа наших философов рано началась и продолжается, к счастью, до сей поры. Систематическими и по-своему классическими остаются исследования И. Вдовиной и её группы фундаментальных работ классика французской и мировой, конечно, философии П. Рикёра. Они всегда включали осмысление и развитие им феноменоло-

гических традиций — в плодотворном, длительном сотрудничестве наших философов с самим этим ярким классиком философии XX века. (Они отчасти вовлекали в эту работу также и меня, почему я считала и считаю обращение к феноменологическим и цивилизационным аспектам учения П. Рикера, как и личное знакомство с этим выдающимся человеком, настоящим везением.)

Тщательными, глубокими были исследования И.С. Вдовиной философии Э. Левинаса и других французских феноменологов. Работа И.С. Вдовиной «Феноменология во Франции (обзор французской литературы 70-х годов)» вышла уже в 1977 году; работа продолжилась в XXI веке (см. книгу: *Вдовина И.С. Феноменология во Франции. Историко-философские очерки.* М.: Канон+, 2009).

Анализируемая книга «(ПОСТ)феноменология...», на мой взгляд, успешно продолжает далее традиции мировых и отечественных исследований феноменологии вообще, французской феноменологии, в частности.

Я не собираюсь ни рецензировать, ни сколько-нибудь полно презентировать содержание книги в целом. Здесь для своих целей выберу лишь те переводы, дискуссии, которые относятся, во-первых, к темам теории интенциональности и которые, во-вторых, акцентируют «неклассичность», новаторство и гуссерлевских подходов и, в-третьих, сами намечают уже «негуссерлевские», новые и для XX века перспективы в трактовке темы интенциональности.

Поскольку сама книга (которая здесь вовлечена всё же в контекст *моего* рассмотрения) в распоряжении читателей, позволю себе далее сделать канвой всего анализа продолжение предшествующих моих рассуждений об оригинальности уже и ранней концепции интенциональности Гуссерля, о её необычных поворотах и акцентах.

* * *

В *Предисловии* к переводу статьи Э. Левинаса «Заметки о смысле» А. Ямпольская уместно напоминает о близости Э. Левинаса русскому читателю — о том, в частности, сколь родной ему была русская литература и поэзия. Могу подтвердить это: нам — мне и моему мужу Ю.А. Замошкину — довелось познакомиться и поговорить с Э. Левинасом на одном из зарубежных конгрессов. Левинас (выходец из русскоязычной семьи), в частности, рассказал нам, что даже на сон гря-

душий имеет обыкновение читать Пушкина или Лермонтова — он процитировал, в частности, «Песнь о вешем Олеге»... Говорили мы по-русски. Впечатления были сильными — из тех, о которых не забывают.

А. Ямпольская в своем *Предисловии* к переводу статьи Э. Левинаса «Заметки о смысле» справедливо отмечает — имея в виду тему Я как субъекта познания, что у Левинаса «Я перестает быть субъектом мышления и свободы и становится субъектом ответственности — ответственности за всё и вся, превосходящей разделение на то, что может быть Я вменено и что не может. Я — ответчик, Я — обвиняемый; пусть я ни в чем не виновен, но все равно я обязан ответить другому на его просьбу и мольбу, я должен отвечать перед другим и за другого»¹.

Хотела бы здесь высказать свое критическое мнение относительно того обсуждаемого здесь акцента, который является как бы частным, но для обсуждаемой темы принципиально важным. Считаю, что у Левинаса и других французских авторов-феноменологов *субъект все же не «перестает быть субъектом мышления и свободы»* — пусть нельзя не согласиться с утверждением об особом акцентировании ими аспекта принципа “ответственности за всё и вся” как фундаментальной характеристики субъекта действия и познания.

Вместе с тем полностью согласно с подходом, согласно которому именно Э. Левинас рассматривается как один из тех авторитетнейших авторов XX века, кто заметил и акцентировал *расширение у Гуссерля рамок теории интенциональности*, а через неё — и классической концепции субъекта познания.

Приведу ясную и яркую цитату как раз из статьи «Заметки о смысле» Левинаса, переведенной для рассматриваемой книги: «У Гуссерля “смыслонаделение”, выстроенное как знание, понимается как “воля-так-или-иначе-подойти-к тому-или-к-этому”, а рефлексия над этой мыслью должна показать, *куда* эта мысль *хочет прийти* и *каким именно образом*. Итак, интенциональность — интенция души, спонтанность, *воля*, а сам приданный *смысл* оказывается некоторым образом *желаемым* (voulu); способ, которым сущие или их бытие выказывают себя

---

¹ (ПОСТ)феноменология. Новая феноменология во Франции и за её пределами. М.: «Академический проект», «Гаудеамус»; 2014, с. 14 (далее эта книга цитируется с указанием страниц в моем тексте).

познающему мышлению, соответствует способу, которым сознание “хочет” (*veut*) выказать это посредством воли или интенции, одушевляющий знание (здесь уместно приводится гуссерлевское “*hinauswillt*”, т. е. *волит* “выйти за пределы”, отнесенное к интенциональности) — когнитивная интенция есть, таким образом, свободный акт. Душа “аффицирована, она вновь овладевает собой, принимая данное согласно своей собственной интенции» (Ebenda. S. 20; курсив Левинаса, разрядка моя. — Н.М.). И далее следует совершенно оправданное уточнение Левинаса: пусть при какой-то сильной интенции «душа» (пришлось ведь это почти что вытесненное рационализмом стародавнее понятие) всё же вклинивается и сказывается, но нигде не превосходит интенцию (скажем, *желание* не играет знанием...).

Здесь верно обрисовывается и «расширение» — в гуссерлевской теории — принимаемых философской классикой чисто рационалистических рамок теории субъекта и все же строго подчиненных уже комплексно понимаемой интенциональности смысла всех подобных рассуждений.

Вообще же в гуссерлевской теории интенциональности (и уже начиная с ранних её вариантов) имеются, по моему мнению, две стороны. С одной стороны сохранялись (в отдельных ракурсах) тенденции *очищающего* движения именно к мыслящему человеку, притом мыслящему свободно и ответственно. Во-первых, ещё сильнее проявилось более трезвое, близкое к жизни осознание неснимаемой целостности, полноты этого в принципе совокупного движения (например, неотделимости познания от воли, хотя бы от *воли к мысли* и от других моментов, которые традиционно рассматривались под знаком понятия *души*).

Во-вторых, в философии, интенционально ориентированной, были выражены обоснованные сомнения по поводу применения таких теоретических (*чистых*) моделей к многомерному, *сплавленному* реальному познавательному процессу¹.

Теперь надо специально остановиться на моментах именно *французской специфики* применительно к анализируемому материалу.

* * *

---

¹ В рамках предпринимаемого проблемного рассмотрения вообще никак нельзя забывать о *тех уточнениях к историко-философскому* рассмотрению самой теории субъекта познания, которые обобщенно рассматриваются в предшествующем тексте нашего *Приложения*.

В начале своей статьи «Картезианские “медитации” Гуссерля и “Картезианские размышления” Мамардашвили» я писала, в частности о том, какое значение (и для Гуссерля, и для Мераба Мамардашвили) имело реальное *вчувствование*, иначе и не скажешь, именно во французское культурное и философское начало. И цитировала в высшей степени важное экзистенциальное суждение М. Мамардашвили о Картезиевых текстах: «Они выражают реальный медиативный опыт, проделанный им с абсолютным ощущением, что на кон поставлена жизнь, и она зависит от разрешения движения его мысли и духовных состояний, метафизического томления. И все это, подчеркиваю, ценою жизни и поиска Декартом воли (как говорили в старину, *имея в виду свободу, но с более богатыми оттенками этого слова* и покоя души, разрешения томления в состояние высшей радости). Ибо что может быть выше?!»¹. Уместно было напомнить, что и сам Гуссерль писал текст своих лекций, прочитанных 23 и 25 февраля 1929 года в Сорбонне, в Амфитеатре Декарта «споро, с лихорадочной быстротой, словно бы в трансе», как свидетельствовал исследователь феноменологии Ст. Штрассер².

В целом же (как это хорошо видно из разных материалов обсуждаемой книги), французские феноменологи, в чем сказалось и их внимательно-сочувственное отношение также к феноменологическому вкладу Хайдеггера, охотно принимали во внимание — и сами предпринимали — различные попытки *расширения поля феноменологического опыта и исследования* как раз в сторону учета жизненно важных, экзистенциальных, а также в широком смысле бытийственных мотивов. Здесь особенно важна обсуждаемая у А. Ямпольской тема ответственности и вины. Показано: субъект, человеческий индивид, с самого начала берется и трактуется не просто как *Homo sapiens* (т. е. человек, так или иначе наделенный свойствами *разумности*), но и как существо, способное ко многим противоречивым, в том числе совсем неразумным — даже и безумным — действиям и мыслям.

Французские философы XX и XXI веков, с разных сторон акцентирующие отклонения — не то чтобы от классической модели субъекта познания, но во всяком случае от её схематического, ходячего изображения — осуществили и в феноменологии четкий сдвиг интереса

¹ Мамардашвили М. Картезианские размышления. М., 1993. С. 9.

² *Husserliana*. Den Haag, 1950. Bd. I. S. XXIII.

к неклассическим моделям. А для них не только субъект мысли, но и субъект безмыслия, даже человек безумный, и не только субъект научного познания, но и субъект антинаучного мракобесия, не только творческий субъект культуры, но и субъект её невольного и даже намеренного разрушения, не только человек цивилизации, но и субъект нового варварства — словом, все ипостаси индивидуально-субъективного жизнедействия сделались как бы равноправными областями философского размышления, изучения, обобщения. Эти преобразования классического в постнеклассическое философствование имели место, разумеется, не только во Франции, но как раз во французской литературе (в частности, в философской) получили, возможно, наиболее яркое воплощение.

Для меня обсуждаемая книга о французской постфеноменологии ценна целым рядом документальных подтверждений тому, как широко, разнопланово можно подходить к трактовке интенциональности. Сначала с учетом того, как её — в новом, более широком плане — развёл уже ранний, тем более поздний Гуссерль. Рассмотрим отдельные черты, направления такого движения.

1) Так, уже родоначальник феноменологии инициировал исследования «живой телесности» (Leib). Левинас же сфантазировал как бы целый философский фильм-рассказ — в дополнение к как будто абстрактной гуссерлевской теме *данности* (Gegebenheit). Он подразумевал интеллектуальные кадры символического удержания, просто-таки «ухватывания рукой» (!) — Dasein и его данностей. (К слову, сколь мешало бы здесь использование библихинского неудачного перевода словом *присутствия* объемного, наполненного разными оттенками хайдеггеровского Dasein... Особенно неуместным представляется употребление одномерного слова «присутствие» даже и в переводе французских текстов. Тогда создается нелепая ситуация: читатели, не знающие об истории перевода хайдеггеровского “Dasein” русским словом *присутствие*, совсем иным по значению, наверняка будут совсем сбиты с толку...)

2) К теме Другого и его инаковости, как она включена в классическую феноменологическую теорию интенциональности (и впоследствии могла быть из нее вычленена), у Левинаса есть существенное возражение. «Мы хотели бы выступить против этой концепции отно-

шения к Другому не только потому, что она упорствует в мышлении отношения к Другому в терминах непрямого знания... потому, что она мыслит отношение к Другому именно в терминах знания... Не хватает именно неразличимой инаковости Другого» (Цит. произв. С. 27).

Размышление Левинаса в этом случае как бы скользит между непривычными для классических теорий взаимодействия людей постулатами — между предположением, что «лик Другого человека соблазняет меня его убить (!) и что одновременно лик есть [заповедь] “не убий”, которая уже меня обвиняет, подозревает и мне запрещает...”» (Там же, с. 28).

3) Левинас акцентирует, скажем, и такой характерный момент: если раскручивать в исследовании интенциональности тему разных, а не только чисто мыслительных способностей человека, то надо принять во внимание (что, правда, отчасти имеет место уже у Гуссерля) всю широту жизненных возможностей человека.

Предоставлю слово Э. Левинасу, с полным основанием опирающемуся на идеи Гуссерля — с намерением и истолковать, и существенно расширить далее рамки и горизонты гуссерлевской уже обновленной теории интенциональности. У Гуссерля, согласно Левинасу, вспомним, интенциональность понимается как интенция души (а не только ума. — *Н.М.*), как *спонтанность*, воля (а не только как разумность). К такого рода пассажам у этого автора следуют интереснейшие и ценные дополнения (например, рассмотрение, в стиле расширенной концепции интенциональности, понятия восприятия (скажем, процесса “с-хватывания-*com-prendre*, по-нимания), включения понятийных структур, а также акцентирования — с опорой на Хайдеггера — бытийных, *Dasein*-аспектов.

Другие повороты левинасовского анализа тоже любопытны и (насколько я могу судить на основании учета гуссерлевских разработок и раннего, и позднего периодов) вполне соразмерны сути гуссерлевских именно интенциональных поисков.

Но Э. Левинас намечает и характер движения мысли «по ту сторону интенциональности» (так называется 3-я часть его анализируемого текста), где интересно разбираются теологические, в целом, толкования тех же (или сходных) структур и процессов. Этот небезынтересный аспект мы здесь оставим в стороне.

* * *

Очень кратко отзовусь на ту вообще-то очень интересную и действительно новую подтему, которая в разбираемой книге анализируется на примере перевода и анализа статьи французского автора Мишеля Анри (1922–2002) под названием «Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего» (тоже с кратким, но прекрасным, емким по смыслу предисловием А. Ямпольской, считающей эту позднюю статью Анри «программной» для его концепции.) Впрочем, к феноменологии Э. Гуссерля, в частности и особенно к его пониманию интенциональности, М. Анри относится резко критически, обвиняя родоначальника феноменологии в «утрате данности», в «отчуждении являющегося» (*Erscheinende*) от самого явления» (Ebenda, с. 40). Упрек гуссерлевской феноменологии в том, что она не вырывается за пределы сознания (с гуссерлевским приматом созерцания) делался не раз — впрочем, сходным было обвинение в адрес Канта, что он не *выбирается* за пределы сознания¹.

Применительно к *классическим* — гуссерлевским текстам М. Анри, впрочем, вполне ожидаемо... ревалютирует идеи родоначальника феноменологии о «самообнаружении Я» через ощущения боли, страданий или, напротив, через порывы радости. Их М. Анри считает «примерами аффицированности Я самим собой» (Ebenda. S. 42).

Более подробно суть *неинтенциональной феноменологии* — с претенциозной идеей создать *феноменологию будущего* — проясняется из упомянутого предисловия А. Ямпольской и из самой переведенной ею статьи М. Анри. (Не могу судить о точности перевода, поскольку сама его не сверяла. Но я по опыту знаю, что работе такого специалиста, как А. Ямпольская, можно доверять.) Я не знаток творчества М. Анри, потому и не берусь судить о нем как авторе, претендующем на построение *феноменологии будущего*!

И все же некоторые свои недоумения осмелюсь выразить. Не могу согласиться с М. Анри в том, что гуссерлевские (и его сторонников)

---

¹ Проблемы этого рода — специфические и сложные, так что подробно разбирать их здесь невозможно. Достаточно, впрочем, отметить, что Кант отвечает на подобные обвинения, тем, что усугубляет свою позицию принципиальным, что ли, трансценденциализмом: и не надо человеку и человечеству пытаться целиком «выйти за пределы» сознания, ибо это принципиально и навсегда, заведомо, невозможно.

разработки интенциональности, во-первых, якобы вообще «оставили без ответа» «вопрос о том, что же в конечном итоге делает интенциональность возможной». И, во-вторых, не разделяю уверенности М. Анри в том, что следует обосновывать «интенциональность» главным образом или исключительно «тем, что ей предшествует», т. е. погружая исследования в ту стихию, где господствует еще неинтенциональное (названные ощущения боли и страдания). Говоря об этих сомнениях, не могу разбирать проект *неинтенциональной феноменологии* подробнее. Вместе с тем само стремление усилить, расширить как специфическое и возможное направление *феноменологию жизни* нахожу интересным и перспективным. К тому же расширение (уже у раннего Гуссерля) границ теории интенциональности за границы как бы чистой, сконцентрированной только на *высших* этажах познания, считаю вполне полезной тенденцией. Также и сам призыв М. Анри учесть в концепции интенциональности социальную практику (например, вслед за Марксом) в целом обоснован. Поддерживаю в целом идею М. Анри о том, что и в этих исторически обусловленных сферах жизнедеятельности надо учитывать «неясный жизненный путь нужды и поступка» (Ebenda. S. 55), понимая, в общей форме, что «интенциональность возможна только как интенциональная жизнь» (Ebenda. С. 56). (Впрочем, сам М. Анри в этой своей статье объективно признает, что для такой исследовательской программы «на сегодняшний день мы обладаем лишь обрывочными указаниями и смутными интуициями...» — Ebenda. С. 57).

Гораздо более надежными мне представляются запечатленные в анализируемой книге материалы Жана-Люка Мариона — из перевода его статьи «Насыщенный феномен» (с ценным предисловием С.А. Шолоховой). О моих впечатлениях от ознакомления с этой работой скажу лишь очень кратко (снова с извинением, что не располагаю более специальными знаниями работ этого автора).

Во-первых, привлекают отсылки автора к кантовским, лейбницевским мыслительным образцам, поскольку они, по мнению Ж.-Л. Мариона, философски обосновывают саму возможность выделения *феноменов* и, следовательно, оправданность обращения к ним. Ж.-Л. Марион, следуя зрелым текстам Гуссерля, даже формулирует своего рода *принцип всех принципов* как [далее цитируется Гуссерль] «...

правовой источник познания», в результате действия которого, как считает родоначальник феноменологии, «всё, что предлагается нам в интуиции [исходящей] из самого первоисточника <...>, нужно принимать таким, каким оно себя дает, но и только в тех рамках, в каких оно себя дает» (цитировано по Гуссерлю, книге I «Идей к чистой феноменологии». S. 52 — перевод слегка отредактирован. — Н.М.)

Специфическую терминологию (она есть у Гуссерля, её с доверием воспроизводит и Марион) насчет *правового источника познания* не следует понимать в собственно-юридическом смысле. Речь идет, скорее, о *философски обосновываемом праве* мыслителя полагаться на созерцание (Anschauung) как «первоисточник» и познания, и собственно феноменологической концепции. (Здесь, в отличие от подхода М. Анри, у Ж.-Л. Мариона осуществляется обосновывание и роли феномена, и его, так сказать, философской надежности. При этом уместно указание автора на понимание у Хайдеггера феномена как само-по-себе-и-из-себя-показывающее (с дальнейшим удовлетворительным раскрытием — с. 67 и далее — разных сторон этой проблемы, действительно важной для феноменологии Гуссерля и феноменологии как таковой, но и с хорошим разбором того, почему здесь также имеется некоторая нехватка, т. е. непроясненность многих неизбежно появляющихся вопросов, а также невозможности все их уловить и снять — с сегодня на завтра — в более или менее глубоком теоретическом постижении).

Другие интереснейшие аспекты статьи Мариона (например, правомерное — и яркое — вклинивание сопоставления идей Канта и Гуссерля по проблеме созерцания — с. 74 и далее, или самокритичное признание невозможности выдержать подход именно к излюбленной теме “насыщенного феномена”) приходится оставить без комментариев.

Исключительно интересные и актуальные переводы (и толкования издателей), помещенные в рассматриваемой книге, — это в целом удивительно своевременный для отечественного контекста, в частности, для целей исследуемых в моей книге процессов, демонстрирующих постоянные расширения и границ феноменологии вообще, и преобразующее расширение теории интенциональности, презентированные и обсужденные новейшие французские концепции, в высшей степени результативны и показательны. Ибо и они в целом подтверж-

дают такой общий вывод: расширение рамок и классических философских интенциональных поисков, и также богатейших гуссерлевских (причем как поздних, *так и ранних*) разработок — это теоретическая, шире, духовная тенденция, действующая до сего дня и, по многим основаниям, обещающая проявить свое действие и в будущем.

Motroshilova N.V.

Edmund Husserl's early philosophy (Halle, 1887–1901).

This study of Edmund Husserl's early philosophy is aimed at removing the complete blank spot in knowledge of this thinker's heritage in Russia. It includes analysis of socio-historical situation in Germany of the last decades of the 19th century, i.e. that specific ambience where E. Husserl was making his hard way from mathematics to philosophy. The author traces the main lines of his spiritual, philosophical development and his activity in Halle-Wittenberg University, as well as interaction in the academic and philosophical community.

The central place in the book is given to study of still only one in phenomenological literature comprehensive textological investigation of *Philosophy of Arithmetic*, Husserl's first considerable book (never translated into Russian). Special attention is paid to the earliest signs of Husserl's forthcoming phenomenological ideas.

For the first time in Russian literature does the author introduce Husserl's manuscripts prepared for the volume 2 of *Philosophy of Arithmetic*, which were published in *Husserliana* only in the second half of the 20th century.

The subject of the book is taken and considered in its integrity, which allows the author to connect initial studies of development of Husserl's ideas with still not completely clear, but already perceptible contours of his future phenomenology, its potential, realized by Husserl and his followers, who turned phenomenology into one of the most powerful philosophical trends of the 20th century.

The complicated material of the book is transformed into transparent, easily understood and captivating narrative, which, undoubtedly, would enlarge the circle of its readers.

CONTENTS

What this book is about and to whom addressed.....	13
Preface	16
Introduction.....	20
Sources	27
PART I	
Husserl in Halle	31
Chapter 1. Town and university: pages of history and the end of the 19th century	33
§ 1. Traditions of spirit and culture in the town of Halle.....	43
§ 2. Halle-Wittenberg University	46
Chapter 2. E. Husserl's research and pedagogical activity in Halle	56
Prologue: In the beginning was Franz Brentano	56
§ 1. Husserl's nostrification, habilitation in Halle	63
§ 2. Husserl's teaching activity in Halle. Hard way to recognition	68
§ 3. Road to Calvary	76
§ 4. Estimations of Husserl's activity in Halle	81
§ 5. The principal result of the stay in Halle: phenomenology – “an unexpected and uninvited guest” (Husserl)	85
PART II	
Philosophers of the older generation in Halle-Wittenberg University	89
Chapter 1. Rudolph Haym.....	91
Chapter 2. Husserl and Neo-Kantians in Halle University. Benno Erdmann.....	99
Benno Erdmann's contribution to the history of Kantian studies.....	106
Chapter 3. H. Vaihinger and early Husserl: an experience of an investigation not entirely ordinary	111
PART III	
Ideas and authors who most influence early Husserl	129
Chapter 1. Franz Brentano and early E. Husserl. Statement of the problem, difficulties in its solving	131
§ 1. The idea of “empirical psychology” in Brentano's works and its reflection in Philosophy of Arithmetic	135
§ 2. The problem of “psychical phenomena” and the theme of intentionality in Brentano's works: discoveries and difficulties.....	138
Chapter 2. Carl Stumpf and Edmund Husserl.....	150
§ 1. C. Stumpf on spatial conceptions	153
§ 2. Stumpf's approach to Kantian theory of subjective forms of sensibility ...	156

§ 3. Investigation of notions as acts of conscience.....	159
§ 4. “Self-dependent” and “not self-dependent” notions.....	163
§ 5. Importance of the book <i>Psychology as Science</i> by C. Stumpf for Husserl’s early philosophy	165

Chapter 3. B. Bolzano’s main ideas: suggestions

and notions “as themselves”	181
§ 1. “Suggestions (statements) as themselves” (Sätze an sich)	185
§ 2. “Notions as themselves” in B. Bolzano’s works	188

Chapter 4. G. Cantor and E. Husserl: interaction of ideas .....

§ 1. Life and works of G. Cantor	193
§ 2. Philosophical orientation of G. Cantor’s mathematical investigations	205

PART IV

Textological analysis of the ideas of Philosophy of Arithmetic .....

Husserl’s general intention (Preface)	219
Introduction to Philosophy of Arithmetic: structure of notions	226
1. The notion of number between notions of natural number and plurality (Philosophy of Arithmetic, chapter I)	234
2. Time, space, synthesis and the notion of number (Philosophy of Arithmetic, chapter II)	244
Time and number: brief dispute with Kant	253
Husserl’s controversies with F.A. Lange	255
Notions of space and notions of time	256
The problem of synthesis	262
Search of distinctions and identity – is their role in forming the notion of number decisive?	269
3. Relations, “physical” and “psychic” phenomena (Philosophy of Arithmetic, chapter III)	282
Resumé to chapter III	299
4. “Something”, “One”, “Multiple” (Philosophy of Arithmetic, chapter IV)	308
“Something” (Etwas) and “One” (Eins)	312
5. Philosophy of Arithmetic, chapter V and VI	319
6. The theme of “equivalence” and values of cardinal number (Philosophy of Arithmetic, chapter VII. Beginning of the dispute with G. Frege	325
7. Husserl’s invasion into historic-philosophical, logical and historic-mathematical discussions (Philosophy of Arithmetic, chapter VIII)	339
8. “Meaning of statements on numbers” (Philosophy of Arithmetic, chapter IX)	349

9. “Numeric operations and numeric notions” (Philosophy of Arithmetic, chapter X).....	354
10. The idea of “symbolic notions” in Husserl’s early conception (Philosophy of Arithmetic, chapter XI)	360
11. Symbolic notions of numbers (Philosophy of Arithmetic, chapter XII)	372
12. Numeric systems	378
13. “Logical sources of arithmetic” (Philosophy of Arithmetic, chapter XIII)	382
 PART V	
After Philosophy of Arithmetic. Resposes.....	387
§ 1. Frege’s review of Husserl’s Philosophy of Arithmetic	389
§ 2. Husserl’s creative work after publication of Philosophy of Arithmetic, volume 1 (facts and evidences)	396
Prolongation of investigations on the philosophy of mathematics	396
Investigations on psychology	397
§ 3. Materials for Philosophy of Arithmetic, volume 2 – general definitions and principles (Husserliana, volume XXI)	399
§ 4. Individual facts of Husserl’s activity (after 1887) in Halle (according to: Karl Schumann. Husserl-Chronik. Denk – und Lebensweg Edmund Husserls. – Husserliana. Dokumente. Bd. I Den Haag. Martinus Nijhoff. 1977)	405
§ 5. Case study: E. Husserl’s on the history of philosophy (1887 – 1888)	410
§ 6. The most important Husserl’s early works and ideas (on publications and manuscripts in Husserliana, volumes XXI – XXII).....	416
6.1. E. Husserl’s early interest to semiotics.....	416
6.2. Husserl’s works on logic of the middle and end of the 1890s	419
6.3. On E. Husserl’s manuscript. “Intentional objects” (text 1894)	439
<i>To the history of the text</i>	439
<i>Afterword to E. Husserl’s manuscript on intentional objects</i>	465
<i>Husserl’s mature theory of intentionality and Husserl’s early projects</i>	472
 CONCLUSION I	
Ambivalence of the author’s self-estimations and the researchers’ long negativism toward Philosophy of Arithmetic	477
 CONCLUSION II	
To the question of proportion of logical, philosophical and psychological approaches in Philosophy of Arithmetic	486

CONCLUSION III

Husserl's early conception, its connection with philosophy	508
--	-----

CONCLUSION IV

Earl Husserl: discovery-presentiment of the "unexplicably alien" phenomenological world (hypothesis).....	516
--	-----

SUPPLEMENTS

Supplement to Part I. Case Study: Spirituskreis	525
Supplements to Part II	538
1. Excursus to the history of mathematics of the 2nd half of the 19th century in its correlation with Husserl's early philosophy	538
<i>Advance notice</i>	538
<i>Influence of C. Gauß's ideas</i>	540
<i>K. Weierstraß and the theory of numbers</i>	542
<i>The theme of "analysis". Weierstraß and Husserl</i>	544
<i>R. Dedekind's contribution to the theory of numbers.</i> <i>Dedekind and Husserl</i>	550
2. Excursus to the history of philosophy and psychology of the late 19th – 10th centuries	553
1. <i>Wilhelm Wundt (1832 – 1920)</i>	553
2. <i>Rudolf Hermann Lotze (1817–1881)</i>	562
<i>H. Lotze on Plato and "Platonism"</i>	574
<i>Conclusion</i>	577
3. Excursus. The most important contemporary studies of early Husserl's philosophy of mathematics	578
<i>Roger Schmit</i>	578
<i>Theodore de Boer on Husserl's Philosophy of Arithmetic</i>	584
Supplements to Part V	
To the analysis of Husserl's early ideas of intentionality.....	587
1. Dieter Münch on investigation of intentional objects	587
<i>Specificity of understanding of intentionality in early Husserl's works</i>	595
2. Two opposite movements (two tendencies) in the history of philosophy: to the image of subject of cognition as a subject of "pure thinking" or to consideration of many other abilities and functions of man as a subject	602
<i>Early Husserl and starting reconsideration of the model of "pure", only thinking, "reasonable subject</i>	604
3. Case study: On contemporary broadening of the scale of phenomenological investigations of the intentionality problems – according to the book (Post)phenomenology. New phenomenology in France and abroad	608

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Мотрошилова Неля Васильевна

Ранняя философия Эдмунда Гуссерля
(Галле, 1887–1901 годы)

Неля Васильевна Мотрошилова – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской Академии наук. Автор более 20 монографий, многочисленных статей, ответственный редактор и автор большинства разделов 4-х томного учебника «История философии. Россия-Запад-Восток» (М., 1994–1999, 2-е издание — М., 2011).

Совместно с Б. Тушлингом (Марбург), (в последнее время) с Алексеем Кругловым издает в качестве ответственного редактора двуязычное собрание сочинений И. Канта с параллельными немецким и русским текстами, с обширными историко-философскими и терминологическими разъяснениями. (К настоящему времени издано 5 томов в 7 книгах).

Н.В. Мотрошилова (начиная со студенческих лет) исследует феноменологию Э. Гуссерля и его последователей. Ею опубликованы: фундаментальная монография «“Идеи I” Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию» (М., 2003, 716 с.), многочисленные разделы книг, учебников и статьи о философии Гуссерля. Статьи, опубликованные ею в XXI веке, посвящены мало изученным проблемам «жизненного мира» (Lebenswelt) и главным идеям гуссерлевского последнего большого труда «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология».

Другие сочинения Н.В. Мотрошиловой, тоже многочисленные, посвящены философии Канта, Гегеля, истории философии XVII–XVIII веков, русской философии (монография «Мыслители России и философия Запада» М., 2007), западной философии XX–XXI веков, актуальной методологической проблематике истории философии.